ФИЛИП ХОСЕ ФАРМЕР

ДРЕВНЯЯ АФРИКА

ФИЛИП ХОСЕ ФАРМЕР

ДРЕВНЯЯ АФРИКА

ДРЕВНЯЯ АФРИКА

Хэдон из Древнего Опара
Бегство в Опар

АЙРОНКАСТЛ

(По мотивам романа Ж.Рони-ст.)

СИЛЬВЕР ГРЕЙХАРТ

ФИЛИП ХОСЕ

ФАРМЕР

ДРЕВНЯЯ АФРИКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

ББК 84 (7 Сое)-44
Ф 24

Составитель А.Лидин

В книге использованы иллюстрации
Роя Кренкеля и Ника Кити

Ф 24

Филип Хозе Фармер.
Древняя Африка. — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2017. — 832 с. — (Приключения). Тираж 30 экз.
ISBN 978-5-93835-626-9

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

ISBN 978-5-93835-626-9

© Перевод
ООО «Издательство «Северо-Запад», 2017

© Оформление
ООО «Издательство «Северо-Запад», 2017

ДРЕВНЯЯ АФРИКА

ХЭДОН ИЗ ДРЕВНЕГО ОПАРА
Hadon of Ancient Opar
(1974)

БЕГСТВО В ОПАР
Flight to Opar
(1976)

Серия основывается на переводе золотых табличек, описанных Эдгаром Райсом Бэрроузом в «Возвращении Тарзана».

HADON OF ANCIENT OPAR

ХЭДОН ИЗ ДРЕВНЕГО ОПАРА

Я признателен Фрэнку Брюкелю и Джону Харвуду за написание статьи, которая воодушевила меня на создание образа Хэдона из Опара и цивилизации Кхокарсы. Благодарю Гилберта Берроуза за его любезное разрешение выпустить серию романов. Более всего я, безусловно, обязан Эдгару Райсу Берроузу, без которого никогда бы не были написаны эти истории об Опаре и других городах, исчезнувших с лица земли.

Посвящено Гилберту Берроузу в благодарность за его разрешение написать о неизвестном городе Опаре, городе «золота и серебра, слоновой кости, обезьян и павлинов», и об открытой им цивилизации.

ледники
Средиземный океан
САВАННА
САВАННА
льды
горы Саарес
1
2
3
остров
Кхокарса
11
10
КЕМУ
12
4
5
A
6
9
7
8
Атлантический
океан
Кемувопар

На этой карте представлена основная часть Африки в том виде, в котором она существовала примерно в 10 000 г. до н.э. Данная карта является модификацией другой, представленной Фрэнком Брюкелем и Джоном Харвудом в статье «Наследие Пламенеющего Бога, эссе по истории Опара и его связи с другими древними культурами», опубликованной в издании «The Burroughs Bulletin», лето 1974. Упомянутая карта, в свою очередь, была составлена на основе карты, иллюстрирующей работу Вилли Ли «Мечты инженеров», изданной в «Viking Press» в 1954 г., хотя и она тоже претерпела значительные изменения.

Земля в 10 000 г. до н.э. была еще во власти последнего ледникового периода, но хватка его уже ослабевала. Территорию нынешней Сахары занимали горы, плато, обширные пастбища, лесистые долины, реки и озера с пресной водой. Количество слонов, носорогов, гиппопотамов, крокодилов, львов, антилоп и страусов исчислялось миллионами. Два внутренних моря с пресной водой в действительности существовали, хотя их границы, представленные на карте 1, в большой степени условны.

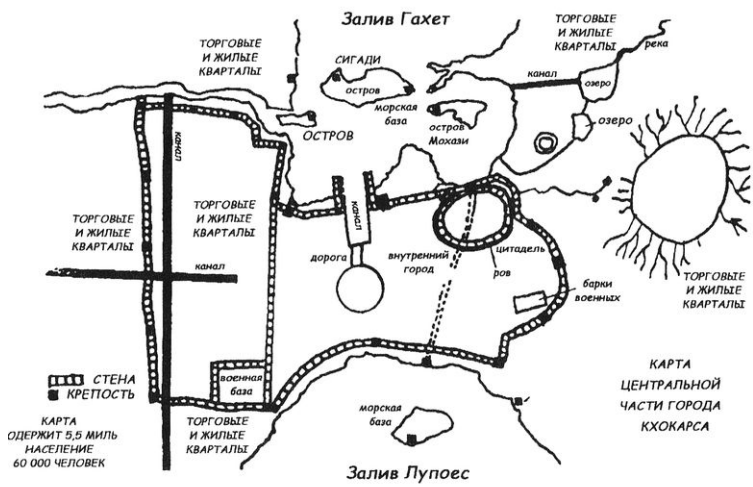
План гор не отвечает требованиям, предъявляемым профессиональными картографами; его назначение — дать читателю общее представление об их протяженности. Береговая линия Средиземного моря находилась на 100-200 футов ниже ее нынешнего уровня.

В то время как остальной мир пребывал в стадии позднего палеолита, вокруг северного внутреннего моря Кему (Великая Вода) возникла прибрежная цивилизация. В районе Кемувопара (Море Опара) было основано несколько городов-колоний, включая Опар. Не считая городов, расположенных на острове Кхокарса, к ним относятся: 1. Мукха; 2. Миклемрес; 3. Кетрут; 4. Сивудава; 5. Ветна; 6. Кетна: 7. Вентисух; 8. Сакавуру; 9. Микавуру (опорный пункт пиратов); 10. Баваку; 11. Товина; 12. Ребха (город на сваях). А — местность, где проживало племя Клемкаба. На этой карте приведены Опар и Кор, но Кор был построен уже после рождения Хэдона.

Внимание: у кхокарсан существовала своя собственная система измерений и весов, но в романе приводятся только английские эквиваленты.

ОСТРОВ КХОКАРСА

(150 миль длиной. На карте указаны только главные города)



Глава 1

Вдалеке, подернутый пеленой, маячил Опар — город, построенный из массивных гранитных глыб, город драгоценных камней. Могучие стены, сложенные из огромных камней, вздымающиеся ввысь изящные башни, золоченые купола — город насчитывал восемьсот шестьдесят лет существования. Но вот эта огромная каменная масса заколыхалась, завибрировала и растворились в воздухе. Город исчез, будто его и не было.

Сглотнув, Хэдон вытер слезы.

Видение знаменитого Опара напоминало грезы, угасающие в божественном сознании. Хэдон надеялся, что это не дьявольское знамение. Он рассчитывал, что и на его друзей-соперников видение произвело такое же впечатление. Окажись он единственным, на глаза кого навернулись слезы, его бы высмеяли.

Лодка прошла изгиб реки; между Хэдоном и его родным городом встали джунгли. В мыслях он все еще видел Опар, высокие башни, словно руки, простертые к небесному своду и пытающиеся удержать тот от падения. Маленькие фигурки на каменных причалах, среди которых жались его отец, мать, сестра и брат, исчезли из поля зрения, но не из мыслей. Воспоминания именно о них, а не о городе вызвали слезы.

Увидит ли он когда-либо своих родных вновь?

Если он проиграет, то вряд ли. Если выиграет, пройдут годы, прежде чем он сможет обнять своих близких. А милый сердцу Опар, возможно, никогда не будет приветствовать его.

В свои девятнадцать лет Хэдон покидал родной город дважды. Когда это случилось в первый раз, с ним были его родители. Во второй раз он уезжал к своему дяде, но Опар был неподалеку.

Хэдон взглянул украдкой на стоявших перед ним молодых людей. Они не смотрели на него, он же обрадовался,

увидев, что по их щекам тоже катятся слезы. Таро, его друг, смущенно улыбнулся. Хевако — глыба из темного камня — бросил на него сердитый взгляд. Он не плакал: камни не плачут. «Он слишком сильный человек, чтобы лить слезы, и хочет, чтобы все об этом знали. Но зато у него нет ничего и никого, о ком он мог бы горевать», — подумал Хэдон. Ему стало жаль Хевако, хоть он и знал, что чувство это быстро пройдет: Хевако был неприветливой, наглой тварью.

Хэдон огляделся. Ширина реки в этом месте составляла около полумили, вода была бурой из-за грязи, которую она несла в море с гор. По берегам реки стеной стояла зеленая растительность; исключение составляли лишь болотистые берега, которые походили на пальцы, нащупывающие, не продвинулись ли деревья еще вперед. На берегах, скалясь, лежали священные крокодилы, поднимавшиеся на короткие ножки всякий раз, как в поле зрения тварей попадала идущая первой лодка; крокодилы тотчас соскальзывали, увязая в грязи, в воду. Из зарослей до лодок доносились крики попугаев и обезьян. Голубовато желто-красный зимородок вспорхнул с ветки, падая, словно пернатая звезда. Он остановился, пролетел над поверхностью реки и взметнул вверх с маленькой серебристой рыбкой в когтях.

Дюжина гребцов бормотала что-то в унисон звукам шлепающих о воду деревянных весел и ударам бронзового гонга рулевого. Небольшого роста, приземистые, с толстыми шеями и нависшими бровями, близкие родственники человека и дальние сородичи обезьян, они гребли и что-то ворчали, их волосатые тела покрывались потом. Между гребцами, на узкой палубе лежали сундуки с золотыми слитками и бриллиантами, ящики с мехом, резными фигурками богинь, богов, чудовищ и животных, трав из тропических лесов и грудами слоновых бивней. Сокровища сторожили пятеро солдат в кожаных доспехах с копьями.

Впереди судна, на котором плыл Хэдон, шло шесть лодок с гребцами и солдатами. За судном следовало еще двадцать три лодки, все доверху груженные драгоценностями из Опара. Завершали процессию шесть судов. Хэдон какое-то время рассматривал их, потом принялся ходить взад и вперед, по пять шагов за один проход, вдоль

густо заполненной народом палубы полуюта. Жизненно необходимо было держать себя в форме. Именно от нее будет зависеть его жизнь во время Великих Игр. Хевако, Таро и трое запасных вскоре стали подражать ему. Троица гуськом прохаживалась туда и обратно, остальные делали зарядку. Хэдон с завистью смотрел на питонообразные мускулы Хевако. Говорили, что он самый сильный человек в Кхокарсе, исключая, конечно же, Квазина. Но Квазин находился в ссылке, скитаясь где-то по Западным Землям со своей огромной отделанной медью дубиной на плече. Будь он среди конкурсантов, нет никакого сомнения в том, что никто не стал бы соперничать с ним.

Хэдон задумался о том, хватило бы у него смелости на соперничество с Квазином. Возможно, да; возможно, и нет. Хоть он и не обладал телом гориллы, ноги его были длинные, он быстро бегал, был выносливым, а его мастерству владения мечом аплодировал даже сам отец. И именно это умение владеть мечом окончательно определило его участие в Играх.

Все же отец его предостерегал:

— Ты очень хорошо управляешься с тену, сын мой. Но пока ты еще не профессионал, и человек с опытом может разрубить тебя на куски, несмотря на твои длинные руки и молодость. К счастью, тебе предстоит соперничать с такими же зелеными юнцами, как ты сам. Нелепость состоит в том, что на свете много мужчин, которые с легкостью превзошли бы тебя в искусстве фехтования, но их возраст не позволяет им добиться успеха в других играх. Все же, если какой-нибудь взрослый мужчина лет двадцати восьми решит попытаться завоевать приз, ему стоит пикнуть — и тогда надейся лишь на помощь Кхо!

Отец потрогал обрубок своей правой руки, бросив угрюмый взгляд на сына:

— Тебе никогда не приходилось убивать человека, Хэдон, а потому твой истинный темперамент не известен. Иногда тот, кто владеет мечом хуже, одерживает победу над лучшим фехтовальщиком из-за того, что у него сердце настоящего убийцы. Что будет, если ты и Таро оба выйдете в финал? Таро — твой лучший друг. Сможешь ли ты убить его?

— Я не знаю, — ответил Хэдон.

— Тогда тебе не следовало бы участвовать в Играх. Здесь еще и Хевако. Берегись его. Ему известно, что в обращении с тену ты превосходишь его. Он постарается убрать тебя с дороги до финала.

— Но борцовские поединки не ведутся до смертельного исхода, — проговорил Хэдон.

— Бывают и несчастные случаи, — погрустнел отец. — Хевако свернет тебе шею во время отборочных соревнований, если только судья не будет внимательна. Я предупредил ее, и, хоть я сейчас и скромный подметальщик полов в храме, когда-то я был нуматену, и она выслушала меня.

Хэдон вздрогнул. Больно слышать, как отец говорил о былых днях, когда он еще не лишился руки и мог управляться со своим широким мечом как никто другой в Опаре. Меч бандита с размаху отсек ему руку выше локтя. Случилось это во время сражения в темных туннелях под Опаром. В той разгоревшейся в темноте схватке был убит король, и на трон взошел новый король. А новый король ненавидел Кумина, и вместо того чтобы отправить его с почестями на отдых, уволил его. Многие из нуматену на его месте покончили бы с собой. Но Кумин решил, что он обязан своей семье больше, чем довольно неопределенному понятию нуматену. Он не мог обречь ее на нищету и сомнительную милость родственников жены. И потому Кумин стал подметальщиком полов, а это, хоть и было свидетельством низкого социального положения, поставило его под особую защиту Самой Кхо. Новый король, Гамори, предпочел бы изгнать Кумина и его семью в джунгли, но этому воспротивилась его жена, верховная жрица.

Кумин отправил Хэдона на несколько лет к своему брату, Фимету. Это дало Хэдону возможность изучать мастерство владения мечом под руководством величайшего мастера тену в Опаре, каковым являлся его дядя. Именно там, в темных пещерах, где жил, находясь в ссылке, его дядя, Хэдон встретился со своим кузеном, Квазином, сыном Фимета и сестры Кумина, Вимейк. Вимейк умерла за несколько лет до того от укуса змеи, и потому Хэдон жил четыре года без матери, без тети и вообще без какой бы то ни было женщины рядом. Во многих отношениях он был одинок в то время,

хотя одиночество дарило и свои приятные моменты. Что до Квазина, так тот частенько обижал Хэдона.

Незадолго до того, как Пламенеющий Бог, Ресу, скрылся за деревьями, баркасы привязали для ночного отдыха к причалам, построенным несколько столетий назад. Половина солдат расположилась за каменными стенами, закрывавшими все, кроме набережной реки, где располагались причалы. Остальные солдаты развели костры, чтобы приготовить пищу себе, офицерам и участникам соревнований. Гребцы разожгли огонь в углах, образованных стенами. Были принесены в жертву превосходный боров и великолепный селезень, лучшие куски бросили в огонь как подношения Кхо, Ресу и Теземинес, богине ночи. Свиные ножки и остатки селезня швырнули в реку, чтобы умиротворить речного божка.

Быстрое течение унесло прочь в сумерки ножки и останки селезня. Они пропутешествовали до поворота, где падала тень от веток деревьев. Неожиданно на воде возникло какое-то движение, и ножки и птица исчезли под водой.

Один из гребцов прошептал:

— Казуква взял их!

Мороз пробежал по коже Хэдона, хотя он догадывался, что жертву схватили крокодилы, а не божество. Он, как и большинство остальных, быстро коснулся лба кончиками трех самых длинных пальцев, а затем описал ими круг, который охватил его подмышки и закончился на лбу. Несколько седовласых стариков из числа офицеров и гребцов сделали старинный знак Кхо, дотронувшись сначала кончиками своих трех пальцев до лба, затем до груди справа, гениталий, груди слева, затем вновь до лба, и завершили его прикосновением к пупку.

Вскоре воздух наполнился запахами дыма и ароматом готовящихся поросенка и утки. Большинство путешественников принадлежали к тотему Муравья, но среди них были и несколько членов тотема Свиньи, а потому им запрещалось есть свинину, за исключением одного дня в году. Они ужинали уткой, вареными яйцами и кусочками сушеного мяса. Хэдон съел немного свинины, хлеб из проса, овечий сыр и восхитительные на вкус красные ягоды мовомет и изюм. Он отказался от пива из сорго, но не потому, что не

любил его, а чтобы не прибавить в весе — это ослабило бы его дыхание.

Хотя людей окутало дымом, который застыл на месте, поскольку воздух был неподвижен, и дым вызывал кашель, а глаза покраснели, никто не жаловался. Дым спасал от москитов, этих маленьких дьяволят, детей Теземинес, которые тучами летели со стороны леса. Хэдон намазал тело вонючей мазью, надеясь, что она и дым дадут ему возможность хорошо отдохнуть ночью. Когда рассветет, он намажет себя другим снадобьем, предохраняющим от мух, которые начнут надоедать, как только солнце прогреет воздух.

Едва Хэдон закончил есть, Таро потянул его за руку, показывая в направлении реки. Луна еще не взошла, но он смог рассмотреть огромное темное тело на противоположном берегу реки. Сомнений не было: это был леопард, который пожаловал напиться воды перед тем, как выйти на охоту.

— Возможно, нам следовало бы принести жертву и Кхукхаго, — произнес Таро.

Хэдон кивнул:

— Если мы будем приносить жертвы каждому божеству и духу, который может навредить, нам не хватит места в лодках для необходимых животных.

Затем, увидев при свете костра обиженное выражение лица Таро, он улыбнулся и похлопал Таро по плечу.

— В твоих словах много смысла. Но я бы не осмелился предложить жрице принести жертву богине леопардов. Ей не понравится, если мы будем совать нос в ее дело.

Таро оказался прав. Поздно ночью тревожный сон Хэдона резко прервал крик. Хэдон вскочил, схватив свой меч и недоуменно огляделся вокруг. Он увидел вспрыгнувшего на стену черно-желтого зверя, челюсти которого сжимали кричащего гребца. Затем оба исчезли. Преследовать леопарда было бесполезно и опасно. Капитан стражников проклинал всех чертей, но лишь затем, чтобы успокоиться.

Так или иначе, богине леопардов было нанесено оскорбление, а потому они поспешили умилостивить ее. Жрица Клайхи принесла в жертву Кхукхаго поросенка. Это не вернет несчастного гребца, но может предотвратить нападение другого леопарда. А кровь поросенка, налитая в бронзовый

сосуд, должна была умиротворить душу гребца и удержать ее от попыток прокрасться в лагерь той ночью. Хэдон надеялся, что так и будет, но все же не смог снова отправиться спать. Остальные тоже были не в состоянии сделать это. Лишь гребцы так наработались за день, что ничто не в силах было удержать их без сна долгое время.

На рассвете жрица Кхо и жрец Ресу сняли одежды и совершили ритуальное омовение в водах реки. Солдаты высматривали крокодилов, пока остальные купались в порядке старшинства. Потом был завтрак, состоявший из приготовленного из окры[1] супа, сушеного мяса, сваренных вкрутую утиных яиц и пресного просяного хлеба. Затем путешественники вновь спустили лодки на воду. Через четыре дня поутру донеслись раскаты водопада. За милю до водопада все причалили свои лодки, разгрузили их и начали медленно продвигаться по дороге, вымощенной огромными гранитными блоками. Растительность вдоль дороги была подрезана через регулярные интервалы лесничими из джунглей. Дорога дугой отходила от водопада и обрывалась у края скал. Здесь отряд проследовал по узкой, крутой и извилистой дороге, высеченной на склоне горы. Впереди каравана шли солдаты, они же и замыкали шествие. Гребцы, пыхтя и отдуваясь, тащили на себе ящики, клетки и бивни. За ними следовали пастухи, окликая и тыкая своих пронзительно кричащих подопечных палками с острыми концами. Крякали утки, сидящие в клетках на спинах гребцов. Священный попугай на плече жрицы вскрикивал и бормотал что-то, священная обезьяна на плече жреца пронзительно изрыгала оскорбления в адрес невидимых врагов, обитающих в джунглях.

«Из-за всего этого шума, — подумал Хэдон, — их можно слышать на расстоянии в несколько миль. Если кто-то из пиратов кавуру засел в расположенном ниже густом лесу, у бандитов будет прекрасная возможность подготовиться к приходу гостей». Но вероятность засады была невелика. Отряд солдат из форта на побережье должен находиться у подножия гор. Но кавуру знали, как ускользнуть от солдат.

[1] Окра *(бот.)* — гибискус съедобный. Кушанье, приготовленное из окры. *(Прим. перевод.)*.

Вдруг к общему шуму добавилась ругань жреца. На его плече облегчилась обезьянка. Никто, кроме жрицы, не посмел рассмеяться, но никому и не удалось удержаться от ухмылки. Увидев улыбки людей, жрец принялся ругаться. Солдат принес кувшин с водой и счистил грязь льняной тряпкой. Немного погодя жрец тоже стал смеяться, но все же остаток пути обезьянка проделала верхом на плече у гребца.

В сумерках отряд вышел на открытое пространство возле основания водопада. Здесь его ожидали пятьдесят солдат. Путешественники искупались под грохочущей ледяной водой, принесли жертву и поели. На рассвете они поднялись и двумя часами позже загрузили баркасы. Впереди их ожидало трехдневное путешествие. Потребуется достаточное напряжение сил. Но глупость одного из гребцов еще больше усилила общую нервозность. Он заявил, что во время последнего перехода он заметил речного божка.

— Это был сам Казуква! Я увидел его как раз в тот момент, когда Ресу отправился спать. Он возник из воды; это было чудовище, в четыре раза крупнее самого большого гиппопотама, какого вам доводилось когда-либо видеть. Его шкура, как и у гиппопотама, толстая и коричневая, но шишковатая. Шишки черные, размером с мою голову, и у каждой по три глаза и крошечному рту, заполненному зубами столь же острыми, как зубы крокодила. Руки длинные, как у человека, но там, где надлежит быть кистям, у него головы морских свинок с красными горящими глазами. На мгновение он уставился на меня, и мои кишки до сих пор выворачиваются наизнанку, стоит мне вспомнить его лицо. Это было лицо гиппопотама, если не считать того, что оно волосатое, а в центре лба — единственный, покрытый зеленой пеной глаз. Зубов у него много, и они подобны наконечникам копий. А затем, когда я молился Кхо, а также Гыксхабахди, богине моих предков, и думал, что потеряю сознание, он медленно погрузился в реку.

Остальные гребцы согласно заворчали, хотя никто из них не видел Казукву.

— Мы принесем ему в жертву самого превосходного борова сегодня вечером. — сказала Клайхи. — Даже если твое видение было вызвано чрезмерным употреблением пива, а я думаю, что это наиболее вероятно.

— Пусть Кхо поразит меня насмерть, если я вру! — завопил гребец.

Те, кто находились рядом с ним, отпрянули назад, смотря вверх, другие вниз, ведь Кхо могла нанести удар с земли или же с неба. Но ничего не произошло, и все с облегчением вздохнули. Хэдон дал совет капитану, чтобы тот велел гребцу заткнуться, не то весь отряд ударится в панику. Капитан ответил, что он возмущен тем, что юнцы дают ему советы, даже если им и предстоит стать героями. Тем не менее он сказал гребцу что-то резкое.

Зловещий и ужасный Казуква больше не показывался во время их путешествия к морю, хоть и тревожил сон многих, а гребцы всякий раз бледнели, когда на поверхности воды возле лодок показывался гиппопотам. Поздним вечером на третий день путешествия они обогнули поворот. Здесь, за широким устьем реки, раскинулось море — Кемувопар.

На северном берегу размещались причалы, у которых пришвартовались великолепные галеры, а также находились хранилища, тотемные залы, дома и каменный форт. Рулевые вышагивали в такт ударам бронзовых гонгов. Гребцы, несмотря на усталость, широко улыбались, обнажая свои широкие лопатами зубы, и копили силы, в которых нуждались для последнего броска их массивные волосатые руки. На какое-то время гребцы могли ощутить себя в безопасности от кавуру, богини леопардов и речного божка. Сегодня вечером они устроят пир в зале своего тотема, а затем уснут, осоловевшие от выпитого пива.

Но Хэдона ожидало другое. Предаваться чревоугодию и накачиваться пивом — это занятие не для юноши, который должен оставаться легким и быстрым, чтобы участвовать в Великих Играх. И все же Клайхи пообещала принять его сегодня вечером в маленьком храме Кхо, расположенном вблизи форта. Эта женщина, на десять лет старше его, была красива, если не обращать внимания на заметно растущий от чрезмерного употребления пива животик и на то, что ее большая грудь уже стала терять прежнюю упругость. А Хэдон и не обращал. Кроме того, быть принятым жрицей — большая честь. А если жрицам, состоявшим под началом ее сестры, направленной сюда

на службу, понравится его общество, им также не придется долго спать этой ночью.

Хевако был недоволен. Он надеялся, что Клайхи обнимет его жаркими бронзовыми от загара руками и что огромные серые глаза зажгутся огнем любви к нему. Услышав, что Клайхи сказала Хэдону — да, он посмотрел сердито и заиграл внушительными бицепсами. Хевако не осмелился ничего произнести, поскольку Клайхи услыхать. Хэдон улыбнулся ему, но мысль о предстоящем морском путешествии не была приятной. Насмешки Хевако испортили Хэдону настроение, хотя он и отличался покладистым характером.

Глава 2

Судьба ли Хэдону стать победителем Игр или нет, — все равно он станет героем. Правда, проиграв, он получит звание героя посмертно и найдет покой в могильном кургане под высоким монолитом из мрамора. Проходящие мимо станут молиться за него и прольют на землю мед или вино. Для него это будет благом. И когда он задумывался о том, что ему предстоит мериться силами с самыми сильными и быстрыми юношами империи, его уверенность в себе колебалась и дрожала, подобно тростинке на ветру. У Хэдона было сильное эго, иначе он и не попал бы в участники соревнований. Но только самовлюбленный человек мог принимать как должное, что он сможет обойти всех соревнующихся с такой же легкостью, как фермер идет с косой сквозь просо.

И тем не менее в то утро в доходившем до потолка бронзовом зеркале Хэдон увидел мужчину, который выглядел как герой, даже если он мог признаться в этом лишь самому себе. Имея рост шесть футов и два дюйма, он был самым высоким человеком в Опаре. Этим Хэдон был обязан своим прародителям из рода Клемсааса и, без сомнения, богам, которые были его предками, — хотя, как он теперь думал, в высших слоях общества в Опаре, или даже в самой империи, имелось немало людей, которые могли бы претендовать на то, что их прародителями являются боги в количестве от одного до двадцати. Все

его праматери, как то повелевал священный долг, отправлялись на месяц в божий дом как храмовые проститутки. Хотя по правилам эти женщины должны принимать любого верующего мужского пола, однако же они верили, что лишь король, герой, великий купец или нуматену будет допущен в их комнатенки. Дети, появившиеся в результате подобных союзов, усыновлялись богом того храма, где они жили. Хэдон мог перечислить имена двенадцати богов, не говоря уже о сорока божках, которые многократно являлись его предками. Теоретически так и было. Некоторые образованные люди полагали, что сия концепция возникла вследствие вмешательства Самой божественной Кхо. Это признавалось всеми, кроме наиболее консервативных людей, которые считали, что за беременность несли ответственность сами мужчины. Но, по существу, значения это не имело. Тело мужчины использовалось богом храма во время святого совокупления, а ребенок принадлежал богу, а не мужчине. Мужчина был просто орудием.

Хэдон не являлся ребенком храма. Его старший брат, первый ребенок их матери, был усыновлен самим великим Ресу. Но Ресу не благоволил к нему. Ребенок умер в возрасте трех лет от лихорадки и оказался первым из семи братьев и сестер, которые последовали за ним, будучи еще детьми, в лапы Сисискен, мрачной правительницы царства теней.

Красновато-бронзовые вьющиеся волосы Хэдона свидетельствовали о том, что его дедом был Пламенеющий Бог. Большие карие глаза давали понять, что он из рода Клемсааса. По крайней мере, о том можно было предполагать, хотя он замечал, что многие из старинного рода Кхоклем имели карие или даже голубые и серые глаза. Черты его лица, как он считал без ложной скромности, отличались исключительной красотой, характерной для тех людей, которые спустились с гор Саасарес восемьсот шестьдесят четыре года назад и захватили город Кхокарса. Его лоб был высокий и узкий, правда, у висков — слегка припухлый. Небольшие слегка заостренные сверху уши плотно прилегали к голове. На выпуклой складке над глазами росли широкие, почти сросшиеся брови. Нос, хоть и прямой, все же не такой длинный, как у большинства тех, кто, по общему мнению, происходит из рода Клемсааса. Среди них многие имели крючковатые

носы. Ноздри Хэдона раздались несколько шире, чем у представителей рода Клемсааса. Вне всякого сомнения, этим он обязан своему предку из рода Кхоклем. Но впоследствии ни один из них не остался чистокровным, хотя многие из рода Клемсааса отрицали, что смешались с низкорослыми, темными, плотного телосложения прямоволосыми аборигенами, награжденными носами картошкой.

Набор приятных глазу черт завершался короткой верхней губой, полными, но не толстыми губами, волевым сильно раздвоенным подбородком.

Тело юноши, как он говорил себе в моменты наиболее критического настроения, сформировалось слишком худым. Все же плечи выдались широкие и мощные. Он обладал физическими данными бегуна на длинные дистанции, хотя никогда не проигрывал и в забегах на короткие дистанции. Боги наградили Хэдона невероятно длинными ногами и руками. Благодаря ногам он мог развивать большую скорость, руки же давали большое преимущество при фехтовании. И в самом деле они отличались такой длиной, что его часто высмеивали, говоря, что он произошел от обезьяны.

Хэдон вспомнил о том, как много он дрался, будучи ребенком, отвечая на оскорбление, а еще больше из-за насмешек приятелей над лишившимся руки отцом, стоявшим теперь на низком социальном уровне. Но большинство из тех, кто тогда глумились над ним, теперь завидовали Хэдону. Из них только Хевако удалось стать участником соревнований в Опаре. Хевако до сих пор отпускал замечания в адрес людей с длинными руками, у которых предками являлись обезьяны, и относительно полов, которые необходимо подметать. Но при этом он никогда не смотрел в сторону Хэдона и не упоминал никаких имен. Поэтому Хэдон решил игнорировать его до Игр. Затем он возьмет реванш. Если смотреть на вещи реально, то, конечно же, Хевако сам мог бы взять верх, но о подобной возможности Хэдон предпочитал не думать.

Он расчесал и пригладил доходящие до плеч волосы и побрился одним из недавно введенных в употребление стальных лезвий. Часом позже, одетый лишь в набедренную

повязку и с четками из золотых бусинок, он бежал трусцой по грязной дороге, которая на многие мили тянулась параллельно берегу моря. За ним бежали Таро и трое запасных. Они миновали множество ферм, где выращивали просо, сорго и разводили свиней и коз. Фермеры и их жены, облаченные лишь в конусообразные соломенные шляпы и набедренные повязки из шкур животных, разгибали спины, отрываясь от работы, и бросали в сторону юношей пристальные взгляды.

Хэдон вновь чувствовал себя хорошо. Ноги его обретали столь необходимую упругость, и он не так уж сильно задыхался, как можно было бы ожидать после такой продолжительной прогулки. Хэдон не был сегодня настолько силен, как ему бы хотелось, но ведь Клайхи не давала ему спать вплоть до самого рассвета. Удалось урвать лишь один часок сна. Но его это не волновало.

Когда четверо юношей, пыхтя и обливаясь потом, вернулись в доки, они увидели Хевако, который упражнялся с гирями. Он бросил на них мрачный взгляд и не предложил присоединиться к нему и заняться метанием дротиков и камней. Вместо того, он убежал, чтобы тренироваться в одиночестве. Хэдон пркричал ему вслед:

— У фермерских дочек перспективы лучше! — Но Хевако проигнорировал этот выпад. Хэдон объяснил плохое настроение соперника тем, что Хевако получил отказ от жрицы. Когда он смял ее своей слишком страстной рукой, она в буквальном смысле лягнула его... После этого Хевако, должно быть, пришлось идти в тотемный зал, который посещали гребцы из племени Гокако. Они не гнушались заниматься групповым сексом и вольно обращались с женами, которые были не прочь взять деньги за использование своих тел. Учитывая его положение в обществе, присоединиться к ним означало для Хевако уронить свое достоинство. А случись так, что какой-нибудь пьяный гокако окажется в дурном расположении духа, это могло стать и опасным. Как только Хевако войдет в зал, он тут же окажется беззащитным со стороны закона. Проткни гокако его ножом, на этом все и закончится. Да и какой мужчина дойдет до того, чтобы лечь в постель с одной из этих низкорослых, кряжистых и противных женщин.

Остальные засмеялись над репликой Хэдона. и облаченные в шлемы, кирасы, перчатки и защитные приспособления для рук из кожи возобновили свои упражнения, завершив их поединком на деревянных мечах. Хэдон одержал победу над всеми, хотя и получил опасный удар в предплечье от Таро. Таро был почти такого же высокого роста, что и Хэдон, но более мускулистый. И он, отметил про себя Хэдон, великолепный акробат и отличный метатель. Таро — единственный, кто превосходил Хэдона в искусстве метания в цель. Он мог бы еще продолжать участие в Играх в то время, как Хэдон уже лежал бы под гранитной плитой.

Неожиданно Хэдона пронзила мысль: по всей видимости, им придется сразиться насмерть. Они с Таро дружили всю свою жизнь, но вскоре им, возможно, предстоит пролить кровь друг друга. И все это из-за тщеславного желания стать мужем королевы Кхокарсы.

Прошло еще трое суток. На утро второго дня погрузка была закончена, но капитан торговых судов пожелал еще повременить. И, наконец, наступил рассвет того знаменательного, приносящего удачу дня, первого морского дня месяца Пикабес, богини моря, в году Зеленого Попугая. Более благоприятного времени для начала путешествия по морю не было, если не считать дня в году Орла-Рыбы. Но его надо дожидаться еще семь лет.

Утро выдалось яркое и безоблачное. Ветер дул с юго-востока, гоня невысокие волны. Принесли жертвоприношения; справа над кораблем пролетела цапля (очень хорошее знамение), и все в хорошем настроении один за другим начали подниматься на борт. Пьяный матрос упал со сходней, его пришлось вылавливать, но флотская жрица, Симари, сказала, что это не является дурной приметой.

Армейский оркестр на берегу заиграл песню во славу Пикабес; барабаны, флейты, арфы, ксилофоны, маримбы[2] и гонги загудели, завизжали, зазвякали, затрещали и залязгали, изображая подобие ритма и мелодии. Симари, поднявшаяся на борт последней, все кружила и кружила в танце, размахивая трещоткой, держа ее за кончик веревки. Жрица

[2] Маримба — музыкальный инструмент народов Южной Африки и Центральной Америки. *(Прим. перевод.)*

была высокой толстой женщиной; сейчас ее венчала маска, изображающая голову рыбы, а в области лобка Симари прикрепила рыбий хвост. На одной из внушительных грудей жрицы красовалось изображение гигантской морской черепахи, а на другой — морской выдры; выше и ниже пупка, очерченного голубым кругом — изображения крокодила и гиппопотама. Хэдон и Таро помахали Клайхи и любовнице Таро, красавице Риго. Сходни свернули, весла гребцов шлепнулись о мелководье и вновь поднялись. Симари, маска которой затрудняла дыхание, прошла на корму судна в место, располагавшееся над огромным бронзовым тараном, и запела, выливая при этом в море лучшее в Сааресе вино. Капитан Бхасеко пригласил жрицу, первого помощника и будущих героев на полуют на бокал вина. Хэдон не мог отказаться, но выпил лишь один бокал. Его товарищи оказались не столь умерены.

Хэдону было жарко в бронзовом шлеме и латах, но вскоре ветер усилился, и ему стало прохладнее. Капитан начал выкрикивать приказы. На единственной расположенной на носу мачте подняли великолепный пурпурный парус. Симари прошла в свою каюту, расположенную перед каютой капитана на полуюте, чтобы сменить одеяние и смыть с себя краску. Остальные спустились на основную палубу и прошли на носовую часть палубы, где располагалась их каюта. Крыша каюты была всего на два фута выше палубы; там, где стояли койки, им приходилось садиться. Иллюминаторы оставались открытыми все время, исключая те случаи, когда бушевал шторм или было холодно, и тогда их закрывали тяжелыми деревянными ставнями.

Хэдон спрятал под койку щит и меч нуматену, а также маленький сундучок с принадлежностями. Снизу до него доносились хрюканье и визг свиней и блеяние коз. Запах, исходивший из загонов, придется терпеть еще очень долгое время.

Вместе с Таро они вышли обратно на палубу. Лицо друга от выпитого вина сделалось почти таким же красным, как и волосы. К настоящему моменту флот уже был сформирован; в центре в виде буквы V располагались торговые суда,

бирема [3] и две униремы. Впереди шли две униремы, с обеих сторон располагалось по одной бирреме, завершали флотилию две униремы. С вершин мачт каждого корабля эскорта развевались штандарты кхокарсанского военного флота с изображением головы орла-рыбы. Прозвонил гонг рулевого, в море погрузились и поднялись весла, с них стекала вода, гребцы забормотали, вспотели, от них понесло запахом пота и просяного пива, офицеры прокричали приказы, животные завизжали и заблеяли, с главной мачты раздался крик любимого орла-рыбы жрицы, зеленые воды покатились на болотистые берега в миле отсюда. Все это означало, что они уже в пути.

Корабль, семсин, представлял собой длинное узкое судно с двумя ярусами гребцов. Основная палуба проходила от полуюта до передней палубы; обе эти палубы располагались на шесть футов выше основной палубы. По обеим сторонам основной палубы имелись открытые пространства. Головы гребцов торчали как раз на уровне основной палубы. В ярусе находилось по двенадцать гребцов с каждой стороны — по два человека на весло. Нижний ярус располагался настолько близко к верхнему, что гребцы вверху могли, если бы захотели, коснуться ногами голов сидящих ниже. Под нижним ярусом имелась палуба, где хранились грузы, припасы и животные. На этой палубе также пристроились корабельный лазарет и помещение, где проходили лечение раненные во время сражений.

На галере размещались две катапульты — по одной на каждой из двух самых высоких палуб.

Семсин управлялся рулем, изобретенным лишь недавно; к нему были приставлены двое крепких матросов.

Матросы, гребцы и солдаты спали на палубе или в трюме.

---

[3] Бирема – гребной боевой корабль с двумя ярусами весел. Имел мачту с парусами, сплошную палубу и башни в оконечностях для размещения стрелков из лука. Применялись в Древней Греции и Древнем Риме в VIII – I вв. до н.э. Трирема – (триера) – боевой гребной корабль в Древнем Риме (в Древней Греции – триера). Имел три яруса весел с общим числом до 170, мачту с прямым парусом, используемым при попутном ветре. Унирема – боевой гребной беспалубный корабль с одним рядом весел (обычно 12 пар) в Древней Греции, Древнем Риме, Карфагене, Финикии. При попутном ветре на унireме использовался прямой парус. Имела удлиненный корпус, считалась в бою наиболее мобильной и маневренной. *(Прим. перевод.).*

Жилые помещения для офицеров корабля находились впереди каюты, которую делили меж собой участники соревнований. Камбуз обосновался перед каютой жрицы, на палубе полуюта. И хоть он имел крытый переход, дым, исходящий от каменного очага, частенько проникал в каюты капитана и жрицы, если только ветер не дул в благоприятном направлении.

Хэдон однажды испытал путешествие по морю, когда его родители отправились на два года в Кхокарсу, и потому не ждал от этого плавания ничего хорошего.

Спустя пять дней они миновали неровные отвесные скалы. В одной из скал на полпути вверх имелось огромное темное отверстие — вход в пещеры, где жил Хэдон вместе со своим кузеном Квазином и дядей Фиметом. Хэдон купил и принес в жертву маленького борова и помолился, чтобы доставить удовольствие дядиной душе.

Дни и ночи проходили самым благоприятным образом, как только можно было бы желать при имеющихся обстоятельствах. Хэдон скучал, ему хотелось больше упражняться, и потому он обратился к капитану с просьбой разрешить заняться греблей. Капитан объяснил, что это будет означать снижение социального положения юноши. Хэдон сказал, что его спутники также сядут на весла. Он не станет работать вместе с простыми парнями. Более того, это будет делаться с целью тренировки, а не для заработка, а потому такое занятие нельзя отнести к категории ручного труда.

Остальные не горели желанием заняться греблей, но Хэдон объяснил, что если они не станут этого делать, то ослабнут за время плавания. После первого получаса гребли Хэдон возжелал, чтобы подобная мысль никогда более не приходила ему в голову. Он стер в кровь ладони и был уверен, что его спина вот-вот переломится. С другой стороны, теперь он убедился, что пребывает не в столь отличной форме, как ему казалось. Сжав зубы, Хэдон греб, уставившись в широкую волосатую потную спину и буйволоподобную шею Хевако, который сидел на веслах перед ним. Хевако был самым сильным из всех людей, которых ему приходилось когда-либо видеть, но, заметно, что и он испытывает страдания. Минут

пятнадцать Хевако ругался, затем все бросил, желая уберечь свои легкие. Несмотря на боль и усталость, Хэдон улыбнулся и поклялся не бросать весло раньше Хевако. Все же ему пришлось это сделать, но только потому, что бесчувственные руки больше не могли удерживать весло. Тремя минутами позже Хевако опрокинулся навзничь.

Гребцы — грубые и невежественные парни, смеялись над ними. Интересно, каких же героев посылают на Игры в наши дни, говорили они. Вот в старые времена... Слишком утомленный даже для того, чтобы почувствовать стыд, Хэдон рухнул на койку. Впервые шум животных внизу не мог помешать ему заснуть.

Назавтра он вновь сидел на веслах, хоть в его жизни (со вчерашнего дня) никогда не было ничего такого, что бы он так сильно ненавидел. К тому времени как в поле зрения оказался город Сакавуру, расположенный на вершине темных скал, Хэдон был в состоянии грести по два часа три раза в день. Ладони покрылись твердыми мозолями, грудь и руки, похоже, прибавили в объеме на один дюйм. Он беспокоился, что труд такого рода может неблагоприятно сказаться на фехтовании, но физические упражнения ему были необходимы. Существовала еще одна причина, по которой он не мог бросить весла: его засмеяли бы гребцы.

В городе Сакавуру, выстроенном из красного гранита, они пополнили свои запасы, и экипаж получил четырехдневный отдых. Хэдон проводил время, бродя по городу или бегая по загородным дорогам. Он чувствовал искушение выпить холодного пива, которое можно получить в зале Тотема Муравья, но решил не делать этого. Хевако явно мучила жуткая жажда. Однажды Хэдон видел, как он, пошатываясь,выходил из зала Тотема Леопарда.

Флотилия вновь готовилась к отходу. Наблюдатели на мачтах все еще высматривали пиратов, хотя теперь шансов встретить их оставалось значительно меньше, чем в водах, которые они только что пересекли. Чтобы высадить на берег двоих заболевших матросов и нанять им замену, пришлось сделать на один день остановку в городе Вентисух. Хэдон никогда не был в Вентисухе, потому они с Таро бродили по

его узким кривым улочкам, прислушиваясь к экзотическому языку фермеров на рынках и простых горожан. Хэдон был превосходный лингвист, в Опаре он побеспокоился о том, чтобы научиться от семьи купца из Вентисуха довольно бегло разговаривать на сивудаву. Эти люди были довольно странные: шумные и капризные, когда имели дело меж собой, когда же среди них появлялись незнакомые, они становились молчаливыми и угрюмыми. Кожа людей этого племени имела коричневато-желтоватый оттенок. Волосы грубые, прямые и черные. Носы длинные, тонкие и крючковатые, у многих — легкая складка кожи во внутренних уголках глаз. Племя, хоть и почитало Кхо и Ресу, поклонялось множеству своих коренных божеств, наиболее выдающимся среди которых был Сивудава, гермафродит с головой попугая.

Флотилия покинула Вентисух и направилась по прямой к городу Кетна. Чуть позднее ветер изменился, спустили паруса. Облака, предвестники сезона дождей, закрыли лицо Ресу; море стало неспокойным; гребцам пришлось удвоить свои усилия, чтобы сохранить ту же скорость; они сменялись каждый час. Затем обрушились дожди. Симари принесла в жертву Пикабес еще одного поросенка. Шторм, продлившийся сутки, был для Хэдона сущим адом. Его одолела морская болезнь, большую часть времени он проводил у перил, отдавая морю свинину, съеденную утром. Хевако заливался смехом, глядя на эту картину, но не прошло и полчаса, как он сам повис на перилах сбоку от Хэдона...

К тому времени как в пределах видимости появилась Кетна, Хэдон поправился, но поклялся, что никогда больше не станет рассматривать военно-морское дело как профессию. Кетна — город со стенами из белого камня, темными башнями и куполами, разместился на вершине скалы, расположенной на пятьсот футов выше порта. Правители города платили дань Кхокарсе, но сами своевольно устанавливали прибрежные порядки. Каждое торговое судно, проходящее через пролив, было обязано платить большой налог за право пройти по нему. Официальные лица Кетны даже не беспокоились о том, чтобы скрыть свое высокомерие. Они обращались с кхокарсанским флотом так, будто он пришел из покоренной ими области.

— Если бы наш король бросил заниматься строительством великой башни, — говорил капитан, — и больше внимания стал бы уделять текущим делам, он мог бы преподать кетнанцам кровавый урок. Их необходимо проучить самым жестоким образом. Кетне ничего не стоит одной рукой платить Минруту дань, а другой — отбирать ее у него же. Почему мы должны платить налог этим гиенам?

В самом деле, почему? Хэдон задумался. Но его внимание отвлекали более важные заботы... Завуалированные насмешки Хевако и его подлые хитрости нацеливались на то, чтобы Хэдон взорвался. Он даже подумывал пожаловаться жрице, чтобы она наложила запрет на разговоры между ним и Хевако. Он чувствовал, однако, что это недостойно мужчины, даже если и является рациональным решением проблемы. Хэдон не мог вызвать Хевако на дуэль, поскольку драки между соревнующимися запрещались. Это было мудрое правило, поскольку в прежние времена многие участники соревнований учиняли драки с целью устранения своих соперников еще до начала Игр. Даже если такого правила не существовало бы, тот, кого вызывали на дуэль, имел право выбирать оружие, но Хевако был не настолько глуп, чтобы выбрать мечи. Скорее всего он выбрал бы рукопашный бой, а Хэдон понимал, что проиграет. Конечно, ему, видимо, придется бороться с Хевако во время Игр, но это будет только ради победы.

Однажды ночью, до того как они должны были войти в пролив, Хэдон, проснувшись, обнаружил, что его обмазали свиным навозом. Некоторое время он сидел тихо, раздумывая, несмотря на душившую его ярость, а затем вышел наружу, чтобы зачерпнуть ведром воды из моря и отмыться. Вернувшись, он бросил взгляд на Хевако. Казалось, что этот похожий на гиппопотама парень спал. Он храпел, но Хэдон полагал, что Хевако притворяется, а на самом деле про себя смеется. Хэдон заставил себя лечь и немного погодя уснул.

Однако он проснулся и был уже на ногах раньше всех своих соседей по койкам. Хэдон прошел на камбуз, обнаружил при этом, что все повара спустились в трюм, наскоро позавтракал хлебом, сваренными вкрутую утиными яйцами и холодным супом из окры. Затем, взяв ведро, спустился

в трюм. Появился Хэдон в то время, когда били барабаны, будя утреннюю смену. Он отвел в сторону всех соседей по каюте, кроме Хевако, и сказал им несколько тихих, но горячих слов. Они захихикали и поклялись молчать. Двое из них пообещали задержать Хевако на минутку или около того, «случайно» пролив на него горячий суп. Никто из них не любил этого неприветливого, высокомерного человека. Более того, все полагали, что будет только справедливо, если Хэдон отплатит Хевако тем же.

Хевако пришел на весла поздно, ноги его покраснели от легкого ожога. Бранясь и клянясь отомстить тем, кто пролил на него суп, отомстить, как только они прибудут на Игры, он опустился на скамью. Его соседи по каюте уже заняли свои места, а человек, которого он должен был сменить, пребывал во гневе из-за задержки Хевако. Хевако схватился за ручку весла, затем выругался и зашипел, но тут раздался звук первого удара гонга рулевого, и ему ничего не оставалось, как остаться на своем месте.

Таро, который был напарником Хевако, стал жаловаться, что, хотя подшутили над Хевако, страдать придется всем.

— Вонь разнесется на милю кругом, мутить будет не только одного Хевако.

— Да, но в этом окажутся лишь руки Хевако.

Хевако пришлось свести все свое негодование и ярость к тихому мычанию, но спустя две минуты он решил, что с него достаточно. Громким голосом он потребовал замены. Рулевой с гонгом прокричал ему в ответ, чтобы тот вел себя тихо и что у него был такой шанс во время сигнала к медицинскому осмотру. Хевако ответил ему оскорблением. Рулевой крикнул ему, что если он услышит от него еще хоть одно слово, тот предстанет перед капитаном и подвергнется порке.

Поскольку юношам сказали, что они во время выполнения судовых обязанностей должны подчиняться дисциплине наравне с гребцами, Хевако замолчал. По крайней мере, он ничего не сказал человеку, распоряжающемуся гонгом, но шепотом стал угрожать Хэдону. Затем он обратился к Таро с просьбой поменяться местами. Таро ответил, что скорее утопится. Хевако ничего не оставалось, как продолжать работать.

Все могло бы сойти, как было задумано, если бы мимо Хевако не проходил первый помощник капитана. Он остановился, сморщив нос:

— Вот тебе на! — Первый помощник принюхивался, пока не определил источник правонарушения. Он постоял немного, наклонившись и смотря на Хевако, потом крикнул рулевого. Тот передал гонг своему подчиненному и поспешил вниз на палубу. Выяснив, в чем состоит неприятность, он потребовал, чтобы вызвали капитана. Раздражение капитана, овладевшее им из-за прерванного завтрака, сменилось гневом, когда он оценил ситуацию и ощутил запах, вызвавший суматоху. К тому моменту Хэдон перестал улыбаться. Он не ожидал, что происходящее затронет кого-нибудь еще, кроме него самого и Хевако, не считая, конечно же тех, кто находился рядом и был вынужден вдыхать мерзкий дух.

Капитан зашипел:

— Вы, будущие герои, можете издеваться друг над другом сколько хотите, до тех пор, пока это не наносит вреда нормальной работе моего судна! Но подобные проделки уже выходят за рамки дозволенного! Нельзя грести с полной отдачей, если весло скользкое, кроме того, те, кто находятся рядом, тоже не могут нормально работать из-за того, что их тошнит! Вы все будете держать ответ передо мной, когда окончится смена! Рулевой, обливайте этого человека водой до тех пор, пока не смоется все дерьмо! А ты, Хевако, прежде, чем явишься ко мне с отчетом, убедись, что от вони не осталось и следов!

В результате Хэдону пришлось сознаться: капитан пообещал выпороть всех юношей, если только виновник безобразия не признается сам. В полдень Хэдона с руками, поднятыми вверх, привязали к мачте. Здоровенный гребец ударил Хэдона по спине пять раз кнутом из шкуры гиппопотама. Хэдон думал, что снести унижение будет труднее, чем боль. Однако... Кнут резанул по мышцам, и кровь потекла вниз меж ног. Юноша сжал зубы, чтобы не закричать; после порки ему еще много ночей пришлось спать на животе.

Утешением, хоть и небольшим, явилось то, что Хевако тоже получил три порции кнута. Капитан не стал спрашивать Хэдона, почему тот сыграл такую шутку. Капитан прикинул,

что Хэдон наверняка отказался бы отвечать и пришлось бы назначить ему дополнительное количество ударов. Он провел расследование и нашел человека, который заметил Хевако в свином хлеве, а также видел, как отмывался Хэдон. Хевако сознался, и вскоре и его спина кровоточила. Позднее, находясь в каюте, Хевако угрожал, что когда-нибудь капитану от него достанется. Хэдон сказал, что он не очень-то любит капитана, но питает к нему уважение. Если бы он не исполнил свой долг, опасаясь, что подозреваемый когда-нибудь разделается с ним, он не мог бы выполнять свои обязанности капитана.

— Тебе достанется от меня на Играх, — сказал Хевако.

— Ты на Играх постараешься сделать то же, что и каждый, — сказал Хэдон. — Но хотя бы на время мы не могли бы оставить друг друга в покое? Если так будет продолжаться, мы просто изнурим друг друга. А в таком состоянии нельзя рассчитывать на успех на Играх.

Хевако не ответил. Тем не менее после этого он разговаривал с Хэдоном только в случае необходимости. Несмотря на то, что спины обоих горели огнем, на следующей день они вернулись на весла. Жрица смазала им раны успокаивающей мазью, которая, правда, не сняла боль до конца. Служительница культа посоветовала мыть спины мылом каждые два часа и тщательно следить за тем, чтобы не попала инфекция. К счастью, на море совсем не было мух, но по ночам могли кусаться тараканы, если только не намазаться снадобьем.

— И держитесь подальше от свиного хлева, — сказала она и игриво похлопала юношей по спинам. Захваченные врасплох, они вскрикнули, а жрица громко рассмеялась.

— Мальчишки всегда остаются мальчишками, — проговорила она, — но вы-то теперь мужчины. Клянусь Кхо, если бы я не была замужем за капитаном, непременно посмотрела бы, насколько вы оба мужественны!

Хэдон обрадовался, что она не может этого сделать. Его не интересовали пятидесятилетние толстухи, а отказать ей он бы не осмелился.

Глава 3

Со стороны моря продолжали появляться высокие шероховатые скалы. Галеры обходили их стороной, не подходя ближе, чем на две мили: вблизи скал были рифы. Множество кораблей вынесло на них штормом, и все судовые команды бесследно исчезли. Затем показался сам пролив — узкая щель в скалах, — и флот вошел в порт, постройка которого потребовала больших затрат и времени. От скал тянулись два каменных волнореза, против которых стоял пришвартованным огромный плот; на этом плоту располагались штаб-квартиры кетнанского флота. Флот кхокарсан был обязан войти в порт и подвергнуться еще одному досмотру. Это раздражало капитанов торговых и военных судов, но поделать они ничего не могли.

— Пятьдесят лет назад Пикабес разрушила это место, наслав на него сильный шторм, — произнес капитан. — Вот бы ей еще раз повторить то же самое! Но не в то время, когда мы здесь!

На рассвете следующего дня флот вышел из порта, курс его пролегал таким образом, чтобы можно было войти прямо в пролив. Пролив представлял собой мрачную расселину, которая образовалась в результате того, что в далеком прошлом от скалы оторвался огромный кусок. Произошло это, вероятно, в то время, когда Кхо занималась созданием мира. Пролив являлся единственным водным соединением двух морей — северного Кему и южного Кемувопара. Пролив оставался неизвестным цивилизованному миру до тех пор, пока герой Кет не провел две галеры сквозь его жуткую темноту и не прорвался в великолепное сияющее море. Произошло это тысячу девяносто девять лет назад. Потом туда проникли еще несколько исследователей, но активная колонизация не проводилась до тех пор, пока спустя двести тридцать лет Кетна не основал город, названный его именем. Еще через пятьдесят лет жрица-исследовательница Лупоес на месте Опара открыла породы, содержащие алмазы и золото, и южное море обрело ценность для правителей Кхокарсы.

Пролив был настолько узок, что на расстоянии в одну милю казался просто чуть более темной прожилкой на камне

скалы. Затем, когда бирема, первой из числа военно-морских судов, погрузилась в него, казалось, будто каменный монстр широко разинул покрытый пеной рот. Судно Хэдона должно было проследовать в пролив третьим. Какое-то время оно покачивалось на неспокойных волнах в лучах яркого солнца, и спустя мгновение его поглотил пролив. Море стремительно катило свои воды, пронося их меж высоких стен такой высоты, что море казалось лишь тонкой полоской. Быстро опустилась темнота, настолько плотная, что, казалось, ее можно было потрогать рукой. Путь назад теперь оказался отрезан, ибо не было никакого места для маневра. Оставалось либо идти вперед, либо опуститься под воду — другого варианта не было. На корме, над тараном, стоял сигнальщик и передавал распоряжения первому помощнику, который по эстафете передавал их владельцу гонга. На корме и по боку судна тускло горели факелы; весла поднимались и опускались, их лопасти проходили всего лишь в нескольких футах от мрачных прочных стен. Слышались только шлепки о воду весел, звуки стекающей воды при их подъеме, голоса сигнальщика и помощника капитана и звяканье гонга. Всем остальным было велено сохранять тишину, но люди и так молчали без приказа. Разговаривать никому не хотелось, и даже те, кто миновали этот проход много раз, чувствовали то же самое, что и Кет со своими людьми, когда впервые осмелились войти в него. И действительно, пролив казался воротами в царство мертвых, владения королевы, где грозная Сисискен правит своими призраками, бледными жителями самой большой империи. Неудивительно, что Кету пришлось подавить мятеж, прежде чем он смог провести своих людей сквозь этот сумрачный проход.

Пролив не пролегал прямо, а изгибался то в одну, то в другую сторону. Несколько раз стены подходили вплотную к судну, и приходилось поднимать на борт весло, когда одной стороной они касались камня. Столкновение, хоть и небольшой силы, могло привести к тому, что хрупкий корпус корабля будет сдавлен, если только предусмотрительно не установить прочные бамперы из красного дерева еще до входа в пролив.

Хэдон со своими спутниками стоял у передней палубы и наблюдал. Их освободили от обязанностей на то время, пока

они пересекали пролив, поскольку капитан пожелал, чтобы на веслах сидели только профессионалы. Хэдон и Хевако были просто счастливы: раны, полученные во время порки, еще далеко не зажили. Но к их радости примешивалось и чувство опасения. Оба все время смотрели вверх и бормотали молитвы. Им сказали, что в пещерах, расположенных в скалах, живут великаны-людоеды, и если они услышат, что приближается корабль, то протянут свои длинные ручищи, схватят моряка и съедят его. А иногда неистовый клемкаба бросает на суда огромные глыбы.

Вдруг голубая линия неба, видневшаяся далеко вверху, затянулась облаками, и стало казаться, будто судно ползком продвигается в ночи. Капитан распорядился зажечь еще факелы, но вскоре их потушил обрушившийся сильный дождь. Ветер, еще недавно подобный легкому прикосновению пальцев к шее, теперь ощущался так, словно на нее легла тяжелая холодная рука. Участники соревнований прошли в рубку и, надев кепки и пончо из шкуры животных, вернулись обратно на палубу. Им не хотелось оказаться внутри ловушки, если судно сильно ударится о скалу и начнет тонуть. Тогда спастись не удастся. Людей раздавит между корпусом корабля и скалой, если следующее за ними судно попытается вытащить их из воды. Лучше уж погибнуть на открытом пространстве.

Пролив изгибался на пятьдесят миль; чтобы пройти его, понадобилось двое суток. Дождь прекратился, облака ушли, и в середине второго дня стены неожиданно расступились, и флотилия вошла в открытое море при золотом свете солнца. Симари принесла в жертву самого лучшего борова и вылила самое лучшее вино в голубую воду, а гребцы завели благодарственную песню. Все улыбались, а кто не работал, дурачились. Хэдон почувствовал себя так хорошо, что позволил себе выпить два бокала вина. Стюард, маленький человечек мрачного вида, отметил их в своих записях. Расходы, связанные с поездкой Хэдона, оплачивал Опар, поскольку самому юноше такое было не по карману.

Капитан сверился с картой, созданной при помощи магнитного компаса, чтобы удостовериться, что ведущее судно держится правильного курса, и бирема повернула с севера

на северо-запад по направлению к острову Кхокарса. Им предстоял последний и самый длинный бросок.

Проходили дни и ночи. И команда и пассажиры не видели ничего, кроме голубовато-зеленоватых вод Кему да птиц, и случайного проходившего мимо корабля.

Когда до прибытия в Кхокарсу оставалось несколько дней, показалась рыболовецкая флотилия. Она состояла из маленьких парусных судов, рассчитанных на десять человек, и плавучей базы, на которой рыбу обрабатывали и солили. Над суденышками кружили тучи птиц, орлов-рыб, морских грифов и белых птиц с крючковатыми клювами, датокоемов.

А затем настал день, когда на горизонте обозначилась длинная темная линия: окруженная морем и скалами Кхокарса поднялась навстречу.

Флотилия на веслах вошла в широкую бухту Асема, миновала красно-черные стены, белые башни и купола расположенного в ней порта и к наступлению ночи очутилась в длинном заливе, именуемом Заливом Лупоес, который почти пополам перерезал остров. Движение стало интенсивным из-за военных судов, покидающих порт и направляющихся нести дозорную службу, длящуюся целый год; торговых судов, среди которых были и гигантских размеров триремы, рыбачьих и торговых лодок, перевозивших грузы между городами Кхокарсы, и речных лодок, переправлявших продукты из расположенных в долинах, в глубине суши, городов в прибрежные города, где товары можно было перегрузить на курсирующие по морю торговые суда.

Флотилия шла три дня, пока пролив не стал сужаться, но еще до того они увидели вершину огромного вулкана Кховота, Голоса Кхо, который находился к востоку от столицы. Затем заметили вершину Великой Башни Кхо и Ресу, законченную строительством на две трети, которая воздвигалась столетиями; зачастую с наступлением лихих времен сооружение ее забрасывалось.

Тогда капитан поднял огромный льняной флаг с изображением красного муравья — знак того, что на корабле находятся участники соревнований из города — сокровищницы Опара. Флагманский корабль флотилии приветствовал

торговые корабли, а военные суда сменили курс на порт, расположенный на острове Поехи, который служил военно-морской базой. Торговые корабли шли медленно, дабы избежать столкновения с другими судами, державшими курс на восток от Поехи.

Потом под звуки армейского оркестра судно причалило, и спортсмены по одному стали спускаться со сходней; их приветствовали официальные лица, которые потом взяли участников под свою опеку.

Хэдон пребывал в возбуждении, но надеялся, что этого никто не заметит. Он был одет в свои лучшие сандалии из шкуры гиппопотама, килт из леопардовой шкуры, бронзовые латы с рельефным изображением огромного красного муравья, бронзовый шлем, украшенный перьями ястреба, и широкий кожаный ремень, на который крепились ножны; в ножнах покоился длинный, с квадратным концом, слегка изогнутый меч, тену. Казалось, что на причалах прибывших ждали тысячи, и еще тысячи других на расположенных выше узких улочках надеялись хоть одним глазком взглянуть на участников Великих Игр. Они махали им руками и подбадривали. Лишь некоторые шумные пьяницы встречали свистом прибывших юношей. Не было никакого сомнения — это сторонники их соперников из других городов.

Потом события стали развиваться быстро. Представители власти взяли юношей под свою опеку из рук жрицы Симари, и затем спортсмены промаршивали через город за идущим впереди и издающим металлические звуки оркестром. Хэдон надеялся, что его представят королю и его дочери. Ничего подобного. Группа прошла мимо высоких стен из черного гранита во Внутренний Город, но спустя некоторое время стало очевидно, что прибывшие идут прямиком к своим апартаментам, расположенным вблизи Колизея, где будут проходить Великие Игры. Продвигались они медленно — мешали людские толпы, бросавшие в будущих героев лепестки и пытавшиеся прикоснуться к ним. Маршрут следования пролегал через расположенную на востоке коммерческую и жилую часть города, вдоль которой тянулись четырехэтажные здания из глиняного кирпича, покрытого толстым слоем белой штукатурки.

Многие здания сдавались в аренду. Несмотря на то, что город Кхокарса был самым богатым в мире, в нем жило самое большое количество бедных. Без сомнения, многие пренебрегли предписанным ритуалом купанием, поскольку на узких жарких улочках ощущался сильный смрад, исходивший от немытых тел. К этому добавлялся запах от гниющего мусора на тротуарах и бочек с экскрементами, которые ждали отправки в сельскую местность для использования в качестве удобрения.

Примерно через милю улица стала круто забирать вверх, и неожиданно путники оказались в районе, где располагались жилища хорошо обеспеченных и богатых горожан.

Это были большие двухэтажные дома за высокими стенами и охраняемые даже в дневное время людьми, вооруженными копьями и мечами. Здесь толпа поредела, теперь она состояла по большей части из жен богачей, их сыновей и дочерей, слуг и рабов. Хэдон увидел красивую девушку, которая заставила его сердце биться быстрее. На ней был только килт, изготовленный из превосходного льна, вышитый узором из красных и голубых цветов, на грудь спадало бриллиантовое ожерелье. Длинные светлые волосы украшал большой алый цветок. Если здесь есть еще похожие на нее девушки, думал Хэдон, он сможет с удовольствием провести свое свободное время. В тот момент он даже не мог вообразить, с какими запретами ему придется столкнуться в период тренировок.

Улица все вилась и вилась вверх, и вскоре гости оказались так высоко, что смогли смотреть вниз на Внутренний Город. Хэдон смог увидеть обнесенную рвом и стенами крепость в северо-восточном углу, скалистый холм, на котором располагались дворцы, храмы и основные правительственные здания. Выше располагалась огромных размеров башня, зиггурат[4], высота которой в настоящее время равнялась пятистам футам, основание ее охватывало полмили. Вокруг нее висело облако пыли, которая поднималась работающими здесь людьми и быками.

Улица вновь устремилась вниз; путники пересекли Дорогу Кхо, широкое выложенное каменными блоками шоссе, которое

[4] Зиггурат *(арх.)* — ступенчатая пирамидальная башня, культовое сооружение. *(Прим перевод.).*

вилось от стены Внутреннего Города до крутой стороны вулкана. Выше находилась сверкающая белизной могила героя Гахете, человека, который первым ступил на этот остров, а было это восемьсот лет назад. За этой могилой возвышалось плато, на котором стоял храм Кхо и рос священный дуб. Но Хэдон не мог этого видеть.

Миновали еще один богатый жилой район; его пересекал канал с перекинутым через него мостом; потом вышли на широкое поле и пред глазами предстал Колизей. Сердце Хэдона забилось даже сильнее, чем когда он увидел красивую девушку-блондинку. Внутри круга из высоких гранитных стен его ждала судьба. Но сегодня он не узнает ее. Его провели в барак, предназначенный для юношей, и выделили кровать и туалет. Хэдон с удовольствием снял бронзовые доспехи, в которых он изнывал от жары, и принял душ.

Глава 4

Прошел месяц, прежде чем будущих участников соревнований приняли король и его дочь, верховная жрица. Все время до этого события юноши в светлое время суток тренировались, а вечера проводили в разговорах или бросали кости. Каждый тренировался сам; соревнования между ними практически не устраивались, но спортсмены внимательно наблюдали друг за другом и пытались оценить возможности своих соперников. Хэдон испытал легкий шок, когда обнаружил, что трое юношей выше его ростом, а у двоих из них мускулы развиты значительно больше. Третий, Вига из Каараркута, вполне мог превзойти его в забеге на дистанцию 440 ярдов и в двухмильном пробеге. Конечно, утверждать это с определенностью до дня состязаний нельзя. Но Вига бегал быстро, очень быстро. Видимо, он также и плавал отменно, хоть Таро и думал, что сумеет превзойти его. Хэдон в это не верил, но ничего не сказал. Таро, неизменно оживленный в Опаре и во время путешествия, имел хмурый вид. Судя по всему, он жалеет теперь о своем решении участвовать в

Играх, но путь назад уже отрезан. Закона, который запрещал бы это, не было, но, если бы он отказался, о нем стали бы думать как о трусе, и он не смог бы вернуться в Опар.

Хэдон порою тоже предавался сомнениям и впадал в уныние. Одно дело быть самым высоким и быстрым в Опаре, но здесь он походил на деревенщину, а ему предстояло сразиться с верхушкой могущественной империи. Он не в состоянии все бросить, но мог бы постараться дисквалифицироваться во время выступления на поле и на беговой дорожке. Если кто-либо не наберет достаточное количество очков во время этих соревнований еще до начала опасных видов состязаний, того могут исключить из дальнейшей борьбы. Нет никакого сомнения в том, что многие до него, утратив в какой-то момент мужество, так и сделали. Он надеялся, что и Таро поступит так же. Нет, он, Хэдон, не смог бы. Когда он вступал в борьбу, то делал все от него зависящее, чтобы победить. Он не сможет жить в согласии с самим собой, если проиграет умышленно. А самоубийство, если только оно не совершено при почетных обстоятельствах, обеспечит лишь самое жалкое существование в империи ужасной Сисискен. Если же он погибнет, храбро сражаясь, на Играх, его похоронят как героя, и в его честь у Дороги Кхо будет возведен пилон.

Свои сомнения Хэдон держал при себе. Когда он писал в Опар длинные письма своей семье, то пытался провести в них мысль о своей уверенности в том, что станет победителем. К тому времени, как почта придет — если вообще придет, ввиду того что корабль, ее доставляющий, может быть перехвачен пиратами или затонуть во время шторма, — он или будет похоронен. или станет мужем Авинет и новым королем королей Кхокарсы. Это произойдет, если Авинет примет его, поскольку у нее было право отказаться от того, кто ей не понравится. Кроме того, существовала вероятность, что Авинет выйдет замуж за своего отца. Ходили слухи, что Минрут сватался к ней, но она ответила ему отказом. Минрут не желал освобождать трон. Подобные прецеденты имели место и до него: у него были предшественники, которые делали подобные предложения. Трое королей Кхокарсы женились на своих сестрах или дочках с целью сохранить корону.

Тем временем, что бы и где бы не творилось, Хэдону приходилось принимать во внимание свои ближайшие цели. Вига представлял собой угрозу в соревнованиях по бегу. Гобху, мулат из семьи, свободной вот уже сто лет, — опасный соперник в прыжках в длину и в высоту, и, видимо, развивал большую скорость в забеге на сто ярдов. Казалось, что по крайней мере троим самой судьбой предначертано победить в соревнованиях по борьбе. У Хевако, подумал Хэдон, наиболее предпочтительные шансы, хотя похожий на быка Вохекен из Дитбета тоже обладал чрезвычайно большой силой и скоростью. Хэдон наблюдал за юношами, которые боролись с профессионалами. Похоже, Хевако и Вохекен произвели на них большое впечатление.

Хэдона интересовало, что думают о нем нуматену, с которыми он упражнялся на деревянных мечах.

Они всегда одерживали над ним верх, правда, разрыв никогда не превышал четырех очков, и ему казалось, что нуматену относятся к нему с уважением. Среди конкурентов по искусству владения мечом с ним могли сравниться лишь Таро и Вига. Схватка на мечах имела наиболее важное значение: она велась до смертельного исхода. Но, как говорил его отец, победителем, возможно, станет тот, у кого есть внутренний стимул убивать. А все юноши не прошли еще подобного испытания; никому не приходилось убивать человека в схватке на мечах.

Хэдон оценил возможности своих соперников и некоторое время не слишком беспокоился. Потом ему неожиданно пришла мысль о том, что некоторые могут умышленно не раскрывать реальные возможности, чтобы потом удивить своих противников. Эта мысль настолько его тревожила, что трудно было уснуть.

Настал день, когда участникам соревнований надлежало предстать пред двором. Поднялись на рассвете, вымылись, принесли жертвоприношения и поели. Облаченные во все доспехи будущие соперники маршировали за оркестром по Дороге Кхо, по ее древним мраморным блокам, в город. Вновь шли мимо радостно приветствующих их толп. Потом остановились перед рвом шириной сорок футов и стенами высотой сто футов, которые кольцом окружали

основание акрополя Внутреннего Города, и прошли по навесному мостику из дуба; бронзовые ворота на другом его конце открылись, как только люди миновали мост.

Выше внушительно обосновался крутой холм из гранита, на котором стояла крепость, представляющая собой усеченный конус высотой две сотни футов и около полумили в диаметре. По периметру холма тянулась стена из массивных гранитных блоков высотой пятьдесят футов. Юноши поднялись по крутой мраморной лестнице, по обеим сторонам которой стояли диоритовые и базальтовые статуи рокьогьи [5], переводя дыхание, постояли наверху в ожидании старших. Затем прошли в ворота шириной двадцать футов и высотой сорок футов. Над воротами были высечены два орла-рыбы в профиль, в глазную впадину каждого вставлен массивный бриллиант. Группа направилась вниз по широкому прямому Бульвару Кхукли, богине цапель, прошли мимо множества правительственных официальных лиц и рабочих. Снова остановились, на этот раз перед дворцом правителей империи Кхокарсы, построенным тысячу лет назад. Это здание было самым большим в мире после башни Кхо и Ресу. Построенное из белого мрамора с красными прожилками, оно имело девять сторон, а венчал его крытый золотом купол, основание которого было украшено узорами, составленными из бриллиантов, изумрудов и рубинов. Все поднялись по девяти широким ступеням, каждая из которых посвящалась первичному облику Кхо, и вошли в портик. Колоннада былиа высечена в напряженно-скованной манере древних; каждая колонна представляла собой животное, растение или героя девятилетнего Великого Цикла: орла-рыбу, гиппопотама, зеленого попугая, героя Гахете, морскую выдру, рогатую птицу, медоносную пчелу, просо и героя Венгата.

При виде всего этого Хэдона охватило чувство благоговения. В момент, когда они вошли в центральное помещение, где сидели члены королевской семьи, а знатные мужчины и женщины стояли, он ощутил себя маленьким и смиренным.

[5] Рокьогья – в настоящее время исчезнувшая гигантская рептилия, драконообразная sirrush, изображение которой имелось на воротах Иштар в древнем Вавилоне. Во времена Хэдона она водилась в джунглях, протянувшихся вдоль южного моря. *(Прим. авт.).*

Затрубили бронзовые трубы, затрещали трещотки, и эскорт прибывших с грохотом опустил толстые концы своих копий на пол. Герольд выкрикнул:

— Вот, жрица Кхо и ее дочери, луны, герои Великих Игр! Вот, король королей империи Кхокарса и двух великих морей, герои Великих Игр!

И он закончил, продекламировав три раза отрывок, которому надлежало завершать все официальные приветствия во дворце:

— И помните, что смерть придет ко всем!

Авинет восседала на дубовом троне, на высокой спинке которого расположилась посаженная на цепь орел-рыба. Трон не имел убранства, но на женщине, восседавшей на нем, украшений хватало. Ее длинные волосы ярко блестели, черты лица были впечатляющие и дерзкие, темно-серые, глаза большие, кожа молочной белизны, грудь полная и красивой формы, а ноги изящные и округлые. Определенно, ее телосложению нечего было пожелать, хотя, возможно, бедра могли бы быть чуточку пошире. Поговаривали, однако, что у нее отвратительный характер.

Трон Авинет стоял на полступеньки выше трона короля — превосходство, которым, как полагали, Минрут сильно возмущался. Трон Минрута, по контрасту с ее троном, предстал роскошно украшенным золотом, бриллиантами, изумрудами, на верху его спинки пристроилась резная фигурка Ресу, Пламенеющего Бога, изображенного в виде украшенного короной горного орла.

Минрут был среднего роста, но обладал широкими плечами и большим животом. Черты лица короля и дочери во многом были схожи, если не считать того, что его нос крупнее и слегка изогнутой формы. Теперь жир скрывал мускулы, которые тридцать лет назад дали ему возможность стать победителем Великих Игр. Несмотря на это, король выглядел моложе своих пятидесяти шести лет. Но все же у него был грустный вид. Широкие темные брови, столь похожие на брови его дочери, хмурились.

Рядом с Минрутом на мраморном помосте лежал посаженный на цепь огромный черный лев и мигал сонными зелеными глазами.

Авинет заговорила сильным, но приятным голосом:

— Приветствую вас, герои! Я наблюдала за вами, оставаясь невидимой для вас, и выслушала ваших тренеров. У всех вас хорошее телосложение, хотя у меня нет достаточной уверенности в быстроте природного ума или правильности речи некоторых из вас. Мне бы не хотелось носить детей от мужчины со слабыми умственными способностями, а потому будем надеяться, что никто из тех, кто подходит под это определение, не станет победителем. Я не выйду замуж за такого человека! Правда, люди со слабыми умственными способностями редко добиваются победы, и потому мысль отказать победителю не очень-то беспокоит меня.

Она подала знак, и герольд, стукнув толстым концом своего посоха, прокричал:

— Желает ли говорить король королей, отец верховной жрицы?

Минрут заговорил громким раскатистым голосом:

— Да. Мне редко доводилось видеть группу столь жалких героев. Когда я сражался на Великих Играх, я выступал против мужчин! Я сожалею, что у моей дочери будет такой маленький выбор. В том случае, если она решится на подобный выбор.

Лицо Хэдона зарделось от стыда.

Авинет рассмеялась:

— Всегда вот так: старые добрые времена, старые добрые времена, когда среди нас ходили гиганты. Что ж, среди вас есть один, кто особенно понравился мне. Я буду молиться Кхо, чтобы Она даровала ему победу.

«Не я ли это?» — подумал Хэдон, и сердце его запрыгало.

Авинет поднялась:

— Отпустите их.

Хэдон был поражен. Он думал, что предстоит что-то еще, например, банкет, во время которого ему, возможно, удастся поговорить с Авинет. Но нет. Им оставалось собраться вместе и после столь долгого перехода маршировать обратно в бараки по жаре, мучаясь от неутоленной жажды.

Хевако, стоявший позади Хэдона, пробормотал:

— Если я когда-нибудь дотронусь до этой красивой суки, она не будет столь самонадеянной.

Глядя на Хевако, высказался и Таро:

— Возможно, она предпочтет выйти замуж за гориллу. Ты разве не слышал, что она сказала про дураков среди нас?

— А тебе, Таро, я сломаю хребет, — пообещал Хевако.

— Молчите здесь, — тихим голосом велел герольд.

Хевако замолчал, оркестр вновь заиграл, и герои отправились обратно. Выйдя из дворца, они почувствовали, что ветер переменился, и облака пыли, идущие с места работ вокруг огромной башни, как пудрой покрыли все вокруг. Хэдону пришла в голову мысль, что, должно быть, приходилось держать целую армию только для того, чтобы содержать дворец в чистоте. Кроме того, запах, исходящий от тел тысяч рабочих и животных, а также шум, должно быть, беспокоили обитателей дворца, если ветер дул в его сторону. Но не одни они страдали от воздвижения Великой Башни. Затраты на строительство тяжким бременем ложились на налогоплательщиков, а среди рабочих часто распространялись болезни. Лучше бы Минрут оставил эту затею и потратил деньги на то, чтобы разрушить город пиратов Микавуру и усмирить наглых кетнанцев. Но поговаривали, что он совершенно обезумел и намерен закончить сооружение башни при своей жизни. Теперь, если Хэдон станет королем королей, он умерит работу над ней до такой степени, чтобы, с одной стороны, облегчить бремя налогов, а с другой, — не прогневить Кхо и Ресу. А затем он направит деньги и силы на решение более нужных задач.

Больше, вплоть до первого дня Игр, юноши не видели Авинет и Минрута. Но до них доходили слухи о событиях во Внутреннем Городе. Самым интригующим оказалось сообщение о возвращении человека, единственного оставшегося в живых из всех членов экспедиции, которая была направлена в саванны и горы, расположенные на дальнем севере. И он принес весть о том, что видел! на самом деле видел Саххиндара, Сероглазого Бога!

Эти новости взбудоражили всех. Саххиндар, бог растений и времени, был изгнан своей матерью Кхо. Жрицы говорили, что он навлек на себя Ее гнев, когда впервые научил людей выращивать растения, приручать животных и изготавливать бронзу. Она намеревалась сделать это Сама в соответствующее время, но Сероглазый Бог не повиновался Ей

и раньше времени показал людям способ, при помощи которого они могли усовершенствовать свою жизнь и выгодно отличаться от животных. И потому Кхо вышвырнула его из страны и лишила способности путешествовать во времени и перемещаться между прошлым, настоящим и будущим. После этого Саххиндар был обречен идти вровень со временем, как и все, кроме Самой Кхо. Теперь ему предстояло скитаться в джунглях и саваннах за пределами границ Кхокарсы, на самом краю мира.

И все же человек, которого звали Хинокли, утверждал, что встречал бога, говорил с ним и тот ему сообщил, что, возможно, он когда-нибудь вернется в Кхокарсу. Могло ли этакое быть правдой? Или это дикая выдумка?

— Я знаю, что среди нас есть божества, — сказал Таро Хэдону. — Но ты знаешь кого-либо, кроме вещих жриц, кто видел бога или богиню? Видел ли ты такого человека?

— Только во сне, — ответил ему Хэдон.

— Ежели это правда, — сказал Таро, — значит Кхо простила Саххиндара. Или же он вернулся, несмотря на ее запрет. В таком случае Кхокарса пострадает от гнева Кхо. Когда божества ссорятся между собой, от этого больше всего всегда страдают простые смертные.

— Может, Хинокли лжет? — спросил Хэдон.

— Ни один здравомыслящий человек не осмелится на подобную ложь. Кхо покарает такого.

Тогда, может быть, он не в своем уме. Говорят, он сильно страдал в Пустынных Землях.

Вига произнес:

— Если вы станете ссылаться на меня, я откажусь от своих слов. Но я слышал, что жрецы Ресу будут приветствовать возвращение Саххиндара. Они говорят, что Сероглазый Бог собирается объединиться в союз со своим великим братом, Ресу, и посадить на цепь Кхо, если только она не признает их главными. Еще я слышал, что толкуют, будто Минрут будет доволен, если Саххиндар вернется. Тогда он останется королем, принудит свою дочь выйти за него замуж и поднимет статус мужчин.

Хэдон и Таро побледнели. Хэдон проговорил тихим голосом, оглядываясь кругом:

— Не повторяй подобных вещей, Вига! Ты хочешь, чтобы тебя кастрировали, а затем бросили свиньям? — Он подозрительно уставился на Вигу: — Может быть, ты сам из тех, кто полагает, что Ресу следует обладать верховной властью?

— Нет, я так не думаю! — ответил Вига. — Однако известно: Минрут считает, что Ресу должен быть главным и верховным. Говорят, что слышали, как он сказал во время беседы с жрецами Ресу, что именно он, кто контролирует армию и военно-морской флот, является истинным хозяином Кхокарсы. По его словам, копья должны внушать такой же, если не больший страх, чем гнев Кхо.

— Рассказывают, что Минрут много пьет и говорит дерзкие вещи, когда напьется, — произнес Хэдон.

— Минрут — потомок рода Клемсааса, которые захватили трон и упразднили обычай приносить в жертву короля после того, как он пробудет в роли правителя девять лет, — сказал Вига. — Если допустимо заменить один обычай, то же можно сделать и с другим.

— Я также потомок Клемсааса, как, впрочем, и ты, — сказал Хэдон.— Но я испытываю отвращение к самой идее совершить богохульство против Кхо. Если она обидится, у нас наступит новая Великая Чума. Или же Кхо может заговорить языком огня, лавы и землетрясения и разрушить эту неблагодарную землю. Молва утверждает, что Вимимви, жена Минрута, предсказала именно это, если только жрецы Ресу не оставят свои попытки сделать Ресу главным во всей вселенной.

— Сюда идет Хевако! — предупредил Таро. — Ради Кхо, давайте прекратим разговор на эту тему. Если он донесет на нас, то избавится сразу от троих своих главных соперников.

— Я не сказал ничего такого, чего можно стыдиться, — сказал Хэдон.

— Да, но к тому времени, как жрицы разберутся в этом, Игры уже закончатся.

Теперь пришла очередь побледнеть Виге. До него вдруг дошло, что Хэдон и Таро могут избавиться от него, если передадут его слова.

— Не беспокойся, — успокоил его Хэдон. — Причинить тебе неприятности — нет! Это не принесет нам чести. Кроме

того, ты только лишь передал слухи и то, что слышал от других. Но Хевако непременно сообщит о тебе.

А затем наступил первый день месяца Аденет, богини сексуальной страсти, в Году героя Гахете. В этот день толпы людей устремились к Колизею, который мог вместить 150 000 человек. В девятом часу дня прибыли верховная жрица и король и заняли свои места под навесом. Ворота закрылись, взметнулись трубы, забили барабаны, затрещали трещотки, и герои вышли маршем, чтобы предстать перед Минрутом и Авинет и совершить возлияния Ресу и Кхо. Герольд объявил первый номер программы соревнований, и Игры начались.

На Играх было представлено по трое чемпионов от каждого из тридцати владений королевы со всей империи. Соревнования начинались забегом на дистанцию в сто ярдов. Процедура определения победителя из девяноста участников отнимала много времени. Места старте хватало на то, чтобы выстроить в одну линию девять человек на беговой дорожке длиной четверть мили; дорожка образовывала внутренний круг в Колизее. В первом забеге бежали участники соревнований из Опара, Кхокарсы и Ветны. Хэдон, одетый лишь в набедренную повязку из шкуры оленя, трепещущий от нетерпения начать бег, согнулся в ожидании того, как желтое льняное полотнище упадет на землю. При звуке труб толпа стихла, стартер отдал распоряжения, полотнище упало, и все девять человек устремились вперед по дорожке. Но звон гонгов вернул их прежде, чем они успели сделать несколько шагов. Бегун из Ветны взял фальстарт.

После того как полотнище упало второй раз, бегуны стартовали правильно. Хэдон был просто счастлив от того, что пришел к финишу первым. Таро оказался вторым, человек из Кхокарсы третьим, а Хевако, на удивление, четвертым. Несмотря на свою приземистость и большую массу, он мог перебирать короткими ногами так же быстро, как гиппопотам, который, как известно, способен на самом деле быстро бегать на короткие дистанции.

Затем провели состязание победителей первых четырех забегов. Вплоть до самого последнего момента Хэдон рассчитывал на победу. Он задержался на старте и отставал от трех остальных участников примерно на пятьдесят ярдов, но потом его длинные ноги с такой скоростью замолотили по

земле, что ему удалось обойти Таро, затем Мокови из города Мукха. Он приблизился даже к Гобху из Дитбета, и на какое-то мгновение его охватило ликование, поскольку он подумал, что обойдет и его. Но Гобху прибавил скорости — очевидно, у него был запас сил — и обошел Хэдона примерно на фут.

Хэдон не огорчился. Ему удалось больше, чем он думал. Дистанция в сто ярдов отнюдь не была его коронная. Он взглянул вверх на кабину, в которой сидела Авинет. Показалось ему или в самом деле она выглядела разочарованной? Возможно, показалось.

Затем провели соревнование среди тех, кто занял вторые места в первых забегах, после — среди тех, кто оказался третьими. Гобху наградили золотой короной, которую ему надлежало носить всю жизнь и унести с собой в могилу.

Вторым номером программы стал забег на дистанцию в четверть мили. Теперь Хэдон чувствовал себя более уверенно, но, несмотря на это, он потерпел поражение от длинноногого Виги, который обошел его на шесть дюймов. Хэдон не расстроился, даже несмотря на то, что никогда ранее не терпел поражения в этом виде соревнований. В целом он добился неплохих результатов. Ему удалось завоевать первое место в соревновании по бегу среди тех, кто оказались в своих забегах вторыми.

Ему было приятно отметить, что Хевако не победил ни в каких видах. Но было ясно, что этот парень наберет много очков потом, в состязаниях по борьбе, боксу и метанию дротиков.

В тот же день позднее проводились состязания на дистанцию в две мили. Их предполагалось организовать в четыре приема, по двадцать два человека в каждом забеге. Двое выбыли, не набрав достаточного количество очков в предыдущих состязаниях, что уменьшило количество соперников до восьмидесяти восьми. Двое дисквалифицированных бродили с опущенными головами, но Хэдону показалось, что один из них выглядел так, будто испытывает облегчение. Королем он не станет, но и не погибнет.

Двадцать два человека для одной беговой дорожки было многовато. Более того, первые четверть мили разрешалось толкаться и ставить подножки. Сначала Хэдон побежал по внешней кривой. Хотя ему и придется покрыть большее

расстояние, он решил, что это убережет его от тех, кто толкается и старается сбить с ног соперника. Он бежал вслед за Вигой, Таро и парнем из Кетрута, а затем на второй миле стал постепенно увеличивать скорость. На третьей четверти последней мили Хэдон с трудом тащился за этими тремя, которые все еще лидировали, на последней четверти мили он даже смог приблизиться к Виге, но все еще оставался позади него. Затем на финише он сумел увеличить темп, что позволило ему оторваться на четыре шага от Виги. Хэдон мог двигаться быстрее, но хотел сохранить силы. Он был рад, что смог сразу же оторваться от Виги, своего главного соперника.

Часом позже, к финальному забегу, дыхание его восстановилось, но Хэдон не чувствовал в себе столько сил, как после того, когда стал первым среди занявших вторые места бегунов на дистанцию в четверть мили. Все же он решил двигаться вдоль внешней стороны. В это время остальные, зная, что Хэдон выиграл первый забег, попытались все вместе вывести его из игры. Кто-то сильно толкнул его сзади, и он упал, ударившись лицом, содрав с него и с коленей кожу. Рассердившись, Хэдон вскочил, догнал последнего бегуна к концу первой мили, а затем прибавил скорость. На финише, в последней четверти мили Хэдон нашел в себе силы, о существовании которых и сам не подозревал. В конце беговой дорожки незримо блеснула золотая корона, и он завоевал ее с отрывом от остальных в десять шагов.

Авинет улыбалась. Было ли ей приятно, что выиграл именно он, или она всегда улыбалась победителям?

В ту ночь Хэдон спал крепко, а тем временем огромный зал, где вкушали сон участники соревнований, ярко освещался установленными на стенах факелами, а сами спящие находились под неусыпным контролем тихонько бродящих между ними стражников. В прошлом были случаи, когда соревнующиеся причиняли вред своим соперникам — отравляли их, запускали к ним в постель ядовитых змей или посыпали постельное белье порошком, от которого зудело тело, чтобы соперник не мог выспаться и лишился сил. Стражники находились здесь, обеспечивая гарантию того, что ничего подобного не случится. За пределами зала тоже

находились охранники, которые наблюдали за тем, чтобы родственники и друзья соревнующихся не попытались совершить подобные же поступки. За самими стражниками наблюдали другие, поскольку существовала возможность того, что и они подкуплены.

Итак, Хэдон спал крепко, зная, что никто — вроде Хевако, к примеру, — не сможет покалечить или убить его.

Назавтра выпал день отдыха, и Хэдон тренировался очень немного. Через день Игры возобновились соревнованиями по прыжкам в длину и в высоту. Что до прыжков, соперники заранее отлично знали, каковы будут результаты. Они наблюдали друг за другом во время тренировок. Но эта информация хранилась втайне от посторонних или, по крайней мере, считалось, что хранится. На самом деле самые азартные шпионили и подкупали официальных лиц для получения предварительных сведений и теперь заключали пари с простаками. Большие деньги ставили на Гобху в прыжках в длину, и значительно меньшие — на Хэдона или Квобиса как на возможных вторых призеров. Эти двое во время тренировок так много раз показывали одинаковые результаты, что профессиональные спорщики не хотели рисковать своими деньгами и делать ставки на тех, кто займет вторые места.

По прыжкам в высоту знатоки отдавали предпочтение Хэдону из Опара, а второе место Виге из Кааркута.

Однако, человек предполагает, а Кхо располагает.

В тот день дул коварный ветер, холод чередовался с неожиданными порывами. Каждому участнику разрешалось сделать лишь один прыжок в длину, а потому все были во власти случая. Так, неудача постигла Гобху: во время прыжка в лицо ему дул ветер. Везение оказалось на стороне Хэдона и Квобиса. У Гобху результат был третьим, у Квобиса — первый, а Хэдон отстал от него на дюйм.

Что касается прыжков в высоту, то каждый мог продолжать состязание до тех пор, пока не собьет планку. Планку установили на высоте пять футов и десять дюймов, однако очень скоро среди соревнующихся остались лишь Хэдон, Вига, Таро и прыгун из Кетрута по имени Квона, ноги которого поражали особенной длиной. Когда высота планки

достигла шести футов, Хэдон единственный смог преодолеть ее. Его ловкость восхищала, особенно если принять во внимание, что все прыгали босиком. Рекорд составлял шесть футов и пять дюймов: толпы на трибунах дошли до бешенства при заключении пари, когда планку установили на этой высоте. Хэдон подождал, пока стихнет ветер, а затем, разбежавшись, мощно оттолкнулся. Он слегка коснулся планки, когда перекатывался через нее, но она осталась на колышках. Пока вокруг ликовали выигравшие пари и стонали проигравшие, он уже был готов попытаться побить и этот рекорд. Неожиданно вновь поднялся ветер, но на этот раз он дул ему в спину. Хэдон побежал к планке, соизмеряя свои шаги таким образом, чтобы оттолкнуться; в противном случае его могло отнести слишком быстро на планку. Уже отрываясь от земли, он знал, что сделает это — Кхо была с ним, — и хотя он вновь коснулся планки, и казалось, что, задрожав, она упадет, планка все же не упала. А потому в тот день он получил двойную золотую корону, один ярус которой символизировал его победу, а другой — то, что он побил рекорд.

Опять настал день отдыха юношей. А через день они строем пошли вслед за оркестром на озеро; симпатичные девушки устилали их путь лепестками. Спортсмены увидели, что трибуны заполнены людьми, большинство из которых заключили пари на большие суммы, независимо от того, могли ли они себе позволить такое или нет. Первым шло состязание на выносливость, нужно было переплыть туда и обратно озеро шириной четверть мили. Все восемьдесят восемь участников Игр выстроились в одну линию и при звуке труб прыгнули в воду. Хэдон плыл где-то за половиной соревнующихся. Он знал свою скорость и не хотел выдохнуться. К моменту, когда он приближался к другому берегу озера, он обошел многих, впереди него оставалось около десяти человек. Прикоснувшись к жезлу судьи, стоявшего на пристани, он повернул обратно и начал увеличивать скорость. На половине пути назад он оказался немного позади Таро, юноши из Дитбета, Виги, Гобху и Кхукли. Последний был родом из города на сваях, Ребхи; этот Кхукли, тренируясь, провел на воде намного больше времени, чем все остальные. У него были мощные плечи и исключительно длинные руки и ноги. Все остальные соперники не так беспокоили Хэдона, как

он. Теперь Кхукли, решив прибавить, приблизился к остальным, а потом и обогнал их. Хэдон чувствовал себя так, будто его легкие горят, а руки и ноги стали негнущимися, словно бревна. Наступило время, когда дух должен был преодолеть телесную боль, и Хэдон заставил себя сделать это, хотя испытывал непреодолимое желание все бросить. Он обошел всех, кроме Кхукли, и почти настиг его и все подстегивал, подстегивал себя. Шум толпы смешался с шумом крови в голове. И вдруг все кончилось, он пыхтел, словно загнанный в угол боров, и был настолько слаб, что едва не принял предложение вытащить себя из воды. Гордость помешала ему согласиться на это, и он сам выбрался на причал и сидел до тех пор, пока не восстановил дыхание. Что ж, он почти что добился успеха. Будь дистанция на двадцать ярдов длиннее, он смог бы обогнать Кхукли. Он оказался более выносливым. Но озеро не сделалось длиннее, и он проиграл, уступив половину длины руки.

Двумя часами позднее первый из юношей взобрался по приставной лестнице из семидесяти ступенек на узкую платформу, висящую над серединой озера. На нем была шляпа с перьями орла-рыбы, а раскрашенное лицо напоминало орла-рыбу. Вокруг лодыжек — перья орла-рыбы. Под молчание толпы он балансировал на верху платформы. По сигналу он прыгнул с нее. Толпа зашумела, когда он чисто вошел в воду, хотя шляпу и перья с лодыжек снесло.

Прыжки с высоты в воду являлись отличительной чертой соревнований и были приняты на древней церемонии Тотема орла-рыбы, когда испытывалось мужество юношей во время совершения обрядов их превращения в мужчину. Пари заключались на самые крупные суммы, хоть и ставились они не на победителя, поскольку за этот вид соревнований золотая корона не присуждалась. Ставки делались на то, выживет ли прыгун, не причинив себе при этом повреждений, а поскольку никаких тренировочных прыжков не предусматривалось, никто не знал потенциальных возможностей отдельных прыгунов.

Третий юноша, развернувшись и наклонившись наружу, ударился о воду. Треск от удара тела о поверхность воды был слышен всем, юноша не поднялся на поверхность воды.

От стоявшего поблизости на якоре плота отчалила лодка, и прыгуны спустились за ним. Они вытащили труп.

Когда совершал прыжок шестой юноша, его отнесло порывом коварного ветра, и спортсмен ударился боком. Парень выбыл из борьбы, поскольку сломал ребра и повредил мускулы.

Когда подошла очередь Хэдона, он обождал несколько секунд после сигнала трубы. Многие в толпе начали освистывать его, думая, что он потерял самообладание. Но Хэдон ждал, когда кончится ветер, и когда это произошло, он прыгнул. Он успел сделать это как раз перед вторым сигналом трубы, после которого, если бы он прозвучал, его бы дисквалифицировали на все оставшиеся виды соревнований Игр. И он бы оказался открыт для обвинений в трусости.

Годы тренировок оправдали себя. Хэдон чисто вошел в воду, но даже несмотря на это, вынырнул из нее оглушенный.

По окончании соревнований толпа разошлась, довольная увиденным, не считая, конечно, возлюбленных, родственников и друзей четверых погибших и пятерых покалеченных.

На следующий день мертвых похоронили в вырытых в земле могилах и возвели над их могильными холмами остроконечные мраморные монолиты. Участники соревнований усыпали могилы лепестками, а жрицы принесли в жертву быков, чтобы души усопших смогли напиться крови и отправиться счастливыми в сад, приготовленный Кхо для героев.

Следующие три дня посвящались боксу. Кулаки юношей защищали тонкие перчатки с толстым прорезиненным слоем над костяшками пальцев. Соперников предварительно разбили на пары в соответствии с ростом, и Хэдон оказался лицом к лицу с Вигой. В боксе Хэдон чувствовал себя очень уверенно, но его страшили соревнования по борьбе, которые должны были состояться после бокса. Вига, как Хэдон вскоре убедился, тоже не сомневался в своем успехе, и на то у него имелись достаточные основания. Хэдон получил удар правой в челюсть и упал. Он подождал, пока рефери досчитал до одиннадцати, и затем встал. Теперь Хэдон боксировал с меньшей самонадеянностью, но с большей осторожностью.

Через минуту, обменявшись сильными ударами с противником, он пробился своей длинной рукой сквозь защиту Виги. Вига мужественно пытался подняться, но сделать это ему не удалось.

Шансы Хэдона стали расти: зрители увидели его хлесткий удар левой.

Хэдон выступал в тот день еще два раза и победил, но вечером ему пришлось возиться с синяком под правым глазом, поврежденными ребрами и челюстью.

На следующий день первым противником Хэдона оказался Хозеко, невысокий сильный мужчина из Баваку. Хэдон превосходил его, но плотное тело и крепкая голова соперника выдерживали град ударов, будто тело слона под градом стрел. Хэдон ободрал ему лицо, нанеся ряд хлестких ударов, но Хозеко, мигая сквозь кровь, продолжал сопротивление. И вдруг Хэдон получил сокрушительный удар левой в челюсть, ноги его подломились, будто сделанные из папируса. Опираясь на руки, он поднялся на колени, услышав, что рефери, непостижимо далекий, сосчитал до семи. К одиннадцати Хэдон уже стоял на ногах.

Хозеко медленно выдвигался вперед, опустив подбородок вниз и сгорбив плечи, выставив левый кулак, из его правого глаза текла кровь. Хэдон, ноги которого еще подгибались, но уже ощущающий возвращение сил, стал кругами обходить Хозеко. Хозеко уворачивался и продвигался вперед. Толпа освистывала Хэдона, а рефери щелкнул кнутом о землю. Дерись! Или в следующий раз своей спиной прочувствуешь кнут!

Хэдон продолжал кружить вокруг Хозеко, нанося удары по корпусу, но не попадая в цель. Уголком глаза он увидел, что рефери вновь поднял кнут. Полоска шкуры гиппопотама отклонилась назад, еще назад, прошла над рефери и сзади него, рука метнулась вперед, конец кнута устремился в направлении Хэдона; все правильно рассчитав, Хэдон пригнулся. Кнут просвистел над ним, направляясь далее и щелкнул Хозеко по лицу. От боли и неожиданности Хозеко завопил; рефери от удивления закричал; толпа зашумела, выражая протест. Но Хэдон, воспользовался замешательством Хозеко и тем, что он ослабил защиту, издалека нанес удар левой, завершив его на крепком подбородке Хозеко.

Глаза Хозеко закатились; он опрокинулся назад, руки повисли; Хэдон успел еще нанести удар левой в солнечное сплетение Хозеко; согнувшись пополам, противник упал на землю и оставался там еще долгое время после того, как счет дошел до двенадцати.

Произошла задержка. Рефери вызвал двоих судей, несколько минут они совещались, жестикулируя и часто поглядывая на Хэдона. Публика, начавшая проявлять нетерпение, стала их освистывать. Хэдон стоял неподвижно, тяжело дыша и покрывшись потом. Он понимал, что эти трое обсуждали допустимость его уловки. Можно ли признать правомочными действия боксера, умышленно побудившего рефери воспользоваться кнутом и увернувшегося от удара, в результате чего удар кнута пришелся на соперника?

Рефери и судьи оказались в затруднительном положении. Такого раньше никогда не случалось. Если они признают, что хитрость Хэдона допустима, тогда они могут ожидать и от других участников соревнований попыток поступить так же. Нет ничего проще, чем совершить такое вновь. С этого момента все рефери должны быть начеку. Если кто-то из боксеров окажется настолько глупым, что решится повторить попытку, его положат на обе лопатки.

Судьи, по всей видимости, приняли именно такое решение. Рефери с хмурым видом поднял правую руку Хэдона. Толпа радостно приветствовала его. При виде того, как Хозеко на подгибающихся ногах выводили под руки двое служащих, люди громко смеялись.

Второй бой, который Хэдон провел в тот же день позднее, закончился хлестким ударом Хэдона левой в солнечное сплетение противника. Правда, ему самому так досталось, что он ушел, как в тумане. Таро подхватил его, усадил, умыл и наложил бинты на открытые травмы лица.

Открыв глаза, Хэдон увидел перед собой пожилого человека, одного из тренеров.

— Почему вы так пристально смотрите на меня? — спросил Хэдон.

— Тебе многому еще надо научиться, — ответил старик. — Но я не видел подобного левого со времен великого Секоко. Это было еще до того, как ты, малыш, родился, но ты, наверное,

слышал о нем. Секоко в течение 15 лет являлся чемпионом по боксу всей империи. Как и ты, он был высок и строен и имел такие же длинные руки и удар левой, который разил наповал. Вот что я тебе скажу, малыш. Если ты не наберешь достаточного количества очков, не расстраивайся. Через несколько лет я сделаю из тебя чемпиона. Ты будешь богатым и знаменитым.

— Нет, спасибо, — ответил Хэдон.

Старик выглядел разочарованным:

— Почему нет?

— Я видел слишком много боксеров, получивших травмы головы. И кроме того, я собираюсь стать королем.

— Что ж, если тебе это не удастся, и ты останешься живым и невредимым, найди меня. Меня зовут Вакева.

На третий день Таро вынесли без сознания с его второго матча. Но у него набралось достаточно очков для того, чтобы продолжать участие в Играх. Хевако выбил своему противнику передние зубы и разбил нос спустя две минуты после начала матча и теперь отдыхал. Когда Хэдон проходил мимо него, направляясь к арене, Хевако прокричал ему:

— Надеюсь, ты выиграешь этот поединок, ты, сын подметальщика! Потом я буду иметь удовольствие изуродовать такое симпатичное лицо еще до того, как сломаю тебе челюсть, и ты будешь отстранен от участия в Играх, и тебя с позором отошлют в Опар!

— Шакал лает, а лев убивает, — холодно ответил Хэдон. Но он почувствовал, что Хевако имеет великолепную возможность привести в исполнение свои хвастливые угрозы. Он несомненно понимает, что Хэдон в последнем виде состязаний, поединке на мечах, выступит успешнее его. Данные Хэдона казались предпочтительнее — высокий рост, длинные руки и, самое главное, гораздо большее количество часов тренировок с тену. Хевако тоже, начиная с детства, упражнялся с деревянным мечом; в империи не было ни одного здорового ребенка, мужского или женского пола, который бы не делал этого. Хевако понимал, что он более способен к боксу и борьбе, и потому охотнее посвящал себя им, чем тену. Однако он не был профессиональным боксером, хотя походил на него больше, чем Хэдон.

Конечно, он надеялся так покалечить Хэдона, чтобы тот не смог продолжать соревнования. Независимо от того, надеялся ли Хевако покалечить или даже убить Хэдона, он должен был добиться победы в матче на следующий день. В сегодняшней схватке победу должны одержать либо Хэдон, либо Кагага, но кто бы ни победил, Хевако необходимо назавтра выиграть. Не добейся он победы, ему не хватит очков, чтобы продолжать соревнования. Но если он одержит победу в боксе, а затем еще и в борьбе, очков ему хватит до самого конца Игр. При условии, что его самого до того не покалечат или не убьют.

Хевако надеялся, что Хэдон выиграет сегодняшний матч, а потому он, Хевако, сможет вывести его из игры завтра, нанеся ему тяжелые увечья. Хэдон мог позволить себе проиграть сегодня: очков у него достаточно. И именно за это Хевако ненавидел его так сильно, что желал ему успеха.

Кагага означает ворон, и Кагага, определенно, походил на него. Это был юноша высокого роста, темный, с сутулыми плечами и длинным носом. Кагага прибыл из одного маленького городка, расположенного над побережьем Клемкаба. Природа наделила его каркающим голосом и характером пессимиста. Но боксер Кагага отменный. И он так яростно атаковал Хэдона, будто хотел стереть его в порошок за несколько минут. Хэдон отступил, но время от времени двигался, кружась, и наносил легкие удары по лицу Кагаги и колотил руками лишь для того, чтобы не дать повода рефери воспользоваться кнутом. Кагага попросил его драться, как подобает герою, а не бешеной собаке. В ответ Хэдон только ухмылялся и притормаживался, а иногда вдруг продвигался вперед, чтобы нанести легкий удар по лицу Кагаги и ретироваться вновь. Толпа свистела, а Хевако, рыча, обвинял его в трусости. Хэдон обращал внимание только на рефери и Кагагу. Он все кружил и кружил, пытаясь ударить Кагагу в лоб или в нос, но не слишком сильно. И неожиданно правая бровь Кагаги оказалась рассеченной, кровь потекла вниз прямо в глаз.

— Теперь, я полагаю, ты собираешься бегать вокруг него до тех пор, пока он не умрет от кровотечения, — сказал рефери. — Иди сюда и дерись, не то я сдеру с тебя шкуру.

Хэдон надеялся затянуть бой до тех пор, пока они оба настолько устанут, что будут не в состоянии поднять руки.

Потом Кагага выиграет по очкам благодаря своей агрессивности, а Хэдон проиграет из-за того, что ему ее не хватает. Хэдона бы не беспокоила боль и он отдохнул на следующий день, а Хевако в то время изматывал бы Кагагу. Но этого могло и не произойти. В конце концов, у Хевако мог сохраняться шанс искалечить его на следующий день.

Хэдон атаковал неохотно. Последовал обмен яростными ударами по корпусу, слышались глухие звуки от ударов кулаками, бормотание, а затем на Хэдона обрушился кулак Кагаги, отбросивший его голову назад; Хэдон упал на колени. Он пытался встать — никто не посмел бы сказать, что он опустился умышленно, — но не смог сделать этого. Хэдон слышал, как рефери досчитал до двенадцати, и спустя несколько секунд, шатаясь, поднялся на ноги. Кагага в изумлении уставился на него, радуясь неожиданной удаче, а лицо Хевако стало красным, как зад павиана.

Минутой позже Хэдон, идя без посторонней помощи в душ, ухмыльнулся, увидев Хевако. Лицо Хевако покраснело так, будто павиан к тому же посидел на раскаленном камне.

Единственным видом соревнований на следующий день был матч за золотую боксерскую корону. Кагага воспользовался тактикой своего противника, с которым дрался за день до этого. Но, в отличие от Хэдона, ему не удалось соизмерить границы терпения рефери. По его спине неожиданно прошелся кнут; боксер прыгнул вперед, на кулак Хевако, потом упал без сознания; половина передних зубов у него оказалась выбитой.

По окончании церемонии награждения Хевако подошел к Хэдону:

— Послезавтра начинаются соревнования по борьбе. — У меня не вышло шанса разделаться с тобой в боксе, но тебе не удастся улизнуть от меня в состязаниях по борьбе. И как только я дотронусь до тебя руками, я сломаю тебе хребет.

— Тогда рефери непременно оглушит тебя своей дубинкой, и тебя вовсе могут отстранить от Игр, — ответил Хэдон. — Конечно, я не виню тебя за то, что ты так жаждешь избавиться от меня именно сейчас. Ты же понимаешь, что если мы когда-нибудь окажемся лицом друг к другу с мечами в руках, ты конченый человек. Хотя я мог бы лишь отрубить твой нос, чтобы преподать тебе урок.

Хевако плюнул в Хэдона, но остерегся ударить его и удалился с самодовольным видом с золотой короной на голове.

— Почему этот человек так ненавидит тебя? — спросил Таро.

— Не знаю, — ответил Хэдон. — Я никогда ничего не делал такого, что могло бы обидеть его, во всяком случае: вначале. Это как раз один из тех случаев, когда не любишь человека, сам не зная почему.

Хевако не пришлось дотронуться руками до Хэдона. Хэдон выбыл из участия в соревнованиях после победы над ним буйволоподобного юноши из Минеко. Хевако выглядел разочарованным; Хэдон просто ухмылялся, зная, что это его бесит. Хевако чуть не проиграл золотую корону. Во время последнего состязания он схватил пальцы своего соперника и попытался вывернуть их. Это было не по правилам, и потому рефери хлопнул своей дубинкой Хевако по голове сзади. Тот потерял сознание на длительное время, которого вполне могло хватить на то, чтобы соперник прижал его, и Хевако был близок к тому, чтобы проиграть третий раунд. Хэдон, стоя сбоку вновь ухмыльнулся Хевако, увидев, что тот поморщился, когда на его голову одевали золотую корону.

Отрезвила мысль о соревнованиях по следующим семи видам. Не считая последнего, за победу в них золотая корона не присуждалась. Человек или выживал, или нет. С настоящего момента рефери перестанут следить за соблюдением правил.

Еще оставался Таро. Что если они вдвоем выйдут в финал? Одному придется убить другого, а Хэдон, определенно, не имел намерения превратиться в труп. Мысль об убийстве Таро угнетала. В очередной раз он задумался о том, зачем вообще было участвовать в этих состязаниях.

Однако ответ был очевиден. Хэдон желал стать величайшим человеком королевства. Таро тоже сделал это по своей инициативе, зная, что может оказаться с мечом в руках лицом к лицу с Хэдоном.

Спустя два дня на стадионе, вокруг озера, вновь собралась толпа. В центре внимания находились, во-первых, огромные голодные морские крокодилы, скользившие по воде. Во вторую очередь любопытство зрителей привлекали два каната, протянутые между двумя крепкими

столбами над частью озера. Один, дальний канат, протянулся ниже первого. Конец третьего каната был привязан к середине первого ближнего каната, а другой его конец держал служащий, стоявший на башне, расположенной высоко над краем озера.

Играл духовой оркестр; публика шумела; средь столпившегося народа бродили торговцы, продававшие фрукты, пирожные и пиво. Затем заиграли туш, и толпа стихла. Хэдон, как завоевавший наибольшее количество очков, был удостоен чести выступать первым. Он забрался по высокой лестнице на платформу, где ему вручили свободный конец каната. (Этот канат был привязан к другому концу каната, который шел под прямым углом через этот край озера. За этим канатом параллельно ему, но ниже, был натянут еще один канат). А внизу плавали огромные серые крокодилы, открывая пасти со множеством страшных зубов.

Хэдон бросил взгляд в сторону кабины с навесом, в которой расположились Авинет и Минрут. Они сидели далеко от него и казались крошечными, и поэтому юноша не мог видеть выражение лица королевы. Выражало ли оно страх за него и надежду? Или подобно тому, что должно было отражаться в глазах Минрута и на лицах большинства зрителей, оно выражало желание, чтобы Хэдон потерпел неудачу, и надежду на то, что он и крокодилы разыграют перед ними увлекательное представление?

В этот момент он ненавидел публику. Толпа представляла собой сборище потерявших свою индивидуальность людей, которые стали не более, чем хищниками. В действительности еще хуже, поскольку хищники действуют согласно природе, дарованной им Кхо, и, убивая слабых и больных, совершают полезное деяние. Интересно, если бы он был в той толпе, отличался бы он от остальных?

Раздался звук стартовой трубы. Шум толпы стих. Хэдон согнул колени, захватил обеими руками конец каната и стал ждать. Вновь зазвучала труба, как это происходило много раз за минувшие две тысячи лет, потому что этот смертельно опасный трюк, как и прыжки с высоты, был древним обычаем Тотема Рыбы-Орла. Хэдон оттолкнулся, держась за канат, подтянул ноги, хотя крокодилы и не

могли достать его, и стал то сгибаться, то разгибаться. Затем добрался до конца дуги и вернулся обратно. Резко рванув всем телом, он снова вернулся в прежнее положение. Дважды юноша увеличивал амплитуду качания. На третий раз, почти достигнув вершины дуги, он наскоро помолился и отпустил канат. Он тут же взмыл по направлению к канату, находящемуся впереди, и упал, сомкнув пальцы на самом его дальнем канате. Смельчак висел, качаясь, в то время как крокодилы внизу ревели и пенили воду, извергая неистовое дыхание из своих легких и молотя по воде хвостами. Он находился вне пределов их досягаемости, но испытание еще не закончилось. Хэдону предстояло передвигаться по канату, держась за него руками, до тех пор, пока не доберется до платформы. Затем — ему ненавистна была сама мысль об этом — он должен будет взять балансировочный шест и пройти по канату до его противоположного конца.

Хэдон без труда добрался до платформы, несмотря на то, что ладони его были мокрыми от пота. Едва он восстановил дыхание, служащий вручил ему шест; в третий раз раздался звук трубы. Хэдон шагнул на канат, натянутый не так туго, как хотелось бы, и медленно пошел, поднимая босые ноги и цепляясь ступнями за канат. Внизу крокодилы молотили воду.

Хэдон практиковался в ходьбе по канату с двух лет. Но присутствие крокодилов делало рискованный трюк еще более опасным. Если спортсмен потеряет равновесие и будет вынужден ухватиться за канат, он не выйдет из борьбы. Но придется возвратиться обратно на платформу и начать все сызнова.

Канат раскачивался, и Хэдон старался удержать равновесие таким образом, чтобы качание каната не увеличивалось. До него долетали слабые звуки приветствующей его публики и свистки тех, кто не болел за него, но громкий рев голодных хищников внизу разрывал уши. Он не смотрел на них. Он должен был сконцентрировать все свое внимание на том, чтобы перебраться через озеро.

Добравшись до другой платформы, Хэдон чуть не свалился в изнеможении. Неожиданно его затрясло и охватила слабость. Но все же ему удалось добраться до цели и не придется предпринимать еще одну попытку.

Хэдон спустился вниз и занял место среди других соревнующихся, которые сидели на скамейках у края озера. Дальше тянулась ограда из бронзовой проволоки, которая не давала возможности крокодилам выбраться на берег.

— Как это было? — спросил Таро.

— Неплохо, — ответил Хэдон, ненавидя себя за браваду (герой не может позволить себе признаться, что его внутренности вели себя, подобно хищникам, когтями продирающим себе путь наружу сквозь живот).

Третий выступавший потерял равновесие, ухватился за канат и на руках добрался до платформы. Вторая попытка: он сорвался, закричав, вода вокруг его тела сделалась мутной. Хэдона едва не стошнило, но потом по телу разлилась радость за себя.

Хевако пришлось делать две попытки, но все же он перебрался на другую сторону. Когда он спускался вниз, кожа на лице под бронзовым загаром казалась серой.

Человек, который выступал вслед за ним, не смог ухватиться за канат, когда отпустил тот, на котором раскачивался, и упал навстречу своей смерти.

К моменту, когда последний из соревнующихся спустился на землю, солнце на одну четверть повернуло к западу; десять участников соревнований достались на обед крокодилам.

Похороны, состоявшиеся на следующий день, были весьма оригинальны ввиду отсутствия самих покойников. В могилы опустили каменные статуи, символизирующие смерть, с одинаковыми стилизованными лицами, засыпали изваяния землей и установили над ними монолиты. Хэдон наблюдал за тем, как плакали родственники, и думал, не случится ли так, что и его родителям доведется скорбеть по нему...

На следующий день юноши состязались в метании дротиков. У каждого был маленький круглый шит для предохранения, но запрещалось сделать хотя бы один шаг за маленькую круглую загородку. Каждому соревнующемуся дали по три дротика для метания, и участник состязания должен выдержать три броска в себя со стороны другого спортсмена с расстояния в сотню футов.

Двенадцать человек получили достаточно серьезные раны и выбыли из соревнований; двоих на следующий день

похоронили; один человек опозорил себя тем, что выпрыгнул из круга. Он повесился той же ночью и таким образом избежал участи быть похороненным в могиле трусов.

Следующие три дня Игр посвящались соревнованиям по определению самого искусного в метании из пращи. В первый день Хэдон оказался в стартовой группе вышедших на поле участников. Их было десять, на каждом лишь набедренная повязка и кожаный ремень. К ремню прикреплен кинжал с ножнами и кожаный мешок. В мешке три биконических, отлитых из свинца метательных снаряда. В руке каждого юноши праща, изготовленная из мягкой кожи карликовой антилопы. Юноши строем проследовали в центр поля и остановились при звуке трубы. Публика смолкла. Затрубила еще одна труба. Огромная дверь в стене, лицом к которой они стояли, стала поворачиваться, открываясь. Вскоре показались тридцать горилл, которые моргали злобными глазами при свете солнечных лучей и рычали.

Толпа начала вопить и криками подбадривать соревнующихся. Десять юношей выстроились в одну линию лицом к гориллам. Хэдон оказался крайним слева. Труба заиграла в третий раз. Каждый юноша привязал конец ремешка пращи к одному из четырех пальцев бросковой руки. Другой конец ремешка, завязанный узлом, пристроился затем между большим и указательным пальцем той же руки. Свободной рукой юноши вынули из мешка снаряды, весом три с половиной унции каждый. Они положили их в подкладку, образующую карман на конце двух ремней.

Тем временем гориллы нервно бегали взад-вперед на четырех лапах или вставали и хлопали себя по грудной клетке голыми ладонями. Несмотря на то, что животные имели устрашающий вид, от природы гориллы были боязливы. Но в последние тридцать дней тренеры пытались надрессировать их нападать на людей. Тренеры забрасывали животных камнями, тыкали острыми палками до тех пор, пока не приводили горилл в состояние ярости. В конце концов, гориллы приучились вымещать злобу на манекенах в одеждах, пропитанных человечьими запахами. В последние двенадцать дней животные научились раздирать их на части, и не вызывало сомнения, что делали они это с огромным

удовольствием. Ожидалось, что теперь гориллы станут нападать на соревнующихся. Этому способствовало то, что находящиеся на стене в безопасности дрессировщики бросали в них камни и палки с заостренными концами. Тем не менее в какой-то момент показалось, что человекообразные гиганты почувствовали лишь растерянность и страх.

Вновь заиграла труба. Хэдон, как и другие спортсмены, одной рукой держал концы пращи над головой, а в другой — метательный снаряд в кармане пращи. Затем он начал вращать пращу в направлении против часовой стрелки параллельно своему телу. Праща круг за кругом совершила четыре оборота, скорость ее обуславливалась движением запястья. Когда праща вошла в ту часть круга, которая ближе всего расположена к земле, он отпустил свободный конец орудия. Свинцовый снаряд со скоростью шестьдесят миль в час полетел, описывая параболу, к живой мишени, которая отстояла на три сотни футов. Это была огромная рыжеватая горилла со сломанным правым клыком и лицом в шрамах.

По всему стадиону разносился глухой стук глубоко входивших в тело или разбивающихся о стену снарядов. Шесть огромных обезьян опрокинулись, и более ни одна не пошевелилась. Толпа зашумела, когда юноши вложили в пращи по второму снаряду. Теперь на юношей надвигались, крича и хлопая себя по грудной клетке, срывая траву и бросаясь ею в ненавистных им людей, десять обезьян; некоторые гориллы делали короткие обманные движения в сторону юношей. Вторая волна снарядов свалила с ног семерых животных, но две гориллы поднялись и, вопя от боли и ярости, направились к юношам.

Еще до того, как гориллы смогли добраться до цели, они упали замертво от ударов нескольких направленных в них снарядов.

Хэдон оказался среди тех, кто не выпустил свой последний биконический снаряд. Он хотел сохранить его на случай чрезвычайных обстоятельств. Он думал, что такой случай не заставит себя ждать. Тринадцать человекоподобных обезьян были убиты или выведены из игры. Таким образом, оставалось еще семнадцать обезьян и лишь восемь не выпущенных из пращи снарядов. А если даже все восемь попадут в цель,

останется еще девять горилл. Им противостояли десять человек, вооруженных шестидюймовыми ножами.

Подгоняемые градом камней, которые бросали дрессировщики, навстречу молодым людям выдвинулось еще несколько горилл. Одна из них неожиданно бросилась в атаку и, судя по всему, не собиралась останавливаться. Хэдон крикнул:

— Берегите снаряды! Таро, ты один воспользуйся пращой!

Снаряд, выпущенный Таро, исчез в широко открытой пасти обезьяны, которая упала замертво. Затем Хэдон выкрикивал одно за другим имена тех, у кого еще имелось по снаряду, и люди метали их. Еще восемь горилл упали, сраженные насмерть, или, получив тяжелые ранения, не могли подняться. Но оставалось девять животных, и они были очень опасны из-за охватившей их паники.

Четыре обезьяны погибли под ударами ножей, но до этого им удалось убить троих молодых людей и столько же тяжело покалечить. Если бы они нападали все вместе, а не поодиночке, им удалось бы стереть людей в порошок. Но гориллы не могли мыслить, как люди, а потому умирали, как животные.

Хэдон, Таро и еще двое юношей, которые все еще стояли на ногах, направились к тушам убитых горилл с намерением, используя ножи, вытащить из них снаряды. Едва Хэдон успел извлечь один снаряд, как услышал:

— Осторожно!

Он взглянул вверх и увидел еще одного волосатого монстра с длинными клыками, который мчался к нему и его разбегающимся спутникам. Хэдон отбросил свинцовый снаряд, переложил в левую руку окровавленный нож, вынул чистый нож, который он снял с мертвого юноши и нанес удар. Воинственный рев животного сменился истошным криком. Горилла перекувырнулась и плавно упала на спину прямо перед Хэдоном. Из ее огромного брюха торчала рукоятка ножа.

После этого юноши воспользовались извлеченными из убитых обезьян снарядами и прикончили четырех оставшихся горилл. Затем, приветствуя короля и королеву, они

удалились. На поле вышли служители, чтобы унести мертвых, раненых людей и подготовить поле для следующих десяти юношей и тридцати горилл.

Назавтра состоялись похороны умерших, а еще через день юноши оказались лицом к лицу с гиенами. На каждого метателя приходилось по четыре голодные гиены, а на каждую пращу — четыре снаряда и топор. Гиены представляли собой ещё большую опасность, чем гориллы. Две недели плотоядных гиен кормили человечиной, а потом стали морить голодом. Челюсти гиен способны смять ноги или руки, будто те сделаны из ткани, и у них внушающее ужас упорство. Из первой десятки юношей, в числе которых был Хэдон, пятеро погибли, а трое оказались так сильно покусаны, что выбыли из дальнейшего участия в Играх.

На следующий день после испытания с гиенами состоялись очередные похороны. Сутки отдыха — и сражение с леопардами. Это были леопарды-людоеды, которых отловили в глубоких джунглях близ Вентисуха. Их не кормили три дня, а выступающих юношей намазали козьей кровью, чтобы побудить хищников к атаке, хотя они вовсе в том и не нуждались. На каждых двух метателей из пращи выпустили одновременно по три огромные кошки, на каждого юношу приходилось по два снаряда и мечу. Хэдон был в паре с Гобху, который управлялся с пращой даже лучше, чем его высокий ростом товарищ. Хэдон первым же броском сломал заднюю ногу крупного самца, и это побудило остальных двух, самку и самца, напасть на Гобху. Мулат выбил глаз у самки, ее отбросило ударом и несколько раз перевернуло. Но самец сбил с ног Гобху и разорвал его горло прежде, чем второй снаряд Хэдона сломал ему несколько ребер. Хэдон мечом отсек голову леопарда, расправился с оглушенной самкой таким же образом и, в конце концов, загнал в угол самца со сломанной задней ногой. Тот, хоть и сильно покалеченный, продолжал нападать; Хэдон наполовину отрубил ему шею, пока не прикончил его.

Той ночью они с Таро вели разговоры за столом в бараке, который, казалось, заметно опустев, увеличился в размерах, Смерть унесла слишком много его обитателей.

— Я нечаянно услышал, как судья говорил, что Минрут подумывает о том, чтобы проводить Игры ежегодно, — сказал Хэдон.

— Как же это ему удастся? — спросил Таро. — Как часто верховной жрице будет недоставать мужа?

— О, ничего общего! Он станет проводить Игры лишь для увеселения публики, да и для него они — наилучшее развлечение. Победители будут удостаиваться больших денежных призов. И славы.

Таро фыркнул от отвращения. Некоторое время они молчали, потом Хэдон произнес:

— Не понимаю, почему Минрут думает, что он сможет организовать подобные Игры. После того, как закончатся эти, он уже не будет королем.

— Может, он надеется, что никто из нас не останется в живых, — предположил Таро.

— Какая ему оттого польза? Тогда придется проводить новые Игры.

Вновь установилась тишина, прерванная Хэдоном:

— Когда-то короли правили лишь девять лет, а затем жертвовали собой. Но первый правитель из рода Клемсааса — его тоже звали Минрутом — упразднил этот обычай. Не кажется ли тебе, что Минрут таит намерение отказаться уступить трон?

— Как он сможет так сделать? Кхо Сама уничтожит его! Или же народ восстанет против него!

— Не уничтожила же Кхо того, первого, Минрута, — сказал Хэдон. — Напротив, погибли люди, восставшие против него. Минрут держит под контролем армию и военный флот, и если одна часть военных будет возмущена, то другая нет. Минрут отдает предпочтение Ресу, и он позаботился о том, чтобы офицеры и солдаты, которые также благоволят Ресу, занимали ключевые посты. Мне всего лишь девятнадцать, но я знаю об этом.

— Но если он поступит таким образом, что же будет с победителем Игр? Он пройдет через все испытания, а взамен не получит ничего!

— Меньше, чем ничего, если он решит исполнить замысел, — произнес Хэдон. — Минрут погубит победителя. Можешь быть уверен.

— О, это все чепуха, — сказал Таро. — Он не осмелится!

— Возможно, и не осмелится. Но почему до того судьи дошли такие слухи? Кто, как не сам Минрут, распространяет их? Он бросает их как пробный шар, чтобы понять реакцию народа. Несомненно одно: Минрут чрезвычайно амбициозен и, вероятно, так просто не сдастся. Он стар, ему пятьдесят шесть лет, и ты полагаешь, что он хочет поступить достойно. Удалиться с почетом, наслаждаться спокойной жизнью и нестовать внуков. Но нет, он действует так, словно будет жить вечно, будто он похотливый молодой бык.

— Должно быть, ты ошибаешься, — сказал Таро.

— Хотел бы надеяться, — ответил Хэдон.

Глава 5

Предпоследнее испытание длилось два дня. В первый день пятнадцать участников, отобранных по жребию, заняли свои позиции лицом к буйволу, на концы рогов которого были надеты острые бронзовые наконечники. Каждому соревнующемуся выдали по трехфутовому жезлу, окрашенному на конце еще влажной охрой. Участник проходил в центр арены и ожидал, когда выпустят буйвола. С этого мгновения его задача состояла в том, чтобы поставить отметку охрой точно в центре лба буйвола. И сделать это следовало в тот момент, когда буйвол в упор смотрел на него.

Выполнив это, к удовольствию трех судей, сидящих в кабине на безопасном расстоянии от быка, участник состязания становился свободен и мог уходить. Все, что от него требовалось, так это добежать до низкой стенки и перепрыгнуть через нее до того, как бык догонит его.

— Скорость и проворство, — сказал Хэдон Таро. — Вот что здесь необходимо. Плюс мужество. У Хевако оно есть. Я признаю это достоинство за этой угрюмой свиньей. Но он тяжелый и медлительный. Более быстрый, чем производит впечатление, но все неповоротливый.

Но Хевако удалось справиться с заданием, хотя он и не смог увернуться от быка, и тот слегка поранил ему руку. Этот

тип настолько быстро бежал короткое расстояние до стенки, что смотрелся в это время просто как некое неясное пятно.

Таро рассмеялся:

— Беги бык вслед за ним во время гонок, Хевако выиграл бы все забеги.

В тот день Таро выступал последним из всех пятнадцати участников. Перед тем, как выйти в ворота, он повернулся к Хэдону и положил ему руку на плечо. Таро был очень бледен.

— Прошлой ночью мне приснился сон, — сказал он. — Я пил кровь из кубка, наполненного тобой.

Хэдон был потрясен.

— Все сновидения нам посылают божества, — сказал он. — Но сон не всегда подразумевает тот смысл, который мы вкладываем в него.

— Может быть, и так, — ответил Таро. — Но как бы то ни было, нам обоим предстоит сразиться друг с другом на мечах. Одному из нас суждено пролить кровь во имя души другого. Почему мы не бросили кости в Опаре, чтобы жребий решил за нас, кому ехать на Игры? Один из нас потерял бы шанс стать королем, но ему бы не пришлось проливать кровь своего лучшего друга. Мы слишком любим друг друга, чтобы даже помыслить об этом. Но алчность заставила нас пренебречь дружбой, алчность и честолюбие. Зачем мы сделали это, Хэдон? Почему мы не положились на жребий? Кто бы из нас ни стал победителем, он смог бы впоследствии ввести друга во дворец и разделить с ним свою счастливую судьбу.

Хэдон растерялся, но сумел справиться с собой:

— Кхо, похоже, ослепила нас. Без сомнения, к тому были Ее собственные добрые намерения.

Заиграла труба, и Таро промолвил:

— К чему винить богов и богинь? Думай чаще обо мне, Хэдон, и не забудь приносить жертвы мне сейчас и потом.

— Может быть, ты неправильно истолковал сон! — в отчаянии закричал Хэдон, но ворота уже закрылись.

Таро нетвердой походкой прошел в центр поля, и когда черный бык, хрипя от душившей его ярости, выбежал из ворот, Таро даже не пошевелился. Бык бил копытом о землю, а затем в течение минуты бегал вокруг. Таро стоял с подветренной стороны, и бык, наконец, с ревом устремился к

нему. Таро протянул палку и поставил отметину на его лбу, но действовал он так медленно, о, так медленно, намного медленнее, чем когда-либо в случае опасности двигался проворный Таро.

Впоследствии Хэдон задумывался, не сон ли явился причиной такой замедленности движений Таро. Не послала ли ему страшная Сисискен это видение из-за того, что отметила его печатью смерти, зная, что сам по себе сон обеспечит его конец? Но почему Сисискен пожелала именно его? Почему она позволила ему дотоле оставаться в живых, участвуя в Играх столь долго, но и не более того?

Может быть, из-за того, что ее сестра, Кхо, пожелала избавить Хэдона от мучительной необходимости убить друга?

Ответ Хэдону был неведом, но ночью в бараке его душили слезы. Все же, когда ему удалось заснуть, он ощутил, как крошечная искорка радости пробилась сквозь его глубокое горе. Как ни была велика его печаль по Таро, он не будет нести ответственность за убийство лучшего друга. Кхо избавила его от этой участи.

Назавтра Хэдон совершил поступок, который привел публику в состояние восторга. Задыхаясь от восхищения, толпа встала, приветствуя его.

Как только бык пошел в нападение, Хэдон побежал навстречу ему. За мгновение до того, как опущенные рога были готовы встретиться с ним, юноша прыгнул высоко вверх и вперед, подтянул ноги, ударил черный волосатый лоб животного концом палки и опустился на спину быка. Инерция тела Хэдона плюс инерция могучего быка покатили его вперед, и он упал, растянувшись на песке. Но тут же вскочил, несмотря на то, что был слегка оглушен, и побежал. Хэдон услышал сзади себя рев и топот копыт. Он перемахнул через стену, которая затряслась от удара врезавшегося в нее быка.

Хэдон поднялся и бросил взгляд в кабинку судей. Они стояли с поднятыми руками, пальцы которых были растопырены. Это означало, что он пометил быка отлично.

Юношу еще долго продолжали приветствовать, и немного погодя Хэдон понял, чего хотела толпа. Люди требовали, чтобы королева посвятила этот номер программы ему и чтобы в будущих Играх он назывался Днем Хэдона.

Хэдон почувствовал ликование, но оно, увы, тотчас окрасилась печалью, поскольку Таро не было здесь, и он не мог видеть того, что произошло. Возможно, его душа присутствовала. Хэдон позаботился о том, чтобы принести ей вечером в жертву быка — хотя это и больно ударило по его карману, — и Таро узнает о триумфе друга, когда она напьется крови, дарующей материальность.

Итак, спустя один день, начались финальные соревнования. Из первоначального количества участников осталось лишь двадцать. Буйволы собрали дань, превышающую потери от схваток с гориллами, гиенами и леопардами вместе взятыми. В девятом часу зазвучали трубы, и все двадцать участников вышли строем, облаченные лишь в алые набедренные повязки, держа в руках широкие и длинные тену. Уцелевшие участники Игр остановились перед кабиной Авинет и Минрута и приветствовали их. Авинет поднялась и бросила вниз через головы публики золотую корону. Она плавно опустилась на арену, покатилась и остановилась у края беговой дорожки. Хэдон заметил, что от удара мягкое золото погнулось. Но победитель с легкостью сможет выправить его обратно, когда будет надевать корону себе на голову.

Авинет выглядела необычайно красивой. На ней была длинная алая юбка, на шее — ожерелье из красных изумрудов, а в черных волосах — алый цветок. Была ли ее улыбка предназначена ему? Или кому-то другому, скажем, высокому красавцу Виге?

Если ее улыбка предназначалась последнему, королева обрекалась на скорбь, поскольку Хэдон отсек его правую руку спустя десять минут яростной борьбы. Вига был очень искусен в фехтовании и, не потеряй он много крови два дня назад, когда бык рогом нанес ему скользящий удар в бедро, он мог бы действовать быстрее. Но его унесли — посеревшего и умирающего от истечения крови, которая фонтаном била из обрубка.

Хэдон пристально смотрел на несчастного и не чувствовал никакого торжества. Впервые в своей жизни он убил человека, причем хорошего человека, к которому испытывал симпатию. То, что Вига тоже пытался убить его, ничего не меняло в его чувствах.

Все поединки проводились одновременно. К концу дня количество участников сократилось от двадцати до восьми. Из тех, кто потерпели поражение, девять были убиты, а четверо столь сильно покалечены, что больше не могли бы удержать эфес меча даже двумя руками.

Опять новый день был занят похоронами, потом последовал день отдыха для оставшихся в живых. Хэдон немного поупражнялся и некоторое время провел в размышлениях по поводу слабых и сильных сторон, которые он заметил у остальных своих соперников. Основную опасность для него представляли Хевако и Дамокен, высокий гибкий юноша из Минанлу. Они оба набрали достаточное количество очков в различных состязаниях. Оба были превосходными фехтовальщиками, и именно с этим приходилось сейчас считаться. Но и к остальным не следовало относится легкомысленно.

Во второй день соревнований по фехтованию Хэдону выпало по жребию состязаться с Дамокеном. Битва была длительной, оба чувствовали, как уходит сила из рук и ног по мере того, как они кружили, отражали удары и рассекали воздух мечами. Наконец, Хэдон быстрым ударом, хоть частично и заблокированным, отсек ухо Дамокена и глубоко поранил его плечо. Дамокен оступился назад, меч выпал у него. Хэдон шагнул вперед и наступил ногой на острие меча, и рефери поспешили увести Дамокена с поля.

— Не плачь, — сказал Хэдон. — Лучше жить без уха, чем бродить призраком с бледным лицом вокруг в надежде напиться крови.

Дамокен, прижимая ладонь к кровоточащей голове, ответил:

— Хэдон, когда ты станешь королем, вспомни обо мне и возьми на службу того, кто при других обстоятельствах мог бы сам сделаться твоим королем.

Хэдон кивнул в знак согласия, поднял меч и передал его рефери.

Следующие соперники заняли свои места, а Хэдон прошел к боковой линии. Он внимательно следил, как дерутся другие, особо отмечая стиль Хевако.

Когда солнце уже прошло более трех четвертей своего пути по небосклону, в борьбу вступили Хэдон из Опара и

Кхозин из Товины, оба во второй раз за этот день. Через пять минут после старта, несмотря на ранение левой руки, Хэдон одержал победу, а Кхозин лежал мертвый.

В тот же день в финальном поединке скрестили свои мечи Хевако из Опара и Хадар из Кетрута. Не прошло и двух минут, как Хевако нанес такой могучий удар по лезвию меча противника, что оружие выпало из его бесчувственных рук. Хадар бросился за мечом, и лезвие меча Хевако рассекло ему шею.

При шуме неистовствующей толпы Хэдон и Хевако хранили молчание. Задумавшись, они смотрели друг на друга. Послезавтра один из них непременно будет мертв, а другой может стать королем королей Кхокарсы. Какая участь ждет Хевако и Хэдона? Кто из них попадет в руки страшной Сисискен, а кто в теплоту объятия славной Авинет?

Глава 6

Для финального поединка была сооружена платформа неподалеку от стены, где сидели королева и ее отец. Платформа поднялась на высоту пятьдесят футов, всего на пять футов ниже окружающей поле стены, и на десять футов в сторону от королевской кабины. Поверхность платформы представляла собой квадрат тридцать на тридцать футов из тесно скрепленных досок красного дерева. На ней белой краской очерчен круг диаметром двадцать четыре фута. Круг разделен пополам белой линией. За пределами круга — пространство для рефери. Его единственные обязанности состояли в том, чтобы открыть состязания и впоследствии отсечь голову одному из участников состязания, если только он шагнет за пределы круга во время схватки. Присутствие рефери также гарантировало, что только победитель покинет этот круг живым.

Когда Пламенеющий Бог достиг зенита, заиграли двенадцать труб. Авинет и Минрут заняли места в своей кабине на удобных подушках и под навесом, который давал густую тень. Вновь заиграли трубы, и зрители опустились

на каменные сиденья под палящими лучами солнца. При звуках третьего сигнала из ворот на противоположных сторонах поля появились Хевако и Хэдон. Оба обнаженные, в руках каждого прямо перед собой меч. За каждым из них следовала обнаженная жрица, которая била в большой барабан, в то время как юноши направлялись к платформе. Они встретились внизу ступенек из красного дерева, которые вели на платформу, поклонились рефери, отдали поклон друг другу, а затем последовали за рефери вверх по ступеням. Жрицы остались внизу и тихонько били в барабаны.

Внутри круга оба юноши встали лицом к правителям, Хевако слева от линии раздела, Хэдон справа. Вновь заиграли трубы, барабан жрицы смолк, противники подняли мечи над головой и прокричали:

— Пусть решит Кхо!

— И Ресу, — проревел Минрут.

Стоявшие вокруг Минрута в изумлении открыли рты; Авинет выпрямилась и сказала что-то Минруту. Он засмеялся и подал знак рефери продолжать.

Рефери замешкался в смущении от столь неожиданного вмешательства Минрута, но быстро оправился. Стоя сразу за кругом, в конце линии раздела, он поднял свой меч и прокричал:

— Займите позицию!

Соперники повернулись лицом друг к другу, их разделяла лишь линия.

— Скрестите мечи!

Оба меча поднимались до тех пор, пока угол их наклона соперников не составил 45 градусов, а их квадратные концы не коснулись один другого. Хэдон стоял прямо, пристально вглядываясь зелеными глазами в карие глаза Хевако. В левой, развернутой, руке он зажал конец эфеса длиной в фут, правая рука охватывала эфес сразу за круглым защитным устройством.

Металлический эфес меча Хэдона был туго обтянут шкурой питона. Лезвие меча длиной пять футов и дюйм, изготовленное из углеродистой стали, было обоюдоострым, нижний край слегка изогнут, а конец имел форму квадрата. Меч назывался Каркеном, или Древом Смерти, и изготовлен не-

когда за очень большую сумму легендарным кузнецом Дитабесом из Миклемреса для отца Хэдона. С его помощью Кумин уничтожил пятьдесят семь воинов, среди которых было десять нуматену, семь женщин-воительниц из Микавуру, сорок из рода Клемкаба и одного льва.

«Этот мастер-волшебник поведал мне о том, что накануне завершения работы над мечом, до того, как остудить его змеиной кровью, ему приснился сон, — рассказывал Кумин своему сыну. — Дитабес сказал, что его посетило видение, в котором владелец Каркена восседал на троне из слоновой кости. А перед ним предстала женщина такой красоты, какой Дитабес никогда не видывал, настоящая богиня. Владельца Каркена окружало множество людей, восхвалявших его как величайшего фехтовальщика в мире и спасителя своего народа.

Но Дитабесу не удалось четко разглядеть лицо человека, державшего Каркен. Было очевидно, что это не я. Надеюсь, что это был ты. В любом случае, возьми этот меч, Хэдон, и не делай ничего такого, что могло бы опозорить его. А что касается того сна, не думай слишком много о нем. Кузнецы известные пьяницы. Дитабес, хоть и величайший из кузнецов, был самым горьким пьяницей».

Хэдон задумался над словами отца, а затем услышал крик рефери:

— Начните и закончите!

Раздался лязг металла. Хевако шагнул за линию, выставив вперед правую ногу, и размахнулся лезвием по направлению к левому плечу Хэдона. Хэдон тоже шагнул вперед, правда, лишь на полшага, и успешно отразил удар.

«Следи за глазами, — много раз наставлял его отец. — Они часто говорят о том, какое движение будет следующим. Работа ног по важности стоит на втором месте, но если только ты не знаешь, что человек собирается сделать или думает, что собирается сделать, работа ног не имеет никакого значения. Мужество и сила также очень важны, но зрение и работа ног — прежде всего».

Кумин не уставал повторять вновь и вновь: «Немедленно после обороны переходи в контрнаступление». Также он говорил: «Делай то, чего от тебя не ждут, но не просто ради но-

визны. Неожиданный поступок может дать преимущество в достижении цели, которой нельзя добиться традиционными, ожидаемыми приемами».

Хевако отклонился назад и поднял меч над головой. Выполняя это, ему пришлось отступить, чтобы Хэдон с быстротой, на которую был способен лишь он, мог сбоку махнуть своим мечом и глубоко врезаться в его ребра. Но отступив назад, Хевако помешал Хэдону поступить таким образом. Затем Хевако планировал ринуться вперед и опустить свой меч прямо перед собой в направлении короны на голове Хэдона. Хэдону пришлось бы парировать удар, чтобы не дать раскроить себе череп. Потому он не решился в тот момент нанести удар Хевако, хоть тот и открылся. Если он и ранит Хевако, все равно на его голову падет полновесный смертельный удар.

Возможно, так думал Хевако. Но когда Хевако отступил, Хэдон шагнул вперед. Вместо того, чтобы сделать мечом режущее движение, он нанес колющий удар. И Хевако, который мог бы парировать резкое движение, был захвачен врасплох.

Этот колющий удар не только не был фатальным, но даже и не нанес тяжелой раны. Тупой конец Каркена, хоть и при сильном ударе, мог лишь порвать кожу. Но меч вошел в горло Хевако у самого основания, как раз над грудиной; глаза его выпучились: из покалеченного горла вырвался хриплый от боли звук. От изумления и страдания ему не удалось опустить меч вниз.

Сделав колющее движение, Хэдон тут же отодвинулся на тот случай, если Хевако сможет завершить режущее движение вниз. Теперь Хевако, истекая кровью из разрыва над грудиной, с лицом, покрасневшим от гнева, пошел в атаку, яростно опуская лезвие меча.

Хэдон сделал шаг вперед и поднял свой меч так, чтобы меч Хевако парировал его скользящим ударом, и отошел в сторону. И когда раздался лязг металла, Хэдон вдруг ощутил: он знает, что Хевако суждено погибнуть. Будто нечто соскочило с меча и вошло в его руку и грудь. И это нечто сообщило ему, что он не может проиграть эту битву, что Хевако осталось жить несколько минут.

Это понимал не только он. Хевако побледнел, кожа его заблестела от пота, пот, выглядевший таким горячим до того, теперь казался холодным. И в самом деле, тело Хевако покрылось гусиной кожей. Глаза заволокло туманом.

Тем не менее сражался он храбро, и никто из публики, должно быть, не понял, что произошло между ним и Хэдоном. Затем, наверное, заметили лишь, что Хэдон перешел в наступление, что он парировал каждый удар Хевако, что он трижды пробивался сквозь оборону и нанес ему глубокие раны, одну справа по ребрам, другую по ребрам слева и на правом плече.

Неожиданно Хевако сделал три шага назад, поднял высоко меч над головой и с криком ринулся на Хэдона. Хэдон, шагнув вперед, выставил лезвие меча против мощного клинка Хевако, и резко отведя его в сторону, еще раз воткнул оружие в основание горла Хевако. Схватившись руками за горло, приземистый буйволоподобный человек отшатнулся назад, из разжавшихся рук выпал меч. Нога Хэдона скользнула вперед и наступила на меч Хевако. Толпа шумела и радостно приветствовала его, хотя многие свистели и шикали. Очевидно кое-кто из зрителей почувствовали в том, как Хэдон нанес свой колющий удар, нечто неспортивное. Такое можно было видеть редко. Однако профессионалы посматривали на Хэдона с одобрением и говорили о его необычной технике. Никто из них не допускал, что их могли бы достать без защиты таким же приемом, но признавали, что в данном состязании использование его оправдано. В конце концов, Хевако был любителем.

Его ожидала участь вскоре стать мертвым любителем. Он стоял у края окружности, тяжело дыша и покрываясь испариной так, что пот градом катился на ноги, одной рукой Хевако прижимал кровоточащую рану, в глазах отражалась боль.

Наконец, он произнес хриплым голосом:

— Итак, ты выиграл, Хэдон?

— Да, —ответил Хэдон. — И теперь я должен убить тебя, как того требуют правила. Ты меня прощаешь, Хевако?

Хевако произнес слабым голосом:

— Я вижу тебя, Хэдон.

Хэдон спросил:

— Что? Видишь меня?

— Да, — сказал Хевако. — Я вижу тебя и твое будущее. Сисискен открыла мои глаза, Хэдон. Я вижу тебя во времени, которое далеко отстоит от сегодняшнего, но не настолько далеко, чтобы ты стал стариком. Ты будешь жить и после того, как пройдет твоя юность, но стариком тебе не быть никогда. Твоя жизнь окажется неспокойной. И ты много раз позавидуешь мне, Хэдон. Еще я вижу... я вижу...

Хэдон почувствовал озноб, будто это душа Хевако покинула тело и проследовала мимо. Но Хевако еще был жив. Толпа кричала и требовала, чтобы Хэдон нанес удар, а рефери жестом подавал ему знаки – завершить поединок.

— Что ты видишь? — спросил Хэдон.

— Только тени, — ответил Хевако. — Тени, которые и тебе явятся в ближайшем будущем. Но послушай, Хэдон. Я вижу, что ты никогда не станешь королем королей. Хотя ты сегодня и победил, тебе никогда не сидеть на троне правителей Кхокарсы. Я вижу тебя далеко отсюда, Хэдон, и женщину со светлыми волосами и глазами странного фиалкового цвета и...

— Бей, Хэдон! — закричал рефери. — Король и королева в нетерпении; они уже дважды подавали знаки, что тебе следует нанести удар!

— Ты простишь меня, Хевако? — спросил Хэдон.

— Никогда, — прозвучал ответ Хевако. — Моя кровь на твоей голове, Хэдон. Моя душа принесет тебе несчастье и жестокий конец, Хэдон.

Хэдон ужаснулся, а рефери прокричал:

— Это не слова бойца и героя!

Хевако слабо улыбнулся:

— Мне-то что за дело ?

Хэдон шагнул вперед и нанес косой удар Каркеном, голова Хевако упала и покатилась по платформе и почти докатилась до края, но в последний момент ее ухватил за волосы рефери. Тело поверженного повалилось вперед, из шеи фонтаном ударила кровь и хлестнула на Хэдона. Хэдон закрыл глаза, чтобы вытерпеть это, а когда он открыл, ему показалось, что он увидел, как что-то маленькое и темное вспыхнуло и соскочило с трупа и упало возле края платформы. Но,

конечно же, это был всего лишь плод его фантазии. По крайней мере, он надеялся на это.

Затем вышли жрицы с ведрами воды, чтобы смыть кровь с победителя, ополоснуть платформу и произнести очищающие слова.

Глава 7

Назавтра проводились церемонии последних похорон. Хотя Хэдону вовсе и не хотелось совершать жертвоприношение Хевако, но все же пришлось. От него этого ожидали, но было еще нечто более важное: если бы он не позаботился о пролитии крови быка для того, чтобы напоить погибшего соперника, за ним бы постоянно стала охотиться душа Хевако, и неудачи и ранняя смерть стали бы его уделом. У Хэдона не хватило бы собственных денег, чтобы приобрести хорошего быка, но поскольку ему очень скоро предстояло стать королем, не составило труда получить кредит.

И действительно, многие горели желанием дать ему денег, хотя было очевидно, что они ждали от него благосклонности после того, как он займет трон. Хэдона осаждали люди, жаждавшие его расположения, молившие его о справедливости, которую он не был в состоянии дать им, и просто желавшие прикоснуться к нему, ибо это могло принести удачу, а также верившие, что, дотронувшись до него, они исцелятся от болезней. Хэдон удалился в барак, но шум преследовал его...

Пришли официальные представители, которым предстояло подготовить победителя Игр к предстоящим церемониям. Они рассказали, как он завтра должен будет пройти во дворец, в какую одежду облачиться, какие произнести традиционные слова и сделать жесты.

Мокомгу, гофмейстер королевы, также сообщил ему о том, какие ограничения будут наложены на него на ряд грядущих лет.

— Прошу прощения за свои слова, — сказал Мокомгу, — но ты юноша девятнадцати лет, у которого совсем нет опыта в управлении чем бы то ни было, оказался один на один с

могущественной империей Кхокарса. К счастью, твою жену с пяти лет обучали умению руководить, и она, конечно же, осуществляет контроль за всем управлением, кроме дел, связанных с армией, военным флотом и техникой. Но что ты знаешь о находящихся у власти влиятельных лицах и об оппозиции, о проблемах в армии, военно-морском флоте, в строительстве дорог, фортов, правительственных зданий и храмов Ресу?

Хэдон был вынужден признать, что ему ничего не известно об этих вещах.

— Для овладения тонкостями правления потребуется по меньшей мере десять лет, а еще есть, конечно же, и политика. При дворе существует много сильных группировок, и ты должен понимать, что они хотят и каковы их мотивы, и ты должен принимать решения, простые решения сложных вопросов, и все это для блага империи.

Хэдон, онемевший от ответственности и осознания своей невежественности, просто кивнул.

— Минрут может давать советы, но вовсе не обязан делать это, — сказал Мокомгу. — Однако он не тот человек, который любит бездействовать, и он, без сомнения, даст тебе возможность воспользоваться его мудростью и опытом. С другой стороны, ты не обязан следовать его советам.

Мокомгу сделал паузу, засмеялся и продолжил:

— У тебя есть преимущество на старте. Ты можешь читать и писать так же, как любой дающий благословение клирик. Нами правили короли, которые вступали на трон неграмотными, а умирали полуграмотными. Но мы попытались узнать о тебе как можно больше и выяснили, что ты, несмотря на бедность и отсутствие средств на учителей, самостоятельно выучил азбуку и арифметику. Это знак честолюбия и ума. Авинет было приятно слышать это и нам тоже. Однако кое-кто этому не обрадовался, эти люди предпочли бы иметь короля, который, будучи не в состоянии читать отчеты, зависел бы от того, кто мог это сделать.

— Хевако читал с трудом, — сказал Хэдон. — Что если бы он стал победителем?

— Авинет совсем не обязана благосклонно отнестись к победителю, — сообщил Мокомгу. — То, что она не объявила о

своем намерении отказаться от тебя после последнего номера соревнований, означает, что ты ей приятен. Ты нравишься ей, она полагает, что ты очень красив, имеешь задатки великого воина и отменные мужские достоинства.

— Что она подразумевает под этим? — спросил Хэдон.

— Наша разведывательная служба опросила всех женщин, с которыми ты был в постели, — рассказал Мокомгу. — Все они сообщили, что ты великолепен. Конечно, это условие не обязательно, поскольку королева может иметь любовников, если только пожелает. Но она восхищается тобой, и ей также нравится, что у тебя хороший характер.

«Имея в виду, что у него слабый характер», — подумал Хэдон. У Авинет свои методы, его краткая встреча с ней продемонстрировала это.

— И что еще выяснили ваши шпионы? — спросил Хэдон. Он почувствовал, что ему стало тепло, в действительности — даже жарко.

— Что ты интересный собеседник, пьешь очень умеренно, легко приспосабливаешься, усердный труженик, ответственный, хотя временами предаешься юношеским шалостям, способен понести наказание, если оно заслужено, короче говоря, хоть тебе всего лишь девятнадцать, ты имеешь задатки достойного человека. И прекрасного короля. Ты, безусловно, великолепный атлет, но сейчас все обстоит не так, как в старые времена. Мускулы и хорошая скорость стоят на самом последнем месте в списке необходимых для занятия трона качеств.

Также Авинет было приятно узнать, что ты преданный сторонник Кхо, в отличие, я должен добавить, от ее собственного отца. Хотя, конечно же, она сперва испытывала некоторые сомнения из-за твоего родства с Квазином. Однако королеву убедили, что ты не виноват в том, что ты в родстве с насильником жриц и убийцей охранников храма. Кроме того, мы выяснили, что ты не любишь Квазина. Да и кто его любит?

— Есть ли еще что-то, что вам не известно обо мне? — спросил Хэдон.

— Очень немногое, — ответил Мокомгу.

«Не смотри столь самодовольно, — подумал Хэдон. — То, кем я был, еще не гарантирует того, кем я стану».

На следующий день после службы, происходившей в огромной дубовой роще, высоко на склоне Кховота, жрицы совершили над Хэдоном ритуальный обряд купания. Его намазали душистым бальзамом и надели на него шляпу из перьев орла-рыбы, килт из таких же перьев и сандалии из шкуры священного гиппопотама. Поскольку он был членом Тотема Народа Муравья, на груди Хэдона красовалось стилизованное изображение головы муравья, нарисованное красной краской. Затем юношу провели по Дороге Кхо вслед за хранящим молчание оркестром музыкантов к открытой могиле. Здесь ему показали его золотую корону, которая лежала на дне могилы. Хэдону пришлось спрыгнуть в могилу, поднять корону и выкарабкаться обратно. Пока он проделывал все это, жрица говорила нараспев:

— Помни, хоть ты и король, что все, и короли и рабы, неминуемо окажутся здесь!

Затем, держа в одной руке корону, он шел вслед за оркестром, который громко играл военные марши. Хэдона сопровождали жрецы и жрицы, гвардейцы с копьями, гофмейстер королевы и его персонал, а также толпа любопытных.

Процессия шествовала по дороге; на всем пути победителя Игр радостно приветствовали зрители, некоторые восторженно осыпали его лепестками цветов. Хэдон почувствовал, как оцепенение его тает от тепла ликования. Оказавшись перед огромными воротами стены, окружающей Внутренний Город, он постучался в них короной, требуя от лица победителя Игр, чтобы их открыли. Ворота открылись, Хэдон вошел и вскоре уже поднимался по широким, крутым ступеням, которые вели в крепость. Наверху он вновь постучал и потребовал, чтобы его впустили. Ворота цитадели отворились.

Теперь герой стоял в огромном тронном зале с высоким куполообразным потолком и выкрикивал заранее установленные слова, которыми выражалась мысль о том, что Минруту следует оставить трон и позволить победителю Игр занять его рядом с верховной жрицей и королевой двух морей. Однако не предполагалось, что Минрут в тот же момент на самом деле оставит трон. Его роль состояла в признании права Хэдона на трон. До того, пока тремя днями позже не совершится свадебная церемония, Хэдон официально не являлся королем.

Минрут, улыбаясь, будто он в восторге от церемонии, ответил ему, и именно в тот миг Хэдон осознал, что все идет не по плану. Его насторожил полный ярости взгляд Авинет и застывшие бледные лица придворных.

— С радостью, о Хэдон, я сойду с этого места, которое накладывает столь утомительное бремя обязанностей и славы, славы, в которой больше свинца, чем золота. И моя дочь желает, чтобы молодой и красивый мужчина, энергичный юноша правил вместе с ней и доставлял ей удовольствие, как она столь часто говорила мне.

Здесь он бросил ядовитый взгляд на Авинет, которая свирепо смотрела на него.

— Но то, что хочу я, король, и то, что желает Ресу и Кхо, зачастую не одно и то же. И мы, смертные, должны покоряться словам, которые произносятся божествами.

Теперь о том, что ты, Хэдон, вне всякого сомнения, уже слышал. Недавно к нам сюда из Пустынных Земель, расположенных за горами Саарес, пришел человек. Это Хинокли, единственный оставшийся в живых член экспедиции, которую несколько лет назад я послал для исследования берегов великого моря, плещущегося за Пустынными Землями, на самом краю мира. В то время как ты проявлял свою героическую доблесть в Играх, он пришел к нам, к моей дочери и ко мне. И он поведал о том мучительном путешествии, о людях, умерших от болезней, съеденных львами, ставшими жертвами нападения на них огромного животного с носом в виде рога, от огромного с серыми клыками кампо, об утонувших. Но причиной гибели большинства участников той экспедиции послужили стрелы, которые пустили в ход дикие племена, те стрелы, которыми пользуются наши враги, а мы не можем: Кхо запретила нам применять нам это оружие, что ставит наших людей в очень невыгодное положение.

— Будь осторожен, отец, — вставила Авинет. — Ты ступаешь на опасную почву!

— Я всего лишь говорю правду, — отреагировал Минрут. — Будь так, как могло бы быть, экспедиция достигла бы огромного моря, которое с севера окружает мир.

Он сделал паузу и громко произнес:

— А на его побережье они неожиданно встретили самого великого бога Саххиндара!

Хэдон почувствовал, как благоговение вытеснило в нем возникшую ярость. Саххиндар, Сероглазый Бог, Бог-Стрелец. Саххиндар, Бог растений, бронзы, самого времени. Саххиндар, изгнанный бог, лишенный милости сын Кхо. И люди видели его!

— Они не только видели его, но и говорили с ним! Они пали пред ним на колени и поклонялись ему, но он велел им встать и вести с ним себя запросто. И он вывел из расположенных вблизи деревьев троих людей, смертных, прятавшихся в зарослях. Среди них была высокая женщина такой красоты, что и помечтать нельзя, с золотыми волосами и глазами, как у богини, глазами цвета фиалки. Сначала наши люди подумали, что это сама Лахла, богиня луны, поскольку у Лахлы золотые волосы и фиалковые глаза, если можно верить словам жриц. Не правда ли, Хинокли, она была похожа на Лахлу?

Он заговорил с толстым низеньким человеком лет тридцати пяти, который стоял с краю толпы.

— Пусть меня поразит Сама Кхо, если я лгу! — воскликнул Хинокли пронзительным голосом.

Придворные вокруг отступили назад, но Хинокли стоял спокойно.

— А не было ли ее имя похоже на Лахлу? — спросил Минрут.

— Она говорит на непонятном языке, король королей, — отвечал Хинокли. — Ее язык звучит чудно. Но на мой слух ее имя звучит как Лалила.

— Лалила, — произнес Минрут. — Луна в новой фазе на нашем языке, хотя она сказала, что на ее языке это означает что-то другое. Красавица заявила, что никакая она не богиня. Но известно, что боги и богини лгут, когда спускаются вниз к смертным. В любом случае, богиня она или просто женщина, она признавала Саххиндара своим господином. Это правда, Хинокли?

— Это правда, король королей.

— Тогда она не богиня, отец, — сказала Авинет. — Ни одна богиня не склонит свою голову перед простым богом.

Минрут, с исказившимся лицом, вскричал:

— Все меняется! И я считаю важным, что эта женщина дьявольской красоты является луной в новой фазе. Ее имя, возможно, — предзнаменование. В любом случае эту женщину сопровождали двое других людей: ее ребенок, дочь с такими же золотыми волосами и глазами цвета фиалки, как у матери, и человечек по имени Пага.

— Прошу прощения, господин, его имя — Паг, — сказал Хинокли.

— Я так и сказал, Пага, — отрезал Минрут.

Хинокли пожал плечами, а Хэдон, который бегло говорил на нескольких языках, все понял. Язык кхокарсан не имел слогов, оканчивающихся на -г, а потому обычно кхокарсане произносили имя в соответствии с правилами своего родного языка. У них также отсутствовал и такой слог, как па; открытые слоги, начинающиеся на п, ограничивались слогами пе, пи, пое. Но такой слог кхокарсанам было легче произносить.

— Этот Пага — одноглазый калека, второй глаз ему выбила камнем какая-то женщина со сволочным нравом, — продолжал Минрут, поглядывая на свою дочь, чтобы уловить ее реакцию. Авинет только хмурилась.

— С собой он нес огромных размеров топор, изготовленный из какого-то железа, которое значительно прочнее любого известного нам. Пага говорит, что это изделие, сделанное из упавшей звезды, которой он придал форму топора, предназначалось для героя по имени Ви. Этого Ви сейчас уже нет в живых, но он являлся отцом ребенка, чье имя звучит как Абет. Перед своей смертью он передал топор Паге и велел ему хранить его при себе до тех пор, пока тот не встретит человека, достойного такого дара. Но топор...

— Не отклоняйся от сути, отец, — резко оборвала его Авинет.

— Мы не должны сердить верховную жрицу Кхо, — промолвил Минрут, закатывая глаза. — Очень хорошо. Сам Саххиндар приказал моим людям взять Лалилу, дитя Абет и Пагу в этот город. Саххиндар велел, под страхом страшного наказания, хорошо заботиться о них и проследить за тем, чтобы их приняли как почетных гостей. Он не смог прийти с

ними, поскольку у него дела повсюду, но что за дела — он не сообщил. Но Саххиндар обещал когда-нибудь прибыть сюда, чтобы убедиться в том, что Лалила и остальные были приняты с почетом. Когда это случится, он не сказал. Но боги выполняют свои обещания.

— А как же, — громко задала вопрос Авинет, — запрет Кхо? Осмелится ли Саххиндар вернуться на землю, откуда сына изгнала его великая мать?

— Саххиндар сказал, что ему ничего не известно о подобном запрете, — с явным удовольствием сообщил Минрут. — Итак, видимо, жрицы сказали нам неправду.

Авинет насторожилась:

— Осторожно, отец!

Минрут продолжал:

— Или, что наиболее вероятно, они неправильно поняли предсказателей. А может быть, Кхо, будучи женщиной, передумала. Она смягчилась и не имеет ничего против того, что ее сын ходит среди людей, которым он преподнес столь грандиозные дары во времена наших древних предков.

Но на обратном пути с группой случилась беда. На нее напали дикари, вооруженные стрелами, теми самыми стрелами, которые Кхо запретила использовать нам, ее избранникам. Наши люди сели в челнок, который они обнаружили, но дикари убили многих с берега, а затем устроили преследование на лодках. Лодка, в которой находились Лалила, ребенок и коротышка, перевернулась, и последнее, что видели люди в другой лодке, — как несчастные барахтались в воде. Из тех, кому удалось ускользнуть, в живых остался лишь Хинокли. Это правда, Хинокли?

— Пустынные Земли ужасны, о король, — выпалил Хинокли.

— Очень печально, что тебе придется вновь путешествовать по ним. Но считай, что тебе повезло. С тебя следовало бы содрать шкуру за то, что ты бросил людей, ответственность за безопасность которых была возложена на тебя Саххиндаром. Однако я король милосердный, и после консультаций с моей дочерью решил, что тебе следует повести полную риска экспедицию, поскольку лишь тебе одному известно, где находится Лалила. Или находилась.

— Я благодарю короля и королеву за их милосердие, — проговорил Хинокли, хотя его вид отнюдь не выражал благодарности.

Благоговение Хэдона стало сменяться растущим гневом. Он точно не знал, что имеет в виду король, но, как казалось ему, в основном уже догадался. И не мог понять, почему Авинет, по всей видимости, поддерживает отца.

— Что все это значит?! — вскричал он. — Почему древняя церемония была прервана этим рассказом, сколь бы ни был он занимателен?

Раздался крик Минрута:

— До тех пор, пока ты не сядешь на этот трон, будешь говорить только тогда, когда тебя об этом попросят!

— Если говорить коротко, это означает, что наш брак откладывается до тех пор, пока ты не приведешь обратно эту женщину и не принесешь топор из Пустынных Земель, — произнесла королева. — Это не моя затея и не мое желание, Хэдон. Я бы предпочла, чтобы ты как можно скорее оказался на этом троне и в моей постели. Но даже верховная жрица должна подчиняться голосу Кхо.

Минрут заулыбался:

— Да, даже верховная жрица! Древним обычаем можно пренебречь, когда так велит Кхо!

— Могу ли я говорить? — спросил Хэдон, глядя на Авинет.

— Можешь.

— Правильна ли моя догадка о том, что меня выбрали руководить этой экспедицией?

— Ты быстро соображаешь, Хэдон. Ты прав.

— И я не стану твоим мужем до тех пор, пока не вернусь сюда с этой женщиной, топором и, полагаю, с ребенком и человечком, поскольку Саххиндар отдал распоряжение, что их также следует доставить в Кхокарсу в целости и невредимости?

— Это, к моему сожалению, истинная правда.

— Но почему выбрали меня? Неужели ты не могла?..

— Не я! Это было предложение моего отца, а я ответила нет! Но затем он сказал, что это дело касается не только простых смертных, в нем участвуют и божества. А потому мы совершили восхождение на склон Кховота в Храм Кхо и там имели беседу со жрицами-предсказательницами.

— Как нам следует поступить? — спросили мы. — Что желает Сама Кхо, если, конечно, Она желает, чтобы хоть что-то было сделано?

Итак, мы прошли в пещеру, где жрица несла свое дежурство и откуда из-под земли исходило опасное дыхание огня. Жрица села на треугольный табурет и принялась вдыхать пары; в это время мой отец и я, в масках, сидели в углу на холодном твердом камне. Очень скоро прорицательница заговорила странным голосом, и свет, казалось, наполнил пещеру. Мы с отцом прикрыли глаза руками, поскольку тот, кто увидит Кхо в Ее славе, ослепнет, и слушали Ее прерывистый голос. И Она сказала, что величайший герой земли должен немедленно отправиться на поиски колдуньи с моря и ее дочери и маленького одноглазого человека и топора. Герой должен, не мешкая, расстаться с любой женщиной, не должен жениться и не вести никаких дел. Голос сообщил, что женщина и топор могут принести в страну зло или добро, или и то и другое вместе, но все же отправиться на поиски ее и топора необходимо.

Она ничего не сообщила о твоем возвращении, сказала лишь то, что герой должен сразу же пуститься в путь. Также Она ничего не поведала о Саххиндаре.

Хэдон некоторое время хранил молчание, охваченный благоговением, затем вымолвил:

— И когда это было, королева?

— Прошлой ночью, Хэдон. В то время, как ты спал, взяв с собой в постель золотую корону победителя и, без сомнения, мечтал обо мне, мой отец и я спешили подняться вверх по склону грозного Кховота.

— Но почему решили, что я — величайший герой страны? — спросил он.

— Этот вопрос вряд ли нуждается в ответе, — проворчал Минрут.

— Но ты, король, — победитель предыдущих Игр, ты сидишь на троне, ты вел своих солдат на взятие мятежного города Сакавуру, и ты столь жестоко разгромил клемкаба, что нам теперь платят дань — по крайней мере на побережье, — и именно ты умертвил голыми руками черного леопарда из Сивудаву, который разорял все вокруг. Без сомнения, герой, о котором говорила прорицательница, — это ты.

Минрут озадаченно посмотрел на него, а потом разразился смехом.

— Ты, Хэдон, несомненно, хитер и когда-нибудь станешь великим королем. Если пройдешь сквозь Пустынные Земли и не пострадаешь при этом, так тому и быть. Нет, Хэдон, я старею, и все мои подвиги совершены уже давно. Люди и божества наибольшее значение придают новым ярким деяниям, а не старым и приевшимся. Когда-нибудь ты сам это поймешь, Хэдон. Может быть. Но не пытайся оттянуть таким образом свой отъезд, как гласит басня о лисице, которой удалось выбраться из капкана.

— Эти новости уже сейчас печатаются и будут доставлены во все города империи. В настоящий момент глашатаи сообщают их жителям Кхокарсы.

— Когда я должен отбыть? — спросил Хэдон.

Авинет поднялась, по ее щекам катились слезы.

— Прямо сейчас, Хэдон.

Она спустилась со ступенек и протянула ему руку.

— Поцелуй ее, Хэдон, и помни, что ты получишь всю меня, когда вернешься. Я буду горевать по тебе, но я обязана подчиниться голосу Кхо. Все смертные, даже королевы, должны ей повиноваться.

Хэдон опустился на колено и поцеловал руку королевы. Потом он поднялся и обнял ее мягкие белые плечи и прижался к теплой груди и поцеловал Авинет в губы. В толпе произошло замешательство, послышался шепот, а со стороны Минрута раздалось странное рычание.

— Любой другой мужчина умер бы на месте, если бы только я не сказала, что разрешаю ему обнять себя. Но ты человек, которого я люблю, и ты достоин меня. А потому торопись уехать отсюда и поспеши сюда вернуться, Хэдон. Я буду ждать.

— Голос не сообщил ничего о его возвращении! — выкрикнул Минрут, но Хэдон уже удалился. В те минуты он чувствовал себя счастливым.

Глава 8

Оживление его длились недолго. К причалам Хэдон подошел хмурым, с покрасневшим лицом. Он никак не реагировал на приветствия толпы, осыпавшей его лепестками, на попытки людей прорваться сквозь охрану, чтобы дотронуться до него. Хэдон почти не слышал и не видел их. Он весь погрузился в себя и мыслями возвращался назад, в комнату, где находился трон и занимавшая его женщина, которая обманула его.

Он понимал, что его мысли кощунственны. Хотя Кхо Сама распорядилась о том, что именно ему следует отправляться на поиски, Хэдон чувствовал себя обманутым. И с этим ничего не мог поделать. Хэдон был столь же бессилен, как и самый презренный раб, как самый бедный из бедных, он, победитель Великих Игр, герой!

Сжигаемый огнем, от которого внутри все стыло, оцепенев от гнева, он поднялся на борт ожидавшей его униремы. Он едва узнавал людей, которым его представляли: капитана, корабельную жрицу и некоторых пассажиров. Они, очевидно, были напуганы выражением его лица и манерой поведения, поскольку тут же ускользнули со скоростью, на какую только были способны. И пока он вышагивал взад и вперед по узкой передней палубе, к нему никто не приближался.

Галера быстро передвигалась на веслах, курс ее пролегал на север, немного смещаясь на восток. Унирема миновала крепость на западной оконечности острова Мохази и уже вскоре двигалась сквозь широкий пролив между островом Сигади, где находилась военно-морская база, и полуостровом с двумя выступами, именуемым Головой Питона. На каждой крепости развевались флаги, приветствовавшие судно, на борту которого находился герой Игр. В другой раз Хэдон раздулся бы от торжества. Теперь же ему чудились насмешки, хотя у него доставало здравого смысла, подсказывавшего ему, что на самом деле он ошибается.

Затем, по прошествии нескольких часов, когда великий Ресу начал опускаться, галера пошла в северо-западном направлении вдоль скал западного побережья Залива Гахете. Когда сошла на землю ночь, корабль все еще находился в глубине

узкого залива. Воздух остыл, то же самое произошло и с Хэдоном. Ярко светили звезды, и немного погодя Лахла, богиня луны, самая прекрасная из дочерей Кхо, показала свое лицо всем, кто мог оценить его красоту. Она светила столь ярко, что Хэдон смог рассмотреть дым, поднимающийся над Кховотом, Голосом Кхо, который конусом вздымался к небу. Дым представлял собой ряд изломанных облаков несколько причудливой формы, освещенных прерывистыми вспышками огня. Хэдон попытался прочитать эти образы, будто это были части слоговой азбуки, но не сумел ничего составить из них. Может, это Кхо посылала ему сообщение, которое он не был способен воспринять?

Немного погодя к нему подошел первый помощник капитана и спросил, не имеет ли он желания отобедать с капитаном и жрицей. Хэдон вдруг ощутил голод, и ответил, что с удовольствием примет приглашение.

Крышу каюты капитана сняли, чтобы в помещение проникал лунный свет и свежий воздух. Внутри все ярко освещалось сосновыми факелами, установленными в скобы на перегородках, и запах смолы был столь силен, что Хэдон почти не чувствовал аромата пищи. Стол в узкой каюте был накрыт на шесть человек и всегда незримо присутствующую гостью, наводящую ужас Сисискен. Хэдон стоял возле дубового стула, пока жрица молила Кхо и Пикабес, зеленоглазую дочь Кхо, благословить пищу и тех, кто ее вкушал. Затем Хэдон сел и принялся жадно есть, как будто пожирал тех, кого ненавидел — Минрута и те смутные силы, которые привели его к столь печальному состоянию. Но его ненависть растворилась в остром супе из окры, в бифштексе из нежного сочного мяса буйвола, в филе из рогатой рыбы, хлебе из двузернянки, в маслинах, в изысканности жаренных термитов и мякоти папируса. Он побаловал себя одним стаканчиком медового напитка, изготовленного из знаменитого меда пчел, которых разводили в городе Квокода. Спустя некоторое время он сидел за столом, разговаривая и жуя хворостинку для чистки зубов.

Как Хэдон выяснил, троим из соседей по столу предстояло сопровождать его в экспедиции. Вторым после него в команде был Тадоку — мужчина среднего роста, очень худой,

примерно сорока лет, нуматену, и майор Армии V, что означало, что родом он из Дитбета. Тело и лицо майора пересекали шрамы, полученные в сотнях битв, а череп у правого виска был слегка вдавлен в том месте, где в него попал камень, брошенный в него клемкаба из пращи и едва не явившийся причиной его гибели. Хэдон решил про себя, что этот человек жесткий и расчетливый. И без сомнения, он мог дать много очков вперед в искусстве владения тену.

Второй Хинокли, которого он видел и слышал, находясь во дворце. Хинокли предстояло провести экспедицию сквозь Пустынные Земли. Если судить по его угрюмому виду, он отнюдь не был в восторге от этой задачи.

Третьим был бард экспедиции, Кебивейбес – человек лет тридцати в одеянии барда из белого льна, которое кое-как прикрывало короткое худое тело. У него была большая голова, блестящие черные волосы, вздернутый нос, рот полный и широкий, большие желтовато-коричневые живые глаза. Рядом на колышке перегородки висела его семиструнная лира из самшита, струны которой были деланы из кишок маленькой овцы. Один из выступающих резных верхних концов лиры изображал фигурки богини луны, а также и покровительницы музыки и поэзии. Похоже, что Кебивейбес находился также под влиянием Бесбедес, богини пчел и меда, если судить по множеству выпитых им стаканчиков. В течение вечера глаза его из карих превратились в красные, налитые кровью, голос сделался гуще, будто в горло заливался мед. Бард становился несдержанным, открыто говорил о вещах, о которых уместнее сообщать по секрету, если это вообще необходимо.

— Когда мы высадимся в Мукхе, Хэдон, ты получишь в свое командование такую жалкую группу солдат, которая является позором для любой армии. Неудачники, не умеющие себя вести, нарушители порядка, чокнутые, воры и трусы. Все, исключая лишь присутствующего здесь нуматену, Тадоку, являются типами, которых Минруту следовало давно уже разжаловать или повесить. Все это люди, от которых ты будешь рад избавиться. Они обязательно сделают так, что экспедиция окажется неудачной. Почему в группу включили великого солдата Тадоку, мне не известно. Может,

я чего-то не понимаю, Тадоку? Может ты, как и я, оскорбил чем-то Минрута?

— Меня выбрала и назначила сама Авинет против воли Минрута, — сказал Тадоку.

— Хорошо, что так получилось, возможно, это единственно хорошее решение в данной ситуации, — сказал бард. — Знает ли Авинет, какими людьми придется командовать бедному Хэдону?

— Наши отношения с ней не настолько доверительны, — произнес Тадоку, свирепо смотря на барда.

— Ну, меня выбрали бардом для этой паршивой экспедиции в наказание за то, что я сочинил и распевал сатирическую песню о Минруте, — сообщил Кебивейбес. — Минрут не осмелился тронуть меня, поскольку барды неприкосновенны. Но он был в состоянии оказать мне честь — честь! — назначив меня, Хэдон, твоим бардом. На самом деле это ссылка, из которой я, скорей всего, не вернусь. Но мне все равно. Я всегда хотел взглянуть на чудеса Пустынных Земель. Возможно, они побудят меня сочинить великую эпическую поэму, Песнь о Хэдоне, и мое имя станет в один ряд с такими божественными бардами, как Хала, которая сочинила Песнь о Гахете, и Квавимой, создавшей Песнь о Кетне. Тогда всем придется признать, что и мужчина может создавать музыку и поэзию так же, как и женщина.

— Никто из них не был пьяницей, — проговорил Тадоку.

Кебивейбес рассмеялся:

— Медовый напиток — это кровь Бесбедес, и если я принял его достаточно, возможно, я выгоняю с потом божественные миазмы. В любом случае, как только мы углубимся в Пустынные Земли, там уже не будет больше меда. Волей-неволей мне придется стать трезвенником. Но тогда я захмелею от лунного света, от серебряного ликера, который Лахла разливает столь щедро. — Он сделал глубокий глоток, мрачно рыгнул и добавил: — Если доживу до этого.

Хэдон скрыл свою тревогу. Он обратился к Хинокли, который вяло помешивал ложкой в тарелке с холодным супом.

— А у тебя, Хинокли, столь же мрачный взгляд на вещи?

— Из всех хороших людей, отправившихся в Пустынные Земли, я менее всех подавал надежды выжить, —

проговорил он. — Я книжник, маленький, слабый и не привычный к трудностям и ужасам. Остальные в группе — высокие сильные мужчины из разряда героев. Минрут сам отбирал их в соответствии с требованиями, которым должны удовлетворять те, кто отправлялся в Пустынные Земли. И все же я один не умер. А потому я скажу лишь, что мы в руках Кхо. Успех и неудача и имена тех, кому предстоит погибнуть, и тех, кто избежит такой участи, уже написаны на свитках, недоступных для чтения ни одному человеку.

— И это означает, что мы не можем знать будущее, а должны действовать так, будто богини на нашей стороне, — тотчас откликнулся Тадоку. — Что касается меня, я молюсь Кхо и Ресу, который, кроме того, что является богом солнца и дождя, также еще и бог войны.

Раздался резкий голос жрицы:

— А как насчет Бхуклы, богини войны! Война с самого исходного момента находилась в ее ведении, а Ресу узурпировал чужие права. По крайней мере, ему удалось сделать это в умах некоторых, но мы, жрицы, знаем, что Бхукла была первой, и солдат, который пренебрегает ею, достоин сожаления.

— Конечно же, я поклоняюсь и ей тоже, жрица, поскольку она теперь богиня тену, — отступил Тадоку. — Каждый нуматену молится ей по утрам и когда отправляется в постель, и она председательствует при изготовлении мечей нуматену. Но я полагаюсь не только на богов и богинь. Я верю в себя, в свое завоеванное ценой больших усилий мастерство владения мечом.

— Скажи мне, — спросил он, поворачиваясь к Хэдону, — что тебе известно о военной службе?

— Не многое, — ответил Хэдон, — именно поэтому я рад, что вы мой заместитель. Будучи ребенком, я частенько крутился возле мест, где проводились парады и наблюдал за тренировками солдат, я научился кое-каким процедурам и дисциплинам, когда работал на кухне и в качестве мальчика-водовоза в форте вблизи Опара. Многое я перенял от отца.

— Тогда ты не зеленый новобранец, и задача упрощается, — определил Тадоку. — Ты должен научиться тому, как завоевать доверие и как обходиться с рядовым. Это — если и

не хребет армии, то ребра. Большинство непрофессионалов, думая об армии, представляют себе только славу, которую приносит битва. Но такие вещи, как необходимость иметь хороших поваров и хороших врачей, и неподкупного, но хитрого сержанта-снабженца, занимают мысли офицера больше, чем командование людьми в бою.

— Насколько я понимаю, — заметил Кебивейбес, — ты беден. Или был бедным.

— А тебе-то что за дело? — рассердился Хэдон.

— Меня это очень даже волнует, — ответил бард. — Я интересуюсь характером человека, который поведет нас через неизведанные опасности. Я сделал наблюдение, что богатые всегда продажны, и бедные тоже безнравственны, хотя и в другом смысле. Деньги и власть меняют человека столь неотвратимо, будто он попадает в руки ужасной Кхуклако, Властительнице Хаоса. Тем не менее богатый человек старается скрыть это от самого себя — он становится алчным и действует так, словно ужасная Сисискен не стоит всегда за углом. Он делается жестким, но не сильным, ломким, словно плохо отлитый инструмент.

С другой стороны, бедность — демон со своим собственным душком. Богатый вызывает отвращение из-за своих денег, бедный — из-за их отсутствия. Те, кто «посередине» — из-за того и другого. Но бедный способен подняться над своей бедностью, тогда как богатый очень редко, если и вообще он на то способен, быть выше своего благосостояния.

— Едва ли я понял тебя, — сказал Хэдон.

— Не имеет значения. Ты еще молод, но природа наградила тебя умом, и если проживешь достаточно долго, то поймешь. Хотя понимание, как правило, сопровождается печалью. Достаточно и того, что я верю в тебя. Лахла одарила меня способностью различать вибрации, исходящие от человека, как будто он лира, струны которой она перебирает. В случае с тобой, семь струн души издают приятную музыку. Но песня не всегда будет веселой. Кебивейбес поднялся: — Я должен идти спать.

Жрица обратилась к нему:

— Я надеялась, что ты споешь нам.

— Сладкий мед выходит наружу кислой музыкой. Я спою вам завтра. Но не раньше вечера. Всем спокойной ночи.

Тадоку пристально посмотрел вслед идущему нетвердой походкой барду:

— Вот пошел один из неудачников и нарушителей спокойствия.

— Но, по-видимому, его больше беспокоит что-то внутри его самого, чем то, что происходит снаружи, — заметила жрица. — Бард никогда не был сильным. Он выражает свое неудовольствие и критикует несправедливости, творящиеся в мире, пользуясь лишь своим голосом.

— Такой тип человека — наихудший из всех возмутителей спокойствия, — определил Тадоку. — Он говорит, а многие действуют в соответствии с его словами.

— Вообще-то он мне нравится, — возразил Хэдон. — Майор, не окажете ли вы мне честь завтра потренироваться со мной в фехтовании?

— С радостью, — согласился Тадоку.

Хэдону той ночью снилась не прекрасная Авинет, как того можно было бы ожидать, а его мать. Он то и дело подбегал к ней, а она, хоть и стояла, раскрыв руки, готовая обнять его, постоянно отодвигалась назад и в конце концов терялась в тени. Он проснулся, рыдая навзрыд, и задумался, не послала ли ему Сисискен сообщение о смерти матери. После завтрака он написал своей семье длинное письмо. Но письмо можно было отправить лишь в Мукхе; пройдет много месяцев, прежде чем оно дойдет — если и вообще когда-нибудь доберется — до далекого Опара.

Кебивейбес, значительно раньше, чем предполагал Хэдон, застал его за писанием последних абзацев на свитке. Бард приблизился к нему, когда Хэдон запечатывал письмо:

— Ты умеешь писать? Я поражен. Я сам немного знаю слоговую азбуку, но боюсь стать слишком грамотным.

Хэдон удивился:

— Почему так?

— Письменность — враг памяти, — ответил Кебивейбес. — Посмотри на меня. Я бард, который должен много запомнить, а я и в действительности помню наизусть тысячи строк. В голове я храню слова сотен песен. Я начал заучивать их в три года, и мой труд на протяжении всей жизни был тяжел. Но я знаю их хорошо; они отпечатались в моем сердце.

— Если же мне придется зависеть от написанного слова, мое сердце ослабнет. Вскоре я начну запинаться в поисках строки и буду вынужден обращаться к свиткам, чтобы найти забытые слова. Я боюсь, что, когда все станет записанным, а именно этого и желают жрицы, память у бардов сделается такой же короткой, как и у всех остальных.

— Допускаю, — отозвался Хэдон. — Но если бы великий Авинес не изобрел бы слоговую азбуку, наука и торговля не продвинулись бы столь быстро. А империя Кхокарсы не простерла бы столь широко свои границы.

— Может, это и хорошо, — продолжал бард. На вопрос, что он имеет в виду, бард не ответил, а лишь сообщил:

— Тадоку просил передать, что он готов встретиться с тобой для тренировки чуть позже на носовой части палубы. Сейчас он диктует Хинокли письма во дворец. Его, видимо, огорчили мои вечерние излияния.

— Ты их помнишь? — спросил Хэдон.

— Бард рассмеялся:

— Я не всегда настолько пьян, как кажется. Тадоку беспокоит то, что я знаю, какими людьми ему предстоит командовать больше, чем он сам. Очевидно, ему никто не сказал правды.

— А как ты выяснил ее? — спросил Хэдон.

— После спальни королевы наилучшее место для выяснения секретов — это таверна.

— Мне многому надо учиться, — сказал Хэдон.

— Уже одно, что ты признаешь это, означает, что ты сможешь научиться, — тут же оценил Кебивейбес откровенность Хэдона.

Где-то в середине утра в каюту вошел Тадоку и отдал Хэдону честь. Хэдон ответил на приветствие, выставив перед собой правую руку — кончики большого пальца и мизинца соединены, а три срединных расставлены.

— Официально ты не примешь командование до тех пор, пока мы не прибудем в Мукху. Но было бы полезно ознакомиться с нашими ролями еще до того. И если ты нуждаешься в моих советах, если я могу научить тебя чему-нибудь, я в твоем распоряжении.

— Сядь, — попросил Хэдон. — Во-первых, я хотел бы получить откровенный ответ: испытываешь ли ты, опытный

офицер и прославленный нуматену, возмущение, оттого что должен служить под началом зеленого юнца?

— При других обстоятельствах такое могло иметь место, — ответил Тадоку. — Но данная ситуация необычна. Кроме того, ты не упрямец, желающий делать все по своему. По правде говоря, если я буду служить тебе хорошо, моя карьера имеет неплохие перспективы. В конечном итоге, ты можешь когда-нибудь стать королем.

— Ты сказал это так, будто не веришь, что я займу трон.

— Наши шансы выжить невысоки, — неожиданно оживленным голосом сообщил Тадоку. — И, позволь мне продолжать говорить откровенно, возможности уцелеть могут даже уменьшиться, если нам удастся вернуться назад.

Хэдон был поражен. Некоторое время он осмысливал сказанное офицером:

— Ты думаешь, король осмелится убить нас?

— Путь от Мукхи до острова длинный. И на борту галеры может всякое случиться. Особенно, если ею управляют преданные Минруту люди.

— Но мы будем, или, во всяком случае, должны быть под покровительством Саххиндара.

— Если Сероглазый Бог действительно находится в Пустынных Землях и при условии, что Хинокли видел его, — согласился Тадоку. — Хинокли, возможно, говорит правду. С другой стороны, он мог выдумать эту историю, спасая свою шею. Или Минрут использовал его для того, чтобы отделаться от тебя.

— Но Голос Кхо? — взволновался Хэдон. — Ее ведь не обманут, да и Она не обманет нас?

— Ее не обманут, но Она может объяснить, что сделала так согласно Своим собственным планам. Более того, жрица-пророчица всегда говорит так, что ее слова можно истолковать по-разному. Только после того, как произойдет само событие, смертным дано судить о том, что Она в действительности имела в виду.

Тадоку сделал паузу, казалось, слова давались ему с большим трудом:

— Более того, жрецы и жрицы — это мужчины и женщины, а и тех и других можно подкупить.

Потрясенный Хэдон не мог в это поверить.

— Ты же не предполагаешь, что Минрут способен дать взятку пророчице? Той, которая говорит Голосом Кхо? Нет! Нет! Сама Кхо уничтожит эту женщину!

— Да, но Кхо могла позволить сделать это, желая провести в жизнь свои планы, как я уже говорил. Тем не менее, на самом деле, я не верю в то, что жрица будет лгать ради денег. Она должна быть слишком напугана. Я лишь делаю предположения, поскольку следует учесть все возможности, причем не имеет значения, насколько они надуманы.

— Ты циник! — воскликнул Хэдон.

— У меня лишь острый глаз, я достаточно много нахожусь вблизи влиятельных людей империи, — сохранял невозмутимость Тадоку. — Как бы то ни было, я ознакомился с составом команды судна. Это торговое судно, как тебе известно, используется в основном для перевозки почты. Странно. Почему тебя не посадили на судно, принадлежащее военно-морскому флоту, поскольку ты же представляешь собой столь ценный груз? Почему нас не сопровождают боевые корабли? Что если судно пиратов нападет на нас? Правда, пираты не промышляют в водах севернее острова вот уже двести лет. Но это вовсе не значит, что они не могут появиться тут вновь. Минрут способен нанять пиратов. Но я считаю это маловероятным. Подобная пища слишком сыра, чтобы ее кто-нибудь мог переварить, а гнев Авинет ужасен, как всем, по-видимому, кроме тебя, известно. Минрут умрет первым же, если только сразу не введет в действие войска. Но тогда он, вероятно, будет уничтожен. С другой стороны, Минрута называют Безумным, и, надо заметить, не без оснований, поэтому от него нельзя ожидать, что он станет действовать как разумный человек. Тем не менее допускаю, что, руководствуясь здравым смыслом, Минрут не предпримет никаких действий до нашего возвращения. Тем временем — а оно может быть довольно продолжительным — многое может случиться в Кхокарсе.

Хэдон, вместо того чтобы впасть в уныние, рассердился. Когда он и Тадоку упражнялись деревянными мечами, он атаковал Тадоку так, словно намеревался убить его. Но Тадоку дал такой отпор, что вскоре пыл юноши поостыл, но и

после того Тадоку удалось набрать намного меньше очков, чем напарник. Наконец, пыхтя и потея от напряжения, они завершили поединок. Матрос окатил бойцов ведром холодной морской воды, и они сели обсудить тренировку.

— У тебя задатки великого фехтовальщика, — резюмировал Тадоку. — И ты станешь им лет через пять, если наберешь достаточно опыта. И если проживешь столько. У Бхуклы непостоянный характер; я видел, как многие из тех, кто был искуснее меня, отправлялись к ее сестре, Сисискен. К примеру, у человека складывался неудачный день, и тот, кто фехтовал хуже, убил его. Или у него могли возникнуть проблемы, которые не удавалось выбросить из головы во время схватки. Или произошло нечто, потревожившее его душу, и он подсознательно возжелал себе смерти. Он мог случайно поскользнуться на крови, солнце могло ослепить его, муха — сесть на нос, он мог ослабеть от простуды или от несварения желудка — все это и еще много других причин способны привести к гибели даже самого великого фехтовальщика.

Однако наиболее губительны по своим последствиям пьянки, обжорство и возраст. Ты в силах справиться с первыми двумя, но над последним человек не властен. Человеку необходимо понимать, когда ему следует бросить сражаться, когда следует повесить на стену свой железный тену и носить лишь почетный медный тену. Гордыня может помешать сделать это, и тогда Сисискен, которая испытывает отвращение к высокомерию и алчности, наносит ему сокрушительный удар.

— А когда ты повесишь свой тену? — неожиданно поинтересовался Хэдон.

Тадоку улыбнулся широко и сказал:

— Я предполагаю, что на самом деле в Пустынных Землях нам не удастся обнаружить выдающихся фехтовальщиков, да и вообще никаких. У дикарей в ходу только каменное и деревянное оружие — топор, копье и дубина. А также праща и лук, а это нешуточное оружие; но мечи в руках великих ничего не значат против стрел, а потому зачем беспокоиться об искусных фехтовальщиках среди дикарей? Когда мы вернемся — если это произойдет — вот тогда я начну носить медный меч. А до того я служу королеве.

Они обсудили относительные преимущества меча, топора и дубины.

— На близком расстоянии у обладателя топора позиция невыигрышная, — учил Тадоку. — Но остерегайся умелого метателя топора. Что же касается дубины, она опасна в том случае, если имеет латунную оплетку. Вообще говоря, я бы испугался лишь одной дубины: той, которая находится в руках этого чудовища Квазина. Однажды я видел Квазина, когда он двигался в Пустынные Земли, сразу после его изгнания. Он высокий, как жираф, а силен, как горилла, а когда дерется, как обезумевший, то его можно сравнить лишь с бегемотом в период половой охоты. Для такого гиганта Квазин необычайно быстр и, похоже, знаком со всеми хитростями фехтования. Но его преимущество в силе, в той силе, которой обладали лишь герои древности. Сомневаюсь, что даже герой — гигант Кламсвет мог противостоять ему.

— Я знаю, Квазин — мой кузен.

— Мне это хорошо известно, — в тоне Тадоку сквозило раздражение. — Я не хотел касаться этой темы, поскольку думал, тебе она неприятна. Ни один из его родственников, которых мне доводилось до настоящего времени встречать, не хотел признаваться в своем родстве с ним.

— Я не в восторге от него, но и не испытываю стыда за его преступление. Не я совершил злодеяние, и, кроме того, Квазин не принадлежит моему тотему.

— Разумный подход, — оценил Тадоку. — Чем больше я тебя узнаю, тем меньше остается опасения, что служба под твоим началом окажется тягостной.

— А, так, значит, ты все-таки обижался на меня?!

Тадоку лишь улыбнулся.

Глава 9

Галера медленно обогнула изгиб, за которым Кховот скрылся из виду. В полдень она вышла к устью Залива Гахете. Лишь только скалы уменьшились в размерах, Кховот вновь появился в поле зрения. Когда наступили сумерки, он

еще виднелся, но уже погружался за горизонт. Облака дыма еще поднимались над ним — огромные черные массы, — и Хэдон задумался о том, не началось ли вновь извержение. Последнее серьезное извержение наполовину разрушило город Кхокарсу двести пятьдесят лет назад. Будет забавно, если он закончит свою миссию к тому дню, когда Авинет и Минрут исчезнут под лавой и облаками газа и дыма.

Из-за северо-западного ветра галера шла без парусов. Она могла набирать скорость только при определенных направлениях ветра, и сейчас ее продвижение целиком зависело от весел. Еще раз Хэдон попросил разрешить ему грести по крайней мере два раза в день. Капитан неохотно согласился. Тадоку вначале огорчился. Герою не следовало сидеть бок о бок с простыми парнями. Но, увидев, что гребцы испытывают большое удовольствие от того, что Хэдон работает с ними, изменил свое мнение.

— Ты хитрее, чем я думал, — признался он Хэдону. — Неплохая мысль — приобрести популярность среди простых людей. Конечно, пока ты будешь сохранять свое достоинство и не станешь шутом для их удовольствия. Гребцы в портах будут хвастаться, что ты работал с ними, молва о тебе распространится по всей империи быстрее, чем по почте.

Хэдон не стал разрушать его иллюзий. Он всего лишь хотел сохранить физическую форму, но если другие полагают, что он действует так, исходя из продуманных «политических» соображений, пусть так и считают.

Прошло несколько дней тяжелой гребли, и из-за округлого горизонта моря появился город Мукха. В полдень галера на веслах миновала проход между массивными каменными волнорезами и причалила. Тадоку поспешил отправиться в город — предупредить его правителей не поднимать никакой суеты по поводу появления Хэдона. У него имелись распоряжения как можно быстрее организовать экспедицию и выступить в северном направлении, в Пустынные Земли. Но такому не суждено было случиться. Хэдону пришлось прождать неделю в лагере к северо-западу от Мукхи, пока первый контингент из его сил не вошел на веслах в гавань.

— Ломай спину в спешке, чтобы потом сесть на задницу, — ворчал Тадоку. — Вот старый девиз армии.

К концу следующих десяти дней (неделя кхокарсан длилась десять дней) под резкие звуки волынок, трещоток и лязг бронзовых гонгов прибыла последняя партия судового груза. Это были клемкаба, которых выделили для экспедиции, и Хэдон, уже не находивший себе места, упал еще ниже. Диких клемкаба были набрали с побережья, расположенного к северо-западу от Залива Кет, и из числа еще более диких племен, селившихся за горами. Это были низкорослые, приземистые парни, наполовину неандертальцы, наполовину люди, их тела покрывала татуировка голубого и зеленого цвета, одежду составляли лишь гульфики из полированного рога буйвола, которые торчали, производя полукомичное, полузловещее впечатление. Дикари несли маленькие круглые щиты, тяжелые бронзовые топоры, пращи, изготовленные из козьей шкуры, и мешки с камнями для пращи. Их знаком являлась высеченная фигурка Кхо в виде Матери с Головой Козы, на конце длинного жезла, по всей длине которого были укреплены высушенные фаллосы именитых врагов, умерщвленных в сражениях. От них разило съококо — живой водой, алкогольным напитком, изготовленным высоко в горах, который представлял собой резкое на вкус питье с привкусом торфа; пить это зелье с легкостью могли лишь они одни.

— Это лучшие бойцы во всей империи, — поведал Тадоку. — Клемкаба сильнее нас, им неведом страх, они способны есть пищу, которая погубила бы нас, например, мясо, гнившее неделю, овощи, годящиеся лишь на выброс, и они никогда не жалуются, пока дерутся. Но когда они не заняты сражением, с дисциплиной у них просто беда. А то обстоятельство, что им разрешается брать с собой женщин, вызывает неудовольствие в войсках.

— Я не понимаю, почему? — пробормотал Хэдон. – Ведь их покрытые с ног до головы татуировкой женщины – такие приземистые, уродливые, сильнее обычного солдата, с всклокоченными волосами, вялой грудью, некоторые беременные, а то еще и с младенцами на руках. Разве может солдат или кто бы то ни было возжелать подобную, с позволения сказать, самку?

— Если длительное время вовсе не иметь никаких женщин, то и эти начинают смотреться привлекательно, — изрек Тадоку.

— Не можем ли мы по крайней мере обойтись без тех, у кого дети на руках? — спросил Хэдон.

— Если им придется делать выбор, они убьют детей.

Тадоку уже хотел было добавить что-то еще, но вместо этого выругался. Он показал жестом на группу из двадцати солдат в арьергарде. Бородатые, с телами, покрытыми красной и черной татуировкой, в руках они держали щиты в форме бумажного змея, а их символом служила статуэтка в виде женщины с головой медведя.

— Минрут делает все, что в его силах, чтобы завалить наше дело! — простонал Тадоку. — Никогда, ни в коем случае нельзя сводить вместе клемклакор и клемкаба!

Хэдон попросил, чтобы тот объяснил ему, в чем дело, и Тадоку рассказал, что не все племена этого народа принадлежат Тотему Козы. Некоторые относятся к древнему Тотему Медведя, и они являются заклятыми врагами клемкаба.

Хэдону никогда не доводилось видеть медведя, хотя попадались на глаза его изображения и статуи. Одно время в горах севернее Кему водилось большое количество маленьких бурых медведей и гигантских красновато-коричневых пещерных медведей, по величине превосходивших, согласно сказаниям, в полтора раза льва. Но вот уже два столетия не поступало никаких достоверных сообщений о красновато-коричневых медведях, а на бурых медведей велась столь усиленная охота, что они оказались близки к исчезновению. Тем не менее их тотемы все еще существовали. В действительности, Квазин был членом Клакордета, или Тотема Громоподобного Медведя, что делало его хоть и не кровным братом, ибо он был полноценным человеком, но духовным братом этих гибридов-недолюдей.

— Если отдашь распоряжение двум тотемам, — пояснил Тадоку, — будь уверен, что офицер одного из них не передаст его напрямую другому.

— Тогда как же мы сможем поддерживать дисциплину?

— Вот это как раз одна из множества проблем, которые ставит перед нами эта беспорядочная группа, — произнес Тадоку.

Хэдон выглядел задумчивым. За неделю, проведенную в лагере, он познакомился со всеми армейскими порядками

и тщательно продумал возможность благополучного завершения экспедиции. Ему дали в распоряжение двести пятьдесят мужчин и женщин, что представляло собой слишком большую силу. Он желал иметь только пятьдесят. Чрезмерная численность приведет к тому, что передвигаться экспедиция будет чересчур медленно и возникнут проблемы с пропитанием. Когда они окажутся на полпути путешествия, за пределами своих земель, придется идти без снаряжения, и с того момента группа окажется в зависимости от удачи охотников. У него сложился план: избавиться от лишних людей еще до того, как они доберутся до последнего аванпоста цивилизации.

Той ночью Хэдону пришлось уладить пять ссор и разобраться с бесчисленным количеством жалоб. Ему удалось остановить стычку между клемкаба и клемклакор одной угрозой разбить вдребезги сосуды со съококо, если и те и другие немедленно не восстановят спокойствие. Офицеры стали возражать ему, говоря, что, являясь наемниками, они могут уйти, если угроза будет приведена в исполнение. Хэдон заявил, что его это вполне устроит. Они могут с позором возвращаться домой и не участвовать в битве с дикарями.

Тадоку побледнел при этих словах, но промолчал. Позже, после того как оба тотема поклялись не сражаться друг с другом по крайней мере в течение десяти дней, Тадоку высказался:

— Опасность была слишком велика. Если бы тотемы послали тебя к черту, мы стали бы свидетелями битвы, сократившей количество наших воинов менее, чем до пятидесяти. Боюсь, люди бы составили менее половины. И это не свидетельствует в их пользу.

— Но все же угроза сработала, — сказал Хэдон. — Теперь необходимо, чтобы некоторые офицеры и военнослужащие стали распространять истории о тех ужасах, которые ожидают нас в Пустынных Землях. Я бы хотел, чтобы слабаки дезертировали. Отдай страже распоряжение не обращать внимания на пытающихся сбежать. Даже в том случае, если они будут уносить с собой украденные припасы. Убедись в том, что в стражники выбрали надежных людей, поскольку мы не хотим того, чтобы охрана тоже дезертировала и оставила нас неприкрытыми на случай нападения.

Тадоку отдал честь и поспешил выполнять поручение, плохо скрывая, что ему не нравится это идущее вразрез с традициями нарушение дисциплины.

К утру третьего дня Тадоку сообщил, что ночью исчезло тридцать пять человек. Хэдон удивился: он рассчитывал недосчитаться сотни. Как и ожидалось, никто из клемкаба или клемклакор не ушел в самоволку.

— Завтра у аванпоста дорога закончится, — сказал Хэдон. — Мы делали примерно по десять миль в день, поскольку приходилось соизмерять шаг с повозками, которые тащили быки. Кроме того, останавливались каждые две мили, чтобы сделать отметки пройденного пути. Как только мы окажемся на бездорожье, скорость передвижения снизится примерно до пяти миль в день, если не меньше. В конце концов, нам не удастся сохранить быков; они долго не протянут в Пустынных Землях. Поэтому предстоит еще одно испытание. Ты с верными людьми объявите сегодня вечером, что мы бросаем повозки. Зарежьте быка и устройте пиршество, скажи всем, чтобы выпили все, оставив лишь то количество, которое можно унести на себе. Отведи клемклакор на полмили, чтобы они не могли сцепиться с клемкаба. Поставь своих лучших людей вокруг лагеря, и если ситуация начнет выходить из-под контроля, вмешивайтесь только в том случае, если я отдам соответствующее распоряжение.

— Можно спросить, какова цель всего этого? — сказал Тадоку.

— Утром до завтрака я сообщу всем, что еды не будет до тех пор, пока мы не доберемся до форта аванпоста. Придется быстро собраться и бежать в сторону форта. Путь в Пустынные Земли продолжат только первые пятьдесят добравшиеся туда. Остальные или отправятся обратно в форт в Мукхе, или получат расчет.

— Люди из тотемов Козы и Медведя ни за что не смирятся с этим, — предупредил Тадоку.

— Если они пожелают высказать свои возражения, им для начала придется догнать нас, — сказал Хэдон. — А когда мы доберемся до форта, у нас появится гарнизон для сопровождения. Я намерен разрешить все возможные проблемы

прямо сейчас. Когда мы достигнем Пустынных Земель, сделать это будет трудно.

— Женщины бросят своих детей, — пытался охладить Хэдона Тадоку. — Гиены, шакалы и хищники съедят их, прежде чем солнце на четверть взойдет на небо.

— Очень хорошо. Прибегнем к маленькой хитрости. Здесь находится пятеро малышей. Подбери семерых парней из своих лучших людей, которым можно доверять, пусть спрячутся за пределами лагеря и в нужный момент подберут детей, а матери позже смогут забрать их. Будем надеяться, что среди первых пятидесяти этих матерей не окажется. О, да, конечно, необходимо, чтобы в число пятидесяти попали Хинокли, бард и доктор, скажи им, чтобы они отправились в путь в полночь. С такой форой во времени, с ними все будет в порядке.

— Они пойдут ночью? — спросил Тадоку. — Здесь водятся леопарды и львы. Они могут и не добраться до форта.

— Хинокли необходим в качестве проводника, а Кебивейбес — для поддержки морального духа, — сказал Хэдон. — Очень хорошо. Выбери шестерых надежных людей для их сопровождения.

— Не думаю, что у меня есть столько, — едва ли не жалобился Тадоку.

Когда Тадоку огласил приказы Хэдона, поднялся шум. Хэдон сам объявил, что желает оставить в составе экспедиции лишь тех мужчин и женщин, которые ведут себя как герои. Те, кто признают, что у них нет соответствующих качеств, пусть сделают шаг вперед, и он отошлет их обратно, в форт Мукхи. На них не будет наложено никаких официальных штрафных санкций, хотя он не может взять на себя контроль над теми, кто станет насмехаться над ними.

Никто из людей тотемов Козы и Медведя не двинулся. Десять из числа полноценных людей с выражением стыда на лице пересекли линию, которую сержант провел по грязи.

— Хорошо, — Хэдон был решителен. — Остальные сегодня вечером могут пировать и пить все, что только пожелают. Но не надейтесь, что вам удастся пополнить запасы спиртного в форте. Все свободны.

Закололи быков, открыли емкости из козьих шкур и глиняные бутыли с пивом, медовым напитком и съококо. Хэдон удалился в свою палатку, которой в эту ночь он пользовался в последний раз. Ее оставят со всеми другими палатками и обременительным багажом. Отныне все будут спать в мешках под открытым небом. Тадоку учинил скандал, узнав, что всем офицерам, включая и Хэдона, придется самим нести собственные мешки, доспехи и вооружение.

— Нельзя допустить такое! Это поставит нас на одну ногу с простыми солдатами!

— За исключением кожаного шлема и лат, я не буду надевать никаких доспехов, — сказал Хэдон. — И никто не будет. Нам не понадобятся бронзовые доспехи против каменного оружия дикарей, мы будем более мобильны без них.

— Но доспехи дорого стоят!

— Высоко на холмах есть пещера, — сообщил Хэдон. — Один из разведчиков рассказал мне о ее местонахождении. Припрячем там доспехи, а на обратном пути заберем. Если их украдут, я оплачу убытки. Как король я сумею сделать это. Каждый сейчас получит мою расписку, которая будет приниматься к оплате в Кхокарсе. О, между прочим, как насчет жрицы для экспедиции? Предполагается ли, что мы заберем ее с собой в форте?

— Ты прекрасно знаешь, что в распоряжениях об экспедиции нет ни слова о жрице, — напомнил Тадоку. — Это сделано или по недосмотру, что маловероятно, или Минрут отсылает нас без всякой духовной поддержки.

— В любом случае мы должны прихватить с собой жрицу из форта, — решительно объявил Хэдон. — Если там она всего одна, им могут прислать еще одну из Мукхи.

— Допустим, жрица не захочет пойти с нами?

— Я скажу ей, что тогда вместо в нее мы возьмем жреца Ресу. Если у нее есть совесть, она не позволит сделать этого.

— Тогда мы получим мятеж.

— Возможно, я, ты, Хинокли, Кебивейбес и доктор останемся в одиночестве, — улыбнулся Хэдон. Но тут же задумался, насколько точен его прогноз.

В полночь Хэдон вышел из палатки. Согласно его указаниям на выпивку ограничений не было. Он сознательно потворствовал пьянству, желая исключить как можно большее

количество людей из завтрашних гонок, и, судя по всему, многие уже достигли успеха. Крики, пение и смех звучали так же громко, как и два часа назад, восьмерых мужчин и одну женщину вынесли с кровоточащими ранами и в бессознательном состоянии в медицинскую палатку, где пьяный доктор по имени Ономи оказывал им помощь. Хэдон покинул лагерь, направляясь к месту расположения клемклакор. Когда грохот уменьшился, он прислушался, не доносится ли шум со стоянки людей Медведя. Но там все было тихо. Он улыбнулся. Они вовремя решили бросить пить и пойти спать, чтобы быть наутро в форме. Только желание победить своих наследственных врагов, людей из тотема Медведя, смогло заставить их удержаться и не выпить их любимую съококо до последней капли. У клемклакор, должно быть, сильный лидер, в противном случае вряд ли им удалось бы проявить подобную самодисциплину.

На рассвете барабаны и трубы проиграли побудку, подняв на ноги большинство лагеря, хотя слышался тяжелый храп любителей поспать. Хэдон дал людям немного времени — попить воды и справить нужды, а затем построил их на широкой полянке.

— Гонка начинается по сигналу горна! — прокричал он.

Несколько минут спустя он подал сигнал, и двести пять мужчин и женщин, издавая дикие крики и резкие хриплые звуки, побежали вперед. Вернее, побежать сумели лишь некоторые. Большинство пошли, пошатываясь и шаркая ногами.

Хэдон захватил лидерство и никому не уступал его. Он двигался, с легкостью переходя с размеренного шага на бег трусцой, и когда покрыл все расстояние в десять миль, почувствовал, что мог бы одолеть еще столько же.

Форт представлял собой массивное земляное сооружение с несколькими башнями из камня, на которых развевались флаги Кхокарсы и Мукхи, находившейся во владении королевы. Командир не предполагал, что отряд прибудет так скоро, и по этой причине произошла задержка, пока смогли его вызвать из маленького деревянного храма, что располагался в углу двора. Он вышел, ругаясь, лицо его покраснело от гнева. Позже Хэдон выяснил, что он и жрица пребывали в уединении ее апартаментов, и командир возмущался тем,

что ему помешали... Но когда он увидел Хэдона, ему пришлось улыбнуться через силу и приветствовать его с таким восторгом, какой только был возможен при подобных обстоятельствах.

Хэдон объяснил ему, что произошло. Полковник — таков был чин командира форта — рассмеялся и отрядил солдат на два поста, велев им отметить тех, кто прибудет в числе первых пятидесяти.

Затем Хэдон побеседовал с Хинокли, бардом и доктором, путешествие которых обошлось без происшествий, хотя они и слышали рев охотившихся поблизости львов. Вскоре прибыли первые десять человек, среди них выносливый, хотя и немолодой Тадоку и трое назначенных офицеров. Как и ожидал Хэдон, эти были солдаты, из числа людей, воздержавшихся от выпивки. Народ, принадлежавший тотемам Козы и Медведя, отличался физической силой, но бег на длинные дистанции не составлял его коронного номера. Короткие ноги и массивное телосложение ставили в невыгодное положение клемкаба и клемклакор.

Тем не менее со следующей группой прибыло около двадцати представителей тотема Медведя и один сержант из числа клемкаба. За ними подошло еще двое людей, а затем смешанная группа из людей и представителей тотемов Козы и Медведя.

Хэдон отсчитал пятьдесят, кроме барда, книжника и доктора и себя. Он приказал солдатам из форта выстроиться вдоль дороги.

— Теперь у всех, кто появится, отбирайте оружие. Они будут слишком усталыми, чтобы оказать сопротивление. Дайте людям еду и воду и сразу же после отдыха отошлите обратно. Без оружия. Его доставите назад после того, как они доложатся начальству в Мукхе.

— Я предлагаю сопровождать их вооруженным конвоем, — вмешался полковник. — В противном случае они могут стать бандитами, и мы хлебнем с ними горя.

— Пусть будет так, как вы желаете, — согласился Хэдон. — Нам необходима жрица. Как вы думаете, ваша жрица может оказать нам милость сопровождать экспедицию?

Полковник побледнел:

— Она не захочет покинуть...

— ...вас, — улыбаясь, закончил за него Хэдон. — Посмотрим. Пожалуйста, проведите меня к ней, я должен обратиться к ней с просьбой.

Когда его представили жрице по имени Фекли, Хэдон без труда уразумел, почему полковник не хотел отпускать ее. Это была красивая молодая женщина с блестящими черными волосами, с большими яркими черными глазами и превосходной фигурой. Не вызывало сомнения, что она и полковник влюблены друг в друга.

— Мне потребуется получить разрешение от Матери в Мукхе, — произнесла она. — Тогда вам придется задержатся на много дней. Да мне и не хотелось бы отправляться с вами в Пустынные Земли, если только Мать не прикажет мне это сделать. Впрочем, я сильно сомневаюсь, поскольку она физически является моей матерью. Я могла бы назначить нашего жреца Ресу временной жрицей Кхо — такой прецедент имел место, но, к несчастью, жреца свалила жестокая лихорадка. Да к тому же он горький пьяница и трус.

— Я склоняю голову пред твоими желаниями, жрица, — сказал Хэдон. — Даже несмотря на то, что они лишают нас духовного руководства и защиты.

— Вы можете обождать, пока не прибудет жрица из Мукхи, — предложила красавица Фекли.

— У меня есть распоряжения королевы не задерживаться, — ответил он.

Хэдон удалился, оставив за собой обеспокоенную женщину — очевидно, ее мучила совесть — и вновь вышел из форта. Вскоре он увидел, как кряжистая, мощная женщина из рода Клемкаба с ребенком на руках, упорно бежит трусцой в его направлении. Татуировки в виде спиралей у нее на лбу свидетельствовали о том, что она жрица. И тут Хэдона осенила идея. Замысел не слишком завидный, но, учитывая его целесообразность, Хэдон не стал принимать во внимание свою предубежденность.

— Она последняя? — спросил он Тадоку.

— Вероятно, последняя ... — протянул Тадоку, проверяя подсчеты вместе с Хинокли.

— Назначь ее жрицей, — распорядился Хэдон.

Тадоку и Хинокли аж задохнулись.

— Сэр? — едва выговорил служака.

— Я выразился достаточно ясно, — ответил Хэдон. — Да, мне известно, что никогда до этого жрица из рода Клемкаба не проводила обрядов, которые посещаются Клемкхо. Но она является жрицей Кхо, и нигде не записано, что она не может совершать обрядов для людей. Вдобавок она выносслива, в противном случае сдалась бы уже давно. Мне импонирует и то, что она не бросила своего ребенка. У нее сильный характер.

— Мужчинам она не понравится, сэр, — сказал Тадоку.

— Я и не требую, чтобы она им нравилась. Вряд ли они станут оскорблять ее, хотя она и из рода Клемкаба. Но я отдам приказ о том, что любой, кто это сделает, будет казнен.

Кебивейбес, стоявший неподалеку, вымолвил:

— Эта экспедиция подозрительна, Хэдон. Нас послали на поиски бога, а духовное руководство будет осуществляться женщиной из тотема Козы. Но все же теперь я более уверен в ее успехе, чем когда садился на борт галеры в Кхокарсе. По моему мнению, Хэдон, у тебя качества короля. Благодаря тебе я смогу создать великую эпическую поэму.

— Будем надеяться, — улыбнулся Хэдон.

Взглянув на Тадоку, который беседовал с женщиной, Хэдон подозвал к себе второго по старшинству человека по имени Мокватен, родом из Кетрута.

— Дайте всем отдохнуть часок, потом накормите. Как только они поедят, продолжим путь.

— Мокватен, конечно, не сказал ни слова, но бард застонал:

— Этот ночной поход совсем изнурил меня.

— Радуйся, что тебе не пришлось бежать днем. Когда наступят сумерки, мы остановимся, и тогда ты сможешь насладиться долгим ночным сном, — обнадежил Хэдон барда.

Глава 10

Прошло много дней, прежде чем экспедиция наконец обошла огромные горы Саарес с западной стороны. Склоны

гор на нижних уровнях покрывали дикорастущие оливковые деревья, чуть выше рос дуб, затем — ели и сосны. Вдалеке, блистая белизной, лежали лед и снег, не таявшие даже летом.

— Тысячу лет назад на вершинах гор и в долинах наверху было полным полно ледяных рек, — рассказывал бард. — Но теперь климат стал суше и теплее, и ледяные реки исчезли.

— Реки изо льда все еще существуют высоко в горах, расположенных на севере вдоль побережья Звенящего Моря, охватывающего весь мир, — возразил Хинокли. — Мы не поднимались там слишком высоко, но достаточно, чтобы видеть эти холодные свисающие массы. Затем мы повернули на восток и продвигались вдоль подножия холмов, пока не вышли к реке, которую питали таявшие на горах снега. Изготовив челноки, мы спустились вниз по той реке к Звенящему Морю.

— Именно там вы неожиданно повстречали Саххиндара? — спросил Хэдон.

— Да, но он сказал, что мы ошибаемся, полагая, что море является краем земли. Это всего лишь еще одно море, в нем имеются острова, а на другой его стороне — тоже земля. Он сказал, что у земли нет края. Она, — он заколебался, — круглая. У нее форма, как у оливы.

— Но это безумие! — вскричал Тадоку.

— Я тоже подумал, что это неправдоподобно, — произнес Хинокли. — Тем не менее я не собирался возражать богу.

— Расскажи мне побольше о Саххиндаре, — попросил Хэдон. — И об этой красивой колдунье с моря, этой Лалиле и ее ребенке, об одноглазом человечке и об огромном топоре, изготовленном из упавшей звезды.

— Саххиндар немного выше тебя, Хэдон, более крупный в кости и чуть более мускулистый, но не намного. Но я сам видел, как он поднимал валун, поднять который было бы не под силу и четверым мужчинам. Я видел, как он убегал от нападавшего на него слона. Тело Саххиндара покрыто шрамами, оставленными ножом, когтями и клыками. Сдается, на нем было до ста шрамов. Однако самый заметный на лбу, который, по его словам, появился в результате того, что эти недочеловеки, нукаары, разорвали ему кожу на голове. У него большие темно-серые глаза и...

— Обожди, — прервал его Хэдон, — Если он бог, то почему не исцелится от этих шрамов? Разве бога можно ранить?

— Ты можешь спросить его, если когда-нибудь повстречаешься с ним, — ответил Хинокли. — Я не задавал ему вопросов, я лишь отвечал. У него длинные прямые черные волосы, из одежды на нем всего лишь набедренная повязка из шкуры антилопы, на поясе — ремень с кожаными ножнами, в которые вставлен большой железный нож. На спине он носит связку стрел и лук. Даже самый сильный человек не смог бы согнуть этот лук. Наконечники стрел изготовлены из кремня.

— Говорил ли он, что на самом деле является Саххиндаром, сыном Кхо?

— Мы обращались к нему именно так, и он не поправлял нас. Но он носит лук и выглядит точно так, как жрицы и жрецы описали нам Саххиндара. Его сопровождали спутники, которые могли быть только у божественных созданий.

— Ты имеешь в виду женщину с фиалковыми глазами и остальных?

— Нет, я говорю про огромного льва и слона, на спине которого он путешествует, и обезьянку, сидящую у него на плече. Они повинуются ему, будто матери, и я могу поклясться, что он разговаривает с ними. Слон держался поодаль от нас, но лев шел с нами, и мы очень нервничали.

— Так он никогда не утверждал, что он бог?

— Никогда. Он вообще мало говорил с нами, если не считать вопросов, откуда мы прибыли и куда собираемся отправиться, и того, что он поручил нам доставить женщину и остальных в целости и сохранности в Кхокарсу и хорошо обращаться с ними. О, да, он говорил, конечно же, на нашем языке, но как-то странно. Сказал, что с поры его последнего пребывания в Кхокарсе язык несколько изменился.

Хэдон почувствовал, как его тело покрылось мурашками.

— Если он был в Кхокарсе в такие давние времена, тогда это, должно быть, и вправду Саххиндар. Но почему он не вернулся с вами?

— Как я хотел, чтобы он так и сделал! Тогда нам не пришлось бы вытерпеть столько несчастий! С другой стороны, он наводил на меня ужас, когда находился рядом, и я радовался, когда он покинул нас. Как бы то ни было, он сказал,

что у него дела повсюду, а я не спросил, какие именно. Он забрался на спину слону и удалился верхом на нем в сопровождении льва и обезьянки, которая уселась между ушами слона и издавала пронзительные вопли.

— Увы, я слишком мало могу рассказать о нем, но если нам удастся найти ту женщину, мы сможем многое узнать от нее. Саххиндар, очевидно, провел ее и остальных на другую сторону Кемугоганго из расположенных позади земель и много с ними беседовал. У меня не было случая поговорить с ней, вскоре после того, как Саххиндар покинул нас, на группу напали дикари. Остальное тебе известно.

Все остальное Хэдон знал и оттого не чувствовал себя спокойно. Хинокли составил карту по пути на север, но во время обратного путешествия потерял все свои папирусные свитки. Теперь он вел экспедицию, полагаясь лишь на память. А ведь кругом простирались обширные пространства, где легко заблудиться.

Дни и ночи, во многом схожие меж собой, сменяли друг друга. Саванны, простиравшиеся вдаль, насколько хватало глаз, покрывала рыжевато-коричневая трава высотой по пояс; тут и там произрастали низкие кустарниковые деревья, иногда попадались водоемы или маленькие озера, вокруг которых росли деревья повыше. Все чаще и чаще теперь встречались животные, и наконец их количество стало просто устрашающим. Порой отряд вынужден был останавливаться и ждать, пока перед ним не пробегут сотни тысяч, а может быть, и миллион антилоп разных видов, которые, чем-то напуганные, мчались вперед к горизонту. Земля тряслась и гудела, высоко поднималась пыль, которая затем оседала и покрывала путников коричневой грязью. Они видели множество прайдов[6] руводета (львов), одиноких или живущих парами гепардов, леопардов, свор охотящихся собак черно-белой окраски, гиен, стада гампо (слонов), огромного белого бокьюлъикадета (носорога), кадъенеске с шеей в виде башни (жирафа), кокбодаква (страуса), бомьодему (кабана), богъуку (гигантского дикого кабана) и ужасного багокью (дикого буйвола). На деревьях вблизи водоемов водилось множество акарвадамо (обезьян), а также и акарвадамову (павианов). И повсюду — птицы.

[6] Прайд - стая львов. *(Прим. перевод.).*

В мясе не ощущалось недостатка, но для этого приходилось убивать животных. Шутка ли, кормить пятьдесят шесть человек, а потому охотники выходили на охоту ежедневно. Каждый в отдельности не мог добиться большого успеха, и Хэдон распорядился, чтобы в охоте принимали участие все. Одни лежали в засаде, пока другие, прыгая, крича и размахивая копьями, обращали животных в паническое бегство. Затем сидевшие в засаде бросали копья или метали камни из пращи в пробегающую мимо газель, антилопу или буйвола. Дважды охотники вспугнули прайды львов, которые подкрадывались к той же самой добыче, что и люди; один мужчина был жестоко покалечен. Спустя два дня он умер; над его могилой насыпали груду камней и установили над ней деревянный жезл, на конце которого была укреплена фигурка Кхо. Жрица Мамона произнесла над ним слова в соответствии с похоронным обрядом, затем перерезали горло зайцу и пролили его кровь над каменной пирамидой.

— Это дурное знамение, — заметил Хинокли. — Первый человек нашей экспедиции из числа тех, кому было суждено погибнуть, был убит львом при таких же обстоятельствах. Остается надеяться, что эта экспедиция не последует по стопам первой.

— Все зависит от воли Кхо, — успокаивал Хэдон. — Не распространяй подобные разговоры среди людей. Они и так достаточно напуганы.

Хэдон не испугался, но все же тревога не покидала его. Даже если те трое людей, которых они разыскивают, еще живы, что весьма сомнительно, как отыскать их в столь огромной пустыне? Воображению его представилось, как спустя годы, начиная с сегодняшнего дня, его отряд, численность которого снизится до нескольких человек, состарившихся и ослабевших, бродит то тут, то там, осознав всю безнадежность поиска. Минрут не станет ждать более двух лет, хотя и такое трудно допустить. Даже если Хэдон доведет до конца данное ему поручение, он может обнаружить, что Минрут, уговорив свою дочь, мог жениться на ней. Или возможен такой вариант, что Авинет, устав ждать, объявит еще одни Великие Игры и выберет себе другого мужа.

На тридцатый день после того, как экспедиция покинула аванпост, ей впервые повстречались дикари. Их было двенадцать — мужчины, женщины и дети. Едва попав в поле зрения кхокарсан, дикари тут же обратились в бегство. Они были низкорослые, хрупкого телосложения, черноволосые, вокруг бедер некое одеяние из шкур, тела раскрашены красно-черными узорами. Мужчины носили бороды. Некоторые имели луки, которые так разожгли любопытство Хэдона, что он почти решился послать несколько человек вслед за дикарями. Ему доводилось видеть луки лишь на рисунках и скульптурах и очень хотелось его испробовать. Но даже в Пустынных Землях табу, наложенное на использование лука, не теряло свою силу. Опасно даже прикасаться к нему.

На следующий день путники увидели вершины неведомых гор. Хинокли утверждал, что узнает их; отряд был на правильном пути. Теперь следовало продвигаться вдоль подножия гор, держась северо-западного направления, обогнув их, некоторое время двигаться на восток; они должны подойти к реке, которая берет свое начало где-то высоко в горах.

— Эта река в конце концов соединяется с другой рекой, которая, беря свое начало в расположенных на севере горах, течет на юг, — объяснял Хинокли. — Эти две реки сливаются в одну широкую реку, впадающую в Звенящее Море. Но пройдет три месяца, прежде чем мы сможем добраться туда. Необходимость собирать растения, охотиться на животных, складывать в кучу пирамиды камней для отметки пройденного пути значительно снизит скорость нашего передвижения, хотя без быков мы идем быстрее.

Хэдон остановил его:

— Что-то случилось! Вон бежит наш разведчик, будто за ним гонится лев!

Хинокли посмотрел в направлении, указанном Хэдоном. С запада к ним приближался Нагота, один из лучших разведчиков и охотников, гражданин Баваку. Теперь Нагота бежал изо всех сил, хоть это и получалось у него не быстро, поскольку он был явно измотан долгой дорогой. Он почти свалился с ног. Прошла минута, прежде чем он, добравшись до Хэдона, смог восстановить дыхание и, задыхаясь, выпалить сообщение.

Хэдон не мог видеть, что угрожает группе. Но, не мешкая, он приказал Тадоку привести отряд в боевую готовность. Они поставили в центр мужчин с копьями и топорами и образовали два крыла из мужчин, в руках которых были дротики и пращи. Кебивейбес, распевая свои песни, подошел к ним с лирой в руках. Будучи бардом, он не должен был принимать участия в сражениях, если только ситуация не становилась безнадежной.

Нагота сообщил:

— Сэр, вон там, я полагаю, на расстоянии примерно одной мили отсюда, — гигант. Судя по всему, он бежит к нам, и примерно в полумиле за ним — армия дикарей.

Хэдон задал разведчику несколько вопросов и выяснил подробно, что произошло. Разведчик находился на вершине холма, на высоте примерно пятьдесят футов, когда заметил на горизонте человека. Нагота подождал, пока тот не подойдет поближе, поскольку один человек не представлял собой серьезной угрозы. Потом он изменил самонадеянное мнение. И человек, нет, скорее гигант, выглядел так, будто способен один противостоять целому отряду. Рост гиганта – примерно футов семь, он мускулистый, словно горилла. На нем килт из львиной шкуры. Из-за бороды Нагота принял его за дикаря, но потом, увидев бронзовые полоски, опоясывающие его огромную дубину, засомневался в этом.

Хэдон выругался:

— Будто у меня и без того не хватает неприятностей!

— В чем дело? — спросил Тадоку.

— Мой кузен Квазин — на подходе! Со сворой дикарей, которые гонятся за ним по пятам!

— Но он же в Пустынных Землях! — воскликнул Тадоку. — Что он делает так далеко на севере?

— Скоро мы это узнаем, — нахмурился Хэдон. — Узнаем, если одолеем дикарей. Нагота, сколько их там?

— Около пятидесяти.

— Как они вооружены?

— Щитов у них нет. Они несут копья, ножи, топоры, болы и луки.

Хэдон задумался. Что могло заставить дикарей собраться вместе в столь большом количестве? Обычно, по словам

Хинокли, их отряды не превышали дюжины. Но время от времени они собирались вместе для большой охоты или на племенной обряд. Должно быть, Квазин натолкнулся на них случайно во время одного из таких событий.

Хэдон приказал своим людям бежать к круглому холму, на вершине которого росли три дерева. Холм возвышался в четверти мили отсюда. Там более выигрышная позиция. Вскоре Хэдон заметил крошечную фигурку, двигающуюся от группы деревьев вблизи водоема. Он поспешил к другому холму, где Тадоку расположил людей двумя кругами, один внутри другого.

Вот из-за деревьев показался первый из дикарей. Несомненно, он преследовал гиганта. Хэдон подумал, что Квазин, должно быть, «стартовал» намного раньше, иначе столь тяжеловесный человек не смог бы оторваться так далеко от преследователей. Хэдон подал сигнал, двое метателей из пращи бросились к нему. Он облачился в кожаные латы и шлем. Конической формы шлем имел защитное устройство для шеи и клапан для носа, латы были снабжены кожаным фартуком, прикрывавшим гениталии. Хэдон вынул тену из ножен и несколько раз разрубил им воздух, разогревая руки.

Квазин приблизился достаточно близко и сразу же узнал Хэдона. Глаза его широко раскрылись. Задыхаясь, он пыхтел, будто загнанный львами в угол буйвол, и не мог произнести ни единого слова. Его спутанные длинные волосы и борода отливали серебром из-за покрывавшего их пота. Хэдон жестом указал ему на холм, и Квазин трусцой побежал к нему.

К тому времени первая группа дикарей — человек двенадцать — находилась в четверти мили от них. Они были высокого роста, их волосы и бороды окрашены в алый цвет, сероватые тела размалеваны красными, черными и зелеными завитками и крестиками, а сквозь перегородки в носу были вставлены кусочки костей.

Первая группа остановилась, и один из дикарей, обернувшись, громко окликнул тех, кто стремился вслед за ними. Раздался рев. Дикари выстроились в ряд перед человеком, который что-то говорил. Тридцать дикарей несли связки со стрелами и короткие луки из толстого дерева. Они вытащили стрелы и установили их древка к тетивам. Однако стрелять

не стали: расстояние примерно 1250 футов делало отряд Хэдона недосягаемым для стрел. Однако метатели из пращи из числа людей Хэдона могли бросать снаряды на расстояние более четверти мили, и по его приказу они один за другим быстро выпустили четыре биконических метательных снаряда из свинца. Лишь после того, как трое дикарей упали, остальные осознали, что происходит. Тогда, издавая вопли, они бросились в нападение, и Хэдон с двумя метателями побежали обратно к холму и поднялись на него. Копьеносцы раздвинули щиты, давая проход, и Хэдон присоединился к Квазину, Тадоку, барду, жрице, книжнику и доктору. Дикари тем временем отступили.

Тадоку приказал копьеносцам внешнего кольца опуститься на колени, чтобы стоявшие за ними метатели из пращи имели хороший обзор. Кебивейбес затянул воинственную песню, подыгрывая себе на лире, но Тадоку велел ему прекратить пение, дабы команды офицеров были хорошо слышны. Раздался плач младенца, но жрица утихомирила его, дав ему грудь.

Теперь Квазин дышал уже не столь тяжело. Он улыбнулся Хэдону:

— Приветствую тебя, кузен! Мы встретились неожиданно при необычных обстоятельствах и в столь экзотическом месте! Что ты здесь делаешь? — Его глубокий голос гудел, словно львиный рык.

— Объяснения придется отложить до того времени, пока мы не разберемся с дикарями, — отрезал Хэдон.

Квазин сделал еще один глоток воды из глиняной фляги. Затем провел огромной волосатой ручищей над губами, его крепкие белые зубы и черные глаза засветились улыбкой.

— Я бы не стал бегать, как шакал, — ревел он, — даже если б они были в пятьдесят раз сильнее! Но у них стрелы! Как только запасы их стрел истощатся, я покажу им. И вас больше не будут беспокоить!

Все, кроме Хэдона, уставились на гиганта. Хэдон хорошо знал его пристрастие к похвальбе, хотя на сей раз, возможно, он и не хвастался. Квазин вполне способен выполнить угрозу.

Похоже, один из дикарей нес барабан — где-то в толпе раздался гул. Дикари с воплями и криками принялись танцевать.

В ритуале не участвовали лишь десять стрелков из лука. Они окружили холм и медленно начали взбираться на него. Метатель из пращи, по команде Тадоку, выпустил в одного из них снаряд. Дикарь успел пригнуться и криком предупредил остальных. Нападавшие отступили на несколько шагов.

Темп, с которым били в барабан, нарастал; дикари, издавая вопли, прекратили танцевать и устремились к холму, толкая друг друга. Вел их высокий парень, на лбу которого было нарисовано желтой краской солнце с расходящимися лучами, а из волос торчали пять страусиных перьев.

— Это их вождь! — раздался громоподобный голос Квазина. — Сюда, дай мне свою пращу! — Он вырвал пращу из рук задохнувшегося от испуга воина и схватил его за другую руку. Тот вскрикнул от боли; Квазин левой рукой подхватил падающий биконический снаряд.

Хэдон едва удержался, чтобы не ударить Квазина мечом.

— Ты не имеешь никакого права отдавать приказы или нарушать дисциплину! — резко остановил кузена Хэдон. — Командир здесь я, и если ты остаешься, изволь подчиняться мне!

Квазин в изумлении уставился на него, потом улыбнулся.

— Ты, мой кузен, подросток? Ты командир? Кхо, как все изменилось! Ну что ж, кузен, с этого момента я вверяю тебе свою жизнь и буду подчиняться тебе, как хороший солдат во время битвы, если, конечно, мне понравятся твои приказы. Но даруй мне лишь одну привилегию!

Держа пращу за оба конца, он вращал ею над головой, а затем отпустил, выдохнув — ха! Снаряд полетел с невероятной скоростью и так далеко, что среди метателей из пращи раздался слабый возглас изумления. Предводитель дикарей неожиданно опрокинулся назад. Остальные остановились, сгрудились над ним; через минуту раздались скорбные крики и плач. Потом дикари удалились, оставив труп лежать на спине до тех пор, пока на смену убитому не придет новый вождь.

Тем временем десять стрелков из лука выдвинулись вперед, а остальные, размахивая копьями и топорами, следовали за ними. На полпути к холму стрелки остановились и нацелили луки. Раздался слитый воедино стонущий звук, и

вверх полетели стрелы. В это же самое время метатели, по приказу Тадоку, выпустили свои снаряды.

Лучники оказались в невыгодном положении, поскольку им приходилось стрелять вверх по холму. Большинство стрел не достигали цели, проходя то выше, то ниже, но все же одна пробила дерево и кожу щита и вонзилась в руку солдата Хэдона. Еще одна ударила метателя в горло. Стрелки быстро отошли на значительное расстояние, оттащив с собой два трупа и двоих раненых. Теперь метатели не могли достать дикарей. Раздался рев, копьеносцы и вооруженные топорами устремились к холму мимо стрелков, которые потом последовали за ними. Лучники стреляли над головами своих товарищей, но стрелы летели под углом, слишком высоким, чтобы попасть в кхокарсан.

Квазин неожиданно зарычал и, перемахнув через два ряда стоявших на коленях воинов, приземлился за ними и побежал с холма вниз, размахивая своей огромной дубиной. У Хэдона перехватило дыхание: такой прыжок был под силу лишь льву. Затем, увидев, что занимавшие передовую линию дикари развернулись и бросились к тем, кто стоял за ними, Хэдон выкрикнул приказ. Солдаты поднялись и стали строиться в форме клина. Хэдон нетерпеливо ждал, пока они построятся в виде неровной буквы V, и отдал команду наступать. Он шел во главе, как ему и полагалось, держа меч двумя руками. Квазин, нанося удары сверху и снизу, врезался в сплетение из людских тел, затем опрокинулся с ними, и все покатились кубарем с холма. Но ему вновь удалось вскочить на ноги, и он, размахивая дубиной, будто дирижерской палочкой, сносил со своего пути копья, крушил челюсти и ломал руки.

Дикари не выдержали и побежали, и Хэдон был единственным, кому, помимо Квазина, удалось пролить их кровь. Он догнал приземистого воина, яростно молотившего землю короткими ногами, нанес ему удар, от которого голова дикаря скатилась с плеч. Тело же по инерции стремилось вперед, кровь фонтаном била из шеи... Затем воин упал.

Дикари бежали до тех пор, пока не оказались вблизи рощицы деревьев. Там они перевели дух и некоторое время переговаривались. Хэдон приказал своим людям отступить

на вершину холма. Следовало обработать раненых, пока он решит, что предпринять дальше. Он раздумывал, не атаковать ли дикарей, пока они все еще дезорганизованы, но боялся, что его люди увлекутся погоней, и ряды их нарушатся. Если такое произойдет, они окажутся отрезанными.

— Я полагаю, если мы позволим им забрать мертвых, они уберутся отсюда. — Хинокли нарушил молчание. — Дикари не могут нести большие потери; им необходим каждый крепкий человек для охоты, а оставшихся в живых совсем не привлекает перспектива заботиться о семьях погибших. Из того, что мне известно о дикарях, я могу предположить, что они сразу же отправятся домой с телами погибших и будут хвастаться перед своими женщинами тем, какие они великие воины и какую резню они нам устроили.

— Что же в таком случае они представят своим женам в качестве трофеев? — поинтересовался Тадоку.

— Придется отдать им также и наших погибших, во всяком случае, часть их. Если эти дикари такие же, как и остальные, они захотят взять их головы и крайнюю плоть.

— Души наших мертвых никогда не простят нас! — воскликнул Хэдон.

— Ну что ж, вы можете похоронить их и уйти отсюда. Но эти дикари выкопают мертвецов после вашего отхода и заберут то, что хотят, — объяснил Хинокли. — После этого души будут гневаться на дикарей, а не на нас.

Четверо людей Хэдона были убиты, шестеро ранены, причем трое тяжело. Противник израсходовал около половины своих стрел, но их все еще оставалось достаточно для того, чтобы нанести отряду тяжелые потери. Однако воинственность дикарей оказалась весьма своеобразной. Если Хинокли прав, они с радостью удалятся с почетом. С другой стороны, они хорошо знакомы с местностью и могут потом организовать засаду. Или же станут выслеживать отряд, стараясь перестрелять людей по одному. Было бы лучше разгромить дикарей, вовсе отбив у них охоту нападать на отряд. Это было бы стоящим делом, даже если и приведет к дальнейшим потерям. Такой исход стоил бы жертв.

Хэдон подошел к Квазину, сидевшему на склоне среди мертвых и тяжело дышал, словно гиппопотам. Выглядел он

ужасно, весь забрызганный кровью, хотя похоже было, что не своей собственной.

— Ты в состоянии возглавить еще одну атаку? — спросил Хэдон, зная, что эти слова подстегнут Квазина.

— В состоянии ли я, кузен? — прогрохотал Квазин. — Я как раз собирался напасть на них в одиночку, как только немного передохну!

— И в таком случае ты окажешься утыканным стрелами, как щетиной, — улыбнулся Хэдон. — Сама по себе это идея удачная, — подумал он.

Квазин поднялся:

— Я готов. Я сожру их, моя дубина измолотит их в муку.

— Лучше увидеть глазами, чем услышать ушами, — заметил Хэдон. Он подозвал к себе Тадоку. После короткого совещания Тадоку построил людей в боевой порядок. Они двинулись на врага, в каждом крыле — по десять метателей из пращи, в центре — двадцать четыре копьеносца. Хэдон и Квазин шли примерно футов на двадцать впереди копьеносцев.

Дикари построились по двое; глубоко позади расположились стрелки, впереди на коленях стояли вооруженные копьями и топорами.

Как только его воинство оказалось вне пределов досягаемости, Хэдон приказал центру остановиться, а крылья тем временем продолжали двигаться вперед. У некоторых из дикарей, очевидно, сдали нервы, и лучники понапрасну неудачно выпустили стрелы. Метатели Хэдона продолжали наступать, потом остановившись, выбросили снаряды. Двое дикарей рухнули, лучники начали стрелять. Трое метателей из числа тех, кому Хэдон отдал приказ наступать, упали, пронзенные стрелами. Метатели, бросив свои пращи, сняли с плеч небольшие круглые щиты, вытащили короткие, тяжелые, листообразной формы мечи и топоры и с криками устремились вперед. Еще несколько стрел просвистело вокруг кхокарсан, но ни одна не достигла цели.

Вождь дикарей кричал на соплеменников, очевидно, принуждая их держаться. Но, видимо, запас стрел неожиданно истощился, а тут еще на бронзовых мечах и наконечниках копий врага заблестело солнце, и дикари перестали владеть

собой. Возможно, этому еще способствовал и вид окровавленного гиганта Квазина, который с ревом размахивал дубиной. Еще до того как он подобрался к ним, дикари обратились в бегство. Все, за исключением своего предводителя. Он в отчаянии помчался к Квазину и метнул в него копье, но Квазин ударом сбоку, словно палку, сбил копье налету и пошел на вождя. Тот снял с кожаного ремня кремневый нож, но, должно быть, понял, что надежды спастись у него нет. Он стоял, как парализованная страхом овца, которую собирались зарезать. Дубина с бронзовой оплеткой разнесла его голову на части. Хэдон почувствовал разочарование. Он рассчитывал, что дикари будут держаться; досадно, что воины бросили вождя сражаться в одиночку.

Дикари улепетывали с такой скоростью, что, казалось, вообще не намереваются когда-либо останавливаться.

Квазин, пыхтя, оперся на дубину, затем уселся на траву прямо в месиво из крови, костей и мозгов.

— Я чувствую, что могу есть и спать целую неделю! — пробормотал он.

Хэдон жестом подозвал Тадоку и велел ему привести четверых метателей и четверых копьеносцев. Затем он встал возле Квазина, подняв меч обеими руками, и сказал:

— Кузен! Я должен получить от тебя клятву Кхо и Сисискен в том, что с этого момента ты будешь подчиняться мне так беспрекословно, будто ты самый последний из всех моих людей. Отряд — это военная организация, и никто не может идти вместе с нами, кто не признает во мне старшего. Или даешь слово, или тебя ждет смерть! Я не позволю тебе уйти, поскольку я знаю, какой ты мстительный! Ты отомстишь позже!

Лицо Квазина стало еще более красным, он уставился таким взглядом, будто не верил своим ушам. Гигант попытался встать на ноги, но Хэдон поднял свой меч еще выше, и Квазин вновь опустился.

— Ты снесешь мне голову?

— Этот меч способен отрубить шею льва, — произнес Хэдон. — Как ни толста твоя шея, у льва она все же толще.

— Это несправедливо! — вскричал Квазин. — Ты видишь, как я изнурен! Мои мускулы трясутся, будто желе, от уста-

лости я медленно двигаюсь! В другой раз я собью тебя с ног своей дубиной и голыми руками сломаю тебе спину!

— Другого раза не будет, — отрезал Хэдон. — Или ты сейчас даешь клятву Кхо и Сисискен, или замолчишь навеки.

— Моя душа станет всюду преследовать тебя и доставит тебя вниз, в царство Сисискен, — тянул Квазин.

— Я предусмотрел такую возможность. Немедленно! Каркен страстно желает Квазина.

— Что? — переспросил Квазин.

— Каркен, меч моего отца.

Неожиданно Квазин завалился на спину и засмеялся. Смех был слабый, поскольку гигант сильно утомился. Но Квазин, без сомнения, понимал, что с ним не шутят, и желал сам посмеяться над собой. Хэдон поглядывал на него с осторожностью, поскольку Квазин мог попытаться воспользоваться своим выгодным положением. Гигант сел прямо, словно показывая тем самым, что принял решение:

— Ты единственный человек из тех, кто выступил против меня и остался в живых. Можешь хвастаться этим. Ты не поступил бы так, если бы не был хитер, как лиса, и не знал, что я слишком устал, чтобы поднять свою дубину. Очень хорошо, я клянусь Самой могущественной Кхо, что я буду повиноваться тебе, Хэдон, до самой смерти или до тех пор, пока мы не вернемся в цивилизованный мир. После того моя клятва недействительна.

— Ты слышал, что он сказал? — обратился Хэдон к Тадоку.

Глава 11

Хэдон опустил меч и удалился. Минутой позже он оглянулся. Квазин все еще сидел, вытирая теперь о траву дубину.

Хэдон отдал распоряжение команде наполнить фляги и бурдюки водой из водоема, а затем искупаться. Он почистил меч и осмотрел раненых, среди которых были трое дикарей.

Этим вечером похоронили мертвых и, перерезав глотки двоим раненым дикарям, залили кровь в кожаный шлем, чтобы души погибших могли напиться. Утром скончался

один раненый солдат, его похоронили, и над могилой принесли в жертву живого дикаря. Таким образом, оставалось еще двое раненых, которые могли передвигаться, и трое, на чье выздоровление, если таковое и произойдет, уйдут недели. Один из них был клемкаба, и сержант из того же рода любезно освободил его от страданий после того, как тот получил от него прощение за кровопролитие. Еще двоих раненых людей поместили на носилки из палок, и экспедиция продолжила свой путь.

Проходили дни, оставляя после себя в душах путников растущее ощущение своей никчемности, изолированности и бессмысленности. Горы справа, саванна слева — картина оставалась неизменной. Перед участниками экспедиции в ослепительно сияющем солнце постоянно купались горы, деревья и трава цвета шкуры льва; когда же они смыкали веки перед сном, вся эта картина продолжала стоять перед глазами. Вновь и вновь Хэдон возвращался к мыслям о том, что же они будут делать, когда доберутся до берегов Звенящего Моря. Куда направиться — на восток или запад, может быть, повернуть к югу? Где именно в столь обширных пространствах могут находиться те трое, кого они разыскивают? Ему настолько мало известно, что он вполне мог пройти мимо их скелетов и никогда уже не встретиться с разыскиваемыми. Они могут скрываться в траве, за кустарником, в лощине. Возможно, они живы и находятся всего лишь в нескольких милях отсюда, или лежат за какими-нибудь кустами и боятся обнаружить себя.

Как-то ночью умер один из раненых. По мнению доктора, причина смерти не ясна. Он уже достаточно окреп и мог самостоятельно ходить и накануне даже шутил перед ночлегом. А наутро был мертв.

Один охотник умер от укуса змеи; другой — от укуса насекомого. Третий просто исчез, и, несмотря на то, что Хэдон отправил на его поиски людей, не обнаружилось даже его следов. Как то вечером между клемкаба и клемклакором произошла ссора. Последний был убит, клемкаба получил тяжелое ранение. На какой-то миг возникло напряжение, люди Медведя и Козы того и гляди набросятся друг на друга. Хэдон крикнул, что изобьет всех, если хоть кто-нибудь

из враждующих воспользуется оружием. Угроза была смехотворная, поскольку солдаты с татуировкой числом превосходили всех остальных. Но за спиной Хэдона маячила фигура Квазина, который опять поигрывал своей огромной дубиной, и потому старшие этих двух групп резко приказали своим людям сложить оружие. Хэдон устроил военно-полевой суд и выяснил, что обидчиком был тот, кто остался в живых. К счастью, не пришлось его казнить. Той же ночью он умер.

Что же до Квазина, то он являл собой непрерывный источник раздражения. Его хвастовство и бахвальство действовали Хэдону на нервы, и хоть он и подчинялся приказам Хэдона, но насмехался над ним. Хэдон убеждал кузена прекратить зубоскальство, но Квазин бросил в ответ:

— Я не давал клятвы держать свой рот на замке.

И все же Квазин рассказывал много интересного. Уже приговоренного к изгнанию, его доставили в город Товина, расположенный к юго-западу от острова Кхокарса, на побережье Кему. Оттуда Квазина провели под конвоем в глубь страны до последнего аванпоста. Он пешком побрел в Пустынные Земли, неся свою дубину на плече, и похожий на великана-людоеда вызывал изумление и ужас. Рассказ вполне правдоподобный, если Квазину вообще можно было верить.

— Вначале были только простиравшиеся на бесконечные лье саванны, на которых паслись огромные стада антилоп и слонов. На них охотились сотни львиных стай, своры диких собак и подобные молнии гепарды. Мое могучее тело, как вы, без сомнения, успели заметить, требует изрядного количества пищи, мне недостаточно того мяса, от которого двое обыкновенных мужчин могли бы просто разжиреть. Как я мог убить, имея в своем распоряжении лишь дубинку и нож, быструю и осторожную антилопу, я, с моим огромным телом, которое так легко заметить?

Но потом я увидел, как гиена и шакал следуют за львами и как эти хищники, несмотря на свою трусость, устремляются вслед за львами, иногда даже впереди них, хватают кусок мяса и опрометью уносятся прочь. Также я наблюдал, как своры диких псов пристают ко льву, поедающему тушу, а порой им даже удавалось отогнать его. Тогда я сказал себе:

очень хорошо, пусть лев совершит убийство за меня, а затем я заберу от него мясо. Так я и делал. Подходил к жертве и ее убийце или убийцам, поскольку львы обычно охотятся стаями, и убегал. Если они нападали на меня, а делали они это часто, я оглушал их своей дубиной или ломал им ноги. Затем отрезал от убитого животного такое количество мяса, которое мне было необходимо, чтобы продержаться несколько дней, а остальное оставлял львам. Если убивал льва, то питался им.

Хэдон заметил, что Кебивейбес старается запомнить рассказ. Без сомнения, бард подумывал о том, чтобы сочинить еще одну эпическую поэму, Песнь о странствиях Квазина. Хэдон почувствовал, что ревнует, хорошо сознавая при этом, что ревность — чувство, недостойное его.

— Прошло немного времени, и я стал при виде небольшой группы черных подкрадываться к ним, налетать на них, и, разгромив их вдребезги, убегать, прихватив с собой женщину. Я сладострастен, как морская выдра или заяц, как тебе хорошо известно, Хэдон, и если один мужчина может удовлетвориться одной женщиной или даже не в состоянии удовлетворить и одну, мне необходима дюжина. Черные женщины отвратительны, часто просто немыты, но следует философски смотреть на ситуацию и благодарить Кхо за то, что она посылает.

— А потом ты убивал этих женщин? — спросил Хэдон.

— Только от неумеренности в любви! — воскликнул Квазин и загоготал. — Нет, я позволял им уходить, хотя немногим удавалось сразу же подняться. А некоторые заклинали меня на своем языке пощадить их. Речь этих женщин, конечно же, я не понимал, но выражение их лица достаточно красноречиво свидетельствовало о мольбе. Нет, я не убивал их. Я хотел, чтобы они носили моих сыновей и дочерей, поскольку порода нуждалась в улучшении, и в конце концов, кто знает, все черные в Пустынных Землях могут стать моими потомками.

Между прочим, я смотрю, с вами лишь одна женщина, и та клемкаба. А где жрица?

— Она и есть жрица. Не вздумай насиловать ее, не то Кхо во второй раз покарает тебя. Кроме того, я буду рассматривать это как серьезное, даже фатальное нарушение дисциплины.

— А если я обращусь к ней со скромной просьбой? — усмехнулся Квазин.

— Она может принять тебя в качестве мужа. Сейчас она замужем за половиной мужчин отряда и за всеми людьми из тотемов Медведя и Козы.

Квазин расхохотался:

— Как только я буду с ней, она разведется со всеми. Что ж, я рад, что мы в Пустынных Землях, где дикари белые и не такие приземистые, а некоторые женщины, несмотря на вонь, грязь и краску, могут даже симпатично выглядеть. Но ты, Хэдон, конечно же, не женат на этой полуобезьяне?

— Конечно, нет, — жестко ответил Хэдон.

Квазин вновь рассмеялся:

— Так я продолжу! Затем я добрался до джунглей, где не было львов, которые могли бы охотиться за меня. Самка леопарда — там королева, и не так-то просто отыскать ее в тех густых зарослях. Я думал, что буду голодать, но когда я случайно вышел к огромной реке...

— Бохикли? — вмешался Кебивейбес. — Реке, открытой экспедицией Нанкар в 685 г. ПХ[7].

Квазин холодно посмотрел на него:

— Не полагайся на свой статус неприкосновенности барда и не перебивай меня, Кебивейбес. Это позволено только Хэдону, поскольку я дал ему клятву повиноваться. Однако я ничего не имею против умных вопросов. Как бы то ни было, я выяснил, что по берегам той реки водятся тысячи крокодилов, а потому у меня появилась привычка, стремительно выскакивая из джунглей и быстро высматривая их, ломать их челюсти дубиной, прежде чем они могли бы добраться до воды. Крокодилы служили превосходной пищей. Случайно я обнаружил крошечное поселение черных на реке, хотя большей частью они селились в северных районах. Очевидно, племя еще не продвинулось ниже по течению реки. Частенько я совершал разбойные нападения на черных, насиловал женщин. Некоторых я щадил, чтобы они могли научить меня находить съедобные растения: надоело питаться одним мясом.

В конце концов я подошел к водопадам Бохикли и отправился странствовать в западном направлении. И там уперся

[7] ПХ - После (сооружения) Храма. См. Хронологию Кхокарсы. *(Прим. перевод.).*

в Звенящее Море. Я подумывал о том, чтобы изготовить челнок и отправиться на нем на запад в надежде достичь самого края света. Но что если море простирается на тысячу миль? Вполне можно погибнуть. Поэтому я не стал рисковать. К тому же Кхо могла бы не пожелать, чтобы смертный, даже такой я, заглянул за край, в бездну. Кто знает, какие секреты прячет Она там, внизу?

Затем Квазин задумал побрести вдоль берега Звенящего Моря и, может быть, обойти его. Но не мог решиться, с какой стороны начать путешествие — отправиться на север или юг, и потому он принес в жертву красную свинью и попросил Кхо указать путь. Он стал ждать, и спустя некоторое время белый ворон спикировал над ним и полетел на север. И потому Квазин пошел в том направлении, придерживаясь линии берега.

— Но по прошествии года я убедился, что могу идти до конца своих дней и не добраться до места, с которого вышел. Кроме того, одиночество одолело меня. Я встретил лишь три поселения черных на побережье и страстно желал женщин. Я насильно увел с собой нескольких женщин, но одна вскоре умерла от лихорадки, другую мне пришлось убить, потому что она пыталась заколоть меня ножом, а две скрылись.

Потом я подошел к гряде огромных гор, которая тянулась в северном и восточном направлениях вдоль берегов. Я направился вдоль этой гряды и, заметь, как-то раз увидел на другой стороне моря огромную скалу[8]. Звенящее Море не омывает край мира. За ним простираются другие земли.

— Или, может быть, та скала — лишь остров в Звенящем Море.

— Я же сказал, что не люблю, когда меня перебивают, книжник, — рыкнул Квазин. — Итак, я решил перебраться по воде к той скале, но течение там быстрое, хоть расстояние и небольшое. Я продолжал идти и через много месяцев добрался до места, где горы кончились — по крайней мере, на какое-то время. Там, в море, впадала огромная река...

— Возможно, это та река, которую нашли мы, — опять подключился Хинокли.

— У книжников длинные языки и слабые челюсти, — Квазин бросил на Хинокли свирепый взгляд. — Как бы то ни

[8] Гибралтар. *(Прим. автора).*

было, я устал от моря, и потому повернул в глубь суши, изготовил челнок и весла и стал подниматься вверх по реке. Теперь я очутился в стране белых дикарей, и женщины там оказались намного привлекательнее, хотя воняло от них так же, как и от черных. Однако после того, как я окунал их в реку и заставлял расчесать волосы и смыть краску, они становились вполне сносными. На некоторых обратили бы внимание даже в Кхокарсе, настолько они были хорошенькие. И потому я пополнял свой любовный запас, двигаясь вдоль той реки.

Затем я подошел к горам, в которых река брала свое начало, и отправился странствовать по саваннам, простиравшимся южнее. Я надеялся, что мне удастся вернуться в Кхокарсу. К тому времени, может быть, Кхо простит меня. Я понес достаточное наказание за то, что, в конце концов, было лишь проделками пьяного.

— Ничего себе проделки — изнасиловать священную жрицу Кхо и раскроить черепа ее страже! — вскричал Хэдон. — По-твоему, это шалость?

— Та жрица — приставучая стерва, — оправдывался Квазин. — Она сама подстрекала меня, а когда я разделся, ужаснулась, но за это ее винить нельзя. Потом мне пришлось защищаться от ее охранников, и во время стычки я убил их. Ты должен признать, что обстоятельства несколько смягчают мою вину. Иначе почему же меня не кастрировали и не бросили свиньям? Почему в качестве меры наказания я был приговорен лишь к ссылке, хотя Кхо знает, что и это наказание ужасно?

— Ты избежал казни лишь благодаря пророчице, которая сказала, что тебя не следует убивать, — объяснил Тадоку. — Никому, кроме Кхо, не известно, почему тебе так легко простили столь тяжкое преступление. Но Ее Голосу необходимо подчиняться.

— Я решил дойти до аванпоста или, может быть, до самой Мукхи и спросить, не закончилось ли мое изгнание, — продолжил свое повествование Квазин. — В конце концов, пророчица не говорила, что я должен странствовать вечно.

— Возможно, она имела в виду, что конец твоему изгнанию положит смерть, — предположил книжник. — Голос Кхо произносит слова, которые нельзя толковать однозначно.

— Но если я врежу дубиной трепливому книжнику по черепу, это будет иметь единственное толкование! — воскликнул Квазин. — Не заводи меня, Хинокли.

Итак, гигант странствовал вокруг гор, затем отправился на юг. Некоторое время спустя Квазин наткнулся на сборище племен, селившихся в этой местности. Дикари, по его мнению, совершали какой-то ежегодный религиозный обряд. Что за обряд, Квазин не понял, но совершенно ясно осознал, что среди дикарей было много симпатичных женщин. При первой же представившейся возможности Квазин схватил одну из женщин и убежал. Но дикари стали преследовать его, и гиганту пришлось бросить ее и улепетывать.

— Только потому, что у дикарей были стрелы, — оправдывался он. —Иначе я разбросал бы их, как лев стадо газелей.

— Несомненно, — рассмеялся Хэдон. Квазин бросил сердитый взгляд и сжал дубину.

— Ты можешь проделать обратный путь к реке, впадающей в море? — спросил Хэдон.

— С закрытыми глазами! — проревел Квазин.

— Отлично! Теперь у нас два проводника — ты и Хинокли. Теперь мы наверняка не собьемся с дороги.

Тем не менее экспедиция заблудилась. Горы в той местности представляли собой не один труднопроходимый хребет, а были разбросаны в виде множества небольших кряжей и отдельных гор, перемежающихся долинами. Хинокли признался, что не знает, где они находятся. Хоть Квазин и отказался признать то же самое, было очевидно, что он, как и Хинокли, растерян. Проскитавшись три недели, часто меняя направление и возвращаясь в одно и то же место, путники решили, что им следует идти на запад, пока горы не останутся в стороне. После этого группа в течение недели двигалась на север, а затем повернула на юго-восток. И спустя еще три недели экспедиция наткнулась на первую реку. И Хинокли, и Квазин утверждали, что эта та самая река, по которой они шли к морю.

— Дальше на восток должна быть еще одна река, — сообщил Хинокли. — Та река и еще одна берут свое начало в горах и текут параллельно, полагаю, в северо-восточном направлении, а потом вливаются в большую реку, которая, по

всей видимости, стремится с огромного горного хребта, тянущегося в глубине страны вдоль Звенящего Моря. Три реки сливаются в одну, а та, в свою очередь, впадает в море.

— Мы близко от того места, где вы потеряли ведьму, ребенка и коротышку? — спросил Хэдон.

— Нет, это произошло ниже места слияния этой реки и той, что течет с северных гор. Мы потеряли их где-то между тем пунктом и местом впадения реки в другую реку к востоку отсюда.

Путешественники повалили деревья, обрубили сучья, снаружи и изнутри придали бревнам форму челнока, из брусьев изготовили весла. Каждый челнок мог вместить семерых — счастливое число, но не все лодки заполнились. Гиганта Квазина и еще двоих Хэдон посадил в одно судно, которое назначил разведывательным, поскольку Квазин хотел вести группу. К тому же вид этого громилы мог отбить у дикарей желание напасть на экспедицию. Люди сейчас были уязвимы, особенно для стрел, поскольку по обеим сторонам реки стеной стояли джунгли. Путникам попадались гиппопотамы и крокодилы; к реке частенько спускались слоны — искупаться и на водопой. По берегам реки количество птиц исчислялось сотнями тысяч; деревья дрожали от прыжков пронзительно визжащих обезьян. Тут и там в поле зрения путешественников на мгновение попадались антилопы, для которых джунгли являлись домом. Встречались и леопарды, охотящиеся на антилоп, обезьян и речных свинок. Охотники из пращи убивали обезьян и птиц, копьеносцы закалывали крокодилов, гиппопотамов и поросят. Впервые со времени ухода с аванпоста у людей появилась возможность наесться досыта. К удовольствию кхокарсан в реке водилась разнообразная рыба.

К несчастью, за день до того, как экспедиция достигла места слияния двух рек, раненый гиппопотам опрокинул челнок и с двумя самцами убил пятерых членов группы. Одного мужчину вытащили из воды, другой поплыл к болотистому берегу. И напрасно — беднягу схватил чудовищных размеров крокодил и унес в реку.

Бросив кости, по которым определялось предзнаменование, и истолковав их, жрица объявила, что путешественники

обидели речного божка. Тогда принесли в жертву двух поросят, борова и свинью, которых поймали во время охоты, и следующий день прошел без происшествий. Ближе к вечеру отряд вышел к широкой реке, которая несла свои воды вниз, к морю.

Сидевший позади Хэдона Хинокли сказал:

— Последний раз я видел тех троих около двадцати миль отсюда. Но точно определить то место я не в состоянии. Здесь нет никаких примет.

— Они в любом случае вряд ли задержались бы здесь, даже если и остались в живых, — предположил Хэдон. — Но мы все же внимательно обследуем это место. Если они погибли, возможно, остались их скелеты.

На следующий день, плывя по течению и вдобавок упорно работая веслами, путешественники добрались до того места, где, как полагал Хинокли, произошло нападение. Хэдон распорядился подвести челноки к болотистой заводи, где располагалось несколько маленьких островков. На одном из них экспедиция раскинула лагерь, все собрались вокруг костров, напрасно полагая, что дым защитит их от москитов.

— Среди наших людей появились больные болотной лихорадкой, — рассказал Хинокли.

— Пятеро умерли, и когда на нас напали дикари, многие, слишком ослабев, не могли оказать сопротивление. Ты тоже можешь потерять нескольких человек, прежде чем мы доберемся до моря. К счастью, на побережье не так много москитов.

— Какое отношение имеют москиты к болотной лихорадке? — спросил Хэдон.

— В 1539 ПХ, — сообщил Хинокли, — жрица-врач Хелико сделала наблюдение, что в болотистых местностях и в местностях со стоячей водой, где был произведен дренаж, количество москитов снизилось. В такой же пропорции уменьшились и случаи заболевания лихорадкой. А там, где нет москитов, нет и болотной лихорадки. С той поры минуло пятьдесят лет, тогда жрицу просто высмеяли. Но позже врачи признали, что, по всей вероятности, она была права.

— Очень полезные сведения, — сказал Хэдон. — Но тем все мы должны молить о пощаде Кваво, нашу целительницу, и Мьягогобаби, демона москитов. — Но, — добавил он, — самое лучшее — это выбраться отсюда и отправиться туда, где нет этих маленьких дьяволов. Возможно, разыскиваемые нами умерли от лихорадки, но они наверняка также были слишком слабы, чтобы охотиться, и могли попасть в лапы леопардов.

Все понимали, несмотря на веские доводы, что необходимо осмотреть этот район. На следующее утро приступили к осмотру, двигаясь вброд по болотам до тех пор, пока не дошли до более высокого места, потом прошли еще полмили, пробравшись через болото, вернулись на берег реки. Двигаясь, они постоянно окликали по имени Лалилу и Пагу. Хотя крики могли привлечь внимание дикарей, как действовать иначе? Несчастные могли находиться где-то поблизости, не подозревая, что их спасители рядом. Кроме того, столь сильный шум мог отпугнуть как дикарей, так и больших хищников. По крайней мере, Хэдон очень на это надеялся.

К концу второго дня он убедился, что такой способ поиска безнадежен и глуп. Если люди еще живы, то вряд ли стали бы оставаться здесь. Возможно, они вернулись на побережье или пошли на юг — по направлению к Кхокарсе. Предпочтительнее всего было бы сначала проследовать к морю и выяснить, нет ли их там. Если экспедиция не обнаружит никаких признаков их пребывания там, то может вновь отправиться на юг.

В то утро заболели многие участники экспедиции. Хинокли и доктор, с огорчением покачивая головами, определили:

— Болотная лихорадка.

Хэдон переправил людей в более высокое место: с таким количеством больных не удастся спуститься на веслах вниз по реке. Он нашел место на вершине холма на высоте примерно шестьдесят футов, где имелся источник хорошей воды. Отряд обосновался там, чтобы перебороть простуду, лихорадку и потливость. На третий день Хэдон заболел сам и вновь ощутил холод, лихорадку, обильную потливость и горячку, которыми несколько раз страдал в юности. Немногие оставшиеся на ногах, включая Квазина, который заявил, что

у него иммунитет к демонам, заботились об остальных и охотились, раздобывая пропитание. Болезнь пощадила также и жрицу, Мамону, и на нее упало основное бремя ухода за больными. На шестой день умер доктор; несколькими днями позже скончалось большинство людей и некоторые из членов тотемов Козы и Медведя.

На двенадцатый день Хэдон почувствовал себя достаточно хорошо и мог уже делать короткие прогулки вокруг лагеря. На четырнадцатый день он отправился в пустыню ставить капканы на зайцев. Кроме того, из пращи он подбил обезьяну, что послужило доброй добавкой к их рациону. По возвращении его встретил громкий плач Мамоны. Только что умер ее ребенок.

— Скоро у нее появится другой, — равнодушно произнес Квазин. — Хотя никто не будет знать, кто же его отец.

Квазин злился на жрицу из-за того, что она отказалась лечь с ним. При других обстоятельствах он вполне мог размозжить ей голову, не понимая, почему она отказала мужчине не только самому сильному в империи, но и самому красивому.

Хэдон пошел успокоить ее. Жрица восхищала его своим поведением во время болезни, он восторгался тем, что от нее никто не слышал ни единого слова жалобы, а с каким искусством она ухаживала за немощными. Мамона не могла лечить их, но лучше всех знала, как облегчить страдания, причиняемые простудой и лихорадкой.

Несколькими днями позже экспедиция, в которой теперь было всего тридцать достаточно крепких человек, ушла на веслах от этого гиблого места. Из людей в живых остались лишь Хэдон, Тадоку, Квазин, бард, книжник и молоденький рядовой из Миклемреса, да притом некоторые ослаблены болезнью.

Путешествие протекало нормально, день ото дня участники экспедиции набирались сил, и, наконец, подошли к водопадам, о которых предупреждал Хинокли. Река здесь протекала сквозь каменистую равнину и, издавая грохот и шипение, падала с высоты примерно на шестьдесят футов. Все выбрались из лодок, как только до них донесся грохот, и с большим трудом волоком тащили челноки вниз по крутым

склонам, вдоль порога. Спустившись на милю, отряд разбил на ночь лагерь. Когда на следующее утро отправлялись в путь, из расположенного рядом густого кустарника полетели три стрелы. Одному из клемкаба стрела вонзилась в шею, и он скончался.

Подавляя в себе жажду мести, Хэдон отдал распоряжение переместиться в середину реки, чтобы быть вне пределов досягаемости лучников, и продолжить путь.

Прошло еще двенадцать дней, и экспедиция вышла к устью реки. Преисполненные благоговения люди созерцали Звенящее Море.

Глава 12

Там жили, как обнаружил Хэдон, около двухсот пятидесяти дикарей, которые большей частью селились группами от дюжины до двадцати человек на расстоянии пары десятков миль вдоль побережья. Дикари могли располагать столь необходимыми сведениями, но от мертвых получить их невозможно. И потому он распорядился не обрушиваться на дикарей, если только те не нападут первыми. Оставив своих людей, Хэдон в одиночку отправился в поселение. Оно состояло из дюжины маленьких конусообразных лачуг, сделанных из палок и покрытых шкурами. Дикари разбежались, как только незнакомец приблизился к ним, и собрались поблизости на небольшом холме, ощетинившись копьями. Хэдон отважно направился к дикарям, показывая руками, что желает мира. Тут же к нему навстречу пошел худой темнокожий человек с крючковатым носом, держащий перед собой копье с каменным наконечником. Он затараторил что-то на грубом по звучанию, непонятном языке. Хэдон остановился, продолжая делать миролюбивые жесты, потом медленно вынул четки из крошечных изумрудов, подарок Хэдону от жрицы из форта аванпоста. Это был дорогой подарок, но Хэдон надеялся, что он окупит себя. Мужчина мог и не принять, опасаясь, например, что тот несет в себе злую магию, но его жена не удержалась. Она вышла вперед и осторожно взяла четки, затем надела на их на шею.

На то, чтобы рассеять сомнения дикарей, ушло семь дней. Только тогда Хэдон смог привести к ним женщину клемкаба, барда и книжника. Кебивейбес очаровал их своим пением. Книжник нарисовал для вождя несколько картин, а Хэдон раздал несколько медных монет. Дикари не имели никакого понятия о деньгах, но нашли способ, как использовать монеты в качестве украшений. Хэдон тем временем изучал язык племени. В нем был ряд гортанных и горловых звуков, овладеть которыми оказалось трудно. Но его горло обладало способностью менять форму, будто ртуть, и вскоре он уже говорил достаточно хорошо, так что дикари больше не падали со смеху от отвратительного произношения чужака.

Вскоре Хэдон разрешил своим людям приближаться к дикарям ближе, чем на полмили. Они получили приказ под угрозой смерти не досаждать женщинам. Квазин ворчал; он ратовал за то, чтобы убить всех мужчин и использовать женщин.

— Ты хуже дикарей, — внушал кузену Хэдон. — Нет, мне нужны эти люди. Возможно, они могут рассказать что-либо о Лалиле и Паге.

— А потом, когда ты выяснишь все, что требуется, тогда мы возьмем женщин? Там есть одна крошка с огромными глазами и грудью конусом. Я думаю о ней без остановки и днем и ночью.

Хэдон сплюнул от отвращения и сказал:

— Это было бы наиподлейшим вероломством. Нет, я не позволю. Вот если мы выясним, что мужчины не ревнивы, а женщины согласны — да, тогда вы можете дать себе волю. А что касается той крошки, о которой ты говоришь, мне кажется, что ей нравлюсь я, а тебя она боится.

Квазин зарычал от неудовольствия и грохнул концом дубины о землю. Хэдон удалился, ухмыляясь. Тем не менее его беспокоило то, что его люди станут подкарауливать женщин и затаскивать их в кусты.

К концу трех недель Хэдон почувствовал, что теперь готов спросить о Лалиле. Он поговорил со старшим и, к своему удовольствию, сразу же выяснил, что эти люди знают о ней. Более того, они знали и Саххиндара.

— Первый раз мы повстречались с ними две зимы назад, — рассказал вождь. — Они пришли в деревню: желто-

волосая женщина с фиалковыми глазами, ее ребенок, одноглазый коротышка и тот, кого ты называешь Саххиндаром. Мой дед и дед моего деда были знакомы с ним и поклонялись ему как богу, поскольку он жил и не менялся с течением времени, что возможно только у богов. Когда я был ребенком, тоже видел его и хорошо запомнил. Он на некоторое время остановился у нас, помогая нам охотиться, ловить рыбу, и рассказывал множество удивительных историй. Потом он и его люди, которые, как он говорил, прибыли из-за огромного моря, продолжили свой путь. Он сказал, что они собирались отправиться на юг.

Я думал, что вряд ли мне удастся когда-либо вновь увидеть его, поскольку обычно он появляется лишь один или два раза за жизнь одного поколения. Но всего лишь четыре месяца назад вновь появились женщина, ребенок и человечек. Саххиндара с ними не было. Женщина рассказала, что Саххиндар вверил их судьбу в руки отряда людей, прибывших с далекого юга, которые тоже жили на побережье великого моря. На них напали и отделили от тех людей, и они нашли путь обратно, к нам. Я просил их остаться с нами, но они сказали, что пойдут за Саххиндаром. Он отправился вдоль побережья навстречу поднимающемуся солнцу и может быть сейчас где угодно.

— При нем были лев, обезьяна и... — Хэдон заколебался, затрудняясь подобрать слово на языке племени. Как мог, он описал слона, но вождь недоумевал. Ясно, он знает львов и обезьян, но никогда не видел слонов и ничего о них не слышал.

— Нет, с ним не было ни одного из этих животных, — произнес вождь. — Будь они с ним, я бы так и сказал.

Тем же вечером кхокарсане и дикари устроили пир из двух гиппопотамов, а назавтра гости отправились в путь. Женщина с большими глазами, пленившая Квазина, бросилась с объятиями к Хэдону и заплакала. Он сожалел, что приходится покидать поселение так скоро, но пообещал себе сделать все возможное, чтобы вернуться на обратном пути. Группа двинулась на восток. Двоим было поручено присматривать за Квазином. Хэдон боялся, что гигант попытается прокрасться к дикарям и, таким образом, разрушит добрые отношения, налаженные с таким

трудом и терпением. Конечно, мало что могло удержать Квазина от дезертирства, но, если бы он так поступил, ему было бы запрещено вновь присоединиться к экспедиции. Квазин не проявлял никаких признаков подобных намерений. Он еще очень хорошо помнил то чувство одиночества, которое охватывало его во время странствий. Он не хотел оказаться там, где не с кем перекинуться ни единым словечком.

— С нами Кхо, — сказал Хэдон Кебивейбесу. — Мы должны обогнать разыскиваемых. Вождь сказал, что они не будут отклоняться от южного направления на всем протяжении своего путешествия, которое займет у них много, много дней. Между побережьем и расположенными на внутренней территории саваннами простираются суровые горные кряжи, и для того, чтобы добраться до саванн, путникам придется обойти горы вкруговую. Мы пойдем быстро, как только сможем, и обгоним их, прежде чем они дойдут до конца горной гряды.

— Если будет на то желание Кхо, — вымолвил бард. — Эта пустынность буквально измотала меня. Так хотелось бы увидеть вновь прекрасную Кхокарсу, мерцающую белым при свете солнца, выйти на ее улицы, несмотря на толпу и шум. Я бы стал вновь посещать таверны и залы для знатных, где можно получить выпивку, и стал бы петь песни, которые нравятся людям, а мои коллеги с трудом могли бы придраться к их достоинствам. А женщины .... ах, женщины! Стройные, с прекрасной кожей, так чудесно пахнущие духами, мягкими голосами говорящие о любви.

— Да, но если бы ты не пошел с нами, то никогда бы в твоем сердце не проросли семена великой эпической поэмы, — улыбнулся ему Хэдон. — Это так, если только тебе удастся что-нибудь извлечь из случившегося с нами. Что до меня, то я не вижу в этом ничего поэтического, а лишь раздражение, трудности, ежечасное разрешение мелких и важных проблем, болезни, раны и заботы, которые не давали мне спать по ночам.

— Это прекрасный материал для великой поэзии! — воскликнул Кебивейбес. — Голос и лира всему придадут ореол славы и красоты. Мужчины и женщины будут проливать слезы печали или радостно вскрикивать при моих словах и

звуках музыки, а ты, измотанный, утомленный, искусанный москитами, обеспокоенный мужчина, превратишься в бравого героя, чьими единственными заботами являются великие проблемы, а твое вожделение станет великой любовью. В песне не будет упоминаться ни то, что ты болел дизентерией и лихорадкой, ни мешки от бессонницы под твоими глазами, ни блохи, от которых ты чесался, ни твоя неуверенность. Также ничего не скажу о том, как ты споткнулся о камень, и как потом болел большой палец на ноге. И о том, как стычка с дикарями переросла в битву, участие в которой приняли тысяча человек, и ряды безликих были вырезаны героями, а герои вели нудные диалоги во время битвы, прежде чем обрести славу. А петь я буду так проникновенно, будто все это произошло на самом деле.

— Будем надеяться, что твоей гениальности хватит для такого воплощения, — сказал Хэдон.

— Вот это как раз и беспокоит меня, — признался бард, в этот момент он казался печальным. Но уже через мгновение он заулыбался, когда запел ко всеобщему удовольствию непристойную песнь о Телесном Фаллосе.

Тем временем, по мере продвижения отряда Хинокли занимался составлением карты местности.

— Двум предыдущим экспедициям удалось зайти столь далеко, что они достигли моря, причем шли они примерно тем же маршрутом, что и мы, — поведал Хэдону книжник. — Но никто не ходил на восток вдоль побережья от реки, которая катит свои воды в Звенящее Море. Мы первые из кхокарсан идем этим путем.

Двумя месяцами позже, после того, как путники наткнулись на несколько дюжин маленьких племен, которые при их виде или убегали прочь, или уплывали на лодках, они подошли к месту, где, казалось, горный кряж кончался. Впереди простирались плоские саванны. Они не обнаружили никаких следов пребывания Лалилы и остальных.

— Мы можем двигаться дальше, — сказал Хэдон во время совещания с Тадоку и книжником. — Но я считаю вполне вероятным, что троица пошла в южном направлении после того, как горы кончились. Если они не нашли Саххиндара, то, наверное, решили вновь попытаться дойти до Кхокарсы.

А если им удалось найти Сероглазого Бога, он, скорее всего, направил их на юг. Или, возможно, он сам ведет путников в южном направлении.

Хинокли глядел на карту.

— Я полагаю, что мы находимся прямо на севере от города Миклемреса. Я, конечно, могу и ошибаться, но если мы сейчас направимся на юг, то подойдем к горному массиву Саарес. В любом случае, идя на запад или на восток от Сааресса, мы обогнем его и достигнем Мукхи или Кетрута. Или же попадем в проход через Саарес. Конечно, между нами и Сааресом могут оказаться еще какие-нибудь горы, и если мы пойдем вокруг них, то рискуем вновь потеряться.

— Будем руководствоваться звездами, солнцем и Кхо, — сказал Хэдон. — Мы выступим в южном направлении. Но сначала дадим солдатам разбить лагерь на берегу реки на несколько дней, чтобы они могли наловить рыбы, поплавать и отоспаться.

За день до того, как предстояло отправиться в путь, Хэдон вышел побродить в одиночестве. Он взбирался на холмы, размышляя и перебирая пальцами четки, присаживался то тут, то там, созерцая берег и великое море, катящее волны выше и тяжелее, чем волны его родных морей. В полдень он уселся на вершину скалистого холма, оперся на дуб и смотрел вниз, на берег. Прямо под ним лежал берег, тянувшийся к морю. Справа от него выступал гребень холма, похожего на опущенный в воду каменный палец. По морю, мелкому в этом месте, были разбросаны огромные валуны. Они образовывали естественный волнорез, о который волны разбивались и превращались в пену и брызги или прорывались в пространство между валунами. Хэдон наблюдал за морем и кружащимися над ним птицами, которые внезапно опускались, хватая рыбу. Ярко светило солнце; дул мягкий освежающий ветерок; еще не сознавая, что засыпает, он уснул.

Чуть погодя Хэдон проснулся, будто от толчка, сердце его стучало. Каким же глупцом он был! Один в полной опасностей местности; несмотря на то, что вот уже неделю не встречались дикари, это вовсе не означало, что их здесь нет. К тому же тут водятся антилопы и газели, а там, где они, там и леопарды. Он смутно припомнил, что сон, прервавшийся

при его внезапном пробуждении, имел какое-то отношение к Авинет. Не говорила ли она с ним, не предупреждала ли его о чем-то? О чем?

Он покачал головой, внимательно оглядел окрестности, но не увидел ничего, кроме птиц и маленького, похожего на лису создания с огромными заостренными ушами, крадущегося от одного куста к другому. А затем до него издалека донеслись слабые звуки, похожие на лай, но явно не собаки. Хэдон поднялся, посмотрел направо и вскоре увидел круглые черные головы тех водоплавающих созданий, которых кхокарсане прозвали морскими собаками[9], когда впервые увидели их на берегу Звенящего Моря. Животные вышли в море понырять в поисках рыбы из-за стоявших стеной валунов, расположенных справа под холмами.

Он решил спуститься к волнорезу, образованному валунами, и понаблюдать за животными. Местные жители из деревни вблизи устья реки говорили, что эти животные являются спутниками и хранителями морской богини. Если человеку удастся схватить морскую собаку и удержать так, чтобы она не смогла выскользнуть из своей жирной шкуры, ему могли открыться секреты моря, и он навсегда освобождался от чувства голода. Однажды, рассказывали они, в далеком прошлом герой из их деревни схватил одну; она скинула свою шкуру, но он поплыл за морской собакой и поймал ее, а она превратилась в красивую русалку. Русалка взяла его с собой в дом на дне морском, где он остался навечно и проводил время в праздности, занимаясь лишь едой и любовью. Русалка была дочерью морской богини и полюбила смертного. Если кому-нибудь из мужчин удастся повторить поступок того героя, он тоже может стать бессмертным. Но он поклянется никогда не выходить на берег, а нарушив зарок, неожиданно превратится в древнего и печального старика, лишившегося всего.

Однако Хэдон не желал жить вечно на глубине в холодной воде. Он надеялся, что морские собаки иногда скидывали свои шкуры и не замечая поблизости мужчин. И тогда он спрячется и увидит дочерей богини во всей их обнаженной красоте. Может быть, его так зачарует райское бессмертие, что он забудет Авинет и трон, которые, в конечном итоге,

[9] Тюлени. *(Прим. автора).*

всего лишь временные удовольствия, и попытается схватить руками одну из них?

У его собственного народа существовала легенда о герое, который увидел Лаххиндар, Сероглазую Богиню Стрельцов, когда она купалась. За богохульство его растерзали на части гиены. Опасно подглядывать за богинями. Несмотря на это, Хэдон спустился с холма, берегом дошел до моря и вскоре стал перебираться по морю вброд. Он низко пригнулся, чтобы легче было бороться с волнами, и всматривался в сторону огромного валуна. Вначале он видел лишь бушевавшие внутри кольца, образованного валунами, волны и морскую собаку, сидящую на вершине валуна вблизи центра круга. Потом услышал голоса. Ему показалось, что кровь побежала в обратном направлении, и он чуть не упал в обморок. Не предстоит ли ему на самом деле стать свидетелем опасной красоты обнаженной богини?

Он колебался, но любопытство не позволило ему уйти, как полагалось бы поступить осторожному и разумному мужчине.

Он продвигался мелкими шажками вокруг валуна, прижимаясь к нему грудью. Наконец он мог хорошо видеть водяную арену. Справа от него, на узкой полоске пляжа, находился маленький бородатый мужчина с большой головой, а рядом с ним голенькая девчушка примерно трех лет. Волосы ее были желтого цвета, а кожа — самая белая из тех, что ему доводилось видеть.

Он понял, что нашел тех, кого искал так долго. Или, по крайней мере, двоих из них. Богиня направила его к ним; должно быть, ее голос, а не голос Авинет слышал он во сне.

Но где Лалила, Белая Колдунья с Моря, Вышедшая из Моря?

Неожиданно вода перед ним взбаламутилась, всего лишь в нескольких футах от него, из зеленых зарослей вышла женщина. Она стояла, улыбаясь, а ее влажные длинные волосы отливали желтизной, овальное лицо красиво, красивее всех когда-либо виденных им женских лиц, а глаза большие и странного цвета, вроде цвета фиалок, которые растут в горах над Опаром.

Хэдон задохнулся, но не только оттого, что узнал ее, нет, это было нечто большее. Потом он пытался уверить ее в том, что ей не грозит опасность, поскольку она стала кричать, и глаза ее наполнились страхом.

Глава 13

Хэдон хотел попытаться схватить ее, удержать, сказать ей, что он вовсе не враг ей. Но вместо этого он дал Лалиле уйти. Потом пошел по воде вслед за ней, а она быстро поплыла к коротышке и ребенку. Теперь эти двое стояли и кричали, а человечек угрожающе размахивал железным топором с длинной рукояткой. Топор казался слишком тяжелым даже для сильного мужчины. Хэдон развел руками, демонстрируя свое миролюбие. Женщина на полпути перестала плыть и встала; вода едва доходила до ее великолепной груди. Лалила не улыбалась, но и не выглядела теперь испуганной. И когда Хэдон и она выбрались на берег, она заговорила с ним на кхокарсане с сильным акцентом. Человечек, хоть больше и не кричал, все же держал топор наготове на случай, если Хэдон сделает хоть одно угрожающее движение.

— Ты испугал меня, — произнесла она приятным голосом. — Но потом я сообразила, что ты, должно быть, человек с внутреннего моря, поскольку у тебя на голове кожаный шлем, и вооружение, и огромный меч, который ты носишь на спине в ножнах. Но теперь?..

— Это длинная история, — сказал Хэдон. — Давайте присядем здесь, и я расскажу все, что смогу, прежде чем мы отправимся в лагерь.

Прежде всего Лалила и Пага оделись. Человечек облачился в длинный килт из серого меха, а женщина надела короткий килт и пончо из такого же материала. Затем, двустворчатой раковиной с зазубринами она расчесала свои волосы, с которых стекали капли воды Хэдон пристально наблюдал за ними, пока они одевались. Как она красива, сколь белоснежна ее кожа! К тому же она довольно высока — едва ли не 170 см. Она и на самом деле походила на богиню.

Коротышка выглядел так, как его описал Хинокли. Ноги, хоть и плотные и мощные, имели длину не более, чем ноги восьмилетнего мальчика. Тем не менее торс Паги соответствовал размеру торса мужчины среднего возраста. Его плечи и руки казались достаточно мускулистыми, а грудная клетка — низкая и широкая. Каштановые волосы пестрели сединой и торчали взъерошенной массой на макушке огромной головы. Правый

глаз был затянут пленкой; по словам Хинокли, это произошло в результате того, что он ударился о камень, когда был выброшен своей матерью в кусты вскоре после рождения. Нос коротышки — плоский, рот полный и широкий, лицо покрыто шрамами. Несмотря на уродство, его отличала несколько странная привлекательность. Улыбаясь, он становился почти красивым.

По словам Хинокли, Пага родился далеко на севере, в местности, расположенной за Звенящим Морем, в краях, которые большей частью покрыты движущимися ледяными реками. Когда его отец, возвратившись с охоты на морских собак, обнаружил, что его сын выброшен и обречен на верную смерть, он отправился на поиски его останков. Хотя с той злополучной минуты, как мать выбросила его, прошло несколько недель, все же отцу удалось обнаружить сына живым и здоровым, не считая выбитого глаза и шрамов на лице. Ребенка нашла и выкормила волчица. Поговаривали, что Пага временами ходит в лес и разговаривает с волками. Говорили также, что иногда по ночам он превращается в волка и бегает со своей матерью-волчицей и ее волчатами. Хэдон надеялся, что это неправда. Оборотни-леопарды, оборотни-орлы и гиены в Кхокарсе сжигались заживо. Хэдону никогда не доводилось видеть волка, но Хинокли как-то упоминал об одном, которого ему описывала Лалила, и Хэдон подумал, что мех, них был как раз волчий.

Двое, теперь уже одетые, уселись. Ребенок, которого матери пришлось вновь успокаивать, плескался невдалеке в море. Хэдон как можно короче поведал свою историю, поясняя время от времени непонятные им места. Закончив рассказ, он спросил:

— Мы, скорей всего, упустили бы вас, но Сама Кхо послала меня к вам. А Саххиндар? Видели вы его?

— Мы ищем его, — ответила Лалила. — Когда мы расставались с Саххиндаром, намереваясь отправиться с людьми, пришедшими с юга, он сказал, что совершает паломничество далеко на юг, к морю, расположенному на самом дальнем краю света, за горами к югу от города Микавуру. Он решил вновь наведаться в места, где родился в далеком будущем. Я не поняла его слов, а он не объяснил. Он утверждал, что не является богом, что он смертен и совершил путешествие

во времени в обратном направлении, но теперь вынужден двигаться вперед, как то делают все люди.

— Я не понимаю этого, — признался Хэдон. — Но правда, что он ввел в употребление растения, которые ранее не росли в местах, прилегающих к двум морям, и раздал их повсюду вплоть до Кхоклема и показал им, моим предкам, как выращивать эти растения, как одомашнивать коз и овец, и научил ткачеству и окраске тканей.

— Но все напрасно, — произнесла Лалила. — Человек, которого вы называете Саххиндаром, рассказал мне, что ему было известно о тщетности его усилий. Мой народ сейчас мертв, а знания утеряны и еще многие тысячелетия не будут восстановлены.

Лалила сделала паузу, бросив на Хэдона странный взгляд, будто не могла высказать того, что у нее было на сердце, потом произнесла:

— Точно так же дары твоим предкам тоже напрасны.

Хэдон был слегка шокирован:

— Что это значит?

— Я не знаю, — ответила Лалила. — Но как-то он неохотно заговорил о Кхокарсе, будто она давно уже погибла, похоронена и забыта. К городу Опар это не относилось. Саххиндар сказал, что город построен задолго до его рождения и все еще существовал, когда он родился. Но много раз перестраивался.

Еще он говорил, что не будет больше ничему учить дикарей, что они должны жить по-своему. Поскольку время не пощадит его самого, не имеет значения, сколько людей он вывел из первобытного состояния.

— Возможно, он вновь посетит Кхокарсу, и потом мы узнаем больше, — сказал Хэдон. — А пока продолжим наш путь. Давайте вернемся в лагерь, он в нескольких милях отсюда, по дороге туда вы сможете рассказать мне о себе.

Лалила подозвала дочь Абет, надела на нее накидку из шкуры антилопы, которую, как сказала Лалила, сделал для нее Саххиндар. Они шли некоторое время вдоль берега и молчали, Лалила и Хэдон соизмеряли свой шаг с ходьбой ребенка и человечка. Первым заговорил Пага. Он сообщил, что родился в очень маленьком племени, которое жило столь

изолированно, что его члены даже полагали себя единственными людьми в мире. Они жили за счет охоты и рыболовства, главным промыслом была охота на морских собак и случайно выброшенных на берег китов, существ, похожих на чудовищных рыб, но только теплокровных. Пага, покинутый во второй раз, был спасен мужчиной по имени Ви и добровольно стал его рабом. Племя держал в руках жестокий гигант, погубивший дочь Ви, а потому Ви решился оспаривать его право на положение вождя. Именно Пага нашел камень, упавший с неба, камень из железа и какого-то другого металла, еще более твердого, чем железо. Он придал ему форму топора для Ви, а Ви убил им гиганта и сделался вождем.

— А затем произошло следующее: проблемы Ви, вместо того чтобы разрешиться, лишь усложнились, — рассказывал Пага. — Когда-то он был рабом вождя. Потом он стал рабом своего народа. К тому же жена доставляла ему множество неприятностей, она любила его, но меня терпеть не могла, как, впрочем, и большинство женщин. Ви с любовью относился ко мне и не мог выдворить обратно в пустынные места. Она не могла понять, что Ви был настолько же мудр, насколько имел доброе сердце. Он любил меня, как любят того, кто нуждается в защите и кто, в свою очередь, может дать мудрый совет. Ви не верил людям, когда те говорили, что я служу дьяволу и принимаю по ночам волчье обличье.

Потом однажды к нам на берег вынесло челнок, и Ви обнаружил в нем женщину, которая была при смерти. Эта женщина — Лалила. И неприятности, которые одолевали нас до того, как он ее нашел, стали казаться мелкими.

— Это правда, — подтвердила Лалила. — Хоть я по своему характеру и не возмутительница спокойствия, но, видимо, само мое присутствие является причиной неприятностей. Короче говоря, Ви выходил меня, вернул к жизни и взял под свою защиту. Мы полюбили друг друга, хотя долгое время Ви не женился на мне, поскольку тому препятствовал закон, им же самим и созданный. Закон разрешал одному мужчине иметь лишь одну жену. А его благородство не позволяло...

— Силы воли ему недоставало, — вмешался Пага.

— Нет, именно благородство не позволяло ему бросить жену. В конце концов огромная река, ближний берег которой был смутно виден из деревни, сдвинулась с места и смыла большинство людей племени. Некоторые из нас — Ви, его сын, жена, брат с женой, Пага и я — остались в живых, но оказались на льдине, которую сносило течением.

Она начала таять, и мы перебрались в нашу лодку, которая и была-то всего лишь выдолбленным бревном. Ви, прикинув, что если он сядет в нее, то своим весом потянет лодку на дно, оттолкнул ее со всеми остальными. Затем спустился туман, и Ви почти скрылся из виду. Но Пага бросился в холодную воду и поплыл к тому, что осталось от льдины. Если судьбой было назначено погибнуть, он желал умереть вместе с Ви. К тому же он не хотел оставлять Ви в одиночестве. Плохо умирать в окружении любимых людей, но умирать в одиночестве — просто ужасно.

Я не знала, что мне делать. Я любила Ви и желала умереть с ним. Жизнь без него не имела никакого смысла. Или, по крайней мере, я думала так тогда. Но со мной был сын Ви, и он нуждался в защите. Затем я подумала, что у него есть мать, брат и невестка Ви. А если в лодке будет одним человеком меньше, у остальных окажется больше шансов остаться в живых. Итак, я тоже поплыла к льдине.

Там мы пребывали в ожидании, что холод и море одолеют нас, но вскоре туман рассеялся. Оставшиеся в лодке скрылись из виду, и мы уже никогда больше не видели их. На расстоянии мили или двух от нас виднелась земля, потом нам на глаза попалось несколько плывущих по течению вырванных с корнями деревьев. Мы подплыли к одному из них, и Ви срубил ветки с верхушки, скрутил их, потом срубил ветки и с другой стороны дерева. Используя несколько веток в качестве весел, мы привели бревно к берегу. Мы едва не погибли от холода, поскольку наши ноги находились в ледяной воде. Но не умерли.

— А затем, — рассказывал Пага, — мы бродили по берегу в поисках остальных. Как сказала Лалила, нам не довелось увидеть их вновь. Наконец, мы повернули в глубь материка, к родным местам Лалилы. Нашли озеро, по берегам которого в хижинах на сваях жил ее народ. Но хижины пустовали, по

берегам озера и в самом озере валялись скелеты их обитателей. Мы не знали, что явилось причиной их трагедии. Думали, что их жизни унесла бубонная чума или какая-либо схожая с ней болезнь. В течение трех лун мы ожидали, надеясь, что кто-нибудь вернется, но никто не появился. У Лалилы родился ребенок от Ви. Затем нагрянула шайка желтоволосых мужчин, и мы убежали в горы. Они преследовали нас до тех пор, пока не заманили в пещеру, где обитал медведь. Ви убил медведя, существо вдвое больших размеров, чем лев, но тот глубоко поранил его спину когтями. Затем Ви вернулся и сражался с желтоволосыми, а я тем временем бросал копье из-за него, меж ног. Ему удалось умертвить семерых, прежде чем в горло его вонзилось копье.

Казалось, все пропало, но вдруг раздались крики наших преследователей. Желтоволосые пытались убежать, но их сбивали с ног стрелы, вылетавшие с такой скоростью, что казалось, обстрел ведут по меньшей мере трое лучников. Оставшиеся желтоволосые убежали, и вскоре из-за валуна показался высокий черноволосый мужчина с черными волосами и серыми глазами. Это был Саххиндар, который вновь наведался в деревню, заметил наши следы и последовал за нами.

— Ви похоронили, а вместе с ним и мое сердце, —вздохнула Лалила. — Затем мы рассказали Саххиндару о том, что произошло с нами, и он пообещал взять нас в страну, где мы могли бы жить с удобствами, в страну, о которой мы никогда и не мечтали. Когда нам случайно повстречалась экспедиция кхокарсан, он оставил нас на их попечение. Остальное тебе известно.

— Не все, — произнес Хэдон. — Когда на экспедицию напали, как вам удалось скрыться от дикарей после того, как ваша лодка перевернулась?

— Мы поплыли на противоположный берег, — рассказал Пага, — хотя из-за тяжелого топора я чуть не утонул. Он был привязан к моему запястью, а я никак не мог развязать узел. Но Лалила помогала мне поддерживать топор. Мы держали его, загребая одной рукой. Девочка умела плавать почти с рождения, а потому нам не приходилось беспокоиться о ней. К тому моменту как мы достигли берега, река кишела привлеченными шумом крокодилами. За нами увязались пятеро

дикарей. Нам повезло, поскольку они не осмелились войти в реку. И потому мы решили идти на север, то есть в том направлении, которого, по их мнению, нам не следовало бы придерживаться. Как я уже говорил, мы также решили отыскать Саххиндара и рассказать ему, что произошло.

— Я удивляюсь, почему Саххиндар не стал сопровождать вас на протяжении всего пути до Кхокарсы? Наверняка он знал, что между Звенящим Морем и Кему имеется множество опасных мест, — сказал Хэдон.

— Я думаю, что он выполнял некую свою собственную миссию, когда спасал нас, — сказал Пага. — Он прервал свое дело, чтобы обеспечить нам безопасность. Когда мы повстречали кхокарсан, он подумал, что может доверить им нас. Саххиндар горел желанием отправиться в путь.

— Может быть, он не покинул бы нас, если бы знал, что я ношу его ребенка, — произнесла Лалила. — Но тогда я и сама этого не знала. В конце концов, это перестало иметь какое-либо значение, поскольку я потеряла его через два месяца после того, как почувствовала это.

— Ты вынашивала в своем чреве семя бога? — спросил Хэдон. Благоговение охватило его, но в то же время по какой-то непонятной причине он ощутил боль. Или причина была глубоко скрыта? Не было ли это ревностью?

— Он утверждает, что не является богом, но, конечно же, он настолько близок к тому, чтобы быть богом, как только это возможно для смертного, — сказала она. — Тем не менее я не была единственной в своем роде. Он говорил, что половина населения земель, расположенных к северу от Звенящего Моря и половина населения Кхокарсы, должно быть, происходит от него. Ведь, в конце концов, он скитается на протяжении двух тысячелетий.

— Я сам могу проследить мое происхождение до Саххиндара, — проговорил Хэдон. — Хотя, говоря по правде, я часто задумывался над тем, не является ли генеалогия чем-то таким, что предки выдумали сами. Но, очевидно, это не так.

— Лалила тоже является потомком Саххиндара, я думаю, его праправнучкой, — сказал Пага. Он хихикнул:

— Саххиндар обмолвился, что фактически он сам является своим потомком. Но что он подразумевал под этим, я не знаю.

Потом они приблизились к лагерю, и тут же их окликнул часовой. Хэдон подвергся нелепой процедуре удостоверения своей личности и проводил троицу в свои покои, которые представляли собой крошечную хижину, сделанную из палок и покрытую ветками с листьями. Потом он попросил Тадоку собрать всех, чтобы сообщить им о том, что первая задача экспедиции выполнена. У него не было намерения отправляться на поиски Саххиндара. Если Минруту понадобится знать, где Саххиндар, то он в общих чертах может указать его место пребывания. Пусть посылает на его поиски кого-нибудь другого.

Глава 14

Как и ожидалось, больше всего неприятностей доставлял Квазин. Все мужчины обожали Лалилу, но, несмотря на то, что мечтали лечь с ней, они ни словом, ни прикосновением не осмелились бы предложить ей такое. Хэдон распорядился бы, чтобы с ней обращались как со жрицей, будь она даже дикаркой. В подобном приказе не было необходимости, поскольку по маленькому лагерю очень быстро распространилась весть о том, что она и в самом деле является жрицей луны. Это не было правдой. Таковой являлась ее мать, и Лалиле, в случае должного развития событий, предстояло стать ее последовательницей. Более того, имя Лалила, которое означало на кхокарсане луну в новой фазе, укрепляло веру в ее святость. А ее званий Белой Колдуньи с Моря и Возникшей из Моря было достаточно, чтобы отпугнуть даже самых назойливых. Последнее звание, по еще одному совпадению, принадлежало также и богине сексуальной страсти и безумия, Аденет.

Конечно же, Квазин был единственным, кого все это не пугало. Впервые увидев ее, он воскликнул от изумления, упал на колени, схватил ее руку и поцеловал. Хэдон с тревогой наблюдал за ним, поскольку нельзя было предугадать, что следующее поцелует этот великан. Хэдон положил руку на эфес меча в готовности выхватить его и отрубить голову

Квазина, если только тот оскорбит Лалилу. Квазин поднялся и проревел, что никогда не видел женщины, столь чудесной и столь лучезарной, что она и в самом деле похожа на богиню луны, прекрасную, далекую и святую. Он сам двинет в челюсть любого, кто осмелится лишь намеком оскорбить ее. Хэдон сейчас ненавидел его за эти слова. Говоря по правде, — в душе он так и делал — он страстно желал ее. И подозревал, что Квазин, если ему удастся уединиться с ней, поймет, что она не такая уж неприкосновенная. По крайней мере, его это не касалось.

А что с Авинет, молодой и красивой королевой, ожидающей его у трона, который, возможно, будет принадлежать ему? Ах, да, что с темноволосой, темноглазой, грациозной Авинет?

Она была далеко, образ ее бледен и едва различим, как призрак на рассвете. Хэдон сам себе признавался в том, что такое его отношение не соответствовало реальной действительности. Королева олицетворяла собой славу и могущество, и было бы безумием отказаться от всего этого, отвергнув ее саму. Более того, Авинет могла счесть подобные действия непростительным оскорблением. Она могла сама отказаться от него, если только пожелает, но для него отказ от нее, вероятно, своим последствием будет иметь ... что? Ссылку? Или смерть на месте? Последнее наиболее вероятно.

Истинное безумие думать о подобных вещах. Невообразимо. Но он не мог отделаться от этих мыслей, и потому был безумен. И все же был счастлив. Почему он был счастлив? Лалила ни единым знаком не проявила к нему своих нежных чувств.

Ему предстояло проделать длинный путь, и кто знает, что может случиться, прежде чем он доберется до границ империи?

Кебивейбеса, барда, похоже, тоже коснулось безумие, которое иногда насылается полной луной или красивой женщиной. Он погрузился в сочинение Песни о Луне в Новой Фазе, Пвамвотлалила, и к концу второй недели путешествия к югу распевал ее. Творение его не носило эпического характера, а было скорее лирическим и следовало духу и структуре песен, которые распевались жрицами храмов луны, Вутлы, Голосов Луны, в начале ежегодных разнузданных обрядов, проводившихся в древние времена. Эти обряды подавлялись в

течение пяти веков, но в сельских местностях и в горах они все еще втайне практиковались. Хэдон, слушая эти песнопения, ощутил возбуждение духа и плоти.

Квазин же разделся и стал танцевать Танец Спаривающегося Медведя, чем заставил Лалилу отвернуться от смущения и удалиться. Квазин продолжал свой безумный танец с остекленевшими глазами и, по-видимому, даже не осознавал, что передвинулся в темноту.

Хэдон пошел вслед за Лалилой, намереваясь принести ей свои извинения, и при свете луны обнаружил, что она и человечек стояли у огромного валуна.

— Я не смог остановить его, — произнес Хэдон. — Вмешаться означало бы нанести оскорбление богине луны, поскольку его охватил ее дух.

— Не извиняйся, — ответила она. — У моего народа есть, то есть существовали, подобные танцы, и я не однажды видела, как их исполняли, и это не оскорбляло меня. Но в данном случае исполнение танца не было безличностным. Танец, без сомнения, адресовался мне, и потому я очень смутилась. Я боюсь этого чудовища; нельзя и представить себе, на что он способен в одержимом состоянии. А из твоих слов и слов барда я поняла, что Квазин не из тех, кто уважает добродетель и святость, когда на него находит.

— Это правда, — подтвердил Хэдон, — но он предупрежден, что если согрешит еще раз, то может умереть. Если люди не накажут его, это может сделать Кхо. Кроме того, Квазин желает, чтобы его ссылка закончилась, а этого не случится, если он посмеет оскорбить тебя еще раз. Итак, несмотря на свою одержимость, он все же пытается контролировать себя. В этом я отдаю ему должное, хотя я не из тех, кто признает за ним излишние достоинства.

— Его телосложению и силе может позавидовать любой мужчина, — произнес Пага. — Но не я. Мы оба, Квазин и я, неправильных пропорций. Ему от природы дано чрезмерно много, мне же слишком мало. Но хотя божества сделали меня маленьким, укоротив мои ноги, они компенсировали этот недостаток, даровав мне ум. Ему же они дали слишком много тела, лишив при этом умственных способностей. У меня острый нюх, Хэдон, я чую, как от этого огромного

тела несет бедой и дьявольским проклятием. Скажи мне, это правда, что в юности какое-то время ты жил вместе с ним?

— На свою беду, — ответил Хэдон. — Мы оба несколько лет проживали у моего дяди в пещере, расположенной высоко в горах над Морем Опара. Квазину был просто необходим кто-нибудь, над кем он мог бы издеваться, а поскольку он не осмеливался оскорблять дядю... тот мог запросто сбросить его со скалы в море — он издевался надо мной. Я по натуре покладистый и какое-то время терпел это, пытаясь завоевать его расположение и заставить быть более дружелюбным. В конце концов я потерял терпение и однажды бросился на него. Это кончилось унизительно, поскольку он сильно побил меня, да при этом еще и смеялся надо мной. Я был силен, но по сравнению с ним просто слабак, как, впрочем, и все остальные мужчины.

Мой дядя не сказал Квазину ни слова упрека по этому поводу, но устроил среди нас серию соревнований по атлетике, имея в виду заранее обдуманные цели. В соответствии с условиями соревнований, тот, кто оставался в проигрыше, получал наказание от дяди. Мой дядя понял, что эти игры ставили Квазина в невыгодное положение. Мы бегали на четверть мили и на полмили, а Квазин, несмотря на то, что был огромен, мог обогнать меня на пятьдесят ярдов, но когда мы одолевали более длинные дистанции, он сильно отставал от меня. А потом ему крепко доставалось от дяди. Силы у Квазина, вероятно, хватило бы и на то, чтобы совладать с дядей, но он боялся его. Я думаю, что мой дядя был единственным человеком, перед которым Квазин когда-либо испытывал страх. Возможно, потому что тот был еще более шальной, чем он сам.

Дядя также тренировал нас в сражении на деревянных мечах. Но хотя ему удалось нанести мне несколько ударов, едва не покалечивших меня, все же я был гораздо искуснее и благодаря своей технике одерживал верх над грубой силой Квазина. Частенько мне удавались удары, оглушающие его. Наконец, до Квазина дошло, что происходит, и он заявил, что не желает больше соревноваться в гонках и проводить поединки на мечах. Дядя улыбнулся и заверил, что теперь все будет в порядке. Но он оставил

за собой право вновь возобновить эти состязания, если решит, что это нужно. Квазин прекратил издеваться надо мной, делал он это теперь только намеками, но так и не простил меня. Он считает, что я нанес ему поражение, а это та самая вещь, простить которую он не в состоянии. Он всегда должен на все наложить свою руку, верховодить во всем. Теперь, находясь под моим командованием, он ненавидит меня еще больше.

— Но все же иногда он шутит с тобой и даже кажется, что ты ему нравишься, — отметила Лалила.

— Квазин — это два человека в одном. Он принадлежит к числу тех несчастных, кому Кхо даровала две души. Очень часто им руководит душа дьявола.

Сидевшая рядом девочка принялась хныкать от усталости. Лалила прижала ребенка к себе и запела колыбельную. Хэдон вслушивался в ее голос, серебристый и мягкий, как свет луны, и его сжигало пламя, подобное жаркому солнцу; казалось, будто луна призвала солнце подняться раньше положенного часа.

Пага, наблюдавший за ним, произнес:

— Похоже, одним людям судьбой предначертано становиться безумным, а другим сводить с ума. Лалила, к несчастью для нее, относится к последней категории. Она не дьяволица, но несет с собой зло. Или скорей, можно сказать, способствует проявлению зла в людях. Ее красота— это проклятие для нее и для мужчин, желающих ее, а также и для женщин, ревнующих ее. Это печально, поскольку сама она хочет только спокойствия и радости; у нее нет стремления властвовать над другими.

— Тогда ей следует жить в пещере, вдалеке от всех мужчин, — проговорил Хэдон.

— Но она любит находиться среди людей, — сказал Пага. — Возможно, в ней глубоко живет желание властвовать над мужчинами. Кто знает?

— Это известно лишь Богине, — произнес Хэдон.

— Я не верю в богов и богинь! — даже вскочил Пага. — Они существуют лишь в сознании мужчин и женщин, создавших их, дабы иметь возможность винить кого-либо, кроме себя, за те неприятности, которые они сами навлекают на свои головы.

Пага, неся на плече топор, удалился, переваливаясь с ноги на ногу, под изумленным взглядом Хэдона. Но за его словами не последовало ни грома, ни молнии, ни земных толчков. Безмятежно светила луна, тявкали шакалы, раздавался смех гиен, где-то вдалеке слышалось рычание льва. Все было, как и прежде.

Группа продолжала двигаться на юг. Спустя десять дней вышли к реке, верховье которой терялось где-то в горах на севере. Пага повалил несколько деревьев своим топором с острыми краями, а сучья дружно обрубили бронзовыми топорами. При помощи огня и топора мужчины придали бревнам форму челноков и соорудили скамьи для сиденья. Сиденья вставили в желоба, выдолбленные изнутри, и для безопасности прикрепили деревянными скобами. Снаряжение, доспехи и оружие убрали под сиденья и с помощью весел, изготовленных из длинных деревянных чурбанов, отправились в путь.

Течение здесь было быстрое, и Хэдон надеялся, что оно таким и останется еще на протяжении сотен миль. Одно удовольствие ощущать, как течение берет на себя основную нагрузку, а потому путешественникам не приходилось прилагать больших усилий, налегая на весла. Добыть пропитание также не составляло труда. Река полнилась рыбой, и на ее поверхности и по берегам в изобилии водились утки и гуси. Рыба споро ловилась на крючок, также легко удавалось проткнуть ее копьем, а огромное количество крокодилов и гиппопотамов гарантировало, что путешественники не будут испытывать недостатка в мясе, хотя охота на них весьма опасна. Джунгли, тянущиеся вдоль реки, служили пристанищем различного вида антилоп. Не было недостатка и в растительной пище: в рационе присутствовали разные ягоды, орехи и разнообразная зеленая капуста.

К тому же у Хэдона теперь появилась возможность разговаривать с Лалилой, поскольку ее место в челноке располагалось прямо перед ним. По мере того как безмятежно уходили дни, образ Авинет все больше и больше удалялся из мыслей и сердца Хэдона, вытесняемый образом Лалилы, с каждым днем становящимся все более и более ярким. Временами он испытывал страдания от уколов, которые трезубцем наносила ему

его совесть, но не мог контролировать крепшее чувство любви к Лалиле.

Хэдон считал добрым знамением то, что они нашли эту реку. Однако на десятый день путешествия он изменил свое мнение. Болотистые берега, которые плавно спускались к реке, неожиданно сменились крутыми и скалистыми, а течение зажатой между ними реки стало гораздо более сильным. Прошло несколько часов, река еще глубже погрузилась в скалы, и в полночь вершины скал по обеим сторонам реки уже высились над ними на двадцать пять футов. Течение было слишком сильным и потому вернуться на веслах вверх по реке не представлялось возможным. Над ними шумел сильный ветер, а спустя полчаса полил дождь, настолько сильный, что временами Хэдон задумывался, не обрушилась ли на них река с высоких небес. Он поручил Паге и Абет вычерпывать воду из лодки кожаными шлемами, а сам с Лалилой и двумя солдатами на корме управлял веслами.

Над головой, свирепо освещая темноту и пугая их, раскалывались молнии. При свете вспышек определили, что теперь их окружали скалы футов пятьдесят высотой. Хэдон не нуждался в свете молний для того, чтобы понять, что вода стала намного более бурной, река стала еще более узкой; челноки начали натыкаться на огромные каменные глыбы.

Затем челноки прошли поворот и оказались во власти быстрины. Ничего не оставалось делать, кроме как молиться Кхо и неведомому речному божку и мчаться вперед. Лодки то вздымались на гребень волны, то падали вниз, то поворачивались вокруг себя, временами ударяясь о расположенные перпендикулярно к ним стены каньона. Однажды при свете вспышки Хэдон оглянулся назад. Он увидел, что третья из следующих за ними лодок, завертелась волчком, корма ее вдребезги разбилась об огромный камень у стены. Когда он опять оглянулся во время следующей вспышки молнии, лодка и плывшие в ней люди исчезли в пене. Бледное лицо Лалилы было напряжено. Пага побледнел, но улыбался Хэдону, большие зубы его смотрелись, словно золотые вставки в высеченном из алебастра черепе.

Это был последний взгляд Хэдона назад. Остаток пути целиком поглотил его силы и внимание. Он пытался удержать

лодку, старался вырулить между грозящими столкновением скалами, временами отталкиваясь от стены каньона и удерживая лодку от катастрофы.

Все было бесполезно. Челнок поднимался все выше и выше по волне с белыми барашками, сильно накренился влево, поскольку бок суденышка скребся о стену, и перевернулся. Уже падая в водоворот, Хэдон услышал вопль Лалилы. Что-то тяжелое ударилось о его плечо — лодка или камень? — и вскоре голова Хэдона показалась на поверхности воды. Он снова ушел под воду, будто речной божок схватил его за лодыжки. Ободравшись о камни, пробился вверх, услышал грохот, который был еще громче, чем производимый стремниной шум, потом Хэдона выбросило наружу и вниз. Наполовину в воде, наполовину в брызгах он почувствовал, как плотный слой воды ударил его, затем, погрузившись на глубину, ободравшись вновь о каменистое дно, пробился вверх и неожиданно оказался в сравнительно спокойной воде. Течение все еще было сильное, и Хэдону пришлось приложить много усилий, чтобы пробиться к берегу.

Он вылез на покрытый травой отлогий берег и сел, отдуваясь. Затем он увидел Лалилу и ребенка, которые цеплялись за дно перевернувшегося челнока, и поплыл им на помощь. Лалила, задыхаясь, крикнула:

— Держи Абет! Я могу справиться сама!

Девочка, казалось, была в меньшей опасности, чем ее мать. Она уверенно плыла к берегу, и Хэдон, услышав сквозь грохот водопада крик, поплыл на него. На минуту огромная темная голова Паги показалась на поверхности воды. Хэдон нырнул и, случайно или по милости Кхо, коснулся Паги. Ничего не видя, он вытягивал руки, наконец вновь дотронулся до человечка, ощупал его руки по длине, ощутил прикрепленный к запястью ремень и понял, что на другом его конце находился предмет, явившейся причиной того, что человечка утащило вниз. Топор. Удивительно, что Паге удалось выплыть наверх хотя бы раз.

Хэдон схватил Пагу за длинные волосы и с трудом поплыл вверх. Уже на поверхности, влекомый течением, он заметил Лалилу и ребенка, которые ползком выбирались на берег. Хэдон, одной рукой держа Пагу под подбородком, тащил его на

берег примерно в пятидесяти ярдах от них. Голова Паги все еще оставалась под водой, но он не оказывал Хэдону никакого сопротивления. Вдруг Хэдон почувствовал под ногами дно и встал на ноги. Он поднял Пагу над водой и пошел к берегу. Там он положил коротышку лицом вниз, одна рука человечка была вытянута, а топор все еще оставался в воде. Пага закашлялся и захрипел, изо рта и носа хлынула вода, но он был жив.

Так же неожиданно, как и начался, дождь прекратился.

Несколько лодок, некоторые перевернутые вверх дном, несло течением. Мимо проплывали Тадоку, книжник и бард, и Хэдон в который раз погрузился в воду, чтобы помочь им. Тадоку обошелся без него, но книжник и бард едва ли справились бы без помощи Хэдона. Все трое были разбиты, окровавлены.

Хэдон вновь пошел вброд по пояс в воде, ухватил жрицу клемкаба и подтащил ее к берегу. Мимо течение несло несколько челноков, в одном из них находился сержант клемкаба, за лодку цеплялся рядовой из клемклакор. Еще пятерым мужчинам удалось выбраться на берег; они рассказали, что их две лодки оставались невредимыми вплоть до водопадов.

Хэдон подумал, что этого следовало ожидать: высоте водопада пятьдесят футов.

Хэдон вновь нырнул и вытащил на берег человека. Похоже, он был последний, кого они видели. Остальных или затянуло в водоворот бездны водопада или течение пронесло под водой. Из пятидесяти шести человек, покинувших аванпост вблизи Мукхи, в живых осталось лишь двенадцать. Кроме топора Паги и ножей в ножнах, у оставшихся оружия не было.

— Я не думаю, что даже речному божку удастся одолеть Квазина, — сказал бард. — Наверняка, он не мог утонуть. Это слишком заурядная смерть для такого героя. Если ему суждено умереть, то это должно произойти в окружении горы трупов его врагов, сам он и его дубина непременно обагрились бы кровью, а Сисискен парила бы над ним в ожидании того мгновения, когда она сможет взять с собой его душу в сад, заранее приготовленный для величайших героев.

Пага, уже державшийся на ногах, несмотря на слабость, недоверчиво фыркнул:

— Он, хотя и гигант, но все же человек, а для реки все люди равны.

Коротышка бросил взгляд вверх на Хэдона, странно улыбаясь:

— Теперь я твой раб, Хэдон. Я обязан тебе жизнью. Однажды Ви спас мне жизнь, и я стал, в соответствии с обычаями моего народа, его собственностью.

— Теперь ты не среди своего народа.

Пага сплюнул:

— Это правда. Правда также и то, что моего народа больше не существует. Выжил только я, Пага, уродливый одноглазый коротышка, отверженный. Но я хочу следовать традиции, и теперь я твой, Хэдон. Надеюсь, что принесу тебе больше удачи, чем я принес Ви. Однако я также принадлежу и Лалиле, и окажусь в очень затруднительном положении, если мне придется выбирать между вами двумя.

— Если я добьюсь своего, она и я станем одним целым, — почти отчеканил Хэдон.

Это заявление удивило его, но, похоже, Лалила поразилась еще больше. У нее перехватило дыхание, и она посмотрела на Хэдона с неподдающимся прочтению выражением лица.

— Итак, все идет своим путем, — подытожил Пага. — Однако этого и следовало ожидать.

Лалила не произнесла ни слова. Хэдон, чувствуя себя в дурацком положении, отвернулся. В этот момент остальные закричали. И тут Хэдон увидел массивную темную голову Квазина, появившуюся в брызгах на бурлящей поверхности воды ниже водопада. Он медленно плыл к ним, и, когда встал на мелководье, из глубокого пореза на боку ручьем потекла кровь. Квазин не обращал на рану никакого внимания. Лицо его потемнело и исказилось от ярости.

— Я потерял свою дубину! — рычал громила. — Моя драгоценная дубина! Выпала из рук, когда я силился уцепиться за камень! Я нырнул за ней, но течение, слишком сильное даже для такого гиганта, как я, снесло меня! Где этот речной божок? Я схвачу его и буду душить до тех пор, пока он не отдаст мне мое оружие!

— Храбро сказано, — ухмыльнулся Пага.

Квазин уставился на коротышку:

— Я могу наступить на тебя и вдавить в землю, будто отвратительную ящерицу, уродец. Не серди меня, поскольку я горю желанием убить кого-нибудь. Кто-то должен заплатить за мою потерю!

Пага поднялся на ноги и принялся развязывать узел, которым был привязан ремень к запястью.

— Этот топор чуть не погубил меня. Из-за него убили Ви. Я не думаю, что те желтоволосые преследовали бы нас с таким рвением, не гори они желанием заполучить топор, хотя с такой же долей вероятности можно предположить, что они стремились захватить Лалилу. В любом случае, я убежден, что Топор Победы, как иногда я называю это оружие, какое-то время приносит удачу своему владельцу, а затем доводит его до гибели.

Развязав узел, он протянул топор Квазину.

— На, гигант, держи подарок от карлика. Возьми топор и пользуйся им как подобает. Ви за несколько дней за своей гибели распорядился, как мне поступить в случае его смерти. Я сказал Ви, что не хочу владеть топором как своей собственностью. Я пообещал, что буду носить топор только до тех пор, пока не встречу достойного человека. Ты как раз тот, кто нужен, поскольку сомневаюсь, что на земле есть кто-нибудь сильнее тебя. Но предупреждаю: удача, которую приносит оружие, не длится долго.

Квазин взялся за древко правой рукой и стал вращать топором.

— Ха, вот это могучее оружие! С его помощью я смогу сокрушить орды!

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Пага. — Но тот, кто любит убивать, в конце концов обязательно будет убит сам.

— Меня не волнуют твои дикие суеверия! — проревел Квазин. — Однако я благодарен тебе, человечек, хотя, наверное, ты не ждешь от меня любви за этот подарок!

— Подарки не приносят любви ни тому, кто дарит их, ни тому, кто их получает, гигант, — проговорил Пага. — К тому же я люблю Лалилу и Абет и, полагаю, Хэдона. Большего мне и не надо. А что касается твоей любви, так ты любишь лишь себя.

— Берегись, коротышка, или ты станешь первой жертвой своего собственного дара!

— Слон всегда трубит при виде мыши, — парировал Пага.

Топор и в самом деле был любопытной штукой. Если бы Хэдон не был фехтовальщиком, он, скорее всего, страстно желал бы иметь такой же. Массивная головка топора была столь тяжела, что лишь очень сильный человек мог им пользоваться. Топор, грубо исполненный из куска железа и какого-то другого металла, имел острый край. Рукоятка, по словам Паги, была изготовлена из прочной кости задней ноги антилопы[10] какой-то породы, которая встречается только в северной части земель за Звенящим Морем. Этот зверь вдвое больше антилопы канны. У него нет рогов, но на голове какие-то костяные наросты, острыми веточками расходящиеся во все стороны. Это животное Пага выкопал из болота, в котором зверь пролежал так долго, что почти превратился в камень. Человечек проделал глубокое отверстие на одном конце кости, чтобы вставить туда шейку топора, и перевязал его полосками шкуры похожего на антилопу существа, но меньших размеров[11]. После того как древко и сам топор были накрепко скреплены меж собой при помощи этих полосок, Пага завязал узлами их концы и залил соединения смолой нагретого янтаря. Костяное древко также обмотал полосками шкуры. На другом конце кости, которая по крепости не уступала слоновой, имелась выпуклость — сустав. Пага так отшлифовал ее, что получился гладкий шар.

— Ты забыл, что ранен? — спросил Хэдон Квазина.

Квазин изумленно взглянул на свой бок:

— Мне нужно заняться раной. — И поспешил показать ее жрице, чтобы та позаботилась о ней.

Остаток дня путники провели, занимаясь изготовлением копий. Мужчины нашли несколько похожих на кварц камней, которые Пага затесал, придав им остроконечную форму. Пага единственный из всех владел этим искусством. Хэдон внимательно следил за его действиями: вдруг вновь понадобится изготовить оружие из камня.

В конце концов Хэдон решил, что простого наблюдения недостаточно. Он попросил Пагу научить его, и после нескольких болезненных ударов, разбив в кровь пальцы, Хэдону удалось отколоть от «мамы», как называл Пага ту часть камня, с которой

[10] Гигантский ирландский лось. *(Прим. автора).*

[11] Северный олень. *(Прим. автора).*

следовало работать, «дочек». Первый камень Хэдон испортил, но со второй попытки сделал вполне сносный, по мнению Паги, наконечник копья, но особой похвалы, однако, не удостоился.

— Когда-нибудь это умение может спасти твою жизнь, — заметил Пага.

Той ночью Хэдон долго не мог уснуть из-за боли в боку, которым он ударился о камни быстрины, да и опухший от работы с камнем большой палец беспокоил его. Когда же наконец сон одолел его, ему пригрезилось, что к нему пришла Авинет; сперва она укоряла его в неверности, потом стала предупреждать о большой опасности. Хэдон очнулся от сна; все, не считая двух охранников, находившихся вблизи, под деревьями, еще спали. Над головой Хэдона проплыл призрачный филин и заставил его задуматься, не является ли это знамением, посланным Кхо. Но что толку в знамениях, если непонятно, что они означают?

Тем не менее остаток ночи Хэдон провел без сна в раздумьях о том, что произошло нечто ужасное. Вдруг он заметил, что Лалила села и смотрит на него. Луна светила ярко, да и Лалила находилась достаточно близко от него — он мог разглядеть на ее лице то же самое не поддающееся разгадке выражение. Хэдон хотел заговорить с ней, но она улеглась обратно, а он вновь погрузился в свои мысли.

Глава 15

Поднялись на рассвете. За час в джунглях путешественники насобирали столько ягод и орехов, что их хватило наесться досыта, потом они вновь отправились в путь. Не успели пройти и двух миль, как Хэдон заметил два челнока, зацепившихся за упавшее дерево на другом берегу реки. Один челнок перевернутый, другой стоял правильно. К несчастью, рядом плавали крокодилы. Поскольку ширина реки в этом месте составляла четверть мили, Хэдон подумал, что плыть к лодкам не очень-то разумно. Но в них могло находиться спрятанное под сиденьями оружие. Хэдон питал слабую надежду, что в одной из лодок сохранился его меч.

— Если удастся добраться до лодок, то Квазин выдолбит из дерева еще одну, и тогда мы вновь станем двигаться быстро, — рассуждал Хэдон. — А посему предлагаю сделать отвлекающий маневр. Подкинем этим ящерицам аппетитную пищу чуть ниже по течению.

Легче сказать, чем сделать. Мужчины разбрелись по джунглям, пытаясь отловить животное, чья туша была бы достаточно большой, чтобы служить приманкой для этих огромных рептилий. Лалила, ребенок и Пага остались на берегу под охраной двух солдат.

В сумерках голодные, усталые и измотанные охотники вновь встретились на берегу. Ни одному из них не удалось поймать что-нибудь достаточно крупное, но все же удалось подбить камнями трех обезьян. На берегу, к всеобщему удивлению, охотников поджидал утопленный в грязи челнок, в котором сидел ухмыляющийся Пага.

Хэдон спросил Пагу, как ему удалось совершить такое. Пага еще не закончил свой рассказ, но Хэдон все понял, виня себя за недостаточную сметливость. Пага прошел пешком вверх по реке до того места, где крокодилов, похоже, не было. Он переплыл на другой берег, спустился пешком обратно, и при помощи ветки догреб на одном из челноков назад. Течением его снесло на милю вниз, но вернулся назад пешком по мелководью, толкая лодку впереди себя. Пага наклонился к челноку и вытащил оттуда предмет, при виде которого у Хэдона вырвался крик радости. Это был Каркен, его меч.

— Похоже, я становлюсь распространителем оружия, — ухмыльнулся Пага.

— Не такой уж ты бесполезный, как можно судить по твоему росту, коротышка, — заметил Квазин.

— На суше морские собаки выглядят неуклюжими, но в океане они быстры и изящны, — тотчас нашелся Пага. — Мой ум — тот же океан, гигант. Ты бы утонул в нем.

— Если бы ты не отдал мне свой топор, малыш, я бы раскроил тебе череп и выпустил наружу твой океан.

— Не слишком ли много благодарности? — поинтересовался Пага.

— Квазин, возьми в руки топор, займись делом и попридержи свой язык, — велел Хэдон. — Изготовь несколько весел,

чтобы мы могли пересечь реку и добраться до другой лодки. А после того сруби дерево, чтобы сработать еще один челнок.

— Топор затупится, —заупрямился Квазин. — Да и я не плотник.

Но все же повиновался, и, когда Хэдон и Тадоку перебирались на веслах через реку, сзади до них доносились крепкие удары топора Квазина по стволу дерева.

Спустя три дня вновь отправились в путь. На этот раз Хэдон принял решение: если отряд окажется в каньоне, сразу же отойти обратно вверх по реке и пойти пешком вдоль нее. Река, однако, несла свои воды довольно спокойно; берега лишь слегка возвышались над уровнем самой реки. Если бы не мухи, докучавшие днем, и не москиты ночью, жизнь путников можно было бы считать почти идиллией. Даже громила Квазин на какое-то время превратился в достойное человеческое существо, хотя Хэдон опасался, что сдержанность кузена, в конце концов, обернется взрывом дурного нрава. Квазин же, однако, уговорил женщину из рода Клемкаба выйти за него замуж, и это, казалось, как-то умиротворило его. Ее остальные мужья не очень-то радовались такому повороту событий. Они жаловались, что гигант попросту губит ее, и она неспособна после него иметь дело с другими мужчинами. Хэдон не обращал на их жалобы никакого внимания. Как поступает женщина со своими супругами — целиком ее дело, пока это не мешает соблюдению дисциплины.

Спустя пятнадцать дней путешественники вошли в большое озеро, которое буквально кишело тысячами уток, гусей, цапель, журавлей, розовых фламинго и гигантских размеров фламинго голубовато-черной окраски, которые в Кхокарсе были неизвестны.

При помощи весел люди Хэдона перебрались на другую сторону озера и, обследовав берег, выяснили, что выхода из озера нет. С неохотой отряд оставил челноки и отправился в путь пешком. Через нескольких недель путешествия сквозь желтоватые травы, напоминавшие цветом львиную шкуру, путники увидели первые вершины протяженного горного кряжа, некоторые из них покрывал снег.

— По моим расчетам, это горы Саарес, — утверждал Хинокли. — Если нам удастся найти проход, ведущий к Миклемресу,

мы сможем проследовать на юг, и на этом наше путешествие закончится. Если же нет, придется идти на восток до тех пор, пока не обогнем горы, а затем двигаться на юг, к Кветруту.

— Я никогда не думал, что мы заберемся так далеко, — удивился Кебивейбес. — Как далеко мы ушли, Хинокли?

— Прошел год и один месяц с тех пор, как мы покинули Мукху, — сообщил книжник. — Если обнаружим проход, нам потребуется более двух месяцев, чтобы добраться до Миклемреса. Найдем проход сразу же — тогда меньше.

«За год многое могло произойти в Кхокарсе», — подумал Хэдон. — Может быть, Авинет решила, что я мертв и выбрала себе в мужья другого?

К своему удивлению, Хэдон вдруг понял: в душе он надеется, что она именно так и поступила. Тогда он стал бы свободен и мог просить Лалилу выйти за него замуж. Не так-то просто отказаться от трона, но Лалила стоила того. Однако до сих пор она не выказывала никаких признаков благосклонного отношения к Хэдону, кроме теплой дружелюбности. Он давно спросил бы ее о чувствах к нему, не будь он помолвлен с королевой. А что если Лалила ответит ему согласием, а он, добравшись до Кхокарсы, обнаружит, что Авинет все еще ждет его? Она может — нет, она непременно убьет его и Лалилу. Что ж, он погибнет, но наверняка Авинет не осмелится тронуть ту, которая находится под покровительством самого Саххиндара.

Когда они подошли к подножию гор, Мамона, женщина из рода Клемкаба, вынула из болтающегося на поясе мешка резные зубы козы. Вращаясь против движения солнца, она принялась распевать, а затем бросила зубы в пепел, оставшийся на месте лагерного костра. Изучив образованный ими узор, она сообщила, что им следует двигаться на запад. Спустя несколько дней они должны выйти к военному аванпосту, который охранял вход в ущелье. И действительно, спустя пять дней люди увидели стены аванпоста и сторожевые башни из дубовых бревен.

Часовые заметили отряд задолго до того, как люди стали карабкаться по склону огромного холма, и путешественники уже издалека услышали бой барабанов и звуки медных труб. Немного погодя в их сторону рысцой побежал отряд солдат,

сверкая на солнце бронзовыми доспехами и наконечниками стрел. Хэдон представился офицеру, и тот послал гонца к коменданту, чтобы как можно быстрее доставить ему это известие. Таким образом, прибывшие вступили на территорию аванпоста под звуки фанфар и были тепло встречены его обитателями. Люди помылись в горячей воде с мылом из животного жира, затем смазались оливковым маслом. Хэдона, Тадоку, Квазина, книжника, барда и троицу с далекого севера пригласили отобедать с командиром и жрицей форта. Остальных отослали обедать в бараки с солдатами, но Хэдон настоял на том, чтобы Мамона сидела вместе с ними.

— Но она же клемкаба! — возразил майор Бохами.

— Да, но она — наша жрица, — объяснил Хэдон. — Без нее у нас не было бы никакой духовной поддержки. К тому же эта женщина приняла огромное участие в заботах о мужчинах. Если бы не она, я сам мог умереть от болотной лихорадки.

— Что ты на это скажешь, Минего? — спросил майор.

Жрица из форта принадлежала к древнему роду, как и многие из тех, кто прибыл с северного побережья Кему. Высокая блондинка с голубыми глазами, красивая, несмотря на крючковатый нос и тонкие губы. Она носила шляпу из перьев орлиных хвостов — знак того, что она жрица Въювоз, богини красноголовой орлицы. Шею женщины украшала цепочка из костей орла, на которой висела крошечная фигурка Въювоз, вырезанная из бедренной кости орла. На ней был кожаный килт, покрытый орлиными перьями, перехваченный на талии ремнем из орлиной кожи. На постаменте, возле которого стояла жрица, на цепи сидела гигантская орлица, пристальным взором вперившаяся в группу людей, будто желая съесть всех. Однако голодной она не была; ее кормили живыми зайцами и змеями.

— Ежели она жрица и делала то, о чем нам рассказал Хэдон, тогда пусть садится с нами, — согласилась Минего. — Но если она противно ест, как едят клемкаба, тогда пусть удалится.

— Я научил ее не шмыгать носом и помалкивать в обществе посторонних, — сказал Хэдон.

Женщину клемкаба позвали за стол; во время еды она сидела тихонько и молчала, пока к ней не обратятся. А это

случалось не часто. Еда была превосходной. Хэдон позабыл о своей обычной умеренности и отведал нежную куропатку, начиненную хлебом из двузернянки, сладкие гранаты, бифштексы из домашнего буйвола с подливой из заячьего сока, ягоды мовомет (самые сладкие в мире), суп из окры, в котором плавали утиные потроха и жареные матки термитов (редчайший деликатес). Он не отказал себе также в удовольствии выпить слишком много медового напитка, охлажденного льдом с гор. Первый раз в жизни Хэдону довелось отведать охлажденных напитков, но если ему предстоит стать королем, он сможет иметь их в своем распоряжении хоть каждый день.

Квазин ел в три раза больше, чем все остальные, проглатывая пищу с жадностью и шумом, чавкая и хрюкая, а когда закончил, громко рыгнул. Жрица нахмурилась:

— Хэдон, у твоего человека из рода Медведей манеры грубее, чем у клемкаба.

Квазин, лицо которого налилось кровью, уставился на нее:

— Жрица, если бы ты не была святой, я съел бы и тебя тоже. Ты выглядишь достаточно аппетитно.

— Он долгое время отсутствовал, находясь в Пустынных Землях, — поспешно вмешался Хэдон. — Я уверен, что он не хотел обидеть вас. Разве это не так, Квазин?

— Я длительное время находился в изгнании, — подтвердил Квазин. — И не собираюсь обижать первую же, не считая Лалилы, встретившуюся мне красавицу.

— Квазин? Квазин? — спросила жрица. — Говорит ли мне что-нибудь это имя?

— Что? — зарычал Квазин, распространяя брызги медового напитка по своей бороде. — Ты не слышала о Квазине? Ты что, всю свою жизнь провела в захолустье?

— Я родилась здесь, — ледяным голосом произнесла Минего. — Дважды я была в Миклемресе, один раз я пробыла там пять лет, посещая Колледж Жриц, второй раз я присутствовала на коронации верховной жрицы города. Но нет, дикарь, я никогда не слышала о тебе.

— Я думал, тебе известно... — пробормотал Бохами.

Минего резко повернулась к нему:

— Известно что?

— Это именно тот громила, который изнасиловал жрицу Кхо в Дитбете и убил ее стражников, — произнес майор слабым голосом. — Вместо того чтобы подвергнуть кастрации и бросить свиньям, его сослали в изгнание. Такой приговор был объявлен Голосом Самой Кхо.

— Почему ты не сказал мне? — спросила жрица.

— Я был слишком занят, пытаясь поудобнее устроить Хэдона и его людей. Кроме того, я думал, что ты знаешь об этом. Не мое дело давать тебе советы.

— И ты мужчина, ребенка которого я вынашиваю, — проговорила женщина. — Надеюсь, он не будет таким же глупым!

Майор покраснел, но не произнес ни слова. Квазин проглотил стакан меда и, рыгнув вновь, протрубил:

— О, жрица, не сердись. Это правда, что я был сослан, но Голос Кхо поведал, что когда-нибудь я возвращусь. Она не сказала, когда именно, вот почему я вернулся, чтобы молить Ее о прощении. Я настрадался более чем достаточно; к настоящему времени я уже, наверное, искупил свой грех.

Жрица поднялась со своего кресла:

— Это решать Кхо! Но тебе запрещено ступать на эту землю, а форт — это граница империи! — Она показала пальцем на дверь: — Вон!

Квазин поднялся, схватившись за край стола массивными пальцами.

— Вон, ты сказала? Откуда — вон?

— Вон из этого форта! — кричала Минего. — Ты можешь спать у ворот, подобно выброшенной собаке; это все, что я могу для тебя сделать, но ты не останешься на этой земле! До тех пор, пока Голос Кхо не возвестит о том, что ты стучишься в ворота, и до тех пор, пока она не скажет, что ты можешь войти!

В какой-то момент Хэдон подумал, что Квазин намеревается опрокинуть стол. Хэдон отодвинул свой стул назад, одновременно посоветовав шепотом Лалиле и девочке уйти от греха подальше. Он заметил, что Пага уже так и сделал. Но Квазину, который весь трясся и глаза которого, казалось, извергают потоки черной лавы, удалось сдержаться.

— Только потому, что я не хочу вновь обидеть могущественную Кхо, я не стану прорываться через форт, убивая всех подряд. Я уйду. Но, жрица, я не намерен околачиваться вокруг, подобно шакалу в поисках объедков. Может пройти несколько месяцев, прежде чем придет сообщение от Голоса Кхо, а я нетерпелив! Я отправлюсь внутрь страны, и горе тому, кто осмелится встать у меня на пути! Я сам пойду к горе Кхо и там отдам Ей себя на Ее милость!

— Если ты попытаешься пройти без Ее разрешения, ты погибнешь! — воскликнула жрица.

— Я учту такую возможность, — бросил Квазин и вышел.

Хэдон пошел вслед за ним и застал его в тот момент, когда он выходил из комнаты, держа в руках огромный топор.

Квазин спросил:

— Эй, кузен, не хочешь ли ты остановить меня?

— Зачем? — спросил Хэдон. — Нет, я не пытаюсь вмешиваться в твои дела. Но, несмотря на то, что ты оскорблял меня и досаждал, словно муха на носу, мне бы не хотелось, чтобы ты покончил жизнь самоубийством. Я умоляю сделать то, что тебе велела жрица. Оставайся здесь до тех пор, пока Кхо не разрешит тебе войти или удалиться.

— Кхо — женщина и, несомненно, к настоящему времени уже изменила свои намерения относительно меня, — произнес Квазин. — Нет, я пойду к Ней и потребую, чтобы Она сказала Сама: да или нет. А что до того, что меня могут убить, прежде чем я доберусь до места, это вздор. Я не собираюсь идти тем путем, где меня могут увидеть. Я прокрадусь сквозь страну, как лисица. Когда доберусь до Кему, уведу лодку и переберусь на ней на остров. А затем пойду тихонько и ночью поднимусь на гору и окажусь пред лицом прорицательницы, Голосом.

— А если Кхо все еще непреклонна?

— Тогда мне только и останется, что изнасиловать жрицу и скинуть храм вниз ударом топора, — ответил Квазин. — Если же я умру, то мне не доведется проявить такую кротость.

— Временами мне кажется, что ты говоришь столь фантастические вещи, — сказал Хэдон.

— Конечно, именно так, — сказал Квазин.

Он вышел из комнаты, которая неожиданно стала казаться значительно большей по размеру.

Хэдон вернулся в столовую. Лалила спросила его:

— Что он собирается делать?

— Квазин и в самом деле безумен, — произнес Хэдон. — Кхо лишила его разума, и я боюсь, что вскоре она лишит его и жизни.

— Возможно, ему лучше уйти, если Она так решила, — сказал Пага. — Квазин — скверное создание, полное алчности и ненависти. Но если губить всех подобных, в этом мире останется всего несколько человек. Для самого Квазина уйти — благо.

— Давайте больше не будем говорить о нем, — попросила Минего. — Лалила, дорогая, присядь, и мы побеседуем о тебе. До того как этот слоноподобный фигляр прервал нас, ты говорила мне, что в своем народе ты являлась жрицей луны.

— Не я, — ответила Лалила. — Жрицей луны была моя мать. Я бы стала ею, если бы мое племя не исчезло с лица земли.

— А каким еще богиням ты поклоняешься?

— Многим. К тому же мы поклоняемся и многим богам. Но самыми почитаемыми божествами являются Луна и Солнце. Они сестры-близнецы, дочери неба, которое передало им во владение свою империю после того, как оно создало первых людей.

— Ах! — выдохнула Минеко. — У нас Солнце олицетворяет бог Ресу, но в древние времена Ресу являлся Бикедой, богиней. В некоторых сельских местностях и горных районах ей поклоняются до сих пор. Точно так же и Бхукла когда-то была божеством войны, но потом ее вытеснил Ресу, и она стала богиней мечей. Все это произошло из-за того, что род Клемсааса, люди Орла, завоевали Кхокарсу, когда она была ослаблена землетрясением и чумой. Клемсааса стремились сделать Ресу главнее, чем Кхо, но им это не удалось. Жрецы Ресу и сейчас не прекратили бороться за первенство, даже несмотря на то, что тем самым искушают Кхо навлечь на себя Ее гнев.

— Я не понимаю, — сказала Лалила, — как могут деяния смертных являться причиной перемен на небесах?

— Это очень сложный вопрос, и ответ на него весьма непрост. Когда я училась в колледже, мне все это объясняли, но чтобы растолковать это тебе, понадобится много времени. Во-первых, мне придется определить технические термины, а это может привести к еще большей путанице. Но ты, возможно, станешь более осведомленной, когда доберешься до города Кхокарса. Поскольку ты жрица луны, хотя бы даже и чуждого нам народа, Авинет, скорей всего, примет решение ввести тебя в сан священнослужительницы.

— По мнению Саххиндара, я действительно смогу принести пользу, если стану жрицей, — призналась Лалила.

— Саххиндара! — воскликнула Минего. — Бог Стрелец являлся тебе во сне?

— Это был не сон, — отвечала Лалила. — Саххиндар во плоти говорил и ходил со мной, как человек, столь же реальный и осязаемый, как Хэдон. Именно он направил Пагу, Абет и меня сюда. Он взял нас под свое покровительство.

— Это правда? — жрица повернулась к Хэдону и Хинокли.

— Правда, Минего, — ответил Хинокли. Я сам присутствовал там, когда Сероглазый Бог поручил нашей экспедиции вернуться в Кхокарсу и проследить, чтобы Лалиле обеспечили безопасность и уважение. Очевидно, вам это неизвестно.

— Но почему вы не рассказали мне этого раньше? Я думала, что ваша экспедиция носила лишь научный характер.

— Времени было так мало, о жрица, — произнес Хинокли.

Минего, казалось, пребывала в замешательстве.

— Я совсем ничего не понимаю. Саххиндар был изгнан Кхо, поскольку ослушался Ее. А потому жрецы Ресу объявили, что Саххиндар — союзник Ресу.

— Он не бог, Минего, — произнесла Лалила, — хотя он подобен богу. Саххиндар сам рассказывал мне, что он всего лишь смертный. Он говорит, что он — путешественник во времени, что родился в будущем, отстоящем от нашего времени примерно на одиннадцать тысячелетий, и что он путешествовал в прошлое при помощи...

Лалила заколебалась:

— В нашем языке нет слова, которым можно было бы обозначить вещь, которая доставила его. Чтобы назвать ее, он

употребил слово из своего собственного языка... машина, мне кажется так.

— А что такое эта... масина? — спросила Минего, не способная выговорить звук «ш».

— Это что-то вроде лодки, на которой установлено устройство, двигающее ее сквозь время, подобно тому, как лодку устремляют вперед деревянные весла.

— Прошу прощения, жрица, — вмешался Хэдон. — Лалила никогда не видела лодок с парусами. Более уместно было бы сравнить время с ветром, который толкает вперед паруса лодки.

— Но именно Саххиндар научил род Кхоклем разводить растения и одомашнивать животных, изготавливать кирпичи, делать бронзу, познакомил их со сложением, вычитанием и умножением, — напомнила Минего. — Произошли эти события два тысячелетия назад. Могут ли люди жить так долго?

— Саххиндар сказал, что в далеком будущем несколько человек владеют эликсиром, предохраняющим от старения, — сообщил Хинокли. — Но я сам слышал, как он отрицал свою божественность.

— Знают ли об этом во дворце? — спросила Минего.

— Знают, — уверил Хинокли. — Могу себе представить, что такое откровение вызвало бурю протеста в колледжах.

— Подобные вещи выше моего понимания, — призналась Минего. — Я слишком долго прожила в этом изолированном месте, чтобы помнить всю философию, которую изучала, будучи молодой девушкой. Пусть в колледжах судят, что это значит. Я пошлю всех вас в сопровождении эскорта к жрице в Миклемресе, а она уже решит, что делать с вами.

— Это уже моя компетенция! — воскликнул майор Бохами. — Здесь я военный командир, Минего, и я распоряжаюсь тем, кому оставаться, а кому отправляться в путь. В настоящее время мы нуждаемся в людях, и я не смогу выделить больше, чем двоих сопровождающих.

— Я слышала, как ты похвалялся, что с пятью человеками можешь отразить любую атаку варваров, — сказала Минего. — Да и последняя неприятность произошла у нас, когда я была еще маленькой девочкой. В округе слишком

мало клемклакор, и они не могли представлять опасности, но что если они нападут на эту группу далеко в горах? Ты ведь знаешь, они частенько пытаются устроить засаду для караванов, снабжающих нас.

Не вызывало сомнения, что майор ощущает необходимость выразить протест против посягательства на его суверенитет, но все же ищет способ согласиться со жрицей.

— Поскольку ты решила так, я признаю, что в твоих словах есть смысл. Я отдам распоряжения, но сделаю это только из-за того, что наши гости столь важные персоны. Желания короля и королевы, а также Саххиндара повелевают мне оказать им все возможное покровительство, которое только мы в состоянии обеспечить.

— Выйдем вскоре после рассвета, — объявил Хэдон.

— Так и следует, — в один голос произнесли Минего и Бохами.

Бохами бросил на нее свирепый взгляд, а она прошептала:

— Сегодня ночью ты будешь спать один, если только не извинишься.

— Значит так тому и быть, — сказал Бохами. — Мне не нравится, что ты подрываешь мой авторитет. Ты можешь советоваться со мной, когда мы наедине, но оставь за мной право отдавать приказы на людях.

Смутившись, Хэдон пожелал им спокойной ночи и быстро удалился.

Глава 16

Отряд, сопровождаемый двенадцатью солдатами, взбирался вверх по узкой тропе, кольцами опоясывающей скалу. Ближе к полудню путники надели на себя шубы из меха горного леопарда, которыми их снабдили. Над ними нависали снега, и это очень тревожило. Солдаты сообщили, что уже не один патруль и караван, доставляющий провиант, погребены под лавинами. И действительно, в форте стал ощущаться недостаток средств в связи с тем, что последний караван был снесен снегами. Сход лавин мог произойти в результате

несчастного случая или его могли вызвать дикие племена, принадлежащие Тотему Медведя. Эти люди, говорили солдаты, являлись потомками горцев, оставшихся после того, как Клемсааса вторглись в Кхокарсу со своими мятежными союзниками из Миклемреса и завоевали разоренную столицу. Поскольку в то время племя клемклакор находилось в состоянии войны с Тотемом Орла, они не принимали участия во вторжении. К их числу добавились сбежавшие преступники и беглые рабы за прошедшие одну тысячу и одиннадцать лет с того времени, как Клемсааса покинули горные кряжи массива Саарес. Говорили, что клемклакор стали настолько многочисленны, что найдись лишь лидер, способный объединить их, как они тут же станут представлять собой весьма опасную угрозу для королевства Миклемрес.

— Клемклакор — это название их рода, — сказал Тадоку. — На самом же деле, несмотря на то, что их большинство составляет народ Медведя, в горах обитает дюжина тотемов, которые в большинстве своем имеют предками беглецов. Но все они являются врагами кхокарсан. Если у нас еще раз случится Лихое Время, они устремятся на Миклемрес, словно саранча. Объединившись, они будут представлять собой достаточно грозную силу. Поскольку они безбожники, то пользуются луком и стрелами, а это делает их втрое опаснее.

Тропа вновь стала изгибами спускаться вниз. К утру второго дня путники согрелись до такой степени, что смогли сбросить шубы. Спустя два дня надели их вновь. На пятый день путешествия всего в четверти мили от себя они заметили медведя. Хэдон почувствовал возбуждение, поскольку ему еще не доводилось видеть это легендарное существо во плоти.

— Ты считаешь, что он большой, но интересно, что бы ты сказал, если бы тебе встретился клакору, пещерный медведь? — заметил Хинокли. — Если верить слухам, на самых высоких горных кряжах еще водятся несколько подобных экземпляров. Те, кому довелось видеть их, говорят, что они такие же большие, как слоны, хотя, несомненно, это преувеличение.

Полдень седьмого дня путешествия застал их в тот момент, когда они шествовали вниз по тропе, проторенной примерно на середине склона горы. Неожиданно земля задрожала, с горы раздался гул. Путники, взглянув вверх,

увидели, как в их сторону катится дюжина гигантских валунов, за которыми следовала масса более мелких камней и снег. Бежать некуда, хотя кое-кто все же бросился наутек. Остальные, и Хэдон среди них, спрыгнули вниз, в лощину, расположенную немного ниже тропы, и распластались на земле. Через минуту первые валуны полетели над ними, ударившись о землю всего лишь в нескольких футах. Другие камни с треском и грохотом последовали за беглецами, один валун врезался в убегавшего солдата, а потом все успокоилось, лишь где-то далеко внизу слышались звуки все еще подпрыгивающих и перекатывающихся камней.

Запорошенные снегом и покрытые пылью, люди осторожно поднялись. Основная масса породы и снега, скользившая вслед за валунами, удержалась в нескольких ярдах над тропой. Кхо защитила их.

Происшествие, однако, не было исчерпано. Сверху, издалека, доносились крики отчаянно боровшихся людей. Хэдон увидел крошечные фигурки, появляющиеся из-за непонятного предмета, напоминавшего вешалку с шубами. Фигурки брели в двух направлениях и вскоре побежали к деревьям, росшим на южных и северных склонах. Немного погодя показалась знакомая фигура. Человек медленно спускался по склону, обходя стороной рыхлые массы, остановившиеся прямо над отрядом, и приближался по тропе к ним. Это был Квазин, действительно выглядевший великаном, в одетой на нем шкуре медведя, покрытый кровью и несущий на плече окровавленный топор. В одной руке он держал за бороды отсеченные головы.

Он бросил головы к ногам Хэдона и прорычал:

— Вот самый большой умелец устраивать засады из всех ему подобных, кузен! Я выследил их задолго до того, как они увидели меня, и крался за ними. Мне не удалось вовремя помешать им сбросить на вас камни, но вскоре я сам сдвинул на них лавину! Я сам! Несмотря на то, что их было два десятка, мне удалось сразить полдюжины еще до того, как они решили, что я, должно быть, оборотень! Затем я надел на себя меха, которые более им были не нужны, и отсек некоторые трофеи. Теперь ты можешь поблагодарить меня, кузен, за то, что я спас тебе жизнь, хотя, если бы с тобой не было Лалилы, я мог бы и не вмешиваться.

— В таком случае Лалила может выразить тебе благодарность, а не я. И что теперь?

— Я отправляюсь в Кхокарсу и буду защищать тебя.

— После того как мы доберемся до Миклемреса, именно ты будешь нуждаться в защите. Как ты считаешь, сможешь ли ты благополучно добраться до Кхокарсы без моей поддержки, которую я могу тебе оказать как будущий король?

— Ты видишь меня насквозь! — засмеялся Квазин.

— Тогда тебе вновь придется подчиняться моим приказам.

— Пусть будет так! Но когда мы попадем в столицу, кузен, и Авинет сравнит меня с тобой, она может изменить свои намерения и взять себе в мужья меня. Как ты к этому отнесешься, малыш?

Лучше, чем ты можешь догадываться, подумал Хэдон, но ничего не сказал в ответ.

Прошло два месяца, в течение которых группа медленно продвигалась вперед, то спускаясь, то поднимаясь. Четыре раза путникам везло, и они смогли избежать нападения банд людей из племени Медведя. Разведчикам удавалось заметить варваров и вовремя предупредить отряд, что давало возможность спрятаться или убежать А затем однажды в полдень, двигаясь по тропе, они увидели внизу равнину, на которой раскинулся Миклемрес. Однако их радость быстро угасла при виде густого дыма, исходившего из двух мест вдоль реки. На следующий день путники с осторожностью приблизились к первому. Не обнаружив ни одного живого существа, они вступили на выгоревшую дотла территорию. Среди пепла лежало множество изуродованных трупов. Сержант из форта, осмотрев в округе, подтвердил то, что им и без того было ясно:

— Люди из рода Медведя. Их, сдается, было не меньше трех сотен.

— Вроде бы здесь не много женщин и детей, — заметил Хэдон.

— Они забрали женщин себе в жены, а детей усыновит племя, и из них воспитают таких же кровожадных чудовищ, как их приемные отцы. — Сержант покачал головой. — Они становятся наглыми. Когда подобное случилось последний раз около десяти лет назад, мы посылали большие карательные

экспедиции, которые очищали горы на многие мили в округе. Генерал Дотипоет собрал три тысячи голов, кроме того задержали пятьсот заключенных, а также множество мужчин, женщин и детей, которых надлежало повесить вдоль дороги. В последнюю минуту верховная жрица дала отсрочку детям.

Отряд потихоньку двинулся дальше, пустив разведчиков далеко впереди себя, и тем же вечером подошел к руинам второй деревни. Здесь они обнаружились такие же развалины и последствия кровавой бойни. Путники двигались без происшествий по этой местности, где росли виноградники, разводились ульи и расстилались поля двузернянки, покуда на пути не встретилось третье селение. Эта деревня была большой и по размеру равнялась двум предыдущим, вместе взятым. Она охранялась бревенчатым фортом, который вмещал три сотни солдат. Начальник форта, Абисила, высокий, нескладный, рыжеволосый мужчина, вышел поприветствовать прибывших. С хмурым видом он попросил их отрекомендоваться. Хэдон назвал имена. Командир посмотрел на него, хмурясь еще больше:

— Я так и думал. Нет никакого сомнения в том, что это ты и то бородатое чудовище. Хэдон из Опара и Квазин из Дитбета, от имени Минрута, короля королей, вы арестованы!

Глава 17

Сопротивляться было бесполезно. Их окружили пятьдесят человек, направив на «гостей» остроконечные копья. В конце концов, Хэдон холодно спросил:

— А в чем состоит обвинение?

— Это мне неизвестно, — ответил Абисила.

— Но это же противозаконно! — вскричал книжник. — В законе ясно сказано, что при аресте человеку обязаны сообщить, в чем он обвиняется!

— Так вы не слышали? — спросил Абисила. — Нет, я полагаю, что вы ничего не знаете. В стране новый закон!

— Почему? — спросил Хэдон, но командир не стал отвечать.

Абисила жестом подал знак своим людям, чтобы те отобрали оружие у взятых под стражу. Хэдон откреплл свой

меч, чтобы передать его Абисиле, но заколебался. Может, ему следует вместо этого отрубить руку командиру и попытаться вырваться? Но если он так поступит, его быстро заколют. И это был еще более сильный мотив для мирной капитуляции — в свалке могли пострадать Лалила и ребенок.

Квазин же, как всегда, не думал о последствиях. Он зарычал, топор его мгновенно мелькнул перед Хэдоном и отсек руку Абисилы. Затем он развернулся и прыгнул на кольцо копий, обрубив и выбив полдюжины наконечников, и уже через несколько секунд отсек две головы и руку. Среди толпящихся вокруг солдат, слишком плотно скученных, чтобы добраться до Квазина, и зачастую просто не понимавших, что происходит, раздались крики, поднялась суматоха. Квазин левой рукой поднял обезглавленный труп и бросил его во внешнее кольцо солдат и сбил с ног троих человек. Затем, размахивая топором и прокладывая себе дорогу копьем, он вырвался.

Несколько секунд его никто не преследовал. Потом второй по старшинству после начальника восстановил порядок, и десять человек бросились вдогонку за гигантом, который скрылся в ближайшей деревне. Остальные окружили отряд Хэдона, вновь направив копья в их сторону. Хэдон вручил свой меч капитану:

— Я предупреждаю вас, что эта женщина, ее ребенок и человечек находятся под покровительством Саххиндара.

Капитан еще больше побледнел и, заикаясь, стал расспрашивать Хэдона. Выслушав объяснения Хэдона, капитан распорядился отвести Лалилу и двоих ее спутников в апартаменты убитого начальника. Тадоку, Хинокли, Кебивейбеса и Хэдона заперли на бронзовые засовы в комнате. Тадоку стал протестовать. Ему сказали, что он официально не арестован, обращаться с ним будут как с заключенным до тех пор, пока его дело не рассмотрят в судебном порядке в Кхокарсе. Книжник заявил, что это противозаконно, но капитан удалился.

Итак, спустя три недели, все, исключая Квазина, находились на борту галеры, державшей курс на город Кхокарса. Хэдону, хоть он и был закован в цепь, разрешалось днем ходить по палубе. Капитану и жрецу дозволялось разговаривать с ним, и от них Хэдон узнал многое о сложившейся ситуации. Минрут, потеряв терпение, стал требовать, чтобы

Авинет забыла Хэдона и вышла за него замуж. Она отказалась, и отец держал ее взаперти в ее апартаментах. Тогда же войска короля захватили город. Преданные Авинет военные и военно-морские соединения были разоружены или истреблены. Храм Кхо, расположенный на склоне вулкана, тоже захватили, а его жриц заключили в тюрьму.

Свершившие все это, очевидно, смелые люди, подумал Хэдон. Даже наиболее фанатично преданные поклонники Ресу не могли не убояться гнева Кхо. Но Минрут пообещал им великие награды. Для некоторых людей власть и богатство оказались намного важнее, чем даже страх перед божествами. Для осуществления своего возмутительного плана Минрут и подобрал подобных исполнителей. Он, однако, не осмелился посягнуть на жрицу-пророчицу, Голос Самой Кхо.

Произошло, конечно, массовое восстание. Бедняки и множество людей среднего класса и верхних слоев общества поднялись отомстить за святотатство. Но у недисциплинированной толпы не было никакого шанса противостоять катапультам, извергающим огненные струи. Войска поклонников Ресу на переполненных улицах метали сотни пакетов с зажигательной смесью в людей и сжигали их заживо. Жилые и торговые районы вокруг Внутреннего Города выгорели дотла, люди гибли тысячами, а центр города, за исключением Внутреннего Города, представлял собой пепелище.

Одновременно были захвачены ключевые центры и другие города острова, и с их населением поступили подобным же образом. Лишь в Дитбете, который всегда являлся колючкой в боку Кхокарсы, восстание увенчалось успехом. Вооруженные силы Минрута там были отбиты. Но сейчас город оказался в блокаде войск Минрута; говорили, что жителям приходится поедать крыс и собак, чтобы не умереть с голоду. Люди не смогут продержаться еще более одной недели.

Часть флота сохранила верность Авинет и Кхо. После ожесточенных сражений корабли флота, которым удалось вырваться, пришли в Товину, Бавуку и Кветрум. Эти города, как и большинство городов империи, ухватились за возможность провозгласить свою независимость. Империя была охвачена пламенем революции. Минрута это не волновало. Он считал, что сможет завоевать ее повторно.

— Могущественный Ресу уничтожит тех смертных, которые упорствуют в своем желании поставить Кхо выше ее природного властелина Ресу! — кричал жрец.

Хэдон ощутил, как ему хочется скинуть в море этого костлявого жреца с горящими глазами. Капитан, хоть и являлся последователем Ресу, вздрогнул. Очевидно, ему не удалось полностью избавиться от страха перед гневом Кхо. К тому же он не привык обходиться без жрицы на борту. Считалось плохой приметой иметь на борту жреца без жрицы. Пикабес, зеленоглазая Госпожа Кему, не благоволила таким кораблям.

Капитан поведал Хэдону о грохоте и землетрясении под городом Кхокарса и облаках дыма, о море горящей лавы, которая изверглась из вулкана.

— Говорят, что Авинет объявила, что сама Кхо собирается разрушить город, — сказал капитан. —Набравшись этих слухов, многие из нас унесли ноги из города. Но Минрут опроверг слова дочери. В глубине горы Ресу сцепился в схватке с Кхо, и, в конце концов, он вышвырнет Ее оттуда. Тогда она займет трон, расположенный несколько ниже, и станет его рабыней.

— И Минрут оказался прав! — трубил жрец. — В противном случае почему лава разрушила священную рощу и затопила храм, сбросив его вниз, и сожгла жриц, находившихся в нем? Почему Кхо, если Она такая уж всемогущественная, позволила так сделать? Нет, это свершил Ресу, а Кхо оказалась бессильной помешать этому!

— Роща и храм разрушены? — спросил Хэдон. — Эти древние святыни?

— Разрушены на все оставшиеся времена! — кричал жрец. — Минрут пообещал выстроить на том месте новый храм, посвященный Ресу!

— А что со жрицей-пророчицей? Она тоже погибла от лавы?

Жрец воззрился на Хэдона и ответил так, будто это ему причиняло боль:

— Похоже, ей удалось сбежать в пустошь за вулканом. Но люди Минрута разыскивают ее. Когда они найдут ее, то приведут обратно закованной в цепи! Как только чернь увидит, что жрица во власти Минрута, то сразу поверит, что Ресу всемогущ!

— Если удастся отыскать пророчицу, — проговорил Хэдон. — Надеюсь, борьба не послужит поводом для того, чтобы Кхо разрушила всю страну и ее жителей?

— Ресу восторжествует, и все пойдет так, как это должно быть уже давно! — воскликнул жрец.

— А что насчет Лалилы? — спросил Хэдон — Какие планы у Минрута в отношении нее? В конце концов, она под эгидой Саххиндара. Сероглазый Бог сказал, что отомстит за нее, если ей причинят хоть какой-нибудь вред.

Последнее его замечание не соответствовало действительности, но Хэдон не возражал против лжи, если это могло принести пользу Лалиле.

— Откуда мне знать? — сказал жрец. — Он мне не сообщал. Когда она предстанет перед Минрутом, тогда с ней разберутся согласно требованиям законности.

«Или согласно требованиям Минрута, — подумал Хэдон. — Тот, кто издает законы, тот их трактует».

Медленно, неотвратимо проходили дни и ночи. В очередной раз Хэдон, желая оставаться в форме, обратился с просьбой разрешить ему сесть на весла. Капитан был возмущен, но после короткой дискуссии согласился. Во время работы на Хэдона надевали наручники и ему не позволялось разговаривать с другими гребцами. Капитан не желал, чтобы среди матросов распространялись подрывные разговоры.

Прошло много времени, и наконец из-за горизонта показалось северное побережье. Галера пошла вдоль линии берега, который вначале на многие мили простирался плоскими сельскохозяйственными угодьями. Затем им на смену поднялся горный кряж, Саасавабет. Хэдон подслушал разговор между капитаном и жрецом об укрывавшихся там партизанах и об экспедициях, снаряженных для борьбы с ними. По-видимому, семь горных районов острова представляли собой цитадель верных приверженцев Кхо.

Горы Саасавабет вновь сменились сельскохозяйственными угодьями, но уже через несколько дней корабль находился против Кхосааса. Галера оставила горы позади себя, но еще долго они оставались в поле зрения; спустя неделю галера входила в устье залива Гахете. Даже с такого расстояния вершина Кховота была различима. Хотя дым, исходивший

от вулкана, стал виден уже после того, как они миновали Саасавабет. Галера неспешно прошла вниз по заливу, по его правому берегу располагались скалы, по левому — поля. От многих подожженных солдатами Минрута крестьянских хижин и амбаров поднимался дым.

Затем из-за моря показался могущественный Кховот, и спустя два дня уже можно было различить его подножие. На пятый день стала видна Башня Ресу. Теперь эта башня, как сообщил жрец, уже больше не посвящалась Ресу и Кхо. В действительности, он слышал, что Минрут намерен назвать ее своим именем. В сущности, это означало, что король является самим Ресу, что часть души Ресу обитает в теле короля и потому делает его святым. Он будет воплощать в себе бога солнца, а следовательно, его следует и почитать как бога.

— Он на самом деле безумен, — не сдержался Хэдон.

Жрец свирепо взглянул на Хэдона:

— Об этом богохульстве будет доложено Минруту!

— Мое судебное дело от того не станет сложнее, — заметил Хэдон.

Поднялись шпили и башни города Кхокарсы, но не так скоро, как ожидал Хэдон. Наверное, из-за того, что город более не сверкал белизной. На нем осел дым от вулкана, да добавились еще и слои дыма, поднимавшиеся от горящих внутри города зданий.

— За время восстания и последовавших за ним пожаров исчезло тридцать тысяч человек, — сообщил жрец. — Кара Ресу и в самом деле ужасна! Говорят, что Минрут всплакнул, услышав это, но потом стал радоваться. Он сказал, что на то была воля Ресу, и следовательно, определялось необходимостью. Неверные подлежат уничтожению в ритуале очищения страны. Дух богохульства должен быть навсегда подавлен.

— Но как же невинные дети?! — воскликнул Хэдон.

— Грехи родителей падают и на их детей, и те тоже должны платить за них!

Хэдон был слишком потрясен этим безумием и не мог произнести ни слова.

Галера проследовала сквозь воды, когда-то кишевшие многочисленными морскими торговыми кораблями, речными лодками и баржами из внутренних городов и сельских

районов. В нос ударил сильный смрад, исходивший от обуглившихся трупов по руинами, который буквально задушил их. Потом галера проплыла между фортами Сигади и Клайдон, а затем миновала форт на западной оконечности острова Мохази. Корабль направился к юго-западу и повернул на юг, входя в огромный канал. Под бой барабанов галера мягко сбавила скорость между двумя причалами. Заключенных строем провели в здание таможни. Капитан послал гонца с письмом, запечатанным в серебряный ящичек, который крепился к концу золотого жезла. Все это полагалось доставить королю королей, который из этого послания узнает, что герой Хэдон с отрядом ожидают его распоряжений.

Хэдон с любопытством взглянул на Великую Башню, которая и в самом деле внушала благоговение. Ее основание составляло почти полмили в диаметре, а расположенные уступами этажи поднимались почти на пять сотен футов. Но построена она была всего наполовину. Пройдет, вероятно, еще много времени, прежде чем работа над сооружением башни сможет возобновиться. Дважды до этого ее строительство останавливалось на длительные сроки, случалось это в Лихие Времена. А в периоды сравнительного процветания и спокойствия огромные затраты на ее возведение требовали большой, возмутительно большой части налогов.

Прошло два часа, прежде чем появился гонец во главе бегущего рысцой корпуса охранников дворца. Арестованных вытолкали и повели вслед за духовым оркестром в крепость. Вновь довелось Хэдону перейти через ров и подняться по крутым ступеням в акрополь, но на этот раз он прошел туда с западной стороны. И прибыл он не как торжествующий герой, победитель Великих Игр, которому предстояло стать мужем верховной жрицы и королевы королев.

Сквозь огромные ворота они вошли в крепость, а затем последовали по широким улицам, по обеим сторонам которых располагались мраморные храмы и правительственные здания. Многие из них, построенные в древности, имели круглую или девятистороннюю форму. Остальные были квадратные, выстроенные в стиле, который распространился около трех столетий назад. Сам дворец, воздвигнутый из массивных гранитных блоков и являющийся самым древним зданием,

имел девять сторон. Хэдон опечалился, увидев что статуи Кхо и Ее дочерей, поддерживающие крышу огромного портика, стояли обезображенные. Наверняка у того, кто совершил это кощунство, должны отсохнуть руки.

У западного входа их встретил герольд, и заключенных официально представили ему. Стражников, которые привели арестованных, сменили охранники внутренних помещений дворца, а вместо оркестра теперь их сопровождали двое трубачей. Вся группа пересекла широкие величественные залы, по обеим сторонам увешанные произведениями искусства со всей империи. Затем арестованные очутились в огромном тронном зале, сверкающем золотом, серебром, бриллиантами, изумрудами, бирюзой, топазами и рубинами, прошли сквозь проход, образованный молча расступившимися придворными, большинство которых составляли мужчины. Перед тронами герольд остановился, ударил концом жезла о многоцветный мраморный мозаичный пол, инкрустированный бриллиантами, и громким голосом произнес приветствия. На этот раз первые слова приветствия он адресовал Минруту. Заключительная фраза: «И помните, что смерть придет ко всем» была опущена. Вместо нее герольд прокричал:

— Могущественный Ресу, который воплощен в нашем короле королей, правит всеми!

Будто этого было недостаточно, чтобы привести в состояние шока, трон Минрута располагался теперь на более высоком постаменте, а орел-рыба, некогда украшавшая спинку трона Авинет, была прикреплена цепью к трону Минрута. К тому же, если судить по ее размерам, это был экземпляр мужского рода. Минрут, сильно обросший бородой, восседал на троне. Это была еще одна перемена, которую заметил Хэдон среди солдат и придворных, — все были небриты.

Авинет сидела на незамысловатом троне из дуба, облаченная в одежды, которые носили матери семейств после того, как их грудь начинала приобретать обвисшую форму. От шеи до ног ее прекрасную фигуру скрывали объемные льняные одежды. Казалось, она постарела на несколько лет; под глазами — голубовато-черные следы тревоги и бессонных ночей. Но глаза ее, когда она смотрела на Хэдона, ярко блестели.

В зале надолго установилась тишина, прерываемая лишь покашливанием придворных. Долгое время Минрут пристально рассматривал Хэдона, покусывая нижнюю губу. Наконец он улыбнулся.

— Я много слышал о тебе, Хэдон из Опара, с тех пор как ты вернулся на нашу землю! И ничего хорошего! Ты незаконно провел изгнанного Квазина в страну, а за это полагается особое наказание!

Это была ложь, но он, сидевший на троне, мог кривить душой по своему усмотрению. Хэдон подумал, что протестовать бесполезно.

— Однако Квазин более не является изгнанником. Запрет, наложенный на него женой Ресу, больше не действует, и я бы приветствовал героя Квазина, если он отречется от приверженности Кхо. Но он вырвался на свободу из-под ареста и убил при этом моих солдат! Итак, после соответствующих пыток он будет казнен!

«Если тебе удастся схватить его», — подумал Хэдон.

Минрут сделал паузу, уставился на Хэдона, а затем бросил взгляд на Лалилу. Когда он заговорил, голос его звучал мягче.

— Среди прочего мне сообщили и об этой женщине, Ведьме с Моря, я полагаю, ее так зовут. Если она на самом деле ведьма, ее сожгут. Не имеет значения, что, возможно, она добрая ведьма! Добрых ведьм не бывает. Все ведьмы представляют дьявола, а чудеса могут совершаться лишь одними жрецами Ресу!

— Наука отрицает чудеса, ты, безумный дурак, — произнес Хинокли столь тихим шепотом, что Хэдон его едва расслышал. — Чудес не бывает. Наука!

— Но мне говорили, что все ее колдовство заключается только в ее красоте, а за это ее нельзя проклясть! Если мои дознаватели убедятся в том, что она и вправду не занимается магией, ее освободят и станут почитать. Мне нравится то, что я вижу своими глазами, а что нравится королю королей, он принимает близко к сердцу. Я окажу ей честь, взяв себе в жены. Возможно, тебе еще не известно, Хэдон, что теперь мужчины могут иметь больше, чем одну жену.

Авинет пошевелилась:

— Это не согласуется с нашим древним законом, отец. Мы не клемкаба. Принуждать меня к замужеству с тобой также незаконно.

— Я не просил тебя говорить! — сказал Минрут. — Если только ты еще станешь высказываться без моего позволения, тебя препроводят в твои апартаменты, и мы будем содержать двор без тебя!

Авинет посмотрела сердито, но ничего не ответила.

— Законы старины аннулированы. Новые законы правят страной, — заявил Минрут. — Теперь следует решить судьбу ребенка и человечка. Ребенок будет сожжен вместе с матерью, если суд признает ее ведьмой, но я не думаю, что он примет такое решение.

Хэдон вновь испытал шок. Он никогда даже помыслить не мог о такой жестокости. Сжечь ребенка за мнимые преступления ее матери наверняка было еще одним злом, за которое на голову Минрута падет гнев Кхо! Удивительно, что возмездие не настигло его еще раньше. Но Кхо выжидает Свое собственное время.

— Девочка красива так же, как и ее мать, и когда придет время, может также стать моей женой.

Хэдон стиснул зубы и чуть было не бросился на Минрута. Минрут был одержим, как заяц-самец во время брачного сезона. Сейчас ему пятьдесят семь, и хотя поговаривали, что его мужская сила сравнима с прытью молодого бычка, вряд ли он всерьез допускает возможность того, что спустя одиннадцать лет сможет разделить постель с Абет. Или сможет?

— Теперь что касается одноглазого коротышки. Сообщалось, что он оборотень, что по ночам он принимает облик животного, похожего на собаку, животного, которое известно только в землях далеко на севере. Это правда, коротышка?

Пага проговорил:

— Это правда, что меня вскормила четвероногая сука, о король королей. Двуногая сука, родившая меня, выбросила меня в кусты на верную гибель. У нее не было сердца, но у животного, нашедшего меня, сердце было полно материнской любви, хотя, вне сомнения, она бы съела меня, не лишись она незадолго до того своих щенят. Молоко, вкус которого я познал впервые в своей жизни, было ее. Животное — сука —

единственное в этой жизни, любившее меня, не считая героя Ви и Лалилы с ребенком, хотя и бог Саххиндар по-доброму обошелся со мной, да и Хэдон не отказался от меня из-за того, что я уродливый коротышка. Я не оборотень, о король королей, хоть я наполовину и зверь и горжусь этим. Часто звери более гуманны, чем люди. Но полнолуние влияет на меня не больше, чем на тебя, а возможно, даже меньше.

— Великие слова маленького человека, — сказал Минрут.— Я не буду вдаваться в смысл твоего последнего высказывания, поскольку ты все равно что-нибудь наврешь. Кроме того, ты встречался с Саххиндаром, Сероглазым богом. Он младший брат могущественного Ресу, его невзлюбила Кхо. Как и ты, он был отвергнут своей матерью и воспитывался лемурами в лесах. Именно он даровал людям растения и научил разводить их и одомашнивать животных, научил людей считать, а также производить бронзу. Даже жрицы признают это, хотя они говорят о том, что он совершил преступление против божества, предоставив эти дары, не дожидаясь, когда Кхо объявит о том, что настало время для них.

Говорят, что женщина и ребенок, а также и ты взяты под покровительство Саххиндара. Это и в самом деле правда, Лалила?

— Это действительно правда, — ответила Лалила. — За это может поручиться Хинокли.

— Но правда ли также и то, будто Саххиндар утверждал, что не является богом, что он всего лишь человек, хотя и необычный? Это правда, Лалила?

— Это правда, — подтвердила Лалила.

— Боги говорят неправду смертным. Но если он придет сюда, мы произведем дознание. И если выяснится, что он самозванец, то понесет наказание, какое полагается смертным.

— Но он не самозванец! — сказал Пага. — Он не утверждает, что является богом!

— Стукни его толстым концом копья! — закричал Минрут. — Он должен научиться развязывать свой язык только по моему разрешению!

Офицер принял копье из руки солдата, и Пага повалился наземь от удара. Издав стон, он стиснул зубы и поднялся на ноги, качая головой.

— В следующий раз это будет острие, а не тупой конец! — сказал Минрут. — А теперь разберемся с книжником, бардом и Тадоку. Они также сопровождали Квазина, а потому должны разделить вину за убийство моих солдат. Майор, отведите их вместе с Хэдоном и коротышкой в камеры, приготовленные для предателей.

— Королева и Кхо навеки! — вскричал Тадоку.

Это были его последние слова, смелые, но нелепые здесь. Минрут выкрикнул приказ, и Тадоку, пронзенный тремя копьями, упал замертво. Хэдон поклялся, что если когда-нибудь ему представится такая возможность, он проследит, чтобы Тадоку похоронили под пилоном героя и принесли в жертву самых хороших быков. Затем под плач Авинет и Лалилы Хэдона увели. Вместе с остальными его подвели к двери, которая выходила к ступенькам, кольцами сбегавшими вниз, еще вниз, ниже длинного зала, по бокам которого горели факелы, и опять вниз — здесь каменные ступени были еще более закрученные, — ниже еще одного длинного зала, и, в конце концов, они спустились по спиральной лестнице. По обеим сторонам двух верхних залов, мимо которых они проследовали, располагались камеры, переполненные мужчинами и женщинами, иногда даже попадались и дети. Хэдону доводилось слышать, что скала под крепостью пронизана туннелями, подобно муравейнику и что сеть ее коридоров и шахт могла сравниться лишь с той, что располагалась под городом Опаром. Но если туннели Опара остались от золотодобытчиков, то подземные коридоры крепости специально сооружались для содержания в них преступников. В этом месте также могли найти убежище обитатели крепости в случае, если завоеватели захватят окружающие здания.

Арестованных провели по залу, высеченному в граните, мимо по преимуществу пустовавших камер. В конце, перед последней дверью, они остановились. Поворотом ключа дверь открыли; в это время с копьями наизготовку рядом с ними стояли тридцать стражников. Столь многочисленный эскорт указывал на то, что заключенные, должно быть, и в самом деле опасные. Но, различив в темноте гигантскую фигуру в глубине помещения, они поняли причины беспокойства стражников.

— Добро пожаловать, кузен! — прогремел знакомый голос. — Входи и наслаждайся гостеприимностью Квазина!

Глава 18

Стражники удалились. Лишь слабый свет факелов в дальнем конце зала освещал помещение.

— Вскоре вы сможете видеть лучше, хотя и ненамного. Прости меня за то, что я до сих пор еще не приблизился к тебе, кузен. Я прикован цепями к стене, железными цепями, не бронзовыми. Когда я попал в камеру в первый раз, этажом выше, я сломал бронзовые цепи и убил четверых, прежде чем стражники забили меня до бессознательного состояния. Я очнулся здесь, закованный в железо.

— Когда они схватили тебя? — спросил Худон.

— Они меня и не схватили. Прикончив десятерых, бросившихся за мной в погоню, я перебрался через реку и скрылся в холмах. Но я был голоден и потому украл теленка с крестьянского двора. Как на грех, мое внимание привлекла к себе дочь крестьянина. Я унес с собой в лес ее и теленка и насытился ими обоими. Но эта сука воспользовалась моментом, когда я повернулся к ней спиной и огрела меня по голове моим же собственным топором! Я очнулся связанным, солдаты ругались и отдувались, стаскивая меня с холма. Этот топор мог бы стать Топором Победы, Пага, но сослужил мне плохую службу.

— Возможно, так и есть, — сказал Пага. — Но в данном случае тебя сгубили глупость и похоть, а вовсе не топор.

— Не думай, что раз я прикован к стене, то не могу добраться до тебя, коротышка. Я вырвал болты из стены и теперь могу дойти до противоположной стены, если только захочу. Все стражники ушли?

— Насколько я могу видеть, — сказал Хэдон.

Раздался скрежет вытаскиваемого из стены металла. Позвякивая цепями, Квазин принялся ходить.

Хэдон обследовал камеру, глаза его, как и говорил Квазин, постепенно приспосабливались к сумрачному свету. Ка-

мера была высечена в граните и имела тридцать футов в ширину, шестьдесят футов в длину и около тридцати футов в высоту. Из отверстия в потолке ощущался слабый приток свежего воздуха.

— Там находится воздушная шахта, достаточно большая для того, чтобы вместить тебя, Хэдон, — сообщил Квазин.— Но добраться туда довольно сложно. К тому же, мне говорили, что примерно в десяти футов находится бронзовая решетка, которая не даст возможности пройти дальше.

— Там будет видно, — бросил Хэдон. Он обнаружил дюжину старых одеял, пахнувших плесенью, огромный сосуд с водой, шесть глиняных чашек и шесть ночных горшков. И это было все. Квазин сообщил, что его кормят только дважды в день. В это время ночные горшки меняют на пустые, хотя и не всегда чистые, и пополняют запасы воды.

— Через несколько часов или около того они принесут еду второй раз, — сказал Квазин. — Я не очень уверен во времени, поскольку потерял о нем всякое представление.

— Не проверить ли сейчас, сможет ли кто-нибудь из нас пробраться в шахту, — предложил Хэдон. — Если тебя, Квазин, использовать в качестве основания, я встану тебе на плечи как второй ярус человеческой башни. Затем Кебивейбес, следующий по росту, сможет вскарабкаться наверх.

— Но если мне и удастся это, — сказал бард, — как я заберусь вверх по шахте? И как насчет решетки?

— Я подниму и подброшу тебя, чтобы ты смог упереться ногами в стены шахты, — проговорил Хэдон. — Надо, чтобы ты выяснил, что там выше. Возможно, охранники лгали, когда говорили Квазину, что там решетка.

— Но я могу упасть!

— Тогда помрешь вскорости через денек-другой. И будь благодарен, поскольку избежишь пыток.

— Я бард. Моя персона неприкосновенна.

— Может, именно поэтому ты в тюрьме?

Кебивейбес простонал:

— Очень хорошо. Но я боюсь, что песни великого артиста погибнут, не успев родиться, в стенах этой мрачной камеры.

— Это в компетенции наводящей ужас Сисискен, — подхватил возвышенный тон Хэдон. — Она хозяйка подземно-

го мира и наверняка недовольна Минрутом и почитателями Ресу.

Квазин уперся руками о колени, встав под отверстием. Хэдон отошел обратно к двери для разбега. Используя спину Паги, который опустился на четвереньки, в качестве трамплина, он запрыгнул на плечи гиганта. Квазин ухватил его за лодыжки. Какое-то время Хэдон покачивался, потом восстановил равновесие.

— Не так крепко, Квазин, — попросил он. — Ты переломаешь мне ноги.

Пага и Хинокли подняли Кебивейбеса так высоко, как только смогли. Он ухватился за талию Хэдона и принялся взбираться по нему. Дважды Хэдон едва не упал вместе с ним, но умудрялся сохранить равновесие до тех пор, пока Кебивейбес ногами не обхватил его спину. Здесь бард застрял, не способный продвинуться хотя бы чуть-чуть выше.

— Ты свалишься, Хэдон, и я с тобой.

Раздался зычный голос Квазина:

— Поднимайся, бард, или я размозжу твою башку о стену.

Кебивейбес застонал и стал мало-помалу продвигаться вверх. Судорожным усилием он толкнулся вверх, дрыгая ногами. Хэдон повалился вперед, и оба, Кебивейбес с воплями, с тяжелым стуком свалились на каменный пол.

Хэдон вскочил на ноги, сердито выговаривая:

— Я просил тебя не делать резких движений! Тебе больно?

— Я думал, что сломал руку. Но, кажется, лишь ободрал кожу. Но очень, очень сильно.

Квазин зарычал и, подцепив Пагу за пояс, швырнул его прямо вверх, в шахту. Пага завопил, но обратно не упал. Хэдон, смотря вверх, едва различал его. Спиной человечек уперся в одну стену, ногами — в другую.

— В маленьком росте есть свои плюсы, — улыбнулся Квазин. — Хотя, наверное, я мог бы так же далеко подбросить и тебя, Хэдон. — Он загоготал:

— Конечно же, не поймай тебя, твоя голова раскололась бы.

— Пага, ты справишься? — спросил Хэдон.

— С большой потерей кожи. Камень твердый.

Они ждали, казалось, целую вечность. Затем послышался голос Паги, который, видимо, ругался на языке своего племени.

Через мгновение он уже находился у отверстия шахты. Квазин что-то сказал, и Пага упал на руки гиганта.

— Ого, волосатый младенец, ты весь в крови, будто новорожденный! Ты и в самом деле вышел из каменного чрева?

— Не более каменного, чем у женщины, родившей меня, — проговорил Пага. — Опусти меня мягко, слон.

— Может быть, ты желаешь пососать? — смеясь, спросил Квазин и силой придвинул голову человечка к своему соску. Пага укусил его, Квазин судорожно завопил, а Пага упал.

— Вы хотите, чтобы сбежались стражники? — рассердился Хэдон. — Тебе больно, Пага?

— Не так, как этому слону, — ответил Пага.

— Если бы мы не нуждались в тебе, я бы размазал твои мозги о стену! — ревел Квазин.

— Твоя вина, гигант, — сказал Пага. — Ты должен принести мне извинения.

— Я ни перед кем не извиняюсь!

— Успокойтесь, если хотите остаться в живых, — просил Хэдон. — Пага, что ты там обнаружил?

— Охранники не лгали. Примерно в десяти футах в верху шахты есть бронзовая решетка из четырех брусков, спаянных между собой в местах пересечения. Толщина перекладин примерно полдюйма. Концы вставлены в отверстия, выдолбленные в камне. Мне удалось согнуть перекладины, но вытащить их из отверстий я не смог.

— Ты, Квазин, слишком огромен, чтобы вскарабкаться вверх по шахте, даже при условии, что нам удастся засунуть тебя туда. Как ты думаешь, ты сможешь затолкнуть меня внутрь шахты?

— У тебя, Хэдон, слишком длинные ноги, — сказал Пага. — Тебе придется согнуться, словно ребенку во чреве матери.

— Моя мама говорила, что я тяжело ей достался, — пошутил Хэдон. — Так или иначе, но я попытаюсь. Квазин, ты должен подбросить меня достаточно сильно, чтобы влетел в шахту. Встань внизу, поймаешь меня, если я свалюсь.

— Конечно же, постараюсь!

— Надеюсь, — сказал Хэдон. — Никому, кроме тебя, я бы и не разрешил такое.

Хэдон объяснил гиганту, как ему следует поступить. Квазин пригнулся, подставил свои ручищи ладонями вверх под Хэдона, который стоял лицом к нему. Затем он приподнял Хэдона, который сам сохранял равновесие, пока его руки не стали на один уровень с коленями. Затем Квазин пригнулся немного и со словами: "Пошел, кузен!", выпрямился, крякнув от усилия. Хэдон вылетел под углом, немного отклонявшимся от перпендикуляра, подтянув ноги. Он походил на снаряд, выпущенный из катапульты. Плечом Хэдон задел стену, откинулся назад, но теперь ноги, прижатые к грудной клетки, немного выпрямились. И он застрял в шахте ягодицами, свисавшими из нее.

— Посмотрите, я же говорил! — кричал Квазин.

— Успокойся, чудовище, или вся наша работа пойдет насмарку, — вопил Пага.

Подъем был очень болезненный и проходил медленно. Нужно было упираться спиной в стену, а ногами проталкиваться на несколько дюймов вверх. Вскоре он ободрал спину. К тому же стены в некоторых местах были скользкими из-за крови Паги. Хэдон сжал зубы и, проклиная все на свете и отдуваясь, добрался до решетки. Она была такой, как описал ее Пага. Он пригнул голову, чтобы посмотреть вниз шахты и увидел Квазина, смотревшегося чуть более светлым пятном в темноте камеры.

— Я собираюсь повиснуть на середине решетки, — крикнул он вниз. — Может, мне удастся ослабить ее своим весом. Потом я вновь упрусь и попытаюсь освободить один ее конец.

— Если ты не сумеешь, я поймаю тебя, — заверил Квазин.

Хэдон ухватился за решетку в ее центре и отпустил ноги. Перекладины погнулись; внезапно со скрежетом они оторвались. Хэдон вскрикнул от неожиданности, но тут же сжал зубы. Тем не менее он подтянул ноги и вновь вытолкнул их обратно. Он скользил дальше и за несколько футов над отверстием шахты остановился. Казалось, его спину покрывают тысячи муравьев.

Он попросил Квазина отойти и с трудом отодвинул решетку, которую держал перпендикулярно, в сторону от себя. Хэдон отпустил ее, она со звоном упала, мгновение спустя он сам свалился на руки Квазина.

— Дело нешуточное. Опусти меня.

— Я принял двойню, — гудел Квазин. — Один с очень коротенькими ножками и волосатый; у другого ноги очень длинные, вдобавок еще и подарок из бронзы. Вы оба и впрямь ужасны.

— Спрячь решетку под одеялами, — велел Хэдон.

— Нет, погоди минутку. — Квазин подобрал решетку и принялся ее сгибать. Спустя несколько минут в руках он держал прут, которым со свистом размахивал над головой. — Вот оружие для тебя, Хэдон, хоть и неважное. Я буду пользоваться болтами на концах моих цепей, как косой.

— Необходимо узнать, что же на другом конце шахты,— сказал Хэдон. — Пага поднимется вновь, поскольку он самый маленький. Но подождем, пока не принесут еду. А то еще заметят, что не хватает одного заключенного.

Хинокли промыл спину Хэдона водой из сосуда. Когда послышались шаги приближающихся стражников, он и Пага сели спинами к стене. Квазин вновь вставил болты в отверстия и оперся на них. Он пожаловался стражникам, что они принесли маленькие порции. Офицер усмехнулся:

— Слабые заключенные — хорошие заключенные.

Хэдон отметил, что на этот раз прибыло всего лишь десять копьеносцев. Хотя и этого «всего лишь» более, чем достаточно.

Еды было недостаточно, чтобы удовлетворить Квазина, а для других ее хватило с избытком. Пища была плохого качества и состояла из холодного супа из окры, черствого просяного хлеба, кусочков жесткой говядины. Но все ели со смаком, а Хинокли отдал Квазину свой кусок мяса.

— Мы должны поддерживать твою силу, — сказал он.

— Я бы желал, чтобы и другие были такими же заботливыми, как ты, — проворчал Квазин. — Мой желудок так же стремится к позвоночнику, как леопард за антилопой.

— Обождем часок, — сказал Хэдон. — Затем Пага поднимется, если пожелает.

— Я не совсем уверен в том, что моя кожа выдержит еще одну попытку.

— На этот раз поднимусь я, — предложил Хинокли. — Хоть я и тощий старик тридцати шести лет, но выносли в. Но

давайте посмотрим, нельзя ли сделать пончо из одеяла. Оно должно предохранить кожу.

Концом бронзовой перекладины решетки Хинокли вырвал отверстие в одеяле и просунул в него голову.

— Последняя новинка моды беглецов, — сообщил он.

Квазину вновь пришлось потрудиться и забросить Хинокли в отверстие. В ожидании его возвращения они то садились, то вышагивали взад-вперед в сумерках камеры. Несколько раз Хэдон всматривался вверх, в отверстие, но смог разглядеть лишь едва различимый исходящий издалека свет. Немного погодя он лег на одеяло, но уснуть не смог. Он как раз собирался подняться, как услышал доносившийся из шахты приглушенный голос Хинокли.

— Я вернулся. Лови меня, Квазин.

Хэдон прыжком поднялся на ноги, и, когда Квазин поставил Хинокли на ноги, спросил:

— Что тебе удалось выяснить?

— Примерно еще в десяти футах выше того места, где была решетка, в горизонтальном направлении отходят две шахты. Отходят одна от другой под прямым углом. Обе шахты достаточно большого размера, так что даже Квазин сможет пройти по ним в полный рост. Я стал спускаться вниз по одной из них и дошел еще до одной вертикальной шахты. По этой шахте, по-моему, осуществляется доступ воздуха в коридор, куда выходит наша камера. В ней установлена решетка, но она располагается всего лишь несколькими дюймами ниже входа в шахту. Наверное, ты сможешь оторвать ее, Хэдон. Я перепрыгнул через нее и продолжил свой путь. Дошел до еще одной шахты, которая под прямым углом отходила от шахты, в которой я находился. Немного вниз, и миновал еще одну шахту. Та шахта, по-видимому, ведет в камеру, расположенную против нашей. Я продолжал идти вниз и прошел мимо того места, где стена, похоже, заканчивалась. Наткнулся на еще одну вертикальную шахту и заглянул в еще одну камеру. Она освещалась ярче, чем наша, из чего я сделал вывод, что она расположена ближе к факелам. Я наблюдал и прислушивался некоторое время, но если камера и была населена, люди в ней пребывали в молчании.

Очевидно, эта камера расположена в коридоре, который не связан с коридором, куда выходит наша камера. Я продолжал

двигаться на ощупь в потемках, и, конечно же, не смог бы увидеть эти шахты, если бы снизу не проникал свет. Затем я дошел до конца. Там, однако, была еще одна вертикальная шахта. Прислушавшись, я услышал доносящееся снизу издалека журчание воды.

Я думаю, что эта шахта ведет к подземному источнику воды, — продолжал Хинокли. — Тебе известно, не так ли, что имеется подземный водный туннель, связывающий крепость с обоими заливами? Если крепость окажется в осаде, ее защитники не будут страдать от отсутствия воды. Конечно, туннель, скорее всего, охраняется, особенно теперь, когда Минрут опасается нападения со стороны почитателей Кхо. Считается, что секрет существования туннеля мало кому известен, но тот, кто рылся в архивах Великой Башни, как это делал я, осведомлен о нем.

— Была ли лестница в водном туннеле? — спросил Хэдон.

— Я пытался ее нащупать, но если она и имеется, то начинается ниже того места, куда может дотянуться моя рука. Затем я пошел обратно, возвращаясь тем же маршрутом туда, где я свернул в горизонтальную шахту. Боясь заблудиться, я тщательно запоминал, где поворачивал влево, где вправо. Я проследовал вниз шахты и оказался в той же шахте, которая упиралась в водный туннель. Дважды мои ноги касались отверстия, ведущие в шахты, и мне приходилось перепрыгивать через них. По мере продвижения от одной к другой свет, исходящий из них, становился сильнее, из чего я сделал вывод, что вплотную приближаюсь к концу коридора, который располагается за нашей камерой. Более того, две камеры были заняты, а я заметил еще раньше, когда мы проходили по нашему коридору, что в двух расположенных ближе всего к низу лестницы камерах имеются узники.

Но шахта, внутри которой находился я, должна проходить за лестницей. Она шла прямо, примерно на пол мили. От нее под прямыми углами отходила дюжина горизонтальных шахт, каждая из которых пересекалась с вертикальной шахтой. Затем я дошел до ее конца и взглянул в верх вертикальной шахты и увидел звезды. Но как добраться туда? Спуск был возможен, поскольку я мог бы опереться

о противоположную стену и затем, упираясь, постараться спуститься вниз. Но подняться вверх было невозможно.

Я пошарил вверху на тот случай, если там окажется лестница. И чуть не закричал. Выше, на стене вблизи от меня была бронзовая перекладина! Я ухватился за нее рукой, раскачался, извернулся, ухватился другой рукой и, подтянувшись вверх, обнаружил еще одну перекладину. Конечно, я чувствовал себя неуверенно, поскольку не знал, как давно перекладины установлены в камень. Их могла повредить коррозия, поскольку шахтам этим не менее тысячи лет. Однако, казалось, что было бы разумным заменять их время от времени. Эта шахта должна являться одним из маршрутов бегства, приготовленным для королевской семьи, и в таком случае ее время от времени должны подвергать проверке.

— Ты нестерпимо многоречив! — воскликнул Квазин.

— Пусть расскажет все по порядку, — возразил Хэдон. — Маршрут надо знать наизусть, не то в темноте будем тыкаться, как слепые.

— А как мне забраться в шахту? — чуть встревожился Квазин. — Вы что, задумали оставить меня здесь?

— Если и оставим, то вскоре вернемся с канатом, — заверил его Хэдон. — Обещаю сделать все возможное, чтобы вызволить тебя отсюда.

— Слово мужчины Тотема Муравья и моего кузена?

— Да. Продолжай, Хинокли.

— Я поднимался выше и выше, пока не оказался над подземными шахтами. Здесь твердый гранит сменился мраморными блоками. Между ними не было строительного раствора, но пальцами я нащупал швы. Я продолжал двигаться. О, да, попав в шахту, я сразу услышал далеко внизу плеск воды и почувствовал, что ветерок стал сильнее и более влажным. Наконец, подошел к отверстию шахты и высунул наружу голову. К тому времени взошла луна, и потому я мог видеть, хотя мешал дым от Кховота.

Теперь я находился на крыше и смотрел на восток. Потом свесился из отверстия и выяснил, что в действительности входом является рот одной из многочисленных резных голов, которые украшают крышу.

— Но крыша дворца имеет куполообразную форму, — напомнил Хэдон. — Не слишком ли крут купол, можно ли по нему забраться?

— Пожалуй, так. Если существуют входы в шахту, они должны открываться из апартаментов самой королевской семьи. И потому, спускаясь обратно по лестнице, я ощупывал стену по обеим сторонам. И в одном месте обнаружил едва заметные границы, очерчивающие продолговатую секцию стены. Она имела форму двери, вот так! К тому же у верхней и нижней части этих едва заметных линий лестница перестала быть непрерывной. Очевидно, ее ступени прикреплены к каменной панели, которая открывается за счет скольжения или падения внутрь. Но я не осмелился простучать ее, хотя надо было бы проверить, есть ли там пустоты. Я подумал, в шахте должно находиться устройство, которое могло бы приводить в действие механизм, открывающий секцию. Но найти ничего не смог. Следовательно, секцию можно было двигать только с другой стороны. Этот маршрут бегства — односторонний.

— Будь у нас факел, мы бы тщательно осмотрели это место, — сказал Хэдон. — Там может находиться нечто, что ты в темноте рассмотреть не смог.

— Факелы есть! — воскликнул Хинокли. — Слушайте! Я добрался до основания лестницы и раскачивался на нижней перекладине взад и вперед, и ногами коснулся входа в шахту. Вернувшись обратно в нее, я ощупал стену в нижнем направлении. Я не смог рукой дотянуться до нижней перекладины, но опустился через край, и действительно, мои ноги вскоре коснулись перекладины. Итак, я стал спускаться вниз, еще ниже, ниже, по-моему, на две сотни футов, добрался до последней ступеньки, опустился, свесив ноги. Кончиками пальцев коснулся сырого камня и затем оказался на каменном полу. На ощупь походил вокруг. Шахта шла вниз примерно на двадцать футов под углом двадцать пять градусов по отношению к горизонтали. Затем я очутился на том, что казалось ровным каменным полом, очень близко от протекающей рядом с ним реки. Осторожно я двинулся вперед, но быстро остановился. Протянутой рукой я наткнулся на дерево и

определил, что это лодка. Она необычная, длинная и узкая, с тонкими стенками. От кормы до носа над ней изгибался деревянный полоз. Похоже, ее построили в расчете на скорость. В ней семь весел.

Я прошел дальше примерно десять футов и оказался у самой воды. Затем вернулся и осмотрел место вокруг лодки. Я обнаружил еще семь других лодок. Тут же рядом напротив стены стояло несколько больших бочек. На крышках имелись бронзовые ручки, и потому мне удалось открыть их и пошарить внутри. В одной находились факелы, фитили, кремень и железки, в другой хранилось сушеное мясо и черствый хлеб. В третьей лежали мечи пехотинцев. А в четвертой я обнаружил длинный моток каната.

— Ты принес сюда что-нибудь из еды? — встрепенулся Квазин.

— Забудь о своем желудке, — бросил Хэдон. — Где факелы?

— Я сделал три ходки, — сказал Хинокли. — На полу шахты, прямо над нами — еда, факел и воспламеняющие материалы, а также два меча. И канат. Он очень тяжелый, но я обвязался одним его концом вокруг пояса и тащил за собой.

— Даже в запечатанной бочке запасы отсыревают через короткое время, — сказал Хэдон. — Они должны время от времени пополняться. В каком они состоянии?

— В хорошем, — ответил Хинокли. — Должно быть, их заложили на хранение не так давно.

— Ты справился отлично, — похвалил Хэдон. — Теперь можно сделать одно из двух. Сейчас же подняться в шахту, втащить при помощи каната этого гиппопотама и направиться к лодкам. Мне кажется, что если мы пойдем по водному туннелю вверх и направо, то продвинемся в северном направлении и выйдем в залив Гахете. Таким образом, мы окажемся вблизи вулкана и сумеем скрыться по Дороге Кхо, обогнув вулкан, и выбраться в пустошь за ним.

Второе — это обождать до завтрака. Мы отдохнем, а стражники не станут контролировать нас вплоть до полудня, пока не принесут пищу второй раз. К тому же видимость днем будет лучше, да и свет, проникающий из шахт, ярче. Но, судя по всему, нас утром заберут отсюда. И потому я говорю: нам следует уходить сейчас.

Хинокли застонал:

— Я устал настолько, что и помыслить не могу о возвращении в шахту. Мои мышцы дрожат, а вся спина ободрана. Одеяло быстро превратилось в лохмотья.

— Пага пойдет первым и спустит канат. Он может поддержать его, когда Кебивейбес и я будем подниматься. Потом мы втащим тебя и Квазина. При условии, что он не окажется слишком огромным и сможет протиснуться.

— Пага, скинь мне сначала немного еды, — попросил Квазин. — Я голоден.

— От еды ты станешь еще тяжелее, слон, и распухнешь так, что не сможешь пролезть. Когда ты ешь, твое пузо раздувается, как капюшон кобры.

— Вы, двое, приготовьтесь, — велел Хэдон. — Каждая минута на счету. И ...

— Кхо, что это? — заревел Квазин.

Хэдон услышал гул и почувствовал легкую тошноту. Нескольких секунд он не понимал, что происходит. Ему казалось, что он стоит на чаше с желе или на плоту, который подбрасывается то вверх, то вниз. Потом он крикнул:

— Землетрясение!

Глава 19

Землетрясение длилось всего восемь секунд, хотя казалось, не прекратится никогда. Арестанты поднялись с пола, подошвами голых ступней ощущая затухающие колебания, источник которых находился где-то глубоко внизу. В коридоре раздались крики заключенных о помощи, им вторили панические голоса стражников.

— Скорее! Воткни болты обратно в стенку! — велел Хэдон Квазину.

Квазин повиновался, но не слишком быстро. Приближался топот ног, и ярче сделался свет факела. Двое стражников остановились перед перекладинами решетки камеры, заглянули внутрь и бросились прочь. Квазин вытащил болты из стены, и Хэдон велел ему забросить Пагу в шахту.

Они с нетерпением ожидали, пока Пага не прокричал им отойти подальше. На пол упал конец толстого каната, изготовленного из папирусных шнуров. Хэдон, обвязавшись им вокруг пояса, вошел в горловину шахты, как оливковая косточка. Пага натянул канат и держал его крепко, пока Хэдон дюйм за дюймом продвигался вверх. Добравшись до горизонтальной шахты, он пошарил вокруг, пока не определил местонахождение факела, кремня, ящика с трутом и железок. Хэдон выбил искры из кремня, и спустя мгновение трут загорелся. Теперь он бросил немного трута на головку факела из сосны, пропитанной рыбьим жиром, который вскоре запылал и задымил. Пага отвязал канат от Хэдона и вновь бросил его вниз. Хэдон поставил факел на пол и стал помогать Паге втаскивать наверх Хинокли и Кебивейбеса.

Квазин обвязался канатом под мышками. Все четверо наверху держали канат, Хэдон и Пага стояли с краю шахты, а книжник и бард тянули его сзади. Триста десять фунтов плоти гиганта и тридцать фунтов бронзовых оков и цепей продвигались вверх медленно. Хэдон крикнул кузену вниз, чтобы он упирался в стены и таким образом облегчил бы их задачу.

— Это невозможно! — объявил Квазин. — С моих плеч сходит кожа; с меня заживо сдирают шкуру! Я не могу упираться!

— Или канат лопнет, или наши руки не удержатся в суставах, — вопил Пага.

— Тащи! — прикрикнул Хэдон. — И что бы ни случилось, не отпускай. Если...

В эту секунду раздался треск, похожий на звук от удара хлыста из шкуры гиппопотама. Затем послышался гул, более громкий, чем в первый раз, и земля закачалась еще сильнее. Квазин от ужаса завыл. Хэдон криком приказал не отпускать канат, и они держали его. Секунд через двенадцать камень успокоился, хотя не стихал далекий гул. Хэдон распорядился возобновить подъем. Квазин, стонущий от страха и от боли из-за содранной кожи, медленно продвигался вверх, подобно птичке, проглоченной змеей, если допустимо сравнение пичужки с гигантом.

Хэдон и Пага были вынуждены часто отдыхать, и когда, наконец, вытянули его из шахты, с трудом дышали от изнеможения.

— Могли бы тащить и помягче, — рычал Квазин, осматривая кровоточащую кожу на плечах.

— Могли бы и оставить тебя застрявшим в шахте, — огрызнулся Пага. — Не думаю, что мне удастся поднять руки.

Они поели, хотя Хэдону и не терпелось отправиться в путь. Он то и дело поглядывал в шахту, опасаясь появления света. Если стражники станут вновь проверять арестованных — неминуема тревога. С другой стороны, солдат, вероятно, охватила паника, и им не до поисков сбежавших. Да и кому захочется входить в шахту, когда можно оказаться погребенным в ней.

— Могущественный Ресу сражается с Матерью Всего, — произнес Кебивейбес. — Мы — муравьи под ногами дерущихся слонов. Будем надеяться, что они не растопчут нас во время своей схватки.

— Нам сопутствует удача, — проговорил Хэдон. — Среди людей короля, наверное, началась такая неразбериха, что им не до нас.

— Ты называешь удачей быть похороненным заживо? — пробурчал Квазин.

— Тихо! Я слышу голоса!

Хэдон посмотрел вниз и увидел огни. Мужчина, стоявший внизу, закричал. Бронзовая дверь со скрипом открылась внутрь, затем показался стражник; он уставился в верх колодца. Хэдон быстро убрал голову.

— Отдохнули мы или нет, необходимо идти, — произнес он. — Солдаты вынуждены пойти за приставными лестницами, но это не займет у них много времени. К тому же у них должны быть и другие входы, неизвестные нам.

Хинокли с факелом шел впереди. Хэдон и Кебивейбес несли мечи; Пага держал один конец каната; Квазин — пищу, которую не переставал поглощать. Когда они были над шахтой, ведущей вниз, Хэдон увидел, как по нижнему коридору бежали несколько стражников.

— Их командир — хладнокровный человек, — заметил Хэдон. — Он будет ревностно исполнять свой долг, даже если на него падет город и...

Хэдон смолк на полуслове. Стены и пол вновь зашатались. Но этот толчок был значительно слабее первых двух. Почти

сразу же они продолжили продвижение вверх по шахте, по которой ранее забирался книжник. Здесь Хэдон сказал:

— Вы все можете идти вниз, если хотите, и сразу же сесть в лодку. Но я пойду дальше.

— Почему? — спросил Квазин.

— Он хочет поискать Лалилу, — ответил за него Пага. — Я отправляюсь с тобой, Хэдон.

— Я буду искать и Авинет. Долг обязывает меня сделать это.

— Но не любовь? — в упор спросил Пага.

— Ты спятил! — воскликнул Квазин — Ты рискнешь забраться в улей, когда кругом полно меда! В мире столько красивых женщин, кузен!

— Я и не надеялся, что ты поймешь меня. Тебя здесь ничто не держит.

Квазин фыркнул:

— Ничто, кроме тех людей, которые, если услышат, что я оставил тебя, станут называть меня предателем! Вперед, Хэдон!

Хэдон привязал конец каната к нижней перекладине. Это позволит, когда они вернутся, соскользнуть вниз мимо входа в горизонтальную шахту на верхнюю перекладину лестницы внизу. Он раскачался и подтягивался от одной перекладины к другой до тех пор, пока ноги не оказались на самой нижней ступеньке. Затем стал быстро подниматься вверх. До него донесся запах дыма. Взглянув наверх, он заметил, что звезд больше не видно. За ним шел Пага, сзади Паги — Хинокли с зажатым в зубах факелом. Замыкал движение беглецов Квазин; к его шее был привязан один конец каната. На половине пути наверх Квазину предстоит обмотать канат вокруг ступени, чтобы стражники не смогли заметить, как он свисает вниз шахты, если вдруг солдаты последуют тем же путем. На обратном пути они развяжут канат с этого конца и бросят его вниз. Запястья Квазина сковывала тяжелая цепь, но ее длина позволяла ему дотянуться до одной ступени, цепляясь за расположенную ниже. Цепи от железного «воротника» на шее тащились за ним, болты то и дело зацеплялись за перекладины, что побуждало его ругаться.

Разглядев тонкие линии овала в камне, Хэдон попросил Хинокли передать ему факел. Хинокли был рад избавиться

от него, бормоча, что его челюсть чуть не сломалась. Хэдон осмотрел лицевую сторону секции, но каких-либо механизмов, приводящих ее в действие, не обнаружил. Он подергал ступеньки на себя и потолкал их внутрь. Никакого эффекта. Похоже, они никоим образом не связаны с механизмом внутри. Этого, сказал он себе, и следовало ожидать. Королевская семья вряд ли пожелала бы подготовить все так, чтобы враг сумел догадаться, как до нее добраться.

Возможно, стена в этом месте тонкая. Следует ли ему стучать в нее в надежде привлечь чье-либо внимание? Если это апартаменты Минрута, скорее всего, у выхода стоят стражники: без королевского дозволения никто не выйдет и не войдет. И конечно же, Минрут наверняка поставил стражников, если эти апартаменты принадлежат Авинет, поскольку она знает о шахте.

Издалека, снизу, поднялся гул. Стены задрожали, и Хэдон повис на одной руке, крепко зажав в другой факел. Когда землетрясение прекратилось, он подергал перекладины, желая определить, не ослабли ли они, но обнаружил, что они держались крепко.

Хэдон поделился с остальными своими мыслями. Пага сказал:

— Оставаться здесь бесполезно. У входа в шахту вскоре появятся стражники.

Хэдон заколебался. Следует ли ему стучаться в эту дверь?

Далеко внизу раздались чьи-то крики. Хэдон взглянул вниз и увидел свет факела и солдата, выглядывающего из отверстия вертикальной шахты. Тот смотрел вверх.

Еще оставался выход, расположенный в голове статуи на крыше. Можно спуститься по крутому куполу при помощи каната. Возможно, им удалось бы даже спуститься к голове еще какой-нибудь статуи, которая тоже могла бы оказаться входом в другую шахту.

Хэдон решился. Он передал факел Паге, снял с ремня меч листообразной формы и его эфесом принялся стучать о камень. Камень глухо зазвенел. Нет, нет! Он не ошибся, думая, что стена представляла собой лишь тонкую перегородку, а за ней комнаты.

Но есть ли кто-нибудь там внутри?

Хэдон забарабанил эфесом сильнее, еще и еще.

Раздался голос Квазина:

— Солдаты поднимаются! А я не смогу скинуть их ! Они отрежут мои ноги!

Хэдон взглянул вниз. Два факела, протянутые из горизонтальной шахты, освещали нижние перекладины. По ним карабкались трое стражников, а четвертый свисал с нижней ступени. На солдатах были бронзовые латы и шлемы, в ножнах покоились мечи. И приближались солдаты быстро.

Даже если Квазину удастся задержать их на какое-то время, а это маловероятно, вскоре беглецы подвергнутся нападению со стороны тайного выхода. Офицер разведки вычислит, в каком месте шахты находятся беглецы и направит солдат в этот выход. Разумеется, если он осведомлен об этом выходе. Минрут и Авинет, возможно, не пожелали поделиться таким секретом.

Хэдон вновь стал сильно стучать. Кто бы не находился внутри, враги или друзья, должен же кто-нибудь подойти: если будет враг, по крайней мере, Хэдону будет с кем сразиться. Нет смысла беспомощно цепляться за перекладину в ожидании, что тебя вот-вот скинут вниз и ты упадешь на твердый камень далеко вниз.

— Передай факел Квазину, — велел Хэдон Паге. — Он может сбросить его на первого солдата.

Пага сделал, как ему велели, и Хэдон вновь принялся стучать по камню, но секция не двигалась. Еще оставалось время подняться наверх, к концу шахты. Он мог бы прикрыть их отступление, пока остальные по канату спустятся по куполу. Но что дальше, когда они дойдут до конца каната?

Хинокли сообщил, что примерно в пятидесяти футах ниже того места, откуда он выглядывал, имеется каменная голова. Длины каната как раз хватит, чтобы добраться до нее. Нужно бросить канат и забраться на вершину головы, а потом внутрь. Конечно, если в ней есть вход в шахту.

— Пошли, — едва сказал Хэдон и тут же с грохотом свалился внутрь.

Глава 20

Ему повезло. Будь на другой стороне солдат, он мог бы без труда прикончить его, тот момент, когда он, приходя в себя от неожиданного падения, растянулся на полу. Однако он быстро поднялся на ноги:

— Авинет!

Она подошла к нему, прижалась и, плача, страстно целовала его.

Хэдон отстранил ее:

— Сейчас не время. Быстрее скажи, что происходит?

Она смотрела мимо него, наблюдая, как Пага карабкается с секции.

— Где остальные? — спросила она. — Как вам удалось выбраться?

— Не до рассказов, — Хэдон осмотрелся. Они находились в комнате, освещаемой бронзовой лампой. Стены комнаты не крашены, на подставке мечи, копья и топоры. Дверь распахнута, через нее открывался вид на комнату гораздо больших размеров, украшенную яркими фресками пасторальных сцен. В углу располагалась мраморная статуя Аденет, богини страсти, исполненная в натуральную величину и раскрашенная в естественные тона. У подножия огромной кровати валялся труп. Его доспехи свидетельствовали о том, что это был офицер.

— Он находился в этой комнате, — рассказала она. — У двери комнаты, расположенной за моей спальней, — двое стражников. Офицер услыхал шум, который вы учинили. Прислушавшись немного, он отворил дверь, вышел, запер дверь и стал пересекать комнату. Тем временем я взяла кинжал из своей шкатулки с драгоценностями. Я окликнула его и, когда он повернулся, вонзила кинжал ему в горло. Затем открыла секцию, хотя и догадываться не могла, кого можно ждать. Но я молила Кхо, чтобы она вступилась за меня и чтобы каким-то чудом это оказался ты.

— Где Лалила?

— Что тебе за дело? — сказала она.

— Мой долг проследить, чтобы ей не нанесли вреда, — ответил Хэдон в надежде, что она не станет больше задавать вопросов. — Быстро! Где она?

— В апартаментах внизу, в конце зала. — Авинет бросила на него странный взгляд. — Но мой отец провел ночь с ней...

— От него и следовало ожидать... — Хэдон почувствовал боль при этих словах. — Он все еще с ней?!

— Сейчас, когда Кховот трясет землю?

Хэдон продвинулся в огромную спальню, освобождая место для других. Отдуваясь и изрыгая проклятия, в комнату вскарабкался Квазин. Он огляделся вокруг, и, увидев топоры, загрохотал:

— Пага, ты силен, хоть и коротышка! Разруби-ка мои цепи топором!

Хэдон попросил Авинет объяснить, как закрывается секция. Она указала на просторный чулан сразу же за маленькой комнатой. Он вошел туда и опустил вниз огромный рычаг. Секция, к концу которой были прикреплены цепи, быстро поднялась, предположительно за счет противовеса, установленного за стеной. Оттуда донесся крик сорвавшегося вниз солдата, потом установилась тишина.

Квазин растянулся на мраморном мозаичном полу, уткнувшись в него лицом и раскинув руки.

— Сначала голову, затем цепь, Квазин, — острил Пага. — Он опустил край боевого топора на цепь, которая связывала запястья. Понадобилось пять ударов, чтобы разъединить звенья. Затем Пага отсек цепи, связанные с болтами.

Квазин поднялся с победным ревом:

— Наконец-то я свободен! — Он схватил с подставки самый большой топор. Держа топор в правой руке, он рычал:

— Теперь мы проложим себе путь из дворца!

— Будем надеяться, что нам не придется этого делать, — охладил кузена Хэдон. — Веди себя тихо! За несколькими дверями отсюда — стражники!

В этот момент дворец вновь затрещал и стал шататься. Хотя шахты, по которым поступал воздух, выходили на купол, донесся гул, сопровождаемый градом ударов, будто на крышу падали тяжелые предметы. Когда толчки земли прекратились и шум стих, Хэдон спросил:

— Где апартаменты Минрута?

— Ты убьешь его?

— Если удастся.

— Позволь мне сделать это самой, — сказала Авинет. — Кхо простит меня за убийство собственного отца.

— Где его апартаменты?

— Они на этом же этаже, в самом северном углу на другой стороне здания. Но за его дверью постоянно находится десять человек, все известные нуматену. К тому же он сейчас должен быть где-то на первом этаже или на улицах, пытаясь успокоить своих людей.

— Как много человек сторожат Лалилу и Абет?

— В последний раз я видела троих.

— Вам известно, где мой топор? — спросил Квазин.

— Топор и меч Хэдона хранятся в апартаментах отца.

— Какая удача! — проревел Квазин.

— Десять человек сторожат наше оружие, — произнес Хэдон. Он пошел в переднюю и взял меч нуматену. Это не был Каркен, Древо Смерти, но ему предстояло сделать свое дело.

Хэдон объяснил своим спутникам, что они должны сделать. Авинет вложила в ножны кинжал и взяла меч пехотинца. Хэдон сказал королеве:

— Держись подальше, но если увидишь, что кому-то угрожает опасность, можешь помочь ему.

— Я женщина, но обучалась сражаться на мечах с детских лет. Бхукла получила от меня много жертвоприношений.

Хэдон прошел в смежное помещение, остальные последовали за ним. Эта комната оказалась вдвое больше спальни, длиной в сотню футов и шириной в сорок футов. В центре ее располагалась утопленная в глубину пола мраморная ванна, окруженная статуями животных и героев девятилетнего Великого Цикла. Дверь, крытая листами золота и украшенная драгоценными камнями, находилась в самом дальнем углу, и потому не давала возможности стражникам слышать шум внутри. Они миновали эту комнату, открыли дверь и прошли в еще одну большую комнату. Слева находилась дверь, открывающаяся в коридор.

— Окликни стражу, Авинет, — сказал Хэдон.

Авинет слегка постучала в дверь тяжелым золотым дверным молотком. Из-за толстой дубовой двери, отделанной бронзой, донесся голос:

— В чем дело, о королева?

— У вашего офицера припадок, вызванный, возможно, страхом землетрясения. Божество схватило его.

Какое-то мгновение было тихо, потом солдат сказал:

— Прошу прощения, о королева. Но у нас есть распоряжение самого Минрута никому, кроме майора Кетсуха, не открывать эту дверь.

— Но он же дергается и у него изо рта идет пена? — сказала она. — Мне-то все равно, пусть никто не охраняет меня.

— Известно ли им о выходе в шахту? — спросил Худон.

— Нет.

— Тогда им нечего беспокоиться, что ты сбежишь.

Снаружи раздался голос охранника:

— Сейчас позовут офицера, о королева, и мы сможем решить, что предпринять.

Хэдон что-то прошептал Авинет. Она крикнула:

— Минуточку. Мне кажется, майор приходит в чувство. Я посмотрю, в состоянии ли он остаться на посту.

— Как вам будет угодно, о королева.

Хэдон вздохнул с облегчением. Он не хотел, чтобы в этом конце дворца собралось еще больше солдат.

— Мы не можем пустить никого из них сюда. Давайте выйдем за ними.

Хэдон отодвинул засов двери, обождал минуту, желая убедиться, что остальные солдаты на месте, а затем с силой толкнул дверь. Она ударила одного из стражников, и он упал, другой стоял в нескольких шагах позади, лицом к Хэдону. Он поднял свое копье, но меч Хэдона отбил его и обратным ударом наполовину вошел в шею солдата. Пага мгновенно бросился на лежащего на полу солдата и вонзил в него кинжал. Квазин, перепрыгнув через них, пошел вперед по длинному зала, за ним бард и книжник.

Перед дверью в конце зала до того стояли двое солдат. Один побежал, несомненно за подмогой; второй застыл, как вкопанный. Квазин заревел и швырнул топор, который, вращаясь, тупым концом ударил убегавшего солдата и сбил его с ног. Квазин рванулся к упавшему, оставив Кебивейбеса и Хинокли разбираться с оставшимся в одиночестве часовым. Тот орал, поднимая тревогу. Упавший солдат вскочил на ноги и поднял копье, но Квазин, боковым ударом выбив

оружие охранника, раскроил шлем и череп несчастного. Хэдон кинулся на помощь книжнику и барду. Но книжнику самому удалось перерубить копье, а Кебивейбес отсек руку солдата. Солдат отшатнулся к двери, но Кебивейбес мечом проткнул ему шею.

Хэдон рванулся в дверь; Лалила, сидевшая на стуле, закричала от неожиданности. На крик матери прибежала Абет и остановилась, уставясь на Хэдона, лицо ее было белым. Мгновение спустя обе, плачущие и смеющиеся, обнимали его. Хэдон, высбодившись из объятий, смотрел на ее лицо в синяках:

— Потом! Потом! Скорее пойдемте со мной.

Он застыл: в дверях стояла Авинет, ее темно-серые глаза сверкали.

— Так вот в чем дело! — произнесла она.

— Она никогда не говорила, что любит меня... — словно извинялся Хэдон.

Вошел Квазин:

— Давай же пойдем за нашим оружием, Хэдон.

— Нас пятеро человек против десяти, — сказал Хэдон. — Все десять профессиональные фехтовальщики, а трое из нас не умеют обращаться с мечом. Наши шансы невелики. К тому же люди в шахте расскажут Минруту о случившемся, и король тотчас сообразит, где мы находимся. Надо убраться отсюда до того, как он пошлет сюда еще солдат.

Квазин ничего не ответил. Он заткнул свой меч и рукоятку топора за ремень и поднял длинный и массивный дубовый стол. Держа его вертикально перед собой как щит, он прошел сквозь дверь.

Хэдон выругался:

— Мой долг вывести женщин отсюда. Все же я чувствую...

— Что ты бросаешь его? — вставил Пага. — Ничего подобного. Это он бросает нас на произвол судьбы из-за своих безумных соображений. У тебя нет причин считать себя предателем, Хэдон.

— Я знаю, будь я на его месте, возможно ...

Хэдон резко крикнул:

— Назад!

— Я надеюсь, что мне удастся стать свидетелем битвы, — произнес Кебивейбес. — Последней битвы героя Квазина! Вот это будет сцена для моего эпоса!

— Чтобы воплотить ее, тебе необходимо остаться в живых, — заметил Пага, — а вряд ли это произойдет, если ты останешься стоять там.

Хэдон подумал о том, что вряд ли вообще когда-нибудь Кебивейбесу удастся спеть о ком бы то ни было, но счел за лучшее промолчать.

Он отвел беглецов обратно в покои Авинет, закрыв за ними двери на засов, когда все вошли в прихожую. В прихожей Хэдон расставил остальных за собой, а Авинет в это время толкала рычаг вверх. Секцию можно было отпустить или быстро, или медленно. Авинет высвободила ее так, что секция вообще неожиданно упала и с треском ударилась о пол. Цеплявшийся за перекладины солдат провалился. Хэдон отрубил ему руку и вспрыгнул на образовавшееся отверстие в стене. Появилась голова еще одного солдата. Хэдон пробил его шлем и череп. Бедняга свалился вниз, сбив еще двоих, стоявших ниже. С воплями они пролетели мимо факелов, погрузившись в темноту. Соблюдая осторожность, Хэдон высунул голову. Над ним никого не было.

На ступенях снизу все еще находилось десять человек. Хэдон подтащил окровавленное тело солдата, которого он сбил первым, и перебросил его через боковое отверстие. Оно ударило человека, шедшего первым, и все вместе втроем понеслись в низ шахты. Остальные стали спускаться. Хэдон прошел в спальню и, схватив тяжелый стул, бегом вернулся и тоже швырнул его. Троих сбило с ног. Осталось еще двое, которые отчаянно старались спуститься вниз. Пага и Кебивейбес принесли еще один стул и тяжелый мраморный бюст. Хэдон сбросил бюст, после чего нужда в стуле отпала сама собой...

— В горизонтальной шахте все ещё остаются люди, — сказал Хэдон. — Сколько — мне не известно. Но вскоре я выясню это.

Вошел Хинокли и сообщил, что в дверь комнаты стучатся люди короля.

— Если мы сложим баррикаду из тяжелых столов и статуй, то сможем задержать их, — сказал Хэдон. — И успеем поджечь комнату. Авинет, у тебя есть что-нибудь легко вос-

пламеняющееся?

Авинет ответила не сразу: дворец шатался вновь и гудел. Где-то высоко над ними о купол ударялись какие-то предметы. Когда дворец перестал сотрясаться, Авинет наконец сказала:

— В часовне, за приемной, перед образом Великой Кхо всегда горит огонь, поддерживаемый древесным углем. Им ты можешь поджечь шторы. Может, и мебель загорится.

Хэдон прошел в приемную. Там стоял грохот: в дверь колотили тяжелыми предметами. Затем на какое-то время все стихло, и Хэдон услышал зычный голос Квазина.

— Пустите меня, вы, идиоты! Это я — Квазин!

Хэдон поспешил отодвинуть тяжелый засов. Вошел Квазин, всклокоченный и потный, но с видом победителя. Он нес топор Ви и Каркен.

— Вот, юнец! — вскричал он. — Вот твой меч, за которым ты убоялся пойти!

Хэдон, быстро задвинув засов, недоверчиво смотрел на кузена:

— Убить десять нуматену и за такое короткое время!

Квазин положил топор и принялся сваливать перед дверью штабелями стулья, столы и статуи.

— Десять нуматену? Десять привидений! Они все исчезли! По всей видимости, Минрут позвал их к себе. И потому я протаранил дверь столом и вошел, чтобы взять свой топор. Внутри находились двое, я полагаю, для уверенности, что ни один наемный убийца не проскользнет в апартаменты, дабы удивить короля, когда тот вернется. Я убил их и принялся разыскивать топор. Быстро нашел его, а вместе с ним и твой меч, который я захватил для тебя, хотя мне следовало послать тебя за ним самого. Никакого тебе спасибо за то, что у нас в руках любимое оружие! Но, возвратившись, я бросил взгляд в низ огромной лестницы в северном углу и увидел, что вверх по ступеням карабкается целая орда, просто муравьиный поток людей. Я забежал в комнату и, вытащив четыре тяжеленных стола, водрузил их на верху лестницы вместе с мраморной статуей какого-то короля или кого-то там еще. Когда людишки обогнули последнюю площадку и шли, построившись по четыре, по ступеням, я запустил в

них дубовый стол. Он раздавил пару десятков и сбил с ног гораздо больше.

Затем, когда оставшиеся в живых перебрались через стол и груду трупов, я послал им второй стол. К тому моменту они явно решили отступить, но я добавил еще и статую и тем ускорил их бегство. Затем побежал вниз, в эту комнату, и обнаружил, что вы закрыли ее и оставили меня снаружи. Я пытался сломать дверь еще одним столом и проклинал вас за недальновидность, но тут вы открыли мне дверь.

— Благодарю тебя за меч, — произнес Хэдон.

Хэдон помог своим спутникам содрать шторы и свалить в груду мебель и вывалил из жаровни уголь на несколько папирусных свитков. Они вспыхнули, мгновение спустя загорелись шторы, мебель начала дымиться. Чуть погодя в дверь заколотили топорами. Беглецы бросились в прихожую, откуда Хэдон выбрался на первую ступеньку, а за ним Квазин...

Когда они добрались до шестой перекладины над люком в горизонтальной шахте, Хэдон привязал конец каната к перекладине. Затем он отвязал конец, прикрепленный к нижней ступени, и вытащил его наверх. Держа в одной руке меч, а в другой канат, он спускался все ниже и дальше наружу. Вот, отпустив канат, он ринулся на пятерых испуганных солдат. Ногами сбил факелоносца, и тот тяжело опрокинулся на спину. Сраженные упали, еще двое улепетнули. Через мгновение Квазин тяжело рухнул, ободрав колени и проклиная все на свете, но все же сумел удержать свой топор.

Хэдон и Квазин подобрали два факела. По канату спустился Пага, Хэдон вручил ему факел. Сейчас они шли за солдатами. Последний из них как раз лез вниз по приставной лестнице. Квазин с ревом подбежал к ней, оттащил ее насколько позволяло пространство и со стуком повернул ее. Падая, солдат истошно кричал.

Квазин отсек лестницу на уровне с полом. Хэдон протащил вверх оставшуюся часть, пока ее конец не уперся в потолок. Квазин отрубил еще три куска лестницы, после чего сбросил их в шахту, чтобы солдатам неповадно было глазеть вверх.

— Солдаты все должны быть около основания лестницы. Пошли, — позвал Хэдон.

Вернувшись в большую шахту, беглецы при свете факела увидели, что Хинокли и Кебивейбес все еще спускаются. Остальные стояли у основания лестницы, с тревогой вглядываясь наверх. Хэдон и Квазин спустились вниз и добрались до дна; остальные последовали за ними в шахту, идущую под углом 45 градусов. Вышли в огромный туннель, который вел прямо в темноту; беглецы стояли на каменном выступе, где, как и рассказывал Хинокли, находились лодки и бочки с запасами. Бочки открыли и сложили в две лодки пищу и некоторое количество оружия сверх того, что у них имелось. На борт лодки зашло семеро; Квазин занял другую. Факелы вставили в гнезда, расположенные на носу, и стали продвигаться в темном потоке, взявшись за весла.

Некоторое время беглецов окружали гладкие каменные стены; затем в них стали появляться отверстия, из которых сочились сточные воды. Неожиданно Пага вскричал:

— Нас преследуют.

Оглянувшись, Хэдон увидел в отдалении четыре факела.

— Гребите быстрее. Приготовьтесь, впереди нас явно ждут неприятности.

Шахта резко стала сужаться, а угол наклона ее потолка пошел вниз. Хэдон предвидел это, поскольку не было никакой другой причины для того приделывать полоз над лодкой. Через минуту деревянные планки заскрипели при соприкосновении с каменным потолком, и лодку вдавило вниз. Гребцы опустили весла в воду глубже и проталкивались, заставляя лодку продвигаться вперед, дерево при этом терлось о камень. Вода поднялась почти до бархоута [12], что заставило Хэдона задуматься, не перегружена ли лодка.

Неожиданно туннель увеличился в размерах, и они увидели впереди, на расстоянии примерно шестидесяти футов, отверстие. Оно освещалось факелами и падавшим сверху светом непонятного происхождения. Подплыв ближе, беглецы увидели огненную массу, брызгами испускающуюся в залив, и почувствовали запах серы.

— Кховот извергается! — вскричал Кебивейбес.

Хэдон предвидел, что именно здесь будут находиться

[12] Бархоут — утолщение наружной обшивки в районе грузовой ватерлинии деревянных судов. *(Прим. перевод.).*

стражники. Футов на десять над уровнем воды высилась каменная платформа, и здесь горели факелы. Но стражники покинули свой пост.

И неудивительно. Как только лодки вошли в неспокойные воды залива, беглецы в страхе увидели, как еще один горящий объект падал с охваченного пламенем неба, падал прямо на них.

Глава 21

Менять курс поздно. Судьба беглецов была в руках Кхо. Масса с шипением шлепнулась меж двух лодок и исчезла, оставив за собой огромную волну и облако пара. Лодка Хэдона резко взмыла вверх и под крутым углом поднялась столь высоко, что едва не перевернулась. Но неожиданно она выровнялась и опустилась. Через мгновение они вновь гребли вперед.

Из вулкана поднималось пламя. Сбоку по направлению к городу с северной стороны стекал ярко красный поток-шириной в несколько миль. Воздух был наполнен горящей серой, вызывающей сильный кашель. От зданий на побережье и холмах также поднимались пламя и дым. Что не сжег Минрут — теперь разрушал Кховот.

Хэдон распорядился двигаться вперед. Он задумал идти вдоль побережья в северо-восточном направлении до входа в канал, который протекал вниз из нижнего озера, вблизи Колизея – того самого, где проходили Великие Игры. Но вулкан почти рядом. Когда они доберутся туда, лава уже может заполнить верхнюю часть канала. Было бы лучше пройти гораздо дальше на север, мимо того канала, который течет прямо в залив из другого, большего озера, расположеного выше. И возможно, добравшись туда, они поймут, что должны продолжать бегство по воде. Тут и там пылали здания за каналом, хотя огонь охватил еще не всю территорию.

— По крайней мере, мы сможем затеряться в этой сумато-хе! — обнадежил Хинокли.

Хэдон надеялся, что так и будет. Залив кишел лодками и кораблями, державшими, по всей видимости, курс к островам

Мохази и Сигади. По левому борту мимо них прошла военная галера; распоряжавшийся гонгом человек выбивал темп, который ясно свидетельствовал о том, до какой глубины отчаяния и паники дошли люди на борту.

Хэдон обернулся: за ними на веслах шли три переполненные людьми лодки. При красном свете тускло мерцали бронзовое вооружение и шлемы. Стоявший на носу ведущей лодки человек указывал на них рукой и кричал. По крайней мере, его рот был открыт и губы двигались. Грохот и взрывы перекрывали все остальные звуки, даже вопли и крики охваченной паникой толпы на берегу.

— Они не собираются отказываться от преследования! — крикнул Хэдон. — Быстрее! Быстрее!

Вода становилась все более неспокойной. Несомненно, причиной тому являлись толчки, исходящие от земли. Лодки заливало водой, и несмотря на то, что Хэдону меньше всего хотелось лишаться хотя бы одного из гребцов, он велел Кебивейбесу помочь Абет вычерпывать воду из лодки шлемом.

Спустя мгновение беглецы миновали устье нижнего канала. Преследователи приближались. Тут и там барахтались люди, взывающие о помощи. С берега в воду устремлялись все новые толпы людей. Их преследовала всепожирающая стена огня.

Хэдон направил лодку в сторону, не желая снижать скорость продвижения, отбиваясь от пловцов. Если хотя бы нескольким из них удастся уцепиться за лодку, они увлекут ее вниз. С болью в сердце наблюдал он за людьми, особенно жалея детей. Но попытка спасти хотя бы одного приведет к тому, что все находящиеся на борту погибнут.

Теперь сквозь дым проникал и пепел, который обжигал и имел мерзкий запах. Сидевшие в лодках сделались серыми, будто привидения, а поверхность воды покрылась плотным серым слоем. В течение нескольких минут видимость была настолько ограничена, что они не видели своих преследователей. Хэдон надеялся, что теперь им удастся ускользнуть. Но спустя пять минут пепла стало меньше, и из облака выступила первая из гнавшихся за ними призрачно-серая лодка. Мгновение спустя показалась вторая лодка. Но третья, похоже, затерялась. Может быть, за нее ухватились плавав-

шие в воде люди и перевернули ее. В любом случае шансы преследователей поймать беглецов несколько уменьшились.

Гребля в подобных условиях отняла много времени и сил. Когда они достигли устья верхнего канала, только Хэдон и Пага еще не валились в изнеможении. Продвижение лодки замедлилось, в то время как преследователи упорно, хотя и медленно, стремились за ними.

Здешнее побережье являлось ближайшей точкой к восточной оконечности острова Мохази, чем и объяснялось еще большее количество людей, искавших спасения в воде. Чтобы попытаться выбраться на берег, следовало быстро провести лодку между ними. Однако обессилившие беглецы больше не могли грести.

Неожиданно Квазин повернул свою лодку к ним. Раздался зычный голос Квазина:

— Лалила! Я остановлю солдат! Я сделаю это ради тебя! Если вернусь живым, в качестве награды потребую тебя! Ты будешь моей!

Лалила попыталась прикрикнуть на него, но была слишком усталой. Она лишь произнесла слабым голосом:

— Я никогда не буду твоей.

Хэдон вскричал:

— Квазин! Ты можешь поступать так, как тебе заблагорассудится, но Лалила не приз! Она испытывает к тебе отвращение!

Очевидно, Квазин не расслышал его. Улыбаясь, он крикнул:

— Я твой, Лалила! Твоим любовником станет величайший мужчина империи!

— Он и в самом деле безумен! — простонала Лалила.

— Квазин не сможет требовать этого от тебя, хотя я сомневаюсь в том, что даже ему удастся одолеть всех этих солдат. Он не вернется.

— Пусть приносит себя в жертву, — сказал Пага. — Мы должны плыть!

Беглецы согнулись над веслами, а Хэдон оглядывался на каждый шестой взмах весла. Увидев, как Квазин запрыгнул на борт ведущей лодки, он не остановился посмотреть, что произойдет. Вместо этого налег на весла, и лодка продолжила свой путь на северо-запад, к полуострову Теризивукет.

Он оканчивался двумя выступами, которые напоминали раскрытую пасть змеи, отсюда и происходило его название: Голова Питона. Хэдон хотел высадиться на сушу вблизи основания «нижней челюсти» и продолжить путь на север поперек. Оттуда они могли бы двигаться вдоль побережья до тех пор, пока не подойдут к той части города, которая была охвачена огнем сравнительно мало. Потом можно направиться в глубь суши и к горам к северу от Кховота.

Последняя сцена с участием Квазина, которую видел Хэдон, была следующая: окутанная дымом и пеплом фигура, с силой размахивающая топором в то время, как лодка под тяжестью гиганта тонет, а солдаты падают в воду.

Беглецы перестали грести: лодка оказалась перед кричащими людьми, которые пытались забраться к ним в нее. Пришлось веслами и мечами отбиваться от них. Теперь Хэдон изменил свои намерения и велел идти прямо на север. Хотя город впереди был охвачен пламенем, Хэдон решил рискнуть пересечь полуостров гораздо дальше, на востоке. Команда была слишком изнурена, а до основания нижнего выступа далеко.

Когда, наконец, лодка медленно приткнулась к берегу, Пага и Хэдон оказались единственными, кто мог поднять свои весла. Беглецы забрались на берег и освободили путь большому количеству женщин, детей и мужчин, боровшихся за их лодку. Хэдон повел своих людей вниз по улице, застроенной захудалыми домами, сдававшимися в аренду; штукатурка, покрывавшая их, была черной от дыма. В какой-то момент он оглянулся и увидел позади смутно видневшиеся фигуры. Были ли это солдаты-преследователи?

Группа прошла вниз по улице – увы, не столь быстро, как хотелось бы. Подходя к перекресткам, они перебегали на другую сторону, чтобы миновать сильный жар. Пожар продвинулся на шесть кварталов по пути их следования и быстро приближался.

Беглецам удалось перебраться на другую сторону полуострова, но теперь они стали черными, а не серыми, а легкие их, похоже, были обожжены. Шли по улице, параллельной берегу, до тех пор, пока Хэдон не увидел, как первые языки огненного шторма собираются отрезать им путь. Он завел

своих спутников по пояс в воду, и они продолжили движение вдоль берега. То и дело приходилось погружаться в воду, и тогда вода спасала. Ветер, который, казалось, зародился в самой преисподней, выталкивал их на берег. С трудом удавалось противостоять ему, но продвижение значительно замедлилось. Хэдон взял ребенка от Хинокли и велел девочке крепко вцепиться ему в спину.

Прошли около мили, когда Хэдон решил, что можно рискнуть опять выбраться на берег. Пошатываясь и заходясь кашлем, измотанные люди брели по улице, упорно держась северо-восточного направления. Наконец, когда Авинет и Кебивейбес уже не могли более сделать ни единого шага, группа остановилась. Все, кроме Хэдона, повалились на землю. Он опустил девочку и обошел несколько кварталов. Не заметив никаких признаков присутствия солдат, Хэдон вернулся.

Справившись с приступом кашля, он сказал:

— Надо идти. Иначе мы до смерти задохнемся газами.

Стеная, люди с трудом поднялись на ноги и последовали за ним. Время от времени передвигались вброд по воде и, смачивая свои килты, прикладывали их к носу. Спустя еще одну милю стал ощущаться лишь слабый запах газов. А затем начался дождь, благословенный на завывавший вокруг ветер и сверкание молний вдалеке.

Вскоре группа оказалась за стенами Внешнего Города, а потом и на грязной дороге, тянувшейся вдоль сельскохозяйственных угодий. Солдаты Минрута постарались. Жители, не пожелавшие отречься от Кхо, а также и те, кого подозревали в ложной клятве отречения, были уничтожены, их дома и амбары сожжены, а животные конфискованы.

Оставшиеся дома стояли мрачно и молчаливо. Их обитатели либо убежали, страшась вулкана, либо в страхе попрятались внутри, надеясь на то, что гибель пройдет стороной.

Кебивейбес высказал предложение найти пристанище в каком-нибудь доме и отдохнуть там. А наутро они могли бы продолжить свой путь. Хэдон сказал, что не следует останавливаться по крайней мере до тех пор, пока они не доберутся до подножия гор. Вскоре группа вышла на дорогу, ведущую в глубь суши от моря, и Хэдон повел людей по ней. На рассвете они все еще с трудом тащились вперед. Хэдон на

руках нес спящего ребенка. Миновав несколько фермерских домов, Хэдон свернул на разбитую, в рытвинах дорогу к дому на отшибе, далеко за основной дорогой. Выбор оказался неудачным; на него бросились две огромные рычащие собаки. Он едва успел опустить Абет на землю и вынуть меч. Одна собака остановилась; другая прыгнула на Хэдона. Он в воздухе отрубил ей голову. На нижнем этаже бревенчатой хижины открылись деревянные ставни, и показалось темное лицо.

— Подзовите вашу собаку, или я убью и ее тоже, — крикнул Хэдон. — Мы не хотим причинить вам никакого вреда. Мы лишь беглецы, пытающиеся скрыться от гнева Кхо, и нам необходима пища и отдых. Это все, что мы просим.

— Убирайтесь прочь! — рявкнул фермер. — Или мои сыновья убьют вас!

Авинет выступила вперед:

— Ты отказываешь в гостеприимстве своей королеве?

Хэдон про себя выругался, но вслух мягко сказал:

— Тебе не следовало этого делать, Авинет! Теперь это станет известно всем!

Фермер бросил на него сердитый взгляд:

— По мне, так ты одна из этой компании бродяг. Не пытайся дурачить меня, женщина. Я, может быть, и деревенщина, но не идиот.

Хэдон взглянул на высокий тотемный жезл вблизи дороги.

— Кебивейбес, ты член Тотема Зеленого Попугая. Обратись к этому человеку, он должен помочь одному из людей, принадлежащих к его тотему.

Бард, грязный, нагой и трясущийся от утомления и голода, проговорил слабым голосом:

— От имени птицы, являющейся нашей покровительницей, я прошу тебя, фермер, оказать нам гостеприимство! И от имени закона, который требует, чтобы ты предоставил странствующему барду пищу, питье и место под крышей твоего дома!

— Когда божества ссорятся меж собой, для смертных не существует закона! — прокричал в ответ фермер. — Так или иначе, откуда мне знать, не врешь ли ты?

— Я, твоя королева и верховная жрица, требую, чтобы ты принял нас как гостей! — произнесла Авинет. — Не хочешь ли ты навлечь на ваши головы гнев Кхо?

— Громкие слова! —отрезал фермер. — Вы лжете! Да к тому же, даже если ты и королева, что ты делаешь здесь? Теперь страной правит Ресу, а ты рабыня Минрута! Возможно, если я выдам тебя ему, он наградит меня!

— Этого я и боялся. Давайте уйдем отсюда, пока он не осуществит идею выдать тебя, польстившись на деньги и почести.

— Они не осмелятся тронуть меня! — воскликнула Авинет. — Я верховная жрица! Моя персона неприкосновенна!

— За тебя дадут огромную сумму, — беспокоился Хэдон. — А что ты беженка, подтверждает, что у тебя нет власти. А что до него, то он будет чувствовать себя в безопасности под эгидой Ресу и Минрута. Давайте возьмем одну из его коз и отправимся дальше.

— Я не стерплю оскорбления! — вскричала Авинет.

— Ты сможешь наказать его, когда будешь в состоянии сделать это. Смотри правде в глаза.

Дверь в дом повернулась на бронзовых петлях и отворилась. Фермер в сопровождении шестерых мужчин вышел наружу. Это был невысокий, но мощный мужчина, примерно пятидесяти лет. Четверо юношей, очевидно, его сыновья, стояли сбоку от него. Еще двое — высокие худые мужчины, по предположению Хэдона, его наемные помощники. Все держали круглые деревянные щиты, обтянутые бычьей кожей, и короткие мечи листообразной формы.

— От имени Ресу и короля королей мы призываем вас сдаться! — провозгласил фермер.

— Вас семеро мужчин против четырех мужчин и двух женщин и ребенка, — ответил Хэдон. — Но я нуматену и не нуждаюсь в том, чтобы мне помогали сразиться против семерых неотесанных мужланов.

Это была ложь. Хэдон официально не был посвящен в разряд нуматену, но само название нуматену наверняка должно было испугать этих крестьян.

Был единственный способ выяснить это. Хэдон вызвал громкий крик из опаленного горла и силу из ослабевших мускулов. Он пошел в нападение, держа перед собой меч двумя руками. Крестьяне остановились, широко раскрыв глаза, а двое мужчин убежали за дом. Зачем им вставать перед ли-

цом того, кто выглядит как верная смерть, за семью, которая заставляла их работать сверх меры, и притом неважно кормила?

Как бы ни был силен их первоначальный дух, отец и сыновья были потрясены бегством своих работников и этим юношей, выглядевшим так, будто он намерен свирепствовать подобно леопарду среди овец. Они убежали в дом или по крайней мере пытались сделать это. Слишком узкий дверной проем не позволял войти двоим. С криками, словно обезумев, они одновременно втискивались в дверь, что при других обстоятельствах выглядело бы комично. Хэдон махнул рукой. При желании он мог бы без труда расправиться с этой публикой, но он уже устал от кровопролития. Хэдон засмеялся, а потом крикнул:

— В сарай!

Путники взяли там несколько недавно снесенных утиных яиц и козленка на привязи и двинулись вверх, к дороге. Авинет, пребывавшая в ярости, требовала сжечь дом, а крестьян зарезать.

— Не следует оставлять никаких свидетелей!

В этом Хэдон был согласен с ней, но промолчал. Конечно, фермер скорее всего расскажет людям короля, в каком направлении они пошли, но к тому времени группа уже будет в горных лесах, а может быть, и за горами.

Вплоть до полудня, часто останавливаясь, они продолжали идти. Расположившись у чистой горной реки, они зарезали и приготовили козленка и выпили сырые яйца. Потом отведали ягод, которые нашла Абет рядом, в кустарнике. Все, кроме Хэдона, уснули.

Прошел час. Хэдону с трудом удавалось не сомкнуть веки. Солнце жарко припекало, но в тени рощицы, укрывавшей их, дул прохладный ветерок. Хэдон подумывал, не разбудить ли Хинокли, чтобы тот сменил его на посту, но тут увидел, что Лалила села. Она зевнула, тревожно взглянув на него, и поднялась.

— Ничего, если я выпью воды?

— Никого не видно, — ответил он, — иди.

Она спустилась по крутому, покрытому травой холму к ручью, который протекал у его подножия. Хэдон наблюдал

за ней, пока она пила и смывала пыль и грязь Ее длинные желтые волосы и фигура были и впрямь поразительно красивы, а ее мягкий, но сильный характер вполне соответствовал ее красоте, подумал он. Синяки на ее лице приводили его в ярость. Следует ли ему спросить ее об их происхождении, или она бы предпочла не говорить на эту тему?

Немного погодя она вернулась, кожа ее горела, большие фиалковые глаза лучились. Она присела рядом с ним:

— Нужно выспаться, но вряд ли смогу заснуть. Я слишком нервничаю.

— Что беспокоит тебя?

— Минрут нарушает мой покой в моих снах.

— Когда-нибудь он заплатит за это.

— Но от этого не сотрутся ужасные воспоминания. От синяков на лице не останется и следа. Но это не относится к синякам, оставленным в душе.

— Но ты же могла предположить, что такой человек не будет обращаться с тобой нежно. Он берет женщину, как бык корову.

— Он не получил большого удовлетворения. Я не сопротивлялась, на что, как я полагаю, он рассчитывал и, возможно, надеялся. Я лежала, будто мертвая. Он дважды удовлетворил на мне свою похоть, а потом стал проклинать меня и сказал, что я не лучше статуи, вырезанной из мыла. Он пригрозил отдать меня своим рабам из рода клемкаба. Я ничего не говорила, и от этого он злился еще больше. Именно тогда он ударил меня по лицу три раза. Я все-таки не закричала, а лишь посмотрела на него так, будто он самое мерзкое существо на этой земле. В конце концов, ругаясь, он покинул меня. Я хотела убить себя, но не от того, что он сделал, а от того, что он мог еще сделать. Но я не могла оставить Абет сиротой и не могла убить ее. Я подумала, что, может быть, мне удастся каким-нибудь образом сбежать. Или, возможно, Саххиндар придет сюда и вызволит меня.

— Его нет здесь, — сказал Хэдон. — Но здесь есть я.

Она улыбнулась и дотронулась до его руки.

— Я знаю. Я знаю также и то, что ты любишь меня.

— А ты?

— Должно пройти какое-то время.

— Тогда ...

Хэдон остановился, держа свою руку таким образом, будто ловит что-то. Затем он резко поднялся, прислушиваясь, вскарабкался на дерево и тотчас спустился.

— Солдаты! С ними собаки! И фермерские сыновья!

Они разбудили остальных, Хэдон объяснил ситуацию, и группа продолжила восхождение на холм. За этим холмом следовал другой, еще более высокий; потом еще холмы, а уж за ними беглецов дожидались горы. Двигались медленно и с большим трудом. Люди устали, приходилось проталкиваться сквозь густой кустарник и колючие кустики ягод. Кроме того, неизвестно, насколько близко находятся их преследователи.

Наконец, пыхтя, с ранами, кровоточащими от соприкосновения с колючками, они подошли к самим горам. Перед ним высился очень крутой склон; отдельными пятнами на нем зеленела трава, и, цепляясь за откос, росли одинокие деревья. С большим трудом, часто оглядываясь, они взбирались наверх. Немного погодя Хэдон услыхал лай собак. Оглянувшись, он увидел, как они выскочили из густого участка леса. За собаками, держа их на привязи, шли пятеро мужчин и тридцать солдат, на бронзовых шлемах, латах и кончиках копий которых играло солнце. Позади шли сыновья фермера.

Хэдон обернулся, и как раз во время — Лалила с криком падала вниз по каменистому склону, скользя по нему в облаке пыли, тщетно пытаясь ухватиться за что-нибудь.

Он помчался к ней. Лицо ее исказилось от боли, руками она сжимала правую лодыжку.

— Я растянула ее!

Хэдон велел остальным продолжать двигаться вперед. Он вынул из ножен свой меч, нагнулся и поднял ее. Неся ее на руках, с огромными усилиями он взбирался вверх. Добравшись до узкого скалистого прохода с высокими стенами, Хэдон опустил Лалилу. Остальные ждали его с бледными лицами, с которых пот смыл глубоко въевшуюся грязь.

Отдышавшись, он сказал:

— Вы все идите вперед. Я буду помогать ей идти.

Он поднял ее, но не прошел и десяти шагов, как понял, что это бесполезно. Но и сама Лалила идти не в состоянии, а это значило, что им ни за что не удастся держаться впереди своих преследователей.

— Можно сделать только одно.

— И что же именно, Хэдон? — спросила Авинет.

— Через этот узкий проход может одновременно протиснуться лишь один человек. Я буду стоять здесь, в самой его узкой части и задержу их, насколько смогу. Остальные как можно скорее должны уйти отсюда. Ты, Хинокли, понесешь ребенка.

Авинет спросила:

— Ты остаешься здесь, чтобы умереть ради Лалилы?

— За вас всех, — ответил Хэдон. — Я смогу удержать их здесь достаточно долго, вы сумеете далеко оторваться. Не возражай! С каждой секундой солдаты приближаются. Сделать это необходимо, а я единственный, кто способен на это.

— Если ты останешься здесь с ней, ты бросишь меня. Твой долг защитить королеву и верховную жрицу.

— Именно это я и делаю! — сказал Хэдон.

— Здесь, возможно, тебе и удастся надолго задержать преследователей, — сказал Пага. — Но некоторые из них могут, в конце концов, забраться по склонам за проходом, и подойти к тебе сзади.

— Я знаю, — сказал Хэдон.

— Я приказываю тебе оставить женщину, которая в любом случае погибнет, и сопровождать меня! — произнесла Авинет.

— Нет, — ответил Хэдон. — Ее нельзя оставить умирать в одиночестве.

— Ты действительно любишь ее! — воскликнула Авинет.

— Да.

Авинет закричала, выхватив кинжал из ножен, устремилась к Лалиле, но Хэдон, в прыжке догнав Авинет, схватил ее за запястья и вывернул их. Авинет, резко вскрикнув, выронила кинжал.

— Если она сейчас умрет, тебе незачем будет оставаться! — кричала она.

— Авинет, — хрипло произнес он, — если бы ты оказалась беспомощной, я бы сделал то же самое.

— Но я люблю тебя! Ты не можешь оставить меня ради нее!

— Кебивейбес, уведи ее, — попросил Хэдон.

Бард подобрал кинжал, вложил его в ножны и увел рыдающую Авинет. Хэдон взял плачущую девочку из рук Лалилы и передал ее Хинокли.

Хэдон смотрел им вслед, пока все не скрылись из виду. Затем обратился к Лалиле:

— Я помогу тебе подняться вверх по этой узкой дорожке. А там мы отдохнем, пока это будет возможно.

Он опустил ее и посмотрел в ущелье. Далеко внизу лаяли собаки, а люди с трудом взбирались вверх.

— Предстоит изрядная схватка. Я чувствую, как ко мне возвращаются силы. Плохо, однако, что здесь нет Кебивейбеса и он не увидит ее. Он мог бы сотворить кульминационный момент своей песни. Если ему удастся остаться в живых, придется полагаться на свое воображение. А это значит, что битва в его изложении окажется еще более славной, чем в реальности.

— Надеюсь, что с моим ребенком все будет в порядке, — в волнении сказала Лалила.

— Она единственная, о ком ты думаешь?

— Да, я думаю о ней. Я не горю желанием погибнуть и не хочу, чтобы ты оставался здесь, хотя я тебе и благодарна за это. Но если ты убьешь меня, чтобы те мужчины не смогли причинить мне вреда, моя благодарность возрастет. Авинет права. Тебе следует пойти с ними. Тогда у моего ребенка будет защитник.

— Ее защитит Пага, а Хинокли и Кебивейбес помогут ему заботиться о ней. Они все хорошие, добросердечные люди.

— Но ты напрасно приносишь себя в жертву! Ты отказываешься от шансов стать правителем Кхокарсы.

— Давай побережем силы. По крайней мере, мне они понадобятся.

Он сел рядом с ней и взял ее руку. Мгновение спустя Лалила целовала его долгим и горячим поцелуем, хотя по щекам ее текли слезы.

— Я думаю, что смогу забыть Ви. О, это не значит, что когда-нибудь я забуду его. Но жить без любви невозможно.

Потом слезы показались на глазах Хэдона

— Мне бы хотелось услышать эти слова тогда, когда мы были в Пустынных Землях. Тогда у нас было бы много времени любить друг друга. Наверное, когда мы спустимся в королевство Сисискен, мы сможем любить там. Жрицы говорят, что некоторые мужчины и женщины попадают в яр-

кий сад, где живут счастливо, даже в том случае, если являются призраками. Наверняка нас выберут для того, чтобы пойти туда. Конечно, если такое место существует. Иногда я чувствую себя виноватым в том, что сомневаюсь в словах жриц. В действительности ли нас ждет жизнь после смерти? Или же мы превратимся в пыль, и это наш конец, остается лишь память тех, кто не может забыть нас, потому что они любят нас?

— Я не знаю, — ответила Лалила.

Он вновь поцеловал ее.

Огромные облака дыма все еще поднимались над Кховотом. У его подножия лежало пятно, которое разрушило Кхокарсу. Рядом раздавалось приятное пение птички. На выступ скалы из своей норки пробежала мышка и подразнила Хэдона.

Они останутся жить и после того, как он умрет. И станут петь и резвиться в ярких лучах солнца под голубым небом, а он тем временем будет лежать окровавленным, ничего не видящим и не слышащим бесчувственным трупом.

Но тогда, если они живут, чтобы плодиться сотнями, что могут они знать о любви? О его любви к Лалиле?

Он оперся на свой меч и ждал.

FLIGHT TO OPAR

БЕГСТВО В ОПАР

Посвящается Дж.Т.Эдсону, знаменитому адмиралу техасского военно-морского флота, благородному представителю шерифа родины Трависа[13] (Техас) и Турстона[14] (Вашингтон), создателя эпического «Пыльного Тумана», а также автору романов «Малышка Элизабет», «Страна Марка», «Нефтяной дьявол Хардин», «Бандюки».

---

[13] Трейвис, Уильям Бэррет (1809-1836) — юрист и военный. Герой Техасской революции. В 1835 принимал участие в захвате Сан-Антонио, в 1836 участвовал в обороне крепости Аламо от мексиканцев. Погиб вместе с гарнизоном крепости. *(Прим. редактора).*

[14] Терстон, Луис Леон (1887-1955) — психолог, основоположник психометрии. В 1924-1952 гг. профессор Чикагского университета. С 1952 г. руководил созданной им психометрической лабораторией при Университете Северной Каролины. Разработал методику многофакторного анализа, применяемую в социологических исследованиях. *(Прим. редактора).*

Глава 1

Хэдон оперся на меч и ждал смерти. Стоя у входа в пещеру, он смотрел вниз на горный склон. Он еще раз покачал головой. Не подверни Лалила лодыжку, их положение могло бы оказаться не столь безнадежным.

К выходу вел крутой откос; последние пятьдесят ярдов можно было преодолеть только ползком. В сотне ярдов от внутреннего прохода стояли отвесные скалы высотой футов сто и шириной шестьдесят ярдов. Они образовывали нечто вроде наружного входа. Отсюда, словно острые края наконечника стрелы, стены резко уходили внутрь. Склон и стены сходились на самом острие наконечника стрелы. Сейчас Хэдон стоял в узком отверстии. Здесь от скалистого выступа дюймов десять высотой начиналась тропа, которая затем тянулась на сотню футов под углом немного меньше сорока пяти градусов; высота ограничивающих ее утесов быстро уменьшалась.

Тропа выходила на вершину утесов с совершенно ровной поверхностью. Вдали виднелся дубовый лес. Пространства между отвесными скалами внутреннего прохода как раз хватало на то, чтобы сражаться мечом. Хэдон обладал преимуществом перед любым нападающим: тому, прежде чем предстать перед ним, придется преодолеть крутой склон. Положение воина не могло быть устойчивым. Хэдон же, напротив, стоя на каменистом выступе, имел относительно удобную позицию.

Преследователи и думать не могли о лобовой атаке: вертикальные утесы простирались по обе стороны на пять миль. Солдаты сумели бы пройти вдоль подножия утесов до того места, где подъем был возможен. Для этого нужно подняться и вернуться обратно по гребню утесов. На это уйдет, вероятно, восемь-девять часов. По крутой труднопроходимой поверхности они не продвинутся более, чем на полмили в час.

Но у солдат своя гордыня. Они не могут позволить одному запугать сорок. При любом раскладе — при лобовом или обходном нападении — у Авинет, Абет, Хинокли, Кебивейбеса и Паги будет достаточно времени, чтобы углубиться в лес. Солдаты знать не знают о травме Лалилы и потому посчитают, что он остановился здесь только для того, чтобы дать беглецам затеряться в лесах. Однако солдаты вскоре убедятся в том, что им противостоит человек, который был победителем Великих Игр и которого обучал самый искусный фехтовальщик империи Кхокарса.

Где-то у подножия минутах в двадцати пути солдаты упрямо продвигались вперед. Впереди пять собак, сгоравших от нетерпения, рвущих лапами землю, поросшую редкой травой, то и дело скользившими на каменистом грунте. Троица — охотничьи псы с острым нюхом — рычали, едва учуяв следы преследуемых. Пара псов — служебные собаки, происходящие от диких сородичей, обитавших в прериях; они достигли размеров взрослого самца-леопарда и, не обладая выносливостью своих предков, начисто лишились страха перед людьми. В их дрессировку включалось нападение на вооруженных рабов. Если раб убивал трех спущенных на него псов, его освобождали. Случалось такое редко. Чуть ниже, на пристойном расстоянии позади собак и их дрессировщиков, одиноко шел офицер. Это был крупный мужчина; на голове его красовался конической формы бронзовый шлем, на верхушке которого щегольски торчало длинное воронье перо. Его меч, еще покоившийся в кожаных ножнах, — длинное, слегка изогнутое, тупоконечное оружие нуматену. На такое же оружие опирался сейчас и Хэдон; значит, именно офицер станет его первым противником. Это определялось кодексом нуматену. Офицер будет опозорен, если пошлет низшего по званию противостоять другому нуматену. Но отнюдь не всегда все происходило, как в старые времена. Попадались люди, носившие тену, не имея на то права, что, однако, не вызывало возражений. Законы чести переступались, как нарушалось и многое другое в эти беспокойные времена.

Позади офицера беспорядочной группой двигались тридцать солдат. На них бронзовые шлемы с кожаными наушниками и наносниками, кожаные латы и кожаные же килты. На спинах солдаты несли небольшие круглые бронзовые

щиты, в руках — длинные копья с бронзовыми наконечниками. Карабкаясь, солдаты облегчали себе задачу, втыкая копья в землю. Короткие острые мечи ждали своего часа в ножнах. Сзади, под щитами, топырились кожаные мешки с провизией.

Позади солдат шли четверо крестьян в килтах из папирусного волокна. Спины их прикрывали крупные деревянные щиты, на широких кожаных поясах висели короткие мечи в ножнах. В руках крестьяне держали охотничьи копья, с поясов свисали пращи и сумки для метательных камней. Они были уже недалеко, так что Хэдон мог узнать их — сыновей фермера, в доме которого остановился отряд Хэдона, чтобы добыть пищу. В тот раз, даже не предприняв попытки оказать сопротивление, крестьяне сбежали. Но Авинет, разгневанная их отказом проявить гостеприимство, неосторожно назвала себя. Крестьяне, должно быть, отправились к ближайшему армейскому посту уведомить командира. Тот послал этот невеликий отряд за дочерью Минрута, Императора Кхокарсы. А заодно и за Хэдоном и двумя другими. Авинет, несомненно, вернут назад живой, а вот каков приказ относительно остальных? Захватить живыми и возвратить на суд Минрута? Вероятно, их подвергнут публичным пыткам и затем казнят. Лалилу, к которой он испытывает страсть, Минрут сделает своей наложницей. Наверное. А может и убить после истязаний. Или в своем безумии перенести гнев на Абет, дочь Лалилы.

Проводники с собаками были вооружены кинжалами и пращами. Итак, всего девять метателей из пращи. В его положении праща — самое смертоносное оружие, с которым ему придется встретиться. Увы, здесь нет простора, достаточного, чтобы увернуться от свинцового снаряда, несущегося со скоростью шестьдесят миль в час, хотя солдатам непросто будет занять нужную позицию, если он не станет сидеть сложа руки. Хэдон обернулся взглянуть на круто срезанную тропу к Лалиле. Она сидела в конце ее, футах в двухстах. Солнце играло на белой коже и длинных золотистых волосах красавицы. Большие фиалковые глаза издали казались черными. Лалила изогнулась, массируя левую лодыжку, пыталась улыбнуться, но улыбки не получалось.

Хэдон направился к ней — и, приближаясь, почувствовал сильное желание и горькую печаль. Лалила такая восхитительная, влекущая, он так любит ее, но их обоих ждет близкая смерть.

— Я хотела бы Хэдон, чтобы ты сделал это, — сказала она, показывая на длинный кинжал, лежавший на земле возле нее. — Я предпочитаю, чтобы ты убил меня сейчас и убедился, что я мертва. Я не уверена, что у меня хватит сил вонзить лезвие себе в сердце, когда наступит час. Мне не хочется попасть в руки Минрута. Но... я все еще надеюсь... возможно... я потом смогу убежать. Я не хочу умирать!

— Можешь быть уверена, ты не вырвешься из его лап.

— Тогда убей меня! — вскричала Лалила. — Зачем же ждать последнего мгновения?

Она склонила голову, словно призывая Хэдона опустить на нее меч.

Хэдон же стал на колено и поцеловал ее в голову. Лалила вздрогнула, почувствовав прикосновение его губ.

— У нас могла бы сложиться такая хорошая жизнь!

— Так и будет, — произнес Хэдон, поднимаясь. — Я полагал, что необходимо держаться в соответствии с традициями. Одинокий человек на тропе, отчаянно сражающийся, убивающий, пока груды тел воинов не упокоятся вокруг него, а затем умирающий, когда копья вонзаются ему в руки, не могущие более держать меч. Но это нелепо. Я способен и на другое, и я докажу это. Хотя прежде всего необходимо увести отсюда тебя — не слишком далеко, поскольку времени у нас мало. Пошли.

Он поднял ее на ноги. Лалила поморщилась от боли в лодыжке, но даже не вскрикнула.

— Ты будешь ковылять целую вечность, даже опираясь на меня. — Хэдон засунул меч в ножны и поднял Лалилу на руки. Она спросила, что он намерен делать.

— Подожди! Помолчим. — Потом устремился к лесу. Дойдя до опушки, остановился и быстро осмотрелся. Затем нырнул в полумрак под огромные дубы, к подножию пестрого — белого с коричневым — гиганта.

В паре футов над головой Хэдона выступала нижняя ветвь. Хэдон поднял Лалилу, давая ей возможность ухватиться, Лалила растянулась на ветви, смотря на него.

— Осторожней, не поцарапайся, — предупредил Хэдон. — Забирайся как можно выше и спрячься в листве. У меня нет времени ждать здесь, пока ты заберешься наверх.

— Но что ты намерен предпринять?

— Собираюсь убить сколько удастся. А затем убежать, уводя солдат от тебя и других.

— Ты оставишь меня здесь?..

— Возможно, тебе придется страдать от голода. Или быть съеденной леопардами, или медведями, или попасть в руки бандитов. Всякое возможно, Лалила. Но это лучше, чем ждать неизбежной смерти. Я вернусь к тебе. Но если меня не будет, иди тем же путем, какой избирают другие. Он приведет тебя в замок, где ты окажешься в безопасном убежище.

Лалила улыбнулась, хотя улыбка эта совсем не выражала радости. Вероятность возвращения Хэдона невелика. Сама она не сможет пройти много, много миль через лес, преодолевая горы. Легко заблудиться. Вокруг медведи, леопарды, гиены и множество других хищных зверей. Но даже если она и доберется до храма в Карнете, убежище может оказаться отнюдь не безопасным. Сторонники короля Минрута, моряки Ресу, могли захватить замок. Лалила ни словом не выразила сомнений. Лишь произнесла: "Так быстрее, Хэдон! Я стану молиться моим богам и твоей богине, чтобы мы вновь увидели друг друга! И вскорости!"

Лалила нагнулась, и он, поцеловав ее руку, безмолвно повернулся.

Глава 2

Хэдон пробежал ярдов пятьдесят по старой хорошо протоптанной тропинке между дубами, затем свернул вправо параллельно ей и вернулся к выходу из ущелья. Если собаки взяли его след к дубу, где он оставил Лалилу, так они учуяли лишь его. Проводники увидят только его следы. Земля недостаточно мягкая и, следовательно, вряд ли можно определить, что следы слишком глубоки для одного человека. Собаки пройдут по следу, и, надо надеяться, вернутся к выходу

из ущелья через лес... если там не осталось никаких собак... да и не должно быть, если он добился своего.

Что может помешать преследователям просто-напросто не обратить внимания на его следы, а последовать за беглецами? Хэдон надеялся, что ко времени, когда они пройдут ущелье, преследователей охватит такая жажда мщения, утолить которую сможет только охота за ним и его убийство.

Он помчался обратно в ущелье. Но вместо того, чтобы выйти меж узких высоких стен, Хэдон обошел его с правой стороны. Он бежал, взбираясь на склон, и вскоре уже стоял на краю отвесной скалы. Слева — широкое отверстие наружного прохода в ущелье, в сотне футов ниже.

Он взглянул за гребень. Неистовый лай был теперь хорошо слышен. Головная пара находилась всего лишь в полусотне ярдов от входа в ущелье. Склон здесь еще круче, и, стало быть, продвижение — медленнее. Хэдон прошел назад по гребню и остановился у того места, где начинался узкий проход.

Хэдон разыскал куски породы — не слишком крупные, чтобы их можно было нести, но достаточные для задуманного. К тому моменту, когда головные собаки находились в нескольких ярдах ниже входа в щель, он успел подтащить к краю семь небольших валунов.

Офицер приказал проводникам с собаками остановиться, хотя непросто оказалось привлечь их внимание средь оглушительного лая. Один проводник наконец заметил, что губы офицера двигаются, и передал остальным, чтобы они утихомирили псов. Команда не помогла, пришлось дать им пинка. Животные, взвизгнув, повиновались.

Служебные собаки не издавали ни звука. Они прижались к земле — круглые желтые глаза, слюна, капающая с продолговатых желтых зубов.

Офицер сделал несколько распоряжений, но Хэдону не удалось расслышать слов. Преследователи то и дело смотрели вверх, но, сосредоточив внимание на проходе, не заметили его головы, торчавшей дальше, на гребне скалы. Но очень скоро они узнают, где он.

Внезапно проводники спустили собак с поводков, выдав им команды. Псы, разразившись громким лаем, выгнулись словно луки и стрелами метнулись по склону. Хэдон ждал.

Встреча с ними еще предстоит. Собаки с лаем бежали к проходу, а люди внизу внимательно прислушивались. Поскольку гвалт ослабевал, они поняли, что в ущелье никого нет. Улыбнувшись, офицер что-то сказал проводникам собак. Они, удерживая поводки, гнали вперед взбешенных животных. Хэдон откатился — никакой случайный взгляд не сумел бы его заметить. В нескольких ярдах от края скалы он встал. Потом поднял камень и, держа его над головой, подошел к краю обрыва. Внизу, как раз под ним, неистовствовали три сцепленные собаки, каждая с силой рвала поводок, удерживаемой ее проводником.

Быстро рассчитав скорость движения группы, он с усилием поднял тяжелый камень и швырнул его вниз.

Попадание оказалось точным — камень врезался в бронзовый шлем шедшего первым проводника.

Собака, освободившись от хозяина, тащила за собой поводок. Остальные два проводника, резко остановившись, смотрели вверх. Лица их побледнели, рты открылись.

Хэдон подхватил камень поменьше и резко отправил его недругам. Испуганные проводники, быстро повернувшись, бросились назад к ущелью, но камень угодил одному из них в плечо, поломав несчастному кости и уложив его на землю. Пронзительно крича, преследователь выскочил из прохода и покатился вниз по крутому склону.

Хэдон поднял еще одну большую глыбу породы и подошел к краю обрыва. Катившийся вниз проводник собаки сбил с ног офицера и двух копьеносцев. Теперь все четверо беспомощно катились вниз.

Мощным рывком Хэдон поднял камень и швырнул его; ударившись о склон и разогнавшись в дальнейшем падении, он врезался в группу из четверых копьеносцев. Одного он, очевидно, убил, а остальные, сбитые с ног, кто глыбой, кто товарищем, покатились с горы.

Скорость падения камня чуть замедлилась от "встречи" с людьми, но глыба врезалась в ноги еще одного копьеносца, свалила его и, устремляясь дальше, ударила в живот одного из сыновей фермера. Никто из "обласканных" глыбой не поднялся и не выказывал никаких признаков того, что способен это сделать.

Вместо того чтобы броситься за очередным камнем, Хэдон вернулся в то место, где его никак не могли заметить люди, — ниже прохода. Он перекинул меч в ножнах через выступ, а сам, перебравшись через выступ и на мгновение уцепившись за скалу, опустился. Расстояние от верхнего края до основания в этом месте составляло пятнадцать футов, рост самого Хэдона — одного из самых высоких людей в Кхокарсе — шесть футов и два дюйма, да и руки у Хэдона были необычно длинные. Он перекатился, не причинив себе никакой травмы, поднялся и подхватил меч. Быстро прикрепив к поясу ножны, он побежал к двоим поверженным преследователям. Один оказался мертвым, другой без сознания. Хэдон прихватил их пращи и мешки. Затем он воспользовался кинжалом раненого, надежно гарантируя, что его владелец никогда не сможет более представлять для кого-то опасность.

Хэдон обнажил свой меч — Каркен, Древо Смерти, и воткнул его тупой конец в тонкий слой твердой земли. Потом зарядил свинцовый биконический снаряд в пращу и двинулся к узкому входу в ущелье.

Офицер к этому времени вновь был на ногах — приводил в порядок своих солдат. Покрикивая на них, он внезапно заметил Хэдона. Хэдон ухмыльнулся и принялся вращать над головой пращу за концы ремней горизонтальными кругами. Побледнев, офицер закричал. Вероятно, он протестовал против того, чтобы нуматену применял пращу против другого нуматену, а не от страха перед смертельной опасностью. Но Хэдон считал, что офицер потерял всякое право на личный поединок в ту минуту, когда спустил собак. И вообще, он, Хэдон, решил не играть в этот раз по правилам. Глупо отдавать свою жизнь во имя принципов, если это означает, что ни Лалила, ни другие не спасутся. Его высочайший долг перед Авинет — жрицей великой Кхо, которая сделалась беглянкой, скрываясь от богохульника Минрута. То же самое относилось к Лалиле и ее ребенку.

Под таким углом было трудно пользоваться пращой. Траекторию конусообразного снаряда рассчитать непросто. Часто метатели плохо учитывали подобное положение и посылали снаряд слишком низко. Сотни часов посвятил

Хэдон тренировкам с пращой и успешно охотился в джунглях вокруг Опара. Хэдон освободил конец ремня как только тот снизился, и снаряд набрал скорость. На пути снаряда возникло какое-то расплывчатое пятно, оказавшееся носом офицера. Нос исчез в брызгах крови. Офицера отбросило вниз с горы. Он свалился на спину и, проскользив футов шестьдесят, остановился, упершись головой в выступ скалы.

Свинцовые снаряды, посланные отнюдь не одной пращой, падали рядом. Хэдон отступил назад, скрываясь из поля зрения. Несколько штук пролетели выше — мимо края ущелья. Другие врезались в скалу ниже, расшвыривая от нее осколки.

За эти несколько секунд наблюдения Хэдон заметил, что пару других собак утащили обратно по склону. Одну собаку Хэдон сейчас видел хорошо — она находилась за пределами ущелья и лаяла, ловя запах Хэдона. Она наверняка пройдет по его следу в лес, затем вернется по собственным следам и, очевидно, обнаружит его. Однако какой-то запас времени у него еще есть.

Внезапно ущелье огласилось звоном колокольчиков и рычанием. Хэдон выглянул из-за выступа. Так он и знал. Командовавший теперь рекока, или сержант, спустил остальных собак. Теперь он орал на подчиненных, и они карабкались вверх на четвереньках.

Сержант, наверное, надеялся, что собаки займут внимание Хэдона, пока он со своими людьми пройдет ущелье. «Сержант, видать, неплохо соображает, — подумал Хэдон. Надо побыстрее вывести его из игры».

Хэдон метнул еще один снаряд.

Четыре собаки выскочили из конца прохода, впереди пара более резвых охотничьих, две служебные — вслед. Камень ударил первую собаку в заднюю левую лапу и сшиб животное. Собака все же поднялась, воя и пытаясь догнать других. Лапа ее волочилась. Собака упала и больше не поднималась.

Хэдон прошел к краю ущелья, в обратном направлении от скалы. Теперь он заметил шестерых солдат с пращами, усталыми движениями служивые раскручивали орудия. Как только он обнаружит себя, снаряды полетят в него.

Хэдон перевалил валун через выступ в узкий проход ущелья и сам последовал за ним; подняв валун, пошатываясь, он

подошел к входу в щель. Опустив огромный камень, Хэдон ждал. Вскоре он услышал тяжелое дыхание.

Хэдон присел, держа меч над головой.

Вдруг он заметил руки, уцепившиеся за выступ входа. Затем показалась голова сержанта. Побагровевшее от напряжения лицо мгновенно сделалось белым — он заметил Хэдона. Сержант завопил, пальцы его разжались... Хлестнул тену. Сержант полетел вниз, оставив на скале руки, быстро истекшие кровью. Внизу кричали. Хэдон встал, с предельным усилием выжимая валун над головой. Сделав шаг вперед, он отбросил от себя камень. Валун угодил в солдата, склонившегося над телом сержанта и невидящим взором уставившегося на несчастного. Камень смял шлем, «прокатился» по телу и продолжил свой путь по склону. Еще один солдат, пронзительно завопив, пытался откатиться с пути валуна, но глыба проехала по его руке. Хэдон отпрянул, заметив врагов, вращавших пращи. Снаряды ударили в утес над ним. Осколки породы вонзились в лицо, руки Хэдона.

Он побежал назад по ущелью. Вряд ли солдаты сразу же предпримут новые действия. У него будет время заняться собаками. По крайней мере, он рассчитывал на это.

Животные возвращались. Они выскочили из мрака дубового леса в тот момент, когда он достиг выхода. Охотничьи псы остановились, увидев его. Служебная собака с рычанием понеслась к нему. Хэдон опустил пращу. Он ждал. В тот миг, когда служебный пес бросился вперед, пытаясь схватить его за горло, Хэдон взмахнул мечом. Лезвие отсекло голову. Удар отбросил тело. Хэдон по инерции повернулся, отступил, но хлынувшая кровь обагрила ноги.

Теперь двинулись вперед охотничьи собаки. Хотя порода выводилась для выслеживания, псы были обучены также и нападению. Один пес подбежал к Хэдону и остановился на расстоянии меча. Другой крутился сзади, бросаясь на Хэдона и хватая за ноги. Хэдон переложил тену в левую руку, вытащил нож и метнул его. Собака отпрыгнула в сторону, но опоздала: нож вонзился в туловище перед правой задней лапой. Теперь можно было взять тену в правую руку. Охотничий пес, пытавшийся укусить его за ногу, замер. Потом он с лаем отскочил назад, на тропку сбоку.

Хэдон тоже отступил и, не сводя глаз с собаки, опять проделал прежнюю операцию: переложил меч в левую руку, быстро вытащил нож, вытер его о траву и ждал.

Но уже через десяток секунд Хэдон двинулся навстречу псу. Тот отступил, сохраняя дистанцию около тридцати футов, то пытаясь вырваться вперед, то пятясь назад.

Хэдон продолжал двигаться к краю обрыва. Внезапно собака сообразила, что происходит. Оставалось двадцать футов — и пес полетит с вершины скалы.

Собака отступила под углом от Хэдона; он двигался на нее — взаимное движение теперь происходило по прямой. Хэдон метнул нож — лезвие вошло в шею.

Спустя минуту он осторожно выглянул из-за выступа. Большая часть отряда собралась футов на тридцать ниже ущелья. Двое находились почти у входа. Передвигаясь ползком, они сжимали в руках копья. Не иначе как замышляли одновременно подняться к самому входу и бросить копья, если Хэдон еще там.

Хэдон метнулся к собаке, подхватил тело и поспешил с ним к верхней части ущелья. В тот миг, когда солдаты поднялись на ноги, он швырнул вниз собачью тушу. Она сшибла с ног одного солдата, и он покатился по склону вниз на сбившихся в кучу людей. Второй солдат с копьем испуганно глазел, явно не понимая, что происходит.

Хэдон осмотрелся. Под руками — ни камня, ни крупного валуна, который было бы под силу катить вниз. Хэдон быстро перебрался через гребень и лег на дно прохода. Солдат заметил его и стал карабкаться вверх, явно намереваясь пробраться в проход. Он встал, увидев бегущего на него Хэдона, и поднял копье для броска. Нож Хэдона опередил копье, войдя до основания в рот солдата. Смельчак рухнул на спину.

Нож пропал, но копье упало рядом.

Глава 3

Прошел час. Хэдон в ожидании присел возле входа. Солдаты ретировались на полусотню ярдов ниже и футов на сорок

от одной стороны ущелья. Они сидели, переговариваясь. Казалось, что они ссорятся или спорят. Неудивительно: собаки мертвы, а значит, воинство лишилось их незаменимой помощи в выслеживании беглецов. Трое уже ни на что не годны, восемь человек погибли. Оставалось двадцать девять, но они могли войти в ущелье только по одному, а противник теперь вооружен даже лучше, чем прежде.

Хэдон окинул взглядом широкую долину. Справа, далеко внизу, среди деревьев то и дело виднелась дорога. На ней — крошечные фигурки. Солнце временами отражалось на касках, играло на острие копья. Подходило подкрепление — с собаками. До наступления ночи новой команде не добраться до ущелья, но и рассвета они дожидаться не станут, зная, что Хэдон может скрыться под покровом темноты. А их основная цель — Авинет — убежит еще дальше

Солдаты зажгут факелы и спустят собак. На этот раз собак будет достаточно, чтобы справиться с ним, а люди тем временем начнут штурмовать ущелье.

Похоже, что солдаты на склоне еще не заметили людей на дороге. Но вот-вот это случится, и как они тогда поступят? Станут ждать подкрепления? Или предпримут атаку?

Далеко справа, за склоном горы, по ту сторону долины возвышался Кховот — Голос Кхо, Великой Богини, Матери Всего. За ним сразу — темное пятно — это все, что ему было видно вместо города Кхокарса. Голос Кхо изверг огромную массу лавы и ядовитых газов, пока он, и Лалила, и другие спасались бегством из подземной тюрьмы Минрута. Им повезло, что землетрясение, предшествующее извержению вулкана, открыло им путь: сильные толчки земли разрушили здания и принесли в город панику.

Потом могучий Кховот выбросил раскаленную добела лаву и огромные глыбы камня. В хаосе бегства горожан группа Хэдона сумела удрать в окрестности.

Даже тогда солдаты Минрута устремились в погоню и едва не схватили их, но Квазин — исполинского сложения кузен Хэдона прыгнул в лодку полную солдат.

Последнее, что видел Хэдон до того, как дым закрыл от его взора сражение, был поднимавшийся и опускавшийся огромный боевой топор Квазина.

Хэдон был полон благодарности Квазину за его самопожертвование, хотя определялось оно в большей мере преувеличенным мнением кузена о своей личности, чем иными мотивами. Квазин считал себя сильнейшим человеком в мире — возможно. так оно и впрямь было. Но он ненавидел Хэдона и клялся позднее разыскать и отнять Лалилу. Однако для этого Квазину пришлось бы сначала убить Хэдона.

Грозный — таким он и был — Квазин намеревался вступить в поединок, достойный войти в историю. Квазин был намного крупнее и сильнее, но ему не хватало быстроты Хэдона. Да и в искусстве фехтования он уступал кузену. Но этот топор, сделанный Пагой из упавшей звезды... он был столь тяжел, что лишь гигант, подобный Квазину, обращался с ним так, словно топор был из папируса.

Хэдон мысленно вернулся к тем временам, когда он покинул Опар ради Великих Игр в Кхокарсе. Кто мог предвидеть цепь последовавших затем событий, которые привели его в это горное ущелье? Лишь Сама Кхо. Она позволила проронить несколько намеков устами Ее толкователя, мудрой жрицы, жившей в пещере невдалеке от кратера вулкана.

Хэдон соперничал с другими честолюбивыми юношами — атлетами на Малых Играх в Опаре. Среди избранных оказались трое: он сам, его друг Таро и злобный Хевако. Эти трое вместе с запасными прошли на галере через Кемувопар, Южное Море Опара. Они проследовали через пролив Кета, а затем пересекли просторы Кему, Северное Море, Великую Воду.

Авинет, королева Кхокарсы, верховная жрица, дочь Минрута, желала выйти замуж за короля ее возраста. Минрут же требовал, чтобы она вышла за него, но она отказала ему. Пошла молва, что Авинет затащила отца в постель, еще не приняв никакого решения, и обнаружила, что она желанна. Хэдон не больно-то верил этой истории: уж слишком очевидной была продолжительная враждебность дочери и отца. Ходили слухи о том, что Авинет подозревала отца в том, что он отравил ее мать. Хэдон и в этом сомневался, хотя Минрута прозвали Безумным явно не без основания. Но даже Минрут не осмелился бы умертвить свою жену, верховную жрицу, высшую наместницу Кхо. Он несомненно убоялся бы гнева

Богини. Но позднее Минрут, вероятно, действительно совершил такое, и обнаружив при этом, что молния не поразила его, земля пред ним не разверзлась, он почти утратил чувство благоговейного страха перед Ней. Могло случиться, что Минрут осмелился помыслить свергнуть Ее и сделать Ресу, Пламенеющего Бога, верховным божеством, тем самым обеспечивая господство королей во всех сферах — духовной и светской. И еще этим совершив переворот в роли мужчины в Кхокарсе. Минруту все было мало. Властелин армии и флота, хозяин строительства дорог и главных сооружений, он еще возжелал контролировать налоги, почтовую систему и религиозные организации. А сверх всего он хотел закончить воздвижение Великой Башни Кхо и Ресу. Ее строительство было начато еще пять веков назад королем Клакором. Легенда гласила, что король, который завершит сооружение Великой Башни, будет вознесен на небеса, в голубой дворец Пламенеющего Бога, и сделается бессмертным. Дворец был готов наполовину, а Минруту исполнилось уже пятьдесят восемь. Минрут желал тратить все до последнего гроша на продвижение изнурительной стройки. Полтысячелетия жрицы вмешивались в дела, замедляя работу. Беспокойные времена также не способствовали успеху. Жрицы заявляли, что Империя вовсе развалится, если все усилия будут направляться на завершение строительства башни. Наверное, это было правдой. Кроме того, становилось очевидным, что строение не выдержит более дополнительного веса. Сооружение башни пришлось прервать, пока кому-то не удастся изобрести новый вид очень легкого кирпича. Минрут предложил награду, равную сумме годовых налогов города Баваку, любому, кто придумает требуемый строительный материал.

Хэдон выиграл Великие Игры, но радость его была сильно омрачена убийством его друга Таро. Гордый победитель, он торжественно отправился во дворец, ожидая, что его объявят мужем Авинет и Императором Кхокарсы. Но был "награжден" новостью, которая ошеломила и оскорбила его.

Голос Кхо, прорицательницы из пещеры у вершины вулкана, возвестил о том, что чествование следует отложить. Прежде он должен возглавить экспедицию на дальний север, к берегам Звенящего Моря. Там ему предстоит найти и

вернуть обратно из-за Звенящего Моря трех человек. Некогда экспедицию доставил к южным берегам Звенящего Моря Саххиндар.

Но изгнанный бог бронзы, растений и времени оставил их там, направив Хинокли, участника предыдущей экспедиции, в Кхокарсу с соответствующим распоряжением.

Почему? Об этом ведала лишь Сама Кхо.

Хэдон в приступе гнева предположил, что Минрут как-то ухитрился придумать эту несправедливую отсрочку. Но, поостыв, пришел к выводу, что виновен в богохульных мыслях. Жрица Кхо не осмелилась бы вещать лживо. Даже в том случае, если была бы на то воля Кхо. Возмездие оказалось бы скорым и ужасающим.

С большой неохотой повел Хэдон экспедицию на север, мимо гор Саарес, к обширным саваннам, простирающимся за ними. Во время путешествия он натолкнулся на своего кузена Квазина. Гигант убегал от племени дикарей и спасся лишь потому, что люди Хэдона отогнали их. Квазина несколько лет до этого изгнали из Кхокарсы. Он изнасиловал жрицу и убил несколько стражей в замке из ее охраны. Согласно обычаю его надлежало кастрировать и бросить тело свиньям.

Но прозвучал Голос Кхо — и карой ему стала ссылка на неопределенный срок.

Весь оставшийся путь Квазин сопровождал их. Они обнаружили троих скитавшихся — Лалилу, Пагу и Абет. Лалила утверждала, что Саххиндар действительно доставил их сюда из-за Звенящего Моря. По одному ему известным причинам он покинул их. Они присоединились к экспедиции Хинокли, возвращавшейся в Кхокарсу, но на них напали дикари, убили всех, кроме Хинокли и их троих. Хинокли увели от них, и он отправился обратно на родную землю. Но Лалила заявила, что Саххиндар отрицал свое божественное происхождение. Из его слов следовало, что он всего лишь человек. Но признал, что живет уже более двух тысяч лет. Саххиндар сказал, что родился в далеком будущем, но, путешествуя на "корабле времени", он вернулся в эпоху за две тысячи лет до настоящего. И именно он сделал возможной цивилизацию Кхокарсы.

Во время обратного путешествия Хэдон влюбился в Лалилу. И не он один. Казалось, она создавала вокруг себя ауру, которая влекла к Лалиле мужчин, словно аромат ночной бабочки притягивает к себе мотыльков-мужчин. Она, бесспорно, была красивой, но многие женщины в Кхокарсе не уступали ей в этом достоинстве. Пага говорил, что она приносит несчастье. Она сводит с ума мужчин и в то же время приводит их к гибели. Хэдона это не беспокоило. Он впал в экстаз, когда Лалила сказала, что любит его. Она готова забыть свою скорбь по Ви, любовнику, которого уже не было в живых.

В Кхокарсе их встретили ужасные новости. Минрут заточил Авинет в ее апартаментах и объявил себя верховным правителем. Хэдона вместе с участниками его экспедиции схватили и препроводили в Кхокарсу, главный город Империи Кхокарса. Квазин сбежал, но позже и его взяли снова. Во время землетрясения, предшествовавшего извержению вулкана, Хэдон, Квазин и Пага освободили Лалилу, ее дочь и Авинет и убежали в горы к северо-востоку от города.

Авинет и другие еще могли уйти. Лалила также могла выбраться, хотя ее шансы выжить в этих лесах, кишащих бандитами и зверьем, были невелики. Скорее всего, она погибнет голодной смертью.

Однако он сделал больше, чем сам ожидал. Ему оставалось лишь надеяться на себя и Лалилу.

Глава 4

Совсем небольшой краешек солнца еще освещал землю.

Хэдон перекатил валун с лесной опушки к краю утеса футов на сорок в сторону от внутреннего прохода. Он столкнул глыбу и смотрел, как она катилась по склону. Внизу люди, услыхавшие грохот от удара при "приземлении" валуна на дно утеса, уставились вверх. Затем они быстро откатились к одному склону, надеясь не оказаться на пути скачущей смерти; другие просто побежали; кто-то, потеряв равновесие на крутом склоне, упал.

Огромный камень, врезавшись в выступ и подскочив, ударил проводника собаки в грудь. Тот отлетел, прокатившись на

спине футов сто, и затих. Валун, лишь слегка «отметившийся» при столкновении, перекатывался и подпрыгивал, продолжая путешествие к подножию горы, забирая по луговине, и, наконец, остановился, уткнувшись в столб.

Хэдон надеялся отправить к праотцам поболее одного проводника. Однако он не слишком огорчился. Главная цель — убедить солдат, что он все еще здесь, рядом с ними, заставить их думать, что он намерен охранять проход до наступления сумерек, а возможно — и потом.

Хэдон преуспел. Солдаты отправились по склону обратно, на луговину. Здесь они некоторое время совещались, то и дело поглядывая на ущелье. Очевидно, решили ждать подкрепления.

Но на сей раз он ошибся. Солдаты двинулись по луговине. Хэдон наблюдал, как они начали взбираться вверх, теперь уже под углом. Конец их тропы находился милях в пяти, там, где отвесные скалы уже едва виднелись.

Солдаты намеревались подняться там на доступную высоту и вернуться обратно по краю утеса. Хэдон прикинул, что, если судить по их темпам, солдатам понадобится на это не менее девяти часов, и отправился в лес. Он перелез через упавший ствол, поддерживаемый двумя дубами. «Лалила!» — тихо позвал он. Ответа не было. Хэдон взобрался на ветку — как раз над тем толстым суком, где лежала Лалила. Она спала на боку. Хэдон окликнул ее еще раз, Лалила открыла глаза. Он свесился с ветки.

— Не волнуйся, — произнес он. Потом Хэдон поведал ей о происходящем.

— Что ты собираешься предпринять? — спросила она. Покрасневшие сейчас фиалковые глаза ее смотрели широко. Лалила выглядела измученной. Позабыв о травме, она пошевелила ногой, на лице ее отразилась острая боль.

— Нам надо уходить,— объявил Хэдон. — Часть пути я понесу тебя на спине, а потом буду поддерживать. Ты сможешь идти?

— Должна, — попыталась улыбнуться Лалила. — Выбора нет, не так ли? Но ты же собирался оставить меня здесь...

— Я передумал, поскольку ситуация изменилась. Спрятать тебя на время можно и потом, если они подойдут слишком

близко. Но чем дальше я проведу тебя в лес, тем короче расстояние, которое мне придется преодолеть, возвращаясь за тобой. Кроме того, остается шанс, что мы сможем вовсе оторваться от них. Но...

— Но тебе все равно придется оставить меня, — сказала Лалила. — Ты же не можешь позволить им преследовать остальных.

— Если они обнаружат их след... Нам остается только уповать на лучшее... И верить Кхо.

Хэдон помог Лалиле спуститься с дерева, что тоже оказалось не простым делом. Наконец они оба оказались на земле. Хэдон надел на грудь мешок с провизией, который он снял с убитого. Он присел, и Лалила, сжав губы, чтобы сдержать стон, забралась к нему на спину.

Хэдон поднялся и, охватив ее ноги под коленями, двинулся в путь.

Вскоре они оказались под ветвями дубов, нависшими над тропой. Стараясь сберечь силы, Хэдон шел не слишком быстро — путь предстоял долгий. Да и события вчерашнего дня и сегодняшние ослабили его. Он почти не спал и затратил немало физических сил, разделываясь с преследователями.

Хэдон внимательно следил за тропой, отмечая, что следы группы Авинет заметит и неопытный человек; на каком-то отрезке проступали и его следы, затем они исчезли. В этом месте он скрылся в лесу, чтобы вернуться сюда по собственным следам. Да, это не было пустой тратой сил. Он сбил собак со следа и выиграл время, чтобы потом разделаться с ними.

В тени дубов становилось холодно. Было довольно тихо, если не принимать во внимание близкого карканья ворона да отдаленного гомона обезьян. Вскоре Хэдон заметил несколько обитающих на дубах обезьян, созданий не крупнее белок, с которыми они состязались в сборе орехов и ягод. Обезьяны имели красноватый окрас, лишь вокруг мордочек кольца белой шерсти. Небольшая стая обезьян какое-то время следовала за ним, перескакивая с дуба на дуб, но затем потеряла к людям всякий интерес. Но крики животных еще долго оглашали лес.

Время от времени Хэдон нагибался, и Лалила ступала с его спины на землю. Они медленно продолжали путь, Хэдон

поддерживал Лалилу, хромавшую на одну ногу. Когда ее здоровая нога уставала, они минут пятнадцать отдыхали, и Лалила опять звала его в путь.

Тропа упрямо, хотя и не круто, уходила вверх. К сумеркам они добрались до верхней части седловины с остроконечными вершинами по обеим сторонам. Впереди виднелась гора, раза в два выше той седловины, на которой они стояли. Снежная вершина ее освещалась заходившим солнцем. В самой долине господствовала тьма — различить что-либо не удавалось Теперь их окружали сосны — дубам здесь было слишком холодно.

Сидя на влажной листве, Лалила дрожала.

— Мы замерзнем, — проговорила она.

Хэдон молча жевал кусок черствого хлеба и еще более жесткую вяленую говядину.

— Спать не так уж и холодно. Немного отдохнем, пока не выйдет луна. Часа два, должно быть. Потом пойдем дальше. Согреемся в движении.

— Ты же не сможешь идти, — сказала Лалила. — Ты слишком устал. Разве мы предусмотрительно не получили преимущество перед ними? Неужели нельзя поспать до рассвета?

Хэдон промолчал и шагнул к роднику, который журчал рядом. Зачерпнув ладонями воды, он напился и тогда ответил:

— Все зависит от того, преследуют ли они нас в темноте или решили дождаться рассвета. Скорее всего, солдаты не осмелятся войти ночью в здешние леса. Говорят...

Он запнулся. Лалила прошептала:

— Говорят — что?..

Хэдон прикусил губу. Он вовсе не хотел пугать ее, но теперь, если он промолчит, она подумает черт знает что.

— Говорят, что этот лес населен демонами. А еще леопарды и гиены. Выдумки о демонах явно пустые, некоторые люди склонны пугать себя злыми духами. До меня доходило много таких рассказов. Хотя мне никогда не доводилось видеть демона, тем не менее я слышал разные истории от тех, кто утверждает, что они-то видели... или знали людей, которые клялись, что видели...

Вот насчет леопардов, гиен и медведей сомнений нет. В горных лесах Кхокарсы их предостаточно. На двигающихся людей они обычно не нападают, а вот на спящих... кто знает.

Он не рассказал ей о кокеклакааре — Длинноруком Убийце, обитающем среди деревьев. По описаниям это было волосатое получеловеческое существо, подстерегавшее, спрятавшись в ветвях, неосторожного путника. Когда его жертва проходила внизу, получеловек свешивался, держась одной рукой за ветку, хватал другой добычу и смыкал свои клешни, похожие на крабьи, вокруг шеи несчастного. Хруст! Клешни прерывали дыхание, вдавливались в плоть, почти отрывая голову.

Затем тварь забрасывала тело на ветви, взбиралась сама и, расположившись поудобнее, высасывала кровь роговым ртом, похожим по форме на трубу.

Нет, он не станет все это живописать. Ей достаточно волнений и без того.

— Люди Минрута сочтут, что их слишком много, и потому вряд ли демоны осмелятся наброситься на них. И тогда они зажгут факелы и последуют за собаками. Они ведь могут двигаться намного быстрее нас. Если поторопятся — вполне способны появиться здесь к рассвету. Или еще раньше. Смотри-ка, — Хэдон показал на ключ, который превращался далее в небольшой ручей. По всей видимости, ручей пересекал гору наискось! Насколько сейчас можно было видеть, он струился далеко. Возможно, далее он образовывал водопад. Они могли бы пройти по ручью и скрыть свои следы.

— Почему бы Авинет с людьми тоже не пройти по ручью? — спросила Лалила.

— Не знаю. Может, они поступили так подальше, внизу.

— Разве солдаты не сообразят, что беглецы задумали, когда наши следы исчезнут?

— Ты слишком логична, — сказал Хэдон. — Конечно же, поймут. Пошлют людей преследовать нас по воде, а другие станут высматривать следы на земле. Но если мы оторвемся от преследователей, я смогу где-то спрятать тебя. Затем вернусь посмотрю, что можно предпринять.

Вода в ручье оказалась очень холодной. Прошли они не слишком много, а ноги совсем окоченели. Лалила не жаловалась, но ноги ее не слушались, и, наконец, оступившись, оба они упали. Хэдон, ругаясь, быстро поднялся и помог встать Лалиле.

— Я совсем не чувствую ног ниже колен, — сказала она.

— Это же здорово! — заметил Хэдон. Значит, не болит твоя несчастная лодыжка. И ты можешь идти дальше.

Может, в этом и была своя доля правды, но его собственные ноги так застыли и одеревенели, что сделались похожими на костыли. Хэдон не ощущал теперь ни камней, ни углублений на дне русла. То и дело он падал, и каждый раз испытывал шок, окунаясь в ледяную воду. Он дрожал, уверенный, что, посмотри он сейчас на свою кожу, ему была бы неприятна ее синеватость. Лалила стучала зубами; Хэдон, поддерживавший ее, чувствовал, как дрожит тело женщины.

Спустя какое-то время, показавшееся им нестерпимо длительным, они добрались до водопада. Темнота не позволяла определить, как далеко вниз устремляются его воды. Да и какая разница! Все равно надо выбираться отсюда и идти лесом, где склон не так крут. Наверное, полпути они проскользили на задницах по мокрой листве и грязи. Ветви царапали все части тела, до которых могли добраться. Камни обдирали ноги и ягодицы.

Появилась луна. Не очень большая помощница здесь, под плотным покровом деревьев. Вскоре они заметили отблески воды и возвратились к ручью. Прошли по нему с милю — опять водопад, на сей раз определенно крупный. Они остановились в верхней части глубокого, но узкого ущелья, что вынудило их идти вдоль его краев, хотя и не очень близко. Один раз Хэдон поскользнулся на комке плотной грязи, и оба едва не проследовали в бездну. Лалила вновь повредила лодыжку.

Над долиной, куда они все-таки добрались, повисли облака, закрывая звезды в ее западной части. Вскоре плотно замаскировалась и луна. Крупный дождь обрушился на утомленных беглецов. Они нашли убежище под деревом и недвижно сидели, прижавшись спинами к стволу. Дождь проникал сквозь листву, струился к ним по стволу. Было холодно, но не так, как в горном потоке.

— Знать бы, что будет дождь, — сказал Хэдон, — я бы и шел себе по тропе. Ни следов, ни запаха — все смылось бы.

— Так теперь нам не обнаружить Абет! — вскричала Лалила.

— Найдем тропу и пойдем по ней. Но если их не покинул здравый смысл, им следовало бы сойти с тропы в первом же месте, где они не оставили бы следов. Не беспокойся. Если это вообще возможно, мы разыщем их. Если мы выйдем на замок, жрицы помогут нам отыскать их.

Хэдон поднял Лалилу, обнял ее, и она прильнула к нему. Так и стояли они, мокрые и усталые. Наконец Хэдон разомкнул объятия и нарочно резко, пытаясь скрыть изнеможение и отчаяние, сказал:

— Пока не будем возвращаться на тропу. Попробуем срезать угол, чтобы добраться до ущелья, которое мы видели. Наверняка тропа проходит через него. Доберемся и посмотрим, нельзя ли там забраться повыше. И не оставить бы нам нигде никаких улик.

Ущелья они достигли почти перед рассветом. Оно имело почти сотню ярдов ширины, крутые стены из известняка. Однако в нескольких местах, очевидно, можно было подняться, а на одной из вершин виднелся даже плоский выступ.

— Доберемся туда и поспим. Надеюсь, собаки не учуют нас на такой высоте. На камнях запах удерживается слабее. Он и вовсе исчезнет, когда они дойдут досюда. Надеюсь.

В нормальном состоянии они достигли бы выступа минут за пятнадцать. Сейчас же приходилось часто останавливаться, чтобы отдышаться, справиться с судорогами и дрожью в ногах. Лалила почти половину пути проделала на спине у Хэдона. С большим трудом беглецы продвигались вперед и, наконец, добрались до выступа — плоской поверхности пятнадцати футов в длину и десяти в ширину.

— Пещера! — вскричала Лалила.

Хэдон поднялся, вытащил меч и осторожно двинулся вперед. Зловонный запах ударил ему в нос, едва он приблизился к пещере, — запах гиен. Хэдон хорошо запомнил эту вонь — мерзкий запах преследовал его в течение всей экспедиции через саванны к северу от Кхокарсы. Однако гибкий, с выгнутой спиной, с челюстями, обладающими хваткой капкана, зверь не выскочил на него. Заглянув внутрь, Хэдон разглядел раздробленные кости, волосы и засохший помет.

Внимательно оглядываясь вокруг, Хэдон продвигался внутрь, пока свод потолка резко не пошел вниз. Опустившись

на колени, он на четвереньках продвинулся еще немного, вглядываясь в темноту. Снова кости и камень, камень...

Выходя, он сказал:

— Можем спать здесь. Но сперва...

Хэдон окинул взглядом горную долину, которую они миновали. Крошечные фигурки пересекали дно долины — вереница фигурок. Сотни две по грубому счету.

Лалила сказала:

— Как хорошо, что выступ с солнечной стороны. Хотя не думаю, что мне когда-нибудь еще доведется изведать тепло.

— Они идут, — произнес Хэдон. Лалилу словно ударили. Хэдон поспешно добавил: — Сюда они доберутся не скоро. Нет смысла плестись дальше. Мы свалимся, обессилив, так и не дойдя до следующего ущелья. Давай спать.

— А что же потом?

— Собаки наделают достаточно шума и разбудят нас. Потом... потом, Лалила, мне придется оставить тебя. Что я предприму затем, я не знаю. Что-то придумаю. Молись Кхо помочь почитающему ее в борьбе против людей Ресу.

Он съел немного хлеба и вяленого мяса, настояв, чтобы Лалила тоже подкрепилась. Потом они улеглись у входа в пещеру, обняв друг друга. Ощущая телом обнаженные груди, он удивлялся волнующему желанию. Он думал, что усталость не позволит ему поднять голову, не говоря уж о чем-то еще. Он убеждал себя, что не время сейчас даже помышлять о таком.

Но, помышляя, заснул.

Глава 5

Какие-то секунды, словно в тумане, Хэдон сознавал, что его тормошат. Вдруг он почувствовал, что его попросту дергают за волосы. Он недовольно проворчал — отстаньте! — а потом проснулся — шлепок оказался весьма ощутимым. Хэдон сел и посмотрел на Лалилу: «В чем дело?..»

Собачий лай и людские голоса ответили исчерпывающе.

Кривясь от боли в усталых мышцах, Хэдон встал. Потянувшись и овладевая собой, опустился на четвереньки и выглянул

из-за края выступа. Далеко внизу виднелась длинная вооруженная процессия — облаченные в стальные доспехи солдаты. И не менее сорока собак. Их лай и рычание, если и не могли пробудить мертвых, то уж встряхнуть самого смертельно усталого — несомненно.

Хэдон отпрянул. Взгляни хоть один солдат вверх...

К нему подползла Лалила. Она хотела было заглянуть через край выступа, но он пригнул ее за плечо.

— Подожди, пока не пройдет последний.

Хэдон отполз — снизу он теперь был невидим — и поднялся. В пещере он извлек из ранца провизию. Протянул Лалиле ее завтрак. Пока они ели, запивая водой из керамической фляги, он говорил Лалиле, что она должна делать.

Наставление было предельно простым: ждать, пока он вернется.

— Я выдержу одиночество, — сказала Лалила.— Но если ты не вернешься через два дня, у меня останется простой выбор: умереть или убить себя. Мне не спуститься отсюда без твоей помощи.

Ответ Хэдона прозвучал не сразу. Он посмотрел на север. Ущелье там было намного шире, чем то, которое они миновали. И горы, стенами сжимавшие его, вздымались выше.

Склон горы, на которой они находились, позволял разглядеть только восточную половину ущелья. Она густо поросла лесом, лишь на западе гладь озера блестела на его дальней границе.

Может, на берегах есть селения, и они тоже не видны из-за склона. Ну и что? Реально ли доверить заботу о Лалиле тамошним жителям? В этом краю преобладали почитавшие Кхо. Здесь, где-то в горах, наверное, есть несколько храмов. Лалила могла бы найти надежное убежище в одном из них, хотя ныне наиболее чтимое, святое, неосквернённое, недоступное даже для самых злонамеренных людей место не могло более полагаться таковым.

Он сказал:

— Возможно, ты права. Попытаюсь доставить тебя вниз, а там тебе придется попытать счастья. Так или иначе, я обязан сбить их со следа Авинет и остальных, хотя, не исключено, они уже потеряли его. Но солдат так много, могут разбиться

на группы и облазить все ущелье. Ума не приложу, как поступить. Что может один против стольких! Там, внизу, ты окажешься еще в большей опасности, чем здесь.

— Мне необходимо вернуть свою дочь, — сказала Лалила. — Я выполню все, что ты скажешь. Полагаю, следует обдумать, что произойдет, если ты не вернешься.

Разговаривая с Лалилой, Хэдон поглядывал налево — в ущелье.

— Смотри, смотри туда! — Хэдон вскочил.

Лалила поползла к нему, но Хэдон поднял ее. Она взглянула вниз...

— Еще солдаты!

— Не думаю. Вроде бы на них нет защитных доспехов. Не иначе — охотники. Или торговцы. Смотри, какие тюки они тащат. Должно быть, знают, что делают, ведь следы множества солдат отчетливо видны. И очень спешат. Уж не намерены ли они нагнать солдат.

Хэдон помолчал.

— Это меняет дело. Я не могу повести тебя вниз, пока солдаты не уйдут. Эти люди окажутся слишком близко за нами. Уж нас они наверняка догонят.

— Я поступлю так, как ты скажешь, Хэдон. Мне не по душе оставаться здесь, но я постараюсь быть осторожной...

Он решился еще раз заглянуть за край. Шум стих — солдаты, похоже, прошли. Да, да, тылов охранение. Солдаты уже и не оглядывались. Хэдон сказал:

— Мне совсем не хочется оставлять тебя здесь, но выхода нет. И мне надо быстрее уходить. Нужно попасть в лес до того, как солдаты заявятся сюда.

— Хорошо, — смирилась Лалила. — Может, ты скоро вернешься. С Авинет.

— На все воля Кхо.

Он поцеловал Лалилу в зовущие губы, — увы! потрескавшиеся и сухие; и пусть она выглядела измученной, а губы оказались обветренными, Хэдон чувствовал, как желание вновь охватывает его. Он выпрямился и улыбнулся:

— Ты способна пробудить в мужчинах страсть даже на смертном одре.

— Что?

— Я люблю тебя, — сказал Хэдон, прощаясь.

Обойдя склон, он теперь видел большую часть ущелья. Край озера оказался внушительным, овальной формы. Посередине озера — маленький остров, на котором возвышалось строение, светло сверкавшее на солнце,— круглое, увенчанное куполом. Сооружение из известняка — мрамор доставлять сюда по воде слишком трудно. Несомненно, это Храм Кхо или одной из Ее многочисленных дочерей. Из этого следует, что Авинет непременно стремилась сюда. Конечно, если бы группе удалось достичь такой дали. Вполне возможно, они прячутся где-то в ущелье у него за спиной. Но солдаты знали бы об этом. И послали бы несколько пусть небольших отрядов на их розыски, пока остальные продолжали бы преследование. Они этого не сделали. Значит, командиру известно о храме, и Авинет тоже должна была о нем знать. Офицер, как и Хэдон, «вычислил», что храм — цель беглецов.

На западе озеро оборачивалось рекой, петлявшей в лесу. Хэдон скользнул в его безопасную сень, стараясь по прямой добраться до озера. Густой подлесок смыкал проходы меж соснами; продираясь сквозь него вниз, Хэдон вышел к дубовой части леса. Ряды плотно выстроившихся дубов и широкие ветви гигантов подавляли собой слишком смелую растительность внизу. Хэдон шел быстро, то и дело переходя на бег, преодолевая оцепенелость и боль в мышцах. Он продвигался быстрее солдат, хотя труднопроходимая местность отнюдь не способствовала этому. Тропа, по которой шли солдаты, немного уходила к северо-востоку, затем, как он полагал, срезалась обратно к озеру.

Он первым достигнет озера, если ничего не случится.

Дважды Хэдон пересекал ручьи, останавливаясь напиться. Он прикончил хлеб и вяленое мясо. Было голодновато, но и охотиться недосуг. Да и кого он добудет ножом да тену? Ответ стал очевиден, когда Хэдон, не упуская предоставленную возможность, выхватил нож и метнул его в обезьяну. Этот экземпляр был крупнее той маленькой обезьянки, обитавшей на дубах; обезьяна отважилась спуститься на нижнюю ветку и завопить на него. Нож настиг ее как раз в тот момент, когда она повернулась, собираясь

отпрыгнуть. Обезьяна упала, глухо ударившись о землю; сотни ее друзей и подруг запрыгали вокруг, свисали с веток, угрожающе вопя.

Хэдон остановился, быстро разделывая тушу. Голова, хвост, внутренности, передние и задние лапы, шкура, — все полетело прочь. Отрезая куски мяса, он теперь жевал на ходу. Приготовленное — оно, конечно, было бы предпочтительнее, однако Хэдон еще мальчиком ел сырое мясо в окрестных джунглях Опара. Хэдон оглянулся — несколько ворон уже копошилось в остатках животного. Возможно, Богиня воронов Мадезин отблагодарит его за легкую добычу.

С другой стороны — тут он почти потерял аппетит — обезьяна могла быть священной в этом лесу. Никогда не знаешь, какие существуют местные табу, пока не расспросишь кого-нибудь. А кого попытаешь здесь?

— Если я совершил грех, о Богиня, прости меня! — вскричал Хэдон.— Я совершил это, чтобы завершить свою миссию — спасти высокого представителя Кхо, сражаться за Кхо против Ее врагов.

На самом деле его несравненно больше беспокоили его друзья —Хинокли и Кебивейбес и человечек-уродец Паги, столь любимый Лалилой и ее дочерью Абет. Однако об этом и впрямь не было нужды говорить.

Не стоило высказываться и о том, что Авинет, хотя и главное доверенное лицо могущественной Кхо, была ведьмой.

Отклонившись с пути к ручью, Хэдон умыл лицо и руки, смыл кровь с груди. Он выбросил остаток обезьяньей туши и продолжил путь. Множество оленей паслось между дубами. Но туда, где олени, наведываются и леопарды. Доселе он не видал их признаков, лишь отпечатки лап у ручья.

Наступивший вечер застал Хэдона еще далеко от озера. Он пробирался в темноте, понимая при этом, что вполне может блуждать без толку. Появилась луна, и он продолжал продвигаться — конечно, много медленнее, чем утром. Желанию лечь и уснуть противодействовали два обстоятельства. Первое — он должен попасть в храм прежде солдат. Если офицер поторопит их и запретит привал, они попадут туда первыми. Второе — где-то невдалеке он услышал рычание леопарда. Зверь, по всей видимости, намеревался

охотиться на оленя, но вполне может предпочесть его, Хэдона, спящего.

Хэдон шепотом произнес молитву Кхукхаго, Богине Леопардов. Но его не оставляла мысль, что она может счесть своим первейшим долгом заботу о леопарде.

Эта мысль заставила Хэдона поспешить. И вскоре он вовсе потерял представление о времени — вдали виднелся свет, сначала слабый, прямо впереди, минут через пятнадцать усилился, становясь обширнее. Хэдон вышел на лесную опушку; перед ним простиралось озеро, отделенное лишь узкой грунтовой дорогой и двадцатью футами травы с мелкими колючими волосками. Свет исходил от трех близких костров. Они горели перед белым храмом, который он разглядел с выступа. Крики и вопли разносилось почти на милю в пространстве между берегом и островом, голоса женщин, перекрываемые пронзительными звуками труб, грохотом барабанов и звучанием арфы. Тут и там дробно, ритмично стучала трещотка.

Казалось, поднялись волосы на затылке. Озноб пробежал по шее Хэдона и вниз — по спине.

Жрицы исполняли дикие обряды. И он, мужчина, не смел смотреть ни на костры, ни на крошечные фигурки, которые танцевали перед пламенем. Всякий прохожий-мужчина обязан отвернуться и быстро пройти мимо. По всей видимости, на время ритуала мужчинам вовсе запрещалось ходить по этой дороге. Местным жителям, должно быть, надлежало оставаться дома и не сметь появляться до рассвета.

Из-за дерева Хэдон взглянул на дорогу. Ниже, в сотне футов от берега озера, неясно вырисовывалась статуя. Он не сумел рассмотреть ее — и света от полной луны и отблесков костров оказалось недостаточно.

Не в силах подавить любопытство, оправдывая себя настойчивой необходимостью знать все во имя его миссии, Хэдон направился к статуе вдоль лесной опушки. Подойдя ближе, он рассмотрел статую — вырезанную из дерева фигуру футов тридцать высотой. Она изображала существо — полуженщину-полудерево. Срезанные, покрытые листьями ветви увенчивали голову; широко расставленные руки — ветви оканчивались шишковатыми пальцами. Впечатляли огромные груди; одной

вскармливалась белка. Из многочисленных беспорядочных отверстий торчали вырезанные головы птиц и животных: циветт, сервалов, оленей, свиней, ворон, дроф, дубравных обезьян и лемуров.

Самое крупное изображение — ребенок, показавшийся наполовину из чудовищных размеров влагалища.

Хэдон подошел к идолу и произвел осмотр вблизи. Ребенок держал в руке желудь, символизировавший, как Хэдон полагал, дары богини обитателям дубравы.

Это была Карнет, божество дуба. Хэдону мало что было известно о ней — вокруг Опара не рос дубняк.

Несмотря на то, что Опар располагался в горах, он слишком далеко «забрался» на юг — дуб не любит такого тепла. Итак, храм был посвящен Карнет, и жрицы проводили свои тайные церемонии при полной луне.

Авинет и Абет вполне могли находиться сейчас на этом островке. Членам группы — мужчинам, конечно, запретили касаться ногами этой священной земли. Где они? Он осмотрел берег. Невдалеке виднелся длинный деревянный док, но ни одного судна в нем не было. Их втащили на остров во избежание возможных дурацких, нет — безрассудных выходок мужчин, которые могли возжелать подсматривать за ритуальным действом. Хэдон опять почувствовал холодок, пробежавший по спине, вспомнив истории с любопытными мужчинами, которых поймали там, где им не следовало быть. Увы, они лишились отнюдь не только носов...

Хэдон присел, обдумывая ситуацию. Если Авинет на острове, она непременно должна присутствовать на ритуале в качестве Верховной Жрицы. Но Абет, как ему сейчас казалось, не должна находиться там. Участвуют в ритуале только взрослые женщины. Абет осталась с мужчинами. По всему берегу не видно ни одного дома, остается предположить, что мужчин вместе с ребенком отослали в рыбацкую деревню на другое озеро.

Но это, конечно, при условии, что группа действительно добралась сюда. Исходя из известного ему, этого не произошло.

Хэдон поднялся, вздыхая. Оставался один способ узнать правду — проделать долгий путь в деревню. Эта дорога наверняка ведет туда, но займет не менее пяти часов. А через пару часов рассветет.

И доплыть до острова — спросить обо всем Авинет — нельзя. Никаких оправданий нарушению неприкосновенности храма никто не пожелает слушать.

И тут справа от себя Хэдон услышал шум и вышел на дорогу посмотреть, что это. Он тяжело застонал. Навстречу ему по дороге двигалась темная масса. Ушей его достигли отдаленные голоса. По мере приближения мрачного силуэта обозначились люди. И собаки. Они молчали, значит, на них намордники.

Солдаты приближались даже быстрее, чем Хэдон ожидал.

Луна тускло освещала наконечники копий. Хэдон застыл в полуприседе. Собаки вот-вот учуют его запах. Их неистовый вой и рычание укажут солдатам, что кто-то спрятался неподалеку. Намордники снимут, поводки отстегнут... и псы рванутся к нему.

Он устал — ему не опередить их. Да будь он сейчас и в хорошей форме, вряд ли он был бы способен снова убегать.

Хэдон опять устало вздохнул. Единственный путь к спасению — озеро.

Не теряя ни секунды, пригибаясь, Хэдон вошел в воду позади дока. Вода холодила, но после горного потока — терпимо. Озеро образовалось на ложе ущелья и насыщалось теплом летнего солнца. Но не слишком, увы, не слишком.

Не припрятать ли ему меч под доком? Штука тяжелая, тянет ко дну. Наверное, глупо непременно тащить его с собой и оказаться утопленником лишь потому, что с мечом так трудно расстаться.

Пусть так — глупо. Но он не намерен оказаться на другом берегу без оружия. Кто скажет, как скоро оно позарез понадобится ему?

Хэдон поплыл по-собачьи. Надо заплыть далеко, чтобы солдаты не заметили его. Но и сильные гребки чреваты последствиями — могут привлечь внимание преследователей.

Хэдон плыл ровно, забирая к северо-западу, чтобы течением его не сносило в восточном направлении, к устью. Но сказывались усталость, и меч кое-что весил — все это замедляло движение. Его несло мимо острова.

Не слишком ли далеко он от берега... Хэдон прибавил, активнее заработал ногами. На растревоженной вспененной

воде тускло играла луна. Может, солдаты подумают, что добрая рыбина выплывает из воды на поверхность.

Нет! Резкий крик разнесся над озером. Хэдон обернулся и поплыл стоя, пытаясь разглядеть, что происходит на берегу. Солдаты теперь столпились у края дока, высматривая его, некоторые тыкали пальцами в его направлении. Да, они обнаружили человека. В полумраке и на таком расстоянии узнать Хэдона преследователи не могли. Ну, а если опознали — что тогда? У него преимущество перед преследователями, да и устали они, должно быть, изрядно. У них нет лодок, значит, поплыви они за ним, придется скидывать доспехи, оставлять оружие, кроме кинжалов. На все — несколько минут. Но дистанция между ними увеличится. Нет, им не поймать его.

Конечно, солдаты могут обойти озеро и попытаться перехватить его на другом берегу. Но он доберется туда первым.

И тут отчаяние охватило Хэдона. К чертям! Он не поплывет на другой берег. Он слишком измотан. И ноги и руки словно из бронзы, дыхание тяжелое. Меч то и дело пытается воткнуться в него.

Еще продолжая брюзжать, загребая в северо-восточном направлении, он вроде бы вышел по прямой на остров. Но уже через несколько минут понял, что его снова снесло. Но и из этой беды можно было извлечь пользу: если он сумел доплыть сюда, в подветренную сторону, он найдет и более спокойное течение. Хэдон опять прибег к собачьему стилю. Вода доходила до носа, иногда — выше. В итоге течение снесло его мимо острова еще быстрее, но выбора не было: продолжать бороться с течением — значит обессилеть полностью.

Вскоре он оказался ярдах в двадцати от острова. Собрав последние силы, Хэдон продвинулся в северном направлении и оказался на восточной стороне; Хэдон приближался к берегу, и течение уже почти не сопротивлялось. Наконец, в одной из попыток он коснулся дна. Сделал несколько шагов и встал. Вода доходила до подбородка.

Хэдон простоял несколько минут, пока судорожное дыхание не перешло в тяжелое. Затем пошел вперед. Он сел, ощущая на ягодицах липкую грязь,— вот отдохнет и направится на другую сторону. «Зачем плыть? — думал Хэдон. — Он украдет,

нет, позаимствует одну из лодок, стоящих в доке на западном берегу. Нет, он не совершит богохульства, поскольку ногой не ступит на остров, а будет находиться в воде».

Почувствовав себя немного отдохнувшим, Хэдон, пройдя по травянистому берегу, с трудом протащился несколько футов по воде. Доносились громкие крики, возгласы, музыка и песнопения. Он посматривал по сторонам. Поскольку он не видел приверженцев обрядности, значит, и не шпионил за ними, так что Карнет и ее почитатели не имеют оснований гневаться.

Хэдон находился в сотне ярдов от дока; он взглянул через озеро — и замер. Шесть лодок плыли по водной глади. Баркасы — не менее десяти солдат в каждом.

Глава 6

Теперь Хэдон отчетливо видел, что линия следов вела назад к неясному силуэту под купой деревьев на юго-восточном углу озера. Там, должно быть, расположены здания и док, используемые рыбаками, которые снабжали храм своим уловом. Солдаты обнаружили лодки и теперь пустились в погоню за ним.

А может, они лишь подозревают, что он беглец, а главная их цель — схватить Авинет? Стали бы они вторгаться на остров, если бы не заметили его, Хэдона?

У этого воинства должны быть серьезные побуждения. Ни один человек не отважится нарушить табу и ступить на эту землю, если его не толкает безотчетный страх или непреодолимое желание получить вознаграждение. В данный момент солдатами движет и то и другое.

Минрут не признает никаких преград, не примет никаких объяснений. Он казнит каждого, кто станет ссылаться на религиозную неприкосновенность этой земли (конечно же, после соответствующих пыток). За поимку дочери он назначил огромную сумму. Перед силой этих побуждений солдатам уже было не до страха.

А Хэдону еще трудно верилось, что кто-то так свободно способен попирать священность острова и храма.

Однако... солдаты приближались.

Собственно говоря, что еще хуже — его заметили, когда он нашел лодку и отплыл. А эти баркасы — по десять гребцов в каждом — догонят его, пока он не одолеет и половины оставшегося расстояния.

Скрежеща зубами в бессильном разочаровании, Хэдон направился под сень дерева, росшего у самой воды. Он сел, стараясь не касаться берега.

Еще не все потеряно — пока.

Лодки устремились в док, проплывая футах в тридцати от него. Хэдон разглядел: в каждой лодке одиннадцать человек — десять гребцов и офицер у руля. Луна скользила по напряженным лицам. Физической усталостью лишь наполовину объяснялось это выражение лиц; страх, Хэдон не сомневался, составлял вторую половину. Король Минрут объявил Ресу верховным божеством, а Кхо — его подчиненной. Но люди Минрута с детства привыкли почитать Кхо как Созидательницу и Наполнительницу всего. То, что этот остров не посвящен ей, не меняло дела. Карнет была Ее дочерью. Кроме того, они готовились к нападению во имя Ресу, а значит, ополчились на Нее.

Хэдон задавал себе вопрос, действительно ли этим людям приказали сесть в лодку или они добровольцы? Одно дело преследовать жрицу, другое — применить насилие. Если командир мудр, он, вероятно, вызвал добровольцев. Всегда найдутся люди, для которых алчность выше религии, и такие, в которых живут тайные сомнения относительно реального существования божественных созданий.

Хэдон следил, как солдаты поднимали весла, — лодки мягко касались суши. Люди вылезали и втаскивали судна на берег.

Командир — высокий мужчина, на шлеме которого красовались три пера попугая, — подошел к дереву, росшему наверху каменной лестницы. Он присел у дерева, наблюдая из-за него за происходившим.

Хэдон тоже смотрел, не в состоянии справиться с любопытством. Глаза его полезли на лоб. Толпа обнаженных женщин извивалась, танцевала, подпрыгивала перед кострами. Женщины — от двенадцати лет до увядшей старухи, старой карги лет восьмидесяти. На искаженных лицах свирепое

исступление; темная слюна стекала по подбородкам на груди. Волосы развевались в разные стороны. Тела блестели от пота. Женщины совершали безумные жесты руками, царапая себя, кружились, скакали, раскачиваясь назад и вперед.

Музыкантши тоже были голые, и у них черная слюна свисала изо рта, липла к грудям. Одна играла на арфе из черепахового панциря с семью струнами из козлиных кишок; три — дули в медные трубы; шесть женщин били в барабаны; девять — вращали над головами трещотки.

Ветер разносил едкий запах, который, очевидно, исходил от их жвачки. Говорили, что это лавровый лист, иные утверждали, что — плющ, третьи — что-то еще, другое. Ни один мужчина не ведал этого: они лишь строили домыслы в сдержанных беседах, при которых не присутствовали женщины.

Что бы это ни было, цель состояла в том, чтобы привести женщин в безумное неистовство, заставить увидеть саму Карнет. Еще говорили, что это безумие наделяло женщин способностью обнаруживать шпионящих мужчин.

В тридцати футах от самого большого, центрального костра стояла клетка из прочных деревянных реек. В ней, сжавшись от страха, сидел самец-леопард. «Наверное, жертвенное животное», — подумал Хэдон. В давние времена, более пятисот лет назад, в клетке в подобном случае сидел бы мужчина, запертый там до тех пор, пока не наступал его час, и идолопоклонницы не разрывали его на части ногтями и зубами.

Сказывают, что кое-где в отдаленных местах мужчины еще и сейчас оказываются жертвами подобных ритуалов.

Хотя подобная практика запрещалась, очень мало кто понес наказание за нарушение закона. Полицейским-мужчинам не дозволялось вторгаться в места совершения подобных предполагаемых преступлений, а при расследованиях к жрицам обычно проявлялось снисхождение.

Кроме как для ночных жертвоприношений, никаких животных-самцов на подобных островах не было. Но сегодня вечером на остров доставили зверя-самца, которого ждал печальный конец — быть разорванным на куски. Леопард наверняка убьет и поранит нескольких женщин, но они будут бесстрашны, ничуть не заботясь в своем исступлении о том, что с ними может случиться.

Ритуал, очевидно, прервут. Пожалуй, жаль. Уж поскольку он повинен в лицезрении этого действа, Хэдону интересно было бы посмотреть, как поведет себя леопард. Со сколькими женщинами расправится?

Солдаты с минуту на минуту рассредоточатся, чтобы по сигналу командира наброситься на женщин. Но офицер, видать, замыслил что-то иное. Он наблюдал за буйным ритуалом, чего-то выжидая.

До Хэдона внезапно дошло! Конечно! Авинет нет среди беснующихся! Зачем же тогда нападать?

Где же она? Может, где-то в диких лесах или скрывается в рыбацкой деревне? Все еще в долине позади западной гряды гор? Пробирается вместе с другими по западным горам, хотя последнее вряд ли.

Беглецы оставили бы следы, и солдаты бросились бы в преследование.

Офицер вышел из-под кроны дерева и теперь возвращался к берегу.

Хэдон опять уставился на костры.

Вот почему офицер поспешил к озеру — перед центральным костром стояла Авинет. Ее пронзительный крик перекрывал и музыку, и голоса других женщин.

Среднего роста, красивого сложения женщина — она неистовствовала. Длинные угольно-черные волосы развевались. Лицо поражающе дерзкое, большие серые глаза издалека казались черными. Кожа молочно-белая. Большие прекрасной формы груди с ярко-красными сосками. Густые лонные волосы окрашены в зеленый цвет — в честь Карнет. Пот покрывал тело; черная слюна на лице, на грудях, на бедрах. Руки в пятнах крови — значит, она уже заранее принесла жертву в храме, где присутствовали лишь избранные жрицы. Жертвой мог быть ворон, если верить рассказам, слышанным Хэдоном.

Позади Авинет — высшие жрицы острова: молодая жрица и женщина средних лет, усыпанная родинками, и старая, седовласая, морщинистая, с грудями, свисавшими почти до пупа. Рот измазан в крови — по всей вероятности, старуха присосалась к горлу обезглавленной птицы. Так и есть! В руке она держала воронью голову.

Стихла музыка, замерли голоса — все повернулись к Авинет. Она продолжала петь свою пронзительную песню, но Хэдон, хоть и различал отдельные слоги, не понимал ни слова. Она, должно быть, использовала тайный ритуальный язык, на котором, как сказал его друг Хинокли, говорили, когда герой Гахете высадился на одном из необитаемых в то время островов Кхокарсы.

Оставаясь в тени деревьев, Хэдон ближе подобрался к солдатам, неслышно подплыв по воде, загребая ладонями пригоршни грязи и водорослей. Он остановился футах в сорока от ближайшего копьеносца.

— Стройтесь в ряды по шесть человек — и бегом,— говорил командир.— Когда мы схватим Авинет, ты, Тахеса, и твоя группа обыщите храм в поисках ребенка. Я не думаю, что он там. Не принято, насколько я знаю, допускать сюда маленьких девочек. Но ребенка могли запереть в комнате, чтобы девочка не видела обрядов. Женщины наверняка набросятся на вас — будьте готовы защищаться.

Когда Авинет окажется в наших руках, пройдем в храм и окружим вход, пока Тахеса ищет девочку. Даю тебе две минуты, Тахеса. Храм невелик. Потом все назад к лодкам.

Хэдон (звук отлично разносился по воде) услышал, как один из солдат проворчал:

— Не по душе мне это, Комсет.

Комсет ответил:

— Мне тоже, но черт побери! Мы под защитой Ресу, не так ли? И что могут голые невооруженные женщины сделать против нас? Кроме того, подумай о вознаграждении, мы можем прихватить с собой кое-кого из этой армии курочек.

— Это же кощунство, — ответил первый.

— Тогда заткнись! — сказал командир. — Тахеса, запомника имена болтунов. Не обращай внимания. Они еще откажутся от своих слов. Нам некогда заниматься ерундой.

Солдаты стояли в ожидании команды. Хэдон посмотрел на женщин. Авинет, продолжая свое пение, направилась к клетке. Нагие женщины образовали вокруг нее кольцо, закрывая от глаз и ее, и клетку.

— Хорошо! Они не заметят нас, пока мы не набросимся на них.

Авинет смолкла. Воцарилась тишина, среди которой раздавалось лишь рычание леопарда. Затем прозвучал вопль Авинет, и женщины с криками и визгом сомкнулись вокруг клетки.

Командир прокричал: «За мной!» — и прыгнул вперед; солдаты следом за ним меж двух дубов, которые, словно стражники, росли наверху лестничного марша.

Хэдон подождал, пока последняя шеренга из шести солдат поднялась по лестнице, затем вскочил и устремился к берегу — нет иного пути послужить Авинет и Кхо, не ступив на землю; могущественные Кхо и Карнет простят ему. Он ухватился за нос ближайшего баркаса. Судно скользнуло в воду, едва он оттолкнул его по течению.

Хэдон ринулся к следующему баркасу, и процедура повторилась.

За спиной раздавались визги, и вопли, и рев леопарда, но Хэдон не мог позволить себе стоять и наблюдать.

Столкнув в озеро шестой, последний баркас, Хэдон почувствовал усталость. Устрашающее сумасшествие на острове продолжалось, но он ни разу не отвлекся от своей работы. Оставалось еще шесть гребных шлюпок. Они должны последовать за баркасами — в последнюю он заберется сам. Хэдон толкал и волочил, не ведая о времени... Теперь в последней шлюпке он огибал остров. Добравшись до противоположной стороны озера, позади замка, он вытащил судно на берег.

Теперь он присел немного отдохнуть. Солдаты уже, наверное, схватили Авинет и гонят ее к берегу. А может, еще нет. Чем больше времени займет у них это пленение, тем дальше уплывут лодки.

Судя по шуму, солдатам пришлось нелегко. По крайней мере, они такого не ожидали. Женщин набралось около восьмидесяти — жрицы и жительницы деревень на западном берегу озера. Их возмутило это осквернение острова и ритуала. Отсутствие оружия не помешало разгневанным женщинам напасть на солдат. Обезумев от снадобий, они бросались на солдат, не ведая страха смерти. Мужчины, хоть и боролись за свою жизнь, были словно заторможены, скованы. Они не могли преодолеть в себе отношения к женщине, сформированного в течение всей жизни. По крайней мере — сперва. Когда

их собственной жизни станет угрожать серьезная опасность, солдаты перейдут границу воспитания.

Хэдон решительно зашагал вокруг храма по дорожке, мощенной плоским по форме камнем. Перед фасадом он осмотрелся. Ничего похожего на порядок среди солдат не было. Они топтались кучей, каждый сражаясь за себя. Человек двадцать лежали на земле возле костров. Примерно столько же женщин были мертвы. Хэдон видел, как трое солдат упали, каждый из них был атакован двумя-тремя царапающимися, кусающимися, пинающимися женщинами. Женщина с остекленелыми глазами поднялась с одного из солдат, держа в руке вырванные гениталии. Другой солдат швырнул копье в ее спину. Женщины и он сам свалились — колени его подогнулись, когда вопящая фурия схватила его за ноги. Он пытался вытащить короткий меч, но громадная здоровенная баба вцепилась ему в уши, рванула его голову вниз и ухватила зубами нос несчастного. Оба покатились по земле — о дальнейшем Хэдон мог лишь догадываться.

Капли крови стекали изо рта леопарда, пытавшегося выбраться из дикой свалки. Продираясь сквозь сумасшедший водоворот тел, он оказался прижатым к земле свалившимся на него клубком борющихся тел: затем живой клубок скатился, зверь поднялся на лапы и оказался перед человеком с мечом. Леопард сжался, прыгнул и сомкнул челюсти на горле солдата. Зверь словно волчок завертелся, стал на дыбы и, придя еще в большую ярость, вновь сомкнул челюсти — на сей раз, лишившись грудей, рухнула навзничь окровавленная женщина. Леопард рванулся сквозь человечий водоворот, увертываясь, петляя, и, наконец, выскочил на дорожку, ведущую к берегу. Зверь исчез под сводом дубовых ветвей. Он, конечно, переплывет озеро и скроется в лесу.

Хэдон рискнул пройти дальше вокруг храма. Он увидел Авинет — у входа она сражалась с двумя солдатами. Построившись полукругом, перед ней стояли командир, без шлема, размахивавший тену, и пятеро копьеносцев. Они пробивались через толпу в пару десятков женщин. Одна из женщин ухватилась за древко копья и упала, увлекая за собой копьеносца. Две другие вцепились в солдата, и все они исчезли в толпе. Затем в портале появился Тахеса в сопровождении двоих солдат. Абет с ними не было.

Тахеса что-то прокричал командиру, который вполоборота обернулся к нему. В это время молодая женщина схватила офицера за лодыжки и с силой дернула за них, словно выхватывая из-под него его же собственные ноги. Командир резко упал на спину, ударившись головой об известняк, которым была вымощена площадка перед храмом. Тахеса раскроил несчастной голову, но другая жрица схватила его за правую руку, и он исчез в месиве тел.

К тому же остальные воины совсем пали духом. Они отступали от храма, отдаляясь от Хэдона (как он радовался этому!), преследуемые истошно ревущей, разгневанной толпой.

Авинет, прислонясь, стояла с приоткрытым ртом у входа. Грудь ее учащенно вздымалась.

Хэдон взглянул на эту сцену — поле брани у костров. Уцелевшие солдаты спасались бегством, бросая оружие и желая лишь одного — добраться до лодок. Немногие скрылись в дубраве, но их ждало разочарование. Им придется пуститься вплавь и весьма сомнительно, что, отяжеленные кожаными латами и шлемами, они сумеют ускользнуть от женщин.

Хэдон побежал к Авинет вдоль переднего фасада храма. Она взглянула на Хэдона, едва он предстал перед ней. Лицо ее перекосилось, и с криком Авинет бросилась на него. Это можно было предвидеть: почему бы не принять его просто за еще одного незваного мужчину, нарушившего правило. Даже если Авинет и узнала его, совсем не обязательно, что это остановило бы ее решительные действия. В тот последний раз, когда она видела Хэдона, Авинет сильно гневалась на него, поскольку он остался защищать Лалилу. Авинет даже пыталась заколоть ее.

Кулак Хэдона обрушился на ее диафрагму. Авинет согнулась вперед, извергая на него темную жидкость, и рухнула в его протянутые руки. Перебросив Авинет через плечо, он изо всех сил побежал к задней части храма. Что-то еще происходило за его спиной, но с другой стороны. Хэдон незамеченным добрался до лодки и уложил Авинет на палубу. Оставалось оттолкнуться, впрыгнуть в лодку и грести. Перед самым рассветом он вошел в узкую речку, впадавшую в озеро. Густая растительность сомкнулась над ними, скрывая от взоров солдат, расположившихся на суше. Авинет очнулась,

но сил ее достало только на то, чтобы, застонав, уставиться на него. Чуть позднее она восстановила силы — достаточно, чтобы проклинать его.

Он и не ждал благодарности.

Глава 7

Примерно три часа спустя лодка, покинув реку, вошла в западное озеро шириной в три мили. Судя по его очертаниям, как виделось с горы днем раньше, озеро растянулось на шесть-семь миль. Со всех сторон его объял дубовый лес. Выше его, за дубняком, росли сосны.

Солнце ласкало квадратные зеленые паруса рыболовецких судов. Тут и там сновали колесные пароходы, тянувшие за собой рыболовецкие сети.

Хэдон направился к отстоявшему на милю острову. Несколько раз ему пришлось останавливаться, чтобы ответить на вопросы рыбаков. Все они были почти чистокровные кхоклем, потомки первых жителей огромного острова Кхокарса. Небольшого роста, курносые, с толстыми губами, с прямыми волосами — значительно более темными, чем у горожан, представлявших собой смешение кхоклем и более поздних пришельцев, Клемсааса. Мужчины носили соломенные шляпы с круглыми широкими полями и набедренные повязки, женщины также были в набедренных повязках, но их соломенные конической формы шляпы не имели полей. Дети вовсе бегали голышом; лбы их украшал стилизованный рисунок синей рогатой рыбы.

Говорили эти люди на диалекте, и Хэдону приходилось напрягаться, чтобы понять их. Словарь местных жителей заметно отличался, при этом до сих пор сохранились некоторые щелкающие согласные, уже тысячелетие как утраченные в привычном кхокарсане.

Затем Авинет вступила с ними в беседу. Она понимала их намного лучше, хотя и не полностью, поскольку их язык походил на ритуальную речь жриц. Люди, узнав, что она Королева Авинет, верховная жрица, пришли в волнение. Они

знали, что она была на острове Карнет: по прибытии к восточному озеру Авинет направила вперед остальную группу.

Узнав о событиях последней ночи, сельчане встревожились. Несколько лодок отправились в путь тотчас же после того, как Авинет приказала мужчинам увезти с острова женщин. Они должны были также возвратить жриц, если те еще живы и не откажутся оставить свои благочестивые труды.

Хэдон и Авинет пересели в рыбацкое судно, которое доставило их в островную деревню. Островок — сотня футов шириной и полмили длиной — был в беспорядке усеян по берегу хижинами. Окруженная частоколом деревня расположилась на северном берегу. Барабаны на судне известили жителей о прибытии высоких особ, и толпа — в основном, дети, мужчины и несколько женщин, слишком старых, чтобы присутствовать на обрядах, — ожидала их у доков.

Впереди всех, улыбаясь, стояли Хинокли, Кебивейбес, Пага и девчушка Абет. Улыбки исчезли: Лалилы среди прибывших не оказалось.

Хэдон соскочил на помост дока и обнялся с каждым. Абет, красивая, золотоволосая, с фиалковыми глазами, сама бросилась в его объятия и позвала свою мать.

Хэдон, перекрывая гам восторгов, прокричал:

— С Лалилой все в порядке! Мне пришлось оставить ее на южном перевале! Мы отправимся за ней, я лишь немного передохну!

Авинет сошла на берег с помощью вождя племени и что-то быстро сказала ему. Вождь тут же принялся кричать, привлекая к себе внимание присутствующих. Он говорил быстро, жестко тыча пальцем на восток.

Один из мужчин вбежал в огромное строение — длинный вигвам, сооруженный из сосны и дуба, увешанный вырезанными головами зверей, птиц, рыб и изображениями водяных и леших, населявших озеро и лес. Через минуту человек появился на крыше строения и принялся бить в большой барабан. Лодки, еще оставшиеся на озере, стали разворачиваться к острову.

Авинет подозвала Хэдона.

— Оставшиеся в живых солдаты, должно быть, на пути сюда. У них нет лодок, но остались топоры, солдаты смогут построить плоты.

Здесь живут мирные люди. Они почти ничего не знают о том, как вести сражение. Я полагаю, нам лучше продолжить путь. Долина за следующим ущельем большая и многонаселенная. Там проживает много преданных почитателей Кхо. Там есть даже школа жриц, где мы будем в безопасности. На дороге в долину обычно устанавливаются ловушки и западни. Проход могут блокировать в любую минуту.

Там долгое время никто и ничто не потревожит нас, оттуда я смогу вести свою борьбу.

— Ты спрашиваешь меня или приказываешь?

— Мне нужен твой совет, Хэдон. Ко всему прочему, ты же еще и солдат. И ты мой муж... если Кхо не распорядится иначе.

— Ты способна продолжить путь? Ты же не спала всю ночь и, наверное, ужасно устала после бегства и... утомительных обрядов. Что до меня, я слишком выдохся и идти не смогу, не говоря о том, чтобы бежать.

— Если смогу я, то сможешь и ты, — сказала с презрением Авинет. — Кроме того, я полагаю, что, забравшись подальше, мы сможем укрыться где-нибудь и поспать. Нам не следует ждать на этом острове прихода солдат.

К главному перевалу идти нельзя. Ясно же, что солдат могут послать туда перекрыть его. Рыбаки, наверное, знают другие проходы, о которых чужакам не известно. Вождь сказал мне об одном. Труднопроходимый, но можно преодолеть. Его люди проведут нас. Другие его люди последуют за нами, чтобы затоптать наши следы и сбить с толку солдат. Когда мы достигнем мест, где следов наших ног не будет, каких-нибудь каменистых пород, например, «преследователи» пойдут в другом направлении, окончательно запутывая солдат.

Вот такого ответа я жду от тебя. — Авинет посмотрела ему в глаза. — Ты мне нужен, Хэдон. Я хочу, чтобы ты повел нас, чтобы ты защитил свою королеву и главное доверенное лицо великой Кхо. Итак, если ты намерен возвращаться за светловолосой варваркой, той стервой Лалилой, забудь об этом.

— Она не может идти! И ты знаешь это! Она погибнет от голода!

— Слишком достойная смерть для нее, — бросила Авинет.

Услыхав такое и видя улыбку торжества и ненависти, Хэдон почувствовал, как его передернуло. Он стоял, потрясенный — на какой-то миг все сделалось вокруг туманно-красным.

— Ты не посмеешь!

Он вдруг понял, что поднял кулак и что Авинет отпрянула.

Хэдон глубоко вздохнул и, словно очнувшись, опустил руку. Голос его дрожал, когда он заговорил:

— Это недостойно великого правителя — обрекать на смерть женщину, которая не причинила тебе никакого вреда...

— Никакого вреда! — вскричала Авинет. — Никакого вреда! Она украла у меня твою любовь! Она околдовала тебя! Она на самом деле морская ведьма, Хэдон! Она завладела твоим рассудком, она превратила тебя в предателя, Хэдон! Но ты не только предал королеву! Ты богохульник, неверный! Восстать против той, которая говорит от имени Кхо, значит восстать против самой Кхо!

— Я не предавал тебя. Я сражался за тебя, помог тебе спастись от Минрута! Была бы ты свободна сегодня, если бы не я? Была бы ты свободна, если бы я не остался сражаться в том ущелье?

— Ты сделал это для Лалилы, а не ради меня!

— Ради вас обеих. Даже если бы она могла ходить, я бы поступил так же!

— Да, ты сумел задержать их ровно настолько, чтобы спасти ее!

Вождь что-то сказал ей. Авинет быстро ответила. Затем снова обратилась к Хэдону:

— Он хочет знать: друзья мы или враги. Он говорит, что можно убить тебя сейчас, если я отдам такой приказ.

Хэдон с трудом выдавил из себя застревавшие в горле слова:

— И каков же твой приказ?

— Что мы тотчас же отбываем.

Авинет опять заговорила с вождем. Хэдон отошел от них и сел на ступеньку крыльца длинного вигвама. Абет, напуганная гневной перепалкой, подбежала к нему. Он положил ее голову к себе на колени, обнял девочку. Абет снова заплакала. Трое его приятелей окружили Хэдона.

Пага, человечек, заговорил первый.

— Ты действительно намерен оставить там Лалилу?

Хэдон поднял голову и негромко сказал:

— Вы все мои друзья. Уверен, вы не предадите меня. Нет, я не собираюсь бросать Лалилу. Но сейчас мне придется притвориться, что я подчиняюсь Авинет. Если я не сделаю этого, она убьет меня. Когда мы достигнем леса, я оставлю ее при первой же возможности. Но это будет нелегко, друзья мои. Возникнут сложности. Как я смогу присоединиться к вам, если ослушаюсь Авинет и приведу с собой Лалилу? Авинет способна убить нас обоих.

И что мне делать? Если Лалила и я не присоединимся к вам, она больше никогда не увидит Абет. Она не вынесет этого. Лалила достаточно настрадалась.

Пага сказал:

— Сначала доставь Лалилу. А потом думай о том, как забрать Абет у Авинет. Но не забудь, что я хочу быть с Лалилой и ее дочерью. Я тоже буду горевать, если что-нибудь случится с одной из них. Но я уверен, что Авинет не останется в живых. Недолго ей удастся порадоваться своей мести.

Кебивейбес и Хинокли выглядели подавленными. Да, они не любили Авинет, но относились к ней с глубоким почтением. Богохульством казалась уже сама мысль о том, чтобы нанести какой-нибудь вред верховной жрице.

Кебивейбес сказал:

— Должен быть какой-нибудь выход. Ты слишком устал, чтобы трезво оценивать обстановку, Хэдон. Отдохнешь и что-нибудь придумаешь. Надо обойтись без убийства Авинет.

— Об этом сказал Пага, не я, — заметил Хэдон.— Тем не менее подумай...

Он замолчал. Не следует более огорчать друзей.

— Возьми Абет и меня с собой, — попросил Пага. — Тогда тебе не придется возвращаться.

— Твои ноги слишком коротки, Пага. А девочка будет для меня обузой. Мне необходимо забрать Лалилу как можно скорее. У нее осталось мало воды и пищи, и она абсолютно беззащитна против леопардов и гиен.

— Тогда мы пройдем с тобой часть пути и где-нибудь неподалеку спрячемся от людей Минрута и Авинет. Возвращайся с Лалилой.

— А куда вы пойдете потом? — спросил Хинокли.

— Подальше отсюда.

— И проведете остаток жизни, убегая и прячась.

— А что оставалось делать Лалиле, девочке и мне эти годы? — Гневно вскрикнул Пага .— Что делает сейчас великая и славная королева могущественной Империи Кхокарса? Она убегает и прячется, но я не собираюсь прожить остаток моих дней, как заяц. Нет. Я знаю место, где мы сможем быть подальше от Минрута и Авинет и всех других носителей чумы, которые превращают эту цивилизованную нацию в очаг заразы.

Свирепым взглядом смотрел сейчас Пага. Хэдон наблюдал за ним. Хотя этот человечек приходился ему не выше солнечного сплетения и являлся дикарем с покрытых вечными снегами земель, расположенных за Звенящим Морем, он отличался смышленостью и находчивостью. Наверное, он самый практичный и проницательный представитель этой группы.

Его огромную голову венчала спутанная копна каштановых с проседью волос. По ширине плеч он не уступал Хэдону, а руки мускулистые и длинные. Туловище толстое, тоже длинное, с большим животом. Если б только не такие короткие ноги, быть бы Паге вполне внушительным мужчиной. Возможно, отпугивающим. Один глаз его, подернутый молочно-белой пленкой, обрамлял толстый рубец. Дико разросшаяся густая борода почти доходила до исполосованного шрамами пупа. Открывая рот, Пага обнажал мощные, как у хищного зверя, зубы.

Вскоре после родов мать выбросила его в лесных дебрях. Что-то в нем вызывало у матери неприязнь. То ли она страдала тяжкой болезнью, то ли привиделся он ей в тяжком сне. Так или иначе, падая, он ударился о камень и потерял глаз. Мать скрылась, а отец так и не смог найти ребенка.

Пага утверждает, что умер бы, если волчица не набрела бы на него и не принесла в свое логово. Вместо того чтобы съесть брошенного ребенка, она вырастила его вместе со своими детенышами.

Хэдон не знал, правда ли это, хотя, собственно, какой резон Паге лгать. По Кхокарсе ходили рассказы о младенцах,

усыновленных самками зверей: медведей, гиен, диких собак, львов. Ему самому не доводилось встречать таких «приемышей»: то ли это было в далеком прошлом, то ли где-то в дальних краях.

Независимо от истинности этой истории Пага был принят обратно в свое племя. Здесь он повстречался с Ви, который стал его единственным другом. Пага смастерил для Ви топор из упавшей звезды — массивного куска ферроникеля. Этим топором Ви убил великана, который тиранил племя.

У Паги был еще один друг — Лалила. Ее нашел Ви в пещере, привел к себе домой, хотя у него была женщина и ребенок. Женщины племени невзлюбили Лалилу, объявив, что она ведьма и должна умереть. Она принесла с собой несчастье и зло.

Из-за матери, которая так жестоко обошлась с ним, Пага ненавидел всех женщин. Тем не менее Лалила обращалась с ним по-доброму, чем завоевала его любовь. Он готов умереть за нее, умереть, если она уйдет из его жизни.

Позднее ледник, расположенный невдалеке от деревни Ви, надвинулся совсем близко и заставил людей бежать. Лалила оказалась отрезанной от Ви, но она подплыла по холодной, смешанной со льдом воде к льдине, на которой оказались Ви и Пага. И хотя этот айсберг, приближаясь к югу, таял, всем троим удалось сойти на сушу. Покинув берег, они прошли в глубь страны — туда, где находилась родная деревня Лалилы. Деревня оказалась брошенной — кто умер от чумы, кто бежал от врагов.

Там Лалила родила ребенка. Отцом был Ви.

Вскоре Ви погиб, защищая свою женщину и ребенка; он орудовал громадным топором, перед ним образовалась гора трупов, но смерть нашла и его. Лалиле казалось, что все потеряно, но появился незнакомец, вооруженный луком и стрелами. Он перебил дикарей и взял всех троих под свою защиту. Лалила вскоре забеременела от него, но у нее случился выкидыш.

Незнакомец повел их на юг, и после долгих странствий они оказались к югу от Звенящего Моря. Там они повстречались с экспедицией, членом которой был Хинокли. Кхокарсане решили, что чужак — это Саххиндар, изгнанный бог

бронзы, растений и времени, младший брат Ресу. Саххиндар, пользуясь авторитетом бога, приказал этой экспедиции вернуть всех троих в Кхокарсу. Он велел также хорошо обращаться с ними, обещая однажды прибыть в Кхокарсу, чтобы убедиться, что с ними все в порядке.

До сих пор Саххиндар не появлялся, но божества часто не показываются в своем истинном виде, а прячутся, принимая то или иное обличье.

— Хорошо, Пага, где это место? — спросил Хэдон.

— Это место, о котором вы часто говорили, когда мы блуждали по саваннам. Оно далеко на юге, на краю Южного моря, в горах. Это твой родной город, Хэдон. Опар.

Глава 8

Разбудил его Кебивейбес, сильно тряся за плечо. Мгновение он лежал, не двигаясь и не говоря ни слова, пока бард сердито не прошептал: «Хэдон, пора! Хэдон, во имя Кхо, проснись!»

Тучи заволокли, затемнили небо, обещая проливной дождь. Хэдон, скосив глаза, увидел, что костер почти потух. Возле него, завернувшись в одеяло, сидел мужчина с низко опущенной головой. Он храпел. Остальные, укрытые одеялами, мирно лежали под соснами. Не хватало Хинокли, Паги и Абет.

— Они за деревом, — пояснил Кебивейбес. — Мы дали тебе поспать, пока занимались сборами в дорогу. Тебе нужно хорошо отдохнуть.

Хэдон поднялся и, быстро свернув одеяло, прикрепил его к ранцу. Убедившись, что все оружие при нем, еще не до конца придя в себя после сна, он заковылял за маленьким бардом. Его ждали под деревом, как и сказал Кебивейбес. Хинокли держал девочку на руках, но она не спала. Ее глаза — огромные дыры в тусклой белизне. Перед тем как они тронулись, тихо и осторожно ступая, Хэдон бросил назад последний взгляд. Авинет лежала под деревом. Четверо деревенских жителей расположились вокруг, часовой и еще двое — всего семеро. Все они — не рыбаки, а охотники; их забота — добыча в лесу мяса для деревни; все они хорошо

знали горы и ловко выслеживали зверя. Однако Хэдон был готов побиться об заклад, что Авинет не станет тратить время на то, чтобы посылать за ним погоню. Она разразится пышными тирадами, побеснуется немного и объяснит, что она сделает с ним, когда его схватят. Но Авинет понимает, что находится в опасности, пока остается в этой долине.

Да, это будет обременительно, но он все же решил взять с собой и друзей и девочку. Он не мог рисковать: Авинет в ярости способна убить всех. У него были все основания опасаться, что она именно это и задумала. Воспользовавшись их помощью на опасном пути в крепость, она теперь вполне способна отделаться от них. Она ненавидела Хэдона. Абет — ребенок женщины, которую она ненавидела еще сильнее. Значит, дитя обречено. И Авинет получит удовлетворение, разделавшись с друзьями Хэдона, ставшими свидетелями ее унижения.

Группа бесшумно продвигалась во мраке, то и дело натыкаясь на ветви деревьев. Тропинка была узкая и извилистая, порой почти невидимая. За два часа путники проделали почти половину пути по склону. Всходило солнце, и движение ускорилось. В полдень группа сделала привал, и путники воспользовались прихваченным провиантом.

— Мы не можем идти прямо через долину, — объявил Хэдон. — Придется двигаться в обход по краю и подниматься по склону. И значит — сойти с тропы. Подлесок будет еще больше мешать нам.

Подкрепившись, Хэдон вскарабкался на высокую сосну. Почти добравшись до вершины, он заметил дым, поднимающийся с озера. Внимательно осмотрев долину, Хэдон спустился с сосны.

— Деревня горит. Должно быть, ее захватили солдаты.

— И, наверное, перебили рыбаков,— сказал Кебивейбес

— Если так, значит меньше останется мужчин, готовых охотиться на нас,— бодро отреагировал Пага. — Эти рыбаки, может, и миролюбивые люди, но им пришлось сражаться.

— Для нас снова наступает беспокойная пора, — заметил Хинокли. — Запылают тысячи таких костров, пока все это не окончится. Минруту нелегко будет заставить людей Кхо согласиться признать, что она подчиняется Ресу. Кроме того,

многие города пожелают стать независимыми. Они не упустят такой возможности.

— Будем надеяться, что Она из-за ненависти к нам не разрушит весь мир,— произнес Кебивейбес.

— Она однажды уже поступила так очень давно, до того, как род Кхоклем попал на берега Кему. Однако тогда она проявила милосердие и пощадила одного мужчину и одну женщину. На сей раз она может оказаться не столь снисходительной.

— Это был потоп, унесший всех, кроме одной пары? — спросил Пага.

— Да, откуда ты знаешь? — в свою очередь вопрошал бард.

— В моем племени живет похожая легенда, — ответил Пага. — Но все вершила не Кхо, а наш бог, Слипер, который наслал воды, чтобы избавить землю от приносящего вред племени. Он тоже оставил в живых одну пару. Уцелевший мужчина построил гигантский плот и поместил на нем всех земных животных. Наверное, несколько плотов, если вообразить, сколько на земле животных, птиц и насекомых! Лишь я видел достаточно, чтобы заполнить плот — гигантский, словно гора, ежели ее сделать плоской. Это если взять на плот лишь по паре каждого вида. А ведь я видел лишь толику от множества земных обитателей. Так что порешим на плоте в шесть раз большем сплющенной горы. Да еще плот раз в двадцать просторнее, чтобы вместить пищу, потребную для всей несметной живой массы, пока не схлынет вода.

— А что потом? Не затопит ли вода деревья и травы? Что станет расти для травоядных? И не пожрут ли их плотоядные еще до того, как те вымрут от бескормицы? К тому же, откуда взялись эти виды? И куда они исчезают?

Хинокли улыбнулся. Кебивейбес и Хэдон замерли. Потом Кебивейбес сказал:

— Кхо может все.

— Люди моего племени считают, что потоп напустил Слипер, а не Кхо.

— Похож ли твой бог на слона, волосатого слона, который спит в необъятной ледяной глыбе?

— Кхо принимает разные обличия,— пояснил Кебивейбес.

— Я полагаю, что Слипер был слоном еще более огромным и волосатым, чем ваше обитающее на юге животное, — сказал Пага. — После смерти его сковал лед, и он таким образом сохранился от разложения. Льды медленно смещались по долине и, наконец, попали в море, унося с собой мертвое животное. А мое племя, невежественные глупцы, приняли его за бога[15].

— Следовательно, ты считаешь, что жрецы и жрицы лгут нам? — спросил Хэдон.

— Сначала они обманывались сами.

— Было бы мудро, Пага, не высказывать вслух подобные мысли. Жрицы терпеливы. Они не обращают внимания на поклонение не-кхокарсан другим божествам, а не Кхо. Они утверждают, что, на самом деле, эти люди почитают Кхо, поскольку Она повсюду и фактически воплощается в любом божестве. Маленькие божества — это лишь Ее проявления. Но безбожников изгоняют; если они вновь пытаются вернуться в родные места, их убивают.

Жрецы Ресу тоже утверждают, что всех, кто не почитает Кхо и Ресу, надлежит уничтожить. Пока еще их взгляды не обрели форму закона, но если Минрут победит, он навяжет народу волю жрецов.

Они следовали теперь по новой тропе. Надолго воцарилось молчание. Группа спускалась по склону западной горы, нацелившись на юго-западную часть долины.

Однажды они остановились, услыхав где-то рядом ворчание медведя, похожее на хрюканье свиньи. Хэдон прошел вперед и разглядел самку и двух ее детенышей в пещере; он жестом позвал остальных. Мамаша — большой красновато-коричневый сытый зверь — стояла на задних лапах, обнюхивая воздух. Вот она опустилась и вернулась к своему занятию — поеданию ягод.

В сумерках группа оказалась в дубняке. Разводить костер казалось опасным — его могли заметить, потому довольствовались холодной едой. Хэдон подыскал достаточно большие ровные ветви между тремя деревьями, на которых вполне удобно было лежать; привязав себя к ним, путники

[15] Полностью эта легенда изложена Р. Хаггардом в романе «Аллан и ледяные боги». *(Прим автора).*

устроились на ночлег. Время от времени сон прерывало рычание леопарда, хрюканье стада кабанов, визжание животного, схваченного хищником, гам стаи потревоженных обезьян. Пробудились на рассвете, торопливо позавтракали под сплошным шатром ветвей. Продвигались путники теперь быстрее — подлесок пошел относительно редкий. Но, с другой стороны, группу легче было обнаружить.

Через полмили Хэдон остановился, подняв руку.

— В чем дело? — тихо спросил Кебивейбес.

— Люди. Идут сюда. Быстрей в яму за тем деревом.

Они прижались друг к другу. Пага прошептал:

— У них собаки?

— Не думаю, — сказал Хэдон. — Мы бы их услышали. Абет, молчи, что бы ни случилось. Ни слова. Хинокли, следи, если она хоть приоткроет рот, закрой его ладонью.

— Я буду молчать,— прошептала Абет. — Я не боюсь. — Однако побледневшее лицо и встревоженные глаза показывали, как она старается не показать своего страха.

— Слезай-ка, — велел Хэдон. — Лежи, не двигаясь, пока они не пройдут.

Он прижался к земле, приник к ней ухом. Рядом, тесно прильнув к Хэдону, дрожало тело барда, по другую руку лежал Пага. Вскоре звук шагов слабо донесся по земле. Люди проходили всего лишь в футах десяти. Шли молча быстрым шагом. Запах давно не мытых тел ударил в нос. Кто-то громко сплюнул. «Тише», — сказали ему. «Кто такие?» — гадал Хэдон. Двое во главе были без защитных доспехов и несли большие тюки. Определенно, не солдаты.

Хэдон вдруг вспомнил тех мужчин, что видел в долине с выступа, где он оставил Лалилу.

Но если это торговцы, как он предположил, почему крадутся через лес? Почему так далеко от деревни? Не потому ли, что стали свидетелями ее разрушения? Нет, они не могли оказаться так далеко от тропинки. Они либо возвращаются на низменность, либо миновали соседний перевал и направляются дальше, в долину.

Может, это добровольцы — в армию Авинет? Не вышел ли приказ жриц Кхо собраться в горах у храма — в двух перевалах отсюда?

Непохоже. Если только не существовало заранее продуманных планов для подобной ситуации — определить храм как штаб Авинет.

Хэдон склонялся к тому, что эти люди — беглецы, которые тащат награбленное к побережью на продажу. Преступники решили, что идет война, раз так много солдат вокруг, и пустились наутек.

А может, это грабители из города Кхокарса, которые сочли, что в долине слишком опасно для них, и решили найти убежище в горах, награбив кое-что, да прихватив с собой.

Последний из шайки прошел мимо. Хэдон предупредил друзей оставаться на месте. Он выполз из ямы и выглянул из-за ствола. Человек десять еще были в пределах видимости; остальные уже завернули за поворот тропы. Первые двое несли носилки из жердей.

На них лежала женщина. Луч солнца упал на длинные желто-золотистые волосы.

«Лалила!»

Глава 9

— Что ты сказал? — прошептал Пага, чуть приподнимая голову.

Хэдон повернул к нему побледневшее лицо, но промолчал. Пока последний из идущих не скрылся из виду, он не произнес ни слова.

— Абет, не плачь, обещаешь!

Она покачала головой. Кхокарсане таким образом выражали согласие.

Хэдон сказал:

— Лучше все-таки прикрой ей рот, Хинокли. У них Лалила!

Сочинитель успел заглушить крик ребенка. Абет сопротивлялась, затем внезапно обмякла и зарыдала.

Остальные путники вылезли из ямы.

— Кто они? — прорычал Пага. — Что они хотят от нее?

— Что могут мужчины хотеть от женщины? — сказал бард. — Хотя, может, я и несправедлив к ним.

— Нам остается лишь немедленно последовать за ними, — объявил Хэдон. — Может, у них и нет злых намерений. Но если они увидят меня, то вполне способны обернуться дьяволами. Тогда будет слишком поздно. Их, по всей видимости, не менее тридцати пяти человек, если это те же самые парни, которых я видел пару дней назад. Многовато для нас.

Абет забралась на спину Хинокли, а к Паге перекочевал ранец сочинителя. Во главе группы, в полусотне ярдов, выступил Хэдон. Он не выпускал из виду спину последнего путника, оставаясь достаточно далеко и смещаясь в сторону, так чтобы замыкающий, обернувшись, не заметил его. Вскоре он почувствовал, что его товарищи отстают. Навьюченный писец и коротконогий человечек не могли поспеть за ним; Хэдон велел Кебивейбесу идти в группе с ними.

Через час караван остановился на отдых. Лалила села и теперь пила воду из глиняного кувшина. Она была бледна, изможденa, лицо ее словно окаменело.

Долговязый тощий мужчина с обросшим лицом что-то сказал ей. Она отвернулась, он и компания ухмылялись. Очевидно, приказано было не шуметь. Несколько человек посовещались с долговязым — по всей видимости, главным; носильщики взялись за носилки, и компания опять двинулась в путь. Отставшие товарищи догнали Хэдона.

— Сдается, они настроены вовсе не дружественно, — заметил Хэдон. — И Лалила чувствует себя отнюдь не свободно. Скорее всего, это преступники.

Караван, оставив тропу, продвигался теперь через лес к западу. Хэдону не составляло труда следовать за караваном, хотя он и не видел его. Пройдя полмили густого подлеска, Хэдон выбрался на другую дорогу. Это была какая-то тайная тропа; начиналась она сразу от дуба, очевидно, ею давно не пользовались. Человек, не умеющий распознавать специальные знаки, мог и не заметить их. Хэдон размышлял, продолжать ли ему преследовать шайку или вернуться к своей группе? Наконец, решив, что Пага достаточно хорошо ориентируется в лесу, чтобы разглядеть боковую дорогу, он рискнул не возвращаться.

Уже через четверть мили преступники опять остановились на привал. Теперь Хэдон мог вернуться назад — убедиться, что его группа не пропустила тропу.

Вот его друзья появились средь деревьев.

Хэдон знаком показал идти по его следам.

Дубрава редела. На смену дубам все чаще появлялись сосны. Тропа то и дело извивалась, становясь все неровнее и круче. Вскоре Хэдон достиг мыса и теперь глядел вниз на небольшую, похожую на чашу долину.

За ней гора вздымалась еще футов на пятьсот. В нескольких сотнях футов ниже вершины в скале виднелось отверстие, очевидно, пещера. Перед ней сидели несколько человек, затачивая железные мечи. «Да, это, конечно, преступники, кто же еще», — убеждал себя Хэдон. Некоторые мечи принадлежали нуматену, значит, мечи похищены или их владельцы убиты.

В маленькой долине мирно паслись козлы. Пятеро мужчин, расположившись неподалеку под деревом, пили из бурдюка. Едва караван показался из-за сосен, люди вскочили и, широко осклабясь и крича, устремились ему навстречу.

Хэдон, лежа, наблюдал за происходящим. Лалилу доставили к пещере, а стоявшие у входа люди вошли внутрь. Вскоре они вышли в сопровождении дюжины сообщников. Лалилу внесли в пещеру. Носильщики быстро вернулись и присоединились к пьянствующей компании. Судя по смеху, все были довольны.

Пага и остальные присоединились к Хэдону. Кебивейбес сказал:

— Должно быть, они давно не имели женщины. Однако, не стали насиловать ее. Почему? Банда, которая доставила ее сюда, могла позабавиться прежде, но эти другие... они не стали бы ждать.

— Лалилу легко узнать, — с трудом проронил Хэдон. — Минрут, должно быть, объявил, что желает ее и вознаградит за ее пленение — целой и невредимой. Чего я не понимаю: почему они не доставили ее назад, в Кхокарсу?

Пага аж присвистнул от возбуждения, ухватив Хэдона за руку.

— Вон она — причина! — указал он.

Хэдон последовал взглядом за его рукой. На солнечный свет из пещеры вышла женщина. Она стояла, словно упиваясь теплом и сиянием. Долговязый прикрикнул на нее.

Двое поспешили ей навстречу, и она опять скрылась во мраке.

— Авинет! — промолвил Хэдон.

Глава 10

Легко вообразить, что произошло. Часть шайки возвращалась из соседней долины и перехватила на перевале отряд Авинет. Ее охранники были, по-видимому, перебиты, поскольку вряд ли кто-нибудь согласился их выкупить. Авинет объявила, кто она, надеясь, что, испугавшись, бандиты освободят ее. Возможно, Авинет обещала им крупную сумму, если они проведут ее в храм. А они вместо этого препроводили ее сюда, чтобы главарь определил ее участь. Тот, сообразив, какое сокровище попало ему в руки, решил доставить ее обратно в город. За это его самого и сообщников простят, и они станут богатыми. А теперь в их пещере — двойной приз.

— И кто сказал, что за преступление не платят? — проворчал Хинокли.

— Сегодняшнюю ночь они будут отдыхать, — предположил Хэдон. Затем вожак пошлет гонцов в столицу оповестить Минрута, что они захватили двух женщин. Бандиты станут торговаться как заправские купцы и договорятся доставить женщин в город. Вот почему они принесли сюда Лалилу. Вот почему не притронулись к ней. Король не станет вкушать мясо, осквернённое преступниками.

— Значит, у нас есть время придумать что-нибудь, — сказал Пага. — Сколько же там всего мужчин?

— Около сорока пяти, — прикинул Хэдон. — Но они не останутся все время вместе. Такой большой банде потребуются горы еды. За добычей уйдет много охотников. Надо переждать до вечера.

Сразу же с наступлением темноты пьяные бандиты забрались в пещеру. Пара громил натаскали огромную кучу веток и прикрыли и этот узкий проход. Нагромождение получилось плотное, но не настолько, чтобы не пропускать свет от костров в пещере.

— Где-то должно быть еще одно отверстие, — предположил Хэдон. — Иначе они бы там задохнулись.

После короткого спора с Пагой, который хотел пойти вместе с ним, Хэдон ушел. Медленно и осторожно он спустился по склону, обходя стороной рощицу, где паслись козлы. Козлы блеяли, глазея на него, но Хэдон не обращал на них внимания: любой рев зверей потонет в шуме и криках, доносившихся из пещеры. Хэдон подобрался к краю пещеры и, забравшись на вершину завала, тут же ощутил запах дыма, исходившего из природой созданного вентилятора — трещины в скале.

Встав так, чтобы ветер лучше доносил звуки, Хэдон прильнул ухом к расселине и был вознагражден: теперь он мог различать отдельные голоса людей, стоявших вблизи костра. Другие голоса звучали совсем невнятно, кто-то глотал слова, кто-то бормотал себе под нос: очевидно, безудержная выпивка сделала свое дело. Хэдон пришел к выводу, что пещера велика и уходит глубоко в гору. Так много людей, видать, удобно устроилось в пещере.

Казалось, пролетели часы — Хэдон пытался подслушать что-то важное.

Среди криков и пения трудно было отчетливо воспринять разговор даже тех, кто стоял прямо под щелью. Внезапно все голоса смолкли — говорил лишь один. По словам выходило, это — главарь.

— Да, именем Кхо, я хочу ее, и только я! Я не имел женщины уже три недели! Последней была та вонючая толстая рыбачка, которую я схватил в лесу. От меня неделю несло рыбой!

— И сейчас воняет! — крикнул кто-то.

— Вы слышали, что сказала королева. Короля не заботит ее целомудрие. Все, что ему надо, — здоровое тело, которое он может терзать. Он не намерен делать ее своей наложницей. Ему наплевать на это. Разве я не прав, Ваше Величество?

— Это правда, — слабо донесся голос Авинет.

— Итак, если это безразлично Ее Величеству и совершенно не беспокоит Его Величество, почему бы мне не поиметь ее?

— Черт побери! — вставил один из бандитов. — Если ты можешь трахнуть ее, почему нельзя всем нам?

— Можно... завтра! Сегодня ночью она только моя!

Клянусь грудями Аденет, посмотрите на нее! Видели ли вы когда-нибудь такую красоту? Как она будет выглядеть после того, как вы, козлы стоячие, будете передавать ее из рук в руки? От нее же ничего не останется! Нет, вы погубите ее.

Сперва она моя... всю ночь! Хо-хо-хо!

— Что будем делать? — спросил протестовавший прежде. — Играть меж собой, пока ты долбишь? Что за штука такая, Тенлем, — пользоваться одному тем, что принадлежит всем? Ты обещал...

— Заткнись, Секью! — заорал Тенлем. — Заткнись, или я перегрызу тебе глотку! Будет так, как я сказал! Вы все были за такой порядок! Вот мое слово: эта женщина моя! Имею право! Если бы не я, вы все болтались бы вниз головой на рыночной площади, истекая кровью из отрубленных членов. Сколько раз я спасал ваши тупые головы? Сколько раз я отыскивал для вас выгодное дельце, все организовывал, так что вам оставалось все проделать в лучшем виде! Сколько раз — я спрашиваю!

— Давай, вперед! — завопил Секью. — Но когда ты уйдешь, надув нас и лишив законного удовольствия... как ты говорил: добыча одного — это добыча всех, ты лжец... так мы все позабавимся с другой женщиной!

Наступила тишина. Потом лязг металла и пронзительный крик. Тенлем, переводя дыхание, громко сказал:

— Кто-нибудь из вас еще желает умереть? Если да, говорите сейчас!

Что-то проговорила Авинет, но она стояла в отдалении, и Хэдон не расслышал слов.

— Нет, Ваше Величество, они не коснутся Вас! Они не откажутся от сотен тысяч насухно и от помилования! Они пьяны, как свиньи, но они не тронут Вас!

Теперь Авинет заговорила громче.

— Если они даже попытаются, Кхо покарает их!

— Да, Кхо поразит их молнией, хо-хо!

Кажется, Вашего отца не очень-то беспокоит Ее гнев! Его самого молния не ударяла, не так ли? А ну, пошли, фиалковые глаза! Я собираюсь показать тебе, что такое настоящий мужчина!

Хэдон почувствовал, что задыхается от гнева. Он едва удержал себя от желания наброситься на Тенлема, выходившего из пещеры. Но он вцепился в скалу, с трудом владея самим собой и своими чувствами. Хэдон дрожал. Неодолимое желание убить бандита смешалось с ненавистью к Авинет. Это она подтолкнула главаря к насилию над Лалилой, вовсе не ради своего спасения, а из жажды мести.

Хэдон подполз от расселины к краю скалы — как раз над входом. Он прижался к камню — факел осветил вход. Двое бандитов вынесли Лалилу. Сам Тенлем и освещал им путь, идя впереди. Лалила не сопротивлялась. Она лежала неподвижно, словно в обмороке. «Не может быть, она ведь достаточно крепкая», — мелькнуло в голове Хэдона.

Когда группа миновала половину склона, направляясь в лесок, Хэдон соскользнул с округлой стены пещеры. Он быстро шел во мраке, пользуясь светом отблесков отдаленного факела. Тенлем помогал ему, только бы не оступиться, наделав шума.

Хэдон предпочел идти за группой не по прямой, а чуть забирая влево. Козлы, блея, ходили туда и обратно, насколько позволяли длинные привязи. Люди явно предпочитали неудобства животных своим пастырским заботам.

Хэдон шагнул за дерево. Тенлем воткнул в землю палку. Рядом вонзил кинжал. Очевидно, позаботился, чтобы оружие было подальше от Лалилы. Он снял килт и набедренную повязку и теперь стоял, глядя на Лалилу.

Она молча лежала на спине, обнаженная и недвижная.

Оба бандита, скаля зубы, стояли возле факела, улыбаясь Тенлему.

Тенлем обернулся с ним и заорал:

— Убирайтесь назад, в пещеру, вы, пара гиен!

— Давай-давай! — огрызнулся один. — Мы хотя бы посмотрим!

— Разве у вас, парни, совсем нет чувства приличия?— сказал Тенлем и сам разразился смехом. — Марш в пещеру. И как следует закройте вход. И вам, наверное, не улыбается, чтобы солдаты заметили свет? — Они неохотно повиновались. — Живее! — подгонял Тенлем.

Тенлем опустился на Лалилу. Она, словно взорвавшись, резким движением ухватила его за нос, вцепившись второй рукой

за вздыбившийся член. Тенлем взвыл от боли, а те двое обернулись. Тенлем с силой ударил ее по лицу, руки Лалилы обмякли, пальцы разжались...

А Тенлем орал:

— Ты хочешь, чтобы я сперва сломил твое сопротивление? Или ты все-таки пожелаешь доставить мне удовольствие?

Ответа не было. Пара бандитов отошли футов на сорок и притаились за деревом. Хихикая, они толкали друг друга в бок.

В несколько прыжков, ныряя меж стволов, Хэдон выскочил из темноты у них за спиной. Он рубанул мечом по шее того, что стоял слева, крутанулся и теперь справа опустил меч на шею второго. Головы бандитов едва не покатились с плеч.

Хэдон выглянул из-за дерева, за которым бандиты только что стояли. Тенлем все орал, стоя на коленях над Лалилой. Он крепко держал ее за плечи, прижимая к земле. Она, сжав зубы, пыталась вывернуться... «Давай, давай! — кричал Тенлем, сопротивляйся!» Борьба явно еще больше возбуждала его. Внезапно крик сменился пронзительным воплем. Лалила сильно пнула главаря в пах...

Тенлем, перегнувшись вдвое, свалился набок. Он постанывал, схватившись за ушибленные достоинства. Лалила приподнялась на четвереньки. Лицо искажено болью — и от поврежденной ноги и от ярости. Изо всех сил она ринулась к кинжалу, который воткнутый торчал рядом с факелом. Тенлем не видел ее; он еще не пришел в себя от боли. Схватив и кинжал и факел, Лалила устремилась обратно к бандиту.

Хэдон медленно приближался к ним, держа меч наготове.

Вот Тенлем заметил Лалилу и с трудом поднялся на колени. Он крикнул, чтобы она бросила кинжал, угрожая разорвать ее на куски. Не обращая внимания на его крики, осторожно, словно крадучись, подбиралась она к Тенлему. В нескольких футах решительно опустилась на колени и метнула огненный факел в пытавшегося встать насильника. Факел угодил ему в рот; вопя, схватившись за лицо, бандит упал на спину. Лалила двинулась на него, а главарь отчаянно вопил, призывая на помощь своих подельников. Лалила опять опустилась на колени и прервала его вопль, заткнув ему рот выпавшим факелом. Он перекатывался, сдавленно стеная, пытаясь добраться до нее. Наконец, он тараном вдавился в

Лалилу, едва не сбив ее с ног. И тут Лалила, подхватив факел, обрушилась на Тенлема всеми оставшимися силами и по рукоять всадила в него меж ребер кинжал.

Хэдон успел к развязке. Тенлем лежал на боку, еще подергиваясь, глаза его стекленели.

Лалила села, уставясь на Хэдона, беззвучно шевеля губами. Он опустился на колено и поднял ее на руки. Оба плакали. Наконец Лалила выговорила:

— Как ты?.. Не волнуйся. Ты здесь! Где остальные? Где Абет?

— Недалеко, — сказал Хэдон. — Послушай. Я оставлю тебя здесь на несколько минут. Я приведу их сюда. Мы ведь не можем бежать... твоя нога...

— Уже лучше. Но слишком долго идти я не могу.

— Понимаю. Надо сделать так, чтобы они не могли нас преследовать.

— Как? Их же так много.

— Не беспокойся. Я вернусь.

Дорога туда и обратно заняла двадцать минут. Абет, в слезах, подбежала к матери. Пага, как ребенка, гладил Лалилу по голове. Хинокли и Кебивейбес сдержанно улыбались. На пути обратно Хэдон сказал, что им надо делать.

Оставив в роще Лалилу с ребенком, мужчины взбирались по склону к пещере. Хэдон нес факел. У входа он передал его Кебивейбесу.

Не поджигай ветви, пока мы полностью не закупорим пещеру.

— А как же Авинет? — спросил бард. — Она ведь тоже погибнет.

— Я не представляю, как вытащить ее! — сердито отрезал Хэдон. — И пусть эта сука умрет!

— Она королева! — вставил бард.

— И высшая жрица Кхо! Богиня так просто не смирится с этим! Если Авинет погибнет, кто вместо нее объединит людей против Минрута?

— Я вытащу ее, если это вообще возможно, — проворчал Хэдон. — Но остальные умрут!

Они принялись за дело, орудуя топором Паги и мечами убитых бандитов. Шум рубкой они производили изрядный, хвала Кхо, он не проникал в пещеру: ветви, закрывавшие

вход, заглушали звук. Сами стены неприступно толсты, а внутри пещеры царил истинный бедлам. Через час величественный холм из ветвей вовсе скрыл вход. Да еще груда их лежала в запасе. Немало оказалось и зеленых веток, но преобладал сухой валежник.

Из-за отсутствия внутренней вентиляции клубы дыма от гигантского костра тотчас же устремились в пещеру. Хэдон слышал, как несколько бандитов прошли по короткому коридору, из которого шли ходы в большие помещения. От факела, с которым стоял бард, Хэдон запалил сухие сучья и листья и с другой стороны входа. Изнутри раздавались крики, бандиты пытались растащить преграду.

Хэдон ждал. Если им и вправду удастся прорваться, на какое-то время они ослепнут от дыма и пламени и окажутся беспомощными против его меча и оружия остальных.

Однако этого не произошло. Сухое дерево вспыхнуло дружно и яростно, сырое — не так скоро, но зато удушающе дымно.

Великолепие огня разрасталось, вопли рвались из пещеры. Дым повалил из щели в скале "Дьявол! Мы забыли закрыть эту тягу! — воскликнул Хэдон. — Ладно, вряд ли у этих поджаренных хватит силенок что-нибудь придумать и пробить там себе другой выход".

Страдальцы ринулись на валежник, пытаясь протиснуться сквозь него. Пламя отбросило их, но через несколько мгновений самые обезумевшие вновь ринулись в пекло, растаскивая баррикаду голыми руками, обжигаясь, вопя, моля о пощаде. Пламя ревущей стихией отогнало их прочь.

Кашель удушья смешался с потрескиванием и свистом вздыбившегося костра.

Хэдон устремился к щели. Заглянуть в пещеру оказалось невозможно. Он прижался ухом к краю щели. Доносился сильный мучительный кашель и сквозь него звук, будто кто-то от щели отваливал камни. Хэдон поднялся и сунул в отверстие копье. Копье воткнулось во что-то плотное — раздался стон. Хэдон отдернул копье — острие было окровавлено.

Подполз Хинокли. Пламя высветило напряженное лицо.

— Мне понятна твоя ненависть к Авинет, — сказал он. — И я бы согласился с тем, что ты делаешь, не будь она королевой.

Но Авинет — королева. Ради нашей страны, нашего народа, ты не должен убивать ее.

— Я тоже думал об этом, — проговорил Хэдон. — Хотя, может, уже поздно. Посмотрим, что удастся сделать. Надеюсь, мы впоследствии не пожалеем.

Пага решительно возражал против спасения Королевы. Ему объяснили, что он пришлый, не коренной житель, и не понимает, какие глубокие чувства они испытывают к своей королеве, верховной жрице и главной богине.

— Если вы и в самом деле спасете ее, благодарности не ждите.

— Возможно, и так, — согласился Хэдон, расшвыривая тлеющие и горящие ветки. Горячий воздух обжигал. Орудуя мечами и копьями, они изрядно подпалились, кашляли, появились волдыри от ожогов, но вход был открыт. Отступив, они с минуту ждали, когда рассеется дым, жадно пили воду из глиняных фляг и лили воду на головы. В пещере стояла тишина. Они вошли, стараясь не дышать глубоко. Воткнутые в стенные отверстия факелы потухли: видать, дым совсем отрезал доступ кислороду. Костер, который веселившиеся бандиты развели в пещере под щелью-вентилятором, еще тлел. На полу в первом помещении валялись тела задохнувшихся. Еще больше мертвецов высветил факел Хэдона во второй нише. Третья комната оказалась переполненной несчастными, которые набились сюда, поскольку дым здесь был не столь плотным. Кое-кто еще дышал, потеряв сознание. Авинет привалилась к задней стене. Она то и дело клонилась вперед, но свалиться ей мешал человек, лежавший поперек у нее в ногах.

Хэдон на шее нащупал пульс королевы.

— Она еще жива. — Он откашлялся. — Я вынесу ее на воздух. Пага, Хинокли, проверьте, есть ли еще живые. Если да — добейте.

— Вот один, — определил Пага. — Ах! — Он опустил топор на безвольную голову.

— Вот еще один, — воскликнул книжник, втыкая копье в горло жертвы.

А Хэдон, подхватив женщину, кашляя, нес ее к выходу.

Вскоре появились и остальные трое. Коротышка сказал:

— Один вообще сидел. Может, и она не так плоха.

Авинет начала надсадно кашлять. Глаза на покрытом копотью лице открылись. Она уставилась на невесть откуда взявшихся людей.

— Скоро ты будешь в порядке, — сказал Хэдон. Опустившись на колено и поддерживая голову королевы, он тонкой струйкой вливал ей воду в рот. С кашлем она возвращала ее, он вновь наклонял кувшин, и, наконец, она сумела глотнуть. Охрипло королева выдавила:

— Вы пришли за мной?

— Конечно. Лежи и отдыхай.

Нескоро она спросила:

— Что произошло с твоей женщиной?

— С ней все нормально.

Он рассказал Авинет о случившемся. Какое-то странно тоскующее выражение отразилось на ее лице — не то разочарование, не то раскаяние. Хэдон сомневался в последнем. Склонившись над ней, тихо, чтобы не слышали друзья, Хэдон прошептал:

— Слушай внимательно, Авинет. Ты обязана жизнью мне и только мне. Если бы я ушел, оставив тебя у бандитов, ты попала бы в руки своего отца. Не освободи я вход от огня, еще чуть-чуть — и ты бы погибла.

Твой долг мне велик. Очень велик. Ты можешь возвратить мне его, дав слово, что ты, начиная с этого мгновения, никому из нас не причинишь вреда.

— У меня обожжены легкие, — проговорила Авинет. Она замолчала. Лицо исказило трудное раздумье. — А что, если я не дам этого слова?

— Я не прикончу тебя, хотя и следовало бы. Мы оставим тебя здесь. Можешь сама добираться до храма. Но солдаты вовсю ищут тебя, их много и будет еще больше. Держу пари, это так. Кебивейбес и Хинокли, вероятно, захотят остаться с тобой. Не знаю. Они не больно-то любят тебя как человека, но видят в тебе королеву. Может, они сумеют вывести тебя. Однако никто из них толком не знает леса и не больно-то владеет мечом.

— Ты и эта женщина причинили мне большие страдания, — произнесла королева.

— Ненамеренно. Добро, которое я сделал тебе, перевешивает невольные обиды. И помни, тебе будет дорог каждый воин для борьбы с Минрутом. Я известен, поскольку победил на Великих Играх. Я доказал свои достоинства воителя. Люди будут горды служить тебе под моим началом.

Какое-то время она смотрела на него, нервно покусывая губу.

— Очень хорошо. Я даю слово.

— Клянешься Кхо?

— Клянусь. Но я бы желала, чтобы, когда это все кончится, ты отправился в Опар и забрал с собой эту суку и ее щенка и этого одноглазого человечка. Не хочу видеть никого из вас. Но, разумеется, стерплю, пока мы не победим.

— Мне нужно твое слово, а не любовь, — сказал Хэдон.

Глава 11

Долина в Клоепете протянулась на двадцать миль в длину да на пятнадцать миль в ширину. В отличие от других долин, между ней и бухтой Гахете, эта была плотно заселена. В ней уместились и большое озеро, и река, и множество ферм. И люди тут жили относительно более бывалые, поскольку имели доступ к северо-западной части океана. Дорога туда вела к Кему; она протянулась до самого порта — Нотамимкху. Приморская часть дороги так надежно укреплена, что вражеской армии вряд ли удалось бы вторгнуться здесь.

Южное ущелье узкое, горы нависали с обеих сторон. Давным-давно жриц защищала оборонительная система, сооруженная над дорогой.

Месяц спустя, после того, как Хэдон со своей группой прошел здесь, перевал закрыли. Армия Минрута — две тысячи человек — попыталась пробиться здесь. В живых осталась тысяча. Лавины, вызванные людьми из Клоепете, похоронили остальных. Это был тяжелый удар для Минрута, который трудно перенес потерю. Хотя его армии снова захватили Минеко и Асему, а Авамука был на гране сдачи, Дитбет еще держался. Кокаду обошли в обход, армия окружила его, обрекая

жителей на голодную смерть. Но Кунеса, Олива и Сакаба выиграли сражение против Шестой Армии Минрута. Уцелевшие ее воины бежали обратно в Асему.

Однако Минрут опустошил сотню деревень и малых городов, спалив их и безжалостно перебив жителей. Тысячи беженцев скопились в непокорных городах, ослабляя их способность к сопротивлению и истощая запасы пищи. В этих местах вспыхнули болезни, посылая тысячи душ в мрачную обитель наводящей ужас Сисискен.

Важнейшим явилось то обстоятельство, что королевский флот господствовал тогда на море вокруг острова Кхокарса. В двух решительных сражениях он потопил флот Дитбета и соединенный флот трех юго-восточных городов.

Население столицы двинулось назад, в город, когда вулкан, казалось, стал утихать. Жители приступили к восстановлению домов, разрушенных извергнутыми потоками лавы. На верфях сооружали флот из тридцати трирем, шестидесяти бирем и нескольких сотен более мелких судов. Людей обучали морскому делу. Потребность в рабочих была столь высока, что Минрут остановил строительство Великой Башни. Говорят, он впал в ярость, когда ему объяснили, что сделать это необходимо; Минрут отрезал язык офицеру, который принес такое сообщение.

Авинет устроила свой штаб в храме в Клоепете. Она была занята и день и ночь, читая послания, доставляемые ей по секретной почтовой системе жриц, и опрашивая многочисленных шпионов. Они непрерывно стекались к ней, хотя корабли Минрута установили блокаду Нотамимкху. Флот пытался пройти между Сциллой и Харибдой утесов, образующих проход в порт. После того как три корабля были сожжены огромными начиненными нефтью снарядами, выпущенными с высоты утесов катапультами, флот обратился в бегство.

Пришло известие, что Квазин, кузен Хэдона, сбежал в город Дитбет и сделался его правителем. Авинет призвала Хэдона и сообщила ему новости.

— Как ему это удалось?

— Король Ротека пал в сражении на городской стене. Его жена, Бета, вышла замуж за Квазина на следующий же день.

— Зная его, нечему удивляться, — сказал Хэдон. — Что ж, его присутствие воодушевит дитбетанцев. Каким бы он ни был, он отменный воин. Словно герой древности.

— Когда великаны прогуливались по земле, — насмешливо-презрительно бросила Авинет. Она обратилась к генералу Девятой Армии, расположенной в Кунесу. Уже неделя, как он прибыл с докладом королеве. — Керупхе, что ты думаешь об этом? Куда мне лучше поехать — в Дитбет или в твой город?

Генерал, плешивый коротышка, краснорожий, похожий на быка мужчина, нахмурился от напряжения мысли.

— Юго-восточный район хорошо укреплен, и скорая опасность ему не угрожает. Минруту это известно, поэтому он сконцентрировал силы на Дитбете, который всегда являлся очагом восстаний. Минрут намерен захватить его, прежде чем двинуться на устранение очередной, еще большей угрозы. Он поклялся уничтожить в Дитбете все живое — мужчин, женщин и детей, собак, кошек и мышей. Моя разведка доносит, что с этой целью он стягивает две армии — одну из Минанлу и другую из Кокады.

Хотя Дитбет в опасности, положение не безнадежно. Если бы вы появились там для воодушевления людей вместе с Квазином, возглавившим оборону, Дитбет выстоял бы. Квазин — легенда. Вам это известно, все слышали о его подвигах.

Пока Минрут занят Дитбетом, наши армии могли бы прорваться сквозь небольшие силы, удерживающие Минеко, и оттуда атаковать Асему. Если удастся овладеть Асемой, мы сумеем контролировать вход в Бухту Лупоес. Флот Минрута все еще блокирует ее, но это не помешает нам контролировать в бухте все, начиная от Асемы и почти до столицы. Таким образом, мы лишим столицу снабжения, что будет для нее очень опасно. Минрут может снять войска с осады Дитбета, на случай нашего нападения на Кхокарсу. С другой стороны, если Дитбет падет, когда вы будете находиться там, потеря станет вовсе невосполнимой. Мы не сможем обходиться без вас, Ваше Величество. Если вы погибнете, верующие сочтут, что Ресу могущественнее Кхо.

— Я не погибну,— сказала Авинет. Она оглядела длинный прямоугольный стол. — Есть ли договоренность на то, чтобы я отправилась в Дитбет?

Жрицы и офицеры покачали головами. Только это им и оставалось, поскольку, очевидно, она уже приняла решение. Авинет поднялась.

— Прекрасно. Вскоре я отбываю. Но когда точно, сказать не могу. Я знаю, что вы преданы, что вы сдержанны, но и здесь могут быть агенты Минрута. Я хочу пуститься в путь внезапно, глубокой ночью, без фанфар. Таким образом, я буду в Дитбете прежде, чем шпионы отца смогут известить его.

Тем временем вы, генерал, возглавите разработку детального плана операций. Мне нравится ваше предложение. Полагаю, это наилучшее решение.

Офицеры поднялись и, поклонившись, удалились. Двенадцать нуматену, составляющих дневную смену телохранителей, — среди них Хэдон — остались. Авинет, не вставая, подозвала его.

— Понадобится не менее двух месяцев на подготовку, прежде чем я отправлюсь в Дитбет,— сказала Авинет. — Нет никакой спешки, город может продержаться месяцев шесть или более. Мой отец трижды пытался штурмовать его стены, и каждый раз его отбрасывали с тяжелыми для него потерями. — Авинет улыбнулась и добавила:— Это значит, что у тебя есть два месяца побыть с твоей невестой.

Лицо Хэдона оставалось безучастным, хотя его охватил гнев.

— Стало быть, ты отвергаешь мою просьбу взять ее с ребенком и Пагу с собой.

— Да. Они будут лишь обузой. Я собираюсь воспользоваться маленьким быстрым судном. Места на нем в обрез. Кроме того, в Дитбете и без того хватает бесполезных ртов. Вообще, зачем ты хочешь забрать их отсюда, где они ничем не рискуют, в то место, где их ждет смертельная опасность?

— Моя жена говорит, что хочет быть со мной, где бы я ни был.

Улыбкой Авинет показала, что она видит его гнев и наслаждается им.

— Я считаю, что вы оба слишком эгоистичны,— произнесла королева. — Никто из вас не очень-то заботится о благополучии империи. Мне понятно, почему вы не хотите расставаться, но сейчас война, и все мы должны чем-то жертвовать.

— Будет так, как желает королева, — с каменным лицом выдавил Хэдон.

— Мы можем уехать на год, — сказала Авинет, — может, на два. Одна Кхо ведает, сколько времени понадобится нам для победы. Между тем, ты должен быть счастлив, зная, что Лалила здесь в безопасности. И, — Авинет, улыбаясь, выдержала паузу, — ваш ребенок.

— Что?! — вздрогнул Хэдон.

— Да. Гонец сегодня утром сообщил мне, что твоя жена в положении. Лалила ходила в храм — определить, действительно ли она зачала. Над ней тотчас свершили необходимый ритуал и нашли, что она беременна.

Хэдон знал о ее состоянии, но не сознавал, что ее подвергнут проверке. Она выполнялась способом, известным одним лишь жрицам; Хэдон слышал, что ритуал включал в себя жертвоприношение зайца.

— Сугукатет говорит, что пару ночей назад ей снился сон о младенце, — сообщила Авинет. — Вот почему она позвала Лалилу этим утром в храм. Вероятно, если ее сон не ложный, твоему ребенку выпадет великое предначертание. Но необходимо, чтобы Лалила посетила оракула, тогда мы сможем узнать подробности ее счастливого будущего.

— Ее?

— Сугукатет снилась девочка. Конечно, дитя не обязательно твое. Мой отец изнасиловал Лалилу незадолго до того, как спас ее. Пожалуй, излишне напоминать тебе про это. А промедли она еще пару минут и не прикончи этого бандитского главаря, сомнений в отцовстве прибавилось бы.

Хэдон едва сдержался, чтобы в ярости не ударить Авинет:

— На этой земле не очень многие могут с уверенностью сказать, кто их отец. Это не имеет значения.

— Хорошо, что у Лалилы был ребенок до того, как она вышла за тебя,— проговорила Авинет. — В противном случае, ей пришлось бы следовать древнему обычаю.

Она намекала на святых проституток. Все женщины, не зачавшие ко времени первого замужества и не рожавшие вовсе, отправлялись в храм — месяц им надлежало быть святыми проститутками. Зачатие как результат этого месячного статуса

считалось священным. Теоретически бог вселялся в тело оплодотворенной женщины во время полового сношения. Бог считался отцом ребенка. Это была великая честь для семьи.

Хотя древние абсолютно буквально верили во все это, теперь-то уже понимали, что ответственность за зачатие несет мужская сперма. Но тысячелетняя традиция осталась, а реальность игнорировалась. Служители Кхо утверждали, что это не имеет значения. Бог по-прежнему владеет телом мужчины, и следовательно, сперма метафизически его, хотя физически принадлежит отцу-человеку.

Жрецы Ресу, Пламенеющего Бога, считали, что эта догма ошибочна. Если Минрут одержит победу, древний обычай, очевидно, запретят; это станет первым шагом к подчинению женщин мужчинам. По существу, Минрут в столице уже отменил многие обычаи и законы касательно равенства — некоторые полагают — превосходства женщин. Для этого оказалось необходимым казнить многих несогласных женщин и мужчин — для примера.

Сопротивлялись новому порядку преимущественно в сельских районах. Фермеры и рыбаки отличались большей консервативностью, упорством, противясь переменам; особенно упрямы они были, когда дело касалось их религии. Городские жители были более уступчивы, хотя даже они решительно противились действиям короля и жрецов, пока многих протестовавших не повесили публично.

— Оракул сегодня вечером будет вещать от имени Кхо, — сообщила Авинет. — Сугукатет и я будем присутствовать. Ты тоже должен быть. Оракул говорила о тебе, что конечно же означает, что ты не откажешься от приглашения.

— Я непременно приду, — ответил Хэдон.

Остаток дня Хэдон был печален. В итоге он плохо выполнил отбив во время тренировки с деревянными мечами. Несмотря на молодость, он был лучшим фехтовальщиком в личной охране Королевы, состоявшей из многоопытных воинов. Но на сей раз ему не удалось должным образом собраться, он проиграл по уколам соперникам, над которыми всегда брал верх.

Авинет, следившая за показательными боями, улыбалась всякий раз, когда Хэдон проигрывал.

Глава 12

Храм Кхо располагался на высоком холме к северу от города. Храм окружали могучие дубы, говорили, что некоторым из них уже тысяча лет. Круглое строение венчалось куполом; строили его из массивных мраморных блоков, доставленных через горный перевал более восьми веков назад. Пройдя через вход, состоящий из девяти стен, Хэдон и Лалила оказались в зале, украшенном фресками, выполненными в холодно-голубых и светло-красных тонах; на фресках изображались стадии создания мира богиней Кхо. В центре зала стоял большой бронзовый треножник; бронзовый предмет, похожий по форме на колокол, пристроился на вершине треножника, испуская сквозь боковые отверстия облака горячего фимиама. Сквозь круглый дверной проем справа Хэдон разглядел комнату святых проституток. Она была разгорожена на каморки легкими деревянными стенами, выкрашенными в алый и голубой цвета. В центре зала — колонна, вокруг которой в ожидании стояли женщины. Несколько мужчин беседовали с ними, среди них Пага и Кебивейбес. Человечек, дожидавшийся своей очереди, улыбался. Он взял за руку блондинку, едва ли не вдвое выше себя, и повел ее в комнату. Потолок в следующей комнате — подобно соотношению роста блондинки и человечка — был в два раза выше, чем в первой. Здесь посередине о девяти ножках стоял приземистый аналой. В третьей комнате подставку для богослужебных книг поддерживали двенадцать ножек; потолок в ней вознесся на высоту троекратно большую, чем в первой. Здесь-то Авинет и главная жрица храма ждали их. Возле них — праздные ночные телохранители королевы.

Сугукатет кивком головы велела Хэдону и Лалиле следовать за ней. Следующее помещение — святая святых — оказалось просторным, овальной формы. Пол вымощен белой плиткой в винтообразном рисунке многоцветной мозаики. Спираль начиналась в центре пола и длилась линией из двенадцатисторонних частей; на каждой нарисована маленькая сцена, отображающая великое историческое событие. Спираль вилась плотными изгибами, круг за кругом, внешней частью почти касаясь стен с трех сторон.

Спираль завершалась спокойным некрашеным квадратом как раз перед пьедесталом, на котором располагалась статуя Кхо. Она была из мрамора, оправленного слоновой костью, украшенной резьбой. Корона из золота, каждую из ее двенадцати граней дополняли серебряные аксессуары, выполненные в виде маленьких щитов, с множеством бриллиантов. Глаза Кхо — однотонно голубые. Нагая, в правой руке Кхо держала рог изобилия, набитый снопами проса, в левой — серп, орудие жатвы, или, как это бывало у коренных жителей этой долины, — оружие для сражений.

Кроме Хэдона и трех женщин, в огромном зале никого не было. В безмолвии они остановились в древнем жесте почтительного поклонения. Оплывали факелы, опоясавшие зал. На стене плясали тени, и некто в белом выглядывал из-за пьедестала божества.

Главная жрица произнесла:

— Снимем наши облачения. Пред гласом богини всякий должен предстать обнаженным.

Они сбросили одежды, оставив их за собой на полу. Сугукатет провела всех вперед. Облаченная в белое фигура появилась из-за пьедестала статуи, неся трехногий дубовый табурет. Она поставила его перед статуей и сняла одеяние. Это оказалась очень старая женщина, седая и сморщенная, с ненормально расширенными зрачками; от ее дыхания распространялся неприятно-кислый запах.

Хэдон приметил отверстие в полу перед самым табуретом. Едва старуха взобралась на высокий табурет, из отверстия начал подниматься дым — сначала голубоватый, почти прозрачный, но как только колдунья, закрыв глаза, затянула песнопение, он сделался плотнее. Дым поднимался к отверстию, скрытому в полумраке куполообразного свода. Его щупальца, закручиваясь, обвивали все. Хэдон закашлялся, вдохнув тяжелый, сладковатый и неведомый ему запах.

Старуха, раскачиваясь, продолжала петь на старинном языке обряда. Хэдон придвинулся к Лалиле, жрица знаком велела ему вернуться на прежнее место. Взяв Лалилу за руку, она поднялась с ней на возвышение, где располагалась жрица-прорицательница. Затем сделал три шага назад, остановившись возле Авинет.

Дым более не струился из отверстия. Мрак, казалось, сгущался, вытекая откуда-то из основания стен. Неожиданно Хэдон почувствовал холод. Прохладный прежде, когда они входили, воздух сделался теперь морозным. Хэдон дрожал, стуча зубами. Авинет оглянулась — выражение лица раздосадованное. Он сжал зубы, но никак не мог побороть озноб.

Теперь тени и впрямь приближались. Они подползали ближе, одновременно надвигаясь на факелы. Вскоре, подбираясь к потолку, они уже окутали факелы непроглядным покрывалом, не имея сил погасить их, но делая свет слабым и далеким.

Внезапно сделалось трудно дышать, а сердце, и до того сильно стучавшее, словно устремилось за кем-то в погоню. Богиня Кхо зашевелилась!

Нет, это оказалось лишь его воображением. Статуя оставалась недвижно-каменной, она не сделала ни шага навстречу ему.

Хотя в этом он не был уверен. Предметы, за которыми он наблюдал украдкой, были расплывчатыми, вытянутыми. Когда же он повернулся, чтобы посмотреть прямо, они вновь обрели обычный вид.

Хэдон отскочил, издав сдавленный крик, — над головой его промелькнул серп — неясным очертанием, отбросившим стремительную тень. Мелькнул и исчез. Но Хэдон слышал свист рассекаемого воздуха.

Но Кхо не двигалась.

Так ли это? Пустые лазуревые глаза, казалось, стали светлыми, словно живыми. Золотые вспышки проплыли сквозь них, затем сошлись в три концентрические окружности. Они начали вращаться, сперва медленно, затем ускоряясь, закручиваясь и закручиваясь, потом превращаясь в сплошные золотые сферы, пылающие словно звезды.

Ноги его задрожали, живот свело. Гениталии напряглись. Пол, словно лед, холодил ноги, холодный ветер дул в спину. Хэдон упал на колени, воскликнув:

— Великая Кхо! Пощади меня!

Женщины не обращали на него внимания, глаза их неотрывно уставились на прорицательницу. Теперь она пронзительно кричала, слюна вылетала изо рта, глаза лезли из

орбит, костлявые руки простерты во все стороны, словно у грифа.

Внезапно жрица бросилась вперед, с глухим стуком свалившись на пол.

Дым развеялся. Тени отступили, холод исчез. Хэдон, еще в трепете, встал на ноги. Женщины оставались неподвижны, хотя старухе-колдунье явно требовалось внимание. Из носа и рта ее текла кровь.

Вскоре приблизилась верховная жрица и опустилась на колено подле старухи. Она пощупала ее пульс, заглянула в глаза. Затем поднялась, громко объявив:

— Прорицательница мертва! Она не смогла более выносить присутствие Богини!

Авинет, бледность которой проступила даже сквозь темную косметику, посмотрела на Хэдона большими черными глазами:

— Великая Кхо действительно возложила тяжелую ношу на твою неродившуюся дочь, — промолвила она. — Тяжкую ношу, но счастливую!

Лалила обратила к Хэдону белое как мел лицо; за какие-то несколько минут вокруг глаз появились темные круги.

— Что она сказала? — вскричала она.

Сугукатет сказала:

— Твое дитя станет великой жрицей! Или ее ждет короткая и ужасная жизнь! Ей суждено стать спасителем города и основателем династии, которая будет длиться двенадцать тысяч лет! Или она погибнет совсем молодой — самой несчастной из всех живущих!

— Это зависит от того, родится или нет она в городе твоих предков, Хэдон, — сказала Авинет. — Если малютка появится на свет там, в Опаре, она действительно будет счастлива! Если же нет — ее ждут жестокие страдания, и она рано отправится в мрачный дом наводящей ужас Сисискен!

Издав короткий резкий вопль, Лалила рухнула на колени, сотрясаясь в рыданиях.

Хэдон, потрясенный, не мог произнести ни слова. Да и какой смысл спорить? Сама Кхо сказала.

Лалила подняла голову; слезы струились на грудь.

— Что еще пророчила Она?

— Многое. Но мы не вправе говорить что-то тебе или кому-либо другому. Тайны Кхо должны храниться в моем сердце и сердце верховной жрицы.

— Значит, — медленно проговорил Хэдон, — Лалила должна отправиться в Опар.

— Это зависит от нее, Колдуньи с Моря, — сказала Сугукатет. — Никто не в силах заставить. Но если она любит свое дитя...

— Позволят ли Хэдону сопровождать меня? — вскрикнула Лалила.

— Нет! — громко отрезала Авинет. — Он должен оставаться здесь или последовать за мной, куда бы я ни отправилась! Он мой телохранитель, поклявшийся сопровождать меня повсюду, поклявшийся сражаться за меня, пока не умрет Минрут и я не займу трон во дворце Кхокарсы!

Хэдон молчал. Авинет улыбнулась. Его охватила глубокая печаль, и он продолжал бы предаваться ей, не произойди что-то странное. Сугукатет, главная жрица, кивнула и ободряюще улыбнулась ему. Она втайне шепнула Авинет — нет, но что значило это отрицание, Хэдону было неведомо.

Глава 13

Пага, по обычаю, был настроен скептически.

— Будущее непредсказуемо, — изрек он. — Если бы его можно было предвещать, оказалось бы, что оно столь же неизменно, как и прошлое. А это значит: все, что должно произойти, по-существу, уже здесь. И следовательно, и ты, и я, и все мы лишены выбора в наших действиях. Нам лишь кажется, что мы поступаем свободно, но на самом деле бессильны решить по-своему, отлично от того, как приказывает бог. Мы, словно марионетки, в тех представлениях, которые ты, Хэдон, описывал. Куклы, которых дергают за веревочки.

Мы куклы, если будущее, действительно, раз навсегда установлено. Но я, например, не верю в это. Если бы я так считал, я бы убил себя.

Хинокли возразил:

— Но ты не смог бы покончить с собой, не будь на то божественной воли.

Здоровый глаз Паги сверкнул, длинные седеющие волосы вокруг рта раздвинулись, обнажив крепкие крупные зубы.

— Правильная мысль, книжник. К тому же бесспорная. Но давай посмотрим с чисто практической точки зрения и оставим бесполезные рассуждения о пророчествах и о предопределенности будущего. Что мы намерены делать? Или точнее, что мы думаем, что мы собираемся предпринимать? Какой бы ни была правда, мы поступаем так, будто бы обладаем свободной волей.

Компания — Хэдон, Кебивейбес, Хинокли, Пага и Лалила — расположилась вокруг большого круглого стола из полированного дуба в насквозь прокуренной части самой большой в городе таверны. Сосновые щиты, разрисованные сценами рассказов о Бесбедес, богине пчел, отделяли стол от остального помещения, создавая полууединенный уголок. Рев и хохот, и крики с соседних столов обеспечивали им безопасность разговора. Девочку Абет оставили дома под охраной служки храма, которого прислала главная жрица Сугукатет.

Лалила сделала глоток сладкого медового напитка местного приготовления:

— Какое имеет значение, истинно ли это пророчество прорицательницы или оно подстроено? Что касается меня, я вправду верю, что говорила Богиня. Если бы и остальные из нас присутствовали в храме, они бы тоже поверили. Даже Пага, который ничего не принимает за истину, пока не увидит сам — а порою и тогда сомневается — и тот бы уверовал.

Как бы то ни было, очевидно, что Авинет не желает, чтобы я оставалась здесь. Ей угодно, чтобы я как можно быстрее отправилась в путь — в Опар. И в самом деле, если я намерена попасть туда до рождения ребенка, надо уезжать.

— Весьма долгое и опасное путешествие, даже если все сложится удачно,— сказал Хэдон. — Сейчас...

Лалила опустила ладонь на его руку.

— Я бы не беспокоилась, если бы ты был моим проводником. Но, увы, это не получится. Авинет решила держать тебя при себе. Я не думаю, что она поступает так, надеясь

сделать тебя своим любовником, поскольку я уже не смогу ей мешать.

Она глубоко ненавидит тебя за то, что ты сам не бросился в ее объятья. Авинет злопамятна и хочет разлучить нас. Она связана обещанием, оно удерживает ее от прямых враждебных действий, но никак не остановит от стремления добиться цели хитростью. Она может отрицать, что причиняет нам страдание, на самом деле всячески изощряясь в этом. Убрать меня с дороги, отослать в Опар ради безопасности неродившегося ребенка.

— Я буду с тобой и Абет, куда бы ты не отправилась, — вдохновенно объявил волосатый человечек.

— Лалила, если королеве не понадобятся мои услуги, — заявил Хинокли, — я готов сопровождать тебя до самой Ребхи. У меня там брат, который примет нас, и я смогу найти работу. Сдается мне, что Ребха — самое безопасное место в Империи.

— А я останусь с Хэдоном, — сказал Кебивейбес. — Я должен быть с ним до конца.

— Будем надеяться, что конец наступит не скоро, — засмеялся Хэдон.

Кебивейбес улыбнулся и промолчал. Странствуя по северной саванне, он решил, что Хэдон станет героем его новой эпической поэмы. Он назвал ее Пвамвотхэдон — Песнь о Хэдоне. Отдельные части поэмы он уже сочинил. Бард, аккомпанируя себе на арфе из панциря черепахи, пел эти отрывки на рыночных площадях, тавернах и в залах великих жриц. Поэма охватывала события от отъезда Хэдона из Опара на Великие Игры в Кхокарсе до его противостояния солдатам Минрута внутри ущелья.

Кебивейбес предусмотрительно воздержался от исполнения последней части. В ней рассказывалось о спасении Хэдоном королевы Авинет и об обещании, которое он буквально вынудил Авинет дать ему. Хотя личности бардов считались неприкосновенными, они отнюдь не всегда оказывались огражденными от возмездия.

Никто, как бы высоко он ни вознесся, не осмелился бы на прямое открытое мщение, но и с бардом, оскорбившим высокое лицо, могло стрястись нечто непредвиденное. С ним

или с ней мог произойти несчастный случай, они могли просто исчезнуть — навсегда. А то, что Богиня накажет убийцу, служило слабым утешением убиенным.

— К чему решать, кто с кем отправится, — сказал Пага,— если Хэдон тоже отбывает в Опар?

— Как я могу это сделать? — воскликнул Хэдон. — Я же поклялся охранять жизнь Авинет, пока она не окажется в безопасности на своем троне во дворце Кхокарсы.

— Но Авинет обещала не причинять нам вреда, — сказала Лалила.— Теперь же она заботится о том, чтобы мы расстались и чтобы я пустилась в опасное путешествие в Опар. Она нарушила свое слово, значит, ты можешь не соблюдать свою клятву.

— Ты же только что говорила, что веришь в божественное прорицание Кхо, которое донесла жрица. Отсюда следует, что Авинет никоим образом не ответственна за то, что ты должна отправиться в Опар.

— Да, она ни при чем, — согласилась Лалила. — Но она в ответе за то, что заставляет тебя остаться здесь. Если Богиня желает, чтобы я отправилась в Опар, чтобы наше дитя жило долго и счастливо, Она несомненно хочет, чтобы отец девочки оставался с нами. Особенно еще потому, что отец — герой и сумеет защитить нас в суровой опасности. Вот. Значит, Авинет противится приказаниям Богини.

Хэдон улыбнулся:

— Не знаю, кто более преуспел в логических рассуждениях — ты или Авинет.

— Пытаться объяснить намерения и поступки — это вторая натура женщины,— заявил Пага. — Посмотрите, вы оба. Хэдон утверждает, будто Сугукатет заявила, что сама Авинет никуда не собирается уезжать! Ты же знаешь, зачем ей выступать против королевы, пусть и тайно. Но ты утверждаешь, будто она действительно сказала, что у королевы нет намерения куда-то отправляться. Если это правда, почему ты не услышал об этом от Сугукатет? Прошло уже три дня!

— Не знаю, — проронил Хэдон. — Но жрицы редко поступают поспешно. Она даст нам знать, когда сочтет, что пришло время действовать.

— Ей следовало бы сделать это скорее, — вмешался Хинокли. — Я слышал, что Авинет покидает долину через неделю и отправляется в Дитбет.

— Что? Ты слышал это? Где? Кто высосал такие сведения из сосков Великой Кхо?! Они могли быть известны лишь самым приближенным... Не обращайте внимания — мне не следовало произносить это. Но если уж ты слышал, скажи, кто еще знает? Кто сказал тебе?

— Служанка, которая меняет простыни в моей спальне, — сказал книжник. — Я склонил ее, скажем так, к небольшой дополнительной услуге; потом в разговоре она призналась, что нечаянно подслушала, как дворецкий говорил старшему слуге, что королевский отряд отправляется в пределах десяти дней.

Хэдон стукнул кулаком по столу так, что из кружек выплеснулся медовый напиток.

— Никому больше не говори об этом, Хинокли! Вы все держите язык за зубами! Представляете, что произойдет, если Авинет обнаружит, что кто-то из ее служителей столь болтлив? Каждого подвергнут усиленному допросу. Под усиленным я понимаю пытки! Допросят тебя, Хинокли, служанку, дворецкого и старшего слугу и выйдут на источник утечки. И никто из нас не будет в безопасности, хотя мы услышали эту тайну от тебя. Меня она, возможно, и не тронет, если я расскажу ей все. Но она непременно воспользуется поводом, чтобы запереть под замок тебя, Лалила. Авинет не станет причинять тебе физических страданий, поскольку очевидно, что ты не замешана в распространении сведений. Однако тебя содержали бы в одиночном заключении, чтобы ты не могла это сделать. Я вообще лишился бы возможности тебя видеть. Тебя освободили бы и отослали в Опар, после того как отбыла бы вся королевская свита с охраной.

Лалила побледнела. Остальные тоже не выглядели слишком бодрыми и румяными даже в красноватом свете.

— Но если я не доложу обо всем, то меня сочтут предателем, нарушившим долг, — продолжал Хэдон. — Но как я могу это сделать? Все вы окажетесь в серьезной опасности, и я, наверняка, никогда более не увижу Лалилу!

Он тяжело вздохнул.

— Разве нет выхода? — сказала Лалила, погладив его руку. — Пошли ей анонимную записку с предупреждением. Но не указывай источник своих сведений. Так ты исполнишь свой долг и сумеешь уберечь невинных людей.

— Невинных людей? — повторил Хэдон.

— Кому известно, кто виновен, а кто нет? Возможно, среди ее слуг и нет виновного. Авинет сама могла обронить слово своим камеристкам, а одна из них — проговориться своему любовнику. Но будьте уверены, у Минрута здесь повсюду глаза и уши. Если его шпионы узнают, что Авинет покидает долину, они не спустят с нее глаз. И, когда она уже окажется в пути в сопровождении относительно небольшой охраны, на королеву можно будет напасть.

— Значит, напиши ей анонимно, что ей надо изменить планы, что она не должна никого посвящать об этом изменении до самого последнего момента, — вмешался Хинокли.

— Легче сказать, чем сделать, — вздохнул Хэдон. — А как доставить Авинет записку? Любого посыльного задержат и заставят назвать того, кто послал ее. Можно держать пари.

— Напиши записку, — сказала Лалила. — А я позабочусь, чтобы она попала в почтовую систему храма. Сугукатет просила навестить ее завтра утром. Не знаю зачем, но подозреваю, она скажет мне, какие у нее намерения в отношении нас с тобой, Хэдон. В любом случае я опущу послание в корзину для пожертвований, которая висит у входа в зал святых проституток.

— Плохо, что я вынужден прибегать к таким окольным путям. Вот было бы здорово иметь возможность прямо явиться к Авинет и сказать ей, что ей грозит опасность.

— Ты уже не юноша и должен знать, как устроен мир, — сказал Хинокли.

— Да, я понимаю, — кивнул Хэдон. — Но это не мешает мне порою высказывать его неприятие.

— Герои не жалуются, — засмеялся бард.

— Герои живут только в песнях и легендах. — Хэдон отодвинул стул и поднялся. — Герои — это люди, которым довелось более или менее удачно поступать в опасных ситуациях, при этом им посчастливилось привлечь внимание певца или рассказчика. На каждого воспетого

героя наберется сотня забытых. Как бы то ни было, меня утомила болтовня о героях!

На следующий день Хэдон чувствовал себя значительно лучше. Он написал записку и отдал ее Лалиле, которая вместе с Абет направилась в храм, в то время как Хэдон облачился в форменную одежду нуматену, стражника королевы. Он носил высокую треугольную шляпу, округлую наверху, с пером африканского коршуна-рыболова. На шее — четки: сто сорок четыре девятигранные бусинки из голубого янтаря. На плечи накинут платок, плетенный из волокон папируса; по кайме платка раскачивались двадцать четыре кожаные кисточки, каждая трижды стянута узлом. Они символизировали самые большие города Империи Кхокарсы.

На бритой груди Хэдона была нарисована стилизованная голова рыжего лесного муравья — его тотем, кстати обозначающий еще и место рождения Хэдона, поскольку это существо обитало только в Опаре.

Широкий пояс из кожи леопарда поддерживал полосатый килт из меха медоеда.

На поясе справа висели также ножны из шкуры носорога для метательного ножа. Слева — деревянный держатель, в котором покоился его меч нуматену. Щель "впускала" клинок лишь до половины длины, до его широкой части. А слегка заостренная, с тупым лезвием половина блестела над держателем.

Таким образом, Хэдон, подобно всем другим облаченным в форму нуматену королевы, должен был поддерживать меч левой рукой за эфес. Но он уже привык: лишь нуматену носили оружие таким образом — это было почетно.

Хэдон унаследовал меч от отца. Кумин был нуматену; он нанялся на службу к правителям Опара, хотя являлся уроженцем Дитбета. Женился Кумин на Фенет, дочери горного мастера. У нее родилось семеро детей, но лишь трое достигли зрелого возраста. Первый ребенок был создан именем Ресу, Пламенеющего Бога; ребенок был зачат в тот месяц, когда Фенет посвятила свое тело божественному храму. Дитя скончалось от лихорадки.

Когда уже появился на свет Хэдон — седьмой ребенок Фенет, его отец потерял руку в сражении с пиратами в

обширном подземном комплексе под городом. Его король вскоре тоже погиб, а вдова короля, Фебха избрала новым правителем Гамори и сделала его своим супругом.

Кумин намеревался покончить жизнь самоубийством — обычное действие, которое предпринимают покалеченные нуматену, но потом передумал. Вместо этого он стал работать подметальщиком полов в Храме Золотой Кхо в Опаре.

Детство его с той поры проходило в бедности. И ему пришлось перенести множество унижений из-за изменения социального положения отца. Но отец учил сына быть гордым и сносить все во имя достойной цели. Его дядя, Фимет, наверное, величайший фехтовальщик Империи, учил Хэдона в пору юности всему, что знал о тену.

Хэдону после победы на Малых Играх в Опаре передали меч отца. Формально Кумин более не был нуматену, но у Кумина оставалось право передать свое оружие любому, кого он сочтет того заслуживающим. Хэдон же, хотя и мог пользоваться мечом по праву наследования, в нуматену посвящен не был; согласно обычаю, ему давался определенный срок после приобретения меча доказать свое право на него. Если ему это удавалось, его могли принять в весьма вольно организованную гильдию нуматену. Не менее дюжины раз он подтверждал свое право и прошел церемонию посвящения сразу же, как попал в эту долину.

Он ожидал, что его сделают командиром охраны. В конечном итоге, если бы его не обманули, он должен был стать мужем Авинет и, следовательно, правителем Кхокарсы. Минимум, что она могла сделать, — это назначить его командиром своей личной охраны. Но вместо этого ему присвоили чин лейтенанта; сразу за ним старшим по званию был капитан Новитен, тридцатипятилетний ветеран.

В иных обстоятельствах Хэдон счел бы себя обиженным и оскорбленным. Сейчас же его волновали лишь две вещи: доставить Лалилу в Опар и позаботиться о том, чтобы самому сопровождать ее.

Размышляя о том, как ему осуществить это, не нарушая клятвы, он бродил по городу Аквафи — сначала мимо замка Ресу — большого квадратного строения из гранита, увенчанного по углам минаретами в форме фаллоса.

Четверо жрецов стояли, беседуя, в портике с колоннами. На выбритых головах оставался ежик — от лба к загривку; щетина, смазанная орлиным жиром, оставалась жесткой и недвижно прямой.

Они щеголяли пышными бородами и усами — так повелевал декрет Минрута, пренебрегавший древней традицией; но, когда вести о пленении Авинет достигли этой долины, жрецы поспешили вернуться в прежнее «бритое» состояние. Кроме того, они отвергли доктрину о господстве Пламенеющего Бога. Объяснялся ли этот шаг истинной ортодоксальностью или желанием уцелеть — осталось неизвестным. Каков бы ни был мотив — жрецы спасли свою жизнь. Выступи они на стороне Минрута, их разорвали бы на куски разъяренные почитатели Кхо. Храм могли разобрать, а статую Ресу разбить или, доставив в храм Кхо, бросить идола к ее ногам.

Подобные акты осквернения вызвали бы чувство вины у причастных к ним, и ужас у тех, кто не участвовал в зле. Независимо от того, какие разгорелись страсти, Ресу был Богом. Согласно теологической теории он имел равное положение со своей матерью, хотя на практике большинство верующих ставили Кхо впереди. Он был Богом, и поднять разъяренную руку на его священников, статуи и его храмы — это богохульство. Жрицы утверждали, что такое допустимо, что Ресу сам отрекся от тех верующих в него, кто пытался вытеснить его мать. Совершившие богохульство в затмении ярости чувствовали тревогу. В любой момент их могло настигнуть возмездие. Если божественная кара после долгого ожидания не приходила, богохульник реагировал двояко. Один вывод сводился к тому, что жрицы правы: Ресу отрекся от своего народа, поскольку люди хотели вознести его выше матери. Вторая мысль: Ресу, возможно, мертв, если он действительно когда-либо существовал. А если он не существовал, тогда что можно сказать о Кхо?

Лишь немногие осмеливались произнести вслух подобные мысли и публично их никто, конечно же, не выражал.

Жрецы стояли, тесно прижавшись друг к дугу. Их развевающиеся рясы надувались ветром. Правые руки, ритуально чистые, перебирали четки, левыми же жрецы активно жестикулировали. Жрецы умолкли на минуту, когда Хэдон,

проходя мимо, поздоровался с ними. «О чем они спорят? — подумал он. — Важные темы богословия? Трудности с получением достаточного количества продовольствия в перенаселенной долине? А может, как считают многие, не шпионы ли они, передающие сведения о передвижении Авинет? Если последнее верно — не его забота. Пусть этим занимается контрразведка королевы».

Глава 14

Хэдон, не торопясь, прошел по широкой квадратной базарной площади, окруженной различными правительственными зданиями, храмом Такомим, богини торговли, воров и левшей, замком Бесбедес, богиней пчел и медового напитка, и гимнасиями[16]. В центре площади находился фонтан — широкая чаша из известняка со статуей на пьедестале посередине. Отлитый из бронзы идол изображал местного божка, Аквафи, дающего начало рекам. Существовало поверие, что женщины, не сумевшие зачать, будучи святыми проститутками, могли покончить с бесплодием, испив воды из струи божка. Излечить бесплодие могли и мужчины, но им, наоборот, следовало избегать этого источника воды.

Хэдона мучила жажда, но вместо того, чтобы утолить ее из чаши фонтана, он купил чашку горячей воды, настоянной на розе гибискус. Отпивая понемногу, он смотрел на происходящее вокруг; картины базара всегда вызывали у него интерес. Они были шумными и красочными, их заполняли ремесленники и торговцы, городской люд, фермеры и охотники. К шуму толпы добавлялось кряканье уток в клетках, хрюканье свиней в загонах, мычание прирученных буйволов, лай откормленных на мясо собак в плетеных корзинах, бормотание привязанных к стойкам обезьян в ошейниках, ворон и попугаев, каркающих или хрипящих, лающих охотничьих собак — на продажу, визжание детеныша-леопарда.

[16] Гимнасий (от греч gymnos — обнаженный) — в античные времена у греков гимнасии прежде всего служили помещениями для гимнастики, где упражнялись в обнаженном виде. *(Прим. перевод.)*

Повсюду в беспорядке стояли небольшие открытые палатки; купцы на все лады зазывали покупателей. Свежая и сушеная рыба, разделанные свиные туши, говяжья грудинка и задние голяшки, подвешенные за шею неощипанные утки и птицы бойцовской породы, свежие и сваренные вкрутую утиные яйца, караваи хлеба из желудевой муки, возы проса, кувшины и бочки медового напитка, бочонки меда, большие бочки дорогого вина и пива, импортированного как раз перед блокадой; сушеные листья розы гибискус, лекарства и талисманы для лечения угреватости, кариозных зубов, катаракты, оспин, импотенции, геморроя, глаукомы, ожирения, анемии, лихорадки, глистов, нарушений памяти, бессонницы, прострелов, беспричинного страха, ночного недержания мочи, запора, поносов, дурного запаха изо рта, косоглазия, заикания, застенчивости, опухолей, малярии, простуд, чесотки, вшей, брюзгливости, неудач, глухоты и многого, многого другого, накопленного человечеством в бесконечном перечне к 10 000 году до рождества Христова, что давало возможность некоторым людям и здесь извлекать выгоду.

Площадь была немощеной. Пыль вилась под ногами, хотя несколько раз в день ее поливали. Пыль поднималась и опускалась, обволакивая всех, кто весь день крутился здесь. Струйки пота полосами промывали запыленные лица. К концу дня тяжелый запах немытых тел, человеческой мочи, собачьих экскрементов, птичьего помета, пролитой и выдыхаемой медовухи, перегар от вина и пива, вонь от загнивающего мяса животных, домашней птицы и рыбы — все это создавало отвратительное зловоние. Однако, похоже, это зловоние не отпугивало насекомых. Эти «ароматы» сопровождали их всю жизнь — точно так же, как и тысячи мух, вьющихся вокруг, жужжащих, ползающих по мясу, испражнениям и лицам.

Хэдон допил чай из розы гибискус и пошел дальше, останавливаясь, праздно оглядывая товары, подслушивая разговоры — убивая время в ожидании окончания встречи Лалилы с главной жрицей. Наконец, внимание его привлек человек, лишь несколько минут назад появившийся на базаре. В нем было около шести футов трех дюймов роста — фигура, которая в любое время вряд ли осталась бы незамеченной. Хэдон и сам был ростом шесть футов — самый высокий

человек в Опаре. Хэдон несколько огорчился, когда, прибыв в столицу Кхокарсы, обнаружил, что он отнюдь не самый высокий человек в Империи. Тем не менее лишь немногие могли смотреть на него свысока.

Незнакомец вышел из боковой улицы уверенным, широким шагом. Голову он держал высоко и горделиво, напоминая манерой орла, когда тот поворачивает голову, глядя по сторонам. Волосы у него были длинные, прямые и аспидно-черной челкой закрывали лоб, на несколько дюймов не доходя до бровей. Приблизившись, Хэдон разглядел большие, широко расставленные темно-серые глаза мужчины. Смотрели они необычно, беспокойный взгляд словно пронизывал и видел невидимое.

Лицо привлекательное, хотя и не совсем пропорциональное. Нос небольшой, прямой, верхняя губа — короткая, на квадратном подбородке — глубокая ямочка. Широкой кости, мускулистый незнакомец скорее напоминал леопарда, чем льва.

На нем не было ничего, кроме набедренной повязки из шкуры антилопы, что позволило Хэдону предположить, что он, должно быть, с гор, поскольку эти люди летом почти не носили одежды. С другой стороны, обитатели гор носили шкуры местных животных, а антилопы в этом краю не водились. Он был вооружен лишь большим ножом с длинной рукоятью на кожаном поясе.

Ступни голых ног огрубели не менее, чем на полдюйма.

Незнакомец неторопливо прогуливался, время от времени встречаясь глазами с Хэдоном. Хэдон не хотел выказывать излишний интерес и тут же отводил взгляд. И многие другие на базаре смотрели на чужака. Его рост привлекал внимание, но того, что человек неизвестный, — вполне достаточно, чтобы притягивать любопытные взгляды и бормотать про себя. В каждом люди подозревали шпиона, особенно потому, что королева назначила высокое вознаграждение за информацию о вражеских агентах.

Незнакомец отошел, остановился отведать чая из розы гибискус, разгрыз несколько орехов, посмотрел кукольное представление. Затем он приглядел тенистое место под крышей палатки, где торговали зайчатиной, и присел на корточки. Он так долго оставался недвижен, лишь отгонял мух от лица, что Хэдон начал терять к нему интерес. Парень столь

неординарной внешности, по всей вероятности, обычный охотник. Он спустился с гор взглянуть на достопримечательности и, возможно, поглазеть на разнообразные аттракционы. Он не производил впечатления человека при деньгах; несколько истраченных монет он извлек из небольшого плоского кошелька на поясе. Но возжелай он женщину, деньги ему были бы ни к чему. В мужчину такого сложения и внешности вцепились бы святые проститутки. Единственная трудность состояла бы в том, где добыть комнатенку.

Хэдон рассмеялся при этой мысли, и тут он увидел пятерых горцев, подошедших к незнакомцу. На них были шапки из меха медоеда, увенчанные головами этих животных, и набедренные повязки и башмаки из лисьей кожи, на голени зашнурованные по диагонали. На голой груди и лбах пришельцев нарисована стилизованная голова медоеда. За спинами у них висели кожаные мешки, в руках длинные пики с бронзовыми наконечниками. Короткие мечи и ножи — в ножнах на поясе.

Движимый более всего любопытством, Хэдон подошел немного поближе. Незнакомец не поднялся, а, улыбаясь, смотрел, задрав голову, на горцев, о чем-то спрашивающих его. Хэдон подошел еще ближе и теперь мог слышать разговор. А еще мог почувствовать запах дыма, пропитавшего барсучьи шкуры, давно не мытых тел, прогорклого барсучьего жира, которым смазывались волосы, и сладковатого духа медовухи.

— Нам вроде как любопытно, — сказал один из горцев. — Никогда не доводилось видеть в этих краях охотника, похожего на тебя. Если ты и впрямь охотник.

— Я охотник, — медленно произнес незнакомец низким голосом.

— Только нездешний, — сказал горец. — Он покачивался и моргал налитыми кровью глазами. — Я знаю любой выговор людей в этой долине, знаю, как по-всякому говорят в этих горах. Никто не болтает так забавно, как ты.

— Очень жаль, — ответил незнакомец. — Однако это не твоя забота.

— Неужели?— включился другой охотник. — Сейчас...

— Сейчас дело любого — дело всех. Агенты Минрута повсюду, и люди Авинет смотрят в оба. Ты доложился командиру гарнизона?

— Не знал, что это необходимо, — сказал незнакомец. — Я сделаю это. Когда появится такое желание.

Он взглянул на Хэдона:

— Нуматену, сын Красного Муравья, гражданин Опара. Вероятно, ты сможешь сказать мне, правду ли говорят эти барсуки. Обязан ли я зарегистрировать свое временное пребывание в местном гарнизоне?

— Если ты прибыл сюда впервые — да, — подтвердил Хэдон. — Очевидно, ты не бывал здесь прежде?

Первый горец, высокий, плотно скроенный мужчина с копной каштановых волос, тронутых сединой, присел на корточки и наклонился, разглядывая нож на боку незнакомца.

— Эй! Послушай! Это же не бронза! Это железо! Клянусь Ренамам, это железо, но такого железа я никогда не видел!

Примерно на дюйм блестящее серое лезвие выходило из ножен — это Хэдон заметил.

— Не сталь ли это, приятель? — спросил он. — Мой собственный меч сделан из углеродистого железа, но мне приходилось видеть меч, изготовленный из углеродистого железа в сплаве с никелем и закаленным до огромной твердости. Он удерживал заточку как ни один другой металл. У Квазина, моего кузена, — ты, возможно, слышал о нем — был боевой топор, сделанный из самого прочного железа, какое я когда-либо видел. Его взяли от упавшей звезды. Должно быть, это металл, используемый богами.

— Это, скорей всего, топор Ви, выделанный одноглазым волосатым человечком по имени Паг, — сказал незнакомец. — Как он попал в руки этого Квазина?

Хэдон крайне удивился этому ответу. Нет, этот незнакомец не охотник с гор, не ведающий о том, что творится за пределами долины. Более того, его речь не похожа на речь жителя Кхокарсы. Того фонетический строй языка непременно заставил бы добавить «-а» к имени Паг. Но откуда этому парню знать, что Паг — это истинное имя человечка?

Замолчавший на минуту Хэдон внимательно смотрел на незнакомца. В это мгновение внушительных размеров горец быстро вскочил на ноги, едва не потеряв равновесие и пытаясь схватить незнакомца за запястье. Однако неудачно — сероглазый парень отступил назад.

— Послушай, — бросил горец. — Где ты раздобыл такой нож? Ты не похож ни на богача, ни на нуматену. Ты, должно быть, украл его!

— Нож принадлежал моему отцу, — сказал сероглазый. — Однако я не обязан отчитываться ни перед тобой, ни перед кем-то еще.

Он бросил взгляд по сторонам. Горцы полукругом сошлись перед ним. Отступить некуда. Позади торговая палатка.

Хэдон вышел вперед:

— Он прав. Его единственная обязанность — явиться на командный пост. Он не обязан отвечать на ваши вопросы.

— Да? — воззрился на Хэдона рослый охотник.

— А если мы отпустим его, как нам знать, что он прибудет туда? Что помешает ему запросто покинуть город и вернуться в свое шпионское гнездо в горах?

— Ты обвинил меня в том. что я вор и шпик, — спокойно сказал незнакомец.

— Да? Ну и что?

Другой горец, тощий, одноглазый, с торчащими вперед зубами, сломанным носом предложил:

— Отдай-ка лучше нам свой нож, ты, безтотемный человек. И мы забудем оскорбления.

Серые глаза расширились. Но он ничего не ответил. Теперь Хэдон понял, что они хотели. Их не заботило, соглядатай он или нет, они жаждали завладеть его ножом. И ради этого они не остановятся, если им придется убить незнакомца. В конце концов, его никто не знает, а следовательно, он подозрителен. На нем нет знака тотема, чтобы привлечь друзей на свою защиту.

Хэдон сказал:

— Этот человек совсем не обязан отдавать вам свой нож. У вас нет здесь власти, оставьте его. Я сам доставлю его на пост.

— Он шпион и вор! — завопил здоровенный охотник. — Отдавай нож, босяк! Или, клянусь Самой Великой Барсучихой, мы отнимем его!

Двое горцев повернулись к Хэдону, сжимая копья в боевом положении.

— А ты, давай-ка иди своей дорогой и не суй нос не в свое дело, нуматену, — бросил один из них. — Мы позаботимся об этом грязном шпике.

— Благодарю за желание защитить меня, — обратился незнакомец к Хэдону. — Но вы избежите неприятностей и кровопролития, если позволите мне самому все уладить.

Человек определенно говорил на странном кхокарсане, его манеры и язык не соответствовали диковатому внешнему виду. Он производил впечатление весьма образованного человека из высшего общества.

— Я не позволю паршивым околачивателям желудей помыкать собой, — сказал Хэдон.— Он пока не вынимал меч, еще надеясь прогнать горцев прочь. Если он извлечет оружие из ножен, его придется пустить в ход.

— Околачиватели желудей! — возопил ближайший к Хэдону горец, выпучив глаза и наливаясь кровью. — Как?! Ты, хлыщ из большого города, я покажу тебе, кто околачиватель желудей! — Он сделал выпад.

Хэдон выхватил меч в тот миг, когда горец кончал свою речь. Меч отрубил бронзовый листообразной формы наконечник, сделал еще заход и лишил охотника левой руки. Потом он резко повернулся кругом, доведя удар до конца цикла, повторил взмах, ударом напрочь отрубая верхнюю часть копья у другого обидчика. Тот отбросил древко и со всех ног помчался к базару, взывая о помощи.

Все действо заняло секунд шесть. Трое горцев мертвые лежали на земле. У двоих были перерезаны горла; у третьего виднелась кровавая рана на месте солнечного сплетения. Незнакомец обтер нож об одежду верзилы и втолкнул его в ножны. Затем, выпрямившись, сердитым жестом отбросил со лба пряди волос. Хэдон мельком заметил у него тонкий шрам, который начинался как раз над левым глазом, пересекал макушку головы и заканчивался над правым ухом.

— Все это получилось очень глупо, — сказал он.— Я пытался избежать этого, но они настаивали.

— Не стоит особо переживать, — заметил Хэдон. — Горцы сами были зачинщиками. Я могу засвидетельствовать. Кое-кому из их рода непременно захочется отомстить. Эти люди, знаете ли, придерживаются старых обычаев. Они, несомненно, хотели вас ограбить, может, родственники примут это во внимание.

— Нож был лишь предлогом, — сказал незнакомец. — Они знали, что я стал очевидцем преступления, которое они совершили пару дней назад в горах к северо-востоку отсюда. Я шел по тропе, когда услышал крики. Я забрался в заросли и незаметно крался за этими горцами. Они перерезали горло фермеру и двум его детям и насиловали его жену либо пытались это сделать. Горцы были настолько пьяны, что никто из них не мог управиться... Тогда они и ей перерезали горло и, шатаясь, удалились прочь со своей жалкой награбленной добычей. Я вышел из чащи взглянуть на убитых, а одного из убийц дернула нелегкая оглянуться, и он заметил меня. Я пришел сюда — и мы снова встретились. Дальше вы сами все видели.

Хэдон бросил взгляд в северный угол базарной площади. Вслед за уцелевшим охотником толпа полицейских вываливалась из здания полиции. Горец что-то выкрикивал, указывая на Хэдона и незнакомца. После короткого совещания полисмены быстро направились к ним; горец трусил впереди, вертя головой и, очевидно, торопя стражей порядка.

«Этот горец либо излишне самонадеян, либо слишком пьян, чтобы соображать о последствиях, — недоумевал Хэдон. — Он же знает, что незнакомец был свидетелем убийств. Какого черта он тащит сюда полицию? Уж не полагает ли он, что его обвинения в шпионаже закроют вопрос об убийстве, опорочат все, что может сказать незнакомец?»

Оно, может, так и произошло бы, но на свою хмельную голову горец явно запамятовал, что Хэдон может показать против него. И если горец полагал, что полицейские арестуют также и Хэдона, он сильно заблуждался.

Хэдон принялся было делиться с незнакомцем своими соображениями, но тот, улыбаясь, сказал:

— Я никакой не шпион, но не могу позволить допрашивать себя.

Говоря это, незнакомец исчез. Хэдон с удивлением смотрел ему вслед. Он никогда не видел, чтобы мужчина бежал так быстро и непринужденно. Казалось, он вовсе не предпринимает никаких усилий, сберегая их для чрезвычайных обстоятельств.

— Он убежал туда! — кричал горец.

Полисмены пустились было в погоню, но Хэдон позвал их обратно. Он объяснил, что произошло. Дело кончилось арестом горца и заключением его в тюрьму. Главный полицейский был почтителен, но тверд:

— Мы не можем удерживать его, пока вы официально не предъявите ему обвинение в неспровоцированном нападении, — заявил он. — В конце концов, мы располагаем лишь заявлением незнакомца об убийстве, если оно действительно имело место. Это могло быть убийство на основе кровной мести; в таком случае пусть это волнует соответствующие тотемы. Пока в качестве свидетеля не предстанет незнакомец, мы ничего не можем сделать. Весьма подозрительно, что он исчез.

— Отнюдь нет, — возразил Хэдон. — Вокруг шпионов поднялась такая истерия, что он, должно быть, посчитал себя в опасности, независимо от своей невиновности. Что же до горца, я действительно обвиняю его в неспровоцированном нападении с целью убийства.

— Есть его слова против ваших, — сказал констебль. — Итак, суд будет простой формальностью. Вы желаете, чтобы его казнили, подвергли избиению или продали в рабство?

— Я передаю суду свое исключительное право выбора наказания. Однако полагаю, что его нельзя продавать в рабство частному лицу. Преступник слишком опасен для этого. В таком случае его следует передать для правительственных работ в группу заключенных, скованных единой цепью.

— Я передам ваши рекомендации суду, — сказал констебль. — Он отдал честь Хэдону и распорядился убрать трупы.

Хэдон покинул рыночную площадь и вернулся в храм Кхо за несколько минут до того, как из него вышла Лалила. Она выглядела измученной, словно подверглась тяжелому испытанию. Увидев Хэдона, Лалила улыбнулась и вдруг застыла в удивлении. Хэдон взглянул на свои ноги: запекшаяся кровь на них почти скрылась под кучей мух.

— Я и не заметил, — обронил он. По пути в свои комнаты он рассказал ей о случившемся на рыночной площади.

Лалила остановилась, прижав руку к груди.

— Саххиндар! — произнесла она.

— Что?! — выдохнул он. Словно удар неведомой силы прошел по его телу. Потом ощущение нереальности. — Ты же не хочешь сказать, что?..

— У кого еще рост шесть футов и три дюйма, и черные волосы, подстриженные челкой, скрывающие шрам, и серые глаза? И кто еще говорит на старом кхокарсане? У кого еще такой острый нож из такого прочного металла? Но что ему здесь делать? Может, он что-то хочет узнать про нас, про Абет, Пагу, меня? Он говорил, что будет этим заниматься.

— Я видел бога, — почти прошептал Хэдон. — Бога во плоти.

— Он говорил, что он не бог, что он также уязвим для смерти от случайного или преднамеренного убийства, как любой из нас, — сказала Лалила. — Он лишь очень медленно стареет. Я мало что поняла из его слов. Он явился из другого мира.

— Какой бы ни была правда, — решительно сказал Хэдон, — он не имеет к нам отношения, пока не вмешивается в наши дела. И от него зависит дать нам знать об этом. Что сказала тебе Сугукатет?

Лалила огляделась, понизила голос, хотя, казалось, никто не проявлял к ним интереса.

— Она велела ни с кем не делиться тем, что я собираюсь рассказать тебе. Кхо это не понравится. А еще, когда мы остались со старой прорицательницей, она сказала, что Авинет сообщила нам совсем не то, что поведала эта старая женщина. Сугукатет, конечно, все слышала, но Авинет велела ей держать язык за зубами. Жрица чувствует, что Авинет поступает нечестно, она не вправе утаивать слова Кхо, адресованные нам. Сугукатет видит, что Авинет ставит свои личные чувства выше повелений Богини. И в этом Сугукатет находит оправдание тому, что она открыла все сказанное Кхо.

— Что сказала Богиня?

— Я должна как можно скорее уехать в Опар. И тебе надлежит сопровождать меня туда. Только в этом случае нашему будущему ребенку предстоит долгая жизнь и величие.

Глава 15

За час до полуночи отряд покинул трактир «Красный попугай». Небо затянулось облаками. Только и света — несколько отдаленных факелов ночных патрулей. Все были в плащах, лица закрыты капюшонами, у всех оружие и мешки с провизией.

Абет же спала, устроившись на спине Хинокли. Вела группу жрица, закутанная в черную мантию.

К рассвету они были в горах к северо-западу от города. Группа продолжала подниматься, к полудню достигнув узкого отвесного перевала. Он вывел их в маленькую долину, затем опять подъем и еще более высокая гора.

К сумеркам следующего дня группа поднялась на плато. В лучах заходящего солнца пред ними появилось Кему — Великое Море.

— Надо бы отдохнуть, но останавливаться нельзя, — сказала жрица. — Авинет бросит на ваши поиски целую армию. Она наверняка пошлет солдат через Нотамимкху. Они обрыщут берега к востоку и западу от перевала. Порт в Нотамимкху в блокаде, но это не помешает нам использовать небольшие суда где-то в другом месте.

Жрица вывела группу к краю плато и безмолвным жестом предложила спуститься ниже. Футах в четырехстах у основания утеса сердито вздымались и падали волны в отступающей перед лунным светом темноте. Что-то поблескивало, белело в ней — судно, покачивающееся на якоре в четверти мили от группы.

Жрица подула в костяной свисток в форме головы скаровой рыбы[17]. Из ближней пещеры вышли шестеро мужчин с веревками, блоками и тяжелыми деревянными треногами. Они установили свое оборудование, и вскоре Хэдон спустился, обвязавшись веревкой. Выступ в скале выдавался на несколько ярдов над поверхностью моря. Хэдон ступил на него, выбрался из обвязки, дважды дернул за веревку, следя за тем, как строп пополз вверх. Через пятнадцать минут вся группа, включая жрицу, спустилась на выступ.

[17] По А.Э.Брэму — «Попугай-рыба» Спина у нее пурпурового цвета, бока розовые с фиолетовыми пятнами и полосками... *(Прим. переводч.).*

Жрица зажгла фонарь «летучая мышь» и теперь раскачивала им, подавая сигнал. Вскоре уже можно было различить неясные очертания гребной шлюпки, спущенной с парусного судна.

За два рейса все, попрощавшись с жрицей, были доставлены на судно. Их тотчас же поместили в тесный трюм, и парусник снялся с якоря. Судно направилось к морю, сперва медленно, затем внезапно набрало скорость, кренясь под бризом.

Утро застало группу в тесном трюме. Судно шло быстрее, чем прежде. В открытый люк вплывал дневной свет Наверху лестницы стоял молодой рыжий конопатый парень с голубыми глазами. На нем был коричневый камзол из морской выдры, на груди четки из деревянных бус, на каждой бусинке лик Пикабес — богини моря; и гульфик на панталонах в форме головы африканского коршуна-рыболова. На груди парня висел голубой скелет глубоководной рыбы-ворчуна.

— Капитан Русет к вашим услугам! — сказал он весело. — Выходите! Завтрак — уж какой есть — скоро подадут!

Русет с виду по годам совсем не походил на капитана, хотя Хэдон припомнил, что это звание совсем не обязательно преисполнено важности. Командира на судне с двумя матросами могли величать капитаном. Миссия его была значимой, и, несмотря на молодость, он должен был обладать надлежащими знаниями. В противном случае Сугукатет не доверилась бы ему. Они вылезли, зевая, потягиваясь, моргая и, пардон, издавая непристойные звуки. Солнце уже взошло на белесом небе. Море, более угрюмое, чем накануне, катило широкие и высокие волны. С юга виднелись вершины гор вдоль северо-западного побережья острова Кхокарса. Ни одного судна более на всем просторе. Никаких живых существ, кроме нескольких вездесущих датоэким — крупных белых птиц с крючковатыми черными клювами.

С северо-запада дул добрый ветер. Судно почти по прямой шло на восток. Поворотный нок рея был освобожден вправо с помощью канатов, так что ветер наклонил его, отчего судно кренилось под углом, что весьма плохо переносилось «сухопутными» пассажирами. Русета и четырех его матросов это вроде не беспокоило.

Один из матросов принес ведерки, наполненные крекером, оладьями из пшеницы-двузернянки, утиными яйцами вкрутую, вяленой говядиной, оливками и вином.

Хэдон взял свое ведерко и сказал державшему румпель Русету:

— Я не моряк, но, похоже, мы идем быстрее любого судна.

— Разве не красавец?! — воскликнул Русет. — Я сконструировал и построил судно сам. И придумал этот треугольный парус. Я назвал его косым парусом в отличие от старого прямого.

— Выглядит весьма фантастически, должен заметить. И каковы же его преимущества перед прямым?

— Позволяет плыть против ветра! — гордо улыбаясь, пояснил Русет.

— Против? — Хэдон аж отступил от рыжеволосого. — Это попахивает...

— Колдовством? Дьявольским колдовством? Ерунда, друг мой. Подумай-ка, стали бы мне покровительствовать священники великой Кхо, если бы я пользовался дьявольскими силами? Ни в коем разе. — И он продолжал объяснять, как идти против ветра с помощью поворотного нок-рея.

Хэдон слушал внимательно.

— Потрясающе. Когда ты объясняешь, все кажется так просто. Удивительно, что никто прежде не додумался до этого.

Русет вроде сперва рассердился, потом рассмеялся.

— По-видимому, то же самое сказали человеку, который впервые придумал, как получить огонь или изготовил медовуху. Я постиг принцип этого паруса, когда мне было шестнадцать. Я жил в маленькой рыбацкой деревеньке в северо-западной части острова. Идея явилась ко мне однажды ночью во сне, потому моей заслуги в том не было. Без сомнения, ее ниспослала мне сама Пикабес, хотя сам я много размышлял о парусах и плавании под ними. Как бы то ни было, я бредил косым парусом и в свободное время работал над небольшими образцами. А этого времени у юноши-рыбака, как ты понимаешь, в обрез. Год ушел на то, чтобы построить собственное маленькое судно. И еще месяцы — научиться управлять им.

Рыбаки заинтересовались. Признали, что я могу плавать быстрее, чем они, но заявили, что их вполне устраивают прежние паруса. Я надеялся на удачу и отправился в столицу — получить заключение Департамента Флота. На это понадобилось три месяца. Пришлось ночами работать официантом в трактире. Днями я торчал у входа, ожидая у моря погоды, пока адмирал соблаговолит взглянуть на меня.

На моделях и схемах я показал ему, как работает мое изобретение, и пригласил проделать путешествие на моем маленьком судне.

Мое изобретение произвело революцию. Оно меняло всю историю судостроения. Плавать теперь можно было намного быстрее и легче.

Ну так догадайся, что было дальше?

— Думаю, смогу, — сказал Хэдон.— У меня есть некоторый опыт по части умственных способностей военных.

— Меня прогнали прочь! Этот адмирал, отупевший от пьянства старый селезень, заявил, что я сумасшедший. Что, во-первых, парусная оснастка не будет действовать так, как я утверждаю. А во-вторых, принцип ее противоречит природе, что богохульство.

Я был в ярости, но и перепугался тоже, поскольку не хотел, чтобы адмирал натравил на меня жрецов Ресу. Я подумывал вернуться домой и, возможно, забыть обо всем таком. А вместо этого отправился в храм Пикабес на маленьком острове недалеко от входа в залив Гахете. Там я показал главной жрице то, что демонстрировал морскому чину. Я объяснил ей, насколько быстрее мое судно может доставлять почту храма. Идея ей понравилась и, говоря короче, я здесь, управляю судном, построенным Храмом Кхо и служащим Авинет. Судно доставит тебя в отдаленный город Южного Моря — Кемувопар. Подумать только! Я никогда не был на материке южнее этого места!

Стоявший невдалеке Хинокли сказал:

— Получается, что это судно может удрать от кого угодно или обогнать любое судно в море?

— Никаких сомнений! — подтвердил Русет. — «Душа Ветра» оставит позади любой корабль в обоих морях!

— А если ветер ослабнет, как судно уйдет от галеры?

— Увы, никак, — признался Русет. — Останется лишь молиться Пикабес, чтобы она даровала ветер.

Хэдон еще долго толковал с рыжеволосым. Русет сказал, что они пройдут на восток вдоль северного берега острова и остановятся в открытом море милях в десяти — пятнадцати от берега. Большинство патрульных судов Минрута курсируют близко от берега. Поскольку остров Кхокарса остался позади, они поплывут в юго-западном направлении вдоль побережья материка к городу Кетрут.

— В обычных обстоятельствах я направился бы прямо на юго-запад к городу на сваях, Ребхе, — сказал Русет. — Но сейчас судно перегружено. Да и пищи до Ребхи нам не хватит; поэтому мы остановимся в деревне в четырехстах милях вверх от Острута. Я там никогда не был, но жрицы дали мне инструкции и снабдили рекомендательным письмом к жрицам в Паркуме. Мы запасемся провиантом и повернем к югу на Ребху.

Хэдон поинтересовался, что они предпримут, если деревня окажется окруженной. Русет рассмеялся:

— Ты не очень-то в курсе ситуации на море, мой высокий друг, не так ли? Корабли Минрута растянуты далеко один от другого. У него нет судов для блокады каждой маленькой деревни на побережье даже на самом острове Кхокарса. Сомневаюсь, что у него есть бирема в Кетруте.

— А что известно о Ребхе?

— Ты же был на службе у Авинет, — сказал Русет. — Что ты слышал о Ребхе?

— Ничего, — ответил Хэдон.— Из Ребхи не приходят суда связи. Путь долог, и они всегда исчезают.

— Да, — протянул Русет. — Можно предположить, что флот действительно обладает несколькими крупными судами, базирующимися в Ребхе. Это очень важный порт для пополнения продовольствия и ремонта, если его, конечно, можно назвать портом. Ребха также контролирует южную часть Кему и, в известной мере, пролив Кета.

Дни и ночи проходили спокойно. Погода, в общем, стояла хорошая, хотя случались и дожди, а однажды налетел шквал. Время от времени в отдалении виднелись суда, большей частью, очевидно, торговые галеры или рыболовные суда, перевозящие сухие грузы с материка на остров.

— Ходят слухи, что пиратство опять процветает в этих местах, — сказал Русет. — Этого, несомненно, следовало ожидать. Флот Минрута поглощен войной, ему некогда гоняться за пиратами. Но нам не надо тревожиться. Никаким пиратам нас не настичь.

— Если не наступит штиль,— заметил Хинокли.

Русет рассмеялся, однако смех не мог скрыть его беспокойства.

Условия пребывания на судне были не из лучших. Теснота, ночью в каюте слишком душно. Если позволяли погода и море, Хэдон, книжник и бард спали на палубе. Уже через неделю Хэдон стал проявлять нетерпение и раздражительность. Уединиться с Лалилой попросту негде. Они все-таки не гокако, похожие на обезьян рабы в Опаре, которые совокуплялись публично, а часто и скопом. Да и заняться на борту маленького суденышка нечем. Осваивая все премудрости плавания под парусами, Хэдон несколько рассеивал скуку. Не прошла и неделя, а он уже вполне мог подменять матросов.

Ежедневно по два часа Хэдон теперь стоял за штурвалом. Поначалу он нервничал и ошибался, поворачивая на другой галс или продвигаясь против ветра. Русет был начеку, тут же исправлял его просчеты, так что ничего ужасного не происходило.

— Ты уже добрый моряк по хорошей погоде, — улыбнулся Русет. — Посмотрим, каков ты в сильный шторм, хоть я молю Пикабес избавить нас от него.

Хэдон настоял, чтобы и другие мужчины, по возможности, освоили управление судном. Прежде всего, это избавляло от скуки. А во-вторых, вселяло уверенность, что, случись что с матросами, они не станут без толку болтаться под ногами или проявлять беспомощность.

— В будущем мы могли бы сами управлять таким судном. А то и похитить судно и привести его в глубокие воды.

И оттого Хэдон еще настойчивее просил Русета обучать его всем премудростям навигации.

— По солнцу днем и по звездам ночью, — говорил Русет. — К сожалению, небо над Кему часто затянуто тучами, очень много дождей, хотя мне говорили, что здешний климат суше и теплее, чем кажется. Так или иначе, нельзя, опреде-

ляя путь, слишком часто зависеть от звезд. Магнитный компас — весьма полезная вещь. Правда, мой дед говорит, что на компас не всегда можно положиться в Кемувопаре, Море Опара. Он утверждает, что там по берегам слишком много гор, а в них изобилие железных руд.

— Сомнительно, — заметил Хинокли, и собеседники стали обсуждать другие возможные причины.

Скрашивая времяпровождение, Кебивейбес напевал. Перебирая струны лиры из черепахового панциря, он декламировал любовные песни, хоровые матросские баллады, траурные песни, молитвы и героические поэмы: Песнь о Гахете, Песнь о Римасвет, Песнь о Кетне. Он впервые «опробовал» на них отрывки из сочинения, над которым работал: Песнь о странствиях Хэдона из Опара. Поэтической темой этого сочинения, которым наслаждались слушатели, были рассказы о приключениях Хэдона. Хватало и преувеличений, и искажений. Но Хэдон не протестовал. Поэзия — это дух реальности, а не внешнее сходство. Не возражал он и слушая, как пылкими словами превозносился он — герой. Скромность не была чтимой добродетелью в Кхокарсе.

Через две недели они стали замечать, что все больше и больше судов теперь появлялось вдалеке. Преобладали все еще рыболовные суда из прибрежных городов и деревень, но число торговых галер пропорционально возрастало. Из-за мятежа приморская торговля значительно сократилась, но отнюдь не меньше стало храбрых пиратов и прочих авантюристов, желавших погреть руки.

Каркум — деревня с пятьюстами жителяи, группа хижин с общим двором и длинными вигвамами на сваях за частоколом. Деревня разместилась на краю довольно узкой бухты, образованной двумя скалистыми полуостровами. Русет с предосторожностями провел судно в бухту, готовый тотчас же удрать, если там на якоре стоят какие-либо военные корабли. В проходе хватало места, чтобы он сумел аккуратно развернуться, но, увы, не изменить галс или идти против ветра.

Все вздохнули, увидев лишь четыре больших торговых корабля: два из Кетрута и по одному из Миклемреса и Сивудавы.

Русет провел судно и пришвартовался в доке. Оставив двоих из команды охранять судно, Русет и остальные посетили

Храм Кхо. Русет вручил свое рекомендательное письмо, и их хорошо приняли. Главная жрица, Ситха, распорядилась, чтобы судно снабдили продовольствием. Затем она устроила для них неофициальный пир, где выслушала новости из Кхокарсы и поведала новости и слухи, которые накопились за несколько последних месяцев.

Впервые за долгое время Хэдон и Лалила провели ночь вдвоем — на постели, которая не поднималась и не падала, не вращалась и не отклонялась.

Назавтра в полдень они отплыли после непременной ритуальной молитвы, проведенной жрицей.

Присутствовали несколько жрецов из храма Ресу; казалось, они настроены дружелюбно. Жители деревни, как и горожане из Кетрута, объявили о своем нейтралитете, но Хэдон не верил им. Что бы ни говорили, он знал, что жрецы могли послать корабль с известием, что беглецы были здесь. С другой стороны, кому они доставят эти сведения?

К тому времени, когда новости попадут в Кхокарсу, Минрут уже ничего не сможет предпринять. Наверное, какой-нибудь корабль будет стоять где-то недалеко от побережья — ну и что?! Ни одно судно не сможет состязаться в скорости с «Душой Ветра».

Однако послание, по-видимому, направят в Ребху. Жрецы могут догадаться или узнать от агентов, что Хэдон везет Лалилу именно туда.

В этом случае он ничего не мог поделать. Хэдон пожал плечами.

Он обдумает возможные варианты, когда они доберутся до места назначения.

Глава 16

Ребха медленно поднималась из-за горизонта на юге. Русет был доволен — еще бы! Ведь в море пришлось болтаться всего лишь пару дней — и вот он, город, — перед ними. Немало судов прошло мимо за это время — значит, Ребха где-то недалеко. Русет, используя сигналы, переговаривался

со многими проходящими судами, но все они пребывали в таком же положении. Некоторые, убежденные, что капитан этого странного судна, по всей видимости, колдун, который знает курс, пытались пристроиться. Но большие тяжелые корабли, рассчитанные на перевозку руды, быстро теряли «Душу Ветра» из виду.

— Многие суда, должно быть, не попадут в Ребху, — заметил Хэдон.

— Ну почему? — сказал рыжеголовый. — Их капитаны — не новички на этой трассе, у них уже появилось особое чутье. Попадая в эти воды, они ощущают какой-то трепет. Капитаны знают почти до минуты, в каком месте сбавить ход и начать менять курс. А кроме того, капитан, который внимательно следит за скоростью и компасом, за солнцем и звездами, когда они видны, заметно не отклонится от курса.

Примерно через час Русет внезапно закричал. Все бросились к румпелю, которым он управлял.

— Видите дымок на северо-западе? — спросил капитан. — Это из храма в центре строений. Если, конечно, это не корабль, объятый пламенем, — добавил Русет.

Но он ошибался. Уже назавтра под вечер они увидели с судна верхнюю часть здания — Башни Дихетет. Ее соорудил из кедра сотню лет назад адмирал, который был ее регентом. Шпиль высотой пятьсот футов имел каменный пол. Там всегда поддерживался яркий огонь, чтобы корабли могли видеть дым или свет. В ясный день высоко поднимавшиеся клубы дыма, если их не разгонял сильный ветер, были заметны за сотню миль. Да и звездной ночью пламя наверху башни наблюдалось миль за двадцать пять.

Интенсивность движения в этой части моря все возрастала: униремы, биремы, триремы и другие суда, держась дистанции в сотни ярдов, то и дело встречались то справа, то слева.

Хэдон был озадачен их числом. Каким же должен быть порт Ребхи, чтобы вместить весь этот флот?

Ребха и впрямь поражала размерами, в чем убеждал его Русет. Город раскинулся на возвышенной части острова, где были вбиты тысячи деревянных свай; много свай соорудили из камней. Морское дно находилось в двадцати пяти —

сорока футах ниже поверхности острова; город вырос на сваях, поднимавшихся над островом, сигнальная башня не в счет. Сваи уходили в ил, покрывавший известковую поверхность широкого плато. Город имел почти круглый силуэт диаметром две мили. Население — постоянное и временно проживающее — около сорока тысяч.

Хэдон сгорал от нетерпения увидеть этот легендарный город на сваях. Он был наслышан о нем во время своего путешествия из Опара на Великие Игры, но доставлявшая его галера миновала город, держа прямой курс из пролива Кета к острову Кхокарса.

Русет отказался засветло входить в город и, дожидаясь ночи, плавал вокруг него.

С наступлением темноты Русет направил «Душу Ветра» на заходящее солнце — рдеющий уголь в густом дыму. Теперь проявились и звезды, а с ними и слабый неровный свет наверху Башни Дихетет. По мере приближения судна он увеличивался и в размерах и в яркости, все более походя на звезду.

Когда судно было уже в миле от обширной тесной массы города, освещаемого слабыми огоньками, Русет опустил грот.

Ветер теперь уже доносил до путешественников устойчивый запах города.

Хинокли, однажды навещавший в городе своего брата, разъяснил причину его происхождения.

— Весь мусор, остатки и экскременты сбрасываются в море. Большая часть отбросов уносится течением, но немало задерживается сваями и плавучими доками. В море к юго-востоку от Ребхи вам попадались всякие плавающие отходы. Сколько миль от города, а всякой дряни мы видели немало.

— Да, — подтвердил Хэдон, помогая Хинокли управиться с парусом. — Я видел еще и морских крокодилов, ворчунов, птиц и морских выдр. Их здесь, должно быть, тысячи живут среди мусора и экскрементов.

Хинокли добавил:

— Здесь так много птиц, что Ребха почти побелела от их помета. А крокодилы и выдры в водах города делают жизнь весьма небезопасной, кто случаем упадет в воду или осмелится приблизиться к краю дока. По словам моего брата, с целью очистить город от хищников на них была организована массовая

охота. Уничтожили множество крокодилов и ворчунов. Охота на выдр оказалась не очень-то удачной. Они слишком проворны и сообразительны. Уплывают, едва почуяв охотников. Приблизиться к себе судам они не позволяют.

Ребха получает большой крокодилий пир — у них весьма неплохое на вкус мясо; какое-то время можно было сравнительно безопасно ходить в нижней части дока. Итак, морские крокодилы теперь встречались редко, чего нельзя сказать о крокодилах двуногих. В Ребхе серьезная криминальная проблема, но в каких городах ее нет?

Внезапно ветер совсем стих, и матросы спустились с мачты. Затем на воду пошли длинные тяжелые весла, и началась трудная работа — доплыть до города под нависшими над головой сооружениями между двумя массивными опорами с огромными белыми цифрами.

Стемнело, но при свете дальних фонарей и огней в деревнях видимость сохранялась на сотню футов.

Они проследовали в док, где укрылись огромные торговые галеры, небольшие частные суда, рыболовные вельботы и даже гребные шлюпки. Ярдах в двухстах в глубине фонари освещали здание у длинного дока. Издалека не удавалось разобрать слова, вынесенные над строением, но Хинокли сказал, что это дом, в котором живут таможенные инспекторы и моряки.

Русет провел «Душу Ветра» дальше. Не раз они наталкивались на суда или, задев стенки дока, издавали скрежет, но благодаря малой скорости не производили сильного шума или заметных повреждений. Иногда до них доносилось глухое, сердитое, как у свиньи, хрюканье, или чавканье — здесь обитала чудовищная глубоководная рыба. Хэдон смутно разглядел одну из них в отдаленном свете нескольких фонарей. На плоской маслянистой спине чудища вполне могли стоять в ряд три человека; в длину рыбину едва удалось бы покрыть солидным прыжком. Складки толстой бугристой плоти выдавались над глазами. Пасть походила на два черпака — один над другим.

Через несколько минут Русет остановил гребцов. Он тихо произнес: «Ква — кему — кавури — ву».

Справа от Хэдона в нескольких футах что-то проплыло. Грязно-белая пена возникла в сером мраке. Хэдону

представились выпученные глаза, и морщинистая спина, и длинный хвост; может быть, у него разыгралось воображение: ведь он знал, что это большой морской крокодил. Потом все исчезло.

Гребцы снова взялись за весла, чувствуя, что в любой момент ряды зубов в железных челюстях могут сомкнуться на лопастях весел и вырвать их из рук. Если верить рассказам Хинокли, такое уже бывало.

Ярко освещенная галера впереди заставила изменить курс. По палубам галеры расхаживали вооруженные люди, а из чрева ее доносились хрюканье и пронзительный визг, несло зловонием свиней.

— Домашний скот приходится охранять, пока его не поднимут на первый уровень, — объяснил Хинокли. — Достаточно воров-людей, хотя наибольшая опасность не от них. Морские выдры проникают на корабль и высасывают кровь из коров и свиней, пожирают их. Они не нападают на человека, пока их не загонят в угол. Тогда они делаются опасными, словно леопарды, а может, и страшнее, поскольку крупнее их. Однажды мне довелось видеть бой морской выдры и леопарда — это происходило на одном приеме, который давал один хозяин в Кхокарсе. Выдра одолела леопарда — он испустил дух через два дня от ран.

Наверху послышался скрип. Хэдон поднял голову и в темноте увидел очертания продолговатой фигуры — футов пятьдесят над ними. Что-то плюхнулось в воду, едва не угодив в судно, разбрасывая брызги по сторонам. Вытянутая фигура исчезла.

— Кто-то скинул отбросы, — прокомментировал Хинокли.

— Гребите быстрее, — велел Русет. — Шум и запах привлекут хищников.

Гребцы приналегли. Хэдон подумал, что самое время задать вопрос:

— Как же ты находишь путь в этом темном лабиринте?

— Главная жрица дала мне карту и объяснила на словах, — сказал Русет. —Мне следовало провести судно через сороковые и сорок первые сваи, считая от юго-западного угла вдоль южной стороны. А затем перемещаться на один ряд свай к западу через каждые двенадцать столбов. Добравшись до десятого

ряда, надо пройти мимо двадцати свай к доку, на котором три горящих фонаря, — продолжал рыжеголовый капитан. — Док впереди. Мы не можем войти в него прямо, поскольку должны избегать некоторых хорошо охраняемых доков и нескольких водных проходов.

Правым бортом «Душа Ветра» задела стенку дока, а затем еще сильнее «поцеловалась» с ним на краю. В окне хижины возникла физиономия. Через минуту появились три фигуры, облаченные в плащи с капюшонами. Одна из них быстро опустила фонарь к воде. Другая спросила:

— Какой пароль, приятели?

— Это Слово, произнесенное в Начале...

— Самой Великой Кхо, — продолжила жрица. — Заходите в хижину.

Гости ввалились толпой. Женщина закрыла деревянные ставни, погрузив всех в темноту. Через мгновение искра, высеченная кремнем, попала в чашу, наполненную маслом, и оно вспыхнуло. В этом слабом голубоватом мерцающем свете женщина зажгла свечу, затем еще три. Подавляя пламя, чашу прикрыли металлической крышкой, но чад все же вызвал у гостей кашель.

Откинутый капюшон открыл лицо женщины средних лет.

— У вас есть бумаги?

Русет извлек папирусный свиток из кожаного ранца за спиной. Женщина сломала печать и, развернув свиток на столе, принялась читать его при свете свечей. По мере чтения глаза ее округлились, она оторвалась от папируса и внимательно посмотрела на прибывших. Наконец, она взяла костяное перо с бронзовым наконечником, опустила его в бутылку чернил и сделала запись внизу последней страницы. Витиевато подписавшись, она осушила чернила песком, скатала бумагу и скрепила ее печатью. Теперь письмо было в руках у Русета.

— Итак, вы, Хэдон, тот мужчина, которому надлежало быть императором, супругом нашей верховной жрицы, если бы глас Кхо истолковали правильно. А ты Колдунья Морская. Сугукатет сообщает мне, что ты носишь в чреве дитя, которому предопределены великие дела, если оно родится в городе сокровищ, Опаре. Подумаем, что мы сможем сделать, чтобы ты попала туда.

Хэдон взглянул на ее роспись:

— Карсух, судя по всему, вы ждали нас. Очевидно, новости о нас опередили нас самих, хотя мы плыли на самом быстром судне двух морей.

— Нет, Хэдон, мы не ждали никого конкретно. Наблюдение ведется здесь постоянно; это пункт в тайной постоянно меняющейся системе передачи сообщений. Однако не стану отрицать, что мы кое-что слышали о вас. Всего четыре дня назад сюда в док заходила быстроходная военная галера. Адмирал Поеди получил послание от Минрута. Минрут извещал адмирала, что Авинет, Хэдон и другие, возможно, уже на пути в Ребху. Но властям Ребхи надлежало тщательно следить за вашим появлением. Минрут полагал, что вы можете попытаться бежать в Кхокарсу, если силы Авинет потерпят поражение. К счастью, описания твоего, Русет, корабля не было. Но из этого не следует, что оно не появится.

— Если мы сумеем запастись провиантом сегодня ночью, то до рассвета сможем отплыть, — сказал Хэдон.

— Это вряд ли удастся. Мы, конечно, сумеем доставить определенное количество продуктов на судно сегодня же вечером. Но кругом столько патрулей, что они определенно заметят и заподозрят что-то неладное, если провианта будет много. На это уйдет несколько дней.

Адмирал Поеди опасается, и не без основания, что в Ребхе слишком многие преданы Авинет. Среди ее сторонников в Ребхе почти нет крупных торговцев, и Поеди убежден, что большинство его офицеров верны Минруту. Адмирал не доверяет в Ребхе низшему люду — рыбакам, матросам, рабочим, контрабандистам. Потому-то патрули и не ведают покоя, особенно по ночам. Потому-то и следует действовать не торопясь и осмотрительно.

Если адмирал обнаружит, что Храм Пикабес помогает Хэдону и Лалиле, он арестует всех жриц в городе. Он ищет предлог, хотя отдает себе отчет, какие будут последствия. Не исключено, что он даже возлагает надежды на восстание, поскольку это позволит ему очистить городские трущобы. От наших агентов нам известно, что адмирал обрек на смерть не менее трех тысяч мужчин и женщин — людей, которых он

подозревает в преступлениях или в стремлении низвергнуть власть. И он не ошибается — вот что я могу добавить.

— Сколько времени потребуется для пополнения запасов? — спросил Русет.

— Примерно три ночи, — сказала Карсух. — Тем временем мы должны спрятать ваш корабль. Даже с опущенной мачтой его необычные очертания могут привлечь внимание. Инспектор тотчас разберется, что корабль попал в город незаконно. Если бы судно вошло в город через должный фарватер, ему тотчас же стало бы об этом известно, можете не сомневаться.

— Я должен знать, куда вы уведете судно на случай, если придется внезапно покинуть город,— посерьезнел Хэдон. — Хороши же мы будем, не зная этого.

— Оно будет в закрытом доке — десять свай к западу и тридцать к северу, считая от этой, — пояснила жрица. — Мои люди проведут парусник туда. Собирайтесь, уйдем отсюда.

Всей группой они прошли вдоль дока — женщина с фонарем, наполненным рыбьим жиром, впереди, — пока не добрались до основания деревянной лестницы, которая взвивалась вверх, в темноту. Все быстро поднялись, отдыхая через каждые три пролета. Наверху они очутились на узкой улочке. Двурогая луна освещала безоблачное небо. По обеим сторонам тянулись некрашеные трехэтажные деревянные дома. Окна на нижних этажах закрыты ставнями; двери выглядели весьма основательно и закрывались массивными бронзовыми замками. На верхних этажах окна были распахнуты. Дальний конец улицы слабо освещался; добравшись туда, путники увидели массу огромных зажженных фонарей на колоннах перед дверью внушительного здания. Оттуда доносились голоса шумной пирушки. Над дверью красовалась большая доска с изображением головы прибрежного павиана. Так обозначали помещение, где могли собираться моряки, почитавшие этот тотем, и жители Ребхи, поклонявшиеся ему же, собирались для обсуждения важных событий.

Жрица вела их дальше по лестничному маршу вблизи пандуса, который поднимался на следующий уровень. Хэдон пытался запомнить путь, но темень и бесконечные повороты

окончательно запутали его. Удивляло безлюдье в этот ранний вечер. Карсух объяснила: комендантский час.

— Поеди ввел его два месяца назад якобы для предотвращения нарушений порядка. Опять же легче контролировать преступную деятельность. Любой схваченный после наступления темноты автоматически признавался виновным, конечно, кроме доказуемых чрезвычайных обстоятельств.

Жрица остановилась, вскрикнув: "Ох! Ох!" Внезапно осветился угол улицы в сотне ярдов дальше. Свет быстро приближался.

— Патруль!

Глава 17

Жрица побежала, остальные последовали за ней. Кебивейбес со спящей Абет на руках стал отставать. Хэдон забрал ребенка. Группа поспешила обратно, пока все не домчались до предыдущего перекрестка. Там повернули к северу и двигались быстро. Потом Карсух велела остановиться.

— Это улица Опрокинутых Ульев, — сказала жрица. — Она стукнула в дверь захудалого строения — сперва три быстрых удара кулаком, потом шесть, девять. Жрица ждала, и вскоре кто-то изнутри ударил в дверь двенадцать раз. Карсух ответила, стукнув трижды.

И тут перекресток ярко осветился. Несколько мужчин в бронзовых шлемах, латах и с пиками — все это поблескивало при свете факелов — появились на улице. Почти тотчас же огни возникли и на другом углу улицы; там, на пересечении улиц, появился второй дозор. Группа оказалась в ловушке между двумя патрулями.

За дверью звякнули цепи. Карсух сказала:

— Ради нашего спасения, приверженцы Кхо, откройте быстрее!

Грохнула цепь, отодвинули засов. Раздался звук дерева, трущегося по дереву, будто засов был слишком плотно прижат к двери. Полицейский крикнул, его крику вторила команда на другом перекрестке. В это время оба патруля

устремились к группе перед дверью.

Дверь резко отворилась. Лампа жрицы высветила мужчину, одетого лишь в килт. Щурясь, он сжимал в руках короткий меч. За спиной его виднелся узкий коридор, стены с облезлой краской, лестничный марш, убегающий вниз.

— Карсух! — воскликнул мужчина. Он отступил, и беглецы быстро проникли в коридор.

— Патруль! Они гонятся за нами! Запри дверь!

Мужчина тотчас повиновался, но едва он задвинул засов, как полицейские снаружи забарабанили в дверь.

— Именем Императора Минрута и его наместника, адмирала Поеди, — откройте!

Карсух спешила:

— Некогда объяснять! — шептала она мужчине в килте. — Это Хэдон из Опара, ты слыхал о нем. Эта женщина и ее ребенок под защитой Самой Кхо.

Дверь сотрясалась под сильными ударами. Внезапно наконечник копья, пробившего дверь, на дюйм показался из дерева. Осветился коридор и верхняя площадка лестницы. Мужчины, женщины, дети выглядывали из дверей и со ступеней.

— Гахорупхи, — спешила жрица, — ты должен всех вывести отсюда. Солдаты вызовут подмогу и схватят нас. Поеди ищет предлог наказать для примера кого-то, чтоб никому неповадно было сопротивляться ему. Всех ждут крокодилы, даже детей!

— Я знаю, — произнес Гахорупхи. Он обернулся и закричал на столпившихся в коридоре.

«Откуда их взялось столько? — удивился Хэдон.— Должно быть, их там в комнатах складывали штабелями».

Тучная обнаженная женщина, кормившая грудью ребенка, размахивала рукой перед жрицей, убеждавшей всех последовать за ней. Люди гуськом по одному выходили в коридор, проталкиваясь меж вооруженных мужчин, и поднимались по скрипучей лестнице. В дверь дубасили все яростней и громче. Хэдон обернулся. Боевой топор прорубил дерево. В тот же миг, как топор извлекли, Гахорупхи с силой вонзил копье в щель. Раздался вопль. Гахорупхи выдернул копье и вскричал:

— Первая кровь!

Лалила встревожено смотрела на жрицу.

— Не устроят ли солдаты резню?

— Многих убьют,— сказала Карсух. — Но остальные последуют за нами в храм по тайным ходам.

Абет, разбуженная резкими криками, дотоле молчавшая, теперь расплакалась. Лалила взяла девочку и успокоила ее. На втором этаже в коридоре тоже толпились люди. Недобрый дух от немытых тел наполнил воздух. Крики, вопросы, шум. Жрица остановилась, призывая следовать за ней. Хэдон взял ее за руку.

— Почему мы должны удирать? Там всего лишь горсть солдат. Почему бы не покончить с ними, пока их не прибавится, и сбросить тела в море?

Внизу с треском ввалилась в коридор вышибленная дверь.

Доносились лязг мечей и крики раненых.

— Я должна провести в храм женщину с младенцем! — вскричала Карсух. Она окликнула толстуху, ребенок у нее на руках вовсю голосил. — Хинка! Оставайся здесь, пока Хэдона не вынудят отступить, тогда веди его в храм.

Лалила бросила на Хэдона полный отчаяния взгляд, словно не надеялась более увидеть его. Затем поспешила по коридору и наверх по следующему маршу. По-видимому, на крышу и куда-то еще поведет ее жрица.

Человечек Пага на миг заколебался: он, очевидно, разрывался между желанием сражаться вместе с Хэдоном и тревогой за безопасность Лалилы. Указывая мечом на Лалилу, Хэдон вскричал:

— Пага, если я погибну, ей понадобится защитник!

И книжник и бард с тоской смотрели на Лалилу. Они бы с радостью избежали грядущего кровопролития, но не трусы же они в самом деле и должны исполнить свой долг.

Хэдон протиснулся сквозь толпу вниз по лестнице. Кебивейбес и Хинокли поспешили за ним. Коридор был битком набит людьми, пытавшимися наброситься на солдат. Те продвинулись в дом лишь на несколько футов. Видя, что в этой ситуации он бессилен, Хэдон ретировался. Он продирался обратно сквозь толпу визжащих женщин и детей на второй

этаж. Там он взглянул в окно на улицу. Внизу находилась пара дюжин солдат. Двое дули в бронзовые свистки, вызывая подкрепление.

Теперь по всей улице, сколько было видно, осветились окна. Из них торчали головы, кое-где на улице появились жители, кто с фонарем, кто с факелом.

Хэдон отправился в ближайшую сдававшуюся квартиру — две комнаты с одеялами на полу вместо кроватей — и бросился к окну. Улица внизу оказалась безлюдной. Солдаты скучились вокруг двери, кто-то стучал в ставни на окнах пиками и топорами.

Кебивейбес, Хинокли, Русет и четверо его матросов появились через минуту. «За мной!» — крикнул Хэдон, вылезая из окна. Повиснув на вытянутых руках, он спрыгнул. Он задел стену дома и тут же оттолкнулся от нее руками. Длинные ноги согнулись, смягчая удар. Еще миг — его тену, Каркен, Древо Смерти, покинул ножны. Острый меч врезался в спину солдата, поразил еще одного и еще... Голова четвертого скатилась на настил; рука пятого с глухим стуком упала на нее. Во всю глотку взывая о помощи, следующий солдат-копьеносец направил оружие на Хэдона. Каркен Хэдона отрубил наконечник пики, а потом обезглавил и самого копьеносца. Русет присоединился к Хэдону, подхватив пику одного из поверженных солдат и направляя ее в горло врага.

Улица быстро наполнилась людьми, которым придало смелости это нежданное нападение на патруль. Уже через пару минут с двумя дюжинами солдат было покончено.

Но свистки все-таки были услышаны. Издали доносились крики и ответные резкие свистки. Свет множества факелов осветил крыши нескольких ближайших улиц. И в этот миг толпа, вылившаяся на улицу, внезапно смолкла, ветер навалился на город Ребху.

За минуту воцарилась неподвижная тишина, будто на каждого напялили бурдюк. Звуки приближающегося патруля доносились все еще издалека. В следующее мгновение порыв ветра просвистел над крышами домов, отклоняя пламя факелов, продувая улицы. Пот взмокших тел, быстро охлаждаясь, заставлял поеживаться, вызывал дрожь.

С севера подбиралась гроза. Мрачные, сердитые тени, дьявольские физиономии возникали в сверкании изломанных молний. Все это быстро надвигалось на город.

Тучная женщина Хинка, придерживая одной рукой свое дитя, вырвала факел у стоявшего рядом мужчины. Что-то вопя, успокоившийся было ребенок опять заплакал, она размахивала им над головой.

— Кхо послала нам ветер! — кричала Хинка. — Давайте воспользуемся им, как Она того желает!

Хэдон уставился на нее, соображая, что имеет в виду эта женщина, что она намерена сделать. Стоявшие вблизи отшатнулись от нее, испуганные ее диким взглядом, ее одержимостью. Казалось, Богиня руководила ею; глаза женщины сверкали, словно отдаленные молнии.

— Сожжем город! — кричала она. — Сжечь! Сжечь! Уничтожить поклоняющихся Ресу и всех людей тирана Минрута! Пусть преданный Пламенеющему Богу сгорит в пламени!

Факел ее, описав дугу, влетел в окно второго этажа. То, что огонь нашел там пищу, стало очевидно. Огонь разорвал темный проем окна и быстро распространился по комнате.

— Да! Пусть он сгорит! — закричал неизвестный мужчина. Он тоже швырнул факел в окно дома на другой стороне улицы.

— Сжечь! Сжечь! Во имя Кхо!

Хэдон пришел в смятение, казалось, они все разом помешались, будто ветер в самом деле нагнал на них божественное безумие. Куда же они денутся, если город сгорит? Уплывут на кораблях, которых слишком мало на всех? Бросятся в море? И там утонут или их сожрут крокодилы, или выдры, или хищные рыбы.

— Остановитесь! Остановитесь! — призывал он. Но никто, кроме барда, книжника и Русета, не слышал его. Побледневшие, они стояли рядом, словно островок разума в море безумия.

Теперь уже все швыряли факелы в окна. Ветер хлестал языки пламени, словно рабов на галере, принуждая их работать быстрее.

Полисмены бежали, охватываемые пламенем и толпой. Толпа бросалась на них, поглощая, разрывая на части или разрубая на куски.

Издалека с наветренной стороны долетали резкие звуки множества свистков. Где-то били барабаны, ударил могучий колокол, за ним звон множества колоколов. Казалось, весь город резонировал этот грохот — всей своей деревянной массой, всем воздухом сотрясаясь в такт бронзовым ударам.

Хинокли крикнул прямо в ухо Хэдону:

— Они сумасшедшие! Сумасшедшие! Они действительно сожгут город! Болваны! Если только власти не сумеют погасить пламя. Но ведь эти люди вряд ли позволят пожарным подобраться к огню! Что с ними произошло?

— Не знаю! Надо разыскать Лалилу! — кричал Хэдон. — Нужно быстрее возвращаться на корабль.

Он позвал друзей следовать за ним. С большим трудом они продрались сквозь все увеличивающуюся толпу в дом. Он был пуст; пламя и дым завладели коридором второго этажа. Через несколько минут запылает весь дом.

Хэдон — за ним остальные — поднялись по лестнице на третий этаж и оттуда выбрались на крышу. К счастью, она оказалась не крутой, и они смогли пройти по ней до соседнего строения. Крыша его была совсем рядом, широкий шаг — и они на ней. Дверь люка лежала открытой — не здесь ли прошли Лалила и жрица?

Изнутри потянуло дымом. Через несколько секунд появились и спутники его — языки пламени.

— Дальше, скорей! — крикнул Хэдон, увлекая друзей за собой по крыше, обжигавшей голые ступни, к следующему дому, последнему на этой улице.

— Что стало с четырьмя матросами судна Русета? — неожиданно подумал он и тут же успокоил себя: — Ничего, они сумеют спастись.

Хэдон выглянул вниз, за край крыши. И эта улица оказалась заполненной помешанной толпой. Факелы поджигали дома, мебель. Ветер разносил пламя повсюду; искры, тлеющие кусочки дерева пролетали по улице к домам на другой ее стороне. Они и без того уже горели, но эти легкие жаркие частицы будто говорили: «Смотрите, как быстро огнем будет объят весь город».

И на море светилось необычно много огней. Хэдон предположил, что суда прибыли для подстраховки и ожидали

команды, не вмешиваясь в происходящее. Из-за взлетающих и падающих вниз факелов и море казалось очень неспокойным.

— Надо спускаться, пока мы не оказались совсем отрезанными! — прокричал Кебивейбес.

Хэдон кивнул. Они приподняли дверь люка и устремились к цокольном этажу. Они успели вовремя, выскочив на улицу с подпаленной одеждой и волосами.

Толпа значительно поредела, очевидно, многие отправились бесчинствовать на другие улицы. По нескончаемому лязгу мечей, стонам раненых и умирающих Хэдон предположил, что там сражается уж никак не меньше нескольких сот людей.

Заметив уличный спуск, Хэдон и его спутники побежали к нему. К такой же мысли пришли уже и многие горожане. Хэдон с друзьями последовали за ними, спиралью «вкручиваясь» вниз по винтовой лестнице, пока не добрались до причала. Ветер полоскал пламя факелов, укрепленных рядами на стенах хижин. Будь он чуть крепче, огонь давно бы погас. При мерцающем свете мужчины, женщины, дети взбирались в лодки и суда. Некоторые суда уже отошли.

Море тут было неспокойное; высокие волны крошились о массивные сваи. Несколько судов, несмотря на усилия команд, волны швырнули бортом на опоры. Одно разбитое судно тонуло.

— Совсем не все здесь помешались, — произнес Хинокли. — Скоро все — сумасшедшие или нет — будут здесь, стремясь выбраться из этого ада.

Хэдон промолчал. Он вытащил из воды на пирс женщину, и, пока она приходила в себя, спросил:

— Где Храм Кхо?

— Мой муж убит, — в ответ простонала она.

Хэдон тряхнул ее за плечо.

— Где Храм Кхо?

— Мне все равно.

— Если вы не скажите мне, я оставлю вас здесь умирать.

— Мне все равно, — повторила она и принялась причитать.

Кебивейбес сказал:

— Улица над нами горит. Огонь вот-вот будет здесь. Лестница из сухого дерева.

Пронзительные вопли доносились сверху. Люди очутились в огненном капкане. Порожденный ими пожар обрушился на них же.

— Поплывем к тому доку? Там много судов и никого не видать.

— Вон, идут, — Русет показал на лестницу, по которой спускалась дюжина беглецов.

Сунув меч в ножны, Хэдон прыгнул в воду. Его накрыла большая волна, вонявшая отходами и экскрементами. Какое-то существо, крупное, круглобокое, с плоской спиной, поднялось перед ним, хрюкнуло и ушло под воду. Хэдон проплыл над этой тварью, ощутив мерзкий страх, когда нога его ударилась обо что-то мягкое и скользкое.

До следующего причала оставалось ярдов двадцать. Хэдон вскарабкался на пирс и помог подняться Русету и остальным. К этому времени оказались захваченными шесть судов — три шлюпки и три малые рыбачьи лодки. Оставался одномачтовый баркас; к нему устремилась группа людей. Хэдон зарычал и ринулся на них, хватая со спины одного человека за другим и швыряя их в воду. Уже шестеро оказались в воде, прежде чем остальные сообразили, что происходит. Они обернулись — сверкнули ножи и мечи. Русет присоединился к Хэдону — против шестерых мужчин и одной женщины. Заметив, что Хэдон владеет тену, они не решались приблизиться. Внезапно Хэдон сказал:

— Зачем проливать кровь? Мне нужен этот баркас, всего лишь чтобы добраться до Храма Кхо. Вы можете отправляться с нами, мы сойдем, а вы продолжите свой путь. В самом деле, так будет лучше для всех. Вы нужны нам, чтобы помочь грести, а вы сейчас нуждаетесь в нас.

Кебивейбес и Хинокли стояли теперь рядом с Хэдоном и Русетом.

Очевидно, это подкрепление и логика доводов Хэдона убедили горожан в предпочтительности взаимодействия. Все забрались в баркас и, оттолкнувшись от пирса, отплыли под аккомпанемент воплей бегущих к судну людей. Некоторые даже прыгали в воду в тщетной попытке забраться на

борт. Все «ныряльщики» вернулись на пирс, кроме одного — тот возопил и, простерев руки в воздухе, исчез, будто нечто утянуло его под воду. Так, без сомнения, оно и было.

Десяток гребцов заставили баркас быстро устремиться вперед. Несколько раз волна едва не швырнула судно на сваю. Но, отталкиваясь веслами от нее, удалось избежать неприятностей.

Часть уличного настила над ними неожиданно рухнула в воду, обдавая брызгами гребцов, горящее дерево зашипело в воде, выстреливая в воздух частицы пара; люди вскрикивали от неожиданной боли, но никто не пострадал всерьез. Проводник, который греб, сидя впереди справа по ходу, велел изменить направление. Минут десять баркас плыл, как казалось, мимо стены огня. Наконец, свет, отбрасываемый пламенем, уменьшился, исчез душноватый запах дыма. Но повсюду была оживленная сутолока, люди кричали, колокола били, временами слышались густые и глухие звуки, словно пробегали десятки людей. И действительно, все больше горожан в панике бежало по лестнице захватывать суда. По-другому, очевидно, было уже не спастись. Город все быстрее охватывало пламя пожара, а кому хочется превратиться в пепел.

Наконец проводник кивнул головой вправо, сопроводив этот жест особым движением руки.

— Что это значит? — спросил Хэдон. Русет пояснил:

— Это значит, что мы швартуемся здесь. — Он указал на ряд параллельно расположенных платформ, покачивавшихся на волнах.

На гребне волны баркас вплыл между двумя платформами; гребцы справа ухватились за свободные веревки, привязанные к столбам. Не без труда Хэдон и его спутники вылезли на причал и уцепились за канатный поручень. Оставшиеся в баркасе горожане, отталкиваясь от причала, помогая себе веслами, проплыли обратно меж помостов.

Центральная платформа, покачивавшаяся на волнах, уходила далеко в море, оставляя позади выходившую на нее лестницу. Искусный бронзовый механизм мог продвигать платформу вперед и назад, вверх и вниз, поднимать ее вертикально, не отделяя от лестницы и не врезаясь в нее. Но металлические плечи и соединения скрежетали, словно прося смазки.

Во главе с Хэдоном спутники двинулись к лестнице. Платформа освещалась факелами, но по мере подъема становилось все темнее. Наверху, на уровне улицы, едва можно было разглядеть что-то. Прямо с лестницы они попали в темное помещение. Хэдон велел всем стоять спокойно, пока он на ощупь искал дверь. Вскоре он нашел ее. Щеколда легко поддалась, и он оказался в другой темной комнате. Хэдон почувствовал, как что-то почти невесомое легло на его лицо, грудь, ноги. Что бы это ни было, но движения становились все более скованными. В комнате зазвенели маленькие колокольчики. Внезапно дверь в противоположной стене распахнулась, и свет влился в комнату. Вошли люди, вооруженные мечами. Теперь свет ударил и сверху, из люка. Из-за частокола на него смотрели люди.

Глава 18

Колокольчики подали сигнал, когда Хэдон натянул привязанные к ним бечевки. Он вскричал, не двигаясь:

— Я — Хэдон, муж Лалилы, той женщины, которая совсем недавно пришла сюда! Карсух привела ее с ребенком!

— Я знаю, — ответил офицер. — Он отдал приказ, и бечевки упали на пол. Осмотрев остальных в группе — очевидно, Карсух обрисовала их — офицер провел гостей в следующую комнату. Они поднялись по другой, высокой, винтовой лестнице в просторные покои. Мраморные стены украшали фрески, в нишах — статуэтки из слоновой кости и золота. Гости проследовали за офицером через анфиладу роскошных комнат и поднялись на третий этаж, миновали коридор, и еще раз — по другой лестнице — на седьмой этаж в башню — в этом они убедились, добравшись до верха крыши. Лалила, Абет, Карсух и все остальные находились в зале с открытой стеной. Они смотрели вниз на город, быстро пожираемый огнем. Пламя распространялось на новые районы, очаги огня возникали во многих местах, отдаленных от основного пожара. И там, судя по всему, поработали люди, объятые той же истерией и манией саморазрушения, которая охватила несчастных на улице Опрокинутых Ульев.

Сколь многое видно было с этой высоты. Пожарники и добровольцы, тащившие бадьи с водой в просветах улиц, солдаты, сражающиеся с бунтовщиками и мародерами, толпа, запрудившая проходы, теснящая солдат в адское пламя, беженцы, давящие друг друга, с воплями оттаскивающие других несчастных от проходов на лестницы.

Тут и там строения, словно игрушечные, складывались и проваливались в пламя, иногда обрушиваясь сквозь настил улицы и оставляя после себя лишь полые дымящиеся пространства.

Хэдон тотчас нашел глазами Лалилу, неслышно подошел, обнял ее за талию и поцеловал. Лалила испуганно вскрикнула — она не видела, как он вошел, — и уткнулась лицом в его грудь.

— Куда бы я ни попала, куда бы я ни попала — повсюду смерть, горе, ненависть, разрушения.

— Это лишь оттого, что смерть, горе и разрушения везде, куда ни кинь глазом, — сказал Хэдон. — На тебе не лежит проклятие. Не более, чем на других.

Она хотела что-то сказать, но уличная возня поглотила ее слова.

Они глянули вниз — оттуда и к ним добрался этот гам. Огонь вспыхнул и в строениях вокруг величественной башни в центре города. То ли и здесь восторжествовал умышленный поджог, то ли ветер принес искры и горящие кусочки дерева. Да и в этом ли суть! Пламя свирепело, освещая дома и улицы. Кольцо сжималось. При той скорости, с которой продвигался огонь, — языки его уже лизали цокольный этаж, — башню спасать будет поздно.

Карсух отвернулась от этой печальной сцены. Блики света огненной стихии и факелов вдоль ограждений отражались на ее лице. Оно напоминало медную маску горя.

— Пламя вот-вот охватит всю Ребху от края до края, — печально произнесла она. — Должно быть, Кхо наслала этот ветер, Кхо лишила разума этих людей. Ветер и безумие вместе спалят древнюю Ребху до самого моря. Ничего — даже свай — не останется.

— Значит, надо уходить, — откликнулся Хэдон. — Не проведете ли нас к судну, к нашему «Душе Моря»? Вы, конечно, можете уплыть с нами.

Карсух крикнула свою стражу, которая окружила гостей. Все быстро спустились по лестнице. Казалось, храм пуст, лишь на крыше, на наблюдательной вышке остались люди. Теперь Хэдон нес Абет. Ребенок прижался к нему, уткнувшись лицом в его шею. Девочка, слишком напуганная, не плакала и даже ничего не шептала. Что бы она ни чувствовала и ни переживала — молчала, словно неживая.

Вся группа спустилась ниже уровня улицы. «Все суда угнаны!» — вскричала жрица.

Стражники, шедшие впереди Хэдона, с криками устремились еще ниже. Хэдон передал Абет Хинокли и поспешил за стражниками. Последняя надежда — гребная шлюпка, отплывающая от пирса. В ней находилось шестеро — трое мужчин, две женщины и мальчик лет двенадцати. Все были озабочены одним — быстрее отплыть, пока на борт не вскочили другие.

На раскачивающемся причале хватало людей — среди них и стражи храма, и воры. Эти, должно быть, проплыли под ближними улицами, убедившись, что все бывшие здесь суда уже захвачены. Кое-кто утонул, стремясь сюда, кое-кто был убит в безжалостной драке за суда. И вот теперь отплывала последняя надежда.

Стражники оказались храбрецами. Они, не колеблясь, бросились в воду за шлюпкой. Один забрался на корму и растянулся на ней. Но подняться не успел: удар краем весла пришелся на шею. Другой ухватился за корму, пытаясь подтянуться, но получил оглушающий удар по голове в шлеме. Он все еще цеплялся, но следующий взмах весла пришелся на ладони.

Пока гребцы расправлялись со стражниками, шлюпка потеряла ход. Трое воинов, хотя и уступали шлюпке в скорости, пытались догнать ее. Бронзовые шлемы и кирасы тянули ко дну, но носы пловцов еще торчали из воды. Что они намеревались предпринять, достигнув шлюпки, очевидно, неведомо было им самим. Они подчинялись приказам жрицы и более ни о чем в эту минуту не думали.

Хэдон, стоявший внизу лестницы, отошел, пропуская на причал остальных. Трое гребцов на шлюпке работали веслами в соответствии с их назначением, а другие стояли, готовые обрушить свои весла на головы плывущих стражей.

Один из гребцов — мальчик — не лучшим образом справлялся с делом.

Шлюпка находилась сейчас футах в тридцати от причала. Не допрыгнешь, даже сильно разбежавшись.

Хэдон схватил за руку Русета:

— Надо завладеть этой шлюпкой. Мы погибнем в огне либо утонем, спасаясь от него. Как ты плаваешь?

— Ты спрашиваешь об этом парня — рыбака из Бхабходеса? — усмехнулся Русет.

— Поплывем вместе, нырнем под шлюпку и вынырнем впереди,— сказал Хэдон. — Я заберусь в нее слева от носа...

— Левого борта, — поправил Русет.

— Черт с ним! — отмахнулся Хэдон. С левой стороны. А ты справа...

— Правого борта, — поправил Русет, ухмыляясь.

Хэдон, право, и не знал, то ли врезать Русету, то ли похвалить за моряцкие познания. Этот рыжеголовый малый явно обладал сильным характером. Шутить в такую минуту!

— Надо действовать быстрее, — только и произнес Хэдон. — Пошли!

Не церемонясь, он пробивался сквозь толпу, сбивая людей, кого-то сталкивая в воду. Он держался самого края пирса, а Русет пристроился рядом.

Когда пирс высоко поднялся на волне, Хэдон прыгнул. Он не выплывал на поверхность, изо всех сил работая руками и ногами. Тяжелый меч немного тянул вниз. Течение относило вправо, но ведь то же самое оно проделывало и с шлюпкой. Когда уже стало не хватать дыхания, руки и ноги, казалось, наполнились свинцовой тяжестью, он вынырнул в десяти футах от шлюпки. При свете факелов на пирсе он увидел гребцов, бешено работающих веслами. Хэдон надеялся, что люди в темноте не заметят его.

В нескольких футах от него появилась голова Русета. Рот открыт в белозубой улыбке. Хэдон показал на быстро приближающуюся шлюпку. Он снова нырнул и, выскочив из воды, когда шлюпка опускалась с гребня волны, ухватился за форштевень.

В броске — будто хрустнуло при этом что-то — Хэдон прыгнул на борт, прижавшись к нему животом.

Через мгновение по другому борту возникла голова Русета. Бросок — и капитан в точности повторил действия Хэдона. В зубах он зажал нож.

Ближе других к нападавшим были мальчик и женщина — первый слева, в нескольких футах от Хэдона. Они, должно быть, услышали что-то или почувствовали неожиданный груз на носу шлюпки. С криком они поднялись на ноги, разворачивая весла... Обдирая голый живот, Хэдон резко перебросил тело через борт. Русет в точности повторил действия Хэдона. Шлюпку сильно качнуло, женщина и мальчик, пытаясь сохранить равновесие, беспомощно размахивали веслами. Мальчику так и не удалось устоять, и он упал на спину. Женщина же встала и уже поднимала весло, чтобы обрушить его на Русета.

К этому моменту оба нападавших вскарабкались в шлюпку и, хотя и толкали друг друга руками, действовали достаточно решительно и успешно. Хэдон ударил в лицо мальчика, капитан безжалостно вонзил нож в шею женщины. Сзади остальные четверо бросили грести и вскидывали весла, дабы пустить их в ход. Шлюпка сильно качнулась и соскользнула с волны. На миг все четверо замешкались, пытаясь устоять на ногах. Хэдон же, быстрее овладев равновесием, выхватил меч. Через двадцать секунд он и Русет остались вдвоем...

Русет сбросил в море раненную в шею женщину и потерявшего сознание мальчика; мальчик, очевидно, очнувшись в воде, поплыл к причалу. «Вряд ли ты доберешься, но я желаю тебе удачи», — подумал Хэдон. Он ничего не имел против мальчишки. Он даже принял бы его на борт, будь в шлюпке свободное место. Но надо спасаться самому, спасать любимую Лалилу, и Пагу, и остальных друзей.

Вернуть шлюпку к причалу труда не составило — отплыла она совсем недалеко. Шлюпка шла так легко и быстро, переваливая через волны, что даже со скрежетом протерлась бортом о пирс. Некоторые на причале так торопились попасть в шлюпку, что оказались придавленными между корпусом судна и платформой. К счастью, Лалила с друзьями не стояли у самого края. Их оттеснили те, кто сейчас шел ко дну или стонал от боли и страха отправиться туда.

Пока Русет, сойдя на причал, держал канат, не давая шлюпке отойти, Хэдон махал мечом над его головой. Страждущие спасения на причале пятились назад. Жрица Карсух, выкрикивая приказы и угрожая, тоже помогала своим стражникам отгонять людей. Лалила с Абет, Пага и книжник и бард забрались в судно. Хэдон предложил жрице последовать за ними, хотя свободного места для нее не было. Она сказала:

— Нет, я останусь здесь. Мой долг молиться за спасение моего несчастного народа.

Хэдон попрощался и поблагодарил ее за помощь, восхищаясь ее преданностью долгу, но несколько сомневаясь в ее разумности. Он велел всем, кто мог, отталкивать шлюпку. Уже когда они отплыли, он увидел новые толпы людей, стремившихся вниз по спуску. Напор сзади был так велик, что многие просто сваливались через ограждения лестницы. Шлейф дыма тянулся за ними, и языки огня пробегали по просмоленным соединениям настила.

Карсух пробиралась сквозь толпу у лестницы. Ее оттеснили к краю и в конце концов она оказалась в воде. Будь жрица с ближней к шлюпке стороне причала, Хэдон постарался бы втащить ее. Но он скоро потерял ее из виду. Теперь Хэдону оставалось лишь взяться за весло. Шлюпка наискось направилась к открытой воде за пределы города на сваях. Волна на море мешала взять курс прямо к западу — кратчайший путь к безопасности, или по крайней мере уменьшить существующую угрозу. Практически оставался один выбор — напрямик между сваями по течению. Так, наверное, удастся не врезаться бортом в сваи. Все равно придется огибать множество плавучих доков, а значит, иногда подходить на опасно близкое расстояние к массивным опорам.

Вблизи доков группе опять угрожали сотни беженцев, прыгавших в море или плывших за шлюпкой. Хэдон следил за тем, чтобы гребцы в шлюпке делали свое дело, не обращая внимания на несчастных, пытавшихся схватиться за весла и уцепиться за борта судна. У доведенных до отчаяния людей все равно не хватало сил удержаться за весла. Руки скользили, люди беспомощно барахтались. Нескольким пловцам удалось схватиться за края кормы. Лишь тогда Хэдон разрешил Хинокли и Паге —

заднему ряду гребцов — отвлечься на секунды и ударить по рукам нежелательных претендентов на абордаж.

Наконец, шлюпка вышла за пределы Ребхи. Открытое море было еще более неспокойно. Волны не разбивались о мощные сваи. Люди нуждались в отдыхе, но Хэдон торопил.

— Несчастные еще плывут за нами, — убеждал он. — Сбавим ход чуть позже, когда сделаемся недосягаемыми для пловцов.

Теперь уже весь город был охвачен огнем. Пламя высоко взвивалось повсюду, очерчивая подожженные безумцами дома на разных уровнях, башню Храма Кхо и башню Храма Дихетет. Высветились несколько жалких фигурок, метавшихся на окраинных улицах, потом прыгнувших в воду — кто поодиночке, а то и группами. Ветер доносил пронзительные вопли, перекрывавшие даже рев пламени, грохот падающих стен и секций основания города. Затем обрушилась огромная башня Дихетет, охваченная красным и оранжевым саваном. Ее падение заглушило все другие звуки. Башня сплющила все строения внизу, посылая высоко в небо их горящие останки, пробила основание, унося с собою в море окружающие здания, не успевшие сгореть или рухнуть. Часть башни еще горела. Она упала на сваи и доки, распространяя пылающий огонь, и исчезла в общей катастрофе. Теперь в море оседали целые кварталы. Уступавшая по размеру Храму Дихетет Башня Кхо грациозно опустилась сквозь основание, оставаясь в вертикальном положении, пока фундамент, шипя, не погрузился в воды.

Гребцы, объятые благоговейным страхом, продолжали нелегкий труд. За два часа могущественный город с населением сорок тысяч человек, старый город, созданию которого был отдан труд неисчислимых рук и умов многих поколений, уникальное творение, возведенное среди бунтующего моря, исчез.

Хэдона и прежде посещали сомнения относительно разумности человеческих существ. Отныне же он никогда не поверит, что люди действовали согласно велению рассудка. Возможно, чаще всего бывает именно так. Но за маской или под маской логики скрывались анархия, безумие, чувства.

С себя он, конечно, подобные обвинения снял.

Глава 19

Шторм налетел через несколько минут после падения Башни Кхо. Оставшиеся в живых позднее свяжут эти два события на двух морях в причинно-следственной обусловленности, распространяя рассказ о том, что Сама Кхо зажгла пламя, а затем наслала шторм, чтобы выкорчевать даже сваи и расшвырять по морю обломки Ребхи. Там, где до недавних пор на пятьдесят футов над водой возвышался город, где его башня виднелась за двадцать шесть миль, где дым от башни различался на расстоянии ста двадцати миль, теперь ничто не говорило о том, что на этом месте была Ребха.

Люди в шлюпке думали сейчас лишь о себе. Первый удар штормового фронта едва не опрокинул судно. Шлюпка выправилась, и пока Лалила и Абет вычерпывали воду ковшами из крокодиловой кожи, мужчины изо всех сил старались удержать шлюпку параллельно волнам. Окажись судно под углом к могучим волнам, оно могло — и несомненно так и случилось бы — уйти под воду.

Затем откуда-то появилась трирема, и беглецы с трудом перебрались в нее по веревочным лестницам и канатам, брошенным им. Абет крепко обхватила руками шею Хэдона, ногами обвила его туловище, пока его самого втягивали на палубу. Мгновение спустя высокая волна накрыла палубу.

Хэдон услышал крик и, когда волна схлынула, осмотрелся. Только что рядом стоял Хинокли... Не оставалось ни секунды на размышление о его судьбе, ни на проявление горя. Хинокли прошел через многие приключения, оставаясь невредимым, когда другие погибали. Да и в конце концов, он тоже спустился в дом наводящей ужас Сисискен.

Держась за канаты, протянутые вдоль палубы, поредевшая группа последовала за офицером. Дважды тяжелые волны едва не оторвали их от ограждений. Они чуть не свалились с лестницы в чрево триремы, битком набитое беглецами, подобранными еще до шторма. Крышка люка закрылась, и люди остались средь темноты и ужаса, где рвотное зловоние боролось с «ароматами» страха. Абет время от времени скулила; Лалила утешала ее, но голос матери выдавал ее собственную подавленность и тревогу. Хэдон сидел рядом, приобняв одной рукой Лалилу.

Пага и Кебивейбес прижимались к его спине. Русет теснился перед ними. Минул, наверное, не один час, когда Хэдон, наконец, заговорил.

— Сколь долго может выдержать такое судно подобный шторм? — спросил он Русета.

— Этого нельзя предсказать, — сказал капитан. — Остается лишь надеяться, что Пикабес не имеет намерения забрать нас к себе.

Через минуту всех обитателей трюма швырнуло вперед; образовалась груда тел футов шесть высотой, привалившаяся к переборке. Треск ломающегося дерева перекрывал крики. Что-то ударилось о крышку люка, разбивая ее — внутрь хлынула вода. Хэдон устоял на ногах и вытащил Лалилу и прижимавшуюся к ней девочку из извивавшейся, брыкавшейся, визжащей массы тел. Он поддерживал Лалилу, с трудом продвигаясь к лестнице. Как раз в тот момент, когда они добрались до нее, судно завалилось на бок; их отбросило назад к дальней переборке. По счастью, удар смягчили тела других страдальцев.

Они вновь попытались добраться до лестницы. Палуба под ногами опять накренилась, на этот раз бросив их вперед, к лестнице, и одаряя ощутимыми ушибами. Однако те, кому посчастливилось оказаться там, поневоле служили амортизаторами.

Все, кто мог двигаться, давясь и отталкивая друг друга, стремились к лестнице или уже лезли наверх. Наконец, в трюме остались лишь раненые, которые не могли идти, и группа Хэдона. Хэдон удерживал своих товарищей, не давая им вовлечься в паническую давку. Он велел ждать. Пришлось даже ткнуть нетерпеливого барда в живот.

Теперь путь был свободен. «Можно идти»,— объявил Хэдон, становясь на первую ступень.

Шторм ослабевал. Рассветало. Небо оставалось темно-серым, но ветер смирился, будто по приказу Пикабес. Волны успокоились, не венчаясь теперь высокими острыми гребнями, заставлявшими судно трястись и стремительно нырять.

Судно сейчас, хоть и заваливалось на один бок, несмотря на то, что качка была невелика, казалось, вообще не продвигалось вперед.

Внезапно раздался крик Хэдона. Столпившиеся позади него тоже закричали. По счастливым обстоятельствам, они находились в носовой части судна. Кормовая —исчезла. Отвалилась и скрылась в море.

Хэдон прошел по наклонной палубе к ограждению, заглянул за борт — на рассеянные обломки весел, торчавшие на трех ярусах внизу. Тела свешивались из смотровых окон, но многие люди — раненые или здоровые — выбирались из этих отверстий наружу из-под обломков судна.

Хэдона охватило чувство чего-то нереального. Обо что ударилась трирема? Что сдерживает ее движение?

— Похоже на бревна, сотни тысяч стволов деревьев, — бормотал он.

— Мы врезались в колоссальные плоты Кюдъемьё, племени тотема Морской Выдры, которое обитает на побережье ниже города Баваку. — Хэдон знал, что Баваку — важный порт на западном берегу Кему. Порт тоже был охвачен восстанием против Минрута.

На судне царило оживление. Матросы, оправившись от шока, освобождали себя от веревок, которыми привязывались к палубам, другие вылезали из люков. Офицер приказал нескольким матросам освободить мачту, которая, переломившись, свалилась поперек носовой части палубы, придавив несколько человек.

— Что он себе думает? — сказал Русет. — Судно никогда более не поплывет.

Подумав, Хэдон произнес:

— Офицер — датоепоегу, лейтенант. Видать, он здесь единственный офицер, остальные, должно быть, оказались в носовой части или лежат в каютах раненые.

— Очень много пострадавших, — сказала Лалила, имея в виду стоны о помощи, доносившиеся снизу.

— Смотрите! Вон люди! — воскликнул Хэдон, показывая на бревна. Должно быть, это кюдъемьё.

Около пятидесяти мужчин и женщин с детьми и собаками плыли на огромном плоту. Черты их темнокожих лиц выдавали основные признаки племени: вздернутые носы, толстые губы, прямые черные волосы. На груди у каждого изображена красная голова морской выдры. Длинные волосы собраны в семь

косичек, перехваченных у корней лентами сочного синего цвета, отделанными стеклярусом. Зубы у мужчин подпилены, заострены. Они носили набедренные повязки из шкуры выдры; повязка крепилась узкими полосками кожи вокруг бедер и голени. На темнокожих не было ничего, кроме повязок, металлических браслетов и сандалий с перепонкой на щиколотке; в руках они держали четки.

Женщины носили небольшие треугольные фартуки, удерживаемые бечевками вокруг бедер. Щеки сильно нарумянены, губы окрашены каким-то голубоватым веществом; в носах болтались большие бронзовые, а может, золотые кольца. У всех в руках трезубцы или короткие острые мечи. Однако они отнюдь не проявляли воинственности или стремления к обороне. Им было просто любопытно.

Теперь и лейтенант сообразил, что он остался единственным офицером на борту. Он велел мужчинам прекратить бесполезное дело — освобождение мачты и заняться ранеными, что и следовало предпринять прежде всего.

Хэдон скинул с борта триремы веревку и спустился по ней. Судно развалилось, врезавшись в стену, высотой по пояс, из небольших бревен по краю плота. Вода здесь доходила до лодыжки, в основном, потому, что массой своей трирема чуть подтопила плот.

Хэдон прошел по воде ярдов двадцать от судна, затем остановился там, где бревна плота лежали уже выше поверхности моря. Люди на плоту, переговариваясь спокойно ждали. Собаки — большие, тощие, грязные твари принялись лаять на него. Хэдон обождал, правая рука его застыла в традиционном жесте мира. Звери остановились лишь в нескольких дюймах от него, а одна собака сзади ткнулась носом в руку. Он ждал спокойный, как дерево. Мужчина — единственный в толпе, на ком была шляпа — высокий широкополый цилиндр с тремя белыми перьями, торчавшими сверху, — подошел к Хэдону. Человек был широк в кости, с внушительным выпирающим животом, с глазами-щелочками: от него исходил устойчивый запах рыбы. Хэдон расценил его широкую улыбку как дружескую, хотя сточенные зубы делали ее зловещей.

Состоялось представление. Мужчину звали Квасин. Это был вождь племени Красной Морской Выдры. Имя его означало Черное Сердце, хотя это отнюдь не умаляло достоинств его характера. Он действительно проявил достаточное великодушие. Вождь предложил забрать раненых и доставить их в «место для больных». По крайней мере. так истолковал Хэдон слова в его произношении. Квасин говорил на торговом кхокарсане, специальном жаргоне, который понимали в большинстве морских портов и который был в ходу у разноязычных команд торговых и военных кораблей. Весьма индивидуальное произношение определенных согласных и гласных затрудняло восприятие речи вождя.

Хэдон сумел втолковать Квасину, что не располагает никакой властью над триремой или ее экипажем. Он сам и его друзья всего лишь пассажиры, которых подобрали после гибели Ребхи.

При этом сообщении Квасин сильно удивился и попросил Хэдона пояснить сказанное. Вождь издал крик, и сородичи подбежали к нему. Он что-то протараторил им на языке, который никак не походил ни на один из диалектов кхокарсана, когда-либо слышанных Хэдоном. В действительности оно напоминало язык клемкаба, первобытных людей, обитавших много южнее Баваку.

Еще не дослушав вождя, толпа начала радоваться, петь, танцевать, кружиться, обнимаясь и целуясь. Кончив разговор со своим людьми, вождь обратился к Хэдону:

— Мы не торжествуем, оттого что все те люди были убиты, — сказал он. — Хотя, без сомнения, они, должно быть, сделали нечто такое, что заслуживает смерти, иначе Пикабес не наслала бы на них такую смерть. Но мы ликуем, потому что Ребха не будет больше угрожать нам. Слишком много раз наши плоты море пригоняло туда, и командир Ребхи брал с нас большой штраф за ущерб и смерть людей от наших плотов. Но ведь нас наказывать не следовало за это, ведь это Пикабес насылает течения, которые иногда уносят наши плоты на сваи Ребхи.

В других случаях, хотя мы и не подплывали на расстояние, опасное для Ребхи, но по законам Ребхи оно все равно считалось опасным. И тогда командир отправлял

своих матросов к нашим плотам, и нас штрафовали за нарушение законов. И все, что было заработано за трудное плавание, они отбирали. Эти матросы отводили в сторону наших женщин, якобы, чтобы допросить — а затем насиловали их. Если осмеливались пожаловаться, нас штрафовали за то, что мы создаем беспокойство и лжем!

Мы не любим Ребху, особенно ее матросов. И вот Пикабес отомстила за нас. Слава Богине двух Морей!

Квасин произнес что-то, прозвучавшее как череда приказов его людям. Тем временем со всех концов плота подходили и другие люди рода. Собралось не менее трехсот человек. Когда вождь закончил говорить, они начали по канатам взбираться на едва не опрокинувшееся судно. Датоепоегу пытался остановить их, но они не обращали на него внимания.

Едва же он угрожающе обнажил свой меч, как тут же получил сзади удар плоской частью топора. Бесчувственное тело протащили по палубе и сбросили в море с порушенной части галеры. Хэдон полагал, что он наверняка мертв, но офицер вскоре показался на поверхности, захлебываясь и отфыркиваясь. Он сумел подплыть к плоту, где Хэдон помог ему взобраться на бревна. Едва восстановив силы, когда он уже мог сидеть и говорить, офицер заявил:

— Скажите мне ваше имя! Я хочу, чтобы вы были свидетелем, когда придет время предать суду этих дикарей! Вы видели, как они предприняли самовольный абордаж одного из кораблей Его Величества и как они напали на меня, одного из облеченных полномочиями офицеров!

— Я бы на вашем месте помалкивал о своих намерениях, — заметил Хэдон и побрел прочь по воде.

Хэдон помог Лалиле и Абет покинуть судно. К этому времени все уцелевшие матросы и беженцы уже спустились на плот. Способные ходить несли раненых. Носилки изъяли из судовых запасов или наспех соорудили из досок корабельной обшивки. Как только матросов увели под охраной, начался демонтаж галеры. Пошли в ход молотки, пилы, ломы; канаты сматывали в бухты и тут же уносили; опустошались склады. За поразительно короткое время судно исчезло. Деревянные и металлические принадлежности вывезли в глубь «суши», если так можно было назвать огромный плот.

Покойников с корабля уложили рядами. Одежду, кольца, оружие сняли и куда-то унесли. Лейтенант яростно протестовал. Никто не обращал на него внимания, что, вообще-то говоря, в сиих обстоятельствах было проявлением снисходительности. Офицер продолжал докучливо требовать от Хэдона помочь ему сохранить имущество, на что Хэдон просил оставить всех в покое.

— Неужели вы не понимаете, что полностью зависите от милости этих людей? — бросил ему Хэдон. — Если кюдъемьё пожелают, они убьют вас и сбросят тело в море. Продолжая настаивать на своем, вы ставите под угрозу всю команду.

Хэдон подумал, что если Красные Морские Выдры сочтут необходимым покончить с офицером, им придется уничтожить всех свидетелей. А это означает, что жизнь всей группы Хэдона повиснет на волоске, хотя все они не имеют никакого отношения к морскому сословию.

Свирепея, Хэдон заявил офицеру, что если он не прекратит свои назойливые приставания, он, Хэдон, сам сбросит его в море. Хэдона не больно-то волновала возможная внезапная кончина лейтенанта, но не хотелось быть причастным к возможным последствиям.

— Ты предатель! — орал офицер.

— Я не сторонник богохульника Минрута, — с насмешкой отвечал Хэдон, кладя руку на эфес меча. — Не следует ли обезглавить этого тупицу и тем избежать неприятностей в будущем? — подумал он. — Не говоря уже о том, что он несомненно заслужит благодарность этих людей с плота?

— Вы мятежник, вы отреклись от главенства Ресу! — продолжал свои нападки лейтенант.

— Поскольку я в здравом уме, то так оно и есть, — согласился Хэдон. — А кто мятежник, кто нет — тут нет вопроса. Ты сам бунтовщик и предатель, и нет сомнения, что наводящая ужас Сисискен, старшая дочь Великой Кхо, уже отметила тебя, как близкого гостя в ее доме.

Офицер аж побледнел. А Хэдон удалился, направившись к жрице, которая отправляла последние обряды по мертвым. Она пела песню мертвеца, обмазывая лоб каждого покойника черной, голубой и красной глиной, располагая мазки в определенном порядке и образуя углы треугольника. Ее

помощница — девушка, достигшая брачного возраста, лицо и грудь которой были раскрашены чередующимися черными и белыми кружочками, размахивала кадилом с тлеющей хвоей над ликом каждого трупа после того, как жрица обмазывала его. Кадильница раскачивалась девять раз, пока помощница выкрикивала имя жертвы. Если уцелевшие свидетели обряда не могли назвать имя слишком изуродованного покойного, девушка присваивала ему имя первого человека, , сотворенного Кхо, — Квави.

Вождь Квасин некоторое время стоял недвижно, наблюдая за тем, как его жена и королева, главная жрица, обходится с покойниками. Затем по его кивку шестеро мускулистых мужчин принялись сбрасывать тела в море. Когда под воду отправилось уже восемь покойников, всплыла скользкая спина хищной рыбы, и девятое тело исчезло в челюстях, похожих на пещеру.

— У Пикабес ничего не пропадает, — произнес Квасин, делая древний жест, используемый ныне лишь стариками да первобытными людьми. — Рыба поедает наших мертвецов, а мы едим рыбу.

Глава 20

По пути в деревню, расположенную в центре плота, Хэдон поведал вождю историю своей группы. Поначалу он колебался, стоит ли объявлять себя, но спокойное поведение людей племени Кюдъемьё рассеяло его сомнения. Кроме того, Хэдон чувствовал, что, открывшись, он скорее убедит кюдъемьё, что его люди вовсе не заодно с моряками.

Вождь удивился новостям. Никакие сведения давно не доходили до него: плот покинул родной берег пять месяцев назад, а вести из Кхокарсы добираются сюда месяцами.

Квасин слушал внимательно, часто, однако, прерывая рассказ восклицаниями ужаса или ярости. Но отнюдь не политические перемены выводили его из себя, поскольку преданность племени идее Империи была довольно призрачна; в исступление его приводили религиозные потрясения.

Квасин и гость прошли в центр плота. Хэдон определил, что плот имеет полторы мили в длину и самое большее полмили в ширину. Здесь располагались пятьдесят похожих на ульи хижин из бамбуковых жердей с крышами из гонта красного дерева. Хижины покоились на стойках, концы которых вставлялись в отверстия в бревнах. В каждой хижине обитали с десяток людей и несколько собак. В дурную погоду здесь находили приют и козы, и ручные обезьянки, и попугаи.

Посредине высилось самое большое сооружение. Это был храм зеленоглазой Пикабес, богини моря. Перед входом — огромный чурбан красного дерева с двенадцатью ступенями с каждой из сторон. Наверху внушительная прямая гранитная фигура продолговатой формы. Внутри нее высечено сквозное спиралевидное отверстие. «Камень в честь Сьякьогикъо», — сказал вождь, глядя на вопросительное выражение лица Хэдона. — Она — наша богиня исцеления, если угодно, можете называть ее Кваво. Камень стоит перед ее храмом в нашем главном поселении, —продолжал Квасин, — пока мы не скрепим весь наш плот и не сложим на него наши запасы и товары для торговли. Тогда камень с почестями относят на плот и располагают здесь, перед храмом Пикабес.

Хэдон с изумлением слушал рассказ вождя. Каждые два года огромное количество деревьев ценнейших пород вырубали в высокогорных местах страны Кюдъемьё. Стволы сплавлялись вниз по главной реке через бесчисленные пороги и водопады. В конце концов, они доплывали до устья реки и потом в бухту, защищенную огромным насыпным волнорезом, сооруженным их племенем из земли. Устье реки в то время делалось мелководным, поскольку племя направляло основное течение по древнему руслу.

В спокойных водах за волнорезом бревна собирались в плот длиною в три раза больше ширины. Две трети всех бревен скреплялись гигантскими лозами. Остальные сплачивались деревянными мостками, фиксируемыми крепежом, который входил в отверстия в бревнах. На готовом плоту сооружали хижины, грузили припасы, туда перебирались люди и животные. Потом волнолом разрушали. Дело это было сравнительно простое, поскольку море само без устали терзало его. Реку вновь направляли в основное русло, и она

гнала плот в сторону моря и пособляла разрушению земляного волнолома.

Течение реки неторопливо несло плот в Кему. Здесь уже морское течение подхватывало плот и тяжело толкало исполинское сооружение из бревен к юго-востоку.

Племя плотогонов жило на своем дрейфующем деревянном острове шесть месяцев, пока он не добирался до Ветны. Основной пищей служила рыба, которую они ловили, но пили они еще козье молоко, ели козлятину. Кладовые снабжали людей орехами и ягодами, окрой для приготовления супа, полбой и просяной мукой для выпечки хлеба. Пили плотогоны также вино и терпкий, резкий на вкус напиток из торфяного мха, съококо, который покупали у клемкаба для продажи на юге. Они прихватывали его, не скупясь, и продавали в Ветне, разбавляя водой в соотношении пять к одному. В этом не просматривалось вовсе никакого жульничества: одни лишь клемкаба могли пить огненную жидкость в исходном виде, да еще хвастаться этим.

Род плотожителей с большой выгодой продавал бревна. Красное дерево и другие ценные породы деревьев не росли на побережье со стороны Ветны. Продавали или обменивали они различные поделки — резные фигурки богов, приносящие удачу, свистки из орлиной кости, фаллические нефритовые статуэтки исконных божеств, которые приводили жителей Ветны в восхищение своей диковинностью, контрацептивные порошки и снадобья, усиливающие половое чувство, талисманы плодородия, браслеты для снятия сглаза и болезней, обрядовые одежды, украшенные перьями зимородка, который водился лишь в стране Кюдъемьё.

— Неужели ваше путешествие всегда заканчивается в бухте Ветны! —недоумевал Хэдон. — Течение не может всякий раз приносить вас точно к ступенькам крыльца.

— Правильно, — признал Квасин. Плот обычно пристает милях в пятидесяти-семидесяти от Ветны. Затем мы договариваемся с городскими торговцами на перевозку бревен и товаров на прибрежную дорогу. Мы, конечно, платим за это.

Продав все, племя строит множество мелких судов и гребет себе обратно на материк. На самом крупном судне плывет камень богини исцеления.

— И вы никогда не теряли его в шторм или в результате несчастного случая? — поинтересовался Хэдон.

— Никогда. Камень плавал с нами триста лет, мы попадали в самые жестокие бури, но плот с камнем всегда оставался целым. Среди нашего народа бытует пророчество, что ,если камень потеряется, оба моря иссякнут.

Прибыв домой после двухмесячного обратного плавания против течения и ветра, путешественники сзывают всех соплеменников, кто оставался на земле. С побережья и с гор спускаются люди, чтобы веселиться вместе с плотогонами. Празднество длится, пока не кончаются деньги, — иногда два месяца или дольше.

По такому случаю все пировали и пили бесплатно. Погребения проходили в пьяном веселье. Проводились свадебные церемонии, детям давались гражданские имена, многие дети ждали этого по три года.

— Ничего по-настоящему важное и не делается, кроме как во время праздника возвращения домой, — сказал Квасин.

— До того покойников сносят на вершину горы. Когда торжество начинается, их кости собирают, моют, заворачивают в пальмовые листья и несут к берегу для захоронения. До того никто не смеет жениться, хотя пары могут жить вместе и иметь детей. До гуляний никто не может и расторгнуть брак, хотя люди уже, по сути, живут врозь. Собственность не может сменить владельца, а нарушителей закона судить нельзя.

— Ежели, как вы говорите, судья, обвинитель, обвиняемый и его защитник пьяны, можно совершить очень тяжелые судебные ошибки, — заметил Хэдон.

— Не более, чем когда все трезвы, — резюмировал вождь.

— Но разве справедливо держать два года человека в тюрьме без суда?

— Мы не сажаем обвиняемого в тюрьму до начала празднества, — объяснял Квасин, — если он не представляет очевидной угрозы людям. В таком случае мы убиваем его. Если же он сбежит в горы, то сразу признается виновным.

Квасин забрался на помост и приказал звонить в большой бронзовый колокол. Колокол сзывал людей из их маленьких поселений со всего плота.

Когда все собрались, вождь сообщил людям новости об ужасном расколе, который вверг Империю в кровавые события. Поднялся шум, длившийся минут тридцать. Затем вождь восстановил порядок колокольным звоном.

Раненые матросы и беженцы, натертые целительными мазями и перевязанные, плелись самостоятельно, кого-то принесли. Жрица совершала над ними песнопение, и потом они друг за другом проходили сквозь отверстие в камне. Тех, кто не мог сделать этого самостоятельно, протаскивали. После того как каждый, словно конец нити через угольное ушко, проходил через отверстие, его осматривали два доктора, жрица и жрец, которые ощупывали тела и головы раненых. Потом они подавали знак двум десяткам юношей, стоявшим в ожидании рядом. Те кого-то уводили в ближние хижины для выздоровления, кого-то уносили на носилках в хижину, расположенную подальше, в западной части центрального селения.

Хэдон поинтересовался причиной такого разделения.

— Видите ли вы спирали внутри отверстия в камне? — спросил Квасин. — Это магические знаки, которые воспроизводят потоки, проходящие по всему массиву земли и морям. Они как бы фокусируют, усиливают их. Силовое поле исцеляет, всякий проходящий сквозь него излечивается от всех хворей. А если он здоров, то становится сверхзаряженным потоками доброты.

— Доброты? — переспросил Хэдон.

— Да, — подтвердил вождь. — Быть добрым — значит быть здоровым и наоборот. Человек может быть самим дьяволом, однако казаться отменно здоровым, но на самом деле он не здоров.

— Что будет с теми, кого поместили в ту хижину на западе?

— Они зашли уже слишком далеко, чтобы извлечь пользу от исцеляющего поля в отверстии, — сказал Квасин. — Неисцелимых прикончат ударом по голове специально освященными дубинами — мы не желаем, чтобы их духи обитали на нашем плоту — и потому мы скинем мертвецов в море.

— Но... но они могли бы выжить!

— Нет, никогда, — уверил вождь. — Священники Сьякьогикъо очень чувствуют ауру, которую излучают каменные

губы. Они способны ощущать недостаток жизненной силы; они дрожат от холода руки наводящей ужас Сисискен, касающейся плоти несчастного. Это правда, что больной еще какое-то время может жить. Но зачем продлевать боль и страдания? Кроме того, у нас на борту нет лишней пищи. Мы не можем позволить себе кормить всех этих матросов. Поэтому...

Спустя несколько минут приволокли раненых матросов, и на головы их обрушили каменные топоры. К месту бойни, громко протестуя, прибежал лейтенант. Вождь махнул рукой — и юноша опустил топор на голову офицера.

— Мы не любим людей, которые вмешиваются в наши традиции, — заключил вождь.

— Я лично всегда считал, что гость должен уважать обычаи народа, среди которого он оказался,— сказал Хэдон. Но едва он обернулся, его начало мутить. Позднее он убеждал себя, что убийство офицера было наилучшим исходом. Отныне он не сможет донести, что давно разыскиваемый Хэдон из Опара и Ведьма с Моря были в Ветне.

Эта мысль заставила Хэдона задуматься о судьбе матросов, которых пощадили. Он спросил о них Квасина.

— Их допросят, — объяснил вождь. — Тем, кто оставался верен Кхо, но вынужден был скрывать свои истинные чувства, будучи на службе Минрута, позволят сойти, когда мы подойдем к берегу. Тех же, кто станет возносить Пламенеющего Бога выше его истинного места, кто осмелится унижать Белую Богиню, Матерь Всех, не окажется с нами, когда мы увидим берега Ветны.

Из дальнейших ответов Хэдон заключил, что на плоту нет малых судов, которыми могли бы воспользоваться Хэдон и его группа, чтобы скорее сойти на берег.

— Вам придется остаться здесь еще на два месяца,— объявил Квасин, — если только какой-нибудь корабль не подойдет достаточно близко, чтобы поприветствовать нас. Тогда вы могли бы перейти на его борт. Но такое случается очень редко.

— Лалила беременна уже два месяца, — сказал Хэдон, — будет четыре, когда мы попадем в Ветну. А путь оттуда в Опар долог и опасен. В обычной ситуации я не стал бы беспокоиться о времени, поскольку галера или другое быстроходное судно

могло бы доставить нас туда за пару месяцев. Но теперь повсюду полно пиратов, и в Империи более не соблюдаются законы. Каждый город объявляет себя независимым, а множество мелких городков и деревень пытаются вырваться из-под власти больших городов. Мы не знаем, чего ожидать, когда попадем в порт. Кстати, я слышал, что Минрут в самом деле оставил достаточно кораблей и матросов, чтобы блокировать пролив Кета. А это означает, что нам придется добираться до Кетны по суше. Полуостров — это дикий, труднопроходимый, опасный, гористый район, полный четырех- и двуногих хищников. Пять месяцев — не слишком большой срок, за который можно добраться в таких условиях из Ветны в Опар.

— Да, так. Но зачем тревожиться понапрасну? Вы ничего не можете предпринять, пока не попадете в Ветну. Тем временем наслаждайтесь жизнью. Заходите ко мне в хижину. Я открою для вас кувшин съококо, и вы все вскоре позабудете свои тревоги. Давайте будем плыть спокойно, радуясь бытию.

Вождь улыбнулся Хэдону, открыв треугольные зубы. Он, несомненно, хотел выказать дружественность, но улыбка все же выглядела зловещей.

Глава 21

Спустя семьдесят дней вся группа Хэдона, кроме Русета, покинула Ветну на торговом парусном судне. Русет остался, намереваясь следующим днем наняться палубным матросом на торговую галеру. Поскольку его «Душа Ветра» пропала, Русет считал, что он более не связан обязанностью доставить Лалилу в Опар. Он должен вернуться в Кхокарсу и попытаться заинтересовать Авинет строительством флота судов с косыми парусами. Он, конечно, ни словом не обмолвится о своем участии в бегстве Хэдона и Лалилы с острова.

— Я отправлюсь до Дитбета, — объявил Русет. — Может, попытаюсь попасть в город. Не исключено, что он уже пал. Если Авинет жива и не захвачена в плен, я разыщу ее и попытаюсь уговорить строить новый флот. Если она рас-

полагает возможностями... Ну да ладно, погляжу, что смогу предпринять, когда попаду туда. Точнее — если попаду. Ветнанцы рассказывают, развелось столько пиратов, что военный флот не в силах более поддерживать порядок за пределами территориальных вод.

Хэдон пожелал ему удачи, хотя в душе сомневался в большой вероятности успеха.

Что же до его собственных шансов, они выглядели тоже не слишком обнадеживающими.

Ни один из двух возможных открытых маршрутов не был легким или безопасным. Обычный путь в Море Опара проходил через пролив Кета. Но, по данным ветнанцев, он был блокирован в северной части. Там на якоре стояло шесть трирем, четыре биремы и множество малых военных судов. Вдобавок не менее двух сотен матросов расположились на вершинах утесов, образующих вход в пролив. Минрут приказал флоту оставаться там, хотя крайне нуждался в кораблях в Кхокарсе.

Минрут знал о честолюбивом правителе Кетны. Короли этого города всегда отличались надменной независимостью, поскольку господствовали на южной стороне пролива. Ни одно судно не могло покинуть Кемувопар, Кему, без разрешения на то флота Кетны.

В тревожные времена флот Кетны осмеливался входить в Кему и разрушать верфи и флот кхокарсан. Однажды с кораблей Кетны была совершена даже вылазка на побережье самой Кхокарсы, едва не закончившаяся взятием в плен императора. Никаких известий из Кетны в эти дни не поступало, но власти Ветны надеялись, что флот Кетны однажды пройдет через пролив и атакует корабли Кхокарсы. Ведь в распоряжении Кетны значительно больший флот, и она могла бы снарядить сухопутную экспедицию против матросов, удерживающих скалистый выход.

На рыночной площади, в доках только и толковали, почему же Кетна до сих пор не совершает нападения. Кое-кто строил предположения, что у Кетны хватает других неотложных проблем, например, защитить себя от пиратов микавуру. Никто толком не ведал об истинном положении дел, поскольку сообщение прервалось. Конечно, это не мешало

многим распространять всевозможные дикие истории, выдавая их за правду, и слухи о событиях, которых никогда не было и не будет.

Хэдон рассчитывал, двигаясь на запад, добраться вдоль берега до небольшой деревни милях в тридцати восточнее пролива. Там высадиться на берег и, преодолев горы полуострова, выйти к Морю Опара. Можно пройти вдоль обрывистого берега к городу Кетна. А там, если повезет, оплатить места на торговом судне до Опара. Или вовсе приобрести небольшое парусное судно. Ну, а не хватит денег — попросту стащить его.

Более всего Хэдона тревожило, что это путешествие, хоть и относительно короткое, известно как очень опасное. Из двух существовавших маршрутов оба труднопроходимые, и везде путников донимали хищники и беглые преступники. Говорили даже, что встречающийся в горах вид нукаар, волосатых питекантропов, живущих на деревьях, обитает в этих краях. Много рассказывают об этих краях, но мало хорошего.

Другой путь — прямо к югу от Ветны. И там через горы, но времени потребуется в пять раз больше. Однако, одолев трассу, группа окажется существенно ближе к Опару. Случись так, путники находились бы сравнительно близко от города Вентисуха, там подыскали бы судно или какую-нибудь лодку, пригодную для плавания вдоль берега, и добрались бы до порта, роль которого выполнял удаленный от моря город Опар. Предостаточно порасспросив завсегдатаев базара и людей на причалах, Хэдон выбрал второй маршрут. Он столь опасен, что никто благополучно его не проходил.

Пага предложил третий вариант.

— Почему бы под покровом ночи не воспользоваться небольшим судном? Если выбрать безлунную ночь и действительно малое судно, мы сможем проскользнуть мимо крупных кораблей. Они ведь не станут бросать якорь рядом с утесами или в самом створе пролива, правда ведь?

— Нет. Но пролив очень узкий — всего-то футов восемьдесят на входе. По обеим сторонам утесы, высота которых достигает двухсот футов, хотя горы сразу за ними возвышаются на несколько тысяч футов. Если матросы торчат и

слева и справа, они заметят все, что будет проплывать внизу. Наверняка в створе факелы или фонари на буях, так что и ночь не поможет. А уж камнями и глыбами они непременно запаслись — так что сбросят на судно без колебаний. А то еще и горящим маслом обольют. Одна Кхо знает, что еще они придумают. Вполне могут предупредить блокирующие пролив суда колоколом, или сигнальными огнями, или чем угодно. А кто им помешает протянуть сеть поперек входа?

— А нельзя ли проскользнуть мимо стражи по любой стороне у них за спиной? — предложила Лалила. — А потом пройти по гребням утесов на другую сторону пролива?

— Нет. Утесы переходят в отвесные горы. Где-то дальше есть несколько плато, но я не знаю, как до них добраться. Кроме того, в тех местах бродят дикари племени Клемкаба.

Раздумывая, что предпринять, Хэдон тем временем поступил на службу в качестве телохранителя к богатому ветнанскому купцу. Кебивейбес кое-что зарабатывал исполнением песен на улицах и в тавернах. Пага определился в учение к кузнецу. Хоть деньги доставались ему и невеликие, он преуспел в мастерстве работы с железом. Так пролетело тридцать пять дней; теперь они могли заплатить за то, чтобы их доставили в деревню Фетапоес. До покупки небольшого судна они недотянули.

«За меленький рыбачий ялик надо работать еще три месяца, — прикинул Хэдон. — А Лалиле до разрешения от бремени осталось месяца четыре. Сомневаюсь, что мы сможем добраться до Опара за месяц. Непременно произойдут какие-нибудь приключения. Но если мы сейчас купим билеты на корабль до Фитапоеса, нам потом не выбраться оттуда. Там ведь не удастся подработать, поэтому...»

Лалила прервала Хэдона:

— Поэтому мы украдем судно! Или доберемся до Фетапоеса и далее через горы!

— Я полагаю, — с расстановкой произнес Хэдон, — что мы попытаемся, несмотря ни на что, пройти через пролив. Это рискованный, но все же наименее опасный путь.

— А если это не удастся — останется преодолеть горные перевалы за Фетапоесом? — спросила Лалила.

Она выглядела встревоженной, да и как иначе, ведь и сильный мужчина выражал бы перед перспективой такого путешествия все, что угодно, кроме радости. А для беременной женщины с малым ребенком отправиться туда лишь в сопровождении барда, человечка и Хэдона — хоть и умелого воина — было безумием или чем-то близким к нему.

Хэдон злился. Так или иначе, он оказался не способным облегчить ее участь. Но что еще он может сделать? Он же, в конце концов, не герой древности — к примеру, Накадет, который похитил пару волшебных сапог у зловещего паука, прошел по небесам вверх ногами вместо того, чтобы пробираться через эти самые горы.

Лалила пристально смотрела на него.

— Не сердись, Хэдон. Ты не можешь свершить больше того, на что способен человек.

Не впервой он не переставал удивляться ее способности читать его мысли. Иногда он задумывался, может она и вправду Ведьма с Моря. Сама мысль эта наполняла его гордостью: такая женщина любит его! Но и беспокойство не оставляло Хэдона: ведь значит, она способна проникать и в самые сокровенные его помыслы, вовсе для нее не предназначенные. Ну, к примеру, узнает Лалила, что он вообразил, глядя на прекрасную жену купца, у которого служил. Что же она сделает? Уж если на то пошло, у нее обычно в такие моменты появляется особая улыбка.

— В чем дело, Хэдон? — спросила Лалила.

— О! — произнес он, уставясь на нее. — Ничего. Я лишь пытаюсь восстановить в памяти картину пролива. Я ведь видел его несколько лет назад.

И вновь на ее лице мелькнула странная улыбка.

Вечером, отслужив положенное у купца, он отправился к пристаням. Побродив вокруг, он разыскал начальника дока и спросил его о билетах до Фетапоеса.

— Зачем вам тащить вашу женщину и ребенка в это забытое Кхо место? — удивился начальник. — Для нуматену там работы нет. Более того, суда по пути туда то и дело пропадают. Да и пиратов хватает, уважаемый фехтовальщик. Они прячутся в каждой бухточке, в каждой пещере в прибрежных скалах, готовые броситься и перехватить любое судно, похожее на легкую добычу.

Хэдон заколебался. Первый порыв был сказать начальнику, чтобы тот не совал свой нос в обезьянью задницу[18], но он удержался, не желая злить этого парня. Если начальник заподозрит что-то, он, наверное, сообщит властям, и те могут — нет, должны — арестовать Хэдона и подвергнуть допросу. Как и во всех странах, здесь процветала шпиономания. Ветна формально была нейтральна, объявив , что не поддерживает ни Авинет, ни Минрута. Это ставило ее в затруднительное положение, поскольку любой победивший мог вознамериться наказать Ветну за то, что город не занял четкую позицию. Хэдон считал, что так и произойдет в действительности. Отцам и матерям города следовало бы стать на ту или другую сторону, даже если бы пришлось бросать жребий.

Подоплекой нейтралитета Ветны оставалась надежда, что победитель будет благодарен городу за то, что он не сражался на стороне врага. Хэдон считал эти соображения совершенно нереалистичными. Короли и королевы всегда полагали, что тот, кто не за них, тот против них. А история подтвердила, сколь жестоким бывает возмездие за недостаточно искреннюю поддержку. Целые города сравнивались с землей, а население — мужчины, женщины, животные безжалостно вырезались за отсутствие глубокой преданности.

Но это не заботило Хэдона. Да и случись такое, оно вскоре бы забылось, вытесненное внезапной непосредственной тревогой: за пять дней до намеченного отплытия группы на купеческой галере на Ветну обрушилась чума.

Никто не знал, кто занес чуму в Ветну, но большинство жителей обвиняли матросов. Да и что это меняло! Главное состояло в том, что эта особая форма чумы, так называемая потница, распространялась с устрашающей скоростью.

Первым из группы об этом услышал Кебивейбес. Он поспешил домой из таверны, где пел перед посетителями. Срочно требовалось сообщить новость: несколько дюжин больных находятся в доках, и это скрывается. Он нашел Хэдона уже в лапах болезни.

[18] Буквальный перевод широко распространенной кхокарсанской фразы. Она берет начало из старой народной сказки, слишком нерасполагающей даже по нормам современных американских публикаций. Тем не менее, как и множество других старых шуток, она уходит корнями в эпоху каменного века и прослеживается в том или ином виде в фольклоре всех стран. *(Прим. автора).*

Она протекала своим чередом обычно три дня. Сперва Хэдона охватил безотчетный страх, неодолимое чувство обреченности. Через четверть часа его стало неистово лихорадить. Казалось, будто внезапно его окунули в ледяную воду горного озера. Затем появилась дурнота, он испытывал мучительную головную боль, болели также шея, плечи, руки и ноги. Он не мог поднять головы.

Спустя три часа ему стало казаться, что его охватил огонь, он обильно потел. Это длилось и день и ночь. Испарина прекратилась внезапно, но ее сменил новый приступ головной боли, сильная жажда, учащенное сердцебиение и бред.

Наконец, болезнь отступила, более не было ее симптомов, но из-за чрезвычайной слабости Хэдон не мог подняться с постели четыре дня. Все это время он оставался без присмотра врача. Лишь бард и Лалила поочередно исполняли роль целителей и ухаживали за ним. Пригласить врача они не могли. Доктора были слишком заняты, чтобы посетить его, или сами свалились от болезни; некоторых даже унесла чума. Друзья проявились внимательными и могли лишь уповать на лучшее. Лалила и Пага поочередно обтирали мокрой тряпкой тело Хэдона да поддерживали его голову, когда он много пил. Стих и шум на ближайших улицах, и разговоры, и крики прохожих, и гомон, доносившийся с базарной площади. Кроме топота ног и приглушенного боя барабанов проходящих патрулей, кроме переговоров похоронных команд, убиравших трупы, — ничего. Вот еще где-то вскрикнет мужчина или женщина, заплачет ребенок...

Через день после того, как отступила болезнь Хэдона, в неодолимом чувстве надвигающейся смерти свалился Кебивейбес. Теперь у Лалилы и Паги оказались два подопечных, хотя Хэдон уже не требовал неотрывного внимания.

Бард не скончался в первый день, что на практике означало, что он, вероятно, выживет.

Теперь Лалила и Пага попеременно ходили за водой и пищей. Базар закрылся, продавцы попрятались по домам или вовсе разбежались из города по стране. Но у кого было достаточно денег, тому хватало и еды. Несколько торговцев открыли рынок на пристанях, охраняемых солдатами, которые допускали лишь тех, кто мог продемонстрировать свою платежеспособность.

Однажды, когда Лалила шла по дороге домой, ее ограбила голодная троица. Ее сбили с ног, выхватили корзину и убежали. В этот день ей пришлось дважды отправиться на базар — второй раз в сопровождении Паги. Ей не хотелось оставлять без присмотра ни выздоравливающего, ни больного, но как быть без пищи.

Порой, когда ветер менял направление, чувствовался запах трупов, сжигаемых в большой братской могиле у западной стены. Потом огромные бронзовые колокола в храмах Кхо и Ресу начнут издавать печальный погребальный звон.

Лалила и Пага ждали, когда они свалятся сами, полагая, что это неизбежно. Но никто больше не заболел, чума пощадила и ребенка. Абет все же заболела четыре недели спустя, но недуг ее очень походил на тиф.

Потница продолжала свирепствовать в городе и унесла уже десять тысяч человек из пятидесяти тысяч населения. Не менее трети жителей города разбежалось по стране ко времени самого пика эпидемии. Они, конечно же, «прихватили» с собой болезнь, распространяя ее по сельским районам. Восемьдесят тысяч фермеров, рыбаков и мастеровых скончалось. Вся территория Ветны лежала под облаком дыма от костров, на которых сжигали трупы.

Среди жертв оказалась и красавица жена богатого купца. Он остался в городе, желая заработать на поставках провизии. Она же отправилась на их виллу в горах и погибла, правда, не от чумы, а от укуса змеи. Красавица, прогуливаясь вечером в саду, повстречала кобру...

Через семь недель болезнь, обшарив всю страну, отступила. Уцелевшие выбирались из убежищ, снова воссоединяясь в единый народ.

Абет выздоровела, но была все еще исхудавшей и вялой. Через пару месяцев, не раньше, можно было отправляться в путь с ребенком. Хэдон вернулся на службу к купцу — группа остро нуждалась в деньгах. Место телохранителя позволяло ему невольно подслушивать много подробностей интересующего его дела. Он узнал о том, что купец по дешевке приобрел маленькую рыбачью лодку у вдовы умершего от чумы рыбака. Осмотрев судно, Хэдон нашел его как раз подходящим по размерам. Он купил лодку за приличную сумму,

хотя кое-что осталось и для переоснащения. Человек, которого нанял Хэдон для этой работы, явно решил, что хозяин спятил. К чему этот рей, крепящийся к основанию мачты, чтобы еще ниже опустить ее? Какова цель этого? И зачем резать отменный парус так, что теперь у него образовалась пара бесполезных треугольных парусов?

Улыбаясь, Хэдон объяснил ему, что ставит опыт. Ему вовсе не хотелось говорить правду, памятуя о том, что рассказывал Русет о реакции людей при виде его «Души Моря». Зачем ему подвергать себя обвинениям в колдовстве и допросам следственной комиссии?

Назавтра в час после полуночи Хэдон и его друзья вывели лодку из бухты. К рассвету они уже потеряли город из виду. Хэдона не беспокоила возможность преследования. Кому какое дело, что он покинул Ветну? Нанятый им умелец лишь пожмет плечами да сочтет, что ему повезло, и ничего не пришлось платить хозяину за кормежку за последнюю неделю, пока не раскусит, что хозяин вычел эту сумму при расчете. Обе суммы сходились, посему Хэдон счел, что поступил честно.

За пять дней группа доплыла до пролива. Еще до того беглецы поняли, что там что-то случилось. Виднелась выброшенная на берег покалеченная трирема, а еще через пару миль они наткнулись на множество плавающих повсюду трупов. Хэдон смело направил в светлое время суток судно к самому проливу. Никаких признаков флота, пока не доплыли до самого входа в пролив. Корма биремы выступила из воды, почти закрывая путь судну Хэдона. Он не мог понять, что мешает бireме утонуть, ведь глубина здесь почти четыреста футов.

Хэдон приспустил паруса, и шлюпка медленно, на веслах, прошла мимо утеса и правой стены. Солнце теперь висело отвесно над головой, потому море просматривалось на значительную глубину. Хэдон аж присвистнул, а Кебивейбес выругался. Галера удерживалась парой десятков других судов, нагромоздившихся одно на другое.

— Судя по всему, здесь случилась серьезная драка, — заметил Хэдон. — Но кто прорывался ? Флот Кетны?

— Более чем очевидно, — откликнулся бард. — Кто-то пытался проскользнуть мимо матросов на утесах. Кому-то

все же удалось проскочить, иначе флот Минрута остался бы здесь. Очевидно, противники сошлись в ближнем бою и перебили друг друга.

Казалось, это единственное логичное объяснение. Однако с флотом Минрута могли схватиться и пираты, проходившие через пролив, а вовсе не кетнанцы. Ну да ладно! В конце концов, какая разница — путь свободен. Матросы, располагавшиеся на утесах либо оставили свои посты, либо перебиты вторгшимся флотом. Не исключено, что один-два корабля кхокарсан уцелели в сражении и, удирая, прихватили матросов домой. Одно судно ведь не в состоянии блокировать пролив.

Какое-то время пролив останется непроходимым для любого корабля, размер которого больше малой рыбацкой шлюпки. Рано или поздно течение снесет обломки в более глубокие воды, или кетнанцы уберут останки тех судов, что сверху.

Тем временем Хэдон и вся его группа, не исключая и Лалилу, далеко «продвинувшуюся» в своем положении, сидели на веслах уже пятьдесят безмолвных миль извилистого пролива. Гребцов было маловато, шли медленно, по ночам коекак спали. Целую неделю, опасаясь при этом наткнуться на пиратов или кетнанцев, преодолевали пролив. Группа была бы обречена, повстречайся ей судно любого размера: удрать не удалось бы.

Но в проливе никого не оказалось, и на десятый день шлюпка, преодолевая течение, выплыла из темноты и тишины. Словно Кет, герой древности, первый вошедший в Южное Море, все на борту были ослеплены ярким экваториальным солнцем.

Хэдон сказал:

— Лалила, я боялся, что наш ребенок не появится на свет в Опаре. Теперь же у нас добрые надежды дождаться этого часа. Да поможет нам Кхо, и мы окажемся вовремя в моем родном городе.

Лалила устало улыбнулась, бледная и встревоженная.

А вечный пессимист Пага проворчал:

— Дети не всегда рождаются по плану, Хэдон.

Глава 22

Кебивейбес заявил, что их путешествие из Кхокарсы в Ветну достойно пары эпических поэм, а приключений на пути из Ветны в Опар с избытком хватит на три. Хэдон привычно заметил, что все барды склонны к преувеличениям, хотя можно согласиться, что описание бегства группы из столицы Кхокарсы достойно творчества поэта, если он к тому же многоречив.

— Я полагаю, что ты уместил бы все описание в одном лирическом стихотворении — строчек девять или двадцать семь? — сказал Кебивейбес.

— Для истинной поэзии — предельный объем, — огрызнулся Хэдон. Однако, заметив, что бард обиделся, он добавил: — Не обращай внимания на мои слова, Кебивейбес. Я устал, голоден и обеспокоен. Лалилу так разнесло, что она того и гляди лопнет, как переполненный вином бурдюк. И я вымещаю свое настроение и страхи на тебе.

— Не говоря о том, что ты попросту не обладаешь ни вкусом, ни тактом, — бросил Кебивейбес, перемещаясь в противоположный конец шлюпки, который, увы, был совсем рядом. Бард уставился вперед, напряженная спина его выражала гнев.

На самом деле бард не больно-то преувеличивал, говоря о пережитых группой опасностях и приключениях. Много раз с минуту на минуту ожидал Хэдон гибели людей своей группы. Но всякий раз с невидимой, но явной помощью всемогущей Кхо им как-то удавалось преодолевать опасность.

Порою, когда непосредственной угрозы, казалось, не было, они все равно ощущали ее. Всего лишь три дня назад, в сумерках, шлюпка проходила недалеко от топкого безлюдного района — болот, которые простирались на многие мили в глубь суши, а затем резко обрывались у отвесных гор. Единственным кусочком суши, выступавшим между морем и горами, оставалась холмистая груда камней. Хэдон предположил, что здесь когда-то располагался древний город.

— Город был основан Бессемом, бежавшим сыном Кета, вынужденным скрываться. Бессем поссорился со своим отцом и в гневе убил брата. Кет не стал преследовать сына —

старику едва уже не исполнилось шестьдесят, — и объявил, что если Бессем вернется, то будет убит тотчас же без суда. Потому Бессем отправился этим прибрежным путем на юг и остановился, добравшись сюда.

В те времена здесь существовало не болото, а низменность, плавно переходившая в горы. Вот тут-то Бессем и построил город из красного камня, добытого в этих же горах. Назвали его, конечно, Мибессем, город Бессема.

Все шло нормально. Многие перебрались сюда из Кетны, Сакавуру, из районов Северного Моря, Кему, — жить в городе, сооруженном из огромных каменных блоков. Происходило все в ту пору, когда Море Опара оставалось почти неизвестным, а сама Микетна представляла собой небольшое поселение. На деле по времени это совпадало с экспедицией во главе с жрицей Лупоес в глубинные районы, где было найдено место, ставшее впоследствии Опаром, городом сокровищ.

Город Мибессем процветал, однако ходило множество историй, которые передавались людьми, жившими в горах за городом. Рассказывали, будто кто-то играет там на свирели, музыка сводит с ума мужчин и околдовывает женщин. Они идут за музыкантом в горные леса и исчезают навсегда. На рассвете возле фермерских полей вокруг города можно видеть уродливые создания. Хотя они явно имели вид животных, но напоминали некоторых исчезнувших женщин.

Сказывали, что этот Бессем в недобрый час решил построить свой город на земле дьявола. И будто этот демон, на самом деле, повелитель дьяволов, властитель безымянных созданий, которых всесильная Кхо в наказание согнала сюда из Кему, чтобы ее народ мог осесть здесь. Дьяволы, которых не убили или же захоронили в неглубоких могилах, так что они смогли выбраться из них до второго пришествия, нашли спасение в землях вдоль Южного Моря.

И вот теперь безымянный дьявол гневается, поскольку вторгаются в его убежище. А он все еще находится под давним запретом, наложенным великой Кхо на его род. Но он не может поднять руку на человека, будучи в ярости.

Однако Мать Всего Сущего не сумела запретить безымянным существам пользоваться другими методами. Более того, дьявол, если он не в гневе и не имеет намерения причинять

человеку вред, мог коснуться или даже обнять человека. И вот, тот безымянный флейтист — призрак с искаженным лицом, который дышит по ночам за окнами, заводил игру на своей тростниковой свирели. И мужчины делались безумными, а женщины следовали за искусителем в убежище подле гор. И там они неведомо как ложились с ним и зачинали и разрешались отвратительными детьми.

Итак, Бессем был героем древности, могущественным человеком, подобного которому веками не видели оба моря. Он вооружился копьем, какое не способны поднять двое теперешних мужчин, и исполинскими шагами отправился в дикие места, чтобы разыскать демона и уничтожить его. Но он не вернулся, и свирель снова играла в копях за городом. Матросы рассказывали об этом в Кетне и портах Кему.

И вот однажды императрица Кхокарсы направила судно в Мибессем — проверить, истинны ли эти легенды. Если все это правда, жрица обещала избавить этот край от дьявола. Из-за бурь и пиратов судно год добиралось до Кетны. Капитану сообщили, что он опоздал. На торговом судне Кетны, вошедшем в порт Мибессем на рассвете, слышали чарующую музыку флейты, от которой стыла кровь в жилах. На мили вокруг разносилась она над спокойным морем задолго до того, как показался красный город. На самом деле на торговом судне так и не увидели города, поскольку ошибочно приняли за него темный холм, где он когда-то стоял. Возможно, «купец» разглядел наружные очертания холма, землю, наваленную дьяволом. Сие неизвестно, поскольку никто не отважился ступить в болото и тем более прорыть какой-либо ход в холме.

Итак, судно приблизилось к берегу, который более не являлся взморьем с мелким песком, а представлял собой ныне болото. Отлогий склон превратился в абсолютную плоскость; крокодилы и гиппопотамы плавали меж пальм и других деревьев, росших на крошечных островках.

Где же люди? Неведомо. Возникла страшная догадка, что им была уготована ужасная участь, и они лежат теперь под водами болота. Либо под землей, которой некий неведомый сатана завалил некогда горделивые башни и массивные стены Мибессема.

Так или иначе, команда судна не задержалась здесь. Пение свирели становилось все громче и громче, люди услышали всплеск, будто могучие ноги ступали по болоту. Деревья согнулись, словно нечто гигантское задело их. Даже жрица перепугалась, и капитан приказал гребцам быстрее отогнать отсюда галеру. Они избежали встречи с неведомым, шагающим по болоту, но звук флейты еще долго — многие мили — разносился между судном и бывшей землей Мибессема.

Хэдон смолк. Тишина. Лишь ветер посвистывает в такелаже да волны шлепаются о нос судна. А потом, вселяя ужас в души беглецов, с берега послышалась музыка флейты.

Пронзительно закричала Абет. Под бронзовым загаром Кебивейбеса исчез румянец. Он выругался. Большие фиалковые глаза Лалилы словно вознамерились выкатиться из орбит. Пага ухватился за ванты и прижался к ним, уставясь на берег; плоский нос от раздувавшихся ноздрей стал еще крупнее, а глаза, выпирая, того и гляди самочинно покинут лицо. Хэдон вцепился в румпель, будто он оставался единственной реальной вещью в мире. Все другое казалось неустойчивым, искаженным, неосязаемым. До этого мгновения он наслаждался рассказом, лишь немного пугавшим его и остальных слушателей. Пага, по обыкновению, воспринимал повествование скептически, время от времени недоверчиво фыркая. Но, судя по всему, рассказ поразил его значительно больше, чем человечек хотел показать.

Солнце исчезло за горизонтом моря. Быстро смеркалось. Высокие ноты зазвучали еще громче.

Хэдон, наконец, вышел из оцепенения и теперь отдавал распоряжения — негромко, так чтобы флейтист в болотах, кто бы он ни был, не услышал их. Хэдон двигал румпель, пока шлюпка не развернулась на юго-запад. Гик путешествовал, удерживаемый канатами в руках Паги и Кебивейбеса. Хэдон не давал судну лечь на другой галс, чтобы шлюпка быстрее удалилась от фантастической флейты. Еще час плавания слышалось ее звучание.

Чуть погодя Пага спросил:

— Как ты думаешь — что это было?

— В этом краю нет рыбаков, нет деревень. Никто не осмелился бы жить здесь.

— Может, рыбачью лодку штормом занесло в болото? — предположил Пага. — Или ее разбило? А кто-то из уцелевших, почитай, вообще единственный, играет на флейте, пытаясь привлечь наше внимание?

— Он успешнее добился бы цели, если бы просто кричал. Не желаешь ли, чтобы мы вернулись на его поиски?

Пага не ответил. Да и остальные промолчали тоже; едва ли они молчали бы, пожелай Хэдон вернуть лодку назад. Но у него отнюдь не возникало такого желания.

Тема более не поднималась. Все предпочитали не вспоминать неведомого флейтиста.

Глава 23

Столб дыма, что виднелся весь день, исходил не из порта Опара — Нангукара. То место давно было сожжено, и зола уже не тлела, охлажденная дождем. Дым поднимался от погребального костра пиратов. Восемьдесят микавуру были убиты во время последнего набега. Нападавших отбросили, но они сумели вынести двадцать своих погибших. Микавуру уплыли, оставив шестьдесят трупов в объятом пламенем городе. Тела пиратов предали огню; это означало, что их души будут скитаться в облаках, пока Кхо не решит, что они достаточно настрадались как гонимые ветром странствующие призраки. Затем их души будут переправлены в землю, в мрачный дом наводящей ужас Сисискен.

Едва Хэдон развернул к берегу свою лодку — все причалы были разрушены, — как он застыл, потрясенный. Все строения вокруг форта горели. Хижины и дома, длинные административные здания, товарные склады, магазины и таверны — все покрывал пепел. Пара огромных деревянных ворот форта сорвана, и часть деревянных же строений за стенами оказались полностью уничтоженными огнем.

Уже началось новое строительство. Царили суета и шум работы; повсюду запряженные волами повозки, доверху груженные свежеспиленым материалом и бамбуком. Стучали молотки, визжали пилы.

Хэдон стал на якорь в сотне ярдов от берега. Баркас с четырьмя гребцами отвалил от берега к вновь прибывшему судну. Хэдон договорился с хозяином баркаса, и всех сразу же доставили на берег. Таможенник начал было задавать гостям вопросы, но быстро узнал Хэдона.

— Как же, черт побери, ты сумел добраться сюда из Кхокарсы?! — вскричал он.

— Сама Кхо гласом божьим приказала мне вернуться в город, — сказал Хэдон. — Оставалось лишь исполнить ее прорицание, и вот, хотя путь был долог и опасен, мы здесь.

Таможенник не стал допытываться, что это за прорицание. Неучтиво выспрашивать о делах, к которым причастна Богиня.

— Сложись дела чуть по-иному, — сказал таможенник, — вы как раз могли угодить в лапы пиратов. Они готовились к операции — штурмовать форт и ворваться в центральную крепость. По счастью, из Опара для укрепления порта на подобный случай прислали три сотни солдат. Мы перехватили микавуру издалека, и гарнизон, сделав вылазку, атаковал их в лоб. Микавуру пробивались назад, к судам, но понесли тяжелые потери. Сорок пиратов мы захватили в плен, большинство из которых раненые.

Хэдон не спросил, что станется с пленными. Он знал, что от главарей под пытками попытаются выведать замыслы будущих нападений. Истязание предводителей пиратов было обычаем, основанным на принципе обязательного возмездия. Получив от вожаков все возможные сведения, пиратов обезглавливали, а крепких рядовых пиратов как рабов посылали на рудники в горы Опара. Тяжело раненных и непригодных для работ также убивали.

— Вы самые последние, кто прибыл сюда из Кхокарсы, — сказал таможенник. — Мы изголодались по новостям.

Хэдон объяснил таможеннику, что владеет одними лишь слухами. Он был слишком оторван от событий, и потому не может ничего толком рассказать. Ответ никого не убедил. Люди хотели слышать все: факты, предположения, толки и даже очевидную ложь. Прибывшая группа протиснулась через ворота и в храм, где Хэдон впервые за последние годы увидел главную жрицу, Клайхи. Она была столь же прекрас-

на, как в ту ночь, которую они провели вместе, ночь накануне отбытия Хэдона на Великие Игры в город Кхокарса. Она немного пополнела, ее высокая грудь чуть обвисла, но крупные серые глаза, широкие темные брови, прямой узкий нос, полные губы, округлый подбородок — все это составляло одно из самых притягательных и чувственных лиц, когда-либо виденных Хэдоном.

Она улыбнулась Хэдону и поднялась с инкрустированного бриллиантами кресла. На голове жрицы покоилась высокая золотая корона тонкой работы, украшенная девятью изумрудами на зубчатых краях, в руках — четки из изумрудов и рубинов, юбка из белой ткани до лодыжек, пояс из золотых звеньев с украшениями из мелких рубинов. На оголенной груди нарисованы концентрические круги: красный, белый и голубой, с сосками — алыми центрами. В правой руке жрица держала длинный жезл из дуба, ввозимого из Кхокарсы. На верхнем конце жезла вырезано изображение Кхо в виде женщины с крупным курдючным задом и с головой гиппопотама.

— Трижды благословенный Хэдон из Опара! — воскликнула она. — Тот, кто по справедливости должен быть императором, но кому Кхо велела не претендовать на этот титул! Трижды желанная Лалила из-за Звенящего Моря, Морская Колдунья! Добро пожаловать также и твоей дочери, о которой мы много слышали, и вашему еще не рожденному чаду, о котором мы еще много услышим. Добро пожаловать и маленькому человеку, хотя он и заявляет, что он враг нашего пола, и Кебивейбесу, барду, который станет великим!

Хэдон не удивился таким восторженным приветствиям. Разведывательная система жриц была превосходна, и потому следовало ожидать, что Клайхи хорошо осведомлена о его группе и его, Хэдона, миссии. Слишком мало он мог рассказать ей нового, помимо приключений в Ребхе и последующих событий.

Недавно посвященные в жрицы внесли стулья, и теперь вся группа сидела. Абет забрали к другим детям в храме. Усталые гости с благодарностью приняли предложенное угощение, включавшее также медовый напиток и вино. Клайхи все расспрашивала Хэдона. Наконец он наелся и напился вволю, да и рассказывать более нечего. На какое-то время

наступило молчание, нарушаемое лишь отрыжкой гостей, вежливо показывающей, что пища была отменной.

Наконец Клайхи сказала:

— Я уже послала гонца в Опар известить королеву, что ты и Лалила здесь. Гонец сообщит весть только самой королеве. И я велела Кахели (таможеннику, с которым беседовал Хэдон) никому не сообщать, что вы прибыли.

Хэдон встревожился:

— Почему?

— Король Гамори узнал, что ты на пути сюда. Агентов у него хватает, и они далеко не все из жрецов Ресу. Видишь ли, Хэдон, раскол, раздирающий Империю в Кему, действует и здесь. Гамори крайне честолюбив, как и Минрут, и он тоже желал бы вознести Пламенеющего Бога над Великой Матерью — не из соображений веры, а исключительно для удовлетворения своих амбициозных планов. Но у нас тоже свои шпионы, и нам кое-что известно о том, что происходит между Гамори и младшими жрецами Ресу. Знаем мы и то, что ненавидящие Гамори подчиняются его жене. С некоторых пор Гамори и наша верховная жрица, королева Фебха, более не живут вместе. Они расстались после нескольких лет несчастливого супружества, поссорившись на почве политики и относительно статуса короля и королевы, мужчины и женщины. Сейчас Гамори живет в Храме Ресу, и уже год, как не делил с королевой ложа. Он лишь появляется с ней, представительствуя на государственном уровне.

Как ты хорошо знаешь, Гамори никогда не любил твоего отца, Кумина. Это началось с того сражения в туннелях против грабителей, когда был убит старый король, первый супруг Фебхи. Еще до того как твой отец потерял руку в битве, по словам Гамори, он хотел убить его. Отец твой утверждает, что по чистой случайности из-за слабого света в пылу сражения он принял Гамори за бандита. Объяснение вполне приемлемо. Зачем Кумину убивать одного из своих товарищей? Гамори утверждает, что он и твой отец сильно поссорились по какому-то неведомому поводу и что Кумин именно поэтому хотел его предательски убить.

Какой бы ни была правда, Гамори впоследствии женился на Фебхе, сделался королем и верховным жрецом и теперь

мог без труда устраивать гонения на твоего отца. Лишь покровительство Фебхи спасло Кумина от обвинения в покушении на совершение убийства.

— Мне это слишком хорошо известно, — сказал Хэдон. — Отец был вынужден выполнять работу внутри Храма Кхо, который он редко отваживался покидать из опасения быть убитым людьми Гамори. Отцу, некогда одному из величайших нуматену Империи, пришлось подметать полы в храме. Не то чтобы отец не был благодарен Фебхе за эту работу. Если бы не такая возможность, мы все умерли бы с голоду. Гамори очень огорчился, узнав, что я оказался одним из троих юношей, удостоенных чести представлять Опар на Великих Играх. Он ненавидел всю мою семью из-за старого недоброжелательства к моему отцу.

— Вот почему Гамори не должен знать, что ты здесь, — сказала Клайхи. — Понимаешь ли, есть и другая причина, по которой Гамори не желает, чтобы ты добрался до Опара живым, или, если уж так случится, чтобы ты обрел приют в Храме Кхо. От своих шпиков он слышал о Лалиле, этой Морской Колдунье, о великой судьбе, что ждет ее ребенка. Слухи — несомненно, безосновательные, но, увы, убедительные — таковы, что ее дочь станет единственной правительницей Опара, и что никаких других королей не будет. Это нелепо, но Гамори напуган. Безрассудное животное — а кто он еще — Гамори не понимает, что ребенок не может представлять для него опасности: ведь он уже умрет до того, как девочка достигнет совершеннолетия.

С другой стороны, молва может в известной мере обернуться правдой. Если Гамори попытается причинить ей вред, его еще больше обуяют страхи якобы грозящей опасности: он вызовет противодействие, которого мог бы избежать.

— А что же делать нам? — спросил Хэдон.

— Вы останетесь здесь до наступления сумерек. И тогда со всеми предосторожностями вас под охраной отправят отсюда, тайно доставят в Опар, и там — в храм Кхо. Только в Храме вы окажетесь в безопасности. Даже Гамори не осмелится нарушить его священность.

— Держу пари, когда-то и я верил, что на свете есть безопасные места. Но Минрут осквернил много храмов, не говоря

уже о самих жрицах. В наши дни ничто не защищено от богохульства и осквернения.

— Может, ты и прав, — согласилась Клайхи, — но здесь вам оставаться нельзя. Согласно Голосу Кхо, Лалила должна разрешиться от бремени в храме. Судя по ее виду, я сказала бы, что ей следует поспешить, чтобы успеть туда.

Из углубления в ручке кресла Клайхи достала маленький бронзовый гонг и ударила в него миниатюрным бронзовым молоточком в форме головы леопарда. На третий удар отдернулась портьера в дальнем входе. Весьма зрелого возраста жрица ввела в помещение мальчика лет четырех. Он бросился к Клайхи с криком: «Мама! Мама!»

Она подняла и поцеловала его, затем с улыбкой обратилась к Хэдону:

— Вот он, плод нашей любви, Хэдон. Это наш сын, Кор.

Глава 24

Путешествие по реке от моря до водопада заняло три дня. Группа Хэдона разместилась в баркасе с десятью крепкими гребцами-солдатами. Клайхи с мальчиком плыла на головном судне. Несколько раз она приглашала Абет к себе в лодку, где дети могли бы вместе играть. Звала она и Хэдона пересесть на нос баркаса, чтобы иметь возможность переговариваться. Да и Лалила пару раз перебиралась туда.

Лалила, как и Хэдон, очень удивилась, когда Клайхи представила Кора. Она совсем не ревновала. Какие у нее для этого причины? Клайхи не имела никаких видов на Хэдона и вовсе не желала отнимать его у Лалилы. Она просто приняла его как любовника на несколько ночей, не позаботившись в то время о противозачаточных травах. Ей хотелось иметь ребенка от мужчины, который мог стать победителем на Великих Играх. У Клайхи хватало любовников и до Хэдона, не ощущалось недостатка в них и после него и, надо полагать, их еще немало впереди.

— Сон убедил меня, что Хэдон должен стать отцом, — сказала она Лалиле. — Мне явилась Бхукла, бывшая древняя богиня

войны, пока Ресу не узурпировал ее обязанности. Она сказала, что я должна быть с Хэдоном и зачать от него. Что касается первого, то мне не требовались ничьи указания, хотя я была счастлива, что имею божье благословение. Что же до второго, то я почувствовала, что, так или иначе, настало время иметь ребенка.

— И какова теперь судьба Кора? — спросила Лалила. — Останется он с вами или отправится с Хэдоном?

Вопрос озадачил Клайхи. Потом, словно что-то вспомнив, она воскликнула:

— Я совсем забыла! Ты же не знакома со всеми нашими обычаями. Если бы я решилась выйти замуж, Кор остался бы со мной и моим мужем. Но я не собираюсь замуж; когда мальчику исполнится пять лет, он отправится на полгода к отцу. На это время ты будешь его временной матерью. Если я умру, Кор станет сыном Хэдона на все время. И твоим.

Вечером четвертого дня пути они разбили лагерь невдалеке от подножия могучего водопада. Здесь скопилось много разного люда, участников торговых караванов из Опара на пути к порту. По совету Клайхи Хэдон старался не выходить из шатра. Если его узнают, кто-либо из жрецов Ресу непременно поспешит с этой новостью обратно в Опар.

Хэдон, сидя в шатре, видел по крайней мере десяток людей, с которыми он был знаком по Опару. Да и в остальных узнавал жителей этого города. Кроме нескольких последних лет, всю свою жизнь Хэдон прожил в Опаре, и потому был там заметной фигурой. Постоянное население Опара лишь тридцать тысяч человек. А он ведь победитель Малых Игр, и конечно же все горожане его знают.

Его шатер не сворачивали до тех пор, пока караван не отправился вниз по реке, затем отряд путешественников продолжил свой путь вверх по дороге, которая пересекала ближний склон скалы. В полдень они добрались до вершины, а оттуда шли по тропе сквозь джунгли, пока не достигли территории дока. Здесь находились баркасы, оставленные путешественниками, встретившимися им у водопада. Группа воспользовалась двумя самыми маленькими лодками, и солдаты вновь согнули свои спины. Это была тяжелая работа: весь путь им пришлось грести против течения.

Маршрут, на преодоление которого ушло три дня, пролегал вдоль покрытых кустарником берегов, время от времени сменявшихся болотистыми низинами, где, разинув пасти и издавая рев, оглядывались в поисках добычи крокодилы; порой они медленно соскальзывали в бурую воду реки. По ночам путники останавливались в защищенных местах, сидя у больших костров, прислушивались к покашливанию леопардов. От людей исходило отвратительное зловоние, поскольку им пришлось намазаться свиным жиром для защиты от москитов, которых вокруг было великое множество.

Четырежды встречались группы груженных товарами баркасов, направлявшихся в порт. В таких случаях Хэдон быстро пригибался в надежде, что широкополая шляпа на голове скроет его лицо.

— Как же теперь производится доставка товаров? Ведь пролив Кета перекрыт? — спросил Хэдон Клайхи.

— Есть еще Кетна, Вентисух и Сакавуру, — ответила она. — Хотя пираты микавуру и свирепствуют, торговля все же продолжается. Более того, к югу от Кемувопара основано новое поселение — Картенкло. Пока эта община занимается лишь добычей руды; в недрах той земли большой запас меди и некоторое количество золота. Но это ворота в саванны, лежащие за горами, где пасутся огромные стада слонов. Ожидается, что торговля слоновой костью обретет большой размах, и Картенкло станет контролировать все, что будет проходить через него. Управление поселением осуществляется из Опара, следовательно, Опару обеспечена большая часть доходов. Некоторые из этих товаров, как ты видишь, на пути в Картенкло.

Хэдон посмотрел на мальчика. Определенно, Кор был его сын: у него такие же рыжеватые волосы, такой же высокий и узкий лоб с легкими припухлостями на уголках. Маленькие уши заостренной сверху формы тесно прижаты к голове. Брови густые, почти сросшиеся. Нос его прямой и не слишком длинный, но мальчик еще слишком мал, стало быть, нос подрастет. Верхняя губа короткая, губы полные, но не толстые; подбородок раздвоенный.

У него были большие по отношению к торсу ноги, а руки выглядели совсем длинными. Должно быть, ширина шага и захват руки у него такие же, как у отца.

Глаза же у него, однако, был материнские: большие и темно-серые.

— Красивый ребенок, — произнесла Клайхи, перехватив взгляд Хэдона. — Я люблю его очень сильно. Но боюсь, что не смогу долго быть его матерью.

— Что ты хочешь этим сказать? — встревожился Хэдон. Клайхи всегда отличало исключительное веселье, она постоянно улыбалась и смеялась. Но сейчас она выглядела печальной.

— Незадолго до того, как ты прибыл в порт, я видела сон. Я находилась в темном месте глубоко под землей, бредя по чему-то похожему на туннель. Меня преследовало нечто ужасное. Оно поймало меня. Затем — вся в слезах и дрожащая — я проснулась.

— Но тебя же не убили во сне?

— Нет. Но у меня было ощущение неизбежности гибели, — она улыбнулась. — Теперь, когда ты здесь и можешь позаботиться о мальчике, я не беспокоюсь. А что касается того, что может случиться со мной, что ж, никто не живет вечно. Я толстею, моя грудь начинает обвисать; я смотрю в зеркало и вижу лицо, которое еще в состоянии привлекать любовников, но пройдет еще лет десять, и это же лицо будет отталкивать их. Я прожила хорошую жизнь, гораздо лучшую, чем у большинства. И если мне предначертано умереть именно сейчас, я стану страдать лишь оттого, что мой сын будет горевать обо мне.

— Если бы каждый рассуждал так, как ты, — проговорил Хэдон, — этот мир мог бы не быть таким несчастливым.

— И никаких войн не было бы, — молвила она, — и столь много безумных.

Когда Хэдон путешествовал вниз по реке, понадобилось четыре дня, чтобы добраться до водопадов, и еще три, чтобы дойти от них до порта. Теперь же, из-за того что они шли против течения, им потребовалось четыре дня, чтобы дойти до водопада, и пять с половиной, чтобы достичь Опара. Через час после восхода луны баркасы миновали изгиб реки. Река, ширина которой составляла четверть мили, вдруг разлилась озером шириной полторы мили. Справа от них располагалась узкая полоска равнины, над которой возвышались крутые скалы. За скалами вздымались высокие вершины.

Слева, в миле от них, находился Опар. Опар — город сказочных богатств, золота и драгоценных камней, город башен с золотыми крышами, высокими массивными стенами из гранита. Опар — его родной город.

Глаза Хэдона наполнились слезами. Он ощутил боль в груди; внезапно из нее вырвалось рыдание. Лалила, видя, как он растроган, обняла его и потянулась к его щеке с поцелуем.

Баркасы продолжали двигаться по середине реки, пока не оставили за собой полмили. Затем они пошли под углом от своего прежнего курса по направлению к городу. Здесь царило оживление: сновали рыбачьи лодки, ялики и баркасы, перевозившие продукты с ферм, разбросанных вдоль западного побережья к северу от Опара. Эта протяженная долина располагалась относительно низко и тянулась на 15 миль, пока не упиралась в огромный водопад на севере.

Западное побережье — более плоское и широкое, чем восточное, но сразу за ним начиналось предгорье, за которым появлялись мощные вершины столь же высокие, как и на востоке.

К востоку от города, на расстоянии одной мили, находился небольшой островок, единственный на этом озере. По его окружности росли деревья; над внутренней частью возвышался белый замок, увенчанный куполом. Все население острова насчитывало три человека — жрицы, состоявшие на службе в храме Лупоес. Этот островок был первым местом в долине, куда вступила жрица Лупоес — жрица-исследовательница. Именно здесь она повстречалась с первыми обитателями долины, первобытными гокако. И именно здесь она спросила одного из них о названии этого места. А он, отвечая ей на своем языке, сказал: «Опар», что значило «я не понимаю вас». Лупоес присвоила этой долине имя Опар, ошибочно полагая, что это и есть ее исконное название. Позднее поселение назвали также Опаром.

На этом острове жрица и окончила свой земной путь в возрасте 70 лет. Ее возвели в ранг божества, в ее честь построили храм. Остров Лупоес, подобно острову богини Карнет, был для мужчин запретным.

Лодки скользили одна за одной, минуя деревянные лачуги и вигвамы, выстроенные за пределами городских стен.

Строения тянулись на полмили к западу и на четверть мили вглубь. Это были дома рабов гокако, а также свободных граждан, надсмотрщиков, мастеров и солдат, которые ими командовали. Здесь же размещались и огромные хранилища, фасадом выходящие на деревянные причалы. Выше северных стен раскинулся город, состоящий из таких же деревянных построек, но его населяли бедные слои свободных граждан.

Хэдон завязал тесемки шляпы под подбородком. Ветер сегодня такой сильный, нежелательно, чтобы шляпа улетела, открывая при этом волосы и лицо. Стараясь еще лучше замаскироваться, он надел на левый глаз черную повязку. Меч нуматену, завернутый в одеяло, Хэдон нес на плече вместе с плоским ящиком, в котором находились некоторые товары, предназначенные для продажи. Ему полагалось следовать за Клайхи, будто он ее слуга.

Баркасы привязали к причалу, принадлежащему Храму Кхо. Клайхи обождала, пока все подготовятся к отходу, а затем решительно зашагала по улице за стеной. Один солдат раскрыл бамбуковый зонтик от солнца и ринулся к жрице с намерением держать его над ней; другой ударил в маленький барабан; третий заиграл на свирели. Клайхи предпочла бы, чтобы вокруг нее не создавали столько шума, но, поскольку знали ее многие, решила, что будет лучше, если она пойдет как обычно. В противном случае могут заинтересоваться, в чем причина ее стараний быть столь незаметной.

Внешняя стена пятидесяти футов высотой состояла из гигантских гранитных блоков с вкраплениями розового кварца. Посередине восточной стены находились широкие ворота — сквозь них могли промаршировать плечом к плечу двадцать солдат. Обе массивные створки ворот толщиной десять футов были сделаны из бронзы; на них изображались сцены из истории Опара. Ворота, с тех пор как их воздвигли восемь столетий назад, закрывались лишь трижды. Три раза, тем не менее, их швыряло наземь, и в каждом случае причиной тому было землетрясение. Город сам троекратно отстраивался заново и, вне всякого сомнения, будет еще не один раз строиться вновь.

Путешественники проследовали через базарную площадь, растянувшуюся вдоль набережной реки на полмили.

Она походила на все другие рынки Империи, отличало ее лишь множество гокако. Эти волосатые люди — низкорослые, коренастые, с толстыми шеями, массивной грудной клеткой, со скошенными лбами — когда-то были многочисленны, но теперь попадались только в этой долине, хотя ходили слухи, что этих дикарей можно повстречать еще где-то возле Южного Моря.

По обеим сторонам ворот стояли копьеносцы. Каждый отряд насчитывал тридцать человек: те, которые стояли слева, принадлежали королю; другие — королеве.

Клайхи не сбавила шага, напротив, последовала с таким видом, будто ей нечего скрывать. Оно бы и так, если бы Гамори можно было доверять. Гвардейские офицеры отдали жрице честь; она благословила их и продолжила путь. Группа путешественников миновала внешнюю стену толщиной двадцать футов и направилась к внутренней. Высота этих стен была одинаковой, но сверху внутренней стены возвышались, чередуясь между собой, маленькие круглые башенки и остроконечные гранитные глыбы. В башнях располагались караульные; монолиты же увековечивали память героев и героинь Опара. Здесь, должно быть, установлена пара в его честь, подумал Хэдон, ведь он выиграл как Малые, так и Великие Игры. Однако они, скорее всего, находятся ниже пределов видимости.

Внутренние ворота также оказались открытыми, их тяжеловесные бронзовые створы развернуты в обе стороны. Путники вступили на широкую улицу с названием «Божества-Птицы». Большую часть улицы шириной 115 футов занимал еще один рынок. Здесь продавалось множество животных и птиц, предназначавшихся для жертвоприношений в Храме Кхо — на другой стороне улице.

Клайхи вела группу сквозь палатки, загоны для скота и сараи, оставляя позади шумных животных, птиц и еще более шумливых продавцов и покупателей. Ее целью был гигантских размеров девятиугольный вход в храм — массивное, выполненное из гигантских блоков здание, увенчанное огромным куполом в форме луковицы, крытым пластинами из золота. По обеим сторонам входа — три ряда монолитов из гранита, по двенадцать в каждом ряду. Высота каждого

превышала в два раза рост Хэдона, верхняя часть каждого монолита высечена в форме птицы. Черты, характерные для птиц, за модель которых брались реально существующие пернатые, были преувеличены или искажены: головы — то больше, то меньше, чем следовало, клювы загнуты, а то и вовсе скручены, количество глаз варьировалось от одного до девяти, перья — то слишком длинные, то слишком широкие, почти огромные, а иногда и вовсе отсутствовали.

Хотя птицы и выглядели так, будто их высек сумасшедший, но, если посмотреть внимательно, замысел становился понятен. Гранитные скульптуры изображали птиц, превращающихся в людей, стадии различных метаморфоз.

Хэдон нервничал и обливался холодным потом с тех самых пор, как группа покинула лодку. Только теперь на расстоянии всего лишь двадцати футов от входа в храм ему стало полегче. Во рту все еще ощущалась сухость, но он уже смог пить из фонтана, струящегося как раз рядом с храмом.

И тут он услышал, как позвали:

— Хэдон! Хэдон!

Он обернулся и увидел своего старого приятеля, Сембеса, товарища по детским играм и соперника по Малым Играм. Сембес выбыл из соревнования по борьбе вследствие победы Хэдона, но зла на него не затаил. Когда Хэдон отправлялся в Кхокарсу, Сембес вручил ему подарок и пожелал успеха.

Но теперь все могло измениться. Сембес вынужден подчиняться приказам; он, должно быть, хороший офицер и исполнит свой долг, даже будучи не согласным с приказом.

Хэдона насторожила униформа Сембеса, свидетельствующая о том, что он — лейтенант гвардии Храма Ресу, Пламенеющего Бога.

Сембес мог бы и улыбнуться, увидев друга, отсутствовавшего столь долго, но, вероятно, его просто потрясла встреча. Речь Сембеса, несомненно, звучала сдержанно, будто он испытывал сильное напряжение.

За ним стоял отряд из двенадцати копьеносцев.

Он шагнул к Хэдону, протягивая руку. Казалось, лицо сначала сморщилось, потом расправилось, затем вновь сморщилось. Узкие глаза лейтенанта пристально смотрели

на прибывших, скользя с Хэдона на Клайхи, далее на остальных, потом снова на Хэдона.

— Послушай, Хэдон! Получилось так, что я только что приступил к патрулированию этого района и — надо же! Я вижу тебя! Я думал, что ты в Кхокарсе!

Позади Хэдона раздался шепот Лалилы:

— Берегись, Хэдон. Он лжет! Его прошиб пот от страха!

Клайхи остановилась. Теперь она шипела, как змея, говоря:

— Лалила права! Кто-то заметил тебя в доке, Хэдон, и поспешил к королю! Его шпионы вездесущи!

— Приветствую тебя, мой старый друг! — сказал Хэдон. Он снял груз со своего плеча и засунул руку в одеяло. Пальцы его сжали рукоятку Каркена из куска слонового бивня, обрезанного по краю для удобства.

Сембес остановился:

— Что с твоим глазом, Хэдон?

— Я дал ему отдохнуть, — ответил Хэдон, срывая повязку. Потом тихо сказал Клайхи: — Отведи остальных в храм.

Сембес взялся за рукоять тяжелого меча из дорогой углеродистой стали; оружие было выполнено из сваренных между собой полосок и имело такую же листообразную форму, как и мечи добровольцев, но было примерно на фут длиннее.

— Итак, ты знаешь! — проговорил Сембес, поднимая брови. — Что ж, мне действительно неловко, Хэдон, но у меня приказ. Ты арестован по подозрению в измене!

Хэдон помедлил с ответом. Лалила, держа Абет и Кора за руки, обошла его и поспешила ко входу. На минуту Сембес перевел взгляд на нее, но, видимо, на ее счет инструкций не поступало. Пага, перекатываясь, последовал за ней с мрачным видом, держа руку на рукоятке своего короткого меча. Кебивейбес колебался какое-то время, потом сказал:

— Офицер, я бард, и потому моя персона неприкосновенна. — И добавил: — Это было бы непростительно в глазах великой Кхо и всего человечества.

— Тогда встань в стороне, — велел Сембес. Пот градом катился с него. Он смахнул его с глаз тыльной стороной ладони, а затем выдернул меч из ножен. Это послужило сигналом солдатам, которые выстроились полукругом, держа копья, направленные на Хэдона.

Кебивейбес, стоя теперь позади Хэдона, прошептал:

— Я так сказал лишь затем, чтобы выиграть время, Хэдон. — Я буду сражаться на твоей стороне.

— Благодарю, — сказал Хэдон, снизив голос. — Но иди в храм как можно скорее. Я не хочу, чтобы ты стоял у меня на пути.

Бард от удивления разинул рот, затем пробормотал какие-то оскорбления. Хэдону некогда было вдаваться в объяснения. Он вытащил тену из тюка и шагнул вперед.

В это самое время Клайхи также двинулась вперед. Она держала высоко свой посох и кричала:

— Остановись! Этот человек под покровительством Фебхи и, следовательно, самой Кхо! Он муж той женщины, к которой благоволит Кхо и к которой обращался Ее Голос! Троньте одного из них, и вы испытаете на себе гнев Богини!

Сембес взмок еще больше. Копьеносцы побледнели.

Хэдон оглянулся. Крики, возгласы и болтовня, доносившиеся с базара, стихли. Большинство продавцов и покупателей молча уставилоись на них; слышался лишь шум, производимый животными.

Сембес вымолвил:

— Жрица, у меня приказ, и он поступил от короля, самого главного жреца самого Ресу. До тех пор пока не поступят контрприказы лично от короля или королевы, я должен исполнять свой долг. И вы, конечно же, это понимаете.

— Я понимаю, что ты игнорируешь мои слова! — закричала она. — Мне повторить?

Хэдон вновь взглянул налево. Лалила и дети уже находились внутри храма. Пага стоял у входа, пристально смотря на них. Он выглядел неуверенным, будто не мог решить, остаться ли ему защищать Лалилу или вернуться на помощь Хэдону.

Хэдон проговорил:

— Беги так, будто сама Копоескин гонится за тобой, Кебивейбес! Я больше не могу их сдерживать! Иди немедленно!

С криком он еще раз шагнул вперед, держа рукоять Каркена обеими руками. Сембес с воплем двинулся правой ногой вперед, его торс изогнулся, образовав одну прямую линию с левой ногой. Лезвие меча Хэдона ударило офицера

с одной стороны, и острый край скользнул вдоль яремной вены Сембеса. Хэдон отступил назад; из шеи Сембеса хлынула кровь, он упал. Хотя Сембес не был столь же искусным фехтовальщиком, как Хэдон, но пострадал он не из-за этого, причиной его поражения явился жесткий непререкаемый порядок. Только нуматену имели право пользоваться длинным, слегка изогнутым оружием с тупым концом. Несмотря на его очевидное превосходство по сравнению с более коротким кинжалом в индивидуальной схватке, военным и морякам по всей Империи запрещалось использовать его — исключение составляли микавуру, но пираты не ведали норм морали. Правда состояла в том, что, будь Сембес вооружен тену, он также мог погибнуть, но не столь быстро, а его копьеносцы могли бы продвинуться и отогнать Хэдона.

Теперь же, еще до того как копьеносцы сумели изменить свои позиции и метнуть копья, Хэдон скрылся из виду. Вход находился всего лишь в двадцати шагах, а Хэдон ведь был самым быстрым бегуном Империи. Но, даже учитывая это, он не мог рисковать. Когда оставалось преодолеть последние шесть футов, он резко опустился, держа одной рукой над собой тену, и заскользил по тротуару лицом вниз. Его грудь, колени и пальцы на ногах горели, но он стремительно бросился в полумрак палаты.

Пага отскочил в сторону как раз вовремя — это уберегло его от сокрушительного удара. Три копья вонзились рядом; одно ударилось о боковую стену входа, одно пролетело над головой Хэдона и воткнулось в привратника, еще одно, отскочив от цементной поверхности, проскользило по ней и, наконец, успокоилось близ Хэдона.

Он поднялся, прыжком отскочив в сторону. Хотя теоретически положение его было безопасно, он не был уверен, что копьеносцы достаточно хладнокровны, чтобы понимать это.

Хэдон вновь встал на ноги. Пага, который, казалось, состоит лишь из бороды и ног, отчаянно дрожал в углу. Несчастный привратник лежал на спине с копьем, торчавшим из груди; он кашлял кровью и несколько раз дернулся, прежде чем умереть.

Лалила и двое детей прошли, по-видимому, в следующую палату.

Затем появилась Клайхи. Она явно выглядела шокированной.

— Ты даже не попытался поговорить, — в ее голосе сквозил упрек. — Я в самом деле полагала, что смогу заставить их повиноваться и впустить тебя. Обошлось бы без кровопролития.

— Я предчувствовал подобную ситуацию, — сказал Хэдон. — Переговоры только отсрочили бы неизбежное. Более того, я знаю Сембеса, точнее — знал его. Он был отличным парнем, ярым поборником правильных поступков и закона. Он состоял на службе у короля. Сейчас он лишь долго колебался. Первый же мой шаг к храму стал бы последним; его меч вонзился бы в мою спину. Мне пришлось захватить врасплох его самого и его людей, что тоже плохо: мне нравился Сембес. Но сейчас не время горевать о нем. Оно наступит позднее.

Если вообще когда-нибудь наступит, мысленно добавил он. Последние события развивались слишком стремительно, не оставляя времени для печали и сожаления. Хэдон понимал, что в самом ближайшем будущем скорость станет еще более решающим фактором, совсем скоро.

Палата, в которой он находился, не претерпела никаких изменений с тех пор, как он видел ее в последний раз — и неудивительно, ведь все здесь оставалось неизменным вот уже пятьсот лет. Пол залит цементом — несомненно, это не изначальный пол, — а гранитные стены покрывал толстый слой штукатурки. Они были расписаны фресками, представляющими сцены на темы религии и истории Опара. Действие преимущественно происходило в джунглях, которые изображались в ядовито-зеленых и кроваво-красных тонах. Тут и там, между фресками виднелись резные фигурки людей и животных. Там же к стенам крепились продолговатые таблички из золота с нанесенными на них иероглифами — реликвиями тех дней, когда еще не была принята слоговая азбука героя Авинеса. Место это древнее, подобно всем палатам и священным местам храма. Время, казалось, мрачно зависло над храмом, излучая плотную серую ауру сквозь болтовню людских толп, наполнявших его и днем и ночью. Время плотно осело здесь, впитываясь в гранитные стены и памятники материальной культуры и, казалось, заплатило

ренту за вечность. Говорили, что храм просуществует десять тысяч лет; так пообещала Сама могущественная Кхо его создательнице — жрице Лупоес. И в самом деле, это было единственное строение в Опаре, не разрушенное в результате трех сильных землетрясений, хотя потребовался обширный ремонт.

Хэдон недолго предавался размышлениям. Шум снаружи вынудил его вернуться ко входу. Сначала он не мог понять, что творится. Сразу за входом бурлил водоворот толпы, яростно кричащей, вопящей, плачущей. Затем в стене тел появился просвет, в котором возник копьеносец, забитый до смерти разъяренной толпой.

Через несколько минут все закончилось, как только сверху и снизу улицы раздался пронзительный свист. Толпа пришла в чувство, осознав, что люди короля на подходе, и рассеялась. На месте осталось двенадцать окровавленных трупов.

Глава 25

Некоторое время спустя улицу покинули все жители. Ее единственными обитателями остались лишь звери да птицы, брошенные своими испуганными владельцами, и около пяти десятков солдат. Хэдон обрадовался, увидев, что почти сразу же прибыло такое же количество солдат королевы. Он понимал, что в противном случае ему, видимо, пришлось бы укрыться в глубине храма. По общепринятому правилу, он мог полагать себя в безопасности на расстоянии по меньшей мере одного фута от входа, но Хэдон не сомневался, что на самом деле разъяренные люди короля вполне способны нарушить святость убежища. Теперь же, видя перед собой людей королевы, они не осмелятся.

Клайхи послала послушницу за королевой. Затем справила последние обряды над привратником, судьба которого оказалась столь печальной. Завершив их, она вышла из храма. Ее приветствовали командиры и тех и других сил; она отвела офицеров в сторону, чтобы обсудить создавшееся положение.

В разгар их оживленной беседы прибыла Фебха — высокая изможденная женщина лет пятидесяти. В молодости она

была красавицей с полной высокой грудью, со слегка округлыми формами, длинными ногами. Черты лица ее впечатляли, хотя их портил слишком длинный нос. Теперь же, несмотря на молитвы своих подчиненных, затратив несколько лет на борьбу с лихорадкой неизвестного происхождения, она походила на ведьму. Но все еще сохраняла незаурядность и могла при желании внушать страх.

На Фебхе был килт из шкуры леопарда, перехваченный в талии коротким поясом из соединенных между собой золотых колец, украшенных бриллиантами. Ее длинные черные волосы завязаны в узел Психеи, на который надета шляпа из множества овальных и круглых кусочков золота. С каждой стороны шляпы до талии свисали нити из золотых монет овальной формы. Большое количество массивных золотых браслетов с инкрустацией из драгоценных камней украшали руки и ноги. К поясу посредством золотого кольца прикреплен кинжал, украшенный драгоценными камнями, а в правой руке она держала длинный дубовый жезл, с огромным бриллиантом на конце.

Прошествовав через палату в сопровождении многочисленной свиты жриц, советников и слуг, среди которых были и мужчины, и женщины, Фебха приветствовала Хэдона. Затем она вышла на улицу и стала громко требовать, чтобы ей рассказали о том, что же произошло.

Хэдон уже собрался последовать за ней, как услышал свое имя. Он повернулся на звук знакомого голоса и поспешил обнять отца. Кумин охватил сына одной здоровой рукой и заплакал. Справившись с собой, он сказал:

— Я плачу, сын мой, не только оттого, что ты возвратился после долгого отсутствия, я плачу по твоей умершей матери!

— Когда это случилось?

— Три дня назад, сын. Она слегла в постель, жалуясь на боль в нижней части брюшины. Она разбудила меня на рассвете, говоря, что боль очень сильна, да я и сам мог сказать то же самое, увидев ее при свете свечи. Ей следовало разбудить меня гораздо раньше, хотя я сомневаюсь, что это изменило бы что-нибудь. Я пошел за доктором, но еще до того, как он смог прийти, из уст твоей матери раздался громкий крик, и несколько минут спустя в сильной агонии она умерла.

Доктора произвели вскрытие, необходимо было определить, умерла ли она вследствие отравления, или колдовства, или потому, что великая Кхо так пожелала. Доктора представили заключение, в котором сообщалось, что какой-то ее орган был болен в течение некоторого времени, затем прорвался, выпуская свои яды в организм.

— Твой брат с семьей спустились с гор — он начал там работать после твоего отъезда — и мы похоронили ее в полдень.

Хэдон понимающе кивнул:

— Я принесу в жертву превосходную корову на ее могиле, когда появится такая возможность. — Затем Хэдон заплакал вместе с отцом. Немного погодя Лалила потрясла его за плечо, и он взглянул на нее.

— Начались схватки, — сообщила она.

Хэдон поднялся, вытирая глаза. Снаружи доносился резкий голос Фебхи. Она устроила разнос людям короля за то, что они вторглись в убежище, хотя бы даже и случайно. Они убили привратника в храме, и Кхо вряд ли простит им это.

Полковник, стоявший во главе королевского отряда, кричал, что солдаты, сотворившие это, мертвы, что они заплатили за все. Как бы то ни было, она должна признать, что произошел несчастный случай, а следовательно, богохульства не совершилось. Фебха ответила, что не даст втянуть себя в спор, но святотатство имело место, случайно или намеренно. Полковник начал говорить что-то, но она велела ему замолчать. Затем затрубили медные трубы, забили барабаны, и люди закричали:

— Король! Король!

Хэдон подошел к жрице средних лет, стоявшей позади толпы внутри входа:

— Дарбха!

— Да?— Узнав его, жрица заулыбалась и вскрикнула:

— Хэдон!

— У моей жены, Лалилы, — родовые схватки, — волновался он.— Ее следует поместить в Палату Луны.

Дарбха с трудом смогла оторваться от событий на улице. Хэдон произнес громко:

— Вот Лалила! Ты знаешь о пророчестве относительно ее ребенка?

— Да, мы знаем, — ответила Дарбха. — Вчера услышали об этом.

Она протолкнулась сквозь людскую массу и заговорила с Клайхи, стоявшей за дверью. Клайхи неохотно оставила свой пост, но, осмотрев Лалилу, принялась действовать весьма быстро. Она подозвала к себе трех жриц и отдала распоряжение поместить Лалилу в приготовленную для нее палату.

Хэдон поцеловал Лалилу:

— Все будет в порядке!

— Я надеюсь! — сквозь слезы произнесла она. — Но боюсь, здесь произойдет что-нибудь ужасное, Хэдон! И очень скоро!

— Если это и так, ты все равно ничего не сможешь сделать, — проговорил он. Мороз прошел по его коже, даже шея дернулась, но он сохранял внешнее спокойствие, будто слова Лалилы не имели значения.

— Ты должна идти с Клайхи. Все будет хорошо. Сейчас мы в храме, а согласно предсказанию, жизнь нашего ребенка будет долгой и славной, если он родится в этих стенах.

Клайхи заговорила с четвертой жрицей:

— При первой же возможности сообщите Фебхе. Скажите ей, что Лалила здесь и скоро родит.

Клайхи и остальные собрались вокруг Лалилы; потом одна из них завела протяжную песнь, и они поспешно увели Лалилу. Хэдон вернулся к двери. Его вряд ли допустили бы в Палату Луны, все равно он ничем не мог успокоить ее.

Отец Хэдона выглядел озадаченным. Очевидно, жрицы ничего не сказали ему о пророчестве. Хэдон стал объяснять, но его прервал туш, исполняемый трубами и барабанами.

— Позднее, отец, когда будет время. — И стал прокладывать себе сквозь толпу путь к входу в храм.

Появился король, а с ним еще сотня солдат. Король и его жена стояли друг против друга в пространстве между своими солдатами, стояли буквально нос к носу и орали друг на друга. Гамори был плотного сложения с крючковатым носом и синеватым подбородком, с густыми и темными волосами, но и седины хватало. Волосы локонами свисали ниже плеч, скрывая таким образом то обстоятельство, что он давно лишился правого уха. Его отсекли во время схватки, в которой Кумин потерял руку.

Фебха, будто устав спорить и опасаясь окончательно потерять свое достоинство, резко оборвала разговор. Она направилась к храму, слыша раздававшиеся ей вслед вопли Гамори. Он приказывал ей вернуться, но она — королева и верховная жрица, а потому ее положение выше — не обращала на него внимания.

Лицо Гамори побагровело; в смятении он выхватил копье из рук стоявшего рядом солдата. Крик ужаса разнесся над толпой, в которой находилось много и его людей. Хэдон закричал, предупреждая Фебху об опасности, и ринулся к ней, намереваясь защитить ее. В тот же миг и офицер вооруженных сил королевы побежал вперед на ее защиту. Гамори что-то прорычал — Хэдон уловил лишь выражение его лица, но не смог разобрать слов — и метнул копье в лицо офицера. Лезвие вонзилось ему в рот; он опустился и, пытаясь ухватиться за ножны, упал на спину. Со стороны людей королевы раздался шум, они пошли в атаку. Хэдон обхватил Фебху за талию и буквально понес ее к храму, выбирая путь между ее солдатами и воинством короля. Гамори сейчас мог бы проткнуть его со спины, но король сам, развернувшись спиной, бежал под защиту копий своих солдат. Затем копья взметнулись с обеих сторон, и две силы, столкнувшись, перемешались в людском водовороте свирепой схватки.

Уже в комнате Хэдон отпустил Фебху. Она неистовствовала в течение нескольких минут, затем, будто ей плеснули водой в лицо, успокоилась.

— Мои люди погибнут; противник превосходит их числом, — промолвила она. Она призвала к себе трубача, который по ее приказу протрубил сигнал к отступлению. Мгновение спустя многие люди королевы вырвались на свободу. Около двадцати оказались в палате; остальные пали на поле боя.

Фебха отдала еще один приказ, и над огромным входом опустилась решетка. За ней последовала прочная железная дверь, которая блокировала вход в храм и не позволила бы людям Гамори, пожелай они того, проникнуть внутрь.

— С этого момента между нами война! — кричала Фебха. — Мы будем действовать немедленно! — Она пристально посмотрела вокруг, увидела Клайхи, направлявшуюся к ней, и спросила:

— В чем дело?

— Женщина Хэдона, Ведьма с Моря, — проговорила Клайхи. — Ее поместили в Палату Луны. Но родовые схватки прекратились. Они оказались ложными.

— Так или иначе, держите ее там, — распорядилась верховная жрица, — прорицание должно исполниться. — Она посмотрела на Хэдона:

— Добро пожаловать домой, смельчак. Хотя возвращение печально и ужасно! Однако нельзя сказать, что такое трудно было предвидеть! Что ж, Гамори показал всем, к чему стремится, мне-то это давно известно. Он хочет вознести Пламенеющего Бога выше Матери Всего. И он желает, вовсе не случайно, поставить себя выше королевы. Ты видишь, Хэдон, его агенты тоже слышали о пророчестве, и Гамори опасается этого ребенка. Он боится также и того, что ты, хоть и лишен права на трон в своей Империи, можешь захотеть провозгласить себя королем в его стране. И потому он справедливо опасается моей попытки свергнуть его и сделать королем тебя.

— Меня? Королем? — воскликнул Хэдон.

— Ты победитель Великих Игр, и потому тебе надлежит быть королем. Ты — истинный почитатель Кхо, и потому тебе следует заменить эту жалкую гиену Гамори. И потом существует пророчество. Если твоему ребенку предначертано добиться обещанной славы, девочка должна быть под защитой. Кто же сумеет лучше защитить ее, как не отец — король? И ее мать — королева?

— Моя королева... — начал Хэдон.

— Я больна и не проживу долго, — продолжала Фебха. — Если я вскоре умру, Гамори и почитатели Ресу получат большое преимущество. Клайхи — женщина способная, сильная, но ей необходим достойный мужчина, чтобы направить ее силы. Ты — мужчина. Но ты не можешь жениться на ней, ты муж женщины с глазами цвета фиалки, появившейся из-за Звенящего Моря, женщины, о которой имеется прорицание. И ты отец ребенка, который должен родиться. Поэтому я объявляю тебя новым королем, который должен захватить трон Гамори по велению могущественной Кхо. А твоя жена станет королевой. Не беспокойся по поводу Клайхи. Она

ждала этого и довольна. Она не амбициозна и не имеет цели стать верховной жрицей и королевой.

— Это правда, — проговорила Клайхи. Жрица только что оказалась рядом с Хэдоном. — Но должна заметить, что объявить Хэдона и Лалилу правителями Опара — это одно, а занять трон на самом деле — это совсем другое. На пути стоит Гамори.

Фебха оглянулась по сторонам:

— Здесь слишком много народа, чтобы обсуждать государственные дела. — Кивком она подозвала жрицу:

— Хола, позаботься о девочке Абет и мальчике Коре и проследи, чтобы людям Хэдона было удобно. Кумин, ты пойдешь с нами.

Фебха повела их сквозь множество великолепных комнат, некоторые своим величием и красотой превосходили апартаменты дворца императрицы Кхокарсы. В одной комнате было семь высоких золотых колонн, пол другой покрывал единый лист золота, говорят, три фута толщиной.

Опар и вправду был богат, но гордость его жителей несколько омрачалась сознанием того, что город является объектом зависти и алчности. Он в безопасности, пока сильна Империя, но теперь, когда гражданская война ослабила ее, положение Опара стало весьма уязвимым для нападения. Налет пиратов микавуру — это лишь попытка проверить надежность его обороны. А тут еще сам Опар оказался втянутым в войну между собственными гражданами.

Они поднялись на три пролета гранитной лестницы, прошли по длинному коридору, отделанному полированной слюдой, в покои Фебхи. Покои были по-настоящему роскошны, но королева провела гостей в маленькую комнатку, почти пустую, и предложила сесть за простой деревянный стол. Пока им подавали вино и еду, Фебха в общих чертах обрисовала план атаки. Хэдон был поражен. Очевидно, она долгое время ждала подобной ситуации.

Однако еще до того как она смогла закончить говорить, Фебхе пришлось сесть на стул. Щеки ее покраснели, глаза лихорадочно заблестели, дышать стало тяжело. Грудь, качаясь, то поднималась, то быстро опускалась.

— Это лихорадка, — сказала она, хотя объяснений и не требовалось. — Нет никакого способа справиться с ней. У

меня сильная воля, но я не могу заставить свою плоть не замечать огня, подтачивающего ее. Но ты, Хэдон, и ты, Клайхи, вы знаете, что делать. Что касается тебя, Кумин, тебе знаком путь. Не забыл древние туннели, старый бродяга? Ты можешь повести своего сына на битву.

— Я способен на большее! — воскликнул Кумин. — У меня только одна рука, пусть я провел многие годы, подметая полы и вытирая пыль со статуй, но я нуматену! Я владею мечом лишь одной рукой, но могу принести много пользы!

Фебха, прикрыв глаза, улыбнулась:

— Отлично! Так и будет!

Кумин выглядел возбужденным. Он был на два дюйма ниже своего сына, но, имея шесть футов роста, все же считался в Опаре высоким. Волосы его поседели, хотя, когда он был в возрасте Хэдона, они чернели, как крыло Кагага, ворона. Кумин набрал немного жирку, к плотному телосложению прибавился живот, но бывший воин казался очень сильным. И в самом деле, из-за того, что нужда заставила его пользоваться одной рукой в течение двадцати лет, он развил в ней необыкновенную силу.

— Я отдал свой Каркен сыну, но это не значит, что я не могу орудовать другим!

— Итак, Хэдон, ты должен сделать это сегодня же вечером, — сказала Фебха. — Выбери еще несколько других мужчин; Клайхи назовет тебе имена лучших. И пусть Кхо дарует тебе хитрость и мужество избавить нас от этой гиены Гамори.

Раздался стук в дверь. Слуга открыл ее, вошла жрица. Она наклонилась, шепча что-то на ухо Фебхе, затем, бросив взгляд на Хэдона и Кумина, вышла. Фебха с минуту молчала.

— У меня плохие новости, — произнесла она наконец. — Кумин, твоего сына, Метсуха, схватили люди Гамори. Его держат сейчас за Дверью Девяти. Мой муж-свинья, передал, что желает говорить с тобой, Хэдон.

Кумин выругался. Хэдон воскликнул:

— Что могло ему понадобиться?.. — Он замолчал, нахмурясь:

— Полагаю, он хочет сторговаться. Если я сдамся ему, он освободит Метсуха невредимым.

— Я догадываюсь, что именно это он и предложит, — проговорила Фебха. — Но ты не можешь так поступить, даже

если он и желает того. Ты необходим Лалиле; ты будешь нужен своему еще не родившемуся ребенку; ты нужен Опару. Мне жаль Метсуха, но ты не вправе жертвовать собой ради брата.

— Давайте сначала спустимся и послушаем, что скажет Гамори, — предложил Кумин. — Он был бледен, но настроен решительно.

Фебха послала слуг за носилками. Она расположилась в них, ее вынесли. По дороге Хэдон спросил отца о своей сестре.

— Дедар сейчас замужем, — начал рассказывать Кумин.— Она уехала вместе со своим мужем Манкитом — ты помнишь его — в новое поселение Картенкло. Это было год назад. Шесть раз от нее приходили известия. Она счастлива, хотя и говорит, что жизнь тяжела. Дедар беременна, потому и я счастлив. Она собирается подарить мне еще одного внука, хотя лишь Кхо знает, увижу ли я его когда-нибудь.

— Ты проживешь долго и увидишь еще много внуков, отец, — сказал Хэдон.

Вновь пришлось разгонять толпу, собравшуюся напротив входа, чтобы Фебха, Хэдон и другие могли выглянуть наружу. Прочная стальная дверь была поднята, решетка все еще опущена. Сменив носилки на кресло, королева распорядилась:

— Поднимите решетку.

Мужчины подняли кресло и понесли Фебху в нем к самому входу. Хэдон подумал, что это не очень разумно, ибо это делало ее весьма уязвимой, но, очевидно, она верила, что даже Гамори не посмеет напасть на нее.

На рыночной площади было полно людей короля — по подсчетам Хэдона, около тысячи, все построены. Оглядываясь вокруг входа, он видел, что происходило внизу улицы, за массами облаченных в бронзовые доспехи людей с бронзовым же оружием. По обеим сторонам — толпа жителей. Перед ними — три шеренги копьеносцев. Горожане не особенно шумели, но сейчас слышались отдельные выкрики на фоне ропота недовольства. Люди, видимо, намеревались заставить Гамори вести себя благоразумно, подумал Хэдон. Угрозы в адрес самой верховной жрицы могли привести их в состояние ярости, а это для Гамори было бы нежелательно.

С другой стороны, он, по всей видимости, должен действовать достаточно быстро, чтобы провести пробу сил.

Гамори, наверное, полагал, что резня жителей на улицах заставит повиноваться остальное население. И мог вполне оказаться прав.

Затрубили трубы. Войска справа расступились, и через узкую улочку вышли шесть солдат и арестованный.

Хэдон крикнул: «Метсух!», и услышал, как отец эхом повторил имя.

Метсуха, во многом походившего на Хэдона, со связанными сзади руками, с окровавленным лицом и задыхающегося, бросили на мостовую. Гамори жестом приказал трубам и барабанам играть громче. Толпа стихла. Раздался рев Гамори:

— Обмен! Фебха! Обмен! Один изменник взамен другого!

Ее голос прозвучал ясно, но слабо:

— Что такое, Гамори? Кто изменник? Ты единственный изменник, которого я вижу!

— Не я, — проревел Гамори. — Я не веду войну против тебя, жена! Я лишь отстаиваю право Ресу на первенство, на тот порядок вещей, которого следует придерживаться! Но я здесь не для того, чтобы спорить с тобой! Мне нужен этот изменник, Хэдон! Наш император сообщил мне, что его следует арестовать и выслать назад, в Кхокарсу!

— У нас нет законного императора, — заявила Фебха. — Наша императрица, верховная жрица Авинет, объявила Минрута предателем, богохульником и нечестивцем! Потому, Гамори, у тебя нет законного основания для своего требования! В действительности, настаивая на заявлении бунтовщика Минрута, ты объявляешь всем, кто тебя слышит, что ты — мятежник, богохульник и нечестивец. И потому великая Кхо относится к тебе неодобрительно, Гамори! Она сердится на всех, кто тебя поддерживает! Смерть и разрушение станут гостями тех, на кого прогневается Кхо!

— Замолчи, паршивая лживая сука! — взревел Гамори. Его физиономия налилась кровью, но лица стоявших рядом с ним солдат были бледны. — Я здесь не для того, чтобы обсуждать религию или политику, или что-либо еще, кроме обмена изменниками. Мне нужен Хэдон! И если он откажется сдаться мне сам, или ты запретишь выдворить его из храма, то я казню его брата! Сейчас же! На его и твоих глазах! И на глазах богов! Кровь Метсуха будет на руках Хэдона и твоих!

— Ты не имеешь права приказывать верховной жрице Кхо замолчать или унижать ее — а таким образом оскорблять и саму Кхо — не понеся за это возмездия, — проговорила Фебха. Теперь ее голос звучал громче, на какое-то время гнев королевы преодолел ее слабость.

Кумин, стоявший рядом с Хэдоном, застонал. Он молил:

— Великая Кхо, не допусти этого! Я лишился жены лишь два дня назад, а теперь я могу потерять одного из моих двух сыновей!

Метсух стоял на коленях всего в двадцати футах от входа. За ним — два офицера с оголенными мечами. Гамори находился на одной с ними стороне, примерно в десяти футах позади. Ближайшие шеренги копьеносцев располагались примерно в тридцати футах от каждой стороны входа.

Хэдону хотелось бы знать, не было ли это расположение задумано именно так, чтобы он не смог устоять от искушения ринуться и попытаться выручить брата. Возможно.

На какой-то момент установилась тишина. Гамори, все еще с красным лицом, открытым ртом и сжатыми зубами, шагал взад-вперед. Затем он прокричал:

— Ну, что, Хэдон! Я не буду ждать долго!

— Ты, безусловно, не сделаешь ничего подобного, — сказала Фебха Хэдону. — Отдать свою жизнь за жизнь своего брата — это, несомненно, геройский и благородный поступок. Но этот поступок будет в то же время и чрезвычайно глупым, и эгоистичным. Судьба Опара и истинной религии зависят от тебя. Никто, кроме тебя, не сможет сплотить сторонников Кхо. Ты герой, победитель Великих Игр.

— Я все это знаю! — вскричал Хэдон, осмелясь в гневе и горести прервать ее. — Я знаю, что в действительности Гамори и не думает, что я принесу себя в жертву за Метсуха! Какая польза была бы в том, кроме интересов Гамори и Ресу?

Кумин сказал:

— Это жестокость побуждает Гамори действовать так. Он не может нарушить святость убежища, потому он убивает Метсуха, чтобы причинить нам боль! Он надеется, что один их нас не вынесет пытки быть свидетелем смерти Метсуха и потому бросится спасать его!

— Ты не сделаешь этого! — резко бросила Фебха.

Кумин закричал, вырвал Каркен из руки Хэдона и оказался за входом еще до того, как сын мог схватить его. Хэдон направился за ним, но солдат, стоявший возле кресла королевы, просунул свое копье меж его ног, и Хэдон, растянувшись, вывалился за дверь.

Тут же в него полетели копья. Он вкатился обратно. Два копья пролетели над ним — одно столь близко, что древко скользнуло о ребра. Третье ударилось о тротуар как раз перед ним, воткнувшись наконечником в цемент. Хэдон отполз под защиту стены за входом; более копий не бросали.

Тремя секундами позже он подпрыгнул, решив посмотреть, что происходит, даже если бы и пришлось увертываться от метательных снарядов. Он увидел, что у двух офицеров, карауливших лежавшего Метсуха, сильно поранены шеи. Метсух пытался встать. Гамори сам защищался мечом от кровавого орудия Кумина. Хоть у Кумина и была лишь одна рука, он орудовал Каркеном так, будто держал его эфес двумя руками. Затем случилось неизбежное. Копья воткнулись в Кумина с двух сторон и сзади. Он пошатнулся и упал, все еще замахиваясь на Гамори.

Король подошел и опустил меч на шею Кумина. Кровь брызнула фонтаном, заливая ноги Гамори, а он наклонился и, схватив голову за волосы, держал ее, издавая ликующие крики.

Один солдат пронзил копьем Метсуха. Другие, забывая в своей ярости и возбуждении, что они совершают кощунство, бросали свои копья во вход. Несколько едва не попали в Фебху и Хэдона; одно копье угодило жрице в живот. Спустя мгновение опустили решетку, и, закрываясь, хлопнула дверь.

Те, кто наблюдали за происходящим из верхних этажей храма, сообщили позднее, что Гамори унесли сразу же. Копье, похоже, не явилось причиной смертельной раны, если только не была занесена инфекция. Но Гамори еще до того, как удалиться, отдал распоряжение, выполнявшееся безжалостно: очевидцы из числа гражданских лиц были убиты, хотя некоторым и удалось скрыться. В Опаре началась настоящая гражданская война.

Глава 26

Фебха сообщила:

— Я только что пришла из Палаты Луны. У Лалилы вновь начались схватки. Теперь она посвящена в духовный сан жриц, я распорядилась распространять новости о том, что она станет нашей новой королевой, а ты нашим новым королем.

— Как тебе удастся это сделать? — спросил Хэдон. — Ни один из общественных глашатаев не решится выйти на улицу. Их убьют.

— У нас свои методы, — ответила она.— Лалиле придется овладеть ими; ей в самом деле предстоит многое усвоить. Я научу ее чему смогу до того, как умру. Потом Клайхи, Хала и другие займутся ее обучением.

— Еще слишком рано говорить об этом, — произнес Хэдон. — Сначала нам необходимо избавиться от Гамори.

— И это должно быть сделано до того, как закончится ночь, такова воля Кхо, — промолвила она. — Через два часа — полночь. Я принесла петуха в жертву, и мне кажется, что знамения благополучные, хотя кое-что и выглядит двусмысленно. Но ведь так всегда и бывает, не правда ли? Полночь — самое лучшее время для начала. Клайхи будет твоим проводником, ведь твоего отца больше нет.

Хэдон пытался не думать о Кумине и брате. Некогда предаваться печали. Сейчас самое время мыслям о мщении.

Он подошел к окну и выглянул наружу. Ночь была облачной, обычно город в этот час уже погружался в темноту, оставляя лишь свет от факелов караульных. Но теперь от пламени, исходившего от горящих домов свободных граждан на севере и кварталов рабов на юге и некоторых больших зданий в самом городе, ночь казалась светлой. Красные облака отражали пылавшие внизу костры. Тут и там огненные факелы сталкивались, с такого расстояния казалось — это фейерверк. Если верить сообщениям, большинство сражавшихся в эту ночь погибло. Население преимущественно само бежало из города, стараясь избежать участи сделаться предметом раздора между людьми королевы и короля. Однако многие жители присоединились либо к одной стороне,

либо к другой, некоторые занялись грабежом. Районам деревянной застройки суждено было выгореть дотла. Никто и не пытался погасить пламя; вся борьба с огнем велась лишь в пределах городских стен.

Поскольку большинство зданий в городе было сооружено из массивного камня, пожар там удалось локализовать. На улицы вынесли много мебели, из которой возводили баррикады. Однако и они сгорели, как факелы. Во многих зданиях портьеры и мебель собрали в одну кучу, чтобы не дать огню распространиться.

Гамори окружил огромный храм, оставив по сотне солдат у каждого входа. Затем он начал в городе резню, чем привел жителей в состояние паники. Поток беженцев долгое время не давал возможности людям королевы пробиться к храму. На их пути встало непреодолимое препятствие: масса людей, направлявшихся к набережной реки и в расположенные за городом джунгли.

Гамори разместился в своих апартаментах в храме Ресу, и там его лечили. По словам шпионов Фебхи, он не покидал помещения, но руководил операциями через своего генерала Ликапоеса. Согласно сообщению, Гамори оставался на ногах до позднего утра следующего дня. Тем временем Ликапоес дважды штурмовал Дверь Девяти, стараясь пробить ее тяжелыми таранами из бронзы. В то же самое время солдаты пытались забраться в окна второго этажа. На них лили горящее масло, отталкивали и опрокидывали приставные лестницы, лестницы падали, увлекая за собой пронзительно кричавших солдат, взбиравшихся по ним. Таранам не удалось пробить двойной барьер из решетки и двери, а горящее масло, вылившееся из окон сверху, охладило пыл нападавших.

Потом решетка и дверь открылись, и Хэдон вывел наружу отряд своих сторонников. Они вернулись, понеся в результате этой вылазки тяжелые потери. Он сам получил несколько незначительных ран, один раз его чуть не схватили.

Позднее ко входу пробились люди королевы, численность которых составляла около трехсот человек. Хэдон вновь вывел своих людей им на помощь, и пополнение числом в две сотни солдат вступило в храм.

Фебха отправила посыльных в порт с приказом прибыть в Опар по меньшей мере половине войск, что составляло шесть сотен человек.

Но, скорее всего, пройдет несколько дней, прежде чем посыльный сможет добраться туда, даже при условии, что он проведет в пути круглые сутки. А людям, обремененным тяжелым вооружением, понадобится, должно быть, четыре дня, чтобы добраться до Опара, даже при условии напряженной работы веслами. Более того, ясно, что Гамори держит реку под наблюдением, поэтому оставались сомнения, что посыльный доберется до места назначения.

Теперь внутри храма находилось около пятисот солдат. К сожалению, по меньшей мере половину их составляли раненые. Однажды подали приготовленный на кухне в огромных котлах обед, после которого две с половиной сотни солдат слегли с острой болью. В течение часа почти сотня скончалась, корчась в муках. Остальные остались в живых, но ни на что не годились из-за непреодолимой слабости. Спустя полчаса, как заболела первая дюжина, Фебха начала расследование. К тому времени преступники, два главных повара, успели сбежать. Канаты, свисавшие из окон третьего этажа, ясно указывали, каким маршрутом они скрылись.

— Гамори не столь глуп, как я думала, хотя подл даже еще в большей степени, — сказала Фебха. — Что ж, он нанес нам тяжелый удар. Но если тебе повезет сегодня, Гамори со всеми своими притязаниями взовьется погребальным костром.

Хэдон был потрясен:

— Ты собираешься сжечь его?

— Почему бы нет? Он заслужил судьбу предателя и богохульника. Может, прикажешь устроить ему похороны героя и возвести над его могилой обелиск только потому, что некогда он сел на трон и стал моим мужем?

— Как раз эти обязанности он исполнял редко, — пытался шутить Хэдон.

— Если тебе суждено стать хорошим королем, многое придется делать редко.

— Я научусь этому, — пообещал Хэдон.

Он извинился и вышел в свои апартаменты. Абет и Кор спали во внутренней палате под присмотром пожилой жрицы.

Она подняла глаза, когда Хэдон просунул голову в комнату, и улыбнувшись, знаком показала, что с детьми все в порядке. Он прилег на кровать, но совсем не мог уснуть. Прометавшись и проворочавшись некоторое время, Хэдон поднялся и выпил несколько чашек чая, настоянного на гибискусе. Прошло много, очень много времени, прежде чем водяные часы показали, что пора выходить.

За дверью помещений, которые занимала Фебха, его встретила Клайхи.

— Она спит, — сообщила жрица. — Незачем ее будить, мы сами знаем, что нам делать.

Рабыня, принадлежащая Клайхи, принесла большой кувшин с каким-то темным веществом. Хэдон и Клайхи разделись и намазались мазью. Затем оделись, хотя, надо заметить, избытка одежды на них не наблюдалось. На каждом — набедренная повязка, мокасины из шкуры антилопы и ремень, на котором крепилось несколько ножен и металлических крюков. К петле в ремне Хэдона прикреплено любопытное железное приспособление в форме буквы Т.

В это время вошли четверо мужчин, все также намазанные черной мазью. На плечах у каждого бухта каната, в ножны вставлены ножи и топоры с короткими рукоятками. На крючках висели мешки со свинцовыми биконическими снарядами. В петли на ремнях вдеты кожаные пращи.

Хэдон днем уже встречался с этой четверкой. Он тщательно изучал схемы вместе с ними и Клайхи до тех пор, пока все могли уже восстановить их по памяти. Как и другие мужчины, Хэдон произнес клятву: он никогда не выдаст того, что узнал из этих схем. Поклялся он и в том, что не сдастся живым в руки врагов.

Полностью экипированные Хэдон и Клайхи повели остальных вниз мимо караульного за углом и спустились в маленький боковой зал. Пройдя в конец, Клайхи извлекла из мешка внушительный железный ключ и открыла маленькую железную дверь. Внутри комнаты она двигалась на ощупь, пока не наткнулась на вставленные в скобы факелы. При помощи кремня, железа и какого-то фитиля жрица добыла слабый огонь, затем погрузила фитиль в факел, пропитанный маслом. Двое мужчин также зажгли факелы.

Комната, должно быть, использовалась как хранилище. Жрица зашла за сложенные штабелем деревянные ящики, мужчины последовали за ней. Между штабелем и ящиком, стоявшим отдельно напротив каменной стены, имелось пространство. Сама стена состояла из каменных блоков, каждый площадью три квадратных фута. Клайхи открыла крышку ящика, оказалось, что он наполовину заполнен свитками папируса. Жрица велела им убрать их, что они и сделали. На дне оказался свинцовый слиток весом около сорока фунтов. Они приподняли его ото дна на несколько дюймов — бронзовая плита поднялась.

— Свинцовый блок не дает пластине подняться, — сказала Клайхи. — Приподнимите его — и пластина пойдет вверх, а за стеной начнет работать противовес. Быстро! В проем!

Часть стены повернулась наружу, открывая вход. Мужчины тотчас прошли через него внутрь туннеля за входом. Хэдон, в соответствии с приказаниями Клайхи, сдвинул вверх огромный деревянный рычаг внутри проема. Клайхи поставила на место груз, набросала сверху свитки папируса, закрыла крышку ящика и прошла в отверстие. Хэдон отпустил рычаг, и камень стал вращаться в обратном направлении.

— Только у королевы есть ключ от хранилища, — сообщила Клайхи. — Только она и две жрицы знают секрет этой комнаты. Теперь и вы, мужчины, в курсе, но из-за того лишь, что ситуация сложилась экстремальная. Кхо проклянет вас, если вы откроете тайну этой комнаты. Если мы сможем использовать ее для победы над нашими врагами, то и они смогут воспользоваться ею против нас.

Ширина туннеля составляла примерно десять футов, а высота — восемь футов. Туннель хорошо вентилировался, хотя непонятно, откуда идет воздух. При свете факела было видно, что в конце туннель изгибался. Клайхи шла первой и повернула налево. Ее спутникам нет нужды знать, куда ведет правый проход, потому она им этого и не сказала. Левый коридор был ниже и уже. Он тянулся приблизительно на сто ярдов, часто загибался, пролегая, по-видимому, между стенами комнат и коридоров. Изредка в стенах попадались ниши, в некоторых — черепа.

— Считается, что это — черепа рабов, которые строили эти тайные ходы, — сказала Клайхи. — Но я сомневаюсь, ведь им, должно быть, около семи столетий, они наверняка сгнили бы за это время. Стены толстые, но сырые. Думаю, это останки врагов верховных жриц нескольких последних поколений. Но если это так, то где же тогда скелеты?

Те, кто мог ответить на этот вопрос, мертвы.

Погрузившись в собственные мысли о черепах, Хэдон шел след в след за Клайхи. Нечаянно он налетел на нее; от неожиданности у жрицы перехватило дыхание, затем она принялась ругаться на него.

— Ты, неуклюжий! Смотри, куда идешь! Ты чуть не столкнул меня вниз!

Клайхи указала на открытый колодец прямо у ее ног.

Хэдон не ответил. Она была права. Ему следовало быть повнимательнее. Если он не забудет на время обо всем, кроме того, что предстоит сделать, скорее всего, ему никогда уже не предоставится случая вспоминать о чем-либо.

Луч факела наткнулся на воду далеко внизу. Он высветил также и бронзовую лестницу, прикрепленную к камню. Клайхи спустилась через край и быстро пошла вниз. Человек по имени Вемкардо держал ее факел так, что она могла видеть все расстояние до дна. Добравшись до него, жрица обошла лестницу и исчезла в проеме. Вемкардо спустил ей факел, привязав его к концу каната, потом спустился сам. Через несколько минут все шестеро уже оказались внутри другого туннеля. Тот туннель круто забирал влево, четверть мили им пришлось идти по тропе, извивавшейся, как змея. Добравшись до места, которое, казалось, было концом туннеля, жрица толкнула одну сторону стены, расположенную близко от угла. Стена с трудом поддалась, потребовался вес Хэдона, чтобы подвинуть ее. Бронзовые оси громко скрипнули, а Клайхи выругалась.

Поток холодного сырого воздуха неожиданно пронзил всех. Жрица и ее спутники прошли вперед через отверстие и оказались на глыбе гранита изогнутой формы; на ней покоилась лодка, размер которой как раз годился для размещения, правда, без особых удобств, шестерых взрослых. Хотя лодка и была невелика, она занимала все пространство на выступе.

Река, темная и грязная, плескалась несколькими дюймами ниже поверхности камня. Хэдон повернул свой факел, чтобы лучше видеть. Другой берег находился на расстоянии не менее трехсот футов. Потолок и стены образовывали арку, мерцавшую в лучах света; в граните поблескивали вкрапления кварца. Самая высокая часть потолка находилась примерно в тридцати футах над уровнем воды, хотя высота его, должно быть, менялась по мере движения вдоль реки.

Вемкардо произнес:

— Я слышал об этой реке, которая протекает глубоко под городом. Говорят, что на дне ее в густой грязи обитает Холодная Змея и когда...

— Замолчи, дурак, — потребовала Клайхи. — Ты запугаешь всех до смерти!

Вемкардо больше не сказал ни слова, но уже сказанное пробудило в умах остальных разные мысли. Хэдон задумался о сказках, которые он слышал, будучи ребенком, и от которых по спине пробегали мурашки, о вызывающих ужас рассказах о демонах, живущих на скале, о таких созданиях, как полугорилла-получервь, которые, как считалось, обитали в этих туннелях. Рассказывали, что рабы, рывшие золото на этих глубинах, часто исчезали совершенно необъяснимо. Или напарники видели, как их несчастных товарищей утаскивали существа, темные и бесформенные... Хорошо бы не думать о подобных монстрах, но как можно избавиться от этих мыслей?

Мужчины спустили лодку на воду, затем разместились сами, чуть не перевернув судно. Они повели ее вниз по течению, гребя веслами с короткими ручками. В скобы на носу и корме вставили по факелу; третий затушили. В мерцающем свете различались высеченные в стенах ниши, в каждой из них хранился череп. При свете факела также стало видно, как то тут, то там при погружении весла вода неожиданно закипала. Хэдон, понизив голос, спросил Клайхи, отчего это происходит.

— Это маленькие рыбки, которыми кишат здешние воды, — объяснила жрица. — Они слепые и бесцветные, их длина всего лишь четыре дюйма. Но у рыбок большая голова и острые зубы, и водятся они в огромном количестве. Потому упасть в реку нежелательно. Раздерут на куски за какие-то десять минут.

— Почему ты не сказала нам об этом раньше? — спросил Хэдон сердито.

— У вас и так достаточно поводов для беспокойства.

Хэдон поднял весло и подержал его немного на свету. Деревянная лопасть оказалась во многих местах покрытаямками.

— Если здесь так много рыбок, где они берут достаточное количество корма в этих стерильных условиях? — спросил он. — Есть ли здесь другие виды рыб? Чем они питаются?

— Здесь водятся и другие рыбы, — проговорила Клайхи, — хотя и в небольшом количестве. Их недостаточно, чтобы прокормить полчища этих маленьких рыб-чудовищ.

— Тогда чем же они все-таки питаются?

— Полагаю, что знаю, — сказала Клайхи. — Хотя, наверное, для моего спокойствия лучше этого не знать.

Хэдон пожалел, что был столь любопытен.

После того как прошли два каменных порога, которые, предположительно, открывались также при помощи вращающихся частей стены, Клайхи велела направиться к третьему. Лодка благополучно добралась до крошечного пирса, жрица и Хэдон толчком открыли блок в стене. Стена так же, как и предыдущая, разверзлась с громким скрипом. Лодку пришлось оставить на пороге: в отверстие она не проходила. Хэдон был не доволен. Что если люди короля патрулируют эту территорию — по словам жрицы, так иногда случалось — и заметят лодку? Они могут забрать ее с собой, тогда Хэдон со своей группой окажется в весьма затруднительном положении.

— Они заглядывают сюда не слишком часто, — сказала Клайхи. — А поскольку Гамори нужны все люди, которых он только может заполучить, для участия в сражении, сомневаюсь, что у него есть резерв для этого района. Более того, люди короля ничего не знают о тайных проходах. Они могут подозревать об их существовании, но не знают их местонахождения.

— Не задумаются ли они, особенно если найдут лодку как раз напротив стены?

— Полагаю, вполне могут. Время от времени лодка исчезает, и мы считаем, что это патруль нашел ее и прихватил

с собой, хотя ее исчезновение можно объяснить и подъемом воды в реке. Какова бы ни была причина исчезновения лодки, люди короля, кажется, никогда не делали попыток толкать части стен. Возможно, они считали, что лодками пользуются живущие на скале или демоны, или какие-нибудь другие создания, даже еще более неприятные. Я не думаю, что патрульным нравится задерживаться здесь.

— Надо позаботиться еще об одном, — пробормотал Вемкардо.

Хэдон, в свою очередь, не был спокоен относительно самого Вемкардо, но Фебха его уверила, что это ветеран, заслуживающий доверия. Вемкардо мог ворчать и производить впечатление испытывающего тревогу человека, но, когда наступит время действовать, он будет вести себя весьма активно.

Они прошествовали вниз, в узкий туннель, такой низкий, что Хэдону пришлось немного пригнуться. Затем неожиданно потолок стал весьма высоким. Пройдя триста футов, Клайхи внезапно остановилась. Хэдон предполагал, что она толкнет часть стены в конце прохода, но она держала факел высоко. Взглянув наверх, Хэдон увидел квадратное отверстие, расположенное примерно на три фута от другой стороны потолка. Клайхи передала ему свой факел, сняла с плеча канат и развернула его. К концу каната был прикреплен железный захват с тремя зубьями. Три раза она бросала его в отверстие, наконец, попала. Подергав и убедившись в надежности зацепления, она уперлась ногами в стену и стала подниматься к потолку.

При свете факела Хэдон увидел, что канат зацепился за ступеньку бронзовой приставной лестницы, установленной в камне. Теперь Клайхи взбиралась по ней вверх.

Он последовал за Клайхи, держа факел в руке. За пять минут все поднялись по ступенькам за жрицей. Наверху они пошли по туннелю, столь узкому, что передвигались гуськом, и столь низкому, что приходилось пригибаться едва ли не до пола или вовсе пробираться ползком. Дойдя до конца туннеля, они спустились по другой бронзовой лестнице не менее, чем на пятьдесят футов вниз, затем пошли туннелем, который проходил прямо под рекой.

Клайхи остановилась после поворота. Она указала на знак, высеченный в скале, направо от нее, на высоте примерно пять

футов от пола. Знак был очень простой: одна вертикальная линия, пересеченная возле вершины двумя горизонтальными.

— Это предупреждение о ловушке, — сказала она, хотя все они были проинструктированы Фебхой относительно использования тайных знаков.

Клайхи подошла к продолговатому камню, установленному в полу как раз за знаком. Преодолеть его не составляло труда; нужно лишь сделать прыжок на пять футов из положения стоя. Перескочив через камень, она прошла вниз, чтобы освободить пространство для маневра спутников. Мужчины также перепрыгнули, стараясь приземлиться за расщелиной на расстоянии не меньше фута.

— Последний раз я оказалась здесь шесть лет назад, и с тех пор тут не было никого — сказала Клайхи. — Я открыла дверь ловушки, согласно распоряжению моей руководительницы, — она уже мертва, — чтобы проверить ее. Внизу, на дне, находилось два скелета. Как утверждала моя начальница, прежде их там не было. Вы видите, что камень не начинает двигаться сразу. Проходит какое-то время, за которое несколько человек могут встать на камень, после чего он начинает падать. Должно быть, по крайней мере два человека из солдат короля обнаружили этот проход. О том свидетельствует их вооружение. Но они провалились, и если с ними был кто-то еще, они не решились исследовать тунель дальше.

— А что мешает королю тоже установить ловушки? — задал вопрос Вемкардо.

— Ничто не мешает, — в голосе жрицы не ощущалось особой радости.

Вемкардо заворчал. Клайхи свернула и вела их примерно пятьдесят ярдов по прямой. Она вновь бросила захват, и немного погодя они шли уже вдоль другого горизонтального коридора.

Однажды жрица остановилась, чтобы показать еще один вырезанный знак: горизонтальную линию под кругом. В футе от него располагался высеченный в скале тайник. Его размер был достаточен, чтобы туда могла влезть большая мужская рука. Клайхи просунула в него пальцы, крепко сжимая выступающий край.

— Надавите сильно на этот камень, и блоки потолка на сотню футов по этому пути, — она показала вперед, — упадут. Не забывайте об этом.

— Это устройство когда-либо опробовали? — спросил Вемкардо.

— Пожалуй, нет, — сказала жрица. — По крайней мере, насколько мне известно. Оно было создано, одна лишь Кхо ведает, сколько лет — возможно, веков — тому назад.

— Тогда, вероятно, оно не действует, — сказал Вемкардо.

— Надеюсь, вам не понадобится использовать его, — произнесла она. — А если придется — оно сработает. В этом комплексе около двух дюжин подобных устройств. Если вас станут преследовать, будьте внимательны, не пропустите этот знак. Где-то рядом должно быть устройство захвата тайника.

— Какая удача, что у меня нет факела,— сказал Вемкардо.

— Перестань кликать беду, — отозвался один из мужчин.

— Помолчите, — распорядился Хэдон. — Мы уже близко от шахты, ведущей на крышу храма, не так ли?

— Да, — подтвердила Клайхи.

Спустя минуту они подошли к еще одному ложному концу туннеля. Клайхи повернула устройство вокруг его оси. Группа вошла в расширение туннеля; в полу на расстоянии примерно шести футов по ходу вперед зияло отверстие. Над ним — шахта, ведущая вверх, и там — бронзовая лестница. Наклонившись над отверстием, Хэдон обнаружил, что ствол шел вниз примерно на тридцать футов.

— Подземная река, — пояснила Клайхи. — Люди короля прорыли эту шахту, старого короля Мадимета, прапрапрадеда Гамори. Он хотел иметь путь к реке при необходимости бегства на случай мятежа или вторжения. Король ничего не сказал об этом своей жене, но она, конечно же, обнаружила ход сама и распорядилась проделать потайные шахты и туннели. Таким образом, представители Кхо долгое время владели секретным проходом в Храм Ресу, хотя до сих пор им и не пользовались. Первоначальная бронзовая лестница также была установлена Мадиметом. Около пятидесяти лет назад в результате землетрясения часть ее обрушилась в реку, после этого установили новую.

— Надеюсь, что люди, строившие все, были умелыми мастерами, — прошептал Вемкардо.

— Нам предстоит узнать это, — бросил Хэдон. Он наклонился над отверстием и взялся за перекладину двумя руками, одновременно упершись ногой в стену, а затем вновь на ступеньку. Казалось, что от бронзы мало проку, но, возможно, это было лишь его впечатление. Он взбирался наверх до тех пор, пока не оказалось достаточно пространства для следующего прыгуна. Клайхи ухватилась за кольцо, но ноги ее соскользнули, и она на какое-то время повисла, ругаясь; вне всякого сомнения, ее прошиб пот, пока она не нашла точку опоры для ног.

Хэдону сбросили факел, он привязал канат к нему и осторожно поднял факел, чтобы с него не капало на тех, кто внизу. Когда он добрался до знака — как много десятилетий или веков назад высеченного здесь? — он остановился. Хэдон привязал факел на две ступеньки выше головы.

Замыкавший подъем мужчина привязал второй факел к лестнице на уровне туннеля. Теперь у них был свет сверху и снизу, а руки свободны. Высоко вверху бледным овалом виднелась вершина шахты. Внутрь проникал отражающийся в облаках свет от пожара.

Знак представлял собой перевернутую стрелу на горизонтальной линии, символ слоговой азбуки, означающий, помимо прочего, солнце, солнце-божество и орла. В данном случае он обозначал вход в апартаменты главного наместника Пламенеющего Бога, Ресу.

По словам Фебхи, стена здесь очень тонкая. В действительности же она оказалась каменной плитой, оболочкой. Она должна действовать, подобно подъемному мосту: верхняя часть описывала дугу внутрь по направлению к полу. Первоначально плитой можно было управлять только с внутренней стороны апартаментов. Безусловно, Мадимет не желал, чтобы кто-то мог проникнуть внутрь со стороны шахты. Однако добраться сюда можно было со стороны крыши, именно потому наверху шахты постоянно находилась дюжина гвардейцев.

Мадимет, конечно же, не принял в расчет молчаливое и терпеливое коварство верховных жриц, которые предполагали,

что когда-либо может произойти проба сил между Ресу и Кхо. По приказанию жриц, в твердых гранитных породах прорубали и рыли проходы, на создание которых ушло, вероятно, пятьдесят или более лет, и наконец, они добилась желаемого.

На последнем этапе предстояло просверлить отверстие в стене вблизи плиты, что обеспечило бы доступ к механизму опускания секции стены. Теперь Хэдон вынул длинный причудливой формы железный инструмент, изготовленный много веков назад. Все это время приспособление дожидалось своего часа. Теперешний случай был единственным. Более им пользоваться не будут.

Хэдон вставил выпуклый конец железного устройства в отверстие, а затем протолкнул его на две трети стержня. Конец, выполненный в виде колпачка, плавно проскользил вокруг девятистороннего конца коленчатого рычага. Затем, убедившись в том, что опасаться нечего, он повернул Т-образную рукоятку. Хэдон описал ею девять полных оборотов, лицо его всякий раз перекашивалось, когда из отверстия исходил громкий скрип.

Сверху раздался чей-то вопль. Хэдон так испугался, что чуть не сорвался со ступеньки. Он резко задрал голову, чтобы посмотреть наверх. Слабый отсвет облаков теперь сменился ярким светом факела. Затем вниз, по направлению к ним, стремительно полетел кусок факела.

По счастливой случайности горящий факел пролетел вблизи, не задев никого. Если бы целились в Хэдона, ему пришлось бы подвинуться и позволить факелу упасть вниз (чего он, конечно же, не мог сделать), или принять удар на себя.

Клайхи закричала, выражая протест и угрозы. Вемкардо выругался, добавив: «Так я и знал! Так я и знал!» Остальные выразили свой ужас в присущей каждому манере, но Хэдон не различал слов. И того, что случилось, он также не мог понять. Как их смогли обнаружить? Ведь те, кто стоял на страже, не могли видеть света факелов. Шахта заканчивалась далеко вверху, от больших пожаров и отсветов от облаков должно было слепить глаза.

Возможно, кто-то задолго до этого заметил приближение людей королевы к механизму открытия стены и, вместо того чтобы снять его, поставил туда сигнальное устройство. Таким

образом, Хэдон, поворачивая коленчатый рычаг, тем самым привел в действие механизм оповещения людей короля.

Что бы ни явилось причиной приведения в состояние боевой готовности охранников, пробираться во внутренние покои было слишком поздно. Увы, но возможности попасть туда на деле не оказалось. Секция стены не поддавалась, как ей полагалось, и не начинала двигаться вниз.

На деле, и здесь Хэдон почувствовал нечто большее, чем просто тревога, — верх стены двигался наружу!

У Хэдона лишь хватило времени отметить, что идея его была правильна: механизм обнаружили давно. Стена теперь была установлена таким образом, что открывалась наружу, в шахту. А тот, кто цеплялся за лестницу, должен был повиснуть на ней вверх тормашками, если только не сможет тотчас же перебраться на ступеньки ниже.

Хэдон крикнул Клайхи, чтобы она спускалась, но та уже начала двигаться вниз за теми, кто по счастливой случайности не умер от страха. Ее руки держались за ступеньку как раз у основания секции стены, когда та стала выпадать наружу, ее верхняя часть при этом должна была остановиться, ударившись о противоположную сторону шахты.

Наконец, секция стала действовать как прикрытие, подумал Хэдон, задыхавшийся от бешенства. Она будет препятствовать охранникам на крыше шахты и внутри апартаментов сбрасывать что-либо на них. Проклятые недоумки из апартаментов не смогут теперь преследовать их. Что же ,они не осознали, что их собственная ловушка не позволит им выбраться в шахту?

Да, конечно, они учли и это. Не такими уж дураками они были. Секция стены продолжала опускаться, издавая резкий скрип и ложась в одной плоскости с лестницей как раз напротив Хэдона.

Глава 27

Хэдон не сомневался, что стена не минует его. Пришлось предпринять единственно возможное действие: он отпустил

перекладину и прыгнул назад; падая вниз шахты, он старался максимально долго сохранять вертикальное положение. Люди, находившиеся выше, пронзительно закричали, когда секция стены ударила по ним. Глаза Хэдона застил туман, внутри все застыло. Его даже не интересовало ни то, что случилось с Клайхи, ни то, почему она молчала.

Затем Хэдон оказался вне области, куда распространялся свет от факела, закрепленного на нижней перекладине. Его окружала темнота, он падал и падал, все еще сохраняя вертикальное положение. Возможно, глубина воды в шахте окажется достаточной, чтобы он остался в живых; а для этого ему необходимо войти в воду ногами.

Затем Хэдон оказался за пределами шахты — его охватил холод, и — самое удивительное — пространство вокруг него неожиданно расширилось — и он упал в реку.

Сила удара была такова, что Хэдона слегка оглушило, хотя он вошел в воду аккуратно и площадь соприкосновения с поверхностью воды была минимальной. Он стал опускаться все ниже и ниже, затем погружение замедлилось. Неожиданно пальцами ног он коснулся холодного ила. Колени согнулись, и на несколько секунд он припал ко дну, словно божок реки, так часто описываемый, но редко попадающийся на глаза монстр. Хэдон тоже сидел на корточках на дне реки и смотрел вверх, будто божок, подкарауливающий жертву, обычно молодую девушку, огромный и бесформенный, медленно дыша водой, поджидая столь терпеливо, как могут быть терпеливы только живущие вечно.

С такими мыслями Хэдон поднялся на поверхность. Течением его отнесло от шахты, или, по крайней мере, он так полагал. Он не мог ничего видеть и чувствовал лишь холод воды, он оцепенел от ужаса. Теперь Хэдон уже не думал о божке реки, мысли были заняты маленькими слепыми рыбками с большими головами и зубами. Он предчувствовал, что в любой момент в него может что-то вонзиться и оторвать кусочек его тела, затем сотни челюстей устремятся к нему, затем... Его взметнувшаяся рука ударилась обо что-то мягкое — он едва не закричал.

Хэдон, хоть и бросился прочь от этого, все же вернулся обратно и провел руками по нему. Это оказался труп мужчины.

С оторванной головой. На его плечах сохранился канат, уложенный витком. Один из его людей.

Было тихо, слышались лишь плеск воды о стены и какое-то бульканье, раздававшееся то тут, то там. Хэдон поплыл вправо и через минуту почувствовал под ногами холодный камень. Затем он поплыл по-собачьи, надеясь натолкнуться на какой-нибудь выступ, ведущий в проход. Ничего, кроме довольно гладкого камня. На самом деле он не слишком надеялся найти выступ: количество проходов, по всей видимости, ограничено по числу и имело четкие границы по территории их расположения. Насколько ему известно, он находился за пределами этой территории. Немного погодя он окажется и за пределами расположенного выше города, гонимый в сторону, известную лишь Кхо, божествам и демонам подземелья. Вскоре он устанет плыть, и, видимо, ему предстоит утонуть. Или потолок начнет опускаться все ниже и ниже до тех пор, пока не уйдет под поверхность воды, увлекая и его за собой. Или слепые маленькие рыбки...

Крик раздался столь неожиданно, столь близко и был наполнен таким невероятным ужасом, что сердце его чуть не остановилось. Он понял, тем не менее, что вопль этот мог принадлежать лишь Клайхи.

— Помогите! Помогите! О Кхо, помоги мне! Они съедят меня заживо!

Хэдон поплыл стоя, поворачиваясь и напрягая слух, пытаясь определить в каком направлении она находится.

Он закричал:

— Клайхи! Это я, Хэдон! Где ты?

Вопли и его крик отскакивали от стен туннеля и многократно отражались. Он не мог сказать, где она находится, хотя и предполагал, что она слева.

— О Кхо! — кричала Клайхи. — Помоги мне! Меня разрывают на части!

Хэдон поплыл на ее голос. На мгновение она перестала кричать. Он услышал, как что-то мечется, и поплыл туда, где, теперь, он был уверен, а раньше знал приблизительно, находилась она. Затем что-то коснулось его правой ноги. Секундой позже несколько неведомых созданий вонзились в икру его ноги, устремляясь вниз к кончикам пальцев, к ахиллову

сухожилию. Вначале боль не чувствовалась, только онемение. Затем, словно огнем обожгло сразу в дюжине мест.

Его левая рука ударилась о мягкое тело. Клайхи закричала прямо в ухо. Правая рука Хэдона ударилась о стену, скользнула по ней, остановилась напротив уступа в камне, толщиной дюймов пять. Пальцами он ухватился за него; пальцы другой руки цепко держали Клайхи за плечо. В агонии она вырывалась от него, но он крепко зажал в руках ее длинные волосы.

Прикрикнув на Клайхи, чтобы она перестала бороться с ним, он подтащил жрицу ближе к себе. Она ударила его в лицо; ногтями разодрала ему глаза и нос. Теперь и его левая нога подверглась атаке. Боль пронзила ее. Затем Хэдон ощутил еще более сильную боль в ягодицах, рыбы накинулись и стали дергать набедренную повязку.

Именно это последнее нападение придало Хэдону нечеловеческую силу. Он грудью вылез на выступ, цепляясь одной рукой, опасаясь, что другая не удержит Клайхи. В то время, как верхняя часть туловища уже была на камне, ноги и паховая область все еще подвергались нападению. Хэдон вытащил Клайхи на край выступа. Почти машинально он ударил ее в плечо, потом, наклонившись, — в челюсть. Она вся сжалась и более не кричала.

Хэдон подтянулся на камень, что-то невнятно бормоча, обезумев от отвращения и страха и сбивая рыб с ног краями ладоней. Зубы маленьких чудовищ неохотно разжимались, унося с собой кусочки плоти. Затем Хэдон потащил Клайхи дальше вдоль порога и повторил над ней процесс «очищения». Некоторые из этих извивающихся грязных существ сбивались легко; другие вцепились, словно клещами, ему приходилось захватывать их за голову и отрывать, отчего Клайхи вскрикивала. И хотя он не мог видеть крови, он ее чувствовал.

Затем он на ощупь прошел по выступу, надеясь где-нибудь обнаружить на нем лодку. Лодки не было, поэтому он стал ощупывать стену и пальцем обнаружил легкую линию раздела, толкнул одну сторону секции. Она медленно и со скрипом повернулась, что потребовало от него больших усилий: очевидно, этой секцией давно не пользовались, очень давно.

Внутри воздух был затхлый и тяжелый, но на удивление сухой, но он быстро сменился более холодным и сырым воздухом с реки. Хэдон ощупал стену слева, то поднимая, то опуская руку. Обнаружив большой тайник, он остановился. Его пальцы наткнулись на несколько факелов — довольно сухих — несколько кремней, цепи и ящик. В последнем обнаружилось некоторое количество также на удивление сухого дерева. Через несколько минут он зажег факел; никогда в жизни Хэдон так не радовался свету.

Его ноги и ягодицы кровоточили, но, к счастью, раны оказались неглубокие. Тем не менее достаточно болезненные.

Хэдон вернулся на выступ и остановился, объятый ужасом. Тело Клайхи представляло собой кровавое месиво. Отовсюду торчали куски ее плоти, невероятно, как она могла оставаться живой, потеряв так много крови.

Он поднял ее и отнес в туннель. Уложив ее на пол, Хэдон увидел, что она лишилась нескольких пальцев ног, соска, на руках пальцы были объедены до костей. Она застонала и посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Мне больно, Хэдон!

— Я знаю, Клайхи, — ответил он. — Но ты жива. Ты будешь жить.

Он снял свою и ее набедренные повязки, отжал их и перевязал ими самые страшные раны. Но кровь продолжала течь.

— О, великая Кхо, как мне больно! — вымолвила она. Затем, взглянув на свое истерзанное тело, она простонала:

— Зачем мне жить? На кого я похожа? Кто захочет теперь лечь со мной?

— Жить стоит не только ради любовников, — ответил он. — И кроме того, раны заживут.

— Ты лжец, — проговорила совсем слабым голосом. — Хэдон...

Он нагнулся к ней и приложил ухо к ее губам.

— Позаботься о Коре. Скажи ему...

— Да?

— Мне больно, только...

— О чем ты?

— Теперь я не чувствую боли. Становится темно...

Она пробормотала что-то и, вздохнув, скончалась.

Хэдон тихо произнес соответствующие ритуалу слова и сделал необходимые отметки. Он пообещал Кхо и Сисискен принести в жертву первоклассного быка и петуха во имя Клайхи. Также он дал обещание ее душе, что ее будут чтить как героиню Опара. Он возведет остроконечный монолит над ее телом после того, как ее похоронят с соответствующими почестями, и проследит за тем, чтобы на одной из золотых табличек в храме Кхо было выгравировано ее имя и перечислены ее деяния. Табличка должна располагаться рядом с его собственной.

В этот момент Хэдон заметил едва различимый свет, идущий снизу реки. Он встал, это причинило ему боль, почти подсознательно он отметил, что большинство ран перестало кровоточить; только из нескольких кровь все еще сочилась. Он воткнул факел в тайник, чтобы его свет не был виден из входа в туннель. Затем он стал толкать секцию стены до тех пор, пока между стеной и стороной секции не остался зазор шириной в дюйм. Смотря в эту щель, он оглядел реку. Тут в поле его зрения попал баркас.

В нем сидело около тридцати человек. При свете четырех факелов, два из которых располагались на носу, два на корме, виднелись бронзовые шлемы и латы сидящих на веслах солдат и двух офицеров. Копья, как полагал Хэдон, лежали на палубе.

Он закрыл секцию и вынул факел. Потом взял кинжал Клайхи и заткнул его за пояс. Теперь он действовал целиком на свое усмотрение, и его единственным намерением было ускользнуть от преследователей. Его миссия провалилась, солдаты короля охотятся за ним. Ищут не конкретно его — они, по всей видимости, не знают личности вторгавшихся; также не знали они и того, выжил ли кто-нибудь после падения, но поисковые команды рыскали в поисках неведомых налетчиков. Скоро люди в баркасе заметят кровь на выступе и прекратят расследование. Они толкнут секцию стены и очень скоро пойдут по его следу.

Хэдон уже узнал немало и потому понимал, что преследователи пойдут по туннелю впереди него. У них окажется преимущество, предположительно, хотя бы некоторые из них знают эти проходы или по крайней мере имеют схемы.

У него же нет ни малейшего представления о том, куда ведет любой из проходов.

Хэдон одолел несколько сот футов, пока не подошел к месту, где, по всей видимости, был конец прохода. Медленно освещая факелом стены, чтобы проверить, нет ли там опознавательных знаков, он толчком отодвинул секцию. Открылось круглое помещение, которое являлось дном вертикальной шахты. Бронзовые перекладины, вделанные в камень, позволили ему вскарабкаться вверх примерно на пятьдесят футов. Конец шахты упирался в центр горизонтального тунеля. Хэдон колебался, не зная, какого направления придерживаться. Вдруг он услышал шум позади. Хэдон посмотрел вниз шахты и увидел людей. Десять человек поднимались по ступенькам, а остальные собрались в круглом помещении. Поднимавшиеся продвигались медленно: впередиидущий в одной руке держал факел, и ему приходилось цепляться за перекладину правым запястьем вместо того, чтобы ухватиться за нее как следует.

Хэдон подумал, что, пожалуй, следует максимально снизить скорость этого отряда. Хэдон направился вниз по тунелю вправо, пока не добрался до поворота. Он установил факел на своей стороне и вернулся, ориентируясь по свету факелов из шахты. Лежа у края шахты, он ждал. В какой-то момент свет стал ярким, и Хэдон почувствовал сильный смолистый запах. Появился первый мужчина.

Хэдон резко вырвал факел из его рук и помахал им за его спиной; потом, схватив несчастного за горло, он всадил ему кинжал через глаз прямо в мозг. Мужчина больше не кричал.

Хэдон бросил кинжал и, обхватив шею жертвы, втащил тело через край в туннель. Люди внизу кричали. Они не знали, что происходит, но вопли лидера насторожили их. Хэдон отстегнул с трупа ремень с мечом и приладил его к себе на пояс. Потом снял с него защитные доспехи и, перегнувшись через край, швырнул в ближнего к себе солдата бронзовые латы. Тот, издав сдавленный крик, упал со ступенек, свергнувшись в толпу людей внизу.

Шлем достался следующему вояке, он также упал, «угостив» своим солидным телом коллег внизу. Теперь Хэдон поднял труп обеими руками над головой, это усилие привело

к тому, что некоторые из ран начали вновь кровоточить. Он швырнул тело вниз. Оно рухнуло на первого человека и сбросило его, оба упали на солдата, находившегося ниже; трое упали, сбив еще четверых вниз — все с грохотом полетели в кучу мертвых и покалеченных тел на дне.

На ступеньках все ещё оставалось двое солдат. Несмотря на стонущий клубок тел на дне, из туннеля в шахту еще выходили солдаты. Хэдон насчитал восьмерых. Итак, он вывел из строя пару десятков вояк. Не так плохо для одного, подумал он.

Оставшиеся в живых или слишком глупы, или слишком храбры, а может, и то и другое вместе. Они поднимались по ступенькам, не обращая никакого внимания на призывы о помощи, исходившие из груды окровавленных тел внизу. Да они просто тупицы, подумал Хэдон. Если он останется стоять на том же месте, а нужно быть сумасшедшим, чтобы покинуть его, положение их сделается почти безнадежным. Если только они окажутся на одном с ним уровне, они тут же получат над ним неоспоримое превосходство.

Хэдон ждал у края. Немного погодя он услыхал тяжелое дыхание. Затем Хэдон сел, но когда стал медленно появляться бронзовый шлем — человек был осторожен — он опустил на него лезвие меча.

Перегнувшись через край, Хэдон с силой швырнул шлем убитого в очередную жертву. Тот рухнул вниз, сметая еще троих

Осталось тоже трое.

Эти вдруг совершенно неожиданно поумнели и ретировались. Тем не менее Хэдону не хотелось, чтобы у кого-то оставалась возможность преследовать его. Он швырнул меч острием вниз и угодил в шлем находившегося сверху солдата. Сцена повторилась. Тот с криками стал падать на товарища, и оба устремились в кучу тел на дне шахты. Единственный оставшийся в живых в панике стал так быстро спускаться, что не смог удержаться и упал с высоты двадцать пять футов. Хэдон решил, что он разбился насмерть, но солдат поднялся и стал карабкаться через клубок тел.

Хэдон метнул в него кинжал, но на сей раз промахнулся. Солдат скрылся в проеме и, хоть Хэдон и прождал минут пять, больше не показывался.

Не спуститься ли ему назад по лестнице, чтобы добить последнего, размышлял Хэдон. Но зачем? Беглец оказался в западне, сам он не сможет управиться с тяжелым баркасом. А вернуться в шахту не осмелится еще весьма долго. Да еще он пожелает сначала убедиться, что Хэдон покинул свой плацдарм.

Это как нельзя лучше совпадало с планами Хэдона. Он уходил, унося факел, меч и кинжал в ножнах. Теперь не оставалось сомнений относительно того, каким туннелем воспользоваться. Снизу того туннеля, что вел направо, показался слабый свет, послышался неясный гул голосов. А затем раздался звук, от которого кровь стыла в жилах: оглушительный лай! Собаки!

Глава 28

Хэдон передвигался, должно быть, долгие часы, где пешком, где переходя на бег. Он то спускался, то поднимался, то шел по прямой, его мучила жажда, одолевали сомнения. Один раз он набрел на еще один уступ реки, где жадно напился воды. Лодки там не было, и ему пришлось вновь направить свои стопы дальше, пока он не обнаружил другой берег и спустился к нему. Неоднократно Хэдон слышал лай собак и крики солдат, но всякий раз ему удавалось скрыться. Наконец он удалился от них на большое расстояние. Охотничьи собаки, хоть и чуяли его запах, не могли карабкаться по шахтам. Их приходилось опускать и поднимать при помощи канатов, поэтому преследователи тратили много времени.

Конечно же, его в конце концов могут схватить, если только он не найдет выхода из этого трехмерного лабиринта.

Хэдон спустился вниз по шахте глубиной около тридцати футов, которая упиралась в потолок туннеля. Он спрыгнул с нижней перекладины на каменный пол. В пяти футах отсюда находился, по-видимому, обманный тупик — стена из гранитных плит шириной десять дюймов и высотой шесть дюймов, уложенных в бетон. Он попытался толкнуть оба конца, но плита не поддавалась. Или бронзовый механизм поворота не сработал, или это и в самом деле тупик.

Пройдя десять футов в другую сторону, Хэдон обнаружил шахту. Он подошел к ней и взглянул вниз. При свете его факела внизу замерцала вода — то ли реки, то ли колодца. Сверху в шахту проникал слабый красноватый свет — открытый воздух. Отблески грандиозных пожаров, свирепствующих в городе, отражались в облаках и бликами освещали шахту сквозь тусклый рыжеватый овал отверстия.

Но нигде по сторонам шахты не было ступенек. И стены шли вверх, слегка сужаясь.

В другую сторону от колодца туннель тянулся на пятнадцать футов. Хэдон никак не мог уяснить, почему тут нет мостика. То ли строители, рывшие этот проход, полагали, что путник должен перепрыгнуть расщелину? То ли здесь когда-то был деревянный мост, который уже успел сгнить? То ли для колодца предполагалась лебедка?

Он не знал, какова была ситуация. И не знал, какова она теперь.

Хэдон услышал приближающийся лай собак и вернулся к шахте, по которой пришел. Пламя факела ярким светом осветило головы собак, снизу на него воззрились лица нескольких солдат. Их крики потонули в неистовом лае, хотя открытые рты с совершенной очевидностью свидетельствовали о том, что солдаты сообщают кому-то о его местонахождении.

Хэдон постарался как можно скорее исчезнуть из виду. Держа факел, он отошел к стене, выложенной камнем. Там он быстро разбежался и добравшись до края колодца, прыгнул.

Он приземлился на другой стороне достаточно удачно, с запасом в несколько дюймов. Для него не составило труда прыгнуть на пятнадцать футов в длину. Тем не менее преследователи, должно быть, замешкаются здесь на какое-то время. Он сомневался, что собаки осмелятся на прыжок. Да и солдатам, видимо, придется снимать свои бронзовые доспехи перед прыжком. Только самые смелые и проворные отважатся рискнуть.

В какой-то момент Хэдон подумал, не остаться ли на другой стороне расщелины и ждать, пока подошедшие солдаты начнут прыгать, а потом сбивать их вниз, в колодец. Идея, хоть и привлекательная, но не годная. Солдаты станут бросать в него копья или метать снаряды, от которых он не

сможет увернуться. Нет, он должен спешить, надеясь, что необходимость прыгать через пропасть заставит их замешкаться.

Туннель, шедший поперек колодца, имел около пятнадцати футов ширины. Эта сторона его была уже, ее ширина составляла всего семь футов. Хэдон прошел по нему около сотни футов и наткнулся на ряд ступенек, вырезанных в камне и ведущих вниз. Дно располагалось на расстоянии примерно двадцати футов ниже того уровня, с которого туннель начинался. Несколько минут спустя он оказался у тяжелой деревянной двери, закрытой на два огромных засова.

Хэдон отодвинул засовы и открыл дверь. Железные петли заскрипели. Надеясь, что на той стороне нет никого, кого бы мог насторожить этот шум, он миновал вход. Теперь Хэдон оказался в большой комнате. Она была пуста; он обнаружил здесь три слитка золота. Хэдон подумал, что, должно быть, некогда эта комната служила хранилищем, но теперь ее опустошили, оставив эти три слитка. Или, возможно, ее стали заполнять вновь, и эти три слитка были первыми сокровищами.

Да и какое это имело значение! Что на самом деле имело значение, так это знак рядом с дверью на запотевшей каменной стене, тот самый, на который указывала Клайхи, — горизонтальная линия под кругом. А рядом высечен тайник с местом для захвата рукой.

Хэдон прошел на другую сторону помещения и открыл еще одну дверь. Сразу за дверным проемом при свете факела выявились еще один знак и тайник. За дверью, насколько он мог видеть, туннель пролегал прямо, словно меч.

Хэдон вернулся обратно, пытаясь понять, почему засовы на дверях расположены столь необычным образом. И вообще, зачем нужно закрывать двери? Не сделано ли это с целью не дать возможности еще кому-нибудь пойти тем же путем?

У Хэдона было предчувствие, что этот длинный прямой туннель ведет за пределы городских стен. А поскольку там жили изгои, сбежавшие рабы, дикие гокако и даже нукаары, волосатые полулюди, обитавшие в лесах, двери с этой стороны следовало запирать от них.

Что это значит, ему станет известно позднее. А может, и нет. В конце концов, это не дело первоочередной важности.

Хэдон выглянул за дверь, через которую вошел. Издалека, из глубины туннеля, показался свет, будто кто-то один, или, что более вероятно, многие, все же решились на прыжок, о чем свидетельствовала скорость приближения этого света. В одиночку или даже вдвоем никто не отважился бы идти столь решительно.

Хэдон побежал обратно к другой двери. Сразу же за ней он остановился и вложил пальцы в захват тайника. Он отклонился назад и потянул его изо всех сил. Каменная часть стены с грохотом начала скользить, затем неожиданно выдвинулась полностью, он едва удержался, чтобы не упасть. Хэдон стремительно побежал — потолок за ним обвалился. Грохот стоял оглушающий, но по мере продвижения вниз по туннелю он быстро разрастался, отдаваясь эхом. Из-за слишком сырых камней пыли не было.

После обвала потолка Хэдон не слышал и не видел никаких признаков преследования. Даже если кирпичи и не полностью завалили туннель, они все равно задержали людей короля. Преследователи, должно быть, задумались о том, как много подобных ловушек ждет их впереди. Быстро туннель не очистят. Механизм, замысленный жрицей в древности, сработал прекрасно.

В конце концов, прошагав еще минут тридцать, Хэдон наткнулся на цепочку узких ступенек. Он стал подниматься по спирали и неожиданно оказался в щели, ширины ее хватило как раз на то, чтобы его плечи не застряли меж двух гранитных стен. Облака над ним отсвечивали красным. Ступеньки исчезли, вместо них появился крутой склон из полированного гранита. Хэдон поднялся по нему вверх и оказался на открытом воздухе. Он стоял на вершине огромного валуна.

Под ним — крошечный круглый храм из мрамора, сверкающий белизной при свете бушующего пожара. Это была скорее усыпальница, чем храм, ее окружали колонны, а коническую крышу покрывало золото. Пол устилала мозаика из разноцветных камней, а в центре обосновалась статуя. Сразу напротив статуи, в просторном бронзовом ящике горел огонь.

Вначале Хэдон смутился. Теперь же он знал, где находится. Он был на острове Лупоес. На расстоянии одной мили к западу через озеро находился город Опар. Его башни, купола и

стены освещались заревом пожара, который все еще бушевал по обеим сторонам города.

Туннель проходил под рекой, протекающей под городом, и вел на этот островок — священный островок полубогини Лупоес, который мужчинам посещать запрещалось. Сам того не ведая, он совершил кощунство.

Хэдон знал, что такой проступок от Кхо скрыть нельзя. Но, может быть, его простят, ведь он попал сюда, находясь на службе у Нее, и сам не ведал, что творил. Если он уберется прочь до того, как его обнаружат жрицы, возможно, ему удастся обойтись без пагубных последствий. Размер островка был таков, что позволял окинуть его одним взором, и поскольку в поле зрения не попали три живущие на нем женщины, они, очевидно, находятся в своих крошечных покоях, расположенных как раз под ним, в вогнутой части валуна. Одна из них должна бодрствовать, ведь огонь следовало поддерживать постоянно.

Хэдон спустился с тыльной стороны валуна, который походил здесь на небольшой утес. У подножия огромной скалы плескалась река, и ему пришлось обойти вброд вертикальный берег. В одном месте он попал на глубокое место и плыл до тех пор, пока ноги вновь не коснулись дна. Хэдон обогнул весь остров за пять минут, пытаясь обнаружить лодку, но надежды его не оправдались.

Трем жрицам на острове пищу и дрова для разведения огня доставляли по воде, поскольку туннелями пользовались только в крайних случаях и для передачи тайных сообщений.

Ему оставалось лишь одно — переплыть реку, чтобы вернуться обратно в Опар. Но течение в середине реки довольно сильное, а он был изрядно изнурен эмоциональным и физическим напряжением за прошедшие сутки.

До побережья Хэдон мог бы добраться, но, достигнув его, он окажется далеко за пределами Опара.

С другой стороны, подумал он, почему бы не поплыть к восточному, более близкому, побережью? Там, вдоль полоски земли между рекой и скалами, можно встретить рыбаков или охотников. У них должны быть лодки, он как раз и позаимствует одну.

Пожалуй, это вполне разумный план.

Хэдон сел, погрузившись по пояс в воду, и немного отдохнул. При странном свете из-за облаков и от огня, разведенного в бронзовом ящике, храм имел жутковатый вид. В центре мраморных колонн высилась гигантская фигура Лупоес; величина изваяния превосходила в три раза истинные ее размеры. Скульптура выполнена из мрамора в застывшей, лишенной всякой грации манере древних; тело, волосы и глаза расцвечены естественными тонами. В соответствии с принятыми в те времена обычаями, фигура, начиная с талии, представляла собой получеловека — полуживотное, в данном случае она на четверть состояла из задних лап крокодила. Груди огромные и круглые, каждая отмечена стилизованной головой крокодила, который являлся тотемом Лупоес. Глаза были окрашены в голубой цвет. Волосы, длинные и черные, венчались тремя рядами золотых украшений с бриллиантами. В правой руке она держала огромное копье из золота.

Сквозь колонны Хэдон мог видеть узкое отверстие, высеченное в основании валуна. Где же жрица, которой надлежало поддерживать священный огонь?

Ответ не заставил себя ждать и застал его врасплох. Из-за маленького валуна появилась фигура в белом. Она направилась к нему, по мере приближения к огню в бронзовом ящике она становилась все более отчетливой. Это не было привидением, как ему показалось. Это была женщина в белом одеянии с капюшоном.

Очевидно, света было достаточно, и она заметила Хэдона. Жрица остановилась на краю твердого скалистого берега и стояла неподвижно, долго разглядывая его. Наконец, не выдержав столь продолжительного взгляда и давящей тишины, он произнес:

— Настоятельница Храма Лупоес! Я — Хэдон, сын Фенет и Кумина, нуматену, я победитель Малых Игр в Опаре и Великих Игр в Кхокарсе. Я беглец...

Она откинула капюшон, под ним скрывалось лицо женщины среднего возраста.

— Я знаю тебя, Хэдон. Ты не помнишь Некоклу, бывшую долгое время хранительницей Палаты Луны? Я частенько

угощала тебя сладостями, обнимала и целовала тебя. Я предполагала, что тебя, Хэдон, ждут великие дела, хотя также предсказывала, что и неприятностей у тебя будет достаточно.

— Некокла! — радостно вскричал Хэдон. — Теперь я вспомнил! Тебя послали сюда около двенадцати лет назад! С тех пор я тебя и не видел! Да, я храню в памяти воспоминания о твоих добрых деяниях и словах. Ты очень хорошо относилась к маленькому мальчику, который был всего лишь сыном бедных родителей.

— Как ты сюда попал? — спросила она и, не дожидаясь ответа сказала: — Конечно же, ты вышел к реке через туннель! Некоторое время назад мне показалось, что я ощутила толчки земли, но поскольку я дремала, то решила, что мне это приснилось. Или Лупоес заставила землю встряхнуться, чтобы разбудить меня и напомнить о моих обязанностях.

— Земля дрожала из-за обвала части туннеля за пределами огромного помещения, в котором находилось три слитка золота, — рассказал Хэдон. — Я привел в действие ловушку, чтобы скрыться от людей короля. Я и не знал, что туннель ведет сюда. Я совершил святотатство, не сознавая того.

— Нам известно только то, что произошло в городе до вчерашнего вечера, — сказала Некокла. — Капитан судна, снабжающего нас, сообщил новости, сказав при том, что вряд ли у него будет возможность вернуться через два дня, как предполагается расписанием. Мы долго наблюдали пожары и принесли Лупоес некоторые жертвы, умоляя спасти основанный ею город и помочь сторонникам Кхо в их борьбе с еретиками.

Что же до кощунства, я уверена, что, если ты слегка покаешься, это вполне удовлетворит Лупоес. Ты здесь, потому что служишь Кхо, ее матери, Матери Всех.

— В таком случае, — спросил Хэдон, — смогу я добраться до берега?

— Сможешь, но тебе вновь придется вернуться к реке.

Она указала рукой назад. Обернувшись, он увидел скопление факелов, двигающихся от города к острову.

Некокла произнесла:

— Они идут этим путем. Факелы установлены на баркасе, которым управляют солдаты короля. Должно быть, догадались, что ты здесь.

— Как они смогли? — спросил Хэдон. Затем сам же и ответил: — Полагаю, люди, которым обвал перекрыл проход, вернулись к королю с отчетом. А тот, должно быть, по месту расположения западни определил, что все это произошло под рекой. Затем он, наверное, вычислил также, что туннель использовался жрицами для того, чтобы попасть на остров и выбраться отсюда. Я выдал вас!

— Ты не мог этого предвидеть, — сказала Некокла. — Я подниму остальных, мы быстро выслушаем твой рассказ и подумаем, что предпринять.

Она поспешила к круглому дверному проему, высеченному в основании огромного валуна. Голоса Хэдона и Некоклы, должно быть, разбудили двух женщин — они появились в своих призрачных белых одеждах прежде, чем она дошла до храма. Кивком головы Некокла подозвала их, и они тотчас подошли. Одна из женщин — начальница, Авикло, была преклонного возраста, седовласая, с согнутой спиной, изуродованной артритом. Другая, Кемнет, хорошенькая девушка около двадцати пяти лет. Хэдон учился с ней вместе в школе при храме.

Некокла рассказала все, что знала, а Хэдон дополнил ее рассказ недостающими деталями. Кемнет и Некокла вынесли большое деревянное кресло из покоев пожилой женщины. Стул поставили футах в двадцати от очага. Негокла добавила топлива.

— Гамори — отвратительный и безжалостный человек, — сказала Авикло. — Он уже совершил великий грех, нарушив святость убежища и убив жриц и почитателей Кхо. Он без колебаний нарушит и другое табу и сойдет на остров. Возможно, он даже замыслил убить нас, хотя даже для него это уже слишком. Что до его людей, они, наверное, такие же наглые и алчные, как и он сам, в противном случае он не взял бы их на борт судна.

— Прошу прощения, Авикло, но ты говоришь так, словно считаешь, что Гамори сам окажется на этом судне.

— Я думаю, он там будет, — проговорила она, сгибая свои шишковатые пальцы. — Он пожелает убедиться в твоей смерти; захочет самолично оказаться свидетелем твоей кончины. Более того, его люди, несмотря на алчность, возможно, не захотят нарушить табу, распространяемое на эту

землю, если только сам Король не поведет их. Но мы посмотрим, права я или нет.

— Если меня здесь не будет, у них не останется никакого оправдания высадке на берег, — сказал Хэдон. — Я могу поплыть на восточное побережье.

— Это после всего того, что ты перенес? — засомневалась Авикло. — Смотри правде в глаза, Хэдон. Сможешь ли ты проплыть полмили в таком изнуренном состоянии?

— Надеюсь, — ответил Хэдон.

— Скорее всего, у тебя не хватит сил, — сказала она. — Как бы то ни было, ситуация слишком благоприятная, чтобы от нее отказываться. С этим делом надо покончить раз и навсегда. Если ты убьешь Гамори, мятеж прекратится.

— Как же добраться до него? Судно полно его людей! — сказал Хэдон.

— Тебе это по силам. Из того, что я слышала о тебе, я составила мнение, что ты весьма ловок. Ты человек разнообразных дарований, в равной степени всякий раз можешь противостоять опасности. Ты импровизируешь, где необходимо, и избегаешь смерти там, где другие попались бы непременно.

— Даже король лис может попасть в загон для уток, — сказал Хэдон.

— Не ссылайтесь на пословицы, молодой человек.

— Если я встану здесь, бросая ему вызов, его люди будут метать в меня копья до тех пор, пока я не превращусь в ощетинившегося человекоподобного дикобраза. Но нет, вначале меня могут не заметить, по крайней мере, они не сразу узнают меня.

Хэдон задал несколько вопросов, а затем изложил свой план действий. Трое женщин согласились сделать то, что он предложил. Они полагали, что вероятность успеха невелика, но это все же лучше, чем ничего.

В соответствии с задуманным, перед Гамори и его людьми, когда они приблизились к островку, на котором располагался Храм Лупоес, предстал внушительный огонь, ярким пламенем вздымавшийся высоко вверх; свет его освещал снизу гигантскую статую, выразительно высвечивая отдельные ее части и бросая на другие глубокую тень. Лупоес

выглядела угрюмой и устрашающей, во взгляде и в плотно сжатом рте — суровость. Пожилая жрица, Авикло, сидела в кресле спиной к огню, лицо ее, скрытое капюшоном, в темноте было неразличимо. Жрица помоложе остановилась вблизи огромного бронзового ящика, готовая в любой момент подбросить в огонь топлива. Она также облачилась в белое. Молодая жрица стояла направо от Авикло, но на ней не было никакой одежды. Острым ножом она нанесла себе раны на груди, на руках и ногах. Распущенные волосы Кемнет шевелились даже в безветрие. В тот момент, когда нос судна плавно приблизился к скалистому берегу, Гамори понял, отчего ему казалось, будто волосы живут своей собственной жизнью: маленькая плоская голова с раздвоенным языком молнией поднялась из их массы и повернулась к Гамори.

— Клянусь ядом этой змеи, я требую смерти! — выкрикнула молодая обнаженная женщина. — За мою кровь я требую твою.

Мужчины, среди которых было тридцать гребцов, рулевой и офицер, стоявший на носу, за Гамори, зароптали. Гребцы положили весла на корму, одни вынули из ножен мечи, другие схватились за копья. Гамори держал в левой руке кинжал, принадлежащий офицеру. На Гамори были шлем и латы, облачен он был в длинную алую накидку, алый килт с нашитыми перьями зимородка, на ногах — сандалии из кожи гиппопотама. Рука перевязана широкой белой повязкой, прикрывавшей рану, нанесенную копьем Хэдона. Будучи левшой, Гамори не мог эффективно владеть мечом.

— Не сходите на берег!— произнесла высоким дрожащим голосом Авикло. — Эта земля священна, Гамори, и всем мужчинам запрещается касаться ее!

В этой живой сцене что-то было не так, но Гамори не мог взять в толк, что именно. Затем офицер, полковник, дернул его за накидку:

— Ваше Величество! Золотое копье Лупоес пропало!

Гамори взглянул сквозь колонны наверх, на сидящую в кресле фигуру в белом и неожиданно испытал шок. Это была правда! Рука идола все еще оставалась согнутой, но сжимала она лишь воздух.

— Где оно? — спросил он, дико озираясь. Огонь освещал светлые колонны и белые одежды двух жриц и белую, в пятнах,

фигуру Кемнет. В его лучах статуя Лупоес блестела и, казалось, пристально смотрела на него. При свете огня также виднелся передний край валуна, который, как говорили, свалился с небес незадолго до того, как Лупоес и ее экспедиция прибыли в долину этой реки.

Верховная жрица закричала:

— Копье богини у меня, Гамори! Богиня передала его мне, ее наместнице, чтобы я использовала его против первого мужчины, который нарушит святость острова, кто осквернит его, кто оскорбит Лупоес и могущественную Кхо! Ты совершил предостаточно преступлений против Богини, против своей жены и королевы, верховной жрицы, Гамори! Вскоре ты заплатишь за все! Но не добавляй к своим мерзким деяниям еще и осквернение земли, к которой тебе божествами запрещено прикасаться. Убирайся прочь, Гамори, пока устрашающее копье Лупоес не совершило акт возмездия!

Мужчины в лодке вновь стали шептаться. Офицер прикрикнул на них, чтобы те вели себя тихо, но голосу его не хватало убедительности.

Однако Гамори, хотя, очевидно, и был напуган, не мог уже отступить. Обнаружить свой страх сейчас, после нападения на Храм Кхо и убийства жриц, вырезав четверть населения во имя Пламенеющего Бога во имя борьбы за право на превосходство короля, отступить — это значит погубить все дело, возможно, даже с фатальными последствиями. Чтобы обратить вспять победу, много усилий не понадобится. Хотя он и подвигнул людей на кощунство, ему не удалось вырвать из них с корнем чувство сомнения. Несмотря на свое страстное желание обладать сокровищами и властью, обещанными им, глубоко в душе они все еще испытывали страх перед Богиней. Это чувство беспокойства доводило их до истерии, внутри их проистекала яростная борьба с тем, что с детских лет их учили уважать и почитать. Эта истерия приводила к тому, что они убивали там, где не было в том нужды, оскверняли больше, чем приказано.

Для Гамори сейчас показать свою слабость означало также и упасть в глазах своих приверженцев. Они могли бы поинтересоваться, с чего это Гамори побоялся посягнуть на чьи-то права, когда его злейший враг, Хэдон, был почти что

в его руках. Хэдон где-то здесь, на этом крошечном клочке земли, возможно, прячется в помещении, высеченном в валуне. И это их любопытство могло бы привести к потере доверия к нему. Если бы Гамори сейчас стал колебаться, они подумали бы, что он, по-видимому, принял другое решение. Возможно, Гамори на самом деле и не считал, обманывая тем самым своих сторонников, что Ресу является самым главным, а по-прежнему верил, что Кхо — величайшая из всех божеств.

У Гамори был вид загнанного в угол человека, на лице при свете огня виднелись глубокие складки от беспокойства, тревоги и страха. Но он не собирался отказываться от своей идеи. Гамори повернулся к своим людям и прокричал:

— Я иду на берег. Вы все следуйте за мной и обыщите каждый дюйм острова. А если жрицы будут препятствовать вам, убейте их!

Поддерживаемый офицером, он сошел вниз с высокого носа судна. В этом месте река доходила ему до пояса, но в левой руке он держал свой меч над головой. Наклонив голову, словно бык, пробивался он сквозь реку. Вскоре Гамори уже стоял на берегу, вода стекала с его накидки и килта.

Пожилая женщина, сидящая в кресле, казалось, стала выше и прямее. Она пронзительно крикнула:

— Ты сам доставил себя в жилище страшной Сисискен! Вы, солдаты, предатели королевы и своей Богини, не следуйте за ним! Убирайтесь на своем судне прочь отсюда! Доложите обо всем Фебхе и молите ее милости, скажите, что это Авикло послала вас.

Полковник, собиравшийся спрыгнуть с судна, замешкался.

Гамори повернулся к лодке:

— Слушайся меня!

Полковник не двигался. Некоторые солдаты встали, но теперь опять уселись.

— Они ждут, что ты будешь делать! — сказала Авикло, в ее голосе слышалась презрительная насмешка.

Гамори, сбитый с толку, в смятении завертелся, и проговорил:

— Я убью тебя, ты, сморщенная старая карга! И они увидят, что твоя Лупоес не сможет ничего сделать для защиты

своей верховной жрицы! А если и этого мало, я умерщвлю и двух оставшихся!

Молодая жрица вновь ранила свои руки и бедра, крича:

— Моя кровь требует твоей крови, Гамори! — Из ее волос выскользнула змея, затем спустилась к горлу и обвилась вокруг кровоточащего плеча.

Гамори быстрым шагом направился к верховной жрице с поднятым мечом.

Жрица, стоящая возле бронзового ящика, бросила в него связку щепок, а затем швырнула на пламень горсть зеленого порошка. Зеленое облако со свистом распространилось в стороны и вверх, сокрыв ее на какое-то мгновение, затем как бы пеленой закрыло старую женщину в кресле. Люди в лодке задохнулись от изумления, некоторые застонали, а Гамори остановился.

Зеленое облако быстро рассеивалось, открывая Авикло, которая стояла за креслом, прямая и высокая, волшебно высокая. В правой руке она держала могущественное золотое копье, подняв его над головой, хотя ни один мужчина не смог бы удержать подобную тяжесть одной рукой.

— Берегись! — кричала она. — Лупоес даровала мне сей стан и силу, чтобы умертвить своего врага и врага королевы, а также и моего врага!

Возможно, Гамори, который стоял намного ближе, чем люди на судне, мог разглядеть под капюшоном черты лица. Также, в конце концов, он мог предположить, что копье сделано не из тяжелого золота.

Что бы он ни думал, шанса высказать свое мнение ему уже не представилось.

Копье отошло назад и вверх, пока жрица готовилась к броску, затем полетело в цель.

Гамори издал крик и повернулся, но острие проткнуло его шею сквозь дыхательное горло. Задыхаясь, ухватившись за тяжелое древко и волоча его по земле, он пошатнулся назад. Авикло обошла вокруг кресла и села, казалось, она вновь обрела свой прежний небольшой рост.

Гамори упал спиной в воду, которая скрыла его лицо. Золотое копье исчезло под поверхностью воды, не давая течению снести тело.

Жрицы застыли, словно идолы. Они не произнесли ни слова. Да и ничего более говорить не требовалось. Полковник подал знак, и солдаты, схватившись за весла, развернули лодку. Они спешили в город Опар, пылающий в огне.

Жрица не поднималась с кресла, пока судно не проделало половину пути до города. Затем с нее сняли одеяние, открывая при этом... широко улыбающееся лицо и высокую фигуру Хэдона. Пожилая женщина, хромая, вышла из круглого дверного проема. Хэдон подошел к телу Гамори, вытащил из него огромное копье и бросил его на землю. Затем он вытолкал труп Гамори на берег — его следовало показать жителям Опара, чтобы те убедились, что он на самом деле мертв.

Некокла, накрывая огонь одеялом через определенные промежутки времени, послала сигналы наблюдателю, находящемуся на крыше Храма Кхо. Час спустя прибыл баркас, который на рассвете вернулся в город с Хэдоном на борту. На причале Хэдона приветствовала Фебха, совершившая над ним ритуал очищения от вины за убийство короля и осквернение святости Острова Лупоес. После того, в окружении солдат, которые сдерживали радостные толпы, его провели в храм, а в храме — в комнату, где в постели лежала Лалила.

Она, хоть и выглядела бледной и испуганной, заулыбалась при виде его. Он поцеловал ее, затем взял в руки крошечное тельце, завернутое в одеяльце. Он отвернул одеяло от личика и увидел самого красивого новорожденного младенца, какого ему доводилось когда-либо видеть. На Хэдона пристально и сосредоточено смотрели широко открытые удивительные голубые глаза.

Фебха, сидевшая в кресле за ним, произнесла:

— Хэдон, держи свою дочь! Ля из Опара!

ХРОНОЛОГИЯ КХОКАРСЫ

Введение

Примерно в 13 500 г. до н.э. побережья двух морей Центральной Африки были населены сотней маленьких групп получеловекообразных обезьян, неандертальцев и гибридов человека и неандертальца. Смешанные племена селились на северном побережье северного моря; неандертальцы — на его западном и восточном берегах; человекообразные — значительно южнее. Общая численность населения, проживавшего вдоль береговой линии (обоих морей включительно), почти равнялась нынешнему населению Средиземного моря и, вероятно, составляла десять миллионов.

Внутренние моря были последним пристанищем неандертальцев. Во всех остальных районах они были истреблены или ассимилированы Homo sapiens. Человекообразные представляли собой приматов, потомками которых являются современные йети и снежный человек. В те времена они были более многочисленны, чем теперь. Человекообразные жили на территориях, где произрастали леса и джунгли, отступая в результате продвижения вперед неандертальцев и человека разумного.

За некоторое время до 13 000 г. до н.э. в эти места из пышных саванн, простиравшихся на месте современной Сахары, пришли несколько племен с Кавказа. Эти люди называли себя Кхоклем. Постепенно они вытеснили гибридов и неандертальцев на юг, а некоторых ассимилировали.

Примерно в то же самое время еще одна группа кавказцев, называемая Клемсух, начала перемещаться на ближневосточное побережье северного моря. Эти люди обладали физическими данными, которые, если история не вынесет иного решения, могли бы свидетельствовать о том, что пле-

мя Клемсух во время своего развития выделилось в отдельную расу. У них была желтовато-коричневая кожа; волосы прямые, грубые и темные; в уголках глаз — легкие складочки. Сегодня такие черты характеризуют монгольскую расу, но Клемсух (Желтые Люди), определенно, принадлежали к роду кавказского происхождения.

Недолюди, которых кхоклемы прозвали клемкаба (Люди Козы), в конце концов, обосновались вдоль побережья, а также в холмистых и гористых внутренних районах , расположенных к северо-западу от пролива, соединяющего оба моря. Несмотря на то, что изначально они были очень дружелюбны, многие сотни лет пребывания в состоянии войны с кхоклемами обучили их искусству ведения войны. Вплоть до самого конца кхокарсанской цивилизации, им предстояло оставаться занозой в их боку.

Племя Кхоклем, подобно остальным, жило, в основном, за счет рыбной ловли, охоты и сбора плодов. Большая доля белка поступала к ним из Кему (Великая Вода). Из -за того, что в этих районах злаков не произрастало, представляется сомнительным, что они когда-либо смогли бы найти нечто равноценное им, если бы не появление человека, которого они прозвали Саххиндаром.

Этот загадочный человек в роду Кхоклем считался богом, и на то были веские причины. Он принес с собой большое количество разнообразных растений (очевидно, это происходило за несколько его визитов на протяжении пятидесяти лет) и научил одомашнивать их, а также животных и птиц, которые водились в той области. Саххиндар показал им также, как добывать медь и олово, как изготавливать бронзовые инструменты и оружие, как делать кирпичи и строительный раствор. Он привил им уважение к санитарии и объяснил понятие нуля. И неудивительно, что в кхокарсанском пантеоне он занимал место, аналогичное месту Тота в пантеоне египтян.

Эти дары Саххиндара убедительно объясняют, почему кхокарсане предвосхитили сельскохозяйственную революцию в Месопотамии примерно на четыре тысячи лет. При этом также становится понятно, каким образом этим племенам, жившим эпоху позднего палеолита, удалось перескочить через периоды мезолита и неолита в бронзовый век.

В конце концов, несколько групп добрались на челноках и плотах до острова Кхокарса и высадились на нем. Размер острова приблизительно равнялся величине острова Крит. Эти люди из рода Кхоклем принадлежали к племени, известному под названием Клемреском (люди орла-рыбы). Их верховное божество, Кхо, являлась божеством плодородия и именовалась Матерью с Головой Птицы. В наскальных рисунках и в фигурках, вырезанных из кости и бивней гиппопотама, она изображалась в виде женщины, у которой зад имел форму курдюка, с огромной грудью и головой орла-рыбы. Немного погодя сюда пришли и другие племена, и некоторые из них изображали ее с головой попугая. Причина этого, несомненно, заключается в том, что остров изобиловал попугаями.

Саххиндар являлся также и богом Времени, хотя религия утверждала, что он похитил Время у своей матери Кхо, и именно поэтому она изгнала его из страны. Говорили, что Саххиндар мог путешествовать во времени до тех пор, пока Кхо не лишила его этой возможности. Не вызывает сомнений тот факт, что он путешествовал во времени с двадцать первого века и оказался примерно в 12 000 г. до н.э., когда попал в затруднительное положение, вследствие того, что у него отняли эту возможность (См. мою работу «Последний дар времени», Ballantine, 1972). Очевидно, он ни в коей мере не был ответственен за развитие цивилизации в других местах (на Ближнем Востоке и на реке Инд), но рассматривал Кхокарсу как свою личную программу действий.

То, что Саххиндар много раз появлялся в Кхокарсе на протяжении двух тысячелетий, можно объяснить действием какого-то эликсира, замедляющего старение.

Основные события

12 000 г. до н.э. Род Кхоклем распространился по северному побережью Кему. Появление Саххиндара.

11 800 г. до н.э. Герой Гахете первым из людей высадился на необитаемый остров Кхокарса. В последующие

путешествия привел туда свое племя, Тотем Орла-Рыбы. Верховная жрица племени освятила священную дубовую рощу, произраставшую на верху вулкана Кховота (Голоса Кхо). Острову дали имя Кхокарса (дерево Холма Кхо). Использовали раскрашенные керамические изделия, обожженные на огне или на солнце.

11 700 г. до н.э. В других местах острова высадились также и другие племена. Изготовлено первое пиво из проса и сорго. Жрицы разработали раннюю пиктографическую письменность. Деревня Кхокарса обнесена стеной, что было сделано впервые в мире. Изобретен гончарный круг. Введена трепанация черепа для облегчения хронической головной боли.

11 600 г. до н.э. (1 ПХ). (ПХ означает После Храма). На плато, расположенном вблизи священной дубовой рощи, из каменных блоков построен большой храм Кхо. Король Нанла захватил город Миклемрес, служивший воротами в богатые оловом, медью и соляными копями горы Саарес (в настоящее время Ахаггар и Тибести). Изготовление медового напитка становится основным промыслом, который находится под контролем верховной жрицы Нанвот. Керамика с щелочным покрытием. Появление повозок с воловьей упряжкой.

11 550 г. до н.э. (50 ПХ) Верховная жрица Авинет учредила новую хронологию, начинающуюся с завершения строительства храма, посвященного Кхо, которое было закончено за пятьдесят лет до того. (ПХ означает После Храма). Впервые изготовлено виноградное вино.

11 530 до н.э. (70 ПХ) Жрица — бард Хала сочинила первую эпическую поэму «Песнь о Гахете», основанную на народных песнях. Манера изображения в живописи и скульптуре стала более приближенной к жизни, но все еще оставалась скованной.

11 520 до н.э. (80 ПХ) Изобретены солнечные часы и началась обработка оливок. Впервые построен храм на могиле Авинет. (В то время короли все еще приносились в жертву после девятилетнего правления. Их хоронили под большими земляными курганами, на вершине которых устанавливали монолит с головой птицы. Героев и героинь из числа выдающихся мужчин и женщин хоронили под курганами с остроконечными монолитами на вершине).

11 450 до н.э. (150 ПХ) Король Кхокарсы Руводет разгромил восстание в Миклемресе. Первое появление рода Клемсааса, люди которого говорили на неизвестном языке, в горах, расположенных к северу от Миклемреса. Керамика со свинцовым покрытием.

11 400 г. до н.э. (200 ПХ) Экспедиционный флот под руководством короля Кхонана в землях, населенных племенем Клемсух, обнаружил порт Сивудава. С этого момента началась длинная серия кампаний против племен рода Клемсух, проживающих в сельских районах. Изобретен способ литья бронзы при помощи восковой модели.

11 350 г. до н.э. (250 ПХ) Процветание портовых деревень Товина и Баваку. Основана система заселения границы, проходящей по побережью, получившая название «ойкос». (Группы предприимчивых мужчин и женщин строили маленькие деревянные форты и закреплялись в них. Ими руководили мужчины, которых смело можно назвать героями; впоследствии их резиденции превратились в дворы, а сами они стали правителями больших земельных владений. От них начали вести род многие известные семейства, обосновавшиеся в той местности, а многие из «ойкосов» стали со временем преуспевающими городами. К тому времени все шесть городов острова превратились в мощные торговые центры. Численность населения Кхокарсы составляла 15 000. Численность населения Дитбета, Сакабы, Кааркута, Асемы и Кунесу варьировалась от восьми до десяти тысяч. Изобретение стекла. Керамика с солевым покрытием и фарфор.

11 250 до н.э. (350 ПХ) Основой хозяйствования все еще является товарообмен. Впервые начата экстенсивная добыча серебра и золота в северных горах. Род Клемсааса стал совершать набеги на удаленные районы Миклемреса. Клемсааса объединили в одно целое своего патриархального бога солнца и сына Кхо, Ресу. Изобретены песочные часы.

11 153 г. до н.э. (447 ПХ) В Дитбете родился гениальный Авинес.

11 118 г. до н.э. (482 ПХ) К тридцати пяти годам Авинес изобрел слоговую азбуку, учредил науку лингвистику, создал теорию атомизма (во многом походящую на теорию Лукреция), открыл циркуляцию крови, сформулировал основные

законы элементарной алгебры и изобрел деревянные печатающие формы, катапульты, греческий огонь, водяные часы, увеличительное стекло и солнечный календарь.

11 113 г. до н.э. (487 ПХ) Авинес отправлен в ссылку в Баваку, вследствие того, что его слоговая азбука и календарь были признаны кощунственными. В Баваку поднялось восстание, а кхокарсанский флот был разгромлен при помощи изобретенных Авинесом катапульт и греческого огня.

11 111 г. до н.э. (489 ПХ) Авинес погиб при попытке полететь при помощи искуственных крыльев с горы.

11 110 г. до н.э. (490 ПХ) Кет из Кенесу сообщил об открытии пролива в южное море. Тем не менее, очевидно, что у него были предшественники. Портовая деревушка Мукха превращается в город, благодаря открытым близ нее залежам соли.

11 000 г. до н.э. (600 ПХ) Род Клемсааса, овладев сельским хозяйством, стал более многочисленным. В течение десятилетия представители этого рода захватили и установили контроль над оловянными и медными рудниками и стали требовать дань с некоторых удаленных провинций Миклемреса. Учрежден первый монетный двор, на котором чеканили монеты из сплава с природным золотом.

10 985 до н.э. (615 ПХ) При короле Мидамине из Кхокарсы Баваку занят вновь, его жители истреблены, город повторно заселен колонистами из Кхокарсы. Группе бавакан-цев под предводительством героя Анесема удалось бежать, и они основали первый город пиратов Микавуру (на кхокарсане слог ми означает город, а кавуру означает как крокодил, так и пират.) Он располагался на побережье с множеством фиордов к северо-западу от пролива, впадающего в южное море (который в то время все еще был малоизвестен). Первые серебряные и золотые монеты. Первые записи об использовании бронзы.

10 968 г. до н.э. (632 ПХ) Мощное землетрясение и огромная приливная волна. Род Клемсааса захватил город Миклемрес. В Товине, Баваку, Дитбете и Кааркуте успешно завершились поднятые восстания. Местное население Сивудавы восстало, разгромило кхокарсанские войска и купцов и основало независимое государство.

10 954 г. до н.э. (646 ПХ) Микавуру выбиты из своей крепости родом Клемкаба. Под предводительством Ветны они пересекли Кему и на восточном побережье основали город Ветна. В искусстве получило распространение использование перспективы.

10 915 г. до н.э. (685 ПХ) Экспедиция из Баваку, которой руководил герой Нанкар, совершила путешествие по всей длине Бохикли (реке Нигер) и привезла с собой из Западной Африки богатые протеином красные ягоды под названием мовомет, эбеновое дерево, африканское красное дерево и деревья окры. Эти виды быстро распространились вокруг Кему. Построены первые биремы. Первый контакт с неграми, живущими на Западе, героя Агадона из Товины. Король Кхокарсы Къопвам отвоевывает Дитбет и Кааркут.

10 878 г. до н.э. (722 ПХ) Первая великая чума. (Оспа, доселе неизвестная, скорей всего была занесена черными пленными). Скончалась четверть населения острова и городов Товина и Баваку. Несколькими годами позже оспа уничтожила все население других районов.

10 875 г. до н.э. (725 ПХ) Вождь рода Клемсааса повел своих людей и союзную армию Миклемреса на Кхокарсу и захватил город. Он женился на единственной оставшейся в живых жрице и взошел на трон. Он принял кхокарсанское имя Минрут; началась ассимиляция рода Клемсааса. Оставшиеся в горах стали известны под названием Клемклакор (Люди Медведя).

10 866 г. до н.э. (734 ПХ) Минрут I завершил завоевание всех городов острова, а также Товины и Баваку. Он отказался от чести следовать вековой традиции, заключавшейся в том, что король после девяти лет правления приносил себя в жертву, и учредил традицию приносить в жертву лицо, его заменяющее. Пантеон богов рода Клемсааса полностью слился с кхокарсанским пантеоном. Было объявлено, что Ресу, бог солнца, равен по значимости с Кхо. Несмотря на это, в действительности большинство людей в течение длительного времени ставили Ресу на второе место после Кхо. Этот год является началом борьбы между жрицами и жрецами. Старый лунный календарь отменен и принят солнечный календарь Авинеса. По новому календарю имелось двенадцать

месяцев, каждый из которых состоял из трех недель, в конце года пять дней отводилось на праздники. Год начинался с весеннего равноденствия.

10 846 г. до н.э. (754 ПХ) Принята слоговая азбука Авинеса. Принята государственная почтовая система, основывающаяся на той, что существовала в храмах. Выпущены первые медные монеты.

10 832 г. до н.э. (768 ПХ) Построена первая трирема. Начато строительство из каменных блоков прибрежного шоссе от Миклемреса на восток и на запад. Герой Кетна обошел вокруг южное море. Первоначально оно называлось Кемукет, но позднее получило известность как Кемувопар (Море Опара).

10 824 г. до н.э. (776 ПХ) Основан город Кетна. В конце концов, он установил контроль над проливом и стал источником беспокойств для Кхокарсы.

10 810 г. до н.э. (790 ПХ) Жрица-героиня Лупоес открыла залежи золота, серебра и бриллиантов на месте Опара и основала шахтерский поселок. В искусстве и скульптуре из Кхокарсы получило распространение изображение божеств с головами людей.

10 800 г. до н.э. (843 ПХ) На северо-западных берегах Кемукета основан второй Микавуру (город пиратов). Его заселили не люди из Ветны, которая сейчас стала респектабельным городом, а преступники и политические беженцы со всего северного моря.

10 700 г. до н.э. (900 ПХ) Колонисты из Микавуру основали крепость на восточном побережье Кемувопар. Несколько лет спустя она разрослась и превратилась в город с названием Сакавуру.

10 695 (905 ПХ) Завершено строительство города Опар во всем его великолепии. Колонистами из Сивудавы основан порт Вентисух.

10 600 г. до н.э. (1000 ПХ) Климат становится более теплым и сухим. Наблюдается уменьшение ледяных покровов на горах Саарес. Великая чума и серия землетрясений привели к наступлению еще одного Лихого Времени. Восстания в подчиненных государствах и развал империи. Къорвам II убивает свою жену, пытась установить патриархат, и бежит

в Миклемрес во время мятежа, который последовал за этими событиями. Его схватили и принесли в жертву в великом храме. В течение сотен лет верховная жрица Кхокарсы брала в мужья лишь тех мужей, которые отказывались от королевского сана. Многие храмы, посвященные Ресу, были разрушены или превращены в храмы Кхо. Запрещено принесение в жертву людей, за исключением периодов великих испытаний. Этот обычай получил распространение повсеместно на обоих морях, кроме Сакавуру.

10 560 г. до н.э. (1040 ПХ) Учреждение класса нуматену (героев, владеющих широкими мечами), военных, в чем-то похожих на самураев. По традиции только членам нуматену разрешается использовать недавно введенный слегка изогнутый, с закругленными концами палаш, но за этим следят не слишком строго.

10 499 г. до н.э. (1101 ПХ) Клемкаба заняли Баваку и истребили его жителей.

10 490 г. до н.э. (1110 ПХ) Объединенный флот рода Клемкаба и Товины напали на Дитбет. Нуматену Тоенусет, супруг верховной жрицы, разрушил флот. Его жена сделала его королем, и он отправился на завоевание острова Кхокарса.

10 485 г. до н.э. (1115 ПХ) — 10 480г. до н.э. (1120 ПХ) Тоенусет завоевал Сакабу и Кааркут. Жители города Товина, который теперь стал врагом рода Клемкаба, с помощью восставших бавакацев изгнали клемкаба из Баваку .

10 478 г. до н.э. (1122 ПХ) Тоенусет убит копьем, брошенным верховной жрицей Кхокарсы, во время осады города. Это было воспринято как возмездие Кхо, и в течение нескольких лет идея передачи власти королю не одобрялась.

10 460 г. до н.э. (1140 ПХ) Верховная жрица города Кхокарсы учредила Великие Игры (позднее известные как Великие Игры Клакора, в честь победителя первых игр). Эти годы отмечены возвращением власти короля. По закону Пвимнес, победитель Великих Игр становится мужем верховной жрицы (если она принимает его) и коронуется как король Кхокарсы. В состязании мог принять участие любой мужчина, если только он не раб, не неандерталец, или представитель племени Клемкаба. Игры проводились в случае смерти старого короля или верховной жрицы. Тем не менее правящий король

мог сохранить свое право на трон, если смог заставить выйти за него замуж дочь умершей жены, или при условии, что у нее не было дочерей, — на ближайшей родственнице, чтобы она могла занять трон верховной жрицы. Пвимнес, слишком старая для того, чтобы носить детей, удалилась от трона после того, как герой Клакор одержал победу в Играх и женился на ее дочери Хииндар (что означало Серые Глаза). Необходимо иметь в виду, что король осуществлял правление только в областях, относящихся к военному делу, военно-морскому флоту и инженерным вопросам. Королева осуществляла контроль над юридическими судами, законодательством, денежным обращением, религией, сбором налогов и торговлей. В течение долго времени было принято возлагать ответственность за беременность женщины на мужчин. Кхо со своими сыновьями и дочерьми не считались посредниками при оплодотворении женщин (за исключением тех случаев, когда они могли явиться причиной стерилизации мужчины или женщины). То известное обстоятельство, что причиной беременности являлись мужчины, был главным аргументом жрецов Ресу, доказывающим превосходство Ресу и доминирующую роль мужчин в обществе. Официально этот факт игнорировался, и потребовалось долгое время на то, чтобы эта идея была воспринята в сельских районах. Клакором начата работа по возведению Великой Башни Кхо и Ресу.

10 452 г. до н.э. (1148 ПХ) Клакор завершил повторное завоевание острова Кхокарса. В Микремресе родилась Квамим, величайшая эпическая поэтесса. В возрасте двадцати восьми лет она создаст «Пвамвоткетна», или «Песнь о Кетне». Сочинение основано на преданиях о странствиях Кетны и об основании города, названного в его честь, но содержало исторические неточности. В него вошли песни о более ранних героях и героинях, проводилось их сравнение с Кетной и было включено много материала на мифологические сюжеты. Язык поэмы основывался на языке, принятом в городе Кхокарса, но Квамим заимствовала некоторые слова из других диалектов, а иногда даже выдумывала и новые.

10 449 г. до н.э. (1151 ПХ) Флот Миклемреса был разбит Клакором, а Миклемрес капитулировал. Это событие отметило начало завоевания владений королевы по берегам Кему.

10 448 г. до н.э. (1152 ПХ) Опар завоеван пиратами Сакавуру под предводительством Гокасиса. Они установили контроль над торговлей драгоценными металлами и камнями. Изобретена водопроводная система и установлена во дворце в Кхокарсе.

10 443 г. до н.э. (1157 ПХ) Герольд Клакора, бард Ротека, прибыл в Опар с требованием о капитуляции. Его голова была отослана обратно Клакору и прибыла к нему в 1159 ПХ, но к тому времени Клакор уже умер.

10 440 г. до н.э. (1160 ПХ) Кетна захватил союзных жителей Опара и пиратов Микавуру и Сикавуру.

10 427 г. до н.э. (1173 ПХ) После взятия Вентисуха Гокасис объявил себя королем королей Кемувопара. Первая кхокарсанская экспедиция против этого союза разрушила с внешней стороны пролив Кет. Родилась Аводон, скульптор Кхокарсы. Овалу, Кветрут и Мукха стали основными городами. Поэтесса Квамим, присутствующая в качестве гостьи на суде в Вентисухе, взята под стражу и отправлена в Опар.

10 423 г. до н.э. (1177 ПХ) — 10 420 г. до н.э. (1180 ПХ) Герой Ривасмет, руководитель экспедиции кхокарсан, нанес удар по Кетне с суши и, оставив сковывающую группу, обошел Вентисух и Сакавуру и совершил налет на Опар. Он убил Гокасиса (сына первого Гокасиса) в рукопашной схватке, уничтожил жителей и захватил Квамим. В Проливе Кета его флот был захвачен и разбит, но ему, Квамим и еще трем нуматену удалось скрыться.

10 417 г.до н.э. (1183 ПХ) Первое исполнение Квамим «Пвамватримасвет», «Песни о Римасвете». Это была вторая по значимости из величайших поэм Кхокарсы (некоторые критики отводят ей первое место) и первая песнь, которая исполнялась в честь живущих героев. Род Клемклакор сделался столь многочислен, что стали требоваться карательные экспедиции.

10 397 г. до н.э. (1203 ПХ) Аводон начала работу над своим шедевром, Кхо с детьми, представляющим собой фриз, состоящий из шестидесяти четырех фигур, расположенный вдоль мраморного основания Великой Башни Кхо и Ресу. Четвертая экспедиция сгладила различия между Кетной и Вентисухом, но была разбита в битве в Заливе Опара.

10 390г. до н.э. (1210 ПХ) Началась осада Опара. Микавуру и Сакавуру были взяты в кольцо, но яростно сопротивлялись. Были отправлены экспедиции в Западную Африку, к Средиземному морю и в долину Нила (не вернулась).

10 389 г. до н.э. (1211 ПХ) Взятие Опара. Изобретение очков.

10 387 г. до н.э. (1213 ПХ) Взят Сакавуру, его жители казнены, отправлен корабль с целью достижения договоренности с колонистами из Кхокарсы о перезаселении города. Микавуру успешно сопротивляется.

10 386 г. до н.э. (1214 ПХ) — 10 266 г. до н.э. (1334 ПХ) Сто двадцать лет относительного спокойствия, процветания и увеличения численности населения. В возрасте семидесяти лет Аводон заканчивает свой труд и двумя годами позже умирает. Похоронили ее как героиню. Быстро продвигается работа по созданию Великой Башни. Строится сеть мощенных камнем дорог от прибрежных городов вдоль берега и внутрь страны, закончено строительство сети дорог на острове Кхокарса. Проведенная в 1334 г. ПХ перепись показала, что население двух морей насчитывает два миллиона (это был пик). Город Ребха, построенный на сваях на мелководье на юго-востоке Кему, приобретает большое значение для морской торговли. Построены приграничные форты для усиления обороны против негров из Западных земель. Предпринята еще одна неудачная экспедиция против доставляющих неприятности пиратов Микавуру. Исследовательница Дитфида открыла, что узкий залив Кемувопара имеет тенденцию к прорыву сквозь горы Среднего Запада, расположенные на западном побережье. Это грозило осушением обоих морей, но, согласно оценкам, такой процесс должен был начаться по прошествии еще двух-трех столетий. Верховная жрица Кхокарсы, Акут, заявила, что этот сток вод может быть предотвращен только путем умаления важности Ресу и возвращения к более консервативным формам религии. Минрут III замыслил строительство гигантской дамбы, но поскольку оно приостановило бы работу над Великой Башней, он не предпринял никаких действий в этом направлении.

10 265 г. до н.э. (1335 ПХ) Опар наполовину разрушен землетрясением, но сразу же после него начато восстановление города. Впервые в Товине появилась легочная чума.

10 261 г. до н.э. (1339 ПХ) Чума распространилась по всей империи. Неурожаи и смертельная болезнь рыбы привели к тому, что начался великий голод. Клемкаба опустошили Баваку, но были сами уничтожены чумой. Город Кхокарса наполовину разрушен в результате извержения Кховота; жители горола бежали.

10 257 г. до н.э. (1343 ПХ) Численность населения снизилась до трех четвертей миллиона. Развал империи. Умерло большинство представителей королевской семьи. В городе Кхокарса нуматену из Опара, Ригако, женился на единственной оставшейся в живых жрице, способной вынашивать детей. Он стал Рескомуреескомом, королем королей, что значило буквально Великий Орел-Рыба из Орлов-Рыб.

10 050 г. до н.э. (1550 ПХ) Климат становится теплее и суше. Тем не менее на вершинах Саареса и снег и лед все еще в изобилии. Поднялся уровень Средиземного моря. Кхокарса вновь обрела доминирующее влияние. Все государства Кему признали власть сюзерена, но на деле являются полунезависимыми. Кетна посылает дань, но действует так, будто обладает независимостью. Хотя население и увеличилось, численность его все еще не восстановилась. Все больше неприятностей доставляют пираты Микавуру, пиратские базы появились и в районе Кему. Наблюдается некоторый прогресс в технологии. Около 1340 ПХ вводятся в употребление железное оружие и инструменты, но поскольку основные залежи железной руды находятся глубоко в горах Саарес, эти предметы дорогостоящие. Пока еще по большей части используются бронзовое оружие и инструменты.

10 049 г. до н.э. (1551 ПХ) Минрут IV выигрывает Великие Игры Клакора и женится на Демакве, верховной жрице.

10 042 г. до н.э. (1558 ПХ) Родился Биссин, изобретатель прообраза паровой машины.

10 036 г. до н.э. (1564 ПХ) В Дитбете родился злополучный исполин Квазин, кузен Хэдона.

10 034 г. до н.э. (1566 ПХ) Смерть Демаквы. Минрут IV женится на ее кузине, Вимимви, и потому Великие Игры не проводятся.

10 031 г. до н.э. (1569 ПХ) Родился Хэдон из Опара. Его отец, Кумин, нуматену, лишившись руки, становится

подметальщиком полов в храме. Мать Хэдона, Фенет — дочь надзирателя за рабами; поскольку его родители относились к низкому классу общества, детство Хэдона прошло в бедности. Родители Хэдона принадлежали к Тотему Муравья. В храме Кхо на склоне Кховота родилась Авинет, дочь Минрута и Вимимви. Изобретено гальваническое металлическое покрытие при помощи примитивной батареи.

10 018 до н.э. (1582 ПХ) Квазин, напившись, насилует жрицу Кхо и убивает нескольких стражников храма. Его изгоняют, вместо того, чтобы подвергнуть казни, поскольку жрица-пророчица храма Кхо в Дитбете (где произошло кощунство) сказала, что его следует выслать из страны, но разрешила вернуться, когда на то появятся распоряжения Кхо. Квазин отправился странствовать по Западным землям с огромной дубиной, отделанной бронзой.

10 013 г. до н.э. (1587 ПХ) Смерть Вимимви. Авинет становится верховной жрицей. В ближайшие три года планируется провести Великие Игры. (Время, достаточное для того, чтобы известить все государства, провести предварительные Малые Игры с целью выбора трех главных участников соревнований и трех запасных от каждого государства и проделать путь от городов соперников до Кхокарсы). Минрут просит руки своей дочери, но получает отказ. Минрут (которого за спиной прозвали безумным) планирует всеми правдами и неправдами удержать трон. Рыбак по имени Русет изобретает косой парус

10 012 г. до н.э. (1588 ПХ) Хэдон становится победителем Малых Игр в Опаре.

10 011 г. до н.э. (1589 ПХ) Начинаются события, отраженные в романе Хэдон из Древнего Опара.

АЙРОНКАСТЛ

Ironcastle
(1974)

Данный роман — вольный пересказ романа Жозефа-Анри Старшего «Удивительное путешествие Гэртона Айронкастля» (J.-H. Rosny Ainé «L'Étonnante Aventure de Hareton Ironcastle», Pris 1922)

IRONCASTLE

Глава 1. Пушечный клуб

Пушечный клуб в доме номер 21 на площади Юнион, Балтимора, штат Мэриленд, слыл одной из самых любопытных организаций в мире. А кроме того, был из наиболее известных. Другие клубы существовали намного дольше, но... Едва ли его можно было сравнить с такими клубами как Брудле, Гаррик, Диогены, Карлтон или клуб Реформ. Последний прославился тем, что именно его Филеас Фогг выбрал начальной точкой отсчета, когда в 1872 году отправился в путешествие за восемьдесят дней вокруг света. Все эти клубы, как водится, были британскими. Но не нужно даже упоминать, что Балтиморский Пушечный клуб был американским. Его основали во время Гражданской войны, или, как южане предпочитают говорить, Войны между штатами. Членство в нем получали лишь те, кто разработал пушку или, по крайней мере, запотентовал какое-то огнестрельное оружие новой конструкции. Но ни президент этой организации, ни один из членов совета правления никогда не касались никакого оружия весом менее пятисот фунтов.

Артиллеристы с самого начала, составляли большую часть членов клуба. Все, кроме нескольких членов, были в настоящее время профессиональными военными или профессиональными моряками. Однако в 1920 году Пушечный клуб допустил в свои ряды одного любителя. Он никогда не служил ни в одной армии, ни в одном флоте и был натуралистом. Это было единственное исключение в Пушечном клубе. В свое время часть членов клуба активно выступали против его членства. Почему же изобретатель простой пневмопушки, а не огнестрельного оружия попал в список августейших конструкторов орудий?..

Его сторонники утверждали, что пневмопушка приобрела такую популярность, что Гэртон Айронкастл автоматически стал кандидатом в члены клуба. Более того, он имел репутацию

знаменитого исследователя. Родом из Калвертов — старинной аристократической семьи Балтиморы, он был связан родственными узами с выдающимся ученым Балтиморы профессором Портером. Кроме того, он продемонстрировал эффективность своего оружия против гигантских рептилий и млекопитающихся страны Мепле-Уайт[19] в Южной Америке.

Рекомендацию Айронкастлу дал хорошо известный хирург и исследователь, Док Сэвидж[20]. Он сопровождал Айронкастла в экспедиции на это сказочное плато, о котором впервые сообщил всему миру профессор Челленджер и подробно описал Эдвард Мэлоун. Фотографии доктора Сэвиджа показали, насколько эффективна пневмопушка против стегозавра и тиранозавра. Такая пушка выпускала дротик, к которому были прикреплены тонкие электрические провода, в свою очередь прикрепленые к мощным электрическим батареям. Когда дротик впивался в тело мишени, по проводам подавалось мощное напряжение, которое парализовало чудовище. Тогда охотники могли подойти к зверю и вколоть ему снотворное. Таким образом, животное, которое много лет считалось вымершим, могло быть без ущерба перевезено в зоопарк для дальнейшего изучения.

Айронкастл и Сэвидж планировали перевозить этих гигантов, каждый из которых весил много сотен тонн, с помощью дирижаблей. Это не их вина, что на плато неожиданно началось одно из самых великих извержений вулканов за всю историю Земли. Доисторические твари были уничтожены вместе со всеми животными и большей частью растительной жизни Мепле-Уайт. Однако Гэртон и Сэвидж сумели не только спастись сами, но и даже умудрились сберечь несколько фотографий.

Конечно, были и те, кто утверждал, что фотографии поддельные, так же, как и те, где, как утверждалось, был запечатлен птеродактиль, которого доставил в Лондон профессор Челленджер. Эти скептики утверждали, что это всего лишь часть удивительного часового механизма. Но ведь многие в

[19] Придуманная страна, где сохранились доисторические чудовища. Путешествие в эту страну подробно описанно в романе А. Конан Дойля «Затерянный мир. *(Здесь и далее прим. переводчика).*

[20] Один из культовых героев американских фантастических журналов первой половины XX века.

наш просвещенный век до сих пор настаивают, что Земля плоская. И это после рассказов господ Барбикена, Ардана и Николя, которые так красочно пересказал месье Жюль Верн...[21]

В данный момент Гэртон Айронкастл отдыхал в библиотеке — помещении. расположенном по соседству с огромным залом, где проходили заседания Пушечного клуба. Со своего кресла через дверной проем он мог видеть часть этого впечатляющего и уникального зала. Нужно ли повторять то, что весь мир читал об этом зале благодаря творениям господина Верна? Высокие столбы-колонны из орудийных стволов были установлены на гигантских мортирах. Трофейные мушкетоны, мушкеты, аркебузы, карабины и другое оружие стояли вдоль стен. Канделябры были сделаны из мушкетов. А платформа, на которой сидели президент и управляющий совет во время собраний! Кресло президента было установлено на лафете 32-дюймовой мортиры, нацеленной под углом девяносто градусов. А стол совета клуба — огромная железная пластина, которую поддерживало шесть карронад. На нем — чернильница прекрасной испанской чеканки и электрический звонок, который председатель часто пользовался во время ожесточенных споров после взрывоопасных докладов... Но сейчас речь не об этом.

В данный момент Айронкастл читал самый последний выпуск «Американского журнала арктических исследователей». Гэртон был очень высоким, мускулистым мужчиной с вытянутым, грубым, но достаточно красивым лицом. Его глаза были как у викингов — сине-зеленые. Хотя ему было уже сорок три, он имел кожу гладкую и бледную, как у молодой девушки.

Услышав чей-то деликатный кашель, он посмотрел поверх журнала, открытого на страница со статьей о недавнем открытии судьбы злополучной экспедиции Франклина[22]. Перед Гэртоном стоял слуга.

---

[21] Фармер имеет в виду роман Ж.Верна «С Земли на Луну прямым путём за 97 часов 20 минут» (1865) — о первом путешествии человека на Луну, в описании близком к современной традиции фантастики.

[22] Экспедиция Франклина 1845—1847 годов, или Пропавшая экспедиция Франклина — экспедиция по освоению Арктики, проходившая под руководством сэра Джона Франклина в 1845 году. Пропавшая экспедиция Франклина является предметом множества художественных произведений, в числе которых песни, стихи, рассказы, романы, а также телевизионные документальные фильмы.

— Простите меня, господин Айронкастл. Госпожа Шторм объявила, что время обедать.

— Спасибо, Грейвс.

Айронкастл проигнорировал неодобрение, появившееся на лице слуги. Грейвс был старожилом клуба, очень консервативным человеком, и не приветствовал присутствие женщин в клубе. Хотя и без того, согласно уставу, те не допускались в столовую и соседнюю с ней комнатой ожидания, так как. по мнению некоторых членов клуба, обладали разрушительным влиянием. Пушки и их история, их использование в будущем были предметом обсуждения только для мужчин. Кто может участвовать в серьезной дискуссии, когда болтовня женщин слышна даже в библиотеке? Кто знал, что женщины станут требовать равенства? Когда-нибудь, кто-то из них станет разрабатывать пушки, без сомнения, с кружевами, и потребует на основе этого членство в клубе. И что тогда?..

Мир меняется слишком быстро и, несомненно, к худшему.

Едва заметно улыбнувшись, Гэртон прошелся по комнате, направляясь в столовую. У него даже не возникло предчувствия, что этот день будет чем-то отличаться от остальных. Его мысли были о севере, о льдах и снеге, а не о раскаленном солнце и зеленых джунглях, гигантских деревьях, зверях и человекообразных обезьянах...

Глава 2. Фантастическая земля

Ребекка Шторм ожидала духов, чтобы поговорить. Она легонько сжимала золотистый карандаш над чистым листом бумаги, ожидая. Если призрачный голос в её голове заговорит, то она станет двигать карандашом — записывать. Но до сих пор она ничего не слышала, даже шепота.

— Я посредственный медиум, — наконец призналась она сама себе и вздохнула. Потом она взглянула в зеркало на противоположной стене комнаты и увидела пожилую женщину с верблюжьим лицом и такими же волосами. Зато глаза у неё были большие и яркие — настоящие глаза провидицы, её единственная привлекательная черта...

Зубы у госпожи Шторм были большие и некрасивые, как у гиены. Может, они отпугивали духов?

— Может, я недостойна? — прошептала она. — Или я в чем-то провинилась в глазах Всевышнего? А если так, то почему?

В чем бы ни была причина, духи не хотели общаться с Реббекой. Когда пробили часы, она встала и направилась в столовую.

Вошел Гэртон Айронкастл, её племянник.

— Гэртон, что означает этот эпифеномен[23]? Звучит кощунственно!

— Во всяком случае, это всего лишь философское кощунство, тетушка Бекки.

Молодая женщина, сидящая за столом, оторвалась от грейпфрута. У неё была фигура, сравнимая лишь с античным изваянием. Её волосы были оттенка янтаря, мёда и ржи.

— Что означает это слово, папочка?

— Эпифеномен, Мюриэль, означает, что у вас нет никакого сознательного умысла, и ты не знаешь, чего хочешь больше: жевать ветчину или задавать вопросы. Другими словами эпифеноменическое сознание существует в тандеме с вашим телом, но очень мало связано с ним или вообще не связано.

— И зачем философы изобретают такие нелепости, — возмущенно фыркнула Ребекка Шторм.

— Да, тётушка... Однако философы имеют такую возможность и всегда пользуются её. Задача философии — изобретать нелепости, которые, в конце концов, могут оказаться, а могут и не оказаться правдой.

— Всех философов нужно запереть в сумасшедший дом.

— Их безумие поможет остаться в здравом уме всем нам...

Метрдотель принес несколько яиц, дымящуюся кашу, и поставил все перед Ребеккой. Гэртону, который не любил

[23] Эпифеномен (др.-греч. — при, после, возле и φαινόμενον — являющееся) — придаток к феномену, побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния; термин, применяемый для истолкования сознания как совершенно пассивного, а потому не играющего никакой существенной роли, отражения материального (или идеального) содержания мира. Употребляется представителями естественнонаучного материализма (Т. Гексли, Ф. Ле-Дантек) и некоторыми философами-идеалистами (Э. Гартман, Ницше, Сантаяна), а также сторонниками бихевиоризма.

яйца, подали мясо на гриле и пару маленьких колбасок. Еще к завтраку добавили чайник, булочки, масло и горшочки с джемом. Без дальнейшего обсуждения все занялись завтраком. Гэртон приканчивал свой последний ролл с джемом, когда доставили почту. Ребекка выудила из пачки два письма и газету «Церковь». Гэртон забрал «Нью Йорк Таймс», «Балтимор Майл», «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Геральд», а также письмо и телеграмму. Вскрыв телеграмму, Айронкастл прочитал её и объявил:

— Сегодня нас посетят племянник и племянница из Франции.

— Ненавижу их, — пробормотала Ребекка.

— Моника очаровательна, — проговорила Мюриэль.

— Как некромант, который принял образ молодой девушки, — заметила Ребекка. — Не могу смотреть на неё без содрогания. Она привлекает взгляд, но выглядит ужасно.

— Что-то в ваших словах есть, тетушка, — согласился Гэртон. — Однако мне она показалась очень ограниченной, слишком сильно предана тем, кого любит...

На конверте письма стоял штамп Гондороко, до сих пор мало изученной африканской страны, хотя и шел уже 1920. Из первого конверта Гэртон достал ещё один конверт. Тот был подгнившим и грязным, покрытый высохшими крылышками и лапками раздавленных насекомых.

— Это от нашего друга Сэмюэля. Пахнет пустыней, джунглями и болотом.

Гэртон вскрыл письмо, стал читать, и загадочное выражение появилось у него на лице. Перед тем как закончить читать это послание, он начал прерывисто дышать. Наконец он отложил письмо.

— Не знаю, не знаю... Это письмо читается, как один из фантастических романов Райдера Хаггарда.

— Ради бога, отец! О чем там говорится? — спросила Мюриель.

— Не могу рассказать вам, если только вы не дадите честное слово не рассказывать никому содержание этого письма. В противном случае...

— В противном случае мы просто умрем от любопытства, — заметила Мюриэль. — Конечно, даю слово.

— А вы, тетушка?

— Да, даю слово.

Гэртон, обычно совершенно спокойный, явно был взволнован. Мюриэль и без того знала, что это не обычное письмо, даже если бы Гэртон ничего не сказал о нем.

— Вы знаете, что Сэмуэль Дамлей отправился в Африку на поиски новых растений. Он надеялся найти подтверждение своей новой теории. Он назвал её «Теорией круговой трансформации»... Вот он и отправился в глубь Гондороко, где пропало уже несколько европейцев. Кстати, его письмо отправлено именно оттуда.

— И кто же доставил его? — поинтересовалась Ребекка.

— Какой-то чернокожий. Он принес его на британский аванпост, и оттуда оно было отправлено по почте в новом конверте.

Гэртон, казалось, ушел в себя. Его взгляд казался пустым.

— Ну и о чем же пишет Дамлей? — спросила Мюриэль.

Гэртон вышел из задумчивости.

— Да! Что же он там нашел?.. Он нашел там то, что, кажется, больше нигде не существует. Растения и животных, которые сказочно отличаются от тех, что обитают в любой другой стране.

— Больше, чем обитающие в Австралии?

— Намного! Он пишет, что это словно существа с Марса! Еще он пишет, что когда-то в далеком прошлом, возможно, миллионы лет назад, серия катаклизмов неведомой природы поразила тот район. А размером район с третью часть Ирландии. Но это небольшой район для такого огромного континента, как Африка. Туда трудно добраться и, видимо, еще труднее выбраться оттуда. Эта страна табу для большинства племен, которые обитают по соседству... Так или иначе, а населена она гигантскими животными и рептилиями, не известными науке. Ещё Дамлей пишет, и я знаю, что вы можете подумать, что он сумасшедший, что там обитают теплокровные рептилии[24]! Существуют также млекопитающие, которые, может быть, столь же разумны, как люди. Но растения... он пишет... Я в самом

[24] Такое заявление могло показаться невероятным не только в 1920-м, но и в 1974-м. Но посмотрите «Ренессанс Динозавров» Р.Т.Баккера (издательство «Научная Америка», апрель 1975). *(Прим. автора).*

деле не знаю, что он имел в виду... Чрезвычайно сложны в анатомическом строении. И они в состоянии держать людей под контролем!.. Что означает — держать людей под контролем?

— Это пахнет колдовством, черной магией! — заметила Ребекка.

Гэртон едва заметно улыбнулся.

— Но нужно ли всем фактам давать сверхъестественное объяснение, тетя?

—Неужели господин Дамлей так и написал, что растения разумны? — поинтересовался Мюриэль.

— Он пишет не так. Он пишет, что они имеют «таинственные свойства, напоминающие наши ментальные способности». Что бы это ни значило... И еще он утверждает, что они могут каким-то образом защитить себя. И победить!

— А могут они двигаться?

— Нет. Но они могут расширять границы досягаемости, расти с невероятной скоростью. Это делает их, в некотором смысле, мобильными.

— Этот Сэмюэль Дамлей безумец, — заметила Ребекка. — Или же он попал под власть Сатаны.

— Есть только один способ выяснить, — пробормотал Гэртон. — Отправиться туда и посмотреть самим.

— Ты же говоришь это не серьезно? — удивилась Ребекка. — Ты же не собираешься туда отправиться, для того чтобы присоединиться к этому сумасшедшему?

— Именно это я и собираюсь предпринять, тетушка Беки. Или, по меньшей мере, попытаюсь сделать это. Сэмюэль ждет меня.

— И вы бы не отказались взять с собой вашу дочь? Или оставите её без присмотра в окружении множества молодых людей? Уверена, не у всех из них благородные намерения...

Мюриэль засмеялась и добавила:

— Сейчас не 1880 тетушка Ребекка. Я могу сама о себе позаботиться, — а потом, помолчав, добавила: — В любом случае я хочу отправиться с отцом.

— В пустыню и джунгли, — пораженно протянул Гэртон. — Вы должны...

— Если бы я была твоим сыном, ты не стал бы возражать. Я натренирована точно так же, как и любой мужчина. Разве

я не путешествовала с тобой в Аризонну, в Скалистые горы, не сопровождала тебя на Аляску? Разве я когда-нибудь была обузой?

— Нет, — согласился Гэртон. — Но ты девушка, Мюриэль.

— Этот аргумент устарел. Посмотри, папочка, тебя не было по крайней мере два года. Я скучала по тебе и очень беспокоилась. Нет, я хочу поехать с тобой и поеду.

— Мюриэль, — прошептал он. Теперь Гэртон выглядел очень озабоченно и злился на дочь.

В этот момент вновь появился слуга. Он принес визитку на серебряном подносе. Гэртон взял карточку и прочитал вслух:

— Филлипп де Марангес. А снизу карандашом приписано: «Моник».

Гэртон встал.

— Пойдем посмотрим...

— Не надейся на то, что тебя выручит этот перерыв, папочка, — ехидно бросила ему вслед Мюриэль. — Ты не можешь не ответить мне.

Гэртон проигнорировал её замечание. Он вышел из комнаты. За ним последовали обе женщины. В холле их ждали молодой мужчина и женщина. Филлипп де Марангес оказался высоким и поразительно красивым мужчиной. С сильным лицом и черными глазами, словно горячая лава. Тем не менее именно Моник привлекла всеобщее внимание.

«Должно быть, так выглядела Далила», — подумала Ребекка.

Гэртон поприветствовал парочку, а затем стал задавать вопросы. Европеец принял прямоту американца и отвечал только так.

— Почему я пришел сюда? Причина простая. Я хочу найти работу.

— Зачем? — спросил Гэртон.

— В основном из-за Моник. Наш отец оставил нам наследство с большими долгами и совершенно неопределенным доходами.

— Боюсь, мой дорогой мальчик, что вы не имеете нужного дара для бизнеса. Вы должны были бы обратиться к специалисту, с которым смогли бы обсудить свой капитал. Я не вижу в Балтиморе никаких шансов для таких, как вы.

Может быть, мой племянник. Сидней Гатри сможет вам помочь. Лично я совершенно далек от бизнеса.

— Я знаю, что у меня нет никаких особых способностей, — вздохнув, заметил Филлипп. — Но мне нужно делать что-то...

Но Марангес, казалось, особо не беспокоился. Он посмотрел на Мюриэль так, словно хотел подхватить её на руки и как можно быстрее бежать отсюда. Гэртон не собирался ему мешать. Большинство молодых людей, глядя на неё, скорее всего думали точно так же. Потом он подумал: «Может, и в самом деле взять её с собой?» Баланс опасности по сравнению с Африкой был неизменен. А там, как она говорила, она сама могла о себе позаботиться.

— Внешне вы намного лучше подходите для рискованной жизни в экзотических местах, чем для бизнеса в Балтиморе, — заметил Гэртон, обращаясь к Марангесу. — А война приучила бы вас к лишениям? Вы можете вынести лишения, как Бартон[25], Стенли[26] или ваш Маршан[27]?

— Я всегда мечтал о такой жизни!

— Мечты, столкнувшись с реальностью, часто превращаются в ночные кошмары. Вам придется бороться с сильным дискомфортом, каннибалами, усталостью, лихорадкой, ядовитыми насекомыми... Бог знает, с чем еще...

— Вы думаете, очень удобно летать на высоте пять тысяч метров на Спадах[28]? На летающей машине, которая одновременно и хрупкая, и капризная? Или лихорадка и львы опаснее немецких пилотов? Я готов ехать... при одном условии, чтобы это приключение обеспечило финансами Моник.

— Не могу ничего гарантировать, кроме неудобств. Но в той стране, куда я собираюсь, много золота и серебра,

[25] Бенджамин Смит Бартон (1749-1815) — американский ботаник.

[26] Генри Мортон Стэнли, настоящее имя — Джон Роулендс (1841 — 1904) — британский журналист, знаменитый путешественник, исследователь Африки.

[27] Жан Маршан (1650 — 1738) — французский ботаник, член Французской академии наук.

[28] СПАД S.XIII — одноместный истребитель. Опытный самолёт совершил первый полет 4 апреля 1917 года. Первые экземпляры попали на Западный фронт к концу мая 1917 года. Самолеты использовались в авиации Великобритании, Бельгии, Франции, Италии и США. В послевоенные годы самолеты этого типа экспортировались в Бельгию, Чехословакию, Японию и Польшу. Было построено в общей сложности 8472 экземпляра этого самолёта.

изумрудов и алмазов. Но это всего лишь слухи, хотя исследованная часть Гондороко богата ценными минералами, поэтому можно предположить, что неисследованная часть настолько же богата. Кроме того, там полно живых сокровищ, которые вас и вовсе не заинтересуют. Если удача будет на нашей стороне, вы сможете обеспечить Монике неплохое приданное. С другой стороны. ваши кости могут остаться сохнуть в пустыне или гнить в болоте. Обдумайте этот аспект проблемы.

— С моей стороны было бы глупо колебаться. Единственное, не стану ли я помехой для вас?

— Судя по рекомендательному письму, вы, Филлипп, хороший стрелок. Любой, кто сбил тридцать три немецких самолета, а ведь на некоторых из них летали лучшие пилоты Германии, должен быть хорошим стрелком. Ваши рекомендации впечатляют... Мне нужны надежные спутники. Еще собираюсь взять с собой Сиднея Гатри... сейчас он в Балтиморе... Вы оба будете незаменимыми спутниками.

— Вы говорили что-то о живых сокровищах?

— Забудьте о моих словах. Поговорим об этом позже.

И Гэртон, казалось, ушел в себя.

Глава 3. Ужасная ночь

Тьма одеялом накрыла древний лес. Звери, которые весь день кормились, отправились спать. Те, кто занимались ночной охотой, начали пробуждаться. И те и другие двигались медленно, хотя не всегда спокойно, прячась в тени деревьев — древних бесчувственных безразличных королей этого королевства теней.

Но в самой густом уголке леса затрещали ветви. Волосатое существо, сорвавшись с баобаба, растянулось на земле. Его четыре темные кисти оказались крепко сжаты в кулаки.

Неуклюжей шаркающей походкой низкобровый полузверь напоминал обезьяну, но его челюсти и густо заросшая волосами грудь были. как у льва. Странное создание пролежало на земле довольно долго, пойманное в сети сна, где прошлое — туман, а будущее немыслимо. Наконец, он крикнул, издав странный

звук, одновременно мягкий и грубый. Из темноты вынырнуло четыре существа — женщины с такими же темными и звериными лицами. Руки — как ноги, а ноги — как руки. Солнечные лучи, фильтрованные через многочисленные слои зеленой листвы, сверкали в их странных желтых глазах. За ними следовали шесть молодых, игривых и шумных существ, не готовых провести долгую ночь во сне.

Самец поднялся, встал на ноги, загудел и повел свою группу на запад, где уже готово было спрятаться за горизонтом огромное красное солнце...

Странные существа брели через джунгли, молодые баловались, прыгали, боролись, издавая пронзительные прерывистые крики. Неожиданно самец остановился. Он приглушенно зарычал, предупреждая. И его рык разом запечатал уста его спутникам. Они замолчали и замерли. Мужчина осторожно отправился дальше, а те, кто сопровождал его, остались позади. Вскоре самец оказался на краю маленькой поляны. Здесь он опустился на все четыре конечности, пополз, остановился и выглянул на поляну из-за куста. Впереди он увидел несколько обгорелых пней, папоротник и травянистые растения.

И еще он увидел огонь. Не бесконтрольный огонь, вызванный ударом молнии, а огонь под контролем существ, которые ходили прямо на двух ногах, держа тело вертикально. Они невозмутимо стояли или сидели вокруг огня, подбрасывая сучья. Огонь умирал, по мере того как солнце заходило. И когда тени сгустились, пламя словно ожило, стало вначале розовым, а потом алым. Оно высветило группу странных четвероногих существ с длинными шеями и большими горбами, а также маленьких рогатых блеющих тварей.

Урчание донеслось из-за кустов на противоположной стороне поляны. Существа, следившие за костром, прекратили перешептывания и тоже уставились на противоположный край поляны. Один продолжал что-то говорить, а остальные, казалось, расслабились и, повернувшись к источнику рычания, взяли в руки странные палки.

Ветра не было, и поэтому самец не смог учуять запаха зверя, который зарычал. Но он узнал рык. Львы. Они прятались. Пламя костра высветило их чудовищные головы. Тут

находиться было не безопасно, но самец не собирался отступать. Молчаливый приказ пришел к нему из леса от древних царей... Самец должен был оставаться на месте, наблюдая за происходящим. Львы не знали, что такое огонь. Они никогда не видели, как он несется через сухую траву или пожирает древних царей этой страны... Огромные кошки знали только треск ужасных молний, который сопровождал бури, но боялись пульсирующего пламени. Их инстинкты говорили им, что здесь присутствовала более могущественная сила. Тем не менее они оставались на краю поляны.

Самец-примат знал об огне. Три раза в жизни он сталкивался с ним. Живое и в то же время неживое существо ревело, рычало и бесконтрольно росло. В тусклой памяти самца проплывали картины: тысячи лесных существ безмолвно несущихся в панике, тысячи крыльев, бьющих в воздухе. На его руках и груди было полно шрамов. Да и сам самец порой просыпался и кричал от воспоминаний о нестерпимой боли ожогов...

Странные существа за оградой из сучьев равнодушно наблюдали за приближением льва. Всего за оградой пряталось пятнадцать существ, черных, как огромные обезьяны, и семь мужчин и женщин с бледной кожей.

Лев — предводитель прайда — взревел, запрокинув голову. Другие кошки — самец и две самки, вышли следом за вожаком. Второй самец подался чуть вперед, львицы разделились: одна отошла направо, другая — налево. Неожиданно высокий человек с бледными волосами закричал:

— Не стреляйте!

В тот же самый момент другой белый оглянулся и увидел огромных обезьян на краю зарослей по другую сторону поляны. Белый человек что-то прокричал. Остальные повернулись. Кто-то из черных застонал от страха.

— Не стреляйте! — распорядился блондин. — Львы, похоже они собираются нападать. То же касается горилл. Они словно поглазеть на нас пришли.

— Невероятно, но факт, — согласился другой белый с винтовкой. — Не думал, что они выйдут к костру... и все же...

Один из черных быстро заговорил на своем родном языке. Высокий блондин ответил ему на том же языке. А потом белый снова заговорил на английском:

— Наш проводник не может понять, что тут делают львы. Это существа саванн, а не джунглей. Их тут быть не должно.

Он снова взглянул себе за спину, а потом вгляделся в пре плетение теней.

— Они такие же большие, как гориллы. Но это не гориллы.

— И что такого? У нас десять стволов и «максим», — объ явил гигант. У него были гранитные челюсти и зеленые глаза с блестками янтаря и меди. Его волосы по цвету напоминали львиную шкуру. Это был Сидней Гатри, племянник Гэртона Айронкастла.

Два льва проревели, шагнув вперед. Обезьяны привста ли. Волосы у приматов встали дыбом. Они удивлялись, по чему двуногие не сбежали. Может, они пленники, и не могут выбраться из-за забора сучьев?

Один из чернокожих потянул за рычаг пулемета «максим» 45 калибра. Гатри, в свою очередь, навел ружье для охоты на слонов на льва-вожака. Филлипп де Марангес, уверенный в своей меткости, не сводил взгляда со второго льва. Эти люди ничуть не боялись. Они действовали быстро, при этом держали себя в руках. И тут неожиданно заговорил один из чернокожих. Словно зачарованные и все разом повернулись, уставившись на огромного самца обезьяны, который появился на краю поляны. Но не люди были целью примата. Он обошел вокруг забора, очевидно, собираясь напасть на львов. Приблизившись к огромным кошкам, он взревел, продемонстрировав огромные зубы. Однако у него не было огромных, длинных клыков гориллы.

— Ни у одной из известных науке обезьян нет таких зубов, — заметил Гэртон.

— Этот примат, он что — спятил? — поинтересовался другой белый человек. Говорил он с британским акцентом, а его красивые черты чем-то напоминали профиль поэта Шелли[29].

— Не знаю, — протянул Гэртон Айронкастл. — Ни одна горилла не станет так себя вести... Вот и выходит, что он вовсе не горилла, впрочем, это я уже говорил.

Самец обезьяны неожиданно остановился, сорвал несколько травинок и подбросил их в воздух.

[29] Перси Биши Шелли (1792 — 1822, утонул в Средиземном море между Специей и Ливорно) — английский поэт. Был женат на Мэри Уолстонкрафт Шелли.

— Его поведение соответствует повадкам горилл, — сообщил Гэртон. — Определенно агрессивный жест. Примат не блефует. Если бы он блефовал, то держался бы поближе к своей группе.

Самец двинулся вперед. Инстинкты говорили ему бежать, но тело само двигалось вперед. Цари лесов приказали так поступить, и он не мог не повиноваться их приказам. Зачем ему сначала велили напасть на двуногих? А мгновение спустя отменили этот приказ, принуждая вместе этого напасть на львов? Темные мысли вяло шевелились в голове примата. Со стороны могло показаться, что он раздумывает, переполненный сомнениями.

Неожиданно большой лев вскочил с места. Он пробежал вдоль изгороди и прыгнул. Приземлившись, он обрушился на предводителя обезьян, ударив его двумя передними лапами. Сцепившись, примат и кошка покатились по земле.

— Спасите его, спасите его! — закричала девушка.

Гэртон с любопытством посмотрел на неё.

— Зачем?

— Он выглядит почти человеком.

Марангес попытался прицелиться во льва, но противники катались по земле, и стрелять было невозможно. Примат, хоть и разодранный когтями и клыками хищника, сумел перебраться на спину льва. Потом он сжал руки вокруг могучего горла, сцепил руки и начал выкручивать шею хищника. Гигантский кот ревел и катался, пытаясь перевернуться, чтобы раздавить «наездника». Он повалился на бок, но обезьяна по-прежнему обвивала его ногами, сжимая пальцы на его горле. Неожиданно рев оборвался. Но лев ещё боролся, дергал лапами. Глаза его, казалось, готовы были вылезти из орбит.

— Смотрите! — воскликнул Гэртон. Он вскинул винтовку и выстрелил. Львица, которая хотела было помочь самцу, упала... и больше не встала.

— Стреляйте по остальным львам, — приказал он, а пулеметчику крикнул. — Тебя это не касается!

Марангес сразил другого самца пулей в шею, и лев рухнул. Львица повернулась, чтобы бежать, но пуля Гатри ударила её в ногу. Огромная кошка, хромая, метнулась в кусты и исчезла. Всеобщее внимание вновь вернулось к сражающейся паре. Лев отчаянно боролся, пытаясь вдохнуть воз-

духа. Примат рычал, его желтые глаза горели, Неожиданно все закончилось.

Примат ослабил хватку и отполз в сторону, его внутренности волочились следом по земле. Люди мгновение молчали. Им казалось, действо, свидетелями которого они только что стали, являло собой не поединок двух зверей, а схватку между зверем и человеком. Первым прервал молчание Гэртон.

— Почему наши предки не имели силу этого антропоида?

— Неужели мы ничем не можем помочь этому несчастному? — спросила девушка.

— Можем, по крайней мере, посмотреть, что можно сделать для этого зверя, — ответил англичанин, баронет, сэр Джордж Куртис.

Опустошив обойму .577snider[30] Гатри заявил:

— Пошли.

Айронкастл приказал чернокожим принести несколько факелов. И хоть огонь освещал поляну, свет не мог рассеять тьму в кустах за пределами расчищенного места. Айронкастл не знал, что ещё может скрываться во тьме. Это была Африка, которую Гэртон Айронкастл отлично знал, и в то же время это была не та Африка. Они находились на странном плато, в поистине чудесном месте...

Самки обезьяны медленно подобрались к раненому самцу, охая от сожаления. Когда чернокожие убрали часть изгороди, открыв проход, они остановились. Выпучив глаза, они стали ждать, что станут делать эти странные двуногие, а потом, развернувшись, бросились назад в кусты и, замерев, уставились на странных существ большими желтыми глазами. К тому времени как люди добрались до самца-примата, тот пришел в себя и даже попытался уползти. Он лежал на спине, разодранный, окровавленный, отчасти вывалив кишки на землю. Когда люди подошли поближе, он повернул голову, но не шевельнулся, не

[30] .577 Snider — британский унитарный винтовочный патрон для винтовки Снайдер-Энфилд. Патрон заряжался дымным чёрным порохом и имел тупоконечную пулю диаметром 14,7 мм. Ранние .577 Snider делались из бумаги, с металлическим основанием и грунтовкой, а потом оболочка делалась из латуни, как и патроны следующего поколения типа .303 British. Коммерческое производство .577 Snider в связи с устареванием было завершено в 1930 году. Тем не менее патроны используются до сих пор в Великобритании, по состоянию на 2012 год. Их производят, переобжимая патроны 24 калибра кустарным способом.

проронил ни слова. Когда они оказались в нескольких футах от него, он закрыл глаза, и рот его приоткрылся, словно он хотел что-то сказать.

— Мы ничего не сможем сделать для него, — подытожил Сидней. — С другой стороны, зачем нам помогать ему? Какая нам от него польза?

— Никакой, — вздохнул Марангес. — Но как можно говорить о пользе жизни человеческого существа?

— В самом деле, он скорее человек, чем животное, — тихо проговорила Мюриэль.

Гэртон внимательно осмотрел раненого примата, а потом повернулся к Мюриэль и поинтересовался:

— Что, делаешь здесь? Тебя тут быть не должно. Возвращайся в лагерь. Тут опасно.

— Чепуха, папочка. Пока вы все тут вокруг меня, я в безопасности. Как и в лагере. С другой стороны, я хочу посмотреть на это... существо... поближе.

Гэртон только пожал плечами и вздохнул:

— Хорошо. Я забыл, я ведь обещал относиться к тебе точно так же, как к другим мужчинам, — а потом Гэртон обернулся к своим спутникам. — У кого-нибудь есть маленькое зеркальце?

Все разом повернулись к Мюриэль. Она покачала головой.

— У меня вроде бы было, — проговорил Филлипп де Марангес. Достав, он передал его Гэртону, и тот опустился на колено рядом с приматом.

— Будьте осторожны! — предупредил Гатри. — Он может убить вас одним ударом!

— Он достаточно разумен, чтобы понимать, что я пытаюсь ему помочь, — ответил Гэртон. — Я думаю...

Айронкастл медленно поднес зеркальце ко рту обезьяны.

— Выглядит мертвым. Но это не так.

Потом он показал своим путникам запотевшее зеркальце.

— Неужели его можно вылечить? Как он смог вынести такие ужасные раны? — удивился Марангес. — Он потерял много крови, слишком много...

— И мы даже не попытаемся? — спросила Мюриэль.

— Попробуем. Если бы он был человеком, то у него не было бы никаких шансов. Но жизнеспособность подобных существ просто невероятна.

Четыре чернокожих подхватили существо за руки и ноги и осторожно перетащили его в огороженное пространство. Потом разрыв в заграждении снова закрыли, и Гэртон достал свой медицинский саквояж.

— Мы можем продезинфицировать и зашить некоторые из его ран. Но сначала займемся кишками.

Потом он взглянул на Мюриэль.

— Ты смогла бы мне ассистировать? Но я могу попросить кого-то другого помочь мне зашивать раны.

— Я могу делать все, что может любой мужчина. И я не теряю сознание при виде крови.

— Надеюсь... Что ж, приступим...

— Самки выходят, — объявил Гатри.

Но Гэртон был слишком занят, чтобы посмотреть. Когда он это сделал, он заметил несколько пар желтых глаз, которые следили за ними из переплетения ветвей. — Они не такие робкие, как гориллы, — пробормотал он. — Коурам! Возьми нескольких мужчин и успокой этих проклятых животных!

Коурам закричал, отдавая приказы чернокожим...

Марангес нагнулся, чтобы наблюдать с каким мастерством отец и дочь Айронкастлы управляются иглами и нитками.

— Гориллы успокоились? — только и спросил он.

— По большей части. Все эти истории, которые вы слышали о гориллах, похищающих туземок и нападающих на туземных охотников, всего лишь байки. Они иногда дубасят или убивают туземцев, но только когда они удивлены или застигнуты врасплох. А потом они обычно убегают. Или пытаются напугать туземцев, используя любой блеф. Как вы знаете, я бывал в Габоне, с англичанином, которого звали Джоркенсом... Ладно, не суть... Это еще одна сказка. Это правда, но звучит невероятно...

Мюриэль закончила зашивать глубокую рану на скальпе. Потом она посмотрела на существ по ту сторону изгороди и заметила:

— Бедняги. Они стонали, когда я его зашивала.

— Они скоро все забудут, — пробормотал Филлипп де Марангес. — У обезьян короткая память.

— Но я говорил вам, они — не приматы, — возразил Гэртон. — Если я верно помню, то господин Дарвин писал, что

огромные обезьяны, наши двоюродные родственники. Боковая ветвь генеалогического древа. Но это животное может оказаться потомком наших предков. Дальний родственник, который ближе нам, чем обезьянам.

— Дальний родственник! — фыркнул Марангес. — Я, например, не верил, что наши предки были обезьян.

— Может быть, все наоборот, — ухмыльнулся Гэртон. — Тем не менее существует множество доказательств того, что мы произошли от какого-то примата. И я подозреваю, что наука в будущем отыщет все необходимые доказательства. А в настоящее время считается, что наши волосатые Адамы и Евы явились из Азии. Но кто знает, что откроют эти новые данные. Быть может, выяснится, что человечество зародилось именно на этом континенте.

Айронкастл продолжал латать несчастного. Грудь человека-обезьяны поднималась и опускалась, но он оставался без сознания.

— Если он хочет получить хоть какой-то шанс на выживании, о нем нужно позаботиться. Если бросить его так...

— Мы не можем так поступить! — взорвалась Мюриэль.

— Нет, дорогая, мы его не бросим. Если конечно, он не станет слишком большой обузой. Или это слишком опасно, чтобы тащить его с собой.

Обезьяна закричала. Гэртон повернул голову и увидел, что Коурам указывает на северную сторону поляны. Его рука дрогнула, он стал пепельного цвета, несмотря на черную кожу.

— Что там, Коурам? — поинтересовался Гатри.

Простонав, Коурам объявил:

— *Низкорослые.*

Гэртон распрямился. Он был весь испачкан в крови. Поляна казалась пустой. И он не видел, что происходило в темноте за его пределами. Единственные звуки — отдаленное рычание диких зверей, обычные ночные звуки джунглей.

— Я ничего не вижу, — заявил Филлипп де Марангес.

— *Низкорослые* там, — заверил Коурам. — Я их видел.

— Что за *низкорослые*? — поинтересовался Гэртон.

— Это люди, рожденные в лесу. В отличие от этих... обезьян, они безжалостные, хитрые, коварные. Их невозможно

поймать. Но они могут поймать людей... Они охотятся на людей.

— Вон там! — воскликнул сэр Джордж. — Видите силуэт на фоне папоротников! Нет! Там его уже нет!

— Я тоже видел его, — проговорил де Марангес. — Он действительно выглядел, как человек.

— Пигмей? — поинтересовался Гэртон.

— Нет, вовсе не пигмей, — заверил Коурам. — Они — не совсем люди, хотя у них есть копья, каменные топоры и дубины. Их много. Они ставят ловушки. Они питаются... — тут он заколебался.

— И чем это таким они питаются? — нетерпеливо перебил спросил Гатри.

— ...павшими, господин.

Пламя костров зарычало, словно живое существо. Тут и там, затрещали ветви, словно гигант топтался в кустах, наступая на ветки. Искры взметнулись в небо, словно светлячки. Лес, казалось, дышал, словно, подступая ближе, тянулся к огню. Но это ничуть не напоминало движение усталого путешественника, который ищет тепла и компании. Лес дышал и надвигался угрожающе.

Глава 4. Низкорослые

— *Низкорослые,* или *кваганы,* — пояснил Коурам. — Они рождены лесом, болотом и зверем облаков.

— Трое родителей? — удивилась Мюриэль.

— Да, — подтвердил Коурам. — В те дни все было не так, как сейчас. Глаза *низкорослых* горели зелеными огнями в ночи, и они могли видеть в темноте... У них большие тела и короткие руки и ноги. Волосы напоминают шерсть гиен. У них практически нет носа, только отверстия надо ртом. Они живут племенами, самое малое из которых насчитывает сотню воинов. Они редко пользуются огнем, редко готовят пищу на костре и ничего не знают об обработке металлов. Их оружие из дерева или камня... *кваганы* не знают, как обрабатывать землю. Они в такой же степени невежественны

в искусстве плетения ткани и не умеют лепить из глины. Они едят мясо, орехи, нежные побеги, молодые листья, коренья и грибы. Они воюют между собой, не зная никакой пощады, пожирают раненых и пленных, мужчин, женщин и детей. Особенно они любят плоть детей. Северные племена, рыжеволосые, ненавидят тех, кто живет в центральной части страны, — черноволосых. А те, кто живут на западе, гордятся тем, что волосы на их телах имеют синеватый оттенок... Последние годы численность их резко уменьшилась. Они совершенно не боятся смерти и всегда глумятся над своими мучителями. А лица их выглядят так, словно они наполовину люди, наполовину быки. Воняет от них, как от горелого мяса.

— Откуда ты все это знаешь? — поинтересовался Марангес. — Ты видел этих *низкорослых* или близко общался с ними?

— Да. Вскоре после того, как я прошел обряд посвящения и стал мужчиной, меня взяли в плен воины рыжего племени. Они планировали съесть меня, хотя так и не сказали мне об этом, и смеялись. Я выжил лишь потому, что у них были другие пленники. Нас связали лианами. Их колдуны пели на незнакомом мне языке, и в руках у них были топоры и цветущие ветви... А потом мы неожиданно услышали вопли, и из леса полетели копья. В сумерках на них напали. Во время боя я ослабил свои путы, освободился и побежал в сторону равнины.

Коурам замолчал, словно уснул. Гэртон был явно расстроен. Его главной заботой была Мюриэль, или так казалось, потому что он все смотрел на неё. Марангес также не сводил глаз с девушки. А вот Сидней Гатри без страха и беспокойства уставился во тьму джунглей. Его молодость, его энергичность заставляла его без страха взирать в будущее. Сэр Джордж Куртис после долгих путешествий по Востоку,заразился фатализмом от арабов и монголов.

— Что могут сделать нам эти бедолаги? — поинтересовался великан. — Одного пулемета вполне достаточно, чтобы уничтожить целое племя. Винтовка крупного калибра разорвет слона на куски. Марангес и Кертис — снайперы и могут стрелять со скоростью двадцать выстрелов в минуту. Даже

Мюриэль хорошо стреляет. Все наши люди хорошо вооружены. Мы можем уничтожить их на расстоянии двадцати бросков копья.

— *Низкорослые* знают, как оставаться невидимыми, ответил Коурам. — Если копье поражает людей и зверей, кажется оно прилетает ниоткуда.

— Земля вокруг наших костров — голое пространство. Только заросли папоротников и трава...

Что-то просвистело в ночи. Копье, длинное и искусно сделанное, пронеслось над костром. И все отлично видели, как подскочил маленький черный козленок — копье пробило ему бок. Неожиданно звездная ночь наполнилась опасностью. Кертис и Марангес пристально всматривались во тьму, только горящие глаза сверкали. Старый Коурам слабо вскрикнул.

— Вы ничего не видите? — проговорил Марангес.

— Только заросли паротников, мой господин.

Филлипп прицелился и выстрелил в три разные стороны. Раздалось два резких крика. Темное тело метнулось среди папортников и упало, а потом раненый пополз в невысокой траве. Марангес заколебался, прежде чем ещё раз выстрелить в него. Потом туземец исчез, словно его поглотила земля. Долгие зловещие крики, вопли, подобные вою волка и смеху гиены, разнеслись по лесной поляне. Снова наступила мертвая тишина. Судя по Южному Кресту, сейчас было во семь вечера. Маленький черный козлик заблеял и умер.

Коуран, подняв копье, передал его Айронкастлу. Американец внимательно осмотрел его.

— Наконечник выточен из гранита. Установи палатки, Коурам.

— Гранит! — воскликнул сэр Джордж. — Как такое может быть? Уверен? Дайте мне взглянуть? Гранит нельзя разбить, как кремень. Но на острие нет никаких сколов.

Гэртон передал ему наконечник. Баронет внимательно осмотрел его, покрутил, разглядывая через увеличительное стекло. Наконец, он проговорил:

— В самом деле гранит! Удивительно! Края такие острые, словно это скол кремня! Но как?..

— Мы должны это выяснить, но сначала устроим военный совет! — воскликнул Гэртон.

Когда все белые собрались вместе в большой палатке, черные принесли просо и жареное мясо. Эта была мрачная трапеза. Только Гатри казался переполненным оптимизма.

— Вокруг лагеря территория расчищена. Ближайшие заросли достаточно далеко, чтобы кто-то смог бросить оттуда копье. Так что спать мы сможем спокойно.

— Но, так или иначе, они станут угрожать нам своими копьями, когда мы покинем лагерь.

— Почему? — удивился Гатри. — Думаю, тут бояться нечего...

— Не понял, Сидней. Вы же не можете говорить серьезно.

— Но разве вы не помните, дядюшка Гэртон? Я ожидал, что нас может обрушиться дождь отравленных стрел. Я посылал в Нью-Йорк за необходимым обмундированием.

— Верно. Ты говорил мне об этом, но я совершенно забыл.

Гатри рассмеялся, а потом крикнул:

— Эй, Коурам! Принеси мне желтый мешок!

Через десять минут два негра принесли плоскую сумку из светло-коричневой кожи. Все с напряженным любопытством следили за происходящим. Сидней осторожно открыл сумку, достал кучу одежды, которая выглядела, как непромокаемые пальто.

— Новая ткань. Податливая резина и металлик. Вот перчатки, штаны, капюшоны.

— Вы уверены, что они смогут защитить нас от стрел?

— Вот.

Он развернул один из костюмов и повесил его на стену палатки. А потом предложил Айронкастлу.

— Сможете ли вы метнуть копье?

Гэртон поднял копье и бросил его. Копье отскочило от одежды.

— Материал цел, — объявил Марангес. — Гранитный наконечник лишь слегка продавил его.

— Никогда не сомневался в крепости этой брони, — тихо проговорил американец. — Паддинг и Мортлок изготовили эту одежду. Они являются лучшими мастерами для такого рода работы. *Низкорослые* лишь зря потратят яд и стрелы. К сожалению, с нами верблюды, ослы и козы. Если они погибнут, это

причинит непоправимый ущерб нашей экспедиции. Вот почему я хочу уничтожить любые растения вокруг лагеря, которые смогут скрывать туземцев.

— Но рядом с лагерем остались одно дерево и три или четыре куста папоротника, — распорядился сэр Джордж.

Сидней надел самый большой комплект одежды, гибкую маску и натянул штаны.

— Давайте расчистим территорию.

Куртис, Айронкастл, Марангес, Мюриэль, Коурам и двое белых слуг — Патрик Джефферсон и Дик Найтингел последовали его примеру.

Свет алой луны залил поляну. Её лучи, словно серебряный океан, затопили все вокруг, оставив тени лишь в глубине древнего леса.

— Странно, что они больше ни кидают в нас копий, — вздохнул Марангес.

— *Низкорослые* терпеливы, — заметил Коурам. — Они поняли, что мы обладаем сильным оружием. Они будут нападать на нас открыто, только если окажутся вынуждены. Не зависимо от того, насколько хорошо они могут спрятаться, невозможно укрыться...

— Так вы думаете, что они откажутся от своего замысла?

— Они более упорны, чем носороги. Они последуют за нами. Они не нападут, пока мы не выйдем из леса. Тогда ничто не будет препятствовать им. А если мы еще прикончим кого-то из их воинов, то ненависть станет только расти!

Куртис, Гэртон и Мюриэль долго изучали местность с помощью биноклей.

— Ничего, — проговорил Гэртон.

— Да, ничего, — согласился Кертис. — Мы можем отправиться дальше.

Он взял длинный острый топор, который можно было использовать в качестве серпа.

Мюреэль склонилась над раненым приматом. Тот до сих пор был словно в коме, больше всего напоминал труп.

— Похоже, он сдох, — тихо проговорил Марангес.

— Вы так думаете? — поинтересовалась девушка. — Он потерял так много крови...

— Половину в лучшем случае...

Жалобный голос заставил их обернуться. Самки примата и молодняк все еще были тут — жались к изгороди.

— Они обеспокоены, — проговорил Коурам. — Они знают, что свирепые *низкорослые* тут повсюду. Кроме того, они не знают, что мы собираемся делать с мужчиной.

— Они не нападут на нас? — поинтересовался Айронкастл.

— Не думаю, что это так. Вы не станете убивать обезьян, и они знают об этом.

— Тогда пойдем дальше, — предложил Гатри.

Небольшая группа вышла через узкий проход в изгороди. Гатри направился к ближайшим зарослям папоротника и вырубил их четырьмя ударами топора. Потом он скосил высокую траву и одним ударом снес невысокую пальму. Наконец, он направился к кустам, в которые стрелял Марангес. Теперь тут не осталось никаких укрытий, где могли спрятаться *низкорослые.*

— Но куда делся туземец, которого вы подстрелили? — проговорил Филлипп.

— Забился в какую-нибудь щель, — ответил Коурам. — Да вот же он.

Двумя короткими прыжками Гатри, Марангес и Куртис присоединились к проводнику. Они увидели человека, вжавшегося в яму и лежавшего совершенно неподвижно. У него были рыжие волосы, словно хвост лисы, и точно такая же клочковатая борода. Его голова казалась квадратной, со срезанным подбородком, кроме того у него практически не было шеи. Лицо у него было цвета торфа, а руки казались тонкими и необычно короткими, напоминавшими клешни краба. Короткие ноги с широкими си короткими пальцами, покрытыи рогоподобными наростами. Плечи были широкими, а грудь глубоко вдавлена. Он был почти голый. Кровь залила живот и грудь. На поясе из сыромятной кожи висели топор, каменный нож, а рядом с ним на земле лежало два копья.

— В него попало три пули, — заметил Коурам. — Но он не умер. Мне его прикончить?

— Не смей! — в ужасе закричал Марангес.

— Он станет заложником, — холодно объявил Гатри.

Он наклонился и поднял низкорослого человека, словно тот был ребенком. Тут кто-то крикнул во тьме, и шесть или

семь копий просвистело в воздухе. Два из них ударили в Коурама и Гатри. Гигант только рассмеялся, в то время как Коурам с помощью жестов продемонстрировал врагам, что их атака напрасна. Острый взгляд Куртиса скользнул по лесным зарослям. Примерно в пятидесяти метрах он увидел достаточно большой куст, чтобы скрыть двух или трех туземцев.

— Что нам делать? — спросил сэр Джордж.

— Мы должны заставить их бояться нас. Если они атакуют, мы контратакуем. Пли!

Все разом подняли винтовки, но Гатри объявил:

— Подождите! Простите меня, дядя Гэртон, разве мы не должны взять пленных? Если мы могли бы допросить *низкорослых*, то смогли бы побольше узнать о них и об этой стране.

Гэртон нахмурился, а затем согласился:

— Ты, конечно, прав, но одного пленника нам будет вполне достаточно.

Гатри перебросил ружье на слонов своему носильщику и выхватил из кобуры револьвер 38 калибра. Держа его обеими руками, навел его на куст.

— Пушка на слонов разнесет человека в клочья, — пояснил он. — А этот 38-й может просто вывести из строя. Посмотрим.

Он нажал на спусковой крючок. Сразу же после этого из-под куста раздался крик. Кто-то вскочил на ноги, а потом рухнул на бок.

— Бедная зверушка! — пробормотал Филлипп.

— Не станем убивать напрасно, пусть даже эти твари убийцы и людоеды, — проворчал Сидней. — Но иного способа заставить их бояться нас не существует.

Он подхватил туземца, который так и не пришел в себя, и потащил его в лагерь. Туземцы попрятались, и Маранге с Гатри сколько не всматривались в окружающие заросли, так никого и не заметили. На сто метров вокруг не было ни одного врага. *Низкорослым* негде было спрятаться несмотря на всю их коварность.

Оказавшись в лагере, Сидней уложил *низкорослого* рядом с раненым приматом. Гэртон начал обрабатывать его раны. Два или три раза раненый жалобно вскрикнул, так и не приходя в себя.

— Он не так тяжело ранен, как человекообразный.

Коурам посмотрел на низкорослого с ненавистью и опаской.

— Было бы лучше убить его, — проговорил он. — Мы все время станем наблюдать за ним.

— У нас же есть веревки, — заметил Гатри, раскуривая трубку. — Ночь будет спокойной, а завтра осмотримся.

Мюриэль сняла маску и металлическую одежду. Теперь она о чем-то задумалась, глядя на Орион — созвездие её родины, и Южный Крест, символизирующий неведомую землю. Филлипп, похоже, был очарован дочерью Айронкастла. Она казалась ему горной нимфой, гуляющей в лесу на рассвете, — водяным духом, поднявшимся из озера в сумерках. Филлипп побледнел при мысли о той опасности, которая ей грозила.

— Не можем ли мы сделать что-то для этих бедных животных? — проговорила она, указывая на обезьян.

— Они тут как дома, — улыбаясь сказал он. — Этот лес их королевство. Тут они могут найти в изобилии все, что сделает их счастливыми.

— Но вы же видите... Они не уходят. Должно быть, они боятся *низкорослых*. Но ведь те туземцы на них не нападали?

— Они не нападают на приматов, потому что они берегут свои копья и стрелы для нас, — проворчал Марангес.

— Для нас, — со вздохом повторила девушка, повернув голову в сторону Айронкастла, который заканчивать латать раны *низкорослого*.

Сердце Филлиппа затрепетало. Он наслаждался зрелищем: звездное небо, искрящиеся угли костра и прекрасная дочь Америки, которая выглядела, словно одна из дев с острова, где языческие ангелы пытались очаровать Святого Григория. Марангес был воином, но в то же времяон был необычайно романтичен для француза в отличие от его весьма практичных соотечественников.

Глава 5. Источник воды

В эту ночь у Гэртона была последняя вахта. Вместе с ним на вахте стоялои три ниггера. Все внимательно наблюдали за лесом, окружающим лагерь.

Эта ночь напоминала любую другую ночь в лесу, ночь за сад и убийств, триумфа и страданий, урагана криков, рева, воя, треска и криков агонии тварей, которых пожирали за живо. В ночной тьме дикие звери вопили от страха, пове ствуя о жестокости дикой природы и своей боли. Радость одних и ужас других смешивались воедино. Как говорится: смерть насыщает жизнь.

«Обычная ночь, такая же, как миллион лет назад, — раз мышлял Гэртон. — Обычная беспощадная ночь джунглей... Тут каждую ночь происходит одно и то же. Безобидные зве ри всеми силами пытались выжить, гибли, становясь по не обходимости частью пищевой цепочки... И ещё будут поги бать! Господи! Сколь странные пути Твои!»

Небо, постепенно начавшее светлеть, высветило темные контуры деревьев. Воздух был пропитан свежими, опьяняю щими запахами, сладостными, как музыка, очаровывающая молодых дев; дикими, словно львы, амбициозными, как репти лии... Сильная тоска охватила американца. Он был переполнен сожаления о том, что привез сюда Мюриэль, и не мог понять собственной слабости. Мюриэль никогда не покидала его. Она была последней из его детей. Гэртон потерял двух сыновей, ког да яхта «Гром» была торпедирована неподалеку от побережья Испании. С тех пор он был не в силах противостоять желаниям своей дочери. Ближе к рассвету поднялся туман. Приглушен ный свет луны изменил формы деревьев. Звезды скрылись под белым саваном, через который мерцали, словно тусклые фо нари. Мысленно Айронкастл видел, как *низкорослые* хватают его дочь и волокут в джунгли. Снова и снова ужасное видение терзало его...

Три шакала выскочили из джунглей на поляну и остано вились, уставившись на огонь. Глядя на них, Гэртон вспом нил о собственных собаках и затосковал. Потом шакалы мет нулись в подлесок и вновь наступила тишина.

«И все же враги там есть», — подумал Гэртон.

Несмотря на свое беспокойство, Гэртон находился под большим впечатлением от навалившейся тишины, которую нарушал лишь треск пламени костра, шорох зверей, скольз ящих в глубине джунглей, и листьев, трепещущих на ветру. Легкий туман поднялся к звездам — непостижимый туман

рассвета, увлажнивший угли костров. Трое черных часовых бродили вокруг лагеря, когда начало светать, и заря высветила деревья точно так же, как небеса. А потом сонные видения пробуждающего дня растаяли в один миг. В неведомых и бескрайних глубинах джунглей стали пробуждаться дневные звери. Гэртон выудил из кармана небольшую библию. Какое-то время Гэртон читал, а потом соединил ладони, словно в молитве. Его жизнь была разделена на две отдельные части. С одной стороны, он верил в науку, с другой — верил в божественное откровение.

Тень скользнула к нему. Еще до конца не повернувшись, он уже знал, что это Мюриэль.

— Дорогая... — начал он. — Я был не прав, потворствуя твоему желанию.

— Неужели ты считаешь, что я была бы в меньшей опасности, находясь у нас дома? — спросила она. — Кто знает, что происходит сейчас в Америке?

Веселый смех перебил её. У затухающего костра появился огромный Гатри.

— Что такого могло там случиться? Полагаю, тысячи судов заполонили порты Соединенных Штатов... По железным дорогам тысячи людей спешат прочь от побережья, чтобы поскорее вернуться домой... Фермеры готовятся отужинать... а кое-кто уже сел за стол. Приближается ночь. Автобусы, трамваи и автомобили несутся по дорогам Балтиморы...

— Без сомнения, — с совершенно серьезным видом согласился Филлипп. — Но ведь там могли произойти и ужасные катаклизмы?

— Землетрясение? — удивился Куртис.

— Почему нет? Ведь не Англия, ни Франция не может обезопасить себя от землетрясений? Во всяком случае Соединенные Штаты испытали их. Но я думал о другом...

Свет наступающего дня, который можно было принять за свет Первого дня Творения, залил лес. Последний костер угас, крылья дневных птиц захлопали над лесом.

— Давайте позавтракаем, — предложил Сидней. — А потом устроим военный совет.

Коурам отдал несколько приказов. Двое черных принесли чай, кофе, консервы, печенье, копченое мясо буйволов и

колбасу. Гатри позавтракал с той же энергией, с какой он всегда относился к приему пищи.

— Как там наша горилла? — поинтересовался он у Коурама.

— Все еще без сознания, хозяин. Но *низкорослые* тоже проснулись.

Филлипп тем временем ухаживал Мюриэль. А девушка, попивая чай и поедая бисквит, обдумывала ситуацию.

— Они все еще там, — мягко объявила она.

При этом она указала на группу приматов, которые спали неподалеку от костров.

— Странно, - протянул Филлипп. — Я думаю, Коурам прав. Эти полуобезьяны боятся *низкорослых*, но те на них даже не посмотрят, когда рядом такие враги, как мы.

Большие бирюзовые глаза Мюриэль словно затянулись дымкой, и Филлипп тихо пробормотал себе под нос:

— Но они, должно быть, страшно боятся, раз остались с нами у костра, хоть и по другую сторону изгороди.

Закончив со своей порцией копченого мяса и кофе, Гатри проговорил:

— А теперь давайте прикинем наши дальнейшие планы. До тех пор пока мы находимся на этой поляне, мы в безопасности и, *низкорослые* нас не тронут. Для того, чтобы напасть на нас, им придется выйти на открытое пространство. Но мы не сможем долго торчать на этой поляне без воды и дров. Вода в миле отсюда. И без дров мы никак не обойдемся.

— Но что нам даст, если мы разобьем тут лагерь надолго? — поинтересовался Марангес.

— Это позволит нам сделать менее уязвимыми черных, у которых нет защитной одежды, — заметил Айронкастл. — Кроме того, нам нужно защитить наших животных. Если мы их потеряем, последствия окажутся совершенно катастрофическими... Но что мы станем делать, если эти проклятые каннибалы получат подкрепление? — с тревогой в голосе поинтересовался Гэртон. — Коурам, такое возможно?

— Вполне возможно, господин. Рыжие *низкорослые* редко заключают союзы, только если речь идет о войне с другими племенами.

— Значит, скорее всего, осаждающие нас дикари не получат подкрепления, — подытожил Филлипп.

— Выходит, мы устроим тут лагерь? — поинтересовался Сидней. Похоже, ему было все равно.

— Думаю, так будет лучше, — ответил Айронкастл.

— Выждем, — тихо прибавил Джордж.

— Так что там насчет воды, Коурам?

— У нас не хватит воды для животных. Мы рассчитывали на источник...

— Тогда мы должны устроить вылазку!

За вытоптанной площадкой лагеря до самой лесной опушки не осталось ничего, кроме островков бледного папоротника, травы и невысокого кустарника. А дальше возвышалась таинственная стена деревьев.

— Лагерь должен хорошо охраняться, — заявил Гатри. — Дядя Гэртон, вы лучше всех нас обращаетесь с пулеметом. Вы должны остаться тут с Мюриэль, Патриком Джефферсоном и большинством негров. Куртис, Марангес, Коурам, Дик Найтингл, пара черных и я устроим вылазку к источнику. Жаль, что мы не сможем прихватить с собой верблюда. Мы не можем больше ждать.

Айронкастл покачал головой. Идея с вылазкой ему определенно не нравилась.

— Но, если мы станем ждать, риск будет много больше. Мы должны все решить прямо сейчас.

— Сидней прав, — согласился Филлипп.

Те, кто собирался отправиться на вылазку, надели металлические одежды и маски. Гатри вооружился ружьем для охоты на слонов, топором и двумя револьверами. Марангес и Кертис экипировались аналогично, только вместо ружей у них были винтовки. Дик Найтингл прихватил кортик.

— В путь!

Этот выкрик больше напоминал удар в набат. От страха за отца и его спутников плечи девушки задрожали. Лес вдруг показался ей ужасным и огромным.

Трое черных встали по углам широкого треугольника. Филлипп, у которого был необычайный слух, следовал за Коурамом. Сидней широко шагал, и его невероятная сила вселяла больше уверенности в чернокожих, чем ружье на слонов и карабины Куртиса и Марангеса, которые редко промахивались. Остальные держались в арьергарде.

Они отправились на восток. Барсук пробежал между пальмами, а следом за ним промелькнуло несколько антилоп. Оказавшись на краю поляны, Коурам двигаясь медленно, потыкал в зеленые заросли острием копья.

— Остороженее, — проговорил Филлипп.

Среди скрипучих звуков никто не замечал почти неразличимые шорохи, которые казались дыханием леса. Но Филлипу показалось. что он различал какое-то странное движение. Путешественники нашли несколько старых тропинок. Протоптанные то ли зверьми, то ли людьми, все они вели к водопою. Небольшой отряд неторопливо двигался через джунгли. Коурам шел впереди, а следом за ним — оба негра.

— Возможно, *низкорослые* убежали, — прошептал Гатри.

— Я слышал, как кто-то скользил среди растений, — ответил Марангес.

— У тебя слух, как у волка.

Коурам приказал остановиться. Один из негров распростерся на земле, прижавшись к ней ухом.

— Кто-то ходит там, — объявил Филлипп, указывая на заросли справа от ближайшего баобаба.

— Это они, — объявил Коурам. — И еще несколько воинов прямо перед нами. Слева. Они повсюду. Они знают, что мы собираемся к источнику.

Невидимое присутствие *низкорослых* заставляло всех нервничать. Путешественники оказались в ловушке, и такая ловушка в любой момент могла захлопнуться, а туземцы могли нанести удар, атаковав. Серебристое сверкание впереди в зеленоватом полумраке теней подсказало о наличии воды — матери всего вездесущего. Когда же отряд Айронкастла отправился вперед, они увидели маленькое озеро. Гигантские белые водяные лилии раскинули лепестки. Множество птиц вспорхнули с протяжным, всхлипывающим звуком. Нервная антилопа при приближении перестала пить, вскинув голову. Отряд остановился на мысу, где растительность была вытоптана слонами, носорогами. буйволами и антилопами. Чистая и свежая вода поднималась со дня озера подводным течением и вытекала из озера тремя ручьями. Негры стали пить. Боясь заболеть от сырой воды, белые наполнили фляги, накапав в них по нескольку капель желтой жидкости.

— Теперь меха для воды.

Неожиданно весь мир взорвался фантастическим, ужасающим, почти ритмичным грохотом. Взвыли две горловые погремушки. Человеческие тени возникали и исчезали среди зарослей. Потом наступила тишина — затишье перед бурей.

— Звучит так, словно там много-много воинов, — пробормотал Коурам.

Лица черных стали пепельными. Они были смелыми, но их страх перед непонятным и сверхъестественным был почти непреодолим. Куртис и Марангес внимательно следили за подлеском. Гатри поднял ружье на слона.

Копья вылетели из гущи листвы, но попали в металлическую одежду, не причинив никому никакого вреда, а потом, отлетев, попадали в озеро.

— Без этой брони мы бы все погибли, — заметил Сидней.

— А ведь эти копья могли бы нам пригодиться, — заметил сэр Джордж, поднимая копье, которое отскочило от, груди. — Они более опасны для них, чем для нас.

— Да, эти мерзкие черви, похоже, ходят снабдить нас великолепным оружием.

Белые сбросили меха для воды на землю.

Их небольшой отряд застыл, рассматривая раскинувшееся перед ними озеро. Все животные разбежались, и теперь единственным признаком жизни осталась одинокая птица, кружащая над водой.

— И чего они ждут? — с оттенком нетерпения протянул Гатри.

— Они ожидают, когда мы умрем, — ответил Коурам. — Яд на кончиках копий действует медленно, но он смертоносен.

Только далекий крик обезьяны донесся с противоположной стороны озера. Ожидание казалось бесконечным. А затем вновь послышался шум, и из джунглей появилось два отряда *низкорослых*. Их было, по меньшей мере, человек шестьдесят, размалеванные малиновой краской. с копьями, дубинами и каменными топорами.

— Огонь! — крикнул Куртис.

Он и Марангес успели выстрелить по два раза, когда прогремело ружье на слона. Эффект от выстрела оказался чудовищным. Руки и ноги полетели в разные стороны,

оторванная голова одного из дикарей зацепилась волосами за нижние ветви баобаба. Внутренности, словно синие змеи, протянулись по земле. Воя от страха, *низкорослые* отступили, исчезнув за стеной зелени. Все, кроме третий группы дикарей, которая позже остальных появилась из-зарослей камышей. Переполненные яростью, они бросились вперед. Коурам повалился, сбитый с ног дубиной. Двое *низкорослых* разом появились перед Филлиппом. Их лица были раскрашены темно-красной краской, глаза сверкали, их короткие руки размахивали зелеными топорами. Марангес увернулся от удара одного из туземцев и нанес другому страшный удар прикладом, уложив противника. Первый нападающий вновь попытался достать белого противника. Но Филлипп вновь увернулся, и *низкорослый* качнулся, едва не потеряв равновесие, а Марангес, воспользовавшись этим, отправил его в озеро.

Гатри в это время оказался лицом к лицу с тремя туземцами. Те заколебались, напуганные его огромным размером. Сидней дулом карабина отмел в сторону дубину ближайшего противника и швырнул его на его товарищей, словно шар в боулинге. Сэр Джордж, подбежав, чтобы помочь, расшвырял противников ударами приклада.

Отступление туземцев превратилось в бегство. *Низкорослые* скрылись в камышах. Те, кто был ранен, поползли к лесу. Как и было оговорено раньше, Гатри три раза громко свистнул — один длинный свисток, два коротких, чтобы Айронкастл знал, что опасность миновала.

— Мы должны взять пленных, — заметил Куртис, схватив за плечи парочку ошеломленных дикарей.

Гатри и Дик сделали то же самое. Теперь в руках победителей оказались четыре раненых туземцев.

— Где Коурам? — с тревогой протянул Марангес.

Коурам ответил, с трудом поднимаясь с земли. Его густые волосы и крепкий череп сохранили ему жизнь. Оба черных тоже остался в живых, только один из них вывихнул плечо.

А через двадцать минут отряд с полными флягами отправился назад в лагерь. Двигаясь назад, они выстроились квадратом, в центре которого были пленные. Дважды из гущи джунглей доносились крики *низкорослых*, но нападения не последовало.

Когда Айронкастл услышал выстрелы, он приготовил пулемет к бою. Сигналы от Гатри успокоили его. Но вскоре его беспокойство снова стало расти. Начальник экспедиции был уже на грани того, чтобы организовать вылазку, когда на краю поляны показался возвращающийся отряд. Люди двигались медленно, подгоняя пленников.

— Никаких потерь? — поинтересовался Гэртон, когда Филлипп и Гатри подошли к лагерю.

— Нет, один из черных плечо повредил, вот, пожалуй, и все.

— Их было много? — спросила Мюриэль.

— Около шестидесяти, — сообщил Гатри. — С десяток бросилось на нас из камышей. Если это все племя, то наши неприятности позади.

— Это не все племя, — заверил Коурам.

— Он прав, — согласился Филлипп. — Много голосов было где-то сзади. Атака их захлебнулась, а большая часть так и не вышла из леса.

— И сколько воинов у них, как ты думаешь? — спросил Гэртон у Коурама.

— По крайней мере в десять раз больше, чем пальцев на руках, еще пять ладоней.

— Сто пятьдесят. Такими силами они могут попытаться и лагерь штурмовать.

— Они даже пытаться не станут, — ответил Коурам. — Они не станут снова атаковать большой группой, пока не будут уверены, что заманили нас в ловушку. Теперь они знают, что их оружие не может причинить нам вреда. Они знают, что их копья бесполезны против наших жёлтых плащей.

— Думаешь, они откажутся от попыток окружить нас?

— Они нас уже давно окружили. Они словно лучи света, пронизывающие весь этот лес.

Айронкастл нахмурился.

— Значит, мы не сможем в одночасье сняться с места, — пробормотал он. Судя по всему, он больше всего беспокоился о Мюриэль, потому что все время поглядывал в её сторону.

— Без сомнения, — поддакнул Марангес, который явно разделял его беспокойство, то и дело бросая косые взгляды на девушку.

— И нам постоянно будет нужна вода и продукты питания для себя и животных.

— Не думаю, что они нападут на нас снова по дороге к источнику, — заметил Сидней.

— Нет, господин, — покачал головой Коурам. — Они не станут нападать на нас ни сегодня, ни завтра. Они ждут момента, когда мы отправимся дальше. И с животными все будет в порядке, пока они находятся под защитой нашего оружия.

Все члены экспедиции чувствовали нависшую опасность. Между ними и их родиной лежали лес, пустыня и океан. Очень близко были враги — и люди, и звери. И хотя эти враги были плохо вооружены, они имели численный перевес, а также обладали невероятной хитростью и упрямством. Несмотря на винтовки, пулемет, бронированные костюмы, путешественники чувствовали себя неуверенно.

— Как раненые? — поинтересовался Марангес.

Гэртон указал на небольшую палатку.

— Они там. Примат очнулся, но чрезвычайно слаб. Он еще сонный.

— Как по мне, то эти человекообразные много уродливее обезьян, — проговорил Гатри. — В них есть что-то от гиены и носорога. Эти жестокие, грубые лица, эти внимательные глаза... нечеловеческие... неестественные.

— Меня поражает не столько их уродство, как выражение их лиц, — вздохнул Гэртон. — Кажется, они выставили напоказ то худшее, что есть в человеке. Такое выражение можно встретить только у мужчин и обезьян.

— А как насчет пантер и тигров? — поинтересовалась Мюриель.

— Они наивно свирепы, — возразил Гэртон. — Но сами по себе они злом не являются... Что до туземцев, то судя по виду, эти *низкорослые* принадлежат худшей части человечества.

Коурам внимательно прислушиваясь к разговору белых, но не понимая, о чем идет речь, страстно объявил:

— Я не стал бы оставлять в живых этих пленных. Они – хуже змей. Они попытаются дать сигналы другим *низкорослым*. Почему бы вам не отрезать им головы?

Глава 6. Червь и Кабан

Три дня путешественники трудились, чтобы подготовиться к отъезду. Негры отловили несколько антилоп. Айронкастл тем временем экспериментировал с отравленными копьями. Он выяснил, что немедленное прижигание нейтрализует действие яда.

— Хорошо! — проговорил Гатри. — Теперь мы должны все проверить на одном из пленников.

— Не имеем права, — объявил его дядя.

— Для меня это долг чести, — парировал его племянник. — Сохранять жизнь этих уродцев — настоящее безумие!

Взяв в руки копье он схватил за локоть одного из пленников, и потащил его в палатоку. Этот туземец был самым чахлым из группы, но в плечах шире Айронкастла, хоть и в половину его роста. Круглые глаза туземца с ненавистью уставились на гиганта. Чуть поколебавшись, Сидней ткнул туземца острием в плечо. Тот застыл, лицо его скривилось от презрения и ненависти.

— Не волнуйтесь, дядя Гэртон, я возьму этот грех на себя. Вы об этот не думайте!

Айронкастл быстро прижег рану. Прошло полчаса и никаких признаков отравления так и не проявилось.

— Видите, вы были правы, — проговорил Гатри. — Прижигание может спасти людей, а также животных.

Как и предвидел Коурам, никаких новых атак не последовало. Каждое утро отряд отправлялся за водой к источнику. И всякий раз они брали с собой двух верблюдов, укрытых тяжёлой тканью, предназначенной для ремонта палаток. Негры, в свою очередь, делали вылазки, добывая траву для верблюдов, ослов и коз, которые постепенно выели всю зелень на поляне.

Низкорослые так и не появлялись.

— Вы так и не поверили, что они ушли, — вечером на четвертый день проговорил Марангес. Путешественники постояннно прислушивались к слабым и непонятным шорохам, доносившимся из чащи леса.

— Они уйдут только в том случае, если мы заставим их сделать это, — заметил Коурам. — Они тут повсюду вокруг,

но держатся достаточно далеко, так что мы не сможем услышать или учуять их.

Пленные почти залечили свои раны, кроме одного, который умер в первую же ночь. У всех них были каменные лица, и создавалось впечатление, что они все время к чему-то прислушиваются. Они никак не реагировали на попытки Айронкастла и его спутников разговорить их. Лица их оставались неподвижными, как каменные маски, и такие же глупые, как морды носорогов и гиппопотамов. Тем не менее их эмоции проявились дважды. Когда они увидели Гатри, их глаза широко раскрылись, а при виде Мюриэль — неопределенно заблестели.

— Выходит, только с помощью тебя и Гатри мы сможем попробовать приручить их, — пробормтал Гэртон...

Кроме того, произошло еще одно событие, заинтересовавшее путешественников. Примат пришел в себя. Он был чрезвычайно слаб и его лихорадило. Когда он сообразил, где оказался, ему сначала стало очень страшно. Его веки задрожали, и он попытался поднять голову, но чувствовал себя слишком слабым, а потому смирился. Так как никто не причинял ему боль и он вроде бы находился под защитой от диких зверей, он вскоре успокоился и даже привязался к Айронкастлу, который кормил его и заботился о нем.

— Он, конечно, не человек, в отличие от этих *низкорослых*, неуправляемых скотов, — проворчал натуралист. — Его-то мы несомненно сможем приручить.

Наконец пришло время отправиться дальше. Хоть джунгли тут были и густыми, двигаться дальше было возможно. Деревья, часто чудовищного размера, особенно баобабы и финиковые деревья, редко росли рядом. Лиан оказалось не так много, да и колючих кустов с зарослями не было.

— Удобный лес, — заметил Гатри, который шел впереди вместе с сэром Джорджем и Коурамом. — Интересно, почему мы столкнулись с таким малым количеством туземцев.

— Не так уж их тут мало, — возразил Кертис. — В первой области мы насчитали по крайней мере три типа чернокожих, что предполагает большое число кланов. И нас преследуют *низкорослые*, которые сильно отличаются от известных нам племен.

— Именно они сообщают остальным о том, где мы находимся, — заметил Коурам.

Между Куртисом и племянником Айронкастла Гатри было немного общего, хотя они оба были англосаксонского происхождения, с примесью кельтской крови. Сэр Джордж мыслил целенаправленно, так же как Айронкастл, в то время как мысли Сиднея скользили в разные стороны, разбегаясь в разные стороны словно волны. В случае опасности Куртис уходил в себя, становился внешне равнодушным или погружался в сон. Все его эмоции словно исчезали, скрывались в тумане забытья. Внешне никаких чувств заметно не было, но внутри у него все так и бурлило, хотя мыслил он совершенно рационально. А вот Гатри сердить было себе дороже. Во время боя он приходил в веселое неистовство, которое вовсе не препятствовало ему сохранять контроль над своими решениями и действиями. Короче говоря отвага Кертиса была печальной, а Гатри — радостной. Мировоззрение у них было разным, точно как характер. В голове Сиднея спиритизм и оккультизм смешались с верой. Сэр Джордж соблюдал все обряды англиканской церкви, которую принимал в полном объеме. Он терпимо относился ко всем сектам, пока те соблюдали основополагающие предписания Евангелия.

Два дня прошло без приключений. Безмолвие царило в лесу, и только несколько зверей украдкой пробежало перед караваном. Даже птицы молчали. Несмотря на все это, Куртис и Гатри считали, что все *низкорослые* остались позади. Даже Коурам начал сомневаться, что туземцы все еще преследуют экспедицию.

Во второй половине дня лес начал редеть, и путешественники оказались в саванне, где островки леса были раскиданы по травянистой равнине. Местность эта выглядела очень странной. На востоке преобладала саванна, в то время как на западе до самого горизонта протянулся лес. Путешественники старались держаться на границе этих районов, с тем чтобы при необходимости использовать преимущество одного или другого.

Однако местами болото выплескивалось из леса, захватывая часть саванны. Вдоль границы болота рос высокий тростник, едва заметно подрагивающий на слабом ветру, который то налетал, то затихал. Это была земля рептилий, влажная, хаотичная, полная ям и отмелей. Тут раскинули лепестки гигантские белые лилии. Они напоминали огромные

белые чашки, опутанные водорослями. Множество птиц хлопая крыльями, кружило над ними.

— Думаю, пора остановиться пообедать и передохнуть, — заметил Гэртон.

Пока чернокожие разгружали караван под баобабом, Мюриэль, сэр Джордж, Сидней и Филлипп осмотрели берег озера. Мюриэль остановилась у ручья. Повсюду были цветы самого невероятного вида, огромные бабочки, сверкая и искрясь, кружили наперегонки с алыми, зелеными и бирюзовыми мухами. Лягушка размером с крысу метнулась к воде, скользнула в неё, а навстречу ей вынырнула огромная черная рыба. Казалось, в воде жизнь так и бурлила. А потом чье-то движения, отвлекло Мюриэль от созерцания. Огромная личинка размером со ствол дерева, покрытая разноцветной оболочкой, ползла с невероятной легкостью, осматривая местность, крутя маленькой головой с бусинками глаз. Эта тварь вобрала в себя всё, что есть отвратительного от дождевого червя и пиявки, но кроме того приобрела огромный размер. Никто не мог сказать, видела ли эта тварь девушку, так как глаза её больше всего напоминали два камня из непрозрачного минерала.

Переполненная дикой брезгливостью Мюриэль замерла. Эта была нечистая тварь, словно явившаяся из самой преисподней. Страх девушки стал сильнее, а отвращение ещё больше, когда увидел, как львы вышли на поляну. Мюриэль и двинуть не могла своими дрожащими ногами. В итоге она, споткнувшись, упала на колени. Отреагировав на падение, червь быстро прополз вперед и затянул несколько колец вокруг тела молодой девушки. Мюриэль попыталась закричать, но от страха и звука не смогла из себя выдавить, ужас буквально душил. Голова червя оказалась как раз напротив белого как мел лица девушки. Кольца гиганта так сдавили её, что она теперь не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. У Мюриэль аж позвонки затрещали. Весь мир для неё погрузился во тьму...

Сэр Джордж и Филлипп вместе брели по берегу болота. Вода, камыши, трава и кусты. И все они, казалось, вибрировали. Но это, конечно, было их воображение.

— Похоже, это место благословлено ужасной плодовитостью, — заметил сэр Джордж. — Особенно в том, что касается насекомых...

— Насекомые — настоящая мерзость, — заметил Филлипп. — Вы только посмотрите на этих мух. Они готовы уничтожить все, что угодно. Да, насекомые уничтожат нас.

Сэр Джордж, который стоял в зарослях папируса, неожиданно хрипло крикнул:

— Боже мой, ты только взгляни на это!

Филлипп посмотрел туда, куда ему указывали, и тоже закричал. Там впереди, на отмели, какой-то червь обвил Мюриэль. Его сверкающая голова покоилась на плече девушки, но в целом выглядело это ужасно.

Филлипп потянулся к своему карабину, но сэр Джордж резко воскликнул:

— Револьвер и нож!

Они со всех ног бросились на мысок. Филлипп не мог сказать, заметила ли тварь его появление. Тварь пульсировала, концентрируясь на своей жертве. Джордж и Филлипп, одновременно выстрелив, разнесли голову твари, а потом начали рубить на куски её тело. Кольца уступили и начали распадаться. Филлипп подхватил девушку на руки и уложил на землю. Её лицо напоминало странную маску.

— Не говорите ничего моему отцу, не надо!

— Мы ничего не расскажем, — заверил сэр Джордж.

Мюриэль поднялась и рассмеялась. Только смех её был не веселым.

— Смерть такого рода — смерть нечистая. Вы уже дважды спасли мою жизнь, — и она с содроганием отвернулась.

Гатри прошелся по берегу болота. Только что он столкнулся с ужасным существом. Это болото — обширная область грязи — кормило множество растений, и кто мог вообразить, какие твари скрывались в глубине этой грязевой бездны.

Гатри добрался до фантастического заливчика, где было множество сухих уголков, где могли найти бы убежище несколько огромных стад. В сотне ярдов от того места, где он стоял, расположилось фантастическое животное — своего рода кабан, огромный, с гигантской головой. У зверя была огромная морда, усеянная бородавками и вооруженная огромными бивнями, толстыми и острыми. Его гладкая кожа щетинилась кустами волос, а на спине отросла длинная грива.

«Вот это дикий кабан, — подумал молодой человек. — И черт побери, он по-своему красив...»

Зверь фыркнул и уставился на Гатри. Может быть, гигантский хряк и побежал бы, если бы столкнулся с носорогом, слоном или львом. Но даже если он мог убежать, он все равно готовился к схватке. Сколько раз в течение темных тысячелетий лев уступал при виде его изогнутых клыков...

Гигантский кабан захрюкал, ожидая атаки. Его маленькие глаза сверкали над щетинистыми щеками.

— Неужели мы не сможем спокойно разойтись, — проговорил Гатри себе под нос.

Он колебался, чувствуя снисходительность к огромному зверю. Перед искателем приключений был настоящий красавец — носитель породы. И Гатри задумался. Он не ставил себе цель избавить мир от тварей, которые могли помнить предисторию человека. Пока Гатри размышлял, из глубин болота выбежал второй кабан, а за ним еще десяток молодых особей. Развернувшись на ходу, они понеслись прямо на Гатри. Когда стадо приблизилось, искатель приключений бросился в сторону. Но большой самец тут же отреагировал. У Гатри не осталось времени, чтобы прицелиться. Длинные клыки уже готовы были разорвать его на части, когда великан обрушил свой огромный кулак на череп хряка, целя в точку за ухом. Кабан, завизжав, отступил. Его глаза безумно сверкали. Сидней рассмеялся, и в этом смехе смешалась радость и странное варварское чувство — гордость за то, что он может кулаком остановить зверя. Человек закричал на своего противника, окончательно сбив того с толку.

Кабан снова бросился на янки, и тот отпрыгнул влево. Потом его кулак, словно молот, принялся бить по шее, ребрам и морде гигантского зверя. Животное помчалось по кругу, то и дело переходя на шаг, тряся головой и фыркая. Противники оказались на краю огромной грязевой лужи. И тогда Сидней неожиданно наклонился, подцепил ноги зверя своими гигантскими ручищами и швырнул его в лужу грязи, подальше от берега. Животное забилось в грязи, а потом, сориентировавшись, выбралось на противоположный берег, в то время как Сидней завопил с триумфом первобытного Геркулеса.

— Пошло прочь. болотное чудовище!

Глава 7. Первобытная пещера

Лесных растений стало больше. Они и росли гуще, и листва у них была пышнее. А заросли кустов порой становились и вовсе непроходимыми. Двигаться вперед становилось все труднее. В итоге экспедиция отступила в саванну, где оказались огромные участки грязи, заросшие экзотическими растениям, чередующиеся с каменистыми участками. При приближении людей фиолетовые змеи скользили в свои норы. Голубые ящерицы не обращали внимания на людей. Где-то вдали бегали одинокие страусы. Иногда попадались скалы, поросшие лишайниками. И скалы эти были разъедены погодой за множество прошедших веков. Вскоре цепь холмов превратилась в гребни, которые напоминали острые зубы.

Наконец, поднявшись на очередной холм, Гатри закричал с энтузиазмом. Путешественники чувствовали себя затерянными среди лесов, саванн, пустыни и озер, которые казались поистине безбрежными. Лес, протянувшийся на восток, был отделен от саванны красными скалами и мертвыми песчаными проплешинами, где не было даже лишайника.

Из-за такого смешения территорий на берегах огромного центрального озера собирались все странные звери пустыни, прерии и джунглей. Там были и страусы, и дикие кабаны, и огромные ужасные носороги, бегемоты, львы, леопарды, шакалы, гиены, антилопы, зебры и верблюды, большие обезьяны, бабуины, слоны и буйволы, питоны и крокодилы. А ещё орлы, грифы, аисты, ибисы, фламинго, цапли, зимородки...

— Замечательная изоляция, — объявил Гатри. — Сколько тысяч лет это озеро помогало выжить невероятному количеству живых существ, которые будут уничтожены или изгнаны отсюда, если сюда придет человек.

— Вы думаете, что люди все это уничтожат? — поинтересовался Куртис.

Гатри расхохотался.

— Могу предсказать вам, что американцы и европейцы построят тут свои заводы и над всеми этими саваннами и болотами поплывут облака зловонного дыма. Люди вырубят все леса. Тем не менее, если бы все получилось иначе, я бы не прослезился. Я хотел бы, чтобы все оставалось тут как сейчас.

Стадо диких ослов, полных неукротимой благодати, и несколько странно выглядевших антилоп гну паслось на мысу. Три высоких страуса пробежали по песчаному берегу, стараясь держаться подальше от остальных. Неподалеку от пляжа паслось несколько буйволов, а у самой воды сидели бабуины. А рядом отдыхал старый носорог, защищенный естественной броней, медлительный, но такой грозный, что его боялись даже львы. А чуть подальше, вытянув шеи и возвышаясь над всем и вся, замерло несколько жирафов.

— Но вот загадка... — прорычал сэр Джордж, — почему эти звери несколько... странные? Почему этот носорог такой уродливый, а у страуса такая маленькая голова?

— Все один к одному, — проговорил Гатри, указывая на огромного гиппопотама. — Что может быть удивительнее этой твари: чудовищные челюсти, крошечные глазки и тело гигантской свиньи?

— Уверяю вас, Сидней, все это вызывает у меня удивительное ощущения.

— У меня тоже, — небрежно кивнул гигант. — Где мы разобьем лагерь?

Пока путешественники пытались найти подходящее место для лагеря, из джунглей вышли гиганты. Они шагали вперед, грозные, но совершенно спокойные. Их ноги казались стволами деревьев, их тела напоминали скалы, их кожа походила на толстую кору. Хоботы извивались, как огромные питоны, а бивни выглядели, как огромные изогнутые тараны. При их приближении задрожала земля. Буйволы, кабаны, антилопы, зебры расступились перед этой чудовищной ордой. Два льва подались поближе к деревьям.

— У вас эти слоны не вызывают мысли о гигантских насекомых? — поинтересовался Гари.

— Порой, — согласился сэр Джордж. — Я мог бы сравнить их с огромными жуками в царстве насекомых-зверей. Среди них должны быть самки, которые весят более десяти тысяч футов, Сидней. Великолепное зрелище.

Стадо слонов вошло в озеро. Вожак затрубил, и от этого звука завибрировал воздух. Матери наблюдали за детенышами, которые были ростом больше диких ослов и игривыми, словно молодые собаки.

— Если бы не человечество, то на Земле не существовало бы никого могущественнее слонов. И не было бы никакого Зла.

— Но не все признают эту силу. Видите, там носорог? Вон там, на мысу? Думаю, он не отступил бы, даже если бы ему пришлось столкнуться с кем-то из этих могучих гигантов... Но давайте не забывать о лагере!

— Вижу голое пятно неподалеку от леса, но в саванне, вон там, между тремя скалами. Неподалеку от озера, но и не на берегу!

Сэр Джордж указал нужное направление правой рукой, в то время как в правой сжимал бинокль.

— Там будет легко поддерживать заградительный огонь.

Гатри, изучив местность, решил, что место выбрано верно.

— Тем не менее я присмотрел и другое место, — проговорил он через несколько минут. — Там вон голый участок, а кусты сомкнулись вокруг полукругом. Пусть один из вас осмотрит его, а другой отправится подальше. к тем скалам.

— Не лучше было бы держаться вместе?

— Думаю, мы внимательно осмотрим оба участка и тогда решим, где именно разбить лагерь. Отсюда оба голых участка выглядят одинаково. Если же и вблизи все окажется точно так же, то бросим монетку и тогда решим. И поспешим...

— Не уверен, что нужно спешить, но вы, вероятно, правы. Пошли.

— Встретимся тут через час.

— Очень хорошо! И куда вы отправитесь?

— Я отправлюсь к трем скалам.

Гатри пошел к скалам в сопровождении Коурама и еще одного черного. Полчаса ушло у них на то, чтобы добраться до края джунглей. Выбранное место он нашел еще более просторным и удобным, чем ожидал. Две из трех скал были красными. Третья, которая стояла значительно дальше, оказалась много больше, поверхность её была покрыта выбоинами и выступами. Кусты выросли в некоторых углублениях. Темная дыра была, видимо, входом в пещеру.

— Коурам, осмотрите тут все до той остроконечной скалы. Пусть твой спутник отправится ко второй скале. Потом возвращайтесь.

— Будьте осторожны, господин, — бросил Коурам ему вслед.

Гатри направился к скале с пещерой. Форма этой скалы показалась ему слишком правильной. Высеченная башня, усеченная пирамида, выступы, напоминающие обелиски, овалы арок, расплывшиеся фронтоны, готические шпили... И все это поросло лишайниками, потеряло четкие контуры под воздействием ветра и песка.

На первый взгляд это дикое место могло оказаться весьма гостеприимным. Каверны и большие выбоины вполне могли стать защитой от диких животных и превратить скалу в крепость против людей.

«Вот тут мы и устроим лагерь», — решил он.

Слова Коурама донеслись издалека:

— Будьте осторожно. Там должно быть полным-полно ям.

В Гатри в разной степени были смешаны безрассудство и предусмотрительность, но он был много отважнее Айронкастла и порой мог очертя голову броситься в безумное приключение.

И лишь тонкая ширма здравомыслия сдерживала его ,не давала буйной внутренней энергии погубить его. Однако многочисленные приключения, в которых он участвовал, придали ему чрезмерную уверенность в себе самом. Когда он занимался боксом, не на любительском, а на профессиональном уровне, он даже участвовал в соревнованиях в Демпси. Он мог одним ударом остановить быка, а то, как далеко и высоко он мог прыгать, было поистине удивительно, особенно если учесть, что весил он сто четыре килограмма...

Пещера оказалась много больше, чем Гатри предполагал. Чье-то крыло задело его. Ночная птицы открыла в темноте фосфоресцирующие глаза. Какие-то твари ползали по земле у его ног. В итоге он был вынужден зажечь электрический фонарик.

В тусклом электрическом свете янки увидел, как из-под его ног во тьму метнулись какие-то мелкие твари, над головой захлопали крыльями летучие мыши — сорвавшись со своих мест, они стали летать кругами, надрывно пища, взвиваясь к потолку и опускаясь на своих бесшумных крыльях. В свете фонарика открылось множество галерей, протянувшихся вдоль стен пещеры, а в другом конце, слабо мерцая ,светилось два отверстия. Гатри попытался подобраться к

одному из них, но очень скоро проход стал слишком узким. А потом Гатри разглядел два отверстия в стене, ведущие в следующие пещеры, которые, скорее всего, имели выход на противоположной стороне скалы. В той пещере, что справа, замерли три льва и две львицы, встревоженные светом фонарика. Их молодые котята растянулись в переплетении теней. Львы-самцы были такими же огромными, как исчезнувшие львы Атласских гор, а львицы напоминали тигриц со светлой шкурой.

«Великолепные твари», — подумал гигант.

И тогда он весело рассмеялся. Эти звери были сейчас полностью в его власти. Два или три выстрела из ружья, и эти цари дикой природы уснут вечным сном. В глубине его души проснулся первобытный охотник. На всякий случай он взял ружье на изготовку. А потом осторожность взяла верх, и он осторожно повернулся, а потом тряхнул головой, не в силах поверить своим глазам.

Из второй пещеры появились более грозные создания. Ни в одном из многочисленных американских цирковых зверинцев, где побывал Сидней, он никогда не видело львов вроде тех, что сейчас разглядывал в тусклом свете своего электрического фонарика. Казалось, эти твари явились из далеких доисторических времен, великаны напоминающие саблезубых тигров — обитателей древних пещер...

Гром эхом пронесся по пещерам красного гранита — это разом взревели все львы. Гатри был переполнен благоговением. По-прежнему держа наготове ружье, он покачал головой и, уступая, отступил.

«Да, лагерь тут разбить не получиться», — подумал он...

Снова оказавшись под открытым небом, Гатри поспешно направился к Коураму и другому черному. Те все еще шли в сторону скал, но янки знаками приказал им остановиться, и они повиновались, ожидая, когда он к ним подойдет. Гигант торопился, потому что львы в любой момент могли следом за ним выйти из своего логова.

А потом львиный рев разнесся по равнине. Из пещеры появился один лев и пара львиц. Это были не те доисторические огромные звери из второй пещеры, но, тем не менее, размер хищников поразил Коурама. Однако львицы вели себя вовсе

не агрессивно. Еще не пришло время этим царям Африки про демонстрировать свое право сильных. Тем не менее ради того, чтобы почувствовать себя в безопасности, Сидней взвел курки ружья и проверил, легко ли выходит револьвер из кобуры. В револьвере у него было шесть патронов...

Раздался ещё более утробный, ещё более ужасный рев. Один из львов-гигантов вышел из зева пещеры.

— Проклятье, — пробормотал Гатри. — Похоже, мы дергаем смерть за хвост.

Первый из львов метнулся вперед. Шестью прыжками, он преодолел половину расстояния, отделяющего его от янки. Гигантский лев оставался неподвижным, словно все еще дремал в недрах темной пещеры. Теперь бежать было небезопасно. Сидней замер, в то время как Коурам и его спутник взяли винтовки наизготовку. Три выстрела прозвучали одновременно. Пуля из ружья на слонов пробила череп хищника, и тот лопнул, разлетевшись кровавыми брызгами. Пули, выпущенные неграми пролетели мимо, даже не задев цель.

Три огромных прыжка — и светлое тело львицы ударилось о землю, словно огромная скала. Хищница застыла напротив охотника. Ружье Гатри выпалило еще раз, но в этот раз стрелок промахнулся, потому что не сумел прицелиться. Тогда янки выхватил охотничий нож, сверкнувший на солнечном свете. Без сомнения, один из них — или человек, или зверь — должен был отправиться в вечную тьму.

Негры, хоть и вскинули ружья, в этот раз стрелять не стали. Гатри стоял перед зверем, и они не были уверены, что, выстрелив, не заденут его. Белый гигант дико закричал, и лев заревел ему в ответ. Потом человек и зверь бросились друг на друга. Лев попытался схватить человека передними лапами. Пасть его была широко отрыта. Краем глаза Гатри заметил, как сверкнули гигантские клыки. Он нагнулся и ударил ножом, вогнав его клинок по самую рукоять в грудь хищника. Но зверь не упал. Его когти скользнули по ребрам янки. Огромная пасть попыталась ухватить человека за голову. Сидней понял, что его нож так и добрался до сердца хищницы. Тогда он со всего маха врезал своим пудовым кулаком по носу львицы, и зверь, зарычав, отпрянул. Затем, высвободив свой стальной коготь, человек ударил его ещё раз, в этот раз попав в плечо зверя.

Тяжело дыша, схватились огромный человек и гигантская хищница. И... зверь пал.

Тени поплыли перед глазами Гатри. Покачнувшись, он отступил и тоже упал. Голова его ударилась о камень, и он едва не лишился сознания. А из пещеры вынырнули еще три львицы, сопровождавшие огромного льва с черной гривой. Сидней постарался собраться, готовясь к борьбе со смертью. Но до того, как янки удалось собраться, еще две огромных зверя бросились в его сторону. Не так далеко в поле зрения появился сэр Джорд. Следом за ним шел Филлипп...

Оба белых разом прицелились и выпалили в львицу. Её развернуло, и она упала — обе пули попали ей в голову. Когда она упала, черногривый лев остановился и начал обнюхивать свою мертвую подругу. Раздались новые выстрелы, и черный лев, в свою очередь, отправился в небесные джунгли. Негры радостно закричали, а Готри медленно поднялся на ноги. Больше не было никакой опасности. Тем временем гигантский лев отступил во тьму пещеры. Другие звери, прячущиеся там, так и не вышли на свет божий.

— Я и понятия не имел о том, что скрывается в той пещере, — прорычал Гатри, поднимаясь. Он был бледен, и кровь сочилась у него по боку, но он был переполнен радостью и не скрывал этого. Он пожал руку сэру Джорджу и Филлиппу, когда те подошли. — Даже в Кейптауне не найдешь стрелков вашего класса.

— Вы ошибаетесь, — покачал головой Гэртон. — Но в будущем нам не стоит ходить по одному.

— Господин прав, — неожиданно встрял Коурам. — И мы не должны забывать о *низкорослых*. Коурам нашел их следы. Коурам ничуть не удивится, если они устроили нам ловушку где-то неподалеку.

Глава 8. Тайное преследование

То, что убило бы человека, примата-самца лишь вывело из строя. Смерть изо всех сил пытался заполучить его, но ей это не удалось. Рваные раны зажили, а нити, которыми их

зашивали, были по большей части удалены. Если примат и получил какие-то травмы, когда Айронкастл запихивал ему назад в живот его же кишки, это было не заметно. По крайней мере, обезьяна не выказывала никаких признаков неудобств.

Запавшие глаза под выступающей костью лба сверкали с интересом и настороженностью. Примат часто прохаживался по всей длине цепи, которая была закреплена у него на лодыжке. Иногда его лоб собирался морщинами, и тогда он, казалось, не видел ни палаток своих пленителей, ни силуэта самки. Когда к нему подошли белые мужчины, волосы его встали дыбом, и он развел руки, словно хотел отгородить себя от неизвестных опасностей. Он радостно приветствовал только одного белого мужчину. Всякий раз, когда поблизости от него появлялся Гэртон, обитатель лесов вскидывал голову, и глаза его начинали ярко блестеть. С настоящей любовью примат разглядывал светлые волосы и руки, которые успокаивали его страдания и кормили его. Несмотря на все свои страхи и подозрения, он взирал на Айрокастла всё с меньшим и меньшим недоверием. Кроме того, зверь знал, что на просторах всего бескрайнего мира только это создание кормило его каждый день, являясь неиссякаемым источником пищи. Наконец, все недоверие исчезло, уступив место радости при виде Айронкастла. Когда начальник экспедиции появлялся поблизости, примат успокаивался и даже терпел присутствие других людей. Но в тот же миг, когда Гэртон уходил, примат вновь становился диким зверем.

Из *низкорослых* ни одного так приручить и не удалось. Взгляды туземцев все ещё были переполнены враждебностью. Их лица либо оставались каменными масками — совершенно равнодушными, либо кривились от отвращения. Они принимали уход и еду без капли благодарности. Их неповиновение выражалось долгим ожиданием перед принятием пищи. Только Мюриэль не вызывала у них приступов ненависти. Они смотрели на девушку, не отводя взгляда, и словно что-то шептали, едва заметно двигая своими толстыми губами. Чувствовалось, что они постоянно находятся настороже. Они, казалось, старались ничего не пропустить, приподнимаясь при малейшем шорохе...

После приключения со львами, путешественники держались ещё более настороженно.

— Племя *низкорослых* очень близко, — заметил Коурам. — Наши пленники разговаривают с соплеменниками.

— Ты слышишь их голоса? — поинтересовался Айронкастл.

— Нет, господин. Не голоса. Знаки на траве, на земле, на листьях, на воде.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю, господин, потому как трава тут и там примята определенным образом; потому что на земле прочерчены борозды, а листья на сломанных веточках развернуты не так, как должно было бы, если мимо проходили бы дикие звери; потому что прутики, плавающие на воде, сцепились определенным образом... Я знаю, господин, в этом я мастер.

— Но ты не знаешь их языка знаков?

— Да, господин. Я не знаю их языка, но могу определить его, когда вижу их знаки. Наши пленники только и думают о том, как бы навредить нам, они опасны. Мы должны убить их или пытать.

— Зачем их пытать?

— Чтобы они открыли свои секреты.

Айронкастл и его спутники были в ужасе.

— Но что они могут сделать? — удивился Гатри.

— Освободиться и устроить на нас ловушку.

— Мы можем внимательнее следить за ними, держа их крепко связанными.

— Не знаю, господин, — покачал головой проводник. — Даже крепко связанные, они могут помочь своему племени.

— А если бы мы стали пытать их, они заговорили бы?

— Возможно... Судя по всему, один из них не такой храбрый, как остальные. Почему бы не попробовать, — простодушно предложил Коурам. — Мы всегда сможем их прикончить.

Белые люди переглянулись, зная, что никто из них не позволит случиться ничему подобному.

— Боюсь, нам стоит прислушаться к совету Коурама, — наконец, высказался Айронкастл. — В своем роде, он мудрый человек.

— Без сомнения, к его словам стоит прислушаться, — пробормотал Гатри. — Мы ведь больше все равно ничего сделать не можем. В самом деле, похоже, это единственный мудрый совет. Мы должны пытать их, а потом убить.

— Вы не сделаете этого, Сидней! — воскликнула Мюриэль.

— Нет, конечно. Но, похоже, нам больше ничего не остается... Если только ради вас, Мюриэль... Эти люди — бесовская нечисть. Они готовы совершить любое, самое ужасное преступление. Можете быть уверены, они с удовольствием приготовили бы из вас обед и съели.

— Бессмысленно говорить об этом, но мы не станем убивать их, не станем их пытать, — заметил Айронкастл. — Более того, они не смогут нам ничего рассказать, так как, если даже они станут говорить, мы не сможем их понять.

— Может быть. Коурам сможет их понять.

— Нет. Он сможет лишь приблизительно догадаться, о чем идет речь, а этого недостаточно.

— Вы правы, — согласился Филлипп. — Негоже нам опускаться до их уровня. Однако нам нужно решить, что с ними делать дальше? Они опасны.

— В вашем вопросе таится ответ, — объявил сэр Джордж. — А что если мы освободим их?

— Нет! Пока нет. Но что если мы используем их хитрость, чтобы сорвать их замыслы?

Брови Айронкастла поползли вверх, когда он посмотрел на Филлиппа.

— Если они используют землю, траву, листья и воду, чтобы оставлять знаки, то почему бы нам не изменить эти послания?

— Я думал об этом, — согласился Айронкастл. — Без сомнения, мы смогли бы это сделать. Кроме того, это элементарная мера предосторожности, чтобы сбить с толку пленников, или, что еще лучше, совершенно заморочить им голову. А ночью можно загнать их в палатку.

— Мы также должны не давать им бормотать, — добавил Гатри. — И сделать их глухими.

— Они будут очень несчастны, — пробормотала Мюриэль.

— Не долго. Коурам утверждает, что они никогда не покидают лес. Они никогда не уходили от леса дальше, чем на день быстрого марша. А этот лес не бескрайний...

— Давайте-ка посоветуемся с Коурамом, — предложил сэр Джордж.

Коурам молча выслушал предложения белых, а потом подытожил:

— Очень хорошо. Коурам посмотрит, что можно сделать. Его люди тоже посмотрят. Но хитрость *низкорослых* безгранична. Всегда стоит опасаться побега пленных. Вот что я только что нашел.

И тогда он показал белым листья, связанные вместе тонкими травяными нитями. Кончики одних листьев были оторваны, в то время как в других были сделаны симметричные отверстия.

— Это, без сомнения, означает что-то злое... Почему вы не хотите убить их?

За пленниками стали следить более внимательно. Весь день глаза пленников были завязаны. В течении ночи двое часовых стояли на страже у входа в их палатку. Хотя вечером пленникам разрешали бродить по лагерю, ноги их были скованы... И все же они оставались постоянной причиной беспокойства.

Несмотря н внешнюю невозмутимость *низкорослых*, Айронкастл, Филлипп и Мюриэль считали, что дикари смотрят на них надменно, с ненавистью. В ночное время из палатки пленников доносились приглушенные голоса. В дневное время лица туземцев превращались в хитрые, переполненные угрозой маски. Иногда вслед белым они бормотали слова, которые очень напоминали проклятья и оскорбления.

А потом неожиданно пленные словно смирились со своей судьбой. В этот вечер они сидели у костра совершенно неподвижно, словно живые трупы.

— Ну, как дела? — поинтересовался Филлипп у Коурама в тот вечер. — Они все ещё говорят со своими соплеменниками?

— Говорят, — совершенно серьезно подтвердил Коурам. — Они слушают и отвечают.

— Но как?

— Они слышат соплеменников через голоса шакалов, ворон, гиен и леопардов. Возможно, в шорохе деревьев. И они отвечают через землю.

— Но вы же уничтожили их знаки?

— Да, господин. Но не все из них, потому что мы всех и не распознали. *Низкорослые* хитрее нас.

Эта ночь казалась очаровательной. Со стороны джунглей налетел приятный теплый ветерок. Он промчался по самой земле в сторону озера. Искры, взлетающие от костров к темному

небу, напоминали волшебных светлячков. Приглушенные звуки джунглей доносились из темноты. Филлипп, остановившись на берегу, долго изучал Южный Крест, который отражался в темных водах. Мюриэль стояла рядом с ним. Залитая красноватым светом костров, укутанная темно-синими тенями, она больше напоминала призрак. Филлипп ощущал её аромат. Она пробудила все таинственное, что скрывалось в его сердце.

— Эта ночь напоминает мне одну ночь в Турене, — проговорил он. — В самом деле, словно в Турене... Ночь на берегу Лауры, неподалеку от замка Шамбор. Там царил такой покой, и между тем было ужасно.

— Почему ужасно?

— Там, как и в этих землях, все ночи ужасны. Природа не утратила своего темного очарования.

— Это правда, — прошептала девушка. — Думаю, потом мы станем с тоской вспоминать эти ночи.

— И все же, — протянул он, а потом неожиданно прибавил тоскливо: — Вам удалось всех нас очаровать своей красотой! Кого-либо прекраснее трудно себе представить. При виде вас, Мюриэль, мне порой кажется, что мы до сих пор не покинули цивилизованный мир... При вашем появлении наши палатки вмиг становятся настоящими домами... Наши вечерние костры словно домашние очаги... Вы — живой образ той красоты, что создало человечество... Вы вселяете в нас надежду, и вы — причина всех наших забот.

Девушка с любопытством прислушалась к его словам, понимая, что он влюблен в неё. Но в глубине сердца она беспокоилась: она не была влюблена и до сих пор не была уверена, что, выбери она Филлиппа, это был бы правильный выбор. Она считала, что пока ей нужно дистанцироваться от него.

— Вам не стоит преувеличивать, — проговорила она — Я не столь уж важная фигура, скорее обуза, чем утешение.

— Но я не преувеличиваю, Мюриэль. Даже если бы вы не были такой светлой и надежной, все равно величайшим благом было бы то, чтобы вы сидите рядом, когда мы находимся так далеко от цивилизованных мест.

— Ну, — смущенно проговорила девушка. — Хватит разговоров обо мне на этот вечер... Хочу, чтобы вы посмотрели

на звезды, отражения которых мягко дрожит в водах озера. — И она тихо запела:

Гори, гори, моя звезда.
Гори, звезда, приветная...

А потом, неожиданно оборвав пение, она добавила:

— Мне кажется, словно я маленькая девочка, сижу у озера рядом с моим домом. Был поздний вечер, и кто-то пел эту странную песню.

Она замолчала, повернула голову, и тут они оба увидели какую-то фигуру — кто-то, проскользнув через лагерь, без шума всплеска нырнул в озеро.

— Пленник сбежал! — закричал Филлипп.

Коурам, двое черных и сэр Джордж бросились к тому месту, где беглец нырнул в озеро. Остановившись, они долго вглядывались в темную воду. Где-то там двигались темные тени: рептилии, земноводные и рыбы. Но нигде не было видно ни одного человека.

— Каноэ, — приказал Гэртон.

За несколько минут путешественники собрали две складные лодки. Белые и черные в защитных одеждах пересекли озеро, но нигде не заметили следов беглеца. Или *низкорослому* удалось удрать, или он утонул. И путешественники так и не смогли понять, как ему удалось освободиться.

— Видите, господин? — поинтересовался Коурам, когда лодки вернулись к лагерю.

— Вижу, что вы были совершенно правы, — медленно протянул Айронкастл. — Эти *низкорослые* хитрее нас.

— Он действовал не один, мой господин. Это племя освободило его.

— Его племя? — недоверчиво протянул Гафри.

— Его племя, господин. Оно дало ему оружие, чтобы он смог освободиться. И, возможно, воду, которая горит.

— Что такое «вода, которая горит»?

— Это вода, которая выходит из земли, господин. Она может поджечь траву, дерево, шерсть и плоть. Если *низкорослые* налили его в углубление в скале, пленник мог использовать её, чтобы пережечь веревки.

— Посмотрим.

На земле под палаткой не было никаких следов коррозий ного вещества.

— Коурам любит рассказывать сказки, — прорычал Гатри.

— Нет, — возразил сэр Джордж. — Вот остатки веревки, которая, судя по всему была сожжена.

Он поднял прядь веревки. Кончик был обожжен. У Айронкастла брови поползли вверх от удивления.

— Посмотрите, Коурам не преувеличивает.

— А как вы можете доказать, что веревку пережгло что-то едкое? — поинтересовался Сидней. — Пленник мог незаметно сунуть веревку в огонь.

— Нет, — пробормотал сэр Джордж, все еще рассматривая обрывок веревки. — Тут нет следов огня.

— Тогда почему туземец не удрал сразу, как только освободился, использовав это проклятую жидкость?

— Потому что воду, которая горит, можно спрятать не везде, — ответил Коурам. — Вы можете искать её несколько недель и даже месяцев и ничего не найти.

— Мы сделали ошибку, не использовав собак, — заметил Филлипп.

— Нам нужно было прихватить пару дюжин с Антильских островов, но у нас, как вы помните, не было времени, — проговорил Гэртон.

— Мы всегда можем натаскать шакалов, — полушутя и полусерьезно заметил Гатри.

— Я предпочел бы довериться приматам, — сказал Айронкастл. — Он сильно ненавидит этих *низкорослых*.

— Вы правы, господин, — согласился Коурам. — Человек, который не может говорить, враг *низкорослых*.

— А как ты думаешь, сможем ли мы его обучить?

— Если кто и сможет, то только вы, господин.

Вот так и вышло, что Гэртон начал обучение человекообразных. Сначала, казалось, примат не понимал, чего от него хотят. Когда его подвели к пленным, он стал дергаться и извиваться, пытаясь вырваться из рук людей. Глаза его от ужаса округлились. Казалось, они переполнены ненавистью и страхом. Но через несколько дней произошел своего рода прорыв, как это бывает при цветении тропических цветов.

Казалось, примат понял, что должен наблюдать за пленниками. Гэртон развязал его. Примат не сбежал. Он по-прежнему держался неподалеку от палатки, вдыхая отвратительные запахи, исходящие от туземцев, и внимательно наблюдая за тем, что происходит вокруг.

Как-то вечером, когда Гэртон сидел у костра, к нему подошел Коурам.

— Господин, человек, который не может говорить, почувствовал появление охотников *низкорослых*. Они неподалеку от лагеря.

— Все на своих местах?

— Да, господин. Но не нападения нам нужно бояться.

— Чего тогда?

— Не знаю. Мы должны следить за запасами еды, пленниками и землей.

— Землей? Зачем?

— *Низкорослые* знают о сокрытых пещерах. Их предки выкопали их в стародавние времена.

Гэритон сразу понял, о чем говорит проводник. Задумавшись, он подошел к примату. Тот казался очень взволнованным, прислушивался, озабоченно принюхиваясь. Волосы на затылке примата то и дело вставали дыбом. Словно наэлектризованные.

— Ну, Сильвий?

Гэртон осторожно потер плечо примата. Тот ответил неуверенным жестом, почти ласковым, а потом гортанный вопль вырвался из его горла.

— Ступай, Сильвий!

Примат отправился в западную часть лагеря. Он стал беситься, а потом стал копать землю руками.

— Видите, господин, *низкорослые* под землей, — заметил, подходя к ним Коурам.

— Тогда, выходит, наш лагерь прямо над одной из этих пещер?

— Да, господин.

Гэртон на несколько секунд замер. Выглядел он очень озабоченным. Коурам наклонился, прижал ухо к земле.

— Они там.

Рычание примата подтвердили его слова.

— Да, господин.

И тут крик ужаса разорвал тишину ночи — кричала женщина.

— Это Мюриэл! — закричал Гэртон.

Айронкастл бросился к своей палатке. Чернокожий, который охранял девушку, лежал на земле, не шевелясь. Гэртон приподнял холщовый полог, защищавший вход в палатку, и луч его фонарика скользнул внутрь.

Мюриэль в палатке не было.

Глава 9. Мюриэль в ночи

Посредине палатке в полу была дыра достаточно большая, чтобы через неё разом прошло двое. Рядом стоял блок зеленого порфира.

Гэртон, закричав с тревогой, бросился вперед. Едва различимые, осыпавшиеся земляные ступени уходили вниз в темноту. Не колеблясь. Гэртон нырнул в темную дыру. Оказавшись внизу у начала подземного хода, он остановился, так как сам ход оказался завален землей и камнями. К тому времени как Гэртон окончательно убедился, что хода дальше нет, к нему присоединились Филипп, Сидней и сэр Джордж.

— Черт побери! — в сердцах воскликнул Гатри. — Я их всех перебью!

— Мы должны решить, что нам делать, — заметил сэр Джордж.

Голова Филлиппа шла кругом. Его сердце колотилось, словно колокол. Он все время оглядывался в надежде найти выход.

— Коурам, принеси лопаты и кирки, — распорядился сэр Джордж.

Но Гатри, который взял себя в руки, и в ярости воскликнул:

— Лучше неси мою «дрель»!

Когда они отправлялись в путешествие, Гатри предвидел, что перед ними в любой момент может встать препятствие из камней и земли. В сопровождении Дика и Патрика он отправился за «дрелью». Эта машина могла работать на бензине и вручную. Она была относительно легкая — требовалось всего

два человека, чтобы нести её. Сидней залил бензин в бак «дрели» и спустил её в отверстие, а потом запустил её. Она загрохотала, но работала в тридцать раз быстрее, чем люди с лопатами и кирками. Через три минуты они пробили заслон из камней, который возвели *низкорослые.*

Гэртон первым шагнул в открывшуюся дыру. Луч фонариков осветили стену. Но нигде не было никаких следов ни Мюриэль, ни *низкорослых.* Тогда он и его спутники отправились дальше. Вскоре им пришлось наклониться. А потом подземный ход стал таким узким, что невозможно стало двигаться вдвоем в ряд.

— Разрешите мне идти первым, — попросил Гатри, только тон его вовсе не был тоном просителя. — Нет, дядя, нет! — добавил он, схватив Гэртона за рукав. — Моя сила — наше самое большее преимущество. Я пробьюсь через любое препятствие много лучше, чем любой из вас, и прибью любого, кто осмелиться встать на нашем пути.

— Но проход может оказаться слишком узким для вас, — с сомнением заметил Гэртон.

— Тогда я опущусь на пол, и вы просто перешагнете через меня.

И, больше не слушая возражений Гатри, отправился вперед. Логично было и то, что он отправился вперед остальных. Так же как сэр Джордж и Патрик, он был облачен в одежду, которую не могли пробить копья.

Хотя ход и стал ещё ниже, сужаться он не стал. Чтобы двигаться дальше, преследователям пришлось наклоняться все ниже и ниже, вскоре они почти ползли. Потом потолок начал подниматься, и проход расширился. Неожиданно сэр Джордж вскрикнул. Он поднял с земляного пола носовой платок Мюриэль.

Гэртон выхватил его из руки гиганта и прижал к губам.

— По крайней мере, теперь мы уверены, что она прошла здесь, — объявил Гатри.

Слабый луч света проник в подземный коридор. Неожиданно впереди открылось озеро, над которым сверкал серп луны.

На несколько секунд группа преследователей остановилась, созерцая воды, в которых отражались огоньки Ориона, Сируса, Девы и Южного креста. Где-то далеко выли шакалы,

и гигантские лягушки отвечали им голосами могучими, как рев буйволов.

— Ничего не вижу, — пробормотал сэр Джордж.

Перед ними раскинулось три острова, густо заросшие деревьями, которые казались единой темной массой.

— Они должны были утащить её туда, — жалобно протянул Гэртон. Слезы текли по его щекам. Его обычное бесстрастное отношение к окружающему исчезло. — Я сделал непростительную ошибку... За это меня мало выпороть кнутом. Нельзя было брать Мюриэль в эту экспедицию!

Филлипп тоже был в отчаянии. Казалось, он погрузился в бездну невероятной тоски, и его чувство собственной беспомощности делало его страдания ещё более невыносимыми.

Гатри потряс кулаком в сторону островов.

— Тут мы ничего не сможем сделать, — заметил сэр Джордж. — Похоже, мы упустили шанс найти Мюриэль по горячим следам, а если мы останемся здесь, *низкорослые* смогут увидеть нас.

Он оглядел утыканные утесами берега островов. Попробовать перебраться на них было равносильно самоубийству. Он был почти уверен, что там, во тьме, прячутся *низкорослые*. И они убьют всех, кто не защищен бронированной одеждой. Здесь, под нависающей скалой на краю гладкого как зеркало озера, казалось, не стоило ожидать никаких сюрпризов.

— Что мы сможем сделать? — поинтересовался Гэртон.

Скованный тоской и печалью, он попытался обратиться к кому-то, чей разум был свободен.

— Похоже, нам ничего не остается, как вернуться назад в лагерь, откуда мы пришли. Потом мы построим несколько плотов и исследуем острова.

— Верно, — согласился Гатри. Его первое волнение уступило инстинктам настоящего охотника. — Давайте оставим на волю случая то, что нам неподвластно. Однако нам нужно действовать быстро. Возвращаемся, и в этот раз я пойду последним.

— Нет, — возразил сэр Джордж. — Будет лучше, если я пойду последним. Если на нас нападут, я смогу развернуться быстрее...

В итоге Сидней уступил. Маленький отряд вернулись к тому месту, где оставили бур, и англичанин пробормотал:

— Нам пока везет. Выход мог быть завален.

Прошло более получала, прежде чем им удалось собрать одну складную лодку. Гэртон и Филлипп находились в угнетенном состоянии из-за Мюриль. Действовали они с невероятной энергией, так как знали: нельзя тянуть с преследованием.

Они решили оставить сэра Джорджа с Патриком, Диком и остальными ниггерами следить за лагерем. Отряд, который собирался отправиться в погоню, состоял из Айронкастла, Гатри, Филлиппа, четырех черных, включая Коурама, и примата. Последнего они собирались использовать для поисков *низкорослых*, так как примат обладал нечеловеческим обонянием и слухом.

Негры облачились в одежды из крепкого брезента. Это должно было уберечь их от копий *низкорослых*, но примат отказался от защиты.

Перед тем как отправиться на поиск, они провели необходимый эксперимент. Сильвию позволили свободно перемещаться по лагерю, и он направился прямо в подземный коридор. Его поведение указывало, что *низкорослых* поблизости нет. По крайней мере, они не покажутся нигде в пределах лагеря. Все указывало на то, что похититель Мюриэль скрылись где-то на той стороне озера или на островах.

— Давайте на борт, — распорядился Гатри. — Поплыли... Там разберемся...

Мотор закашлял, потом завелся, и лодка устремилась через спокойные воды озера. Они причалили к первому острову. Айронкастл, Гатри и Филлипп вылезли из лодки вместе с приматом. Последний тут же выказал признаки сильного раздражения.

— Они побывали здесь, — объявил Гэртон. Огромный крокодил плюхнулся в воду озера, другие животные украдкой заскользили через туман, а птица с огромным размахом крыльев пронеслась в вышине.

Примат принюхался и вприпрыжку понесся по острову.

— Он свободен, — прорычал Гатри. — Ему стоит только подняться на деревья, и мы так его и видели.

Примат пересек остров по диагонали и остановился на берегу небольшого ручья. Филлипп наклонился и подобрал какую-то блестящую вещицу, валявшуюся среди камышей. Это был шип из ракушки.

— Мюриэль, — протянул Гэртон и застонал.

Примет замер, не двигаясь, и зарычал. Гэртон положил руку на плечо примату, но тот сделал жест, который со стороны мог показаться совсем человеческим.

— Без сомнения, эти крысы отправились дальше, — объявил Гатри. — Придется нам посетить и остальные островки.

На озере было три больших островка и куча мелких. Исследователи не обнаружили на них никаких следов *низкорослых*.

— Господи! — взмолился Гэртон. Он, соединив руки вместе, воздел их к небу. — Пожалей Мюриэль, возьми мою жизнь и отпусти её!

Глава 10. Люди звёзд

Синий Орел их рода Уаммха взобрался на баобаб. В трех хижинах, спрятавшихся в ветвях дерева, жили его жены, дочери и сыновья. Белоснежные пряди уже расцветили гриву волос вождя, но в его руках все еще была сила. Он был храбрым и очень хитрым воином.

Взгляд его янтарных глаз скользил поверх пальм, панданусов, фиговых деревьев и остальной части окружающего леса. Баобабы, словно огромные острова, расположились посреди леса. Из века в век на них стояли хижины племени *гоура-зани касов — народа со звёзд*. Конусообразные, похожие на муравейники термитов, — такие хижины защищали и от солнца, и от дождя. Уаммха принадлежали к племени из пяти родов. Это племя состояло из пятисот воинов, вооруженных каменными топорами, дубинами и копьями. Но дальше в лесу жили и другие племена *народа со звезд* — на востоке, а еще в Долине Мертвых. Иногда племена народа сражались за территории охотничьих угодий, иногда соединялись, чтобы вместе отогнать *низкорослых*, которые с завистью посматривали на их земли.

Но в этом году война только-только закончилась. Мужчины Уаммха побили сыновей Рыжего Носорога и Черного Льва, взяв в плен пятьдесят воинов и шестьдесят женщин. Пир с небольшими перерывами продолжался до новой луны. Пленников держали в водах озера. И они будут там находиться, пока не придет время перерезать им глотки. От этого их плоть должна размягчиться и стать вкуснее.

Огонь вспыхнул на Большой поляне. Вождь Уаммха знал нужные слова, чтобы успокоить могущественных тварей, обитавших в воде, на земле, на ветру и на солнечном свете. Он знал, что при произнесении некоторых слов нужно делать определенные жесты. Когда вождь Уаммха поднялся на баобаб, он яростно закричал. Его сыновья вместе с его приемными сыновьями собрались в центре переплетения ветвей. Убедившись, что все собрались, вождь Уаммха заговорил:

— Избранные сыны кланов... первых кланов воздуха, чей повелитель Уаммха, слушайте мой приказ! Один воин из десяти отправится на запад, север, восток и на берег озера. Сюда идут неизвестные. Они странно выглядят и ничуть не напоминают ни сынов Звезд, ни сынов Рыжего Носорога, ни сынов Черного Льва, ни сынов Болотных Тварей. Они не похожи на *низкорослых.* Их лица не имеют цвета, а волосы блестят, как солома, их оружие непонятно нам. Наши воины окружат их караван. Сегодня вечером они разобьют свой лагерь неподалеку от нашей границы... Мы или уничтожим их, или станем их союзниками!.. Ба-Луама поведет воинов. А завтра весь род Уаммха последует за ним с тремя сотнями воинов. Я сказал!

Ба-Луама взял одного из каждых десяти воинов, а потом они отправились через джунгли. Они решили окружить людей с бесцветными лицами.

— Хорошо, — объявил Синий Орел, когда отряд воинов покинул поселение. — Пусть боги даруют нам победу.

Хегам — человек с рогом вместо носа, подул на четыре стороны света. Теперь на Большой поляне собралось все племя, и над ней разнесся могучий голос Синего Орла:

— *Гоура-заннкасы* — повелители леса и озера. Сыновья Черного Льва и Рыжего Носорога наши пленники. Мы разобьем их черепа, вспорем животы, пронзим сердца. Их кишки

вывалятся на землю, а кровь потечет, как красная река. Мы захватили много воинов, женщин и детей. Двадцать человек уже отмокают в озере весь день и всю ночь и готовы стать Великой Жертвой!

Могучий крик вырвался из глоток воинов. Но они не были по-настоящему кровожадны. Когда копье войны было закопано, никто никого не трогал. Они были счастливы и не нападали на другие племена. Но война была священна, и их долгом было поедать пленников.

— Зажгите костры, — распорядился Синий Орел.

Так и было сделано. И их свет затмил блеск мерцающего диска в небе, половина которого была из серебра, а половина из пепла.

Размахивая факелами, воины кланов спустились к озеру. Из воды торчали только головы пленников. Ноги их были привязаны к гранитным блокам. Увидев факелы они поняли, что их время пришло. Но они не кричали, их лица ничего не выражали.

— Сыновья Рыжего Носорога и Черного Льва! — закричал Уаммха. — День рождения человека пришел, и настал день смерти! Где все ваши бессчетные предки? И где завтра будут те из вас, кто приведет вас сегодня к смерти? Ваша смерть будет прекрасна и славна, Сыновья Носорога и Льва! Вы сражались за свои кланы, а мы боролись за свой. Многие из Сынов Орла пали под вашими копьями. Но в наших сердцах нет ненависти к вам. Мы не испытываем к вам ненависти, но мы обещали вас Существам, потому что Существа — все, а все их создания — ничто.

Пленных вытащили из грязи. Так как их ноги оказались парализованы после долгого пребывания в холодной воде, их отнесли к кострам. Потом женщины согласно тысячелетнему обычаю принесли мучные лепешки. Пища для побежденного священника. И Сыны Носорога и Льва, забыв о том, что скоро умрут, отведали лепешек. Вождь Уаммха подал сигнал для ритуальных танцев. Воин с лицом, окрашенным в красный, словно он окунулся в кровь, ударил в деревянный барабан, в то время как двое других туземца задули в тростниковые флейты. Вскоре грохот барабана обрел странный ритм, звучащий глухо, словно огромная колода была пуста.

Некоторые воины начали крутиться туда-сюда в такт музыке. Мелодия флейт ускорилась, удары барабана сыпались все быстрее и быстрее. В глазах танцоров появился странный блеск. А тела их теперь раскачивались из стороны в сторону. Потом женщины присоединились к мужчинам.

Неистово стучали барабаны. Флейты визжали, как шакалы, и *гоура-заннкасы* безумствовали в танце. Их руки переплелись, крики смешались, и они словно образовали единую дергающуюся массу, или катались по земле, вопя и завывая. В экстазе они кусали друг друга, и кровь текла по их темным телам.

Неподвижно стоя на холме. вождь Уаммха бесстрастно следил за происходящим. Когда ярость танцующих начала превращаться в безумие, он трижды громко крикнул... И неожиданно наступила мертвая тишина. Жемчужная луна, казалось, присела на краешек веток баобаба. Свет костров затушил свет звезд. Пленники все еще ожидали неминуемой смерти.

Синий Орел подал сигнал. Воины, вооруженные жертвенными кинжалами, вышли вперед. Многие пленные, не выдержав, начали глухо причитать и попытались встать, вытягивая руки в мольбе.Каждый воин с ножом подошел к своей, заранее намеченной жертве. И потом их взгляды устремились к вождю Уаммха. Когда предводитель племени поднял руку, ножи перерезали горла пленников, и кровь, брызнув во все стороны, окрасила красным папоротники. Глаза схваченных остекленели, тела замерли на земле. А потом победители начали жарить бедра, руки, головы и тела. Вскоре *гоура-заннкасы* познали радость в плоти своих врагов.

Когда все было конченно, Голубой Орел отдал новый приказ. Когда звезды по всему небу начали гаснуть, сила *гоура-заннкасов* начала расти, и вскоре они готовы были дать бой воинам-призракам.

Глава 11. Война

Прошло уже две трети ночи. Коурам наблюдал за кострами, не присаживаясь, он бродил между кострами, вглядываясь в бескрайние пространства. Он знал, что *низкорослые*,

после того как украли Мюриэль, отступили от лагеря. Хотя и ночи таились и другие опасности, тем более что он мог поклясться, что видел *низкорослых* среди кустов.

Коурам послал Гамру и еще двух охотников на разведку. Он принял это решение сам, не спрашивая разрешения у Айронкастла, ни ставя в известность ни одного белого. По правилам, установленным руководителем экспедицией, он должен был бы обо всем предупредить белого, дежурившего в этот час, — Патрика. Но он не стал этого делать. Он видел Патрика в бою и считал его отважным, но не слишком умным человеком.

Разбитый на берегу озера лагерь был окружен кольцом костров и готов к бою. При первых же звуках, говорящих о приближении опасности, белые и негры должны были занять свои посты. Коурам почти боготворил мудрость руководителя экспедиции, многозарядные винтовки, ружье на слонов и ужасное автоматическое оружие белых. Главное, не дать *низкорослым* застать себя врасплох. Но на берегу озера невозможно было незаметно подготовить атаку. Трава тут была такой, что ни один туземец не смог бы скрыться в ней. Ближайшие заросли находились от лагеря в пятистах шагах. Независимо от того, какой бы была тактика противника, они не смогли бы приблизиться, не выдав себя.

Звезды продолжали свой путь по ночному небосводу и Южный Крест стремился к полюсу. И тогда появились едва различимые тени — Гамра вернулся к костру. У него было поджарое тело, как у шакала, и желтые глаза стервятника.

— Гамра видел людей в той стороне, где садится солнце и светит семь звезд, — начал он.

— Сколько их?

— Их много больше, чем нас. Гамра не смог пересчитать их. Гамра не думает, что они попытаются атаковать раньше, чтоем в небе снова вспыхнут звезды.

— Почему Гамра так считает?

— Потому что большинство из наших врагов спит. Если бы они не ждали появления еще одного отряда воинов, то этой же ночью непременно попытались бы нас удивить.

Коурам в глубоком раздумье опустил голову. Похоже, разведчик был прав. Коурам посмотрел на восток. Звезды ярко

горели на очень темном небе... Коурам знал, что в течение последующего часа ему неужно принять нелегкое решение.

В это время суток над миром воцарялась тишина могущественная и всепоглощающая. Звери, которым суждено было умереть в это ночь, чтобы их плоть дала силу хищникам, уже погибли. Даже голоса шакалов стихли.

Коурам тем временем выслушал доклады от других разведчиков и обошел костры, стараясь как можно ближе незаметно подобраться к часовым.

Патрик, дежуривший на южном краю лагеря поинтересовался:

— Что узнали разведчики?

— Какие-то люди следят за нами.

— *Низкорослые*?

— Нет. Кто-то другой явился по нашу душу из глубин леса.

Патрик выглядел удивленным. Похоже, дикарь, который был с ним, и в самом деле с нетерпение жаждал борьбы.

— Вы ожидаете, что они нападут на нас?

— Они станут атаковать, если почувствуют себя достаточно сильными.

— И им не повезет, — проворчал ирландец.

— Перебьем их всех, — уверенно проговорил Коурам. Он подошел к палатке Айронкастла, поднял занавес и позвал.

С тех пор как украли Мюриэль, Гэртон спал очень чутко. Айронкастл встал, быстро оделся и только тогда поинтересовался:

— Чего тебе нужно, Коурам?

В этом вопросе звучала слаба надежда. Любое действо, любое слово заставляло его думать о Мюриэль. Горе разрывало на куски его душу. За несколько дней, прошедших с момента похищения, он словно усох. Его горе было смешано с ощущением страшной вины. Это он взял с собой в это путешествие Мюриэль, и теперь чувствовал себя виноватым. Словно убил её собственными руками.

— Господин, наш лагерь окружен, — начал Коурам.

— *Низкорослыми*? — воскликнул Гэртон. Его апатия в один миг обратилась в кипящий гнев.

— Нет, господин, другими чернокожими. Гумра считает, что они пришли из леса.

— И сколько их?

— Гумре не удалось подсчитать их. Они прячутся.

Тогда Гэртон опустил голову и объявил:

— Я хотел бы заключит с ними союз!

— Было бы неплохо, — согласился Коурам. — Но как нам поговорить с ними?

Это не означало, что их было бы невозможно понять, даже если говорили они на совершенно неведомом языке. Коурам отлично знал универсальный язык жестов, практиковал его с детства.

— Они станут кидать копья в любого, кто попытается приблизиться к ним, — заверил он. — Однако, хозяин, я попробую поговорить с ними, когда рассветет.

Звезды начали гаснуть. Светало. В ближайшее время должно было встать солнце.

— Не хочу, чтобы вы рисковали своей жизнью.

Морщинистые фиолетовые губы Коурама скривились в ироничной улыбке.

— Коурам не будет рисковать своей жизнью, — а потом он добавил с истинно туземной наивностью: — Коурам не хочет умирать.

Гэртон прошелся по лагерю, а потом проверил автоматическое оружие.

«Нужно было взять с собой несколько таких штуковин», – подумал он.

Потом он внимательно огляделся. Посмотрел на звезды, которые теперь превратились в мерцающие огоньки. Какое-то время разглядывал равнину, кусты, далекий лес. Мирный час. Природа, казалось, обещала только счастье, заставив сердце Гэртона забиться быстрее, когда он вдохнул бархатистый воздух.

Айронкастл повернулся к Южному Кресту и взмолился:

— Господи Боже, иже еси на небесех...

Он продолжал молиться, смешивая отчаяние с надеждой и верой. Его пустой взгляд наполнился лихорадочным блеском. Раскаяние продолжало грызть его сердце.

Тропическая заря расцвела и погасла в одно мгновение. Быстро стало светать. Медно-розовое солнце медленно выплыло из воды озера.

— Теперь мы должны попробовать договориться с ними? — поинтересовался Коурам.

— Да.

Тогда Коурам принес странную флейту, вырезанную из стебля папируса, вроде тех, что использовали некоторые племена, обитающие в Большом лесу. Он поднес её ко рту, и мягкий, нежный звук разлетелся над миром. А потом, сделав знак Гумру, он покинул лагерь. Они отошли шагов на двести от лагеря по равнине и остановились. Никто не мог подойти к ним на расстояние броска копья, чтобы они этого не заметили. Коурам взял флейту и извлек из неё несколько монотонных звуков, переполненных меланхолией. Потом он заговорил, и его голос громко разнесся над равниной:

— Люди из лагеря хотят подружиться со своими скрытыми братьями. Пусть те выйдут, покажут себя.

Он не надеялся, что его поймут люди, которые говорили на совершенно ином языке. Однако, как и бесчисленные поколения диких людей, он верил в силу произнесенного слова.

Ни среди зарослей кустов, ни в саванне не было никаких признаков присутствия человека. Несколько антилоп бродило вдалеке, а птицы скользили в небе.

— Почему вы не отвечаете? — закричал Коурам. — Мы знаем, что ваши воины окружили наш лагерь. Гумра глазами орла видел вас на стороне семи звезд и на той стороне, где восходит солнце.

Ответа все ещё не было, но какой-то странный звук донесся из зарослей кустов. Гумра, слух которого был таким же острым, как и взгляд, заметил:

— Думаю, мой мудрый господин, что другие воины идут.

Коурам, переполненный беспокойством и гневом, угрожающее проговорил:

— Пусть те, кто прячется, не обманываются! Белые вожди обладают оружием, таким же страшным, как землетрясение или огонь, который пожирает лес! — Он сопроводил свои слова соответствующими жестами, но потом заговорил намного мягче. — Мы пришли не как враги. Если хотите стать союзниками, наши начальники приветствуют вас в нашем лагере.

Неожиданно среди кустов поднялся чернокожий воин. В одной руке у его было копье и дубина в другой. Его грудь

была широкой, как у гориллы. Челюсть его выдавалась вперед, а глаза сверкали безумием. Он выкрикнул несколько слов на совершенно незнакомом языке, однако благодаря жестам его с легкостью можно было понять. В том, как они звучали, не было ничего дружелюбного.

«Воины лагеря непобедимы», — поведал ему Коурам на языке жестов. Синий Орел рассмеялся надменно и насмешливо. Он прокричал дважды, и воины *гоура-заннкасы* поднялись из кустарника, зарослей папоротника и из высокой травы. Они были храбрыми, молодыми и высокими. Быстро и бесшумно они окружили весь лагерь. Гегам — Человек-с-Рогом воззвал к поднимающемуся солнцу. *Люди со звезд* разом взревели, потрясая своим оружием. Тогда Уаммха заговорил одновременно и жестами, и словами:

— *Люди со звезд* превосходят вас числом десять к одному! Мы захватим и вас, и ваших животных, и ваши сокровища! А потом мы съедим мужчин!

Коурам понял, что чернокожий вождь хочет войну. Он развел руки и удерживал их перед собой, а потом указал на землю. Поклонившись дикарям, он продолжал:

— Жители леса умрут, как насекомые, которые вечером поднимаются над водой озера.

Громкий голос Голубого Орла чередовался с ревом Гегама.

Гоура-заннкасы перестроились в четыре колонны, каждая из которых насчитывала пятьдесят человек. Тогда Коурам сделал последнюю попытку. Его голос и жесты говорили одновременно:

— Еще возможно нам стать союзниками.

Но Синий Орел выстроил свои колонны в боевой порядок. Он чувствовал, что переполнен силой. И тогда он отдал приказ напасть. Но в лагере были готовы к сражению. Айронкастл уже установил пулемет на возвышение. Сидней проверил свое ружье на слонов. Филлипп и сэр Джордж смотрели соответственно на юг и восток. Остальные тоже были готовы открыть огонь, выстроившись по кругу.

— Не убивайте их предводителя! — приказал Айронкастл. Он все еще надеялся заключить союз, пусть даже после битвы.

Рев рога *гоура-заннкасов* разнесся над озером. Коуром побежал обратно в лагерь.

— Огонь! — закричал Айронкастл.

Пулемет затрещал, выплюнул поток пуль, словно поток воды из брандспойта. Загудело ружье на слонов. Сэр Джордж и Филлипп методично палили из винтовок, подавая пример остальным.

Получилась настоящая бойня. До того как *гоура-занн-касы* преодолели половину расстояния, отделявшее их от лагеря,более шестидесяти воинов замертво повалились на землю. Пулемет стучал, не переставая, каждый выстрел ружья на слонов буквально сметал по несколько чернокожих, разбрасывая во все стороны сгустки крови, плоти и внутренностей. После каждого выстрела Филлиппа и сэр Джорджа один из туземцев падал на землю.

Беспорядочно палившие винтовки довершили разгром. Колонна черных, которая подходила со стороны озера, развернулась и побежала. Им стреляли вслед, черные воины спотыкались и падали среди зарослей папируса. Затем пулемет остановил колонну, которая приближалась с юга, в то время как Филлипп и сэр Джордж, которому помогали Дик и негры обратили в бегство третью колонну.

Теперь осталась только одна колонна на западе — та, которую вел сам Синий Орел. Вождь выбежал вперед, крутя копье у себя над головой. Он его воины были всего в двухстах ярдах. Гэртон наблюдал как они приближаются: молодые воины — элита, переполненные яростью битвы, — высокие воины с отлично развитой мускулатурой.

— Если им удастся добраться до лагеря, они перебьют нас.

Айронкастл выждал еще около минуты, прежде чем отдать новый приказ.

— Огонь, — прорычал он.

С сожалением он развернул ствол пулемета в сторону последней колонны туземцев. А потом начал методично расстреливать противников. Выстрелы молниями прошивали тела чернокожих. Люди метались, словно пчелы в клубах дыма, падали, охваченные яростью и болью, или бесцельно бежали, куда глаза глядят. Вскоре в живых оставались только вождь и десять воинов, которые жались у него за спиной. Гэртон расправился с ними с помощью одной обоймы пистолета, стараясь не задеть вождя.

Синий Орел остался один перед лагерем. Смерть пролетела мимо, едва не задев его своим крылом. Вся великая сила его рода в один миг превратилась в слабость шакала, оказавшегося перед львом. Все, что заставляло его стоять с гордо выпяченной грудью, вся слава его рода в один миг исчезла перед лицом таинственной силы. А его гордость превратилась в смирение. Наконец, приняв какое-то решение, он резко вскинул над головой копье и дубину и закричал:

— Убейте вождя Уаммха! Пусть рука воина проколет его грудь! Кто будет сражаться с Синим Орлом?

Его слова звенели, исполненные отваги, но голос был грустным и скорбным. Коуран, стоявший рядом с Гатри, растолковал его жест.

— Он хочет сражаться.

Гатри с улыбкой огляделся. Он видел лишь несколько беглецов и множество убитых и раненых.

— Я исполню его желание.

Гигант перепрыгнул через посыпанную пеплом насыпь вокруг лагеря и, подхватив топор, рванулся вперед навстречу Синему Орлу. Предводитель *гоура-заннкасов* замер пораженный, наблюдая зав Сиднеем. Несмотря на то, что среди *людей со звезд* было много мужчин высокого роста, ни один из них не мог сравниться с Гатри. Но кто этот бледный человек, который к тому же обладал силой носорога? Суеверная печаль навалилась на Айронкастла, когда Гатри завопил:

— Так ты хочешь сразиться? Я здесь!

Вождь Уаммба метнул копье. Оно задело плечо гиганта, но благодаря защитной одежде не причинило ему вреда. Несколько прыжков — и янки оказался прямо перед туземцем. Синий Орел яростно завопил и размахнулся дубиной. Гатри рассмеялся. Туземец обрушил дубину, целя в голову Сиднея, но белый встретил её топором, а когда тот глубоко вошел в дерево, рывком вырвал дубину из рук туземца, и та улетела в кусты.

— Ты проиграл бой, — объявил белый гигант и захохотал. — А теперь ступай-ка за мной.

Видя, что туземец не понимает, чего от него хотят, Гатри схватил его, как ребенка, поднял, перекинул через плечо и отправился назад, в сторону лагеря. Люди в лагере приветствовали его. Предводитель *гоура-заннкасов* замер, охваченный

страхом и трепетом. Те, кто еще прятался в камышах, запричитали от страха, наблюдая чудо, свидетелями которого стали.

— Вот, — объявил Сидней Гатри, ставя на землю свою парализованную ношу.

Вождь Уаммха весь дрожал. Тысячи раз он рисковал жизнью. Ни один человек не смог бы лучше противостоять пыткам. Он был уверен, что настал его последний час и вскоре он будет съеден заживо. Воин, который пленил его, казалось, не боялся смерти. Оказавшись на плече Гатри, он почувствовал себя совершенно беспомощным, словно маленький ребенок. Вокруг повсюду лежали мертвые и умирающие *гоура-заннкасы*, в то время как ни один человек в лагере даже поцарапан не был. Словно все копья и дубины с начала времен обрушились на голову его воинов, перебив людей без счета, точно так же как буйволов и кабанов, что оказались у них на линии огня, и даже льва, случайно выскочившего из травы.

Безмолвный, пепельного цвета, вождь Уаммха застыл, склонив голову. Однако голос одного из странных белых людей привлек его внимания. Он медленно поднял голову. Коурам что-то говорил, указывая на него. И только лишь потому, что Коурам был черным, туземец почувствовал себя менее подавленно.

Тем временем Коурам речью и жестам попытался задать вопрос пленнику:

— Может, теперь люди из леса захотят стать друзьями мужчин, которые пришли с северо-востока?

Он повторил эти слова несколько раз, и, судя по всему, до вождя Уаммха дошел смысл вопроса. Но он казался сбит с толку. Он не мог даже представить себе, что, будучи в плену, он не станет пищей для воинов.

Он посмотрел на Коурама, Айронкастла и на своего противника-гиганта, который вынес его с поля боя, как ребенка. Однако он не мог поверить в то, что происходит. Эти люди сильно отличались от *гоура-заннкасов*, и были так странно и ужасно вооружены, и к тому же придерживались таких странных обычаев. Воины его племени обычно не оставляли в живых врагов, и более того, никогда не предлагали им дружбу. Однако сейчас Синего Орла снедало любопытство. Да и приняв предложение дружбы этих людей, что он те-

рял? Его жизнь и так в руках этих людей. Тем более что его жизнь, судя по всему, стоила жизни сотням воинов.

Так что в какой-то момент его нерешительность исчезла. Он повернулся к великану и жестом показал, что согласен. Теперь перемирие было достигнуто.

Глава 12. Низкорослые и гоура-заннкасы

И хотя их новые союзники, как казалось, смирились со своим поражением, победители не стали расслабляться. Они разбили лагерь рядом с деревьями *людей со звезд* на открытом месте возле реки, но все это время, по меньшей мере, четверо стояли на страже.

Побежденные собрались посмотреть на чужеземцев, но старались держать дистанцию. Мужчины, женщины и дети с интересом разглядывали фантастические существа, которые выиграли битву без единого удара копьем или дубиной. Они не возненавидели незнакомцев из-за их победы. Религиозное уважение смешалось со страхом. Особенно благоговели *гоура-заннкасы* перед Гатри. Между собой они говорили:

— Он самый сильный из всех людей. Он самый сильный.

Это преклонение распространялось и на Гэртона, который через несколько дней гулял среди туземцев без всякой охраны. И как самый большой знаток африканских языков в экспедиции, он быстро выучил язык *гоура-заннкасов*. В основном он разговаривал с Синим Орлом.

Он узнал, что *люди со звезд* и *низкорослые* были непримиримыми врагами с начала времен. Старинные легенды рассказывали легенды о борьбе, поражениях и победах. Коварство *низкорослых* тут было хорошо известно. Но уже в течение почти целого поколения они не видели *низкорослых*. Когда вождь Уаммха понял, что кто-то из их племени рядом, он задрожал от ярости. Его глаза засверкали, как у леопарда в сумерках.

Гэртон сразу распознал реакцию вождя. В итоге их союз окреп на основе чего-то первобытного и нерушимого, выходящего за пределы обычной войны между племенами.

— Синий Орел найдет вашу пленницу, — эту фразу вождь повторил много раз. — Он будет искать её на воде, под землей, среди скал. *Гоура-заннкасы* хитрее шакалов.

Американец решился показать ему двух пленников. Когда он увидел их, он прыгнул вперед, размахнувшись дубиной, собираясь размозжить им головы, но Коурам остановил его.

— Вы можете поговорить с ними? — поинтересовался Айронкастл у Голубого Орла.

Ненависть, с которой Синий Орел посмотрел на смертных ,отразилась на лицах пленных. Вождь Уаммха беспрестанно сыпал оскорблениями. На протяжении столетий борьбы обе расы научились понимать друг друга, по крайней мере на базовом уровне.

— Ты можешь поговорить с ними? — повторил Айронкастл.

— Синий Орел знает, как разговаривать с ними.

Тогда Гэртон попросил туземца с глубокой надеждой в голосе:

— Спроси у них, что его соплеменники сделали с белой девушкой, которую выкрали из нашего лагеря.

Айронкастл и Коурам повторили вопрос много раз, переставляя слова и подкрепляя их жестами.

Наконец, вождь Уаммха обратился к пленным. Те только зло кривились, насмешливо улыбаясь. Потом один из пленников сказал:

— Люди-призраки никогда больше не увидят девушку со светлыми волосами. Она сейчас живет под землей или на поверхности с *низкорослыми.* Она — рабыня вождя.

— И где же *низкорослые* прячут её? — заорал Синий Орел.

— Они повсюду, — ответил другой пленный, взмахом руки обведя мир вокруг себя.

Вождь Уаммха пригрозил им своей дубиной, но *низкорослые* оставались совершенно бесстрастными.

После того как Синий Орел перевел ответ, наступила зловещая тишина. Представив себе Мюриэль пленницей туземцев, её несчастный отец чуть не взвыл от отчаяния.

— Пленник скажет мне, где сейчас его племя, — объявил вождь *гоура-заннкасов.*

— Никогда!

— Мы должны подпалить им ноги, — заметил Коурам. — Они заговорят.

Синий Орел покачал головой, он знал, что никакие пытки не заставят говорить пленных.

— Тогда мы должны убить их, — продолжал Коурам. — Её держат где-то рядом, потому что они не могли увести далеко дочь главного господина. Может быть, поэтому *низкорослые* отказались от преследования.

Это звучало логично.

— Вы хотите помочь нам найти *низкорослых?* — спросил Гэртон.

Черный вождь глубоко вздохнул, а потом закричал:

— Вождь Уаммха хочет перебить всех их! — Тут он взмахнул дубиной над головой пленников.

Те закрыли глаза, словно ожидая, что им прямо сейчас вынесут мозги.

Вторя Коураме, Синий Орел закричал:

— Мы должны убить их! Даже если мы позволим им жить, глаза у них будут закрыты, губы запечатаны, а их конечности словно связаны веревками, — заявил вождь. — Они ничего не скажут.

— Но мы не станем убивать безоружных, — объявил Гэртон. — Независимо от того, насколько они заслуживают смерти.

Коурам и Уаммха переглянулись, и было полное согласие в их глазах.

— Что станет делать Уаммха, чтобы найти *низкорослых?* — поинтересовался Гэртон.

— Воины будут искать в лесу, на земле и в воде. Колдуны проконсультируются с облаками, ветрами и звездами. И *гоура-заннкасы* знают все пещеры.

— Если Синий Орел преуспеет в поисках, то на помощь ему придет палка, которая убивает на расстоянии в три тысячи шагов, — проговорил Айронкастл, указывая на винтовку.

Желтые глаза заблестели, как Альдебаран.

Через десять минут Человек-с-Рогом протрубил сбор.

Еще до того как стемнело, *гоура-заннкасы* подтвердили, что *низкорослые* прячутся неподалеку от лагеря. Они обнаружили

своих заклятых врагов под землей в одной из природных пещер, которых тут было полным-полно и которые *низкорослые* соединили проходами, создав настоящий лабиринт до того, как *люди со звезд* заняли три четверти леса и западную сторону озера.

— В эту ночь *гоура-заннкасы* будут сражаться! Они победят. Но их победа станет еще более бесспорной, если Люди-Призраки дадут им свое оружие...

Громкий шум прервал его: группа *гоура-заннкасов* протащила двух заключенных. Даже несмотря на тени, которые легли на землю, можно было рассмотреть их бычьи лица.

Синий Орел свирепо улыбнулся.

— Приближается битва! Сейчас самое время им отдать нам свои сердца.

Гэртон вздрогнул.

— Они пленники!

— Пленников нужно съесть! Такова воля Земли, Воды и Предков.

Айронкастл перевел своим спутникам слова вождя.

— Это их дело. Вы должны уважать законы ваших союзников, — заметил Гатри.

Сэр Джордж и Филлипп молчали. Вождь Уаммха продолжал холодно отдавать приказы. К небу взлетели дубины, и черепа *низкорослых* оказались расколотыми.

— Было бы лучше сначала отмочить их в священных водах, — с сожалением вздохнул Синий Орел.

Увидев, что Гэртон не понял его, он прибавил:

— Их убил я, так что вам не стоит ни о чем сожалеть.

— Этот дикарь очень деликатный, — заметил Сидней, после того как Айронкастл перевел слова туземца.

Вождь Уаммха рассмеялся. Глядя на Гатри, он сказал:

— Для того чтобы победить *низкорослых*, предводитель-Людей-Призраков поможет нам с Гром-Оружием?

Айронкастл перевел эти слова своим товарищам.

— Мы должны пойти на этот риск, — заметил сэр Джордж.

— Какой риск? Риск участвовать в битве? — поинтересовался Гатри. — Мы не сможем избежать риска.

— Я имел в виду риск предательства, — пояснил Гэртон. — Но я не верю в то, что они попытаются предать нас.

— Уверен, они не станут этого делать, — высказался Филлипп.

— Точно, — встрял в разговор Коурам. — Они будут нам верны. И если мы не поможем им, мы не сможем уничтожить *низкорослых.*

Гэртон на мгновение застыл, о чем-то задумавшись. А потом он сказал:

— Половина из нас останется, чтобы следить за происходящим из лагеря. Остальные прогуляются с *гоура-заннкаса ми.* Как вам такой план?

— Принято.

— Так и поступим. Остаётся только решить, кто пойдет.

— Бросим монету, — предложил Гатри. — Только вот я исключаю себя из этой жеребьёвки. Я пойду в любом случае,— добавил он, усмехнувшись.

— Почему?

— Потому что они этого хотят.

— Точно, — согласился Гэртон.

Синий Орел с благоговением смотрел на гиганта. Несколько раз подбросили монету, и было решено, что пойдут Филлипп, Дик Найтингл и Патрик Джефферсон. Их должны были сопроводить шестеро черных и Коурам.

Когда Синий Орел узнал, что Гатри пойдет с ними, он взревел от радости. Обратившись к соплеменникам, только что убивших пленников, он провозгласил:

— Великан Призрак отправится с нами.

Громогласные крики радости приветствовали эту новость. И Человек-с-Рогом разнес эту весть по всей саванне.

Глава 13. Битва у озера

Филлипп, Дик Найтингл, пара ниггеров из лагеря и сто *гоура-заннкасов* отправились на северо-западный берег и дальше на острова. Среди них был Гамра — Воин с Ушами Шакала. Никто из туземцев не обладал таким чутким слухом. Когда он ложился на землю и прижимал к ней ухо, ему открывались все тайны. Он мог распознать далекую по-

ступь кабанов или топот носорога. Он никогда не спутал бы шаг шакала с шорохом лап леопарда и мог распознать шаги страуса, жирафа и даже шорох питона до того, как те оказались бы в поле зрения. А крики диких животных, шорохи и шум джунглей рассказывали ему остальное.

Воинами *гоура-заннкаса* командовал один из сыновей Орла. Звали его Варзмао — Питон, потому что мог ползать, как рептилия, и великолепно плавал.

Отряд вышел до восхода луны, под небом, где уже засверкали звезды. Вскоре воины вышли на берег озера. В слабом свете звезд их темные тела выглядели, как маленькие кусочки ночи. Гамра то и дело прикладывал ухо к земле, а Варзмао постоянно исчезал среди кустов, но всякий раз быстро возвращался. Час прошел в поисках *низкорослых*, потому что там, где в последний раз их видели, никого не было. Возможно, они отступили в пустыню или устроили засаду, а потом только и ждали подходящего момента.

Филлипп находился в постоянном напряжении, присматривался и прислушивался. Быть может, слух у него был лучше, чем у Гамры, но он не был посвящен в тайны африканской ночи.

— Это чертовская смесь звуков, — прошептал Дик Найтингл. — И как они могут сражаться в темноте? Им не удастся найти противников...

Дик был храбрым малым, но он любил много говорить.

— Тебе бы лучше помолчать, — попросил Филлипп.

— Черт побери, — проворчал Дик. — Я могу подобраться к волку на шесть ярдов. А сейчас мы окружены этими черными...

Это было правдой. Питон приказал *гоура-заннкасам* держаться вокруг белых и черных из экспедиции. Он не хотел, чтобы Люди-Призраки или их слуги пострадали, если *низкорослые* неожиданно нападут на них. Он берег их жизнь, из-за того, что у них было смертоносное оружие.

— Давай помолчим, так или иначе, — настаивал на своем Филлипп. — И не волнуйся, Дик. Я не верю в нюх этих *гоура-заннкасов*. Не верю, что они хотят воевать в темноте. Не больше, чем *низкорослые*. И можешь быть уверен, на то есть свои причины.

Дик замолчал, а разведчики продолжали поиски. Весь бе рег был тщательно изучен, и Гамра прислушивался, словно хотел уловить какой-то звук, исходящий из недр земли. Но вокруг было много разных звуков. Периодически раздавался лай шакала, кричали травоядные твари, попавшие в лапы плотоядных, среди камышей и кувшинок жалобно квакали лягушки. Все казалось таинственным и странным. Безымян ный завоеватель — человек — оставался лишь хозяином ма лой части этой дикой земли. Он потерялся в первозданной тьме, посреди первобытной ночи.

Сердце учащенно билось в груди Филлиппа, но вовсе не от страха. Все его мысли были о Мюриэль. Он видел её лик и тускло мерцающем озере и пыльном блеске звезд.

— Луна встает, — неожиданно заявил Дик Найтингл.

Красная, как цветок мака, луна становилась ярче с каж дой минутой, заливая озеро рекой света. Лягушки привет ствовали ночное светило новой жалобной песней.

Авангард *гоура-заннкасов* остановился. Разведчики вер нулись, воссоединившись с остальным отрядом. и тут сотни глоток разом взвыли в боевом кличе. В течение примерно пяти минут полет стрел и копий был единственным доказа тельством присутствия противника. Камыши и заросли ку стов стали целями *гоура-заннкасов.*

— Интересно, там и в самом деле скрываются воины *низ корослых?* — пробормотал Дик, рассматривая заросли.

Со стороны все это выглядело, как имитация битвы. Из-за расстояния копья и стрелы были бесполезны. Засада *низкорослых* сорвалась. Видимо, они планировали застать *людей со звезд* врасплох. Целью разведчиков было сорвать их планы. Теперь *низкорослые* сами попались. Наконечники копий обеих воюющих сторон были смазаны сильным ядом. Перед тем, как добраться до врага, нападавшие понесли бы очень большие потери.

Варзмао отлично знал об этоми не сводил взгляда с ка мышей. *Низкорослые* же пока оставались невидимыми, не которые из них прятались среди растительности, другие в трещинах скал.

Противники в равной степени ненавидели друг друга, хотя причины этой ненависти и вражды никто не помнил. И

хоть *гоура-заннкасы* действовали стремительно, они сильно проигрывали числом. Да к тому же *низкорослые* занимали более удобную позицию. Кроме того, у *низкорослых* была целая флотилия каноэ, и они в любой момент могли отступить. Разведчики сообщили об этом.

— Такое противостояние может длиться целый месяц, — сказал Дик Найтингл. — Эти дикари, сэр, кучка проклятых трусов.

— Я не верю в это, — заметил Филлипп. — Оба племени очень мужественны. Не стоит недооценивать дикарей только потому, что они дикие.

Но на самом деле он был встревожен точно так же, как Дик. Он расположил свой отряд на склоне холма. Если *низкорослые* попытаются устроить массированную атаку, черным стрелкам придется палить без перерыва. Начнется бойня... Дик с проклятием выругался. Филлипп сказал себе, что будет помнить об этом и не оставлять Дика одного.

— Ваши люди уже выступили? — громко спросил Дик.

Примерно тридцать *гоура-заннкас* направились вперед, тесно сплотив ряды. Они двигались к берегу, выкрикивая оскорбления в адрес *низкорослых.* Белые сделали вид, что перезаряжают ружья. Облако ракет вылетело из зарослей камыша, лежавших впереди, но ни одна изних не долетела до белых и их союзников. Хитрость *низкорослых* была очевидна. Варзмао хотел соблазнить противника, обещая легкую победу. Но те не поддались искушению, и он распорядился, чтобы воины *гоура-заннкасы* отступили.

— Держитесь настороже! — приказал Филлипп. — Будьте готовы в любой момент открыть огонь.

— Они не выйдут, — заверил Дик. — Эти воины — настоящие кролики.

Но Филлипп дал четкое указание слугам с ружьями.

Гоура-заннкасы собирались бросить вызов противникам. Но те из них, кто держался впереди, были совершенно незащищены. От основной части экспедиции их отделяло по меньшей мере семь сотен шагов, и форма берега озера позволяла *низкорослым* с той же легкостью атаковать в лоб,

как и с фланга. Кроме того., так как они численно превосходили *гоура-заннкасов*, у них были большие шансы на победу

Никакого движения не было заметно среди тростника, травы и скал. Тем не менее резкие голоса *низкорослых* ответили на громкие оскорбительные крики *гоура-заннкасов*. Потом наступил краткий период тишины.

По озеру двигалась целая флотилия каноэ, постепенно приближаясь. На мгновение цепь островков камыша скрыла их из виду.

— Подкрепление, — проговорил Дик. — Похоже, дело будет горячим!

Варзмао поднялся на возвышение. Несомненно, он был в нерешительности. Положение передового отряда *гоура-заннкасов* было критическим. У Варзмао не было времени отдать приказ об отступлении.

Пугающий вой сообщил о начавшейся атаке. Она началась внезапно, молниеносно и яростно. Две группы, каждая по меньшей мере человек по восемьдесят, бросились на воинов *людей со звезд*. Отряд, напавший с фланга, попробовал отрезать путь к отступлению для *гоура-заннкасов*.

— Огонь! — закричал Филлипп.

Большая часть *низкорослых*, наступающих с фланга, метнулась в сторону...

Филлипп вскинул винтовку к плечу. За минуту он подстрелил семерых или восьмерых.

Из-за недосмотра разведчиков *низкорослые* до последнего момента не знали о присутствии белых. Меры предосторожности, на которых настаивал Варзмао, обманули их. Храбрые, как бульдоги, в том случае, когда сталкивались с привычным оружием, хотя оно и могло быть отравлено, *низкорослые* были сбиты с толку появлением на поле боя автоматического огнестрельного оружия. Многие из них вспомнили схватку в лесу, где в один миг *низкорослые* потерпели поражение, хотя так и не поняли, что стало тому причиной. К тому же *гоура-заннкасы* занимали выгодную позицию, а *низкорослые* сбились в группы. А потом *гоура-заннкасы* бросились врукопашную на правую колонну, которая меньше пострадала от ружейной стрельбы, чем левая.

Варзмао и его люди с всех ног побежали к врагу. *Низкорослые* замешкались, в недоумении. Подобно афинянам во время битвы при Херонее[31], они знали об отчаянности своего положения и позволяли убивать себя без сопротивления. *Гоура-заннкасы* ударами дубин валили их дюжинами, в то время как Филлипп и его люди продолжали косить из ружей тех, кто оказался с краю поля битвы.

Вскоре воины *гоура-заннкасы* настолько смешались с *низкорослыми*, что все, кроме Филлиппа, прекратили стрельбу. Он был достаточно хорошим стрелком, чтобы в лунном свете безошибочно выбивать цели.

Несколько *низкорослых* попытались сопротивляться, но их тут же перебили. Потом началась настоящая резня, убийство — обычное финальное действо любой битвы.

Сто *низкорослых* погибли на берегу озера. Некоторые из них пытались спрятаться в кустах, другие запрыгнули в лодки, привязанные у берега, или попытались удрать вплавь.

Остальные лодки были захвачены *гоура-заннкасами*. Лодок было около десятка, и каждая могла нести десять человек. Потом Варзмао решил очистить острова, которые были видны с берега. Судя по всему, враг бежал.

В погоню за *низкорослыми* на одной из лодок отправились Филлипп, Дик Найтингл и чернокожие слуги ружьями.

---

[31] Битва при Херонее (2 августа 338 до н. э.) — сражение в Греции под селением Херонея в Беотии, в ходе которого македонский царь Филипп II разгромил объединенную армию греческих городов-государств. Филипп доверил 18-летнему Александру командовать конницей на левом крыле, сам же руководил фалангой. Зная пылкость афинян в бою, Филипп решил сначала измотать их. Изначальная позиция греков была выгодной, речка прикрывала их фланг с одной стороны, холм прикрывал с другой. По приказу Филиппа фаланга сомкнула ряды и, прикрываясь щитами, стала медленно отступать. Прием этот был отработан еще в боях с фракийцами. Афиняне с криками: «Погоним их до сердца Македонии» бросились вперед. Когда атакующее войско расстроило ряды и вышло на равнину, Филипп бросил фалангу в наступление. К этому моменту и конница Александра ворвалась в образовавшиеся бреши между отрядами греков, а у Филиппа появилась возможность окружить противника. Упав духом, большинство греков бежало. Бежал и знаменитый афинский оратор и политик Демосфен, усилиями которого была организована антимакедонская коалиция греческих городов. После победы вне себя от радости Филипп устроил пиршество прямо на поле боя среди неубранных тел.

Глава 14. В недрах земли

Преследователи заметили, что *низкорослые* высадились из лодок на самом северном из островов. Филлипп со своими людьми направились прямо туда. Потом к ним присоединились *гоура-заннкасы*, которые плыли следом. Чернокожие держали копья наготове. Челнок *низкорослых*, спрятанный в бухте, подсказал, что противники все ещё прячутся на островке. Тот по большей части состоял из утёсов, с несколькими лужайками, где трава перемежалась со мхом. У берега разросся камыш. Филлипп послал на разведку Дика и ещё шестерых человек в одежде, защищающей от ударов копьями. Но они так и не нашли *низкорослых*.

Когда маленький отряд вернулся к лодке, самый старый из *гоура-заннкасов* заговорил с Коурамом, используя язык жестов. При этом три раза он указал на центр острова.

— То есть, там они исчезли, — пробормотал Коурам.

— Никому там не спрятаться, — возразил Филлипп. — Ты же все видел точно так же, как и я, Коурам. Если это действительно то самое место, где они исчезли, то на земле их больше нет.

— Они находятся под землей, мой господин.

Он качнул головой в сторону *гоура-заннкас,* который, словно соглашаясь с ним, кивнул головой.

— Откуда он это знает? — поинтересовался Филлипп.

Коурам напрасно пытался переводить. Старый вождь решил, что стоит наглядно все показать белому человеку. Он отдал краткий приказ и *гоура-заннкасов* высадились на остров. Филлипп отправился следом за ним с Диком и его стрелками.

Когда они достигли определенной точки, предводитель *гоура-заннкасов* подозвал одного из своих людей. Два воина отложив копья навалились на один из валунов и откатили его в сторону. Филлипп увидел темную дыру в земле, которая вела куда-то под землю. Старый воин развел руками и произнес несколько слов довольно грустным тоном. Несомненно, он хотел о чем-то предупредить их.

Филлипп, Коурам и Дик переглянулись.

— Что станут делать теперь наши союзники? — поинтересовался Филлипп.

Вождь, казалось, понял. Он указал на Филлиппа, Дика, Коурама и стрелков в защитной одежде, а потом на своих воинов. Потом он сделал жест, указывая, что все должны последовать за ним.

— Господин, — снова заговорил Коурам. — Он хочет, чтобы мы отправились туда. Они думают, что мы неуязвимы.

— Почти неуязвимы, — усмехнулся Найтингл, а потом рассмеялся: — Похоже, он переоценивает наше оружие.

— Мы пойдем впереди, — объявил Филипп. — Мы должны подать туземцам хороший пример.

Дик, пожал плечами. Он был фаталистом, чья отвага не знала никаких преград.

— Ваши винтовки готовы? — поинтересовался Филлипп, а потом обратился к Коураму: Они последуют за нами?

Проводник кивнул. Филлипп повернулся и посмотрел на дикарей. Очевидно, они очень верили в белых и их спутников. Став свидетелями побед белых, они считали их непобедимыми.

— Вперед, — приказал Филлипп. Он проверил, насколько свободно выходит из ножен его охотничий нож, а потом пистолет.

Туннель круто уходил куда-то вниз. Удивительно было, что он не залит водой, так как он явно вел под дном озера. Но свет электрического фонарика Филлиппа, прочертив во тьме фиолетовый конус, высветил вулканическую породу. Это все объясняло. Скорее всего, подземные ходы пролегли в лавовых потоках, образовавшихся во время извержения вулкана, которое случилось много тысяч лет назад, еще до того как появилось озеро, на берегах которого разрослись джунгли, ныне ставшие домом *гоура-заннкасов.*

Через три минуты спуска преследователи остановились, потому что оказались в горизонтальном коридоре, в стенах которого было полно крысиных дыр. Несколько тварей метнулось из под ног людей, а потом воцарилась мертвая тишина.

В свете фонарика Филлипп увидел лишь смутно очерченные контуры свои спутников. Белки глаз туземцев сверкали. Несколько воинов *гоура-заннкас* застыло, прижавшись к стенам, словно прислушиваясь к чему-то, остальные опустились на колени, прижавшись ухом к полу.

— Ну? — поинтересовался Филлипп.

— Они прошли тут, — уверенно объявил Коурам. — Но воины ничего не слышат. Возможно, *низкорослые* бежали... Или поджидают нас за поворотом в какой-нибудь пещере...

Филлипп огляделся в таинственном полумраке подземного хода. Луч его фонарика сверкнул на кварце и на минерале, больше напоминающем драгоценный камень. Однако на первый взгляд тут не было ничего, что бы указло, что воины *низкорослых* прошли именно этим путем.

— Отправимся дальше?

Варзмао что-то сказал своим людям. Двое из *людей со звезд*, очевидно, специалисты по чтению следов, тряхнули головой. Они отправились вперед, внимательно прислушиваясь, но ничего не было видно, за исключением каменных стен. Можно было расслышать лишь тихий шорох — крадущиеся шаги отряда преследователей.

А потом они вошли в огромный зал почти правильной шестиугольной формы. Слабый свет исходил откуда-то сверху. Внизу на земле поблескивали крупные кристаллические блоки.

— Эти камни выглядят так, словно кто-то их специально отполировал, — заметил Дик Найтингл.

Еще они видели несколько огромных черных дыр, каждая из которых вела в новый коридор, и все они были разной ширины. Филлипп насчитал штук десять туннелей, потом с тревогой повернулся к *гоура-заннкас.*

Вождь только головой покачал, но не удивился. Он дал Коураму понять, что он ожидал чего-то подобного. Без сомнения, он слышал об этом месте из легенд, рассказанных ему предками. *Люди со звезд*, обитающие на деревьях, не любили спускаться в недра земли.

— Что нам делать дальше? — поинтересовался Филлипп.

— Настоящий лабиринт, — проворчал Дик. — Пока мы станем изучать эти темные туннели, *низкорослые* будут далеко. А еще они могут устроить ловушку... или засаду...

Филлипп почувствовал себя обескураженным. Казалось, он понимал, что невозможно продолжать погоню. А разве можно быть уверенным, что Мюриэль и в самом деле в этих

пещерах? И почему он так уверен, что она до сих пор жива? Не важно! Они должны идти дальше!

— Осмотрим эти туннели...

— Это очень опасно, господин.

— Не больше, чем то, что мы уже сделали. Мы отыщем выход из этого зала. Но мы должны принять меры предосторожности.

Коурам обреченно опустил голову.

— Все будет так, как вы пожелаете, мой господин.

— Мы возьмем с собой только половину стрелков. Остальные останутся тут, чтобы подбодрить *гоура-заннкас*. Дик, ты тоже останешься тут и примешь командование на себя.

— Я бы предпочел отправиться вместе с вами, — объявил Найтингл.

— Если *гоура-заннкас* будут видеть только оттенки черного, они потеряют уверенность в себе и могут вернуться на поверхность.

— Хорошо, — кивнул Дик. — Но мне это не нравится.

Коурам знаками объяснил *гоура-заннкас*, что происходит. Видимо, их предводитель думал точно так же. Он предложил двоим своим следопытам сопровождать разведчиков.

Не было никакой возможности решить, с какого туннеля начать. Филлипп выбрал туннель наугад. Коурам с небольшим отрядом последовал за ним. Этот туннель, низкий и узкий, вскоре оказался непроходим.

— *Низкорослые* никогда не пришли бы сюда, иначе камни сказали бы нам об этом, — объявил Коурам, когда они остановились в конце узкой расселины.

— Вернемся, — подвел итоги Филлипп, проведя рукой по стене пещеры.

Второй туннель тоже привел в тупик. Третий вывел разведчиков в закрытый грот, который напоминал природный храм — скопище сталактитов и сталагмитов. А вот четвертый — в широкий коридор, по которому разведчики шли минут десять, но так никуда и не пришли — туннель казался бесконечным.

— Похоже, *низкорослые* отправились именно сюда, — подытожил Коурам.

Один из следопытов *гоура-заннкас* похлопал Коурама по плечу. Тот повернулся. Разведчик показал ему свою ладонь.

— Кровь! Тут кровь, господин, — сказал Коурам.

Гоура-заннкас жестом показал на стену. Там был пурпурный след, который казался черным во тьме коридора.

Глава 15. Подземные воды

Следопыт из *гоура-заннкас* шел быстрым шагов, уверенный, что враги где-то впереди. Небольшой отряд следовал за ним, подсвечивая себе путь тусклым светом карманных фонариков. Через несколько минут быстрой прогулки под землей они оказались у поворота — тут коридор резко поворачивал на девяносто градусов. В то же время свод стал много ниже и сам проход много уже. Один из *гоура-заннкас* предупреждающе вскрикнул. Коурам, шедший сразу следом за ним, поднял руку, приказав всем остановиться. Он не стал давать никаких объяснений. Луч лампы сверкнул на полу туннеля за поворотом.

— Вода! — с отчаянием пробормотал Филлипп.

Коурам коснулся его руки.

— Лодка, господин.

Несколько шагов вперед — и они оказались на краю озера. Над тусклой гладью подземного водоема раскинулся свод кристаллов, которые сверкали в свете электрических фонариков. Вода у берега светилась всеми оттенками драгоценных камней: бриллиантами, сапфирами, рубинами и топазами.

Филлиппп осмотрел лодку.

Почему *низкорослые* оставили её? Может, они устроили ловушку? Лодка казалась достаточно длинной, но выглядела очень хрупкой. В ней было два весла, хотя места хватило бы на шестерых. Стоило ли рискнуть и отправиться в плавание по незнакомым водам этого темного подземного мира в погоне за людьми, ведущими жизнь кротов? С одной стороны, это было бы очевидной глупостью и наверняка закончилось бы катастрофой, но лихорадка приключений и странное возбуждение охватило Филлиппа.

— Найдется ли пять человек, кто рискнет отправиться со мной?

— Но, господин, это означает верную смерть.

Филлипп на мгновение задумался, однако он был словно охвачен безумием.

— Коурам, мы возьмем четырех стрелков, а остальные останутся с *гоура-заннкасами.*

Коурам не стал спорить. Он ответил как должно:

— Очень хорошо.

Филлипп сам выбрал четырех стрелков. Те не возражали. Они полностью доверяли белому человеку. Кроме того, они, возможно, чувствовали себя намного спокойнее с Филлиппом, чем с воинами Варзмао.

— Судя по всему, этот челнок в отличном состоянии. Давайте на борт, — распорядился Филлипп.

Через несколько минут челнок уже быстро скользил по поверхности озера. Коуран греб, как туземец из южных морей. Филлипп, который много путешествовал на лодках по Канаде, сидел позади Коурама, загребая в такт с чернокожим.

Они плыли с полчаса, а потом вдали показался противоположный берег, над которым навис низкий свод потолка пещеры. Зловещее, неприятное, необъяснимое предчувствие охватило Филлиппа, когда он взглянул на открывшийся ему берег.

Темнота, тишина и огромные размеры пещеры угнетали. Но все, кто находился в лодке, были рады вновь оказаться на твердой земле. Высадка на берег подняла настроение. Справа и слева не было ничего, кроме гранитной стены. Вновь они оказались в туннеле. Логика тут была бессильна, но и весь этот поход под землю казался настоящим безумием. Если бы не Мюриэль, Филлипп никогда не зашел бы так далеко. Им нужно было догнать убегающих *низкорослых.* Если им повезет, то, быть может, удастся застать туземцев врасплох. Но последние имели большое преимущество. Даже если не считать численное превосходство, они могут устроить засаду, так как хорошо знали эти подземные лабиринты.

Однако всякий раз, когда Филлиппа начинали одолевать подобные мысли, он вспоминал о Мюриэль. Несмотря на свою решительность, Филлипп шел вперед все медленнее и медленнее. Туннель, по которому они пробирались,

становился все уже и уже, так что вскоре невозможно стало идти по двое в ряд.

Неожиданно Коурам, который шел впереди, остановился, словно натолкнулся на каменную стену. Впереди туннель снова поворачивал. Но в этот раз из-за поворота исходил свет.

— Посмотрите, господин!

Филлипп с трудом протиснулся вперед. И тогда они оба оказались у природной дыры в стене, которая была слишком маленькой, чтобы можно было через неё пролезть,

Через овальную дыру неправильной формы — своего рода окно — Филлипп и его спутник рассмотрели женскую фигуру, сидящую посреди грота. Когда глаза Филлиппа привыкли к темноте, он увидел, что девушка вовсе не чернокожая и не принадлежит к племени *низкорослых*. Это была белая женщина, с золотыми волосами волшебной принцессы.

— Мюриэль! — позвал он.

Он не мог сдержаться, чтобы не закричать. Молодая девушка вздрогнула и подняла голову. Взгляд её больших бирюзовых глаз уставился на круглое отверстие.

— Кто зовет меня? — медленно, с недоверием проговорила она.

— C'est moi[32], Филлипп!

В два прыжка она добралась до отверстия.

— Ты! Ты! — проговорила она и застонала.

В искусственном свете она выглядела бледной, худой, изможденной. За последние несколько дней она изменилась настолько, словно страдала целый год.

— Мой отец тут? — спросила она. — А все остальные?

— Все целы и невредимы. А как ты, Мюриэль?

— Ой! Будь осторожен! Туземцы наблюдают за вами. Они крадутся за вами, надеются заманить вас в ловушку. Боже мой! Они, вероятно, у вас за спиной!

— А как насчет тебя!

Мюриэль поморщилась. В тусклом голубоватом свете Филлипп не мог сказать, улыбается ли она или кривится от-вращения.

— Они не причинили мне никакого вреда. Не понимаю, чего они добиваются. Я полностью во власти их колдунов.

[32] Это я (франц.).

Иногда мне кажется, что они поклоняются мне. А в следующий момент они начинают угрожать мне. Не знаю даже, как сказать. Думаю, скоро должно произойти что-то ужасное.

Она провела рукой по лбу. Её зрачки расширились.

— Тебе нужно бежать, — пробормотала она — Они настоящие хозяева этого подземного лабиринта. Они знают, что ты здесь... беги!

— И оставить тебя здесь? — поинтересовался Филлипп. — Нет, мы вытащим тебя!

— Как ты это сделаешь? — удивилась она. — Эта пещера не сообщается ни с какой другой.

— А откуда этот свет?

— Откуда-то с неба. Из этой пещеры ход ведет на вулканический остров в центре озера. Ах! Подожди!

Она снова провела рукой по лбу, словно хотела отогнать какое-то кошмарное видение.

— Продолжай!

— Не могу... Возвращайтесь туда, откуда вы пришли. Это ваш единственный шанс на спасение.

— Мюриэль, прошу тебя...

— Ты не должен рисковать своей жизнью без необходимости!

— Мы не вернемся. Я хочу, освободить тебя или умереть здесь. Это так, Мюриэль.

— Нет.

— Клянусь, мы не бросим тебя!

— Боже мой... — вздохнула она. — Очень хорошо. Думаю, что туннель, в котором ты находишься, соединен с этой пещерой. Но вы не сможете добраться до меня... Они уже здесь.

Яростное рычание прервало её. Три тени неожиданно возникли за спиной девушки.

Первой реакцией Филлиппа было потянуться за пистолетом, но *низкорослые* уже добрались до Мюриэль. Они окружили её и потащили прочь. Филлипп заколебался. Выстрелить точно было невозможно. Туземцы стояли слишком близко друг к другу.

Через мгновение Мюриэль исчезла, и пещера опустела. Все, что оставалось Филлиппу, — вернуться и постараться отыскать остров, о котором говорила девушка, а потом спуститься в жерло вулкана.

— Поспешим! — крикнул Филлипп, помчавшись вниз по коридору.

Коурам и стрелки последовали за ним.

Через десять минут они увидели растущее впереди свечение. Потом туннель резко пошел вверх, и вскоре они оказались на свежем воздухе. Со всех сторон их окружали скалы с неровными краями. Над головой их теперь сверкала луна. Между скалами блестела вода, в которой отражались созвездия.

— Вон они! — закричал Коурам.

От берега отошло каноэ. В нем была Мюриэль и пятеро *низкорослых.* В этот раз Филлипп был убежден, что если ему сейчас не удастся спасти девушку, она канет в небытие. Вскинув винтовку, Филлипп тщательно прицелился. Грянул выстрел. Одного из *низкорослых* развернуло, и он выронил весло. Остальные четверо неистово взвыли. Винтовка прогремела во второй раз, и верхняя часть головы второго туземца разлетелась на куски. Оставшиеся в живых стали яростно грести. Филлипп застрелил еще двух туземцев. Последний оставшийся метнулся к девушке. Теперь его голова была так близко к голове девушки, что при малейшей ошибке Филлипп мог застрелить Мюриэль. Сжимая винтовку, молодой человек почувствовал, как дрожат его руки.

Туземец, схвативший Мюриель, теперь пытался сбросить её в воду. Крича, она боролась. В какой-то миг девушке удалось оттолкнуть туземца На несколько секунд их фигуры разъединились. Между ними было пространство в полметра. Оба на мгновение застыли. *Низкорослый* зарычал, поднял руку, Филлипп взял себя в руки, пытаясь остановить дрожь, и нажал на спусковой крючок. Туземец полетел за борт, едва не перевернув лодку.

Спутники Филлиппа взвыли от энтузиазма.

Мюриэль схватила весло и устремилась к острову. Филлиппа трясло, как в лихорадке. Когда девушка добралась до берега, слезы потекли у него по щекам. Мюриэль бросилась к нему и обняла.

— О! — наконец выдохнула она. — У меня такое чувство, словно мир только что родился.

Филлипп снова и снова целовал её, пока Мюриэль не оттолкнула его. Тем не менее она по-прежнему широко улыбалась. Затем, подняв руки. она продолжала:

— Из самой глубины своего сердца я взывала к тебе... и ты мне ответил, — а потом она снова обратилась к Филлиппу: — Ты — второй человек после моего отца, кто подарил мне жизнь.

— Мюриэль, я думал, что и сам умру, если с тобой что-нибудь случится, — тихо проговорил он.

Они мгновение постояли в тишине. Перед их мысленным взором проплывали яркие картины.

— Мы должны покинуть это место, — наконец заговорила Мюриэль. — Они могут вылезти из земли в любое время. Я не знаю, каким чудом вам удалось пройти по подземным туннелям и почему я на некоторое время остался без присмотра. – Она оглядела гладь озера, а потом продолжила: — Вчера тут было более тридцати лодок. Где они сейчас? Боюсь, должно произойти что-то необычное.

— Мы атаковали их вместе с *гоура-заннкас*, и нам удалось разбить их.

— *Гоура-заннкас*?

— Племя чернокожих, которые в данный момент являются нашими союзниками, — продолжил он. — Тем не менеемногим *низкорослым* удалось удрать. Возможно, сейчас они перегруппируются и снова нападут на главный лагерь.

— А мой отец?

— Он вернулся в лагерь.

— Нам нужно спешить, Филлипп.

— Кроме того, мы оставили Дика Найтингла и еще кучу народа в туннелях под землей. Они нас ждут.

— Но мы не должны возвращаться тем же путем, которым пришли сюда.

— Но тогда как?

— Отправьтесь на берег озера и оттуда предупредите своих друзей.

— Я только надеюсь, что *низкорослые* больше на них не нападали.

— Где вы вошли под землю?

— На островке к северу отсюда. Камень скрывает вход.

— Я знаю этот островок. Но все ли они ушли под землю? — задумчиво проговорила Мюриэль...

Лодка оказалась достаточно просторной, чтобы вместить их всех. Четверть часа они безмолвно плыли по озеру, которое так и кишело жизнью. Тут и там из-под воды поднимались чешуйчатые спины, огромные зубы огромных тварей блестели в лунном свете. Интересно, выжили ли *низкорослые*, что вплавь бежаи с поля боя? Но, быть может, шум, который они подняли, во время бегства распугает чудовищ.

После недолгих колебаний Филлипп направил судно в сторону самого северного острова...

Может быть, *низкорослые* отказались от борьбы. Их поражение было сокрушительным. Как и большинству дикарей. им нужно сначала зализать раны, и только потом они отправятся отомстить.

Один из негров закричал. Он указал на северо-восток, там словно собиралось большое темное облако — лодки с *низкорослыми*!

Филлипп стиснул зубы. До северного острова было более километра. Успеют ли *низкорослые* перехватить их?

— Поспешим! — выкрикнул он.

Но в этом не было необходимости. Гребцы понимали опасность, которая грозила всем. Сгорбившись, взялись они за весла. В течение первых двух минут невозможно было оценить шансы противников. Лодки с *низкорослыми* двигались с огромной скоростью для столь неудобных суденышек. Две лодки были впереди остальных.

— Не стреляйте! — приказал Филлипп.

У них сталось мало боеприпасов. Филлипп же был лучшим стрелком, и он решил оставить все пули себе.

— Твой пистолет полностью заряжен, Коурам?

Коурам кивнул. Вскоре две лодки оказались на расстоянии броска копья. Филлипп неторопливо прицелился. Он выстрелил.

— На одного меньше, — прорычал Коурам.

Негры начали улыбаться, когда Филлипп выбрал новую цель. Через секунду еще один *низкорослый* выронил весло. Почти одновременно яростные крики раздались с острова. Высокий силуэт Варзмао появился на вершине красной скалы.

Смутившись, *низкорослые* воины прекратили гонку. Две лодки, вырвавшиеся было вперед, развернулись и поплыли назад. Вскоре они присоединились к остальной флотилии, и та исчезла, отступив за горизонт.

Группа Филлиппа высадилась на островок, воссоединившись с основным войском Варзмао. После этого отправили гонцов, чтобы вернуть тех, кто до сих пор оставался под землей.

— На этот раз, думаю, мы в самом деле в безопасности, — заметил Коурам.

Филлипп тоже так думал. *Низкорослых* видно нигде не было. Быть может, они отказались от кровожадных планов, по крайней мере пока. «Я только надеюсь, что с Диком ничего не случилось», — подумал Филлипп. Но облегчение он почувствовал только когда Дик и его спутники выбрались из-под земли.

Варзмао и воины почти с мистическим обожанием смотрели на девушку, которую вождь призраков вытащил из недр земли. Их вера в несокрушимую власть белых, казалось, оправдывала себя. Только боги, или люди, подобные богам, могли спуститься в темный мир *низкорослых* и выйти оттуда не просто целыми и невредимыми, но и победителями. Они смогли вырвать из рук *низкорослых* златовласую женщину.

Перебравшись назад на берег озера, они присоединились к основной армии *гоура-заннкасов*. Совершенно не беспокоясь, они собрали раненых и пленных *низкорослых*. Всего их оказалось более пятидесяти.

— Будет большой праздник, — заметил Коурам.

— Ужасно, — пробормотал Мюриэль. — Мы не можем остановить их?

— Юпитер, — проворчал Дик, — если мы станем вмешиваться, они смогут обратиться против нас.

Тем временем воины Варзмао отправились назад, в свой родной лес. Раненых тщательно охраняли, их тащили на щитах или вели связанными между собой ианами. Так поступали предки *гоура-заннкасов* со времен, когда ассирийские цари «сдирали кожу с поверженных врагов, как кору с деревьев».

С тех пор, на самом деле, ничего не изменилось. *Гоура-заннкасы* носили то же оружие, пользовались теми же инструментами, проводили те же обряды, и у них были те же враги. Но сколько раз ночью после сражения воины

гоура-заннкас, проигравшие в битве, страдали от пыток, чтобы в итоге быть съеденными?

— Да, — пробормотал Филлипп, подумав обо всех этих вещах. — Сцена древних времен.

Он подошел к Мюриэль, глубоко задумавшись, а потом взгляды их встретились.

— Неужели это никогда не закончится! — воскликнула она.

— Без сомнения. Но, возможно, с исчезновением *гоура-заннкасов* и *низкорослых*... Их, без сомнения, уничтожат пули и бомбы, или чума белых людей... Видишь ли, Мюриэль, наша цивилизация — одна из самых смертоносных из тех, что существовали. За три столетия мы истребили больше народов и племен, чем все завоеватели древности и Средневековья. Убийства и опустошения, которые устраивали древние римляне, — детская игра по сравнению с нашей. Разве вы сами не живете в стране, где целая раса краснокожих была почти уничтожена менее чем за сотню лет?

Молодая девушка тяжело вздохнула. Образ её отца встал у неё перед глазами, такой четкий, что она жадно протянула к нему руки, словно собираясь обнять его.

— Мы все ещё далеко от лагеря?

— Возможно, в паре часов ходьбы.

— А если на него нападут, пока мы находимся тут? — поинтересовалась она.

— Это физически невозможно. Не правда ли, Коурам?

— Да, господин. *Низкорослые,* которые напали на нас на берегу озера, были слишком многочисленны. Два племени или больше. Раньше они никогда не объединялись. У Синего Орла воинов гораздо больше, чем у Варзмао. Но что могли *низкорослые* противопоставить ружью на слонов, винтовкам и пулемету?

Эти слова несколько успокоили Мюриэль, а потом она рассказала о том, что приключилось с ней в плену...

Повседневная жизнь *низкорослых* больше напоминала жизнь животных. Они много спали, даже днем, и никогда не переставали преследовать экспедицию белых людей. Их колдуны практиковали таинственные жертвоприношения, жертвы которых выбирались совершенно произвольно. Они пили жидкость, полученную из растительных соков. Потом

им вскрывали вены на шее. Вожди собирали их кровь. Если несчастные были сильны, то они смогли бы выжить.

— Не понимаю, почему они помиловали меня, — проговорила Мюриэль. — Казалось, они решили, что я своего рода амулет, который поможет им победить врагов.

Кровавая луна становилась все больше, готовая в любой момент скрыться за горизонтом. Шакалы наблюдали за ней, а потом развернулись и скрылись в глубине джунглей. Лев присел на пригорке, а потом взревел. Через мгновение и он исчез среди ночных теней.

— Мы приближаемся к лагерю, — заметил Филлипп.

Мюриэль чувствовала себя страшно уставшей. Тем не менее, она пристально вглядывалась во тьму крон деревьев, но ничего не видела. Неожиданно колонна остановилась. Те, кто шел в авангарде — разведчики, вернулись бегом.

— Ещё гады? — поинтересовался Найтингл.

Коурам обменялся знаками с Варзмао. Потом молодой вождь застыл, вглядываясь во тьму.

— Что происходит? — поинтересовался Филлипп.

— Там не *низкорослые*, — заметил Коурам. — Впереди другие враги. Это истинные воины. Они узнали, что Варзмао забрал часть воинов *людей со звезд*, и напали на оставшихся. Теперь они хотят напасть на наш отряд, господин, воспользовавшись тем, что *люди со звезд* так слабы.

— Я думал, что это все воины Варзмао.

— Он взял с собой меньше половины воинов *людей со звезд*. А теперь их и того меньше.

— То есть, дорога впереди перекрыта?

— Да, господин. Нам ничего не остается, как вернуться к озеру.

Филлипп взобрался на пригорок. Луна только что скрылась за горизонтом. Поэтому молодой человек не увидел ничего, кроме туманных форм растительности.

— Черт побери, — прорычал Найтингл. — Ужасно негостеприимная страна. Я бы вообще хотел немного поспать.

— Возможно, вам это и удастся, — серьезно заметил Коурам. — Варзмао дождется рассвета, прежде чем станет действовать.

— А если эти сукины дети атакуют?

— Мы вас разбудим.

Приглядевшись, Филлипп начал различать черных воинов, тут и там притаившихся в высокой траве. Тем временем Варзмао расставил караулы. К этому времени большие хищники закончили ночную охоту...

Мюриэль и Филлипп расположились на земле. Казалось, ветер дует разом со всех сторон. И несмотря на то, что эта ночь была поистине ужасна — время, когда хищники и люди уничтожают своих врагов, молодых людей охватило странное умиротворение, такое сильное, что они забыли о диком мире, который их окружал. Однако ночь была уже на исходе. Первые лучи восходящего солнца, выглянувшего в низину между холмами, превратили озеро в гладь раскаленного докрасна металла.

— Ну что, туземцы уже атакуют? — поинтересовался Дик Найтингл, когда его рабудили.

— Нет, — покачал головой Коурам. — Они только поближе подобрались. Теперь они полностью перекрыли нам дорогу назад. Мы должны либо разогнать их, либо отступить.

— Сколько их?

— Не знаю, мой господин.

Варзмао показал десять раз на пальцы ног, всякий раз загибая палец на руке. Потом проделал это еще раз.

— Выходит их человек двести?

— Как ему удалось пересчитать их? — угрюмо поинтересовался Дик.

— Он их не считал, как я полагаю, — ответил ему Филлипп. — Но, зная число воинов во вражеском племени, он высчитал приблизительное количество нападающих, вычтя из общего числа тех, кто пал мертвым или тяжело ранен в предыдущей схватке, а также тех, кто погиб, попав в плен к нашим союзникам.

— А ещё тех, кого съели, — угрюмо добавил Дик.

— У Варзмао боеспособными осталось семьдесят пять воинов. Вы, господин Натингэл и стрелки стоите не менее ста воинов.

— Гораздо больше, — решительно объявил Дик.

— Выходит, мы сможем атаковать наших врагов? — удивился чернокожий. — Только боюсь, они станут отступать, причиняя нам неприятности всю дорогу.

— Однако мы с этим ничего поделать не можем, — подвел итог Филлипп.

Розовое солнце, еще наполовину скрытое за горизонтом, быстро поднималось над озером, скользя по небесному своду. Филлипп, Варзмао, Дик и Коурам внимательно осмотрелись. Врагов не было видно.

Однако вскоре две курчавые головы украдкой появились из-за гребня одного из дальних холмов. Убедившись, что до врагов более трехсот ярдов, они встали во весь рост. Оба вражеских разведчика были высокими, но тот, что казался чуть длиннее своего приятеля, неожиданно поднял руку и стал размахивать копьем над головой.

— Он бросает вызов *гоура-заннкасам*, — пояснил Дик.

— Это их предводитель, — добавил Коурам, обменявшись знаками с Вармао. — Если бы вы могли подстрелить, это бы их отпугнуло.

Филлипп прицелился, но в последний момент заколебался. У него не было никаких причин ненавидеть чернокожего незнакомца. Тогда он решил, что всего лишь ранит вождя вражеского племени — отказаться от выстрела он не мог, такой поворот дел мог бы негативно сказаться на их отношениях с союзниками.

— Я прострелю ему плечо, — сообщил он Коураму. — Постарайся объяснить Варзао, что я хочу всего лишь предупредить врага.

Коурам только разочарованно махнул рукой. Несмотря на то, что Варзмао явно не мог понять его, Коурам взвыл:

— Жизнь *красных носорогов* в руках наших союзников! Сейчас мы раним их вождя!

При этих словах, суть которых, по-видимому, была понятна только белым и Коураму, вождь вражеского племени наигранно расхохотался. Только вот закончить потешаться он не смог. Филлипп выстрелил. Пуля ударила в плечо высокого негра, и тот выронил копье.

— Союзники *гоура-заннкасов* неподбедимы, и в их руках сила грома! — -закричал Варзмао. — Если *гоу-анндас* уйдут, их пощадят.

Вождь вражеского племени и его спутник исчезли. Наступила напряженная тишина, которую нарушал лишь едва

слышный шорох травы — воины *гоура-заннкас* двинулись вперед. Потом начался пересвист, причем казалось, странные свистуны, прятавшиеся повсюду от берега озера до баобабов на краю леса, переговариваются.

Наконец три разведчика вынырнули из травы и замерли перед Варзмао. Они о чем-то доложили ему, тот подал сигнал Коураму, давая понять, что противник поспешно отступил. Воины *гоура-заннкас* поспешно двинулись следом за врагами.

— Что если это ловушка? — засомневался Филлипп, то и дело поглядывая на Мюриэль.

— Мы послали вперед разведчиков, — заверил Коурам. — При малейшем признаке опасности они нам сообщат.

Тогда Филлипп приказал своим товарищам тоже выдвигаться, однако, несмотря на заверения Коурама, он чувствовал себя не в своей тарелке. Отступление *гоу-анндасов* могло в любой момент закончиться засадой. Поэтому белые и стрелки, сопровождающие их, шли медленно. Колонна часто останавливалась.

— Вражеские воины все еще где-то впереди, — заметил Дик.

Но только после часового марша пришло предупреждение. Воины взяли копья наизготовку. Казалось, враги и в самом деле приготовили им сюрприз. Вскоре они в этом убедились. Выяснилось, что *гоура-заннкасы* окружены!

Филипп выругался, но отдал приказ идти вперед. Белые шли медленно, держась наготове, окруженные кольцом разведчиков. Неожиданно послышались дикие крики.

— Нас атакуют! — воскликнул Дик Найтингл, изготовившись к стрельбе.

Однако крики вскоре прекратились. В воздухе повисла напряженная тишина. Потом где-то далеко взвыл рог. И тут же вокруг поднялся страшный шум. Из травы, больше не скрываясь, разом поднялись во весь рост разведчики *гоура-заннкас.*

— Что происходит? — спросил Филлипп.

Варзмао победно закричал.

— Это основная часть племени *гоура-заннкас,* — пояснил Коуран. — Они выдвинулись нам навстречу. Теперь мы в безопасности.

Обрадовавшись, Филлипп улыбнулся. Теперь они действительно были в безопасности. Мюриэль была в безопасности!

Гоу-анндас бежали в полном недоумении. Небольшой отряд *гоура-заннкас* отправился следом за ними.

А потом Мюриэль громко закричала и вытянула руки к западу. К ним навстречу шли Айронкастл, сэр Джордж и огромный Гатри.

Глава 16. Жизнь и смерть

В час, когда тени начали удлиняться, *гоура-заннкасы* собрались пировать на священной поляне. Двадцать *низкорослых* и столько же *гоу-анндас* притопили в водах озера, чтобы сделать их плоть более нежной, придав ей лучший вкус. Потом воины *гоура-заннкас* распалили костры.

Это был день триумфа, когда *гоура-заннкасы* разом восторжествовали над сыновьями Красного Носорога, Черного Льва, а также над своими тысячелетними врагами — *низкорослыми*, повелителями пещер и тоннелей.

Синий Орел прошествовал в лагерь вождей *людей без цвета*. Там тоже горели костры, разгоняющие ночные тени. Синий Орел с восхищением взглянул на огромного Гатри, а потом серьезно посмотрел на Айронкастла. Потом он обратился к путешественникам, сопровождая свои слова красноречивыми жестами:

— Для *гоура-заннкасов* это будет величайший праздник, поскольку теперь они стали повелителями леса. Двадцать *низкорослых* и двадцать *гоу-анндасов* отдадут свои силу и мужество *гоура-заннкасам*. Жрецы с удовольствием поделятся плотью побежденных с великими вождями призраков, так как они друзья. Кроме того, вождь *гоура-заннкасов* считает вождей призраков хозяевами Смерти. А все потому. что главный мудрец, гигант и другие вожди могут поражать врагов на расстоянии большем, чем то, на которое разносится звук Рога Звуков во время Великого пира. Так, быть может, они снизойдут поучаствовать в великом празднике?

Гэртон понял сказанное. Он ответил словами и жестами:

— Наши кланы не едят человеческое мясо. Им даже запрещено наблюдать за поеданием человечины.

Синий Орел был поражен.

— Как такое возможно? Как же вы поступаете с побежденными? Ваша жизнь должно быть очень скучна!

Теперь туземец понял, почему кожа путешественников такая белая. Однако его слова прозвучали с большой иронией:

— Тогда мы пришлем нашим друзьям антилоп и диких кабанов...

Филлипп же не обращал на эти разговоры никакого внимая. Зеленые тени сумерек, подсвеченные светом от искрящейся воды, лишь усилили красоту Мюриэль, придав ей особое, неземное изящество. Этот ангел с волосами, сотканными из солнечного и лунного света, напоминала богиню, горную нимфу, или водного духа — одного из тех, что вьются над таинственными одами далекого Севена[33]. Казалось, Мюриэль само воплощение желания для любого мужчины. Очаровательное создание.

В какой-то миг их взгляды встретились, и Филипп замолчал.

— Мюриэль... возможно, ты это знаешь... но я должен сказать тебе, что без тебя для меня нет будущего... только тьма ожидает меня впереди!

— Я обязана тебе своей жизнью, — прошептала она в ответ.

— Тогда, если я не вернусь... — начал было он, но так и не закончил.

— О, Филлипп! Нет! Ты не должен был спасать меня, раз хочешь заставить пережить нечто подобное!

В этот миг Филлиппу показалось, что сам Создатель распростер свои длани над ними и над всем лесом. И река, текущая рядом, была рекой из сада его грез, где протекали все первородные реки мира, а деревья были только из тех, что создал сам Господь на Земле, только поднявшейся из пучин мирового океана. Но его грезы прервали шаркающие шаги. Подошел Айронкастл. Судя по выражению его лица, он слышал их разговор.

— Ты можешь довериться ей, сын мой, — сказал Айронкастл положив руку на плечо Филлиппа. — Её сердце чистое, а дух — стойкий.

---

[33] Озеро Севен располагается во французском регионе Эльзас (департамент Верхний Рейн) в долине Севен на высоте 500 метров над уровнем моря. Водоем образован на реке Сибах в неглубокой котловине, расположившейся между горными массивами Вогезов у городка Севен.

Глава 17. Царство растений

— Какой странный мир! — проворчал Гатри.

Экспедиция медленно двигалась по сине-фиолетовой саванне. Высокая и упругая трава тихо шуршала, и звук этот порой напоминал расстроенную скрипку. Тут и там возвышались рощицы пальм с листьями цвета индиго и смоковниц, напоминающих аметисты. Туман в солнечном свете казался желтым и отчасти гармонировал с фантастическими оттенками листвы и травы.

— Тут настоящее царство растений, — заметил Гатри. — Все, что растет тут, по-своему уникально и... — тут он сделал паузу, подбирая слова, — ...неестественно.

Потом он приказал, чтобы животным не давали есть местные растения. Но приказ был излишним. Верблюды, козы, ослы нюхали голубоватые растения и пурпурную траву и сразу отворачивались. Примат, казалось, забеспокоился. Взгляд его круглых глаз метался из стороны в сторону, словно он думал, что кто-то вот-вот на них нападет.

— Животные могут погибнуть от голода, — объявил сэр Джордж.

— Пока им это не грозит, — показав на корм, загруженный на верблюдов и ослов, заверил его Гэртон.

— Да, вы предвидели что-то вроде этого, — поддакнул Гатри. — Но в лучшем случае корма хватит до завтрашнего утра.

— Эти животные привыкли жить в пустыне. Если мы уменьшим их рацион, они особо страдать не станут. Но тогда наших запасов хватит им на несколько дней.

Гатри только плечами пожал.

Поднялся ветерок. Откуда-то донеслись тихие голоса, звуки крошечных скрипок, арф, мандолины, которые образовывали странную симфонию, очаровательную и неопределенную.

— Словно концерт какой-то, — заметила Мюриэль.

Всякий раз, когда путешественники приближались к островку пальм или смоковниц, звуки стихали, словно кто-то чуть сбавлял звук.

Желтый туман, сгустившись на западе, казалось, придавал равнине оттенок топаза где-то там за пределами

аметистово-сапфировой равнины. Тут и там были поблескивающие металлом участки земли.

Мухи огромных размеров, некоторые словно крошечные птицы, кружили над экспедицией. Их рои следовали за караваном. Эти мухи гудели, словно огромные жуки.

Многие из них бросались на верблюдов и ослов. Они носились над животными с фантастической скоростью, но вскоре стало очевидно, что насекомые совершенно безвредны. Вслед за насекомыми из травы выскакивали птички, едва ли больше скарабея. Они сидели на стеблях травы и пронзительно щебетали. Мухи преследовали их, и хотя птицы двигались много быстрее, мухам иногда удавалось схватить птицу. Потом исчезали с добычей в высокой траве.

— Ужасно! — воскликнула Мюриэль, увидев, как огромная муха схватила крошечную птичку.

Гатри усмехнулся, а потом заметил:

— Похоже, это справедливо. Птицы поедали мух многие тысячи лет. Для нас так даже лучше. Представьте, если бы эти мухи были бы ядовиты.

Равнина, блестящая и пугающая своим неземным видом, простиралась перед ними до самого горизонта.

— Мы поголодаем какое-то время, — задумчиво протянул сэр Джордж. — Но как насчет жажды?

— Большая река течет с востока на запад, — ответил Гэртон. — Мы должны выйти на её берег. Мы достигнем его в течение ночи или завтра днем. А наши фляги ещё наполовину полны. Мы скоро наполним их.

Вскоре экспедиция остановилась на одной из полос красной скалы — голой от всех растений. Негры тут же развели костер и занялись приготовлением пищи.

— Находясь среди этих скал, мы можем быть уверены, что нарушаем какой-то из неписанных законов этой земли, — объявил Гэртон.

Благодаря тому, что облака скрыли солнце, можно было стоять снаружи палатки. И белые, и черные вели себя спокойно, хотя и выглядели обеспокоенно. Эта земля казалась более странной, чем все, что они могли представить.

— Дядя Гэртон, — начал Гатри, положив себе немного пищи, — если мы не сможем есть растения, что с нами

произойдет? Чувствую, что мы в большей опасности, чем когда сражались с *низкорослыми*.

Он проглотил огромный кусок копченого мяса и ухмыльнулся. Ничто надолго не могло отнять у него радость жизни.

— Не волнуйся так сильно, — ответил Гэртон. — Мы отыщем какие-нибудь зеленые растения. Или растения, которые наполовину зеленые, наполовину красные. И наши животные станут пастись. К тому же, если все растения тут несъедобны, то как же выживают животные, которых мы встречали тут в изобилии? Хотя, с другой стороны, наши животные не могут съесть ни травинки, ни лепестка на этом гигантском пастбище.

— Ого! — воскликнула Мюриэль. Она подняла руку, указывая на странное существо, которое, без сомнения, наблюдало за ними. Это была жаба. Но только жаба размером с кошку, волосатая жаба. У твари были золотистые, мерцающие глаза. Члены экспедиции застыли, зачарованные её третьим глазом больше, чем её размером и её мехом. Этот глаз был расположен в верхней части черепа и мог поворачиваться в любую сторону.

— Удивительно! — пробормотал Филлипп.

— Почему? — удивился Гэртон. — У большинства рептилий есть третий глаз, вот только он совершенно не развит. Оказывается, что у современных тварей этот орган атрофировался. А земноводные — близкие родственники рептилий.

Жаба неожиданно совершила огромный прыжок. Через мгновение создание исчезло в трещине в скальном грунте.

— Там, под землей, должно быть, скопилось немного воды, — заметил сэр Джордж. — Иначе как объяснить обильный рост синих и фиолетовых растений.

Мимо пролетели крошечные птицы. Их слабые крики напоминали пение труб фей. Одна из них упала недалеко от Мюриль. Словно загипнотизированная присутствием людей, птичка не сумела вовремя отреагировать, и огромная муха схватила её.

— Нет! — с ужасом закричала девушка.

Девушка побежала вперед, распугивая насекомых. Маленькая птичка с раненым крылом слабо щебетала. Мюриэль осторожно взяла её в руки.

Крошечная птичка была по-своему красива. Заходящее солнце, яркие берилловые облака, цвета аметиста и топаза, с фиолетовыми прожилками... Ни одна бабочка не имела более тонких оттенков. Алая голова была украшена ярко-зелеными пятнышками, словно у игрушки, сделанной с огромным искусством из неизвестного материала.

— Что за вышивальщица, какой художник, какой ювелир мог создать такой шедевр? — поинтересовался Гэртон.

— И природа позволяет, чтобы такой шедевр сожрали мухи! — воскликнул Филлипп.

Остальную часть дня экспедиция двигалась на юго-запад. Равнина вытянулась до самого горизонта — фиолетовая трава под нависающими облаками янтаря и золота. А воздухе витала странная музыка, порожденная ветром и шелестом трав.

— Как однообразна эта местность, — проговорил Гатри. — Я уже по горло сыт синим и фиолетовым. Они сделают меня больным...

— Да, эти цвета утомляют, — заметил сэр Джордж. — Мы должны носить желтые или оранжевые очки.

— Но у меня кое-что есть! Я почти забыл об этом, — проговорил Гэртон. — Мое единственное оправдание в том, что каждый из нас имеет идеальное зрение. Никто из нас не был близоруким, и среди нас нет ни одного дальнозоркого.

— И никого косоглазого, — ухмыльнувшись, добавил Гатри.

Скоро должна была наступить ночь. И вновь путешественники разбили лагерь на островке красного камня.

— Мы тут на виду, — заметил Филлипп.

— Да... И как насчет реки? — поинтересовался сэр Джордж. — Не вижу никакого конца этой равнине. Завтра наши фляги опустеют.

— Животным будет нечего пить. Да и рационы у них теперь половинчатые! — проворчал Гатри.

— Бог даст отыщем реку, — вздохнул Гэртон. — Но тут, под землей, должно быть полным-полно воды, — он указал на двух огромных жаб, исчезнувших в трещинах под землей.

— В лучшем случае шакал еще мог бы туда протиснуться, но не человек.

— Особенно вроде меня, — заметил Гатри, снова широко улыбнувшись.

Они были людьми с храбрыми сердцами, уверенными в себе. Несмотря на угрозу чужой земли, путешественники наслаждались ужином. Однако негры не выглядели такими уж спокойными. Они переговаривались между собой и нервно реагировали на любой громкий звук.

Филлипп и Мюриэль вместе отошли к краю лагеря. Через янтарный туман поднималась луна, которая казалось сказочным творением. Больше всего она напоминала огромную медную медаль. Филлипп был пьян — он опьянел от красоты этого заката и красоты Мюриэль. Прекрасное лицо девушки напоминало перламутровое небо, затянутое апрельскими облаками. Её глаза сияли, как нефрит. А её длинные волосы сверкали, словно спелая пшеница.

— Мы обрадуемся, когда все трудности этого путешествия останутся позади, мы покинем эти странные земли, — сказала она. — Будущее теперь кажется мне не таким уж страшным, как тогда, когда я оказалась в руках этих чудовищ...

— Как я хотел бы, что вы снова оказались в какой-то цивилизованной стране. Как я хотел бы знать, что вы в безопасности, Мюриэль.

— Кто знает, какие испытания поджидают нас в лоне цивилизации? — мечтательно проговорила девушка. — Безопасности нигде не существует. Эти дикие земли могут спасти нас от опасности и похуже. Мы — незначительные частицы, Филлипп. Помни, что человек, сбежавший от львов, может погибнуть, запнувшись о ковер.

И глядя на Мюриэль, прикасаясь к ней, Филлипп забыл об опасностях, которые грозили ему и другим членам экспедиции...

Глава 18. Вода Жизни

— Животные хотят пить, — вздохнул Гатри. — Да и я тоже.

К тому времени путники выпили последние капли из тыквенных фляг. Однако они по-прежнему брели по равнине среди

фиолетовых растений, синих деревьев, растущих на алой земле. Путешественники застряли в этой пустыне, превратившись в её добычу, и солнце, пробиваясь сквозь облака, пыталось выпить их кровь. Несмотря на это, люди должны были двигаться вперед. Гигантские мухи скользили над травой со зловещим гудением. Все больше и больше этот звук напоминал слабый звон далеких колоколов. Когда налетал ветер, людям казалось, что они слышать «дзынь-дзынь» тревожного позвякивания.

— Я думал, что река много ближе, — заметил Гэртон.

— Так вы и в самом деле верите в то, что где-то там есть река? — спросил сэр Джордж.

— Я считаю, что все так и есть. Коурам клянется, что река где-то впереди.

Сэр Джордж осмотрел горизонт с помощью бинокля.

— Ничего!

Впереди больше не было деревьев. Только трава — жесткая и прочная.

— Тут под землей вода. Может, нам нужно поискать под землей, — заметил Филлипп.

— Мы потеряли бы много времени, — заметил Айронкастл. — Нам нужно двигаться вперед.

— Договорились, дядя Гэртон, — заметил Гатри. — Но сколько дней мы сможем выдержать эту жажду?

— Не знаю. Верблюды могут продержаться без воды более месяца, или даже больше... люди — два, три дня, в зависимости от влажности и тепла.

— Воздух тут очень сухой. Мой язык словно кусок кожи.

— Боюсь, что в таком состоянии нас надолго не хватит, — прорычал Гатри.

Сумерки сгустились над караваном. Тонущее за горизонтом солнце приобрело золотистый цвет, а затем стало оранжевым. Конец дня был близок.

Животные сильно страдали. Ослы и козы вели себя беспокойно. Первые молчали, вторые жалобно блеяли. Негры больше не болтали, лишь украдкой поглядывали на белых, бросая на них косые взгляды. Они начали терять свою веру в белых людей.

Тем временем Гэртон подозвал Коурама.

— Что говорят люди?

— Они боятся, господин. Это — страна смерти. Трава — враг и для животных, и для нас.

— Скажите им, Коурам, что не стоит бояться. Мы знаем, куда идем.

— И как долго мы ещё будем идти? — поинтересовался Коурам, опустив взгляд, а потом содрогнулся.

— Все изменится, когда мы достигнем реки.

— Если Думбала пожелает того, — пробормотал Коурам. — Но я скажу, что вы обещали, что скоро мы найдем воду.

Солнце вот-вот собиралось скрыться за горизонтом, когда экспедиция достигла очередного островка красного камня. Путешественники увидели несколько гигантских лягушек, которые при их приближении бросились в разные стороны, исчезая в отверстиях в земле.

— Тут есть лягушки, — заметила Мюриэль.

— Тогда под землей должна быть вода, — задумчиво проговорил сэр Джордж.

— Давайте посмотрим, — предложил Гатри. — Моя жажда становится невыносимой.

Козы блеяли жалобно и громко, в то время как ослы нюхали землю и нетерпеливы рыли её копытами.

Пока черные разбивали лагерь, Филлипп, сэр Джордж и Сидней осмотрели трещины в земле. Те были узкими, и путешественникам не удалось найти никаких следов влаги.

— Будем копать, — пробормотал Филлипп.

— А куда деваться? — пробормотал Гатри. — Давайте поищем участок земли помягче.

Осмотрев землю вокруг лагеря, они нашли место, где смогли бы пробить себе путь вниз, под землю. Гатри прогулялся за киркой. Через час работы они выкопали глубокую яму. Члены экспедиции раззадорились, когда земля стала влажной, но до воды они так и не докопались, а потом, совершенно неожиданно, земля вновь стала сухой.

— Странно, — пробормотал Филлипп. — Очевидно, определенный слой земли был смочен влагой, просочившейся откуда-то со стороны. Где-то рядом должна быть вода.

— Но где? — взвился Гэртон. — Источник может находиться и в сотне ярдов, и в двадцати милях. Мы слишком слабы, чтобы продолжать эти раскопки.

Они попытались поискать, но так ничего и не нашли.

— Сегодня будет грустная ночь, — протянул Сидней. — Все, что нам удалось сделать, так это только ещё сильнее увеличить нашу жажду.

В эту ночь они плохо спали, не раз просыпаясь до рассвета. Они считали, что это, должно быть, их последний день на земле. Воздух, словно гигантский, невидимый осьминог, выпивал влагу из тел, каплю за каплей.

— Давайте, не будем тут задерживаться, — жалобно проговорил Гатри. — Нам лучше отправиться в дорогу пораньше. Мы и так задержались здесь слишком долго.

—— Было бы лучше, если бы двое из нас отправились вперед на разведку, — высказался сэр Джордж.

— Я уже думал об этом,— заметил Гэртон.

— Сэр Джордж и я! — воскликнул Гатри.

— Было бы лучше, если бы в разведку отправились сэр Джордж и Филлипп, — заметил Гэртон.

— Почему?

— Из-за твоего веса, — ответил Гэртон, едва заметно улыбнувшись. — Экспедиция может обойтись без двух верблюдов. Но эти корабли пустыни слишком слабы, чтобы таскать твою тушу туда-сюда. Ты слишком тяжелый даже для самых сильных из наших верблюдов.

— Хорошо, — неохотно согласился Гатри.

Коурам выбрал двух верблюдов.

— Верблюды хорошие проводники, — сообщил чернокожий. — Они почувствуют воду издалека.

Через десять минут, двое мужчин уехали. Верблюды тут же разогнались, словно понимали, что их всадники отправились на поиски воды. Луна становилась все более и более оранжевой, постепенно соскальзывая к горизонту на западе. Хотя она была почти полной, её свет постепенно становился все более тусклым, в то время как звезды в небе пылали все ярче. Едва различимое фосфоресцирующее сияние исходила от земли. Воздух был мягким. Шорох растений, казалось, возвещал о каком-то мистическом обряде, проходящем в глубине саванны.

— Иногда мне кажется, что мы на другой планете, — мягко проговорил сэр Джордж. — Здесь я чувствую себя так, словно у нас нет ни прошлого, ни будущего.

— Нет, — мечтательно протянул Филлипп. — Мы далеко от земли обетованной.

Луна приняла цвет самородной меди. Наступил рассвет. Огненный шар солнца поднялся над равниной. Разведчики с нетерпением стали изучать горизонт. Ничего, кроме бесконечного океана голубой травы, с подпалинами индиго. Разведчики отправились дальше, взяв немного к юго-западу от того направления, что указал им Айронкастл.

— Жуть,— в итоге заявил сэр Джордж. — Тут хуже, чем в пустыне.

Мучения и слабость от жажды стали много сильнее, когда солнце взошло над горизонтом.

Жажда! Она терзала людей так, словно они были сделаны из мягкого железа. Филлипп, находясь в полубессознательном состоянии видел миражи, которые, как он уверился, были наполовину реальными: источники били из земли с живым журчанием, испанские дворцы с патио... Утонувшие в тени столы, заставленные бутылями с лимонадом, покрытые росой...

Кроме того, он раз за разом нашептывал себе под нос:

— Фонтаны, реки, озера...

— О! — наконец протянул сэр Джордж с меланхоличной улыбкой. — Лично я думаю только о хорошей таверне.

Верблюды брели все медленнее, и Филллипп едва держался в седле.

— Надеюсь, верблюды не падут, — заметил он.

— Будем надеяться, — прохрипел сэр Джордж. — Они знают, что мы ищем воду. Думаю, они понимают, насколько опасно было бы сейчас остановиться.

Огромные мухи неистово жужжали вокруг.

— Хорошо. что они не нападают на нас, проговорил Филлипп скрипучим голосом.

— Я начинаю думать, что верблюды ядовиты для них.

— Тогда почему они следуют за нами?..

Но этот вопрос так и остался без ответа...

Над равниной царила тишина. Та самая тишина, в которой колокольным звоном звучал шорох трав. И больше ничего. Синие и фиолетовые стебли травы здесь и там, редкие заросли низкорослых деревьев.

— Интересно, что станет с остальными, если мы не вернемся, — пробормотал Филлипп. Несмотря на свою жажду, он думал о Мюриэль.

Сэр Джордж покачал головой. Выглядел он совершенно невозмутимым, но, всю жизнь прожив во влажном климате, он страдал ещё больше, чем Филлипп.

— Если придется, они станут пить молоко коз, — ответил он наконец. — А потом, есть верблюды... Верблюды обычно запасают воду в своем горбу, и двадцать галлонов крови!

Англичанин поднял взгляд.

— Мы должны добраться до воды! — вздохнув, сказал он.

Наступило долгое молчание. Фантазии жесткие и в то же время жалкие переполняли их. И солнце продолжало сверкать так сильно, что разведчики решили, что их разум высыхает. Вдруг один из верблюдов запрокинул голову и захрипел. А потом оба животных без понукания пошли быстрее.

— Что случилось? — пробормотал Филлипп.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — в ответ также едва разборчиво пробормотал Джордж.

Местность изменилась, и теперь впереди появились небольшие холмы. А потом разведчики заметили траву и кусты нормального зеленого цвета... Оба мужчины, пораженные, замерли, глядя на зелень. Знакомый цвет растительности радовал глаз.

Теперь верблюды неслись, как сумасшедшие. Они, ревя, полезли в гору с резким криком, криком благодарения, и тут из уст Филлиппа вырвалось:

— Вода! Вода!

Там и в самом деле была вода — источник жизни. Впереди была вода, без которой все бы в мире погибло. Большая река... Она текла. Широкая и неспешная, питая своей живительной влагой деревья, камыши и траву.

Верблюды, забыв усталость, поскакали, словно чистопородные мулы. Через пять минут, тяжело дыша они выбрались на берег реки и ткнулись мордами в воду. Они пили и пили не в силах остановиться.

Разведчики скатились в воду со своих скакунов, окунувшись в воду с головой, а потом, вынырнув, стали пить воду пригоршнями, тяжело дыша.

Наконец сэр Джордж продолжил:

— Нужно остановиться. Или мы умрем.

— Но вода такая вкусная, — протянул Филлипп.

Сэр Джоржд протянул спутнику кусочек сероватой массы.

— Бывшая таблетка от микробов, — проговорил он. — Держи!

А потом он вскочил на ноги, указывая на маленький островок в двадцати ярдах от берега. Там на фоне травы появился необыкновенный зверь. Больше всего он напоминал древнего египетского крокодила: огромные челюсти, чудовищные зубы, короткие ноги и мощный хвост, но вместо брони, все тело твари покрывала черная шерсть. А во лбу черепа твари, в отличие от стеклянных глаз рептилии, светился третий глаз, как у разъяренного леопарда.

— Какое-то чудовище? — интересовался Филлипп. — Даже в доисторические времена таких тварей не существовало. Однако, должен сознаться, наши знания палеонтологии весьма фрагментарны.

Неожиданно люди заметили, что верблюды застыли неподвижно. Мужчины схватились на оружие и застыли в ожидании. Лай заставил их обернуться. Они увидели, как, откинув голову, голубая антилопа на полной скорости несется в сторону реки. Её преследовал дикий зверь тридцати футов длиной с бурой шкурой, тут и там покрытый розовыми пятнами. Зверь был огромным, как амурский тигр.

— Это — леопард, — проворчал сэр Джордж.

Наблюдая за огромной кошкой, они не заметили, как волосатый крокодил соскользнул в воду.

— Осторожно! — воскликнул сэр Джордж.

Антилопа и тигроподобный хищник выскочили на мысок, рядом с которым находились люди. Антилопа уже готова была броситься в воду, но тут резко остановилась, охваченная страхом. Волосатый, напоминающий ящерицу крокодил только что выбрался из воды. Его желтые глаза уставились на обезумевшую от страха антилопу. Все происходило очень быстро. Антилопа уставилась на крокодила-ящерицу.Но леопард не стал ждать. Он прыгнул вперед и одним ударом огромной лапы сбил антилопу с ног. И тут волосатый крокодилоящер атаковал.

Несмотря на опасность, двое разведчиков, охваченные любопытством, с каким римляне порой следили за гладиаторами, наблюдали за происходящим.

— Два великолепных зверя, — пробормотал себе под нос сэр Джордж, потянувшись за карабином.

Леопард поставил лапу свою жертву, внимательно наблюдая за рептилией. Он колебался лишь мгновение. Затем широко распахнув огромные челюсти и приготовился к бою. Крокодил был раза в три тяжелее огромной кошки. Его глаза яростно полыхнули. Леопард взревел. Он двинулся вперед боком, пытаясь обойти рептилию и запрыгнуть ей на спину. Но крокодилообразная тварь обладала ловкостью и проворством, вовсе не присущим его чешуйчатым потомкам. Следя за огромной кошкой, рептилия все время поворачивалась к врагу, ни на мгновение, не выпуская его из поля зрения. Огромный кот метнулся вперед и прыгнул. Но крокодил перехватил его, и они покатились по земле. Леопард яростно отбивался, ему удалось освободиться, и он сбежал, испугавшись своего противника. Тогда крокодил схватил антилопу и потащил её в реку. Потом оба они исчезли. Отступая, леопард заметил Филлиппа и сэра Джорджа. Он остановился, и его янтарные глаза, пылая, уставились на разведчиков.

— Я буду целиться в голову, — сухо сказал англичанин.

— Я сделаю то же самое, — ответил Флиллипп.

Леопард заколебался. Страх, гнев и голод боролись в его душе. Затем, испугавшись странного вида чужаков, а может быть, и карабинов, нацеленных на него, он отправился на поиски добычи послабее.

Глава 19. Жизнь или смерть

Смерть раскаленным дыханием носилась над караваном. То резко кричал осел, то жалобно ржал верблюд... Огромные мухи гудели, летая вокруг животных. А негры, несмотря на свою веру в белых, начали подозрительно перешептываться. В этих взглядах было растущее волнение. Похоже, из-за жажды вот-вот может разразиться бунт.

— Все очень плохо, — объявил Коурам. — Я только что поговорил с людьми. Среди них есть горячие головы, хозяин, люди, которые не любят белых.

— Если они хотят умереть, пав под огнем наших ружей, а не от жажды, пусть попробуют, — равнодушно сказал Гэртон. — Но попроси их подождать еще часок. Если ничего не случиться, тогда мы принесем в жертву одного из верблюдов.

Коурам побежал, чтобы сообщить об обещании руководителя экспедиции другим неграм.

Гэртон еще раз осмотрел горизонт. Где же разведчики? Если они достигли реки, то почему они не вернулись?

— Это отвратительно, — прорычал Гатри. — Я просто не знаю, смогу ли я продержаться ещё часок. У меня галлюцинации, дядя Гэртон. Моя голова полна пузырящейся газировки, водопадов, речных каскадов и ручьев. Это сводит меня с ума! Ещё один час! — Он взглянул на часы и пробежал черным, опухшим языком по своим потрескавшимися губам.

Гэртон повернулся к девушке.

— Не беспокойтесь обо мне, — заверила его Мюриэль. — Я смогу подождать и больше часа, если будет необходимо.

Но из-за отсутствия Филлиппа её сердце было переполнено страхом и болью. Быть может, эта таинственная и враждебная земля заманила его в ловушку?

Ещё один час пути. Яркий солнечный свет слепил людей и зверей. Гатри чувствовал, как будто он едет внутри гигантской печи, распаленной до безумия.

Неожиданно один из чернокожих упал на землю, жалобно завывая. Другой взмахнул ножом. Вокруг них поднялся громкий ропот.

Гэртон бросил ещё один безнадежный взгляд на окружающую пустоту. Ничего! Ничего, кроме синей и фиолетовой травы, гигантских мух, невыносимых звуков, напоминающих колокольный звон.

— Может, это и в самом деле конец пути для нас?

Обращаясь к Мюриэль тоном, полным раскаяния, он проговорл, ни к кому конкретно не обращаясь:

— И какое же безумие заставило меня так рисковать жизнью? — поинтересовался он, а потом, чтобы выиграть время,

приказал разбить лагерь, установить палатки и громогласно объявил: — Через десять минут мы зарежем верблюда.

И белые и черные тут же установили палатки, ища спасения в тени. Гэртон назначил двоих негров, для заклания. Те вооружились острыми ножами...

— Подождите! — неожиданно закричал Коурам. Он опустился на колени и, согнувшись, приложил ухо к земле. Потом он резко вскинул голову. — Я слышу, как два всадника рысью скачут в нашу сторону.

В следующий миг ещё несколько негров прижалось к красной земле. Гэртон знаком остановил двух негров, которые уже готовы были заколоть верблюда.

— Подождите, пока я не дам сигнал. Ну, Коурам?

— Звук становится все громче. Думаю, кто-то скачет в нашу сторону на верблюдах, господин.

Один из негров, усмехаясь, протянул:

— Да! Это поступь верблюдов!

— А может, это всего лишь дикие кабаны? — возразил другой.

— С какой стороны доносится стук копыт, Коурам?

Коурам указал на юго-запад, где у горизонта равнина постепенно повышалась, образуя что-то вроде гребня, высотой метров в сто.

— Хорошо, — объявил Гатри, залезая в седло самого крупного верблюда. — Если это они, то я подниму обе руки.

Несмотря на усталость, животное не стало отказываться и покорно двинулось вперед. Медленно, но постепенно разгоняясь, верблюд с всадником направился в указанном направлении. Все негры следили на Гатри, не сводя с него глаз.

Гэртон же опустил бинокль и сказал громко, так, чтобы слышали и все остальные.

— Будем надеяться, что это не обманка.

Сказав это, он внимательно огляделся, наблюдая за членами экспедиции, собравшимися вокруг него. Взоры всех были обращены к юго-западу. Гатри же к тому времени уже достиг начала подъема. Склон был пологим, и верблюд без труда поднялся на гребень. Гэртон и Мюриэль ждали, переполненные надеждой. Ещё несколько секунд...

Гатри поднял обе руки.

— Это они! — воскликнул Гэртон.

Он снова поднял бинокль, поднес его к глазам, а потом улыбнулся. Он разглядел улыбку на лице Гатри.

— Вода! Они нашли воду!

Весь караван, в том числе и животные, разом рванулись с места, побежали. Гэртон тоже поскакал вперед и вскоре оказался рядом с Гатри.

Теперь можно было разглядеть двух верблюдов, которые на полной скорости неслись по смертоносной равнине. И на горбах верблюдов покоились полные мехи воды. Переполненный радостью, Гатри затянул какую-то победную песню, чернокожие тоже принялись что-то неистово выкрикивать, а потом все разом бросились навстречу разведчикам и их живительному грузу.

— Нашли воду? — взревел Сидней, подъехав к разведчикам.

— Нашли,— ответил сэр Джордж, предавая ему тыквенную флягу. — Там, как и говорил Айронкастл, широкая река.

Гатри пил, пока не опустошил всю флягу. Люди возвращались к жизни, словно сухая трава после обильного дождя. Животным тоже дали немного попить, чтобы у них хватило сил добраться до реки.

После, утолив жажду, Гэртон внимательно выслушал рассказ Филлиппа и Джорджа.

— Сэмуэль писал об этом, — подытожил он их рассказ. — Сегодня вечером наша экспедиция разобьет лагерь на берегу большой реки.

После все бедствия остались позади. Негры, которые жили лишь настоящим, сразу же забыли о том, что им пришлось пережить. Их хозяева победили в очередной раз, и это еще больше укрепило веру черных в силу белого человека.

Глава 20. На берегу

Караван остановился в тысяче шагов от реки. Свет звезд заливал растения и деревья, растущие вдоль реки, которые теперь казались черно-серебристыми. Шесть скал окружалолагерь экспедиции, который люди на всякий случай разбили

RGK

на голой земле, где росли лишь лишайники, мхи и невысокая трава. Пламя костров взвивалось к звездам. Дикие звери держались в тени, с удивлением наблюдая за странными существами, которые обращались с огнем, как с другом.

В темноте притаились гигантские лягушки и ящерицы. Кроме того, вдоль реки бродили шакалы со шкурой, словно выкованной из меди, пританцовывающие гиены, дикие кабаны с рыжими полосами на шкурах, розовые бегемоты, антилопы и хищные птицы, крылья которых были словно из ваты. Однажды огромный рыжий лев подошел к самой воде. Он долго изучал лагерь путешественников, разглядывая людей огромными блестящими глазами.

— Лев с окрасом лисы, — заметил Сидней.

— Странная прогулка, — проговорил Филлипп. — Да и лев этот не слишком похож на обыкновенную кошку.

Верблюды, ослы и козы вели себя беспокойно. Они не могли не чувствовать запах хищников, и он им не нравился.

— Все они не так велики, как тот леопард, которого мы видели у реки.

— Точно, — согласился Филлипп. — К тому же, в отличие от того леопарда, эти твари, похоже, никого не боятся.

— Берегитесь! — неожиданно крикнул Гатри.

Неожиданно из полумрака появилось три огромных зверя.

— Ящеры, — пробормотал Гэртон со смесью любопытства и страха.

— Волосатые ящеры, — поправил Филлипп. — Такие же, как тот, которого мы видели во время разведки. Они огромные и выглядят удивительно.

Ящеры были громадными, каждый метров по десять в длину, да и весили, должно быть, как носороги. Все три глаза каждой твари отражали свет костров.

— Они, должно быть, ужасно сильны, — заметил Филлипп.

— Точно! — прорычал Гатри, взяв на изготовку свое ружье на слонов. — Природа хорошо поработала. Давайте изучим этот артефакт вблизи.

Огромный зверь зарычал, и голос его напоминал грохот небольшого водопада. Слюна закапала у него с челюстей.

— Мы для него явно выглядим аппетитно, — заметил Филлипп. — Вот только осмелиться ли он на нас напасть?

Костры располагались поодаль друг от друга, так как экспедиции не удалось собрать достаточного количества бревен, чтобы построить единую баррикаду. Отважный зверь мог без труда войти в лагерь путешественников, вот только осмелится ли он на подобное? Тем не менее многие звери замерли во тьме неподалеку от лагеря людей, словно ожидая команды. Фауна этих мест была поистине фантастической. Медношкурые шакалы, ночные птицы всех мастей, зеленые обезьяны, летучие мыши с белыми головами, ящерицы, гигантские жабы, змеи с сапфировой чешуёй... Вскоре на пригорке поблизости от лагеря появились два леопарда. Лев снова дал о себе знать, да и ящеры то появлялись на берегу, то исчезали в речных водах. Их глаза светились в темноте всевозможными цветами и оттенками, словно маленькие лампы: желтые, зеленые, красные, пурпурные...

Неожиданно один из леопардов запрокинул голову, заревел, словно огромный лев.

— Кошмарное видение, — пробормотал Гатри.

Тварь, напоминающая ящерицу, зевнула. Её пасть напоминала огромную пещеру, а зубов было не счесть. Вымершая во всем мире рептилия явилась навстречу экспедиции Айронкастла прямиком из далекого прошлого. Несколько ужасных тварей собралось неподалеку от того места, где в страхе, сбившись в кучу, фыркали испуганные верблюды. Обезьяны и козы жались поближе к людям. Одна из ящериц уставилась на ближайшего верблюда сразу всеми тремя глазами. Густая зеленая слюна капала из пасти отвратительной твари. Животные экспедиции стали реветь, ржать и блеять. Некоторые разорвали веревки, которыми были привязаны. Три стреноженных верблюда рухнули на землю, попытавшись бежать. Негры бросились их успокаивать...

— Берегитесь! — закричал Гатри.

Одна из ящериц все же отважилась войти в лагерь. Она направилась прямиком к ближайшему верблюду. В отличиеот своих товарищей он оставался на месте, похоже, не испытывая страха перед хищником. Остальные ящеры тоже придвинулись поближе.

— Так как я справа, то попробую попасть этой твари в правый глаз, — сказал Филлипп сэру Джорджу.

— Отлично! Я стану целиться в левый...

Два выстрела прозвучали одновременно. Тварь, напоминающая ящерицу, отвратительно взвыла и бросилась прочь. Но перед этим её настигла третья пуля, окончательно ослепив. Четвертая пуля догнала её в хитросплетении ночных теней.

Негры принялись успокаивать испуганных животных, но крики раненой ящерицы ещё долго будоражили ночных охотников, собравшихся вокруг лагеря экспедиции. Когда же белые стали стрелять в двух оставшихся рептилий, те бросились наутек, хотя ни одна пуля так и не попала в цель.

Над черной речной водой на древнем небосводе мерцали звезды...

Глава 21. Ночная прогулка

Следующие два дня экспедиция двигалась дальше без всяких происшествий. Гэртон каждое утро проверял свой компас и только потом указывал направление движения. Плодородная земля, окружающая путешественников, породила бесчисленное множество фантастических животных: фиолетовый гиппопотам, фиолетовые жирафы, огромные волосатые ящерицы, пауки и жуки размером с птиц, слоны с четырьмя клыками, рыбы, ползающие по земле, змеи огненного цвета. Растения этой земли были ещё более удивительными. Одни сильно напоминали мимозу, но были много больше, некоторые походили на буковые деревья, а третьи превосходили секвойиКалифории по размеру и высоте.

Гэртон предупредил своих товарищей:

— Дамлей писал, что все растения опасны. Держитесь от них подальше.

Гатри было любопытно. Если бы он путешествовал в одиночку, то, несомненно, внимательно осмотрел бы этих представителей растительного мира. Но он следовал приказам начальника экспедиции, тем более, что всякий раз, когда путешественники проходили неподалеку от такой мимозы, карликовой или гигантской, листья растений сокращались

и начинали издавать странные звуки, напоминающие звуки цитры, лиры или арфы, в зависимости от своего размера.

— И отчего же они такие ужасные? — спросил Сидней. — Может, все дело в их шипах?

— То есть вы считаете, что есть достаточно оснований, чтобы избежать их. Уколы этих шипов достаточно болезненны, они покрыты соком растений, который вызывает своего рода безумие. Вы видите, что наши животные избегают любого контакта с ними.

— Что нам делать? Если заросли станут достаточно густыми, то нам придется остановиться...

— Кажется, заросли не столь густые, — проговорил Гэртон. — Они оставляют свободным пространство... но почему?

После этого Айронкастл снова перечитал записки Сэмюэля Дамлея. Затем небо внезапно потемнело. Густые тучи затянули небо, и над путниками заиграли Огни святого Эльма[34].

— Похоже, на нас снова обрушится буря, — проговорил сэр Джордж.

Поднялся ветер. Воздух мерцал, а небо напоминала медный купол с нефритовыми прожилками. Природа взъярилась. Молнии трещинами рассекали небо. Люди были переполнены неизвестностью перед неясной волей минерального царства. А потом вниз с небес хлынул водный поток — вода, трепещущая, животворная, мать всего и всея.

Путешественники быстро разбили палатки. Незащищенные животные жались к палаткам, пытаясь спрятаться от порывов ветра. Все они разом вздрагивали, когда раздавался новый оглушительный удар грома, словно над ними в небе сталкивались львы, а не тучи.

---

34 Огни святого Э́льма, или Огни святого Э́лмо — разряд в форме светящихся пучков или кисточек (или коронный разряд), возникающий на острых концах высоких предметов (башни, мачты, одиноко стоящие деревья, острые вершины скал и т. п.) при большой напряжённости электрического поля в атмосфере. Они образуются в моменты, когда напряжённость электрического поля в атмосфере у острия достигает величины порядка 500 В/м и выше, что чаще всего бывает во время грозы или при её приближении, и зимой во время метелей. По физической природе представляют собой особую форму коронного разряда. Название явление получило от имени святого Эльма (Эразма) — покровителя моряков в католицизме. Морякам их появление сулило надежду на успех, а во время опасности — и на спасение. Может возникать на обшивке самолёта, попавшего в облако вулканического пепла.

— Ах, как я люблю бурю! — закричал Гатри, сладострастно вдыхая влажный воздух. — Она словно окрыляет меня, порождая новую жизнь

— Буря чаще приносит смерть! Идея заключается в том, чтобы сделать правильный выбор, мой друг.

— Мы не выбираем. Нас выбирают.

Все дикие звери разбежались. Стадо жирафов исчезло, слоны, мелькнув, исчезли за ближайшими холмами. Гигантские ящеры забились в глубокие ямы. Носороги огромными камнями легли на равнине. Дикие кабаны и антилопы умчались вдаль, даже не заметив диких львов, которые помчались следом за ними.

— Не существует никакой разницы между затравленной дичью и охотником, — проговорил Филлипп, стоявший рядом с Мюриэль.

Однако природа, похоже, смилостивилась. Тучи начали расходиться, а дождь прекратился. А потом вечная печь солнца снова включилась.

— Чудовищная буря, — прорычал Гатри.

— Так и есть, — пробормотал сэр Джордж.

Развязка этой драмы наступила совершенно неожиданно. Земля выпила воду, и осталась только высохшая грязь.

— Мы можем отправиться дальше прямо сейчас, — усталым голосом объявил Гэртон.

— Я чувствую себя очень усталым, — объявил Гатри.

— Странно, — вмешался в разговор сэр Джордж. — Я тоже чувствую себя полностью вычерпанным.

Филлипп молчал, но ему тоже казалось, что теперь он весит вдвое больше.

Гэртон отдал приказ отправляться дальше. Негры стали сворачивать лагерь, но дело шло очень медленно. Люди едва двигались, животные тяжело дышали, шли с чрезмерной медлительностью,

— Скажите ради бога, что происходит? — взмолился Гатри. У него были проблемы с речью, и он двигался так, словно находился глубоко под водой.

Остальные тоже казались слишком усталыми, чтобы ему ответить. За полчаса экспедиция кое-как собралась. Когда они отправились в путь, выяснилось, что заросли мимозы

впереди все гуще. Всякий раз, когда кто-то касался одной из ветви, листья вздрагивали самым странным образом. Это явление было ещё более поразительным, когда кто-то касался ствола дерева, тогда ветви шли волнами, словно змеи.

— Не могу больше, — разозлившись проговорил Гатри. — Ощущение такое, словно я таскаю огромный свинцовый лист. Дядя Гэртон, что ещё говорится в записках об этих растениях? Может, они вызывают своего рода паралич?.. Это все из-за этих проклятых растений?

— Я не чувствую онемения, как при параличе, — пробормотал Гэртон. — Нет, это не какая-то форма паралича... Я нормально думаю. Мои чувства в порядке. Это — невыносимая тяжесть. Кажется, мы весим много больше.

— Да, — согласился сэр Джордж. — Это точно. Все чувствуют себя нормально, за исключением этой странной тяжести.

— Мне кажется, я вешу пятьсот фунтов, — протянул Гатри. — Вы не ответили, дядя Гэртон. Это вызвано растениями... Но почему и как они это делают?

— Это я думаю, что виной всему растения, — содрогнувшись, проговорил Гэртон. — Мы этого точно не знаем. Здесь все зависит от них. Я хотел бы только понять, чего они добиваются... Или чем именно угрожают нам.

— Поблизости нет ни одного животного, чтобы провести эксперимент, — заметил Филлипп.

Это было правдой. Вокруг не было видно ни одного млекопитающего, ни одной птицы, ни одного ползучего гада. Даже насекомые исчезли. И с каждым шагом люди чувствовали себявсе тяжелее.

Верблюды остановились первыми. Сначала они вразнабой кричали, а потом окончательно замолчали. В итоге они легли и неподвижно замерли. Вскоре их примеру последовали ослы, и только козы продолжали медленно двигаться.

Тогда Гэртон собрал в себе достаточно сил, чтобы прокричать, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Что происходит?

Его речь была такой же неторопливой, как и его движения, но его тактильные чувства и зрение, казалось, не пострадали, и его мыслительные процессы не были затруднены. Гатри присел, потом лег на спину. Филлипп и сэр

Джордж едва держались на ногах. Только Мюриэль выказала большое сопротивление. Тем не менее даже она не смогла сделать шаг без особых усилий.

— Да, и чего они хотят от нас? — поинтересовался Филлип. — Что мы должны делать? Чего они бояться?

— А кто они? — поинтересовался Мюриэль.

— Вы знаете, — ответил Филлипп, даже не пытаясь объяснить.

Лес гигантских мимоз угрожающе возвышался перед ними. «Эти заросли существовали ещё до того, как появились ассирийские цари и халдейские пастухи. Десятки цивилизаций приходили и уходили, с тех пор как их семена впервые лопнули, коснувшись этой земли... Но в самом ли деле это растения подобным образом влияют на нас? — спросил у себя Гэртон. — Тогда, может быть, нам стоит повернуть назад?..»

Но они не могли отступить. Их ноги отказывались идти в любом направлении. Всякий раз, когда они пытались заговорить, звуки вылетали из горла так медленно, что казались совершенно непонятными. Все животные теперь лежали на земле. И судя по их томным взглядам, они полностью попали под влияние неведомой силы. И все это пугало ещё больше.

Приближалась ночь. Ужасная ночь. Мюриэль, превозмогая слабость, прошла вдоль каравана экспедиции, предлагая людям копченое мясо и печенье. Напрасно. Никто из членов экспедиции не был голоден. Наступила ночь. Розовый полумесяц высветил местность слабым светом. Где-то далеко-далеко завыли шакалы.

Только тогда люди поняли, насколько они беззащитны. Дикие звери могли сожрать их заживо. Но ни одно животное не появилось ни на берегу, ни на краю леса. Усталость, страшная усталость сковала все ощущения и мысли. К тому времени как серп луны достиг горизонта, люди и животные спали под дрожащей благодатью созвездий.

Около полуночи Мюриэль проснулась. Луна исчезла. Белые звезды сверкали, испуская пульсирующий свет. Девушка поднялась, встряхнулась. В какой-то миг ей показалось,что она переполнена энергией, которая шла откуда-то извне. Несколько минут Мюриэль стояла, рассма-

тривая своих спутников, лежавших в лунных лучах. А потом она внезапно испугалась той силы, которая появилась у неё. Это ощущение не имело никакого отношения к логике. Теперь она превратилась в странное существо, которое живет только по инстинкту. Она даже не пыталась логично рассуждать.

В странном полубреду, борясь против непреодолимой слабости, она побрела неведомо куда. Несмотря на обилие переполнившей её энергии, девушка вынуждена была то и дело останавливаться, так тяжело было держать голову, больше напоминавшую обломок гранита. То и дело она опускалась на четвереньки, а то и вовсе ползла. Однако, несмотря ни на что, её решимость не дрогнула. Время от времени она бормотала себе под нос.

— Я должна спасти их!

Так или иначе, она надеялась выбраться из опасной зоны. Она забыла, что она одна в земле чудовищ. Только вот никаких чудовищ поблизости не было.

Прошло много времени. Часы, минуты? Кто знает? Тем не менее Мюриэль не прошла и мили. А потом неожиданно её охватило странное чувство. Тяжесть исчезла. Мюриэль ощутила, что снова полностью контролирует свое тело. И тогда девушка поспешила прочь, стараясь, чтобы между ней и смертоносным лесом пролегло как можно большее расстояние.

Затем её охватила новая волна беспокойства. Вокруг неё снова был мир животных. Мимо неё, словно призраки, пронеслись шакалы. Гиена, хромая, отошла в тень. Гигантские жабы прыгали по мокрой траве. Стая хищных птиц пролетела мимо, размахивая пушистыми крыльями. Повсюду, куда ни падал взгляд, бурлила беспокойная жизнь и было безлюдно. Мюриэль окружали дикие джунгли.

Тяжелое дыхание, таинственные крики, огромные листья, дикие крики гиены, визг шакалов... Единственное оружие, которое было у Мюриэль — револьвер.

Ей казалось, что она была очень пьяна, а теперь на неё обрушилось ужасное похмелье. Время от времени Мюриэль вздрагивала от страха. Шакалы, находившиеся неподалеку, могли в любой момент обратить на неё внимание и замкнуть кольцо, поймать и съесть её. Эти твари всегда были голодными...

Уже приближался рассвет, когда чей-то голос разорвал предрассветную тишину. Мюриэль увидела длинную синюю тень, украдкой скользящую среди высоких стеблей травы. Девушка замерла, надеясь, что ночные хищники её не заметят.

Неожиданно шакалы остановились. Навострив уши, они повернулись в сторону девушки. Ощущение одиночества навалилась на неё. Раньше она никогда не чувствовала себя такой затерянной посреди диких земель.

Покрепче сжав в руке револьвер — свою единственную защиту, она прошептала:

— Боже Всемогущий! Ты моя сила и мой щит!

В предрассветных голубоватых сумерках человеческий взгляд встретился со взглядом зверя. Мюриэль была готова к бою. Огромная кошка, вынырнув из темноты, направилась прямо к ней, двигаясь плавно, словно вода, перетекающая на более низкий уровень...

Глава 22. Чешуйчатые люди

Когда на рассвете Гэртон открыл глаза, оказалось, что он лежит на земле, в то время как вокруг него ожили галлюцинации. Начать можно было с того, что туман плыл у него перед глазами. Его спутники, включая примата, всё ещё спали.

Тем не менее в палатке двигались неопределенные тени, больше напоминающие тени на стене. Постепенно затуманенное зрение Гэртона прояснилось, и тогда он смог разглядеть странные создания. Пораженный, он полностью проснулся. Может, это были животные? Однако они держались вертикально, хоть ноги их напоминали копыта, или лапы ящериц. Тела странных существ покрывали чешуйки, волосы на теле у них были зеленоватые, а головы отличались от человеческих. По форме они напоминали цилиндры с зеленоватым меховым наростом в верхней части. У них был треугольный рот с тремя губами. Нос — тройным овальным отверстием. Глаза были глубоко утоплены в глазных впадинах, они попеременно светились то фиолетовым, то оранжевым, то желтым. Руки напоминали клещи огромного краба.

Гэртон попытался встать, но безуспешно. Лианы, тонкие, как струны, крепко стянули его конечности. Путы чуть поддались, когда американец попытался напрячься. Удивление Айронкастла длилось не так уж долго. Чтобы прочистить себе голову, он начал напевать веселую песенку... Только вот, судя по всему, эти существа были разумны, как и гомо сапиенс. Осознав это, Гэртон попытался заговорить со странными существами:

— Чего вы хотите?

При звуки его голоса, все взгляды обратились к нему. Потом странные существа обменялись приглушенным свистом, напоминающим крики дроздов и звуки паромных свистков.

Шум разбудил Филлиппа. Сэр Джордж открыл глаза через минуту, так же как и Гатри. Все они были связаны. В ближайших палатках раздались стенания негров.

— Что происходит? — поинтересовался Гатри, переполненный яростью.

Его могучие мышцы напряглись, растянув лианы так сильно, что можно было поверить, что он в состоянии разорвать путы. Десять чешуйчатых тварей бросились к нему, но остановились, когда увидели, что он не может освободиться.

— Откуда взялись эти твари? — взвыл Гатри. — По сравнению с ними *низкорослые* больше похожи на ангелов!

— Это люди. Или почти люди, — заверил Гэртон. — И мы полностью в их власти.

Негры скорбно кричали, а примат громко зарычал.

Айронкастл оглянулся, побледнел и запричитал.

— Где Мюриэль? Куда они её дели? Мюриэль! Мюриэль!

— Чего хотят эти лемуры? — поинтересовался Гатри после долгого молчания...

Вскоре они обнаружили, что «лемуры» и в самом деле напоминали ужасных людей. Одного за другим, белых, примата и большинство негров стали грузить на верблюдов. Клещееобразные руки странных существ были чрезвычайно ловкими.

— Куда они нас тащат? — бесстрастно прорычал сэр Джордж.

Потом странные существа сделали нечто совершенно неожиданное. Они развязали Коурама и ещё четырех негров, и жестами стали указывать на палатки и животных.

Вскоре Коурам понял, чего от них хотят. Тогда он обратился к Гэртону.

— Господин, мы должны им подчиниться?

Айронкастл не стал долго колебаться. Чешуйчатые люди держали жизни членов экспедции в своих руках, и любое сопротивление могло привести к бойне, к тому же стоило попробовать выиграть как можно больше времени.

— Подчинитесь им.

— Мы не сможем их победить... — вздохнул Коурам. Он приказал складывать палатки. Когда все было готово к отъезду, он повел караван, руководствуясь жестами похитителей.

Одно из странных существ, которое было более зеленым и чешуйчатым, чем остальные, казалось их главой. Около шестидесяти псевдолюдей сопровождало караван. Примерно двадцать шли впереди, а сорок замыкали колонну.

Занятые мыслями о Мюриэль Гэртон и Филлипп мало заботились о том, что с ними происходит. Гатри ещё окончательно не пришел в себя. Сэр Джордж, однако, внимательно следил за всем, что происходило вокруг. Интеллект созданий, захвативших их, был несомненен, их дисциплина была совершенна, их язык хорошо развит. Предводитель странных существ свистом отдавал приказы. Так или иначе, он понял, что Коурам предводитель негров. Но для общения с Коурамом он использовал только жесты.

«Кроме того, этот странный дикарь не собирается освобождать никого из белых, — подумал британец. — Определенно, он знает, что они отличаются от негров и, возможно, более опасны...»

Экспедиция двигалась параллельно лесу в течение многих часов. Потом растений, похожих на мимозу стало меньше. Их сменили сосны, папоротники и ярко-зеленые мхи. Чешуйчатые люди подгоняли верблюдов, чтобы те по-прежнему мчались рысью.

— Куда, черт побери, они тащат нас? — поинтересовался Гатри. Теперь он тоже наблюдал, что происходит, с таким же вниманием, как сэр Джордж.

— Полагаю, они везут нас к себе домой, — ответил англичанин. — Как вы можете заметить, они не обращают никакого внимания на растения...

— Но тут, похоже, нет ни одной мимозы, — заметил Гэртон. — И большая часть растительности кажется примитивной, в основном тайнобрачные или голосемянные.

— Но это ничего не говорит о нашей дальнейшей судьбе, — проговорил Сидней.

— Они не убили нас, — тихо проговорил сэр Джордж. — Они сильно похлопотали, чтобы взять с собой нас, а также наших животных.

— И что с нами будет?

— Вполне вероятно, они хотят оставить нас в живых.

— Но в обмен на что? — нахмурившись, поинтересовался Гатри.

— Полагаю, они намерены использовать нас в своих целях, какими бы те ни были.

— Черт побери! Такими темпами мы можем оказаться главным блюдом у них на пиру. Почему наши тюремщики не смогут оказаться каннибалами, так же как наши друзья *гоура-заннкасы?* В этом случае мы не сможем избежать ужасной участи. Теперь мы полностью в их власти!

Торфяники стали больше, и замшелые наросты стали огромными. Сосны и папоротник сменили чахлые кусты. В этих зарослях скрывались странные опоссумы, волосатые птицы размером с дрофу и огромные черви цвета ржавой стальной проволоки.

Гэртон теперь наблюдал за чешуйчатыми людьми так же внимательно, как и сэр Джордж. Они были странно вооружены. Все они носили своего рода гарпуны, сделанные из красного камня. Ещё у них в сумках было множество круглых камешков с шипами. Эффективность этих снарядов стала очевидной, когда мимо процессии пронеслось стадо кабанов. Несколько чешуйчатых метнули камешки — и трое кабанов покатились по земле, а потом умерли, видимо, сраженные ядом.

— Действуют они вполне разумно и на вид достаточно мудры, — заметил сэр Джордж, обращаясь к Сиднею.

— Что мешает некоторым животным стать такими же умными, как люди? — проворчал великан. — Называйте их как угодно, но не людьми!

Около полудня глава странных существ отдал приказ остановиться. Они остановились в тени папоротника вы-

сотой с платан. Их толстые листья имели странный темно-зеленый оттенок.

Коурам получил разрешение поговорить со своими хозяевами и неграми, которые все ещё оставались связанными.

— Ты их понимаешь, Коурам? — поинтересовался Айронкастл, кивнув в сторону чешуйчатых людей.

— Частично, господин. Знаю, что они хотят, чтобы я дал вам поесть и попить.

Его голос звучал приглушенно и устало. Было очевидно, что он ожидал скорой смерти. Его вера в белых исчезла. Они вместе прошли много испытаний, но чешуйчатые люди оказались перебором даже для Айронкастла и геркулеса Гатри.

С помощью своих свободных товарищей, Коурам помог белым поесть и напиться. После этого он позаботился о чернокожих.

Привал длился недолго. Странная процессия вновь отправилась в путь. Вновь местность вокруг изменилась. Скалистые холмы сменили равнину, и вскоре путешественники оказались в мрачном ущелье, стены которого были из камня красного, словно свежепролитая кровь.

Когда разгорелся закат, чешуйчатые люди устроили ещё одну остановку. Пленники с тоской огляделись. Теперь они оказались в долине, окруженной высокими скалами, куда, судя по всему, вело только одно ущелье.

— Не здесь ли обитают эти странные создания? — удивился Гатри. — Однако я не вижу ничего, похожего на жилище.

— Полагаю, что они живут в пещерах, — заметил сэр Джордж.

Свистки вождя оборвали их разговор. Чешуйчатые люди сжали кольцо вокруг пленных. Неожиданно из пещер в основании одной из красных скал выскочили другие такие же чешуйчатые создания.

Предводители странных существ начали пересвист. Верблюдов разгрузили, сняв с них мешки и ящики с продовольственными запасами. Связанных пленных оттащили в сторону и оставили лежать на земле. Полдюжины чешуйчатых людей притащили сухие дрова и развели костры, запалив их с помощью желтоватой жидкости. Пламя затрещало, распространяя приятный аромат.

— Все это мне не нравится, — с мрачным видом пробормотал Гэртон, глядя, как разгораются костры. — Мои друзья, похоже, самое время на всякий случай попрощаться.

Тем временем их тюремщики отвели вьючных животных в другой конец круглой долины.

— Чувствую, в этот раз нам не спастись, — вздохнул Айронкастл. — Прошу у вас прощения за то, что вы попали в такую ситуацию.

— Не говорите ерунды, дядя Гэртон, — остановил его Гатри. — Мы взрослые люди и сами отвечаем за свои решения.

А Филлипп думал о Мюриэль и своей сестре Монике. Не смотря, что Мюриэль бежала, она, без сомнения, не сможет выжить в одиночестве в этих ужасных и диких землях. Да и кто станет заботиться о Монике, если он погибнет. Пусть даже она осталась в безопасности?

— Я не боюсь смерти, — заверил сэр Джордж, — хотя всегда хотел умереть на поле боя. Но умереть на костре, когда тебя поджаривают, как животное на бойне...

— Давайте помолимся, — предложил Гэртон.

Разгорающееся пламя отбрасывало оранжевые отблески на скалы. Ароматный дым становился все гуще. По мере того, как пленники вдыхали дым, у них начала кружиться голова. Неподалеку чешуйчатые люди двигались на самый фантастический манер, время от времени испуская протяжные свистящие звуки. Один за другим пленники начали терять сознание.

Глава 23. Мюриэль в неведомых землях

Огромной кошке хватило бы одного прыжка, чтобы добраться до Мюриэль. А стая шакалов, которая находилась много ближе, так и не решилась напасть на девушку. Добыча, то есть Мюриэль, была достаточно велика, и если огромный хищник и схватил бы её, то наверняка остались бы и мясо и кости для любителей падали. Такой добычи хватит на всех. Шакалы были уверены, что в свое время придет и их очередь, а посему ждали.

Когда кошка прыгнула на Мюриэль, разом прозвучало два выстрела. Тем не менее хищник повалил девушку. А потом острые клыки разошлись, чтобы сжаться на её белом горле...

И в этот момент пронзительные крики — завывание волков, пронеслись над равниной, а на ближайшем пригорке появилось два удивительных существа. Их чешуйчатые тела напоминали тела собак, а квадратные головы были такими же огромными, как у льва.

Большая кошка выпустила добычу и, рыча, попятилась. Шакалы с визгом убежали. Чешуйчатые создания подошли поближе. Когда они оказались в нескольких шагах от огромной кошки, та развернулась и убежала огромными прыжками. Мюриэль застыла. Теперь она поняла, что ей угрожала ещё большая, загадочная опасность. Существа, остановившиеся перед ней, выглядели такими же нереальными, как мифические крылатые быки, единороги, фавны и русалки. Скрестив руки на груди, девушка стала ждать нападения, понимая, что эти создания могли бы с легкостью разорвать её на куски.

Но странные существа, похоже, и не думали нападать. Они остановились в двух шагах от девушки. Почти сразу же появилось ещё трое, в этот раз людей. Они принадлежали к реальному миру Мюриэль. Все трое чёрные, очень высокие и вооруженные карабинами. Они были настолько похожи на негров из экспедиции, что на мгновение она решила, что это они и есть. Потом она поняла, что ошибается. Эти негры были одеты странно. Казалось, их набедренные повязки сделаны из необработанного стекла, но стекла мягкого, словно льняная или конопляная ткань. Повязки доходили до середины бедер. Кроме того, у них были шляпы с плоскими полями и ремни на поясе, на которых висели ножи и топоры.

Они приветственно замахали Мюриэль, а потом один из негров крикнул на ломаном английском:

— Нет страха! Мы — друзья!

Девушка была очень удивлена, наблюдая, как её спасители спустились с пригорка. Когда они оказались рядом, она разглядела, что тот, оторый говорил, выглядел, как Коурам...

Мюриель была слишком взволнована, чтобы задать нужные вопросы, единственное что она смогла выдавить из себя:

— Спасибо...

А усмехающийся чернокожий только и ответил:

— Я тоже.

Последовала минута молчания. Чешуйчатые твари жались неподалеку. Негры смотрели на неё так, словно ожидали, что она вот-вот объяснит свое присутствие. Неожиданноона словно обрела вдохновение. Она обратилась к незнакомцам тихим голосом:

— Вы знаете Сэмюэля Дамлея?

— Он наш господин.

— Мы искали его.

— Я так и думал! — воскликнул чёрный. Он рассмеялся и хлопнул в ладоши. — Так что, мисс... или миссис?

— Мисс Айронкастл.

— Пойдемте! Господин скоро должен вернуться...

— Идти далеко?

— Доберемся часа за два.

Они повели девушку через саванну и дальше через лес, где двигались много осторожнее, так как тут баобабы и баньяны чередовались с мимозами. Тем не менее их поход прошел без каких-либо приключений, так как мимозы росли тут довольно редко.

Какое-то время они шли вдоль реки до того места, где поперек течения лежали огромные камни, так что тут можно было с легкостью пересечь реку.

— Вот почти и добрались, — сказал тот, кто первый заговорил с Мюриэль.

Растительность тут стала редкой. Красная земля граничила со скалистой стеной, вытянувшейся в обе стороны вдоль берега. Через два часа чешуйчатые твари остановились и стали испускать странные крики.

Из тени скал появился высокий человек. Его кожа загорела почти до черноты, борода закрывала грудь, но волосы у него были светлые, как у Мюриэль. Его голубые глаза чуть из орбит не вылезли, когда он увидел девушку, и он с удивлением воскликнул:

— Мисс Айронкастл!

— Господин Дамлей!

Девушка чуть не упала в обморок от радости и облегчения. Сэмюэль Дамлей осторожно приблизившись к ней, взяв

её руки в свои и нежно держали их. Затем беспокойство появилось на её лице.

— Гэртон?

— Он там... с экспедицией, — пролепетала девушка дрожащим голосом. — Он и остальные впали в таинственную летаргию. Они были не в состоянии двигаться. Ну а я... Мне почему-то удалось преодолеть слабость и...

Дамлей покачал головой и нахмурился.

— Это дело их рук, — прорычал он. — Вы ступили в запретные земли, и они стали защищаться...

— Кто?

— Эти земли принадлежат «мимозе»... Вы должны были знать об этом.

— Не понимаю... — Глаза девушки округлились.

К ним подошли трое темнокожих. С ними были те самые существа, которых девушка так и не смогла определить. Они были двуногими, в каком-то смысле людьми. Но их ноги напоминали слоновьи и были покрыты странной кожей, скорее чешуей, между чешуйками которой пробивались длинные волосы. Их цилиндрические головы была увенчаны меховой макушкой. У них были треугольные рты, и блестящие глаза глубоко ввалились вглубь черепа. Мюриэль почувствовала себя так, словно столкнулась с марсианами.

— Они — люди, — пояснил Дамлей. — Или, скорее, они играют роль людей в этих землях. Их организмы отличаются от наших, как организмы павианов или собак. Но вам не о чем беспокоиться, мисс. Они мои союзники и не причинят вам вреда. А вот тех, кто не заключал со мной союза, следует опасаться... — тут он замолчал, нахмурившись. — Лучше подумайте об Айронкастле и его спутниках. Надеюсь, что «мимоза» уже исчерпала свои силы, и теперь наши друзья уже проснулись и могут самостоятельно передвигаться... Думаю, нам нужно отправиться в путь и встретиться с ними.

Он быстро отдал несколько приказов своим чернокожим слугам, а затем обратился к чешуйчатым людям, то и дело прибегая к языку жестов, перемежающихся странными свистками. А через четверть часа экспедиция собралась. Негры были вооружены ружьями, а чешуйчатые люди — подобиями гарпунов и полукруглыми щитами. На

талии у них висели кожаные сумки.

— Выступаем, — наконец объявил Дамлей.

Он молчал в течение длительного времени. Мюриэль терпеливо ждала. И, наконец, словно вспомнив, что не один, он, захлопав глазами, заговорил:

— Пока нет причин для беспокойства. Поверьте, эти «мимозы» не убийцы. Даже когда тяжесть или сон длится какое-то время, когда люди просыпаются, все чувствуют себя хорошо. Я видел, как антилопа проспала под воздействием «мимозы» три или четыре дня, а потом проснулась.

— Но что если пока все спят, кто-то нападет на лагерь? — сказала Мюриэль. — Судя по всему, в этих землях обитает много странных созданий.

— Не бойся. Наши друзья проснутся до того, как до них доберется какая-нибудь опасная тварь. Правда, после того как пробудитесь от этого сна у вас ещё с полчаса будет болеть голова. Не беспокойтесь... большая часть окрестных племен — мои друзья.

— И что они станут делать, если натолкнутся на экспедицию? — поинтересовалась Мюриэль. — Я имею в виду тех, кто не является вашими союзниками.

— Не знаю. Различные племена имеют различные обычаи. Кроме того, в этих землях обитают две расы... — А потом тень набежала ему на лицо, но, улыбнувшись, он сказал: — Уверен, мы найдем ваших спутников в целости и сохранности.

— Так в этом лесу не опасно? — поинтересовалась она.

— В этих краях несколько лесов с «мимозами». И если мы станем держаться от них на расстоянии и не будем вести себя беспечно... Если не полезем в запретные зоны...

— И как же распознать эти зоны?

— Легко. Как только почувствуете слабость, вы должны остановиться и подождать... или же обойти препятствие. Ощущение тоски — другой знак. Вы начинаете задыхаться, потом оказываетесь в плену неожиданно накатившего страха. Иногда начинается лихорадка. Становиться все хуже, чем дальше вы заходите на запретную территорию... Иногда бывает и так, что вы ничего не чувствуете.

— Существуют ли границы, которые мы никогда не должны пересекать?

— Нет. Вы скоро научитесь распознавать их...

Через пару часов они вернулись к тому холмику, где хищный кот едва не напал на Мюриэль. С этого места им предстояло отыскать след девушки, потому что она совершенно не помнила, откуда пришла. Чешуйчатые люди должны были отыскать след. Но они оказались в тупике. Все разошлись в разные стороны в поисках следов.

— Экспедиция была здесь! — неожиданно объявил Дамлей. — Вот доказательство.

Он показал следы, которые остались от кольев палаток, брошенные жестяные банки, обрывок веревки. Потом один из черных закричал, а остальные подбежали к нему. Чешуйчатые люди все это время возились в грязи.

— Господин, — позвал черный, — они пришли сюда. Посмотрите на следы.

Дамлей неожиданно забеспокоился.

— Никаких признаков борьбы?

— Ничего, господин.

Черный посмотрел сначала на Дамлея, а потом на Мюриэль.

— Скажите, что нашли ваши люди, прошу вас, — взмолилась Мюриэль.

Сэмюэль только рукой махнул. Что бы он ни сказал, его юная спутница будет представлять себе худшее.

— Они взяли их в плен.

— Кого вы имеете в виду, говоря «они»? — продолжала настаивать на своем Мюриель.

— Те, кто подобен людям.

Лицо девушки скривилось от страха. Фантазия рисовала ей видения ужасной смерти, которая ожидала её спутников.

— Я не верю, что они их убьют, — задумчиво протянул Дамлей. — По крайней мере, не в ближайшее время.

Казалось, последние слова он произнес, пытаясь убедить самого себя.

— Мы не должны тратить время понапрасну, — добавил он. — Пошли!

Негры и чешуйчатые люди теперь шли по следу так легко, как будто заранее знали дорогу. Отряд торопливо отправился через лес, мимо сосен, папоротников и зарослей

волосатого мха. Высокие древовидные папоротники шуршали, хотя не было никакого ветра.

— Как вы думаете, они неподалеку? — нерешительно поинтересовалась Мюриэль.

— Пока нет, — покачал головой Сэмюэль. — Они на несколько часов опередили нас. Не стоит ожидать, что мы нагоним их до сумерек, если они, конечно, не устроят привал.

— А что если не устроят?

Дамлей только пожал плечами и закатил глаза.

— Но... — продолжала Мюриэль дрожащим голосом, — ы надеетесь освободить их раньше?..

— Надеюсь, что это так.

А потом, увидев лицо несчастной девушки, он все же решил посвятить её в детали.

— По всей вероятности, это люди Красной долины. Они могут собрать около ста пятидесяти воинов. А мы — только сорок, но я послал за подкреплением. Таким образом, вы должны перестать беспокоиться... Ах!

Один из негров подбежал, чтобы доложить о том, что обнаружил место первого привала похитителей. После этого преследователи стали внимательно изучать окружающую местность. Не обнаружив вокруг брошенной стоянки ничего важного, они продолжили погоню. И остановились они, только когда добрались до красного ущелья. Негры и Дамлей быстро перекусили. Мюриэль же с трудом удалось проглотить несколько кусочков бисквита. Чешуйчатые люди ели корни папоротника и липкую пасту из лишайника. И тут неожиданно из-за валуна появился чешуйчатый человек и тихо присвистнул.

— Подходит подкрепление, — объявил Дамлей.

— Боже мой, — пробормотала девушка. — Мы должны будем сражаться

— Может, и нет. Люди Красной долины знают, что мы лучше вооружены, чем они.

— Они захватили ружья и пулемет...

— Вот только они не знают, как пользоваться ими.

Приняв всевозможные меры предосторожности, колонна вошла в ущелье. За два часа до заката вернулись разведчики. Дамлей посовещался с ними несколько минут, а потом вернулся к Мюриэль. Он выглядел очень серьёзным.

— Это люди Красной долины. Наши разведчики считают, что их не видели. Тем не менее, независимо от того, что происходит, мы разберемся... Это место, где они чувствуют себя сильными. Ну, а нам теперь нужно принять меры предосторожности.

Он вытащил из кармана флягу и вылил несколько капель в маленькую чашку.

— Вот противоядие. Выпей!

Мюриэль проглотила напиток без колебания. Дамлей также выпил. Девушка видела, что остальные чешуйчатые люди делают то же самое. Негры тоже выпили странный напиток из странных фляг, сделанных из срезанных стволов тростника.

— Теперь мы защищены. Можем действовать дальше, — объявил Дамлей.

Теперь они направились вперед много быстрее, хотя двигались так же осторожно, как и раньше.

— Все племена знают искусство вызывать сон, сжигая или испаряя некоторые вещества. Но они знают о противоядии, которое мы только что использовали. Но противоядие нужно принять как минимум за полчаса. Вот этим мы и воспользуемся.

— И какой же у нас план?

— Мы в двух милях от Красной долины. Позвольте мне дать последние распоряжения.

Он подозвал пару черных и несколько чешуйчатых людей. Несколько минут они о чем-то говорили, перемежая слова и свистящие звуки.

— Мы готовы, — объявил Дамлей, обращаясь к Мюриэль. — Теперь все, что нам нужно, это немного удачи.

Тем временем Мюриэль с удивлением наблюдала, как пятнадцать чешуйчатых людей полезли на скалы. Добравшись до вершины, они исчезли.

— Они знают все скрытые выходы из Красной долины, — заметил Дамлей.

Вновь преследователи замедлили шаг. Теперь они двигались скрытно и тихо. Дамлей присоединился к авангарду, но предупредил Мюриэль, чтобы та держалась позади на безопасном расстоянии.

Так прошло примерно полчаса. Потом откуда-то донеслись свистящие звуки. Дамлей и его люди бросились вперед. Мюриэль не могла удержаться и последовала за ними.

Неожиданно перед девушкой открылась Красная долина. Дым шел от костров, распространяя ароматный запах. Сотни существ были в центре небольшой долины, кружась в безумном танце вокруг пленных, лежавших связанными на земле.

— Мой отец! — закричала Мюриэль, а потом, понизив голос, добавила: — Филлипп!

Тут, словно по мановению волшебной палочки, со всех сторон появились чешуйчатые люди, которые были на стороне Дамлея. Они закидали танцующих гранатами, из которых повалил зеленый дым. Чешуйчатые люди, наступающие с черными по ущелью, тоже стали бросать таинственные гранаты.

Танцоры закричали и побежали в разные стороны, но лишь немногим удалось далеко уйти. Мюриэль смотрела как они падают, со смесью радости и ужаса. Мужчины выглядели так же, как союзники Дамлея. Те, что были ростом пониже, с большой грудью, должно быть, были женщинами. А те, что совсем маленькие и стройные, были детьми.

— Их перебьют, — обратился Дамлей к Мюриэль. — Через несколько минут они станут сдаваться. Мы победили, напав на них совершенно неожиданно.

Чешуйчатые люди шатались и падали по одному и целыми группами. Вскоре зеленый дым рассеялся.

— Слава богу, — пробормотал Далей, — мы прибыли как раз вовремя.

— Мой отец и его друзья? — со стоном спросила Мюриэль.

— За них можете не бояться. Они спят. Нужно подождать, пока наркотик их отпустит. Но я ко всему подготовился.

Однако Мюриэль его так и не дослушала. Она стремглав бросилась к отцу и, опустившись на колени, обняла его. Дамлей вытащил бутыль из кармана, открыл её и погрузил в неё тонкий шприц. Он быстро сделал уколы Айронкастлу, Марангесу, Куртису, Гатри, Дику и Патрику, а потом занялся чернокожими, в то время как его спутники развязывали пленных.

Айронкастл очнулся первым, а вскоре следом за ним —Марангес и Джордж. Но соображали они с трудом. Наконец, взгляд

Гэртона стал осмысленным. Увидев свою дочь, он вскрикнул от радости, а узнав Дамлея, охзадачено застыл, но через мгновение уже догадался, что случилось.

Дамлей помог ему подняться, затем обнял.

— Должно быть, сам Бог привел ко мне Мюриэль, — заметил он.

Тем временем Филлипп и сэр Джордж пришли в себя.

— Мы живы! Ты в безопасности, — прошептал Филлипп, обращаясь к Мюриэль...

Гатри пришел в себя последним. Казалось, он не понимал, что случилось, как вышло так, что он оказался свободными от пут. Неожиданно он взревел и, вскочив, схватил чешуйчатого человека, который лежал без сознания, и собирался уже со всего маху швырнуть его на землю, когда Айронкастл остановил его.

— Прекрати! — заорал Гэртон. — Мы уже победили! Ты в безопасности!

Гатри разогнал туман, застилавший его взор, и внимательно огляделся. Затем он отпустил несчастного и подскочил к Мюриэль. Заключив девушку в свои медвежьи объятия, он закружился с ней, хотя она кричала, умоляя его остановиться. Наконец, громко рассмеявшись, он выпустил девушку.

— Вот мой друг Дамлей, — объявил Айронкастл, обращаясь к своим спутникам. — Благодаря ему нам снова удалось избежать смертельной опасности.

— Но какая опасность грозила нам? — поинтересовался сэр Джордж. — Что эти существа собирались с нами сделать? Убить? Или нас ожидала еще более ужасная судьба?

— Не знаю, — пожал плечами Дамлей. — В любом случае все закончилось бы неминуемой смертью. Вы были их добычей... Вас поймали. И хотя эти существа не едят мяса... но они пьют кровь. Порой они очень долго забавляются с пленными животными или людьми. Но, быть может, вы показались им слишком ослабленными, не способными восстановить силы... Все существа, обитающие в этих местах, с легкостью переносят голодовки и значительную потерю крови.

— Выходит, эти создания — вампиры! — прорычал Сидней.

— Не в том смысле, как трактуют вампиров наши легенды, — заверил Дамлей и в свою очередь рассмеялся.

Глава 24. Растительное царство

— Эта рыба самым удивительным образом напоминает форель, — проговорил Гатри, с восторгом пробуя угощение.

— Да, — согласился Дамлей. — По вкусу похоже. Но по виду и по роду своему она совсем другое дело. Она ближе к карпам. Но на самом деле эта рыба неизвестна современной науке... Так сказать, не прошла научную классификацию.

— Во всяком случае, я дам ей хорошую классификацию в моем животе, — заверил Гатри.

Обед проходил в огромной гранитной пещере, мебель в какой была сделана гением негров, руками чешуйчатых людей и энергией Дамлея. Она была отчасти удобна — сиденья были обиты. Что касается ножей, вилок, ложек, тарелок и горшков, то все было сделано вполне сносно.

За прорубленными в стенах окнами возвышались красные скалы, сосны, папоротники, по земле протянулись гигантскими мхи и лишайниками.

Путешественники выглядели очень усталыми и дремали, как медведи, погрузившиеся в спячку.

— А в этих краях нет мимозы? — поинтересовался Гэртон.

— Нет. Тут совершенно безопасно, — заметил Дамлей. — Эти сосны, папоротники, мох и лишайники такие же безвредные, как у нас дома. Превосходная растительность, и никаких «мимоз»...

Негры принесли два зажаренных окорока антилоп, один вид которых вызвал новый приступ голода у Сиднея.

— Судя по всему, у местных туземцев нет домашних животных, — пояснил Джордж. — А те полулюди, которые взяли нас в плен, имели какую-то защиту от этих «мимоз»?

— Против больших растений... против многих растений, которые тут растут, нет никакой защиты, и единственный способ спастись — держаться подальше и строго исполнять все законы и правила... В этом мире растений можно обнаружить много странного и удивительного. Сколько я уже прожил тут, а так и не нашел ответа на вопрос, почему самые могущественные растения тут «мимозы»... Вначале я считал, что низшие растения должны погибнуть. Вместо этого они процветают, причем занимают столько же земли. Хотя одно предположение у меня

есть: высшие растения истощают почву, поэтому вынуждены смещаться с низшими растениями. Последние обогащают почву, постепенно меняясь местами с доминирующими растениями. Иначе никак не объяснить то, что долгоживущие, более развитые деревья терпят соседство примитивных растений. Если все так и есть, то все дело в том, что высокоразвитые растения нуждаются в почве с определенным химическим составом... Многие бы бумагомараки ухватились за такую идею, воспевая гармонию в природе, — вздохнул Филлипп.

— Согласен, — кивнул Дамлей. — И на этот раз они были бы правы.

— Зная связь между растениями и животными, меня больше всего интересуют... — начал было Гатри, но прервался, отрезая себе большой кусок мяса антилопы. Однако закончив, вернулся к разговору, продолжив с того же места, словно и не прерывался вовсе: — ...эти человекообразные создания, что позарились на нашу кровь... Нам, в общем, повезло, но...

— Я долго пытался разобраться в причинах возникновения этого странного народа на территории, где доминируют тайнобрачные[35] и голосеменные[36] растения. На этой территории живут люди и животные. Они используют растения по своему усмотрению. Часть людей, будем называть их именно так, занимаются сельским хозяйством. Однако их земля все время находится под угрозой вторжения диких растений, которые невозможно превратить в домашние и которые, по

[35] Тайнобрачные растения, бесцветковые растения, или криптогамы (лат. Cryptogamae) — выделенная Карлом Линнеем группа растений, не имеющих цветков (папоротники, хвощи, плауны, селагинеллы, полушники, псилотовые и близкие к ним растения, мхи, водоросли, грибы и лишайники). В соответствии с воззрениями XVIII века единственным известным местом у растений, в котором возможен половой процесс («брак»), считался цветок. Растениям с цветками — цветковым растениям (явнобрачным, фанерогамам) — противопоставлялись те растения, у которых место полового процесса («брака») было неизвестно.

[36] Голосеменные расте́ния (лат. Gymnospérmae) — древняя группа семенных растений, появившаяся в верхнем девоне, около 370 млн лет назад. Выражение «голосеменные», впервые использованное русским ботаником А. Н. Бекетовым,[1] указывает на главную отличительную черту этих растений, а именно на то, что семяпочки, а затем и развивающиеся из них семена не имеют, в отличие от покрытосеменных, замкнутого вместилища. Завязь обычно имеет вид простой чешуи, на которой сидит одна или несколько семяпочек; иногда же и эта чешуя не развивается.

сути своей, непобедимы. И ещё... если подчиняешься законам, то сможешь легко жить в этом мире и даже использовать часть растений в пищу. Существуют периоды, когда травоядные могут поедать высшие растения с такой же безнаказанностью, как они поедают мох, лишайники, папоротники и поросли молодых сосен. Однако высшие растения и в такие периоды имеют определенную защиту. Когда они по неведомой причине совершенно беспомощны, их сок становится горьким, а вкус просто невыносимым. Некоторые даже становятся ядовитыми. Но есть фрукты, которые можно есть в любое время. Их легко отличить от остальных, так как запрещенные пахнут весьма своеобразно. Они испускают горький запах, который ни с чем не перепутаешь, и животные обходят их стороной. Учитывая все, что я рассказал, жизнь здесь не такая уж и опасная... В целом ничуть не хуже, чем в любом другом месте на этом континенте. А различные ограничения компенсируются различными преимуществами.

— Мы уже поняли, что все эти правила и законы можно определить без особого труда, потому как нарушения некоторых из них карается смертью, — заметил сэр Джордж.

— Конечно, есть тут уголки, куда ни один человек проникнуть не сможет, — заметил Дамлей. — Везде, где много «мимоз», нельзя преступить правило ни на дюйм. Да и в других местах наказание за нарушение правил происходит столь быстро и неотвратимо, что ни животные, ни чешуйчатые люди стараются их не нарушать. Простое прикосновение к «мимозе» может вызвать неприятные ощущения или боль. А если «мимозы» достаточно разрослись, а значит, значительно старше и могущественнее, они отгоняют все живое с помощью сил, природу которых я не понимаю. Они могут лишить вас сил, заставить уснуть...

— В сообщении, которое вы мне послали, вы утверждаете, что эти растения на свой лад разумы, — заметил Айронкастл. — Однако, на мой взгляд, они скорее обладают очень развитым инстинктом самозащиты и не способны самостоятельно мыслить.

— Может, и так... — протянул Дамлей. — Но в действиях растений есть определенная логика. Думаю, лишь

со временем, поставив множество опытов, можно будет окончательно утверждать то или иное. Пока же я могу лишь сказать, что если это интеллект, то он сильно отличается от любого известного нам разума.

— Но почему же вы решили, что эти «мимозы» могут оказаться разумны?

— Все дело в том, что инстинкт по-своему «заморожен». Инстинкт порождает одинаковые, повторяющиеся действия, в то время как действия этих доминирующих растений различны в зависимости от происходящих событий. Пока же мне точно не удалось установить, насколько разумны повелители этих лесов...

— И тем не менее вы верите, что именно эти растения, вне зависимости от их разумности, являются доминирующим видом, управляющим жизнью как животных, так и чешуйчатых людей?

— Несомненно. Здесь все подчинено потребностям «мимоз». Любое сопротивление окажется лишь напрасной тратой сил. Пока я не обнаружил никакого способа обойти навязанные ими правила.

— Тем не менее ты, как и любой англосакс, не собираешься отступать?

— Убежден, что именно мне предстоит решить эту загадку. Кроме того, вы должны были убедиться, что правила жизни в растительном царстве имеют определенный деструктивный характер для любого человеческого общества. Животным тут ничего не грозит. Им позволяется жить, если они подчиняются законам и правилам «мимоз». Но как только вы начинаете заниматься любой активной деятельностью, встречаете сопротивление...

— А как насчет эволюции?

— Вы же видели, что в этих землях эволюция или замерла на месте или пошла совершенно иным путем. Тут рептилии не уступили место млекопитающим. Они зачастую много их умнее, и их тела наряду с чешуей покрыты волосами... Эти псевдолюди очень близки к сумчатым. У самок есть мешочек, где растут малыши, но он отличается от таковой же сумки, как, например, у опоссумов. Как вы уже могли заметить, тела у этих существ одновременно и чешуйчатые и волосатые. У них

есть чувства, которых нет у нас. Например, пространственное чувство, которое порой заменяет зрение. Они не пользуются членораздельной речью, но могут переговариваться между собой с помощью модулированного свиста. Они одновременно издают высокие звуки, используют созвучия, повторы, а также длинные и короткие звуки. Количество комбинаций, которое находится в их распоряжении, по всей вероятности, более многочисленно, чем наши слоги. Насколько я разобрался, они понятия не имеют об эстетической красоте. Мужчины и женщины, я осмелюсь так назвать их самок, общаются только на повседневные, самые насущные темы.

— А как же тогда их музыка?

— Странная музыка, которая режет слух нам и большинству животных. Если она и красива для кого-то, то, боюсь, нам этого не понять. Ритмы нисколько не похожие на то, что обычно используют люди. Я пытался разобраться в этом, но получил лишь общее, весьма расплывчатое впечатление. В итоге я оставил эту затею... Степень их социального развития не выходит за пределы племенного строя. Каждое племя состоит из множество кланов. Я не смог обнаружить никаких следов религии. Они знают, как делать оружие и инструменты, сложные яды, сильное снотворное, ткани, больше напоминающие мягкий войлок. Они живут в пещерах или под землей, где порой роют очень сложные ходы.

— Вы можете разговаривать с ними?

— При помощи знаков. Наши чувства слишком ограничены, чтобы мы смогли воспользоваться их языком. Я составил ограниченный запас знаков, с помощью которых мы можем обмениваться самыми простыми идеями. Но дальше дело не пошло. У нас слишком разное восприятие реальности.

— И вы считаете, что в полной безопасности обитаете среди них?

— Полностью. Они ничего не знают о преступлениях, не понимают, как можно не подчиниться приказу вождя. Любой союз с ними не может быть разорван

— В таком случае они много лучше нас! — воскликнул Гатри.

— Их моральные качества не вызывают сомнения. В любом случае мораль чешуйчатых людей много выше нашей,так

как в этом царстве «мимозы» у племен своего рода моральный рефлекс. Даже среди хищников вы никогда не найдете отходы плоти. Кроме того, многие животные тут всего лишь пожиратели крови. Они не убивают своих жертв, просто лишают их сил, и те со временем восстанавливаются.

Наступило долгое молчание. Чернокожие принесли неизвестные плоды, напоминающие малину, но большую как апельсины.

— Учитывая все обстоятельства, и вы были бы счастливы, если бы жили здесь.

— Никогда ни о чем подобном не думал.

— А мне очень хочется разобраться в том, как и что тут происходит. Сомневаюсь, что у меня хватит решимости покинуть эти земли.

Гэртон вздохнул. Ему тоже хотелось подольше задержаться в этих землях и разобраться с многочисленными тайнами, скрытыми в этих землях, но потом он перевел взгляд на Мюриэль и Филлиппа. Будущее этой юной пары явно лежало в ином месте.

— Однако решите ли вы остаться или покинуть эти земли,все равно придется задержаться на четыре месяца, — продолжал Дамлей. — На носу сезон дождей. Так что несколько месяцев вам придётся переждать. Во время сезона дождей путешествовать по этим землям невозможно.

Гэртон утешил себя тем, что пообещал себе за это время перенести на бумагу всю историю их путешествия и написать отчет, равного которому не видел никто в научном обществе.

— К тому же было бы глупо покинуть эти земли с пустыми руками, — продолжал Сэмюэль, в этот раз обращаясь скорее к сэру Джорджу и Филлиппу, чем к Гэртону. — Тут достаточно золота и драгоценных камей, чтобы сколотить не одно неплохое состояние.

Гатри любил слишком многое, чтобы не слишком заботиться о богатстве. Сэр Джордж унаследовал от своего дяди, сэра Генри Куртиса[37]— известного исследователя, титул баронета и

[37] Сэр Генри Куртис — персонаж романа Г. Р. Хаггарда «Копи царя Соломона», английский аристократ, отправившийся на поиски своего брата. Старше тридцати лет, сероглазый блондин, могучего телосложения. Туземцы называют его Инкубу (что означает «слон»).

поместье в Брайлей Холле в Йоркшире. Но его наследства явно не хватило бы на то, чтобы восстановить из руин две усадьбы, которые он получил от своего отца: Хорнфельд и Хавктауэр. Теперь же он получил шанс раздобыть денег не только на то, чтобы их восстановить, но и достойно обставить. Филлипп думал о Мюриэль и о Монике. Он не станет просить Мюриэль, чтобы она вышла за нищего, хотя обеспечить сестре достойное приданое было бы неплохо.

Дамлей, однако, обвел своих собеседников таким загадочным взглядом, а выражение его лица было чуть ли не угрожающим, и путешественники замерли, ожидая новых откровений.

— Похоже, у тебя есть что еще нам сказать, но ты не знаешь, как это сделать поделикатнее, — заметил Гэртон.

— Это не то богатство, о котором я писал в письме, — продолжал Дамлей. — Но оно и в самом деле существует, и вы отправитесь назад богатыми. Но... — тут он на мгновение замолчал, а потом, словно окончательно приняв решение, продолжал. — Очень хорошо. Я вам покажу. Но вы должны торжественно пообещать мне, что никогда никому ничего не расскажете. Ни при каких условиях, — он вновь внимательно посмотрел на Гэртона — Вам вдвойне или втройне будет сложнее молчать. Поступая подобным образом вы сами лишите себя возможности стать самым известным натуралистом на Земле.

— Ты хочешь сказать, что я не смогу опубликовать свои наблюдения и дневники? — удивился Гэртон. — Но... Почему нет? В ближайшие несколько лет в эту часть Африки отправятся новые экспедиции. Тут появится множество белых исследователей. Все неизведанные территории будут изучены. Разве не стоит описать то, что ждет людей по дороге в эти края?

— Надеюсь, что всего этого не случится, — заверил Дамлей. — Я хотел бы, чтобы странных животных и странные растения этой страны оставили в покое, по крайней мере на несколько лет. Скажем, года на два или три. После все это не будет иметь никакого значения, — он сделал паузу, с грустью взглянул на членов экспедиции, а потом закрыл глаза. — К тому времени все здесь будет мертво!

— Что? — с удивлением воскликнул Гэртон. — Но...

— Завтра мы совершим короткую, но увлекательную, я бы даже сказал невероятную, прогулку, — закончил Дамлей. — А пока я постараюсь объяснить, что собираюсь вам показать...

Глава 25. Царь мёртв

— Нам предстоит пройти несколько километров, — объяснил Дамлей. — Но я хочу показать вам кое-что в первую очередь.

Все они собрались тут: белые, черные и их сверхъестественные союзники.

Неподалеку на вершине холма красной земли росла огромная «мимоза». Она возвышалась над равниной футов на двести, но, в отличие от большинства других, эта «мимоза» казалась мертвой. Её ветви были сухими, ломкими, пробитыми клювами птиц.

Дамлей указал на подножие холма и приказал, тобы черные начали там копать. Пока они копали, Гэртон осмотрел выбранную почву.

— Земля мягкая, — объявил он. — Тут копали раньше.

— И кто это мог сделать? — удивился Гатри.

— Туземцы, — пояснил Дамлей.

Через полчаса негры выкопали продолговатую траншею метра три в длину, полметра в ширину и метр в глубину. Дамис — один из негров Дамлея, вылез за ямы. Белые столпились на краю, заглядывая в яму.

По дну ямы, наполовину выступая из земли, протянулся широкий корень. Он был серым, сухим и выглядел ломким. По центру из земли выступал какой-то красноватый объект.

— Похоже на наконечник копья *низкорослых*! — протянула Мюриэль.

— Так и есть, — согласился Дамлей. — Скорее всего, подобные штуки используются *низкорослыми*, да и другими племенами. Но только если сейчас эту штуку вытащить из корня, то она окажется недостаточно твердой, полусформировавшейся.

Корень умер в то время, как наконечник сформировался лишь наполовину.

— Ах! — воскликнул Гэртон. — Тогда это объясняет, почему острие копий было из гранита, однако камень совершенно не походил на режущее оружие. Тогда я задался вопросом: как низкорослые могли расслаивать куски гранита так, что те превращались в подобие кремня?

— Нет, это не гранит, — покачал головой Дамлей. — Он посто выглядит точно так же. Но, если бы вы рассмотрели этот камень с помощью микроскопа, мы увидели бы разницу между гранитом, куском магмы и этим камнем. С одной стороны, его структура так же сложна, как структура стали, и, по сути, в нем содержится много железа.

— Тогда это один из артефактов, которое производит подземная система корней растительного царства? Когда вы сказали о смерти растительного царства, вы имели в виду именно это?

— На самом деле, это не столько царство, сколько единая система... — ответил Дамлей. — Растительное царство, как вы его назвали, — единый организм. Все корни возникли из этого мертвого дерева на вершине холма. Вся эта местность под поверхностью представляет собой единый огромный комплекс связанных между собой корней... И наконечники копий — только один тип артефактов, которые использовали местные племена. Некоторые из них торчали из-под земли, и их выкапывали. Другие росли на ветвях. Но местные жители сказали мне, что последнее время ничего подобного не происходило. И теперь, когда основа мертва, корни, уходящие наружу, тоже умирают. «Мимозы» уже года четыре перестали производить артефакты.

— А раньше эти артефакты были одним из главных причин симбиоза между животным и растительным миром? — поинтересовался Гэртон.

— Да.

— Жаль, что эта «мимоза» не производит ни золота, ни серебра. Оно могло бы высасывать из почвы или из воды драгоценные металлы и спаивать их в узелки? Представь себе дерево, которое порождало бы золотые яблоки? Думаете, греческие легенды родились именно здесь?

— Может быть, — согласился Дамлей. — У местных туземцев тоже существует легенда о том, что подобное дерево существовало где-то тут неподалеку.

Дамлей отвел группу к подножию холма. Потом он остановился и указал на темное пятно размером с полметра.

— Вы тут тоже копали? — поинтересовался Гэртон.

— Да. Туземцы возражали, не хотели, делать это. Они сказали, что холм — табу. Так что мне пришлось рыть землю самому. Через некоторое время, когда они увидели, что я не сражен шипами-дротиками, они поняли, что царь этого мира и в самом деле мертв. Или, по крайней мере, его мозг или сердце было мертво. И тогда они решили помочь мне.

Дамлей отдал краткий приказ. И негры снова взялись за работу. К тому времени как работа была закончена, все чернокожие тяжело дышали, окончательно выбившись из сил. Там, где красную земли раньше не раскапывали, она лежала довольно твердым слоем. Однако вскоре открылся вход в подземную пустоту. Неожиданно лопаты пробили дыру в земле. Вскоре слуги Дамлея расчистили вход, так что белые смогли спуститься в пещеру.

Хотя группа Гэртона и была частично подготовлена, они испытывали благоговение, когда входили в естественную пещеру, посреди которой висел огромный ствол, от которого во все стороны отходили толстые корни. Гэртон и Дамлей включили фонарики. Остальные замерли, зачарованные открывшимся перед ними зрелищем.

Вертикальная часть ствола «мимозы» опускалась до половины высоты пещеры. Тут от него во все стороны расходилось шесть толстых корней. Они уходили в стены пещеры. Под корнями на полу пещеры что-то поблескивало.

— Это выглядит, как кристалл звезды...— тихо пробормотала Мюриэль. — А может, это лишь скелет звезды?

— Да, это скелет, — согласился Дамлей. — Но только он не из кости. Это кристаллический минерал. Когда-то это тело было растительного происхождения... Как мне назвать его?.. Царь минерального мира... Не знаю, сколько тысячелетий назад он появился... Из этой корневой системы выросла первая «мимоза». Видимо, изначально корни росли во все стороны и расползались по подземному миру. Они

подчинили себе множество видов деревьев и кустарников. Вы проходили мимо новой поросли этой «мимозы»... А потом царь умер, и смерть поползла от корней во все стороны от центрального тела.

— Но откуда «мимоза» взялась с самого начала? — начал было Гэртон. — Похоже, она внеземного происхождения.

— Скорее всего. Но откуда она явилась? С Марса? С планеты далекой звезды? Боюсь, мы так и не узнаем. Но если даже она прибыла с иной планеты, то большой вопрос, как она это сделала? Подозреваю, что транспортное средство на котором прибыла «мимоза», похоронено тоже где-то здесь. Полагаю, что корнь находился внутри космического корабля. А потом царь каким-то образом поглотил его.

— Что? — усмехнувшись переспросил Гатри.

— Я нашел несколько небольших фрагментов очень странного материала. Края их выглядели так, словно металл был разъеден кислотой. Может быть, корпус уничтожили пищеварительные соки космического странника?.. Во всяком случае, корабль исчез... Царь рос много сотен лет, возможно, многие тысячелетия. Но он не мог дальше наращивать свое тело. Почему так получилось, не знаю. Полагаю, первоначально он думал, что сможет разрастись по всей планете. Жизнь тут ничуть не походила на жизнь на его родной планете. Он не смог переделать Землю под себя, и не смог сам адаптироваться под местные условия... Здесь все дело в каких-то химических веществах. Правда, на это потребовалось сотни лет. И кто знает, какие перемены этот растительный царь вызвал у растений этих мест... Следовательно, все, с чем мы столкнулись здесь, можно было бы назвать неестественной биосферой. Но Земля оказалась слишком неподатливой для инопланетной жизни. И Земля... наша мать-Земля в итоге уничтожила пришельца... Сейчас мы наблюдаем финал этой поистине грандиозной драмы. Финал, когда все чужеродное должно окончательно уйти, уступив место земному, естественному для этой планеты.

— Да, научные данные, которые можно получить, наблюдая за этим процессом, могут оказаться дороже, чем все золото и серебро на Земле, — с благоговением отозвался Гэртон. — Изучая и наблюдая за тем, что происходит в этих

землях, мы может много узнать о жизни как на Земле, так и на других планетах. И в самом деле стоит по заслугам оценить такой дар Творца, преподнесённый нам. Все, что вы обнаружили тут, говорит не столько о существовании Творца, сколько о многообразии его творений. Так что можно считать, что мы прикоснулись к чему-то великому...

— Тогда, наверное, нам стоит запечатать эту могилу и оставить нетронутым её погибшего обитателя, — предложила Мюриэль. — А теперь я предлагаю помолчать, почтить минутой молчания память павшего царя... Что-то святое есть в этом месте... И в самом деле, не стоит сообщать всему миру о нашем открытии.

— Согласен, — вздохнул Гатри. — К тому же тут нет ни золота, ни серебра.

В отличие от остальных, Гатри. как всегда, был в высшей степени практичным.

СИЛЬВЕР ГРЕЙХАРТ

СИЛЬВЕР ГРЕЙХАРТ
Greatheart Silver
(1975)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРЕЙХАРТА
The Return Greatheart Silver
(1975)

ГРЕЙХАРТ В ПЕРВОЙ КОМАНДЕ
Greatheart Silver in The First Command
(1977)

GREEATHEART SILVER

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Безумный Фоккер нанес новый удар...

Грейхарт[38] Сильвер не догадывался, что вскоре встретит Безумного Фоккера на своем пути. Конечно, Сильвер знал о воздушном разбойнике. Уже шесть месяцев мир был наполнен слухами о дерзкой банде, которая терроризировала Юго-запад и Калифорнию. Были ограблены банки и кредитные бюро, миллиардеры похищены, дирижабли подверглись пиратским нападениям. Кто -то осушил резервуары для хранения пресной воды, вскрыл хранилища радиоактивных материалов, разграбил армейские арсеналы, занимался рэкетом и шантажом в колоссальных, доселе немыслимых масштабах.

Банда Блимпа[39], как ее называли, включала в себя ученого или состояла из ученых, слетевших с нарезки. Производители хлопка Юго-запада расстались с шестью миллионами долларов из-за так называемого мозгового треста банды Блимпа. Трестом был выведен долгоносик — мутант неуязвимый для инсектицидов. Его яйца были рассеяны над

[38] Буквальный перевод «Большое сердце». Главный герой назван в честь прозвища главного героя романа британской писательницы Этель М.Делл (1881-1939) «Большое сердце» (1912). История о том, как один инвалид в Швейцарии спасает девушку от самоубийства. после того, как она нарушила свои обязательства перед богатым братом. Однако большую известность получил немой фильм, снятый по этому роману («Большое сердце», 1921, реж. Дж.Ридвелл). (Здесь и дальше — Прим.ред..).

[39] Блимп — «мягкий дирижабль» — дирижабль, у которого матерчатая оболочка служит также оболочкой для газа. Неизменность внешней формы достигается избыточным давлением несущего газа, постоянно поддерживаемым баллонетами — мягкими ёмкостями, расположенными внутри оболочки, в которые нагнетается воздух. Ими же производится частичное изменение балансировки и плавучести всего дирижабля без сброса балласта или выпуска части несущего газа. Обычно небольших размеров. Являются самым распространенным типом дирижаблей в силу дешевизны их производства и эксплуатации.

плантациями, после чего бандиты объявили, что яйца будут уничтожены, если в течение девяти дней в указанное место в горах будет доставлена требуемая ими сумма денег. Правительственные ученые сломали себе мозги в попытке уничтожить яйца долгоносиков. Без толку. Долгоносики процветали, игнорируя воздействие самых мощных ядов. Правительственные агенты объявили, что деньги будут выплачены. Ученые краснели от стыда и бессилия. И большинство из них стали безработными. К счастью, долгоносики-мутанты оказались бесплодными. В противном случае они стали бы совершенным оружием.

Мир, за исключением производителей хлопка, надрывался от смеха. Блимп Крендлел — главарь банды, несомненно. смеялся громче всех. Его самый известный помощник, Безумный Фоккер, смеялся тоже. Его пронзительный хохот пугал его бессильных жертв, когда он грабил их. Этот хохот стоял в их ушах до самого появления полиции, когда они бессильно наблюдали, как бандит улетает вдаль на своем маленьком юрком триплане.

Фоккер был психом. Все соглашались с тем, что он сумасшедший. Кто, если не сумасшедший, будет приземляться на улице города после того, как выкосил на ней всех из пулемета, бежать в банк, грабить его и улетать, не поднимаясь выше уровня крыш? Кто еще будет стрелять по автомобилям полиции штата и вертолетам просто ради удовольствия?

Затем была заварушка на Лондонском мосту[40]. Фоккер запихал записку в бумажный мешок для лошадиного навоза, а затем бросил его на голову начальника полиции Феникса, штат Аризона. Записку очистили от продуктов лошадиного метаболизма и прочитали. Она гласила, что

[40] Не нужно путать со знаменитым Лондонским мостом в Лондоне. Лондонский мост в Ле́йк-Хава́су-Си́ти является историческим памятником и имеет собственную историю. К 1967 году Старый Лондонский мост, построенный из армированной каменной кладки, начал разрушаться из-за усиливающегося транспортного движения. Вместо того чтобы снести «реликвию» 1830-го года, правительство Лондона решило продать мост. Роберт Маккалоу, основатель города Лейк-Хавасу-Сити, узнал о прекрасной возможности купить мост и тем самым прославить свою небольшую общину. Мост был продан за два миллиона долларов. После Старый Лондонский мост был разобран и переправлен в Калифорнию через Панамский канал, а затем перевезен в Аризону. Затем Лондонский мост тщательно собрали, и в 1971 году он стал главной достопримечательностью городка Лейк-Хавасу-Сити.

исторический памятник в Лейк-Хавасу[41] разбомбят, если не будет выплачено два миллиона долларов. Власти сообщили Блимпу и его подельникам, нецензурный но точный адрес, по которому им следует пойти. Ни цента не будет выплачено, переговоры неуместны. На Лондонском мосту были установлены зенитные орудия и радиолокационное оборудование. Самолеты Воздушной гвардии были подняты в небо по тревоге. Полк Национальной гвардии, вооруженный самонаводящимися ракетами, дополнял картину. Власти дали отмашку на последний и решительный бой.

Две недели прошло, ничего не случилось. А когда пришла третья неделя, во время ливня, Безумный Фоккер атаковал. Он шел на бреющем полете, над самой поверхностью озера, в дождь, так что радары были бессильны. Перед мостом он рванул вверх и скинул на него какой-то пакет, а затем вновь снизился к самой воде, чтобы раствориться в потоках ливня. Пакет раскрылся белым цветком, изрыгая пламя. Само это пламя мосту повредить не могло. Но, как назло, на горящий термит великолепно навелись самонаводящиеся ракеты стражей порядка, попутав его жар с мотором триплана. И эти ракеты разнесли мост в клочья. А на следующий день мешок коровьего навоза рухнул с небес на ступени Капитолия, обрызгав своим содержимым поднимавшегося по ним губернатора. Помимо ценного удобрения, мешок содержал записку:

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ПЛАТИТЕ ВОВРЕМЯ!
НЕ НАДО МУХЛЕВАТЬ!

Думая об этих событиях, Сильвер посмеивался про себя. Он стоял на мостике АЦ-8, в середине второй собачьей вахты[42]. Перед ним в кресле, перед пультом управления, сидел рулевой Честер. С важным видом, рулевой, покуривая сигарету, созерцал многочисленные экранчики, шкалы и циферблаты. Хотя, конечно, не он вел цеппелин. Воздушным гигантом, как правило, управлял бортовой компьютер. Помимо консоли управления, перед ним было изогнутое остекление мостика. Мостик размещался не в подвесной гондоле, как на

[41] Ле́йк-Хава́су-Си́ти — город в округе Мохаве (Аризона, США).

[42] В английском флоте «собачья вахта» — полувахта с 16 до 18 часов и с 18 до 20.

дирижаблях старого типа, а был смонтирован прямо в корпусе воздушного корабля, чуть ниже носа.

Впереди и ниже раскинулась ночная Аризона. Вскоре должны были показаться огни Феникса. Цеппелину предстоял финальный отрезок пути к ангару.

Небо было чистое. Рева двигателей правого борта не было слышно, ничто не мешало рулевому мурлыкать песенку себе под нос. Радар сообщил, что была буря в сорока милях к северу, но воздушный корабль обгонял ее. К тому моменту как она окажется здесь, дирижабль будет уже в ангаре.

Цеппелин компании АКМЭ — знаменитой на весь мир «Американской Корпорации Могущей Это»[43] с грузом и пассажирами на борту лениво полз по ночному небу. Атомный котел в его свинцовом кожухе, надежно спрятанный в середине корпуса, бесшумно превращал уран в электричество и радиоактивные отходы, даруя кораблю движение, тепло и свет.

Грейхарт Сильвер, первый помощник капитана АЦ-8, был доволен, а возможно, даже счастлив. Он хотел быть воздухоплавателем с тех пор, как впервые прокатился на дирижабле. Тогда ему было десять, теперь ему было тридцать. Через несколько лет он будет иметь право положить свою руку на капитанский рычаг управления.

Это было нелегко. Его родители умерли, когда ему было семнадцать лет, и ему пришлось получить стипендию футболиста, чтобы окончить УКЛА [44]. По его окончании он отклонил предложение играть в профессиональный футбол и поступил в Академию Воздухоплавания компании АКМЭ во Фридрихсхафене, в Германии. Через три года у него на руках был офицерский патент третьего помощника. Теперь, шесть лет спустя, он был в одном шаге — правда, очень длинном — от звания капитана.

---

[43] Корпорация «АКМЭ» - корпорация из мультфильма «Хитрый Койот и Дорожный Бегун», аналог конторы «Рога и Копыта» *(Прим переводчика.)*.

[44] Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (принятое сокращение УКЛА — Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе) — государственный исследовательский университет, расположенный в городе Лос-Анджелес в штате Калифорния, США. Вошёл в систему государственных университетов в 1919 году, став вторым кампусом общего назначения в системе Калифорнийского университета.

В настоящее время он думал о доме. Это была маленькая и дорогая квартира в Гранд Хохокатам тауэр[45]. Его невеста, госпожа Лесси Гроув, с которой он разделял квартиру, вероятно, прямо сейчас кормила его птиц. Затем она приготовит ужин для него, и они лягут спать пораньше. Он должен был подняться в шесть утра, чтобы прибыть на борт АЦ-8 в семь, за час до вылета в порт Пасадены.

Сильвер с удовольствием представил себе, как его невеста, прекрасная блондинка, носится по квартире. Она, может быть, даже стирает пыль с большого портрета одного из его великих прапрапрапрапрадедов. Этот портрет был написан в 1772 году Джоном Синглтоном Копли[46] и, помимо его сентиментальной ценности, стоил шестьсот тысяч долларов. На портрете был изображен высокий старик с большой головой и широким лицом. На старце был белый парик, предок был одет в бархат и кружева. Лицо было строгим, но добрым, и он не выглядел головорезом. Тем не менее семейная традиция утверждала, что он был пиратом, который бежал с судна, доставлявшего его в Англию для судебного разбирательства и неизбежного повешения[47]. Он появился в Нью-Йорке с сумкой гиней (без сомнения ,украденных), и в короткое время стал богатым. Источником его богатства была контрабанда. Выгодно женившись на молодой вдовушке крупного чиновника, предок Сильвера преумножил капитал. Во время революции он окончательно разбогател путем все той же контрабанды, которая была в то время одобрена американскими властями.

Вдоль стены размещалась целая галерея из дюжин других картин и старинных фотографий — летопись рода. Од-

[45] Дословно — Великая Хохокамская башня. Типичное название для небоскреба. Судя по названию, выполненное в стиле хохокамской культуры. Хохокам — крупная доколумбова археологическая культура, существовавшая на юго-западе США (пустыня Сонора), частично затрагивавшая также территорию современной Мексики. Существовала с 1 по 15 вв. н. э. Культуру идентифицировал в 1930-е гг. как отличную от соседних археолог Гарольд Глэдвин, который использовал название из языка индейцев оодхам для обозначения археологического памятника, который он раскапывал в долине Нижней Хилы. Жилое сооружение хохокам обычно представляло собой постройку в виде заглубленного примерно на 40 см в землю прямоугольного или квадратного дома.

[46] Джон Синглтон Копли (1738 —1815) — американский и английский художник XVIII века, мастер портретной и исторической живописи.

[47] Вероятно, это одноногий Сильвер собственной персоной — персонаж Роберта Льюиса Стивенсона из романа «Остров сокровищ» *(Прим. переводчика.)*..

ним из еще более выдающихся предков Сильвера был Томас Джефферсон[48]. Грейхарт вел линию родства с ним через Салли Хемингс, домработницу-квартеронку Джефферсона[49], и через приемную сестру умершей супруги Джефферсона.

Рядом с президентом разместился прапрапрадедушка, великий воин Безумный Конь[50].

Завершало галерею фото деда, знаменитого охотнка за головами времен Старого Запада. Фотография, сделанная, когда дедуле был примерно тридцатник, изображала красавца с черными волосами, с треугольными клинышками седины, напоминающими маленькие рожки, над висками.

Но на фоне своих героических предков Сильвер не ощущал ни капли неполноценности. Пусть он не был пиратом, наводящим ужас на испанцев, президентом США, величайшим военачальником краснокожих или самым быстрым стрелком Запада, у него был свой путь. Он был близок к достижению своих целей, а его профессия продолжала радовать его и очаровывать его душу.

Когда молодой наследник этого славного рода, отвлекшись от своих мыслей, обернулся, перед ним предстала картина, начисто разрушившая его радость и самодовольство. У входа на мостик цеппелина стоял призрак.

Это был пожилой человек в красно-белой полосатой куртке, малиновых бархатных рейтузах и одном огромном ботинке с серебряной пряжкой. Его каштановые волосы были собраны

[48] То́мас Джэ́фферсон (1743 — 1826) — видный деятель Войны за независимость США, один из авторов Декларации независимости (1776), 3-й президент США в 1801—1809 гг, один из отцов-основателей этого государства, выдающийся политический деятель, дипломат и философ эпохи Просвещения. Основными событиями его президентства, успешного для страны, были покупка у Франции Луизианы (1803) и экспедиция Льюиса и Кларка (1804—1806).

[49] Сара «Салли» Хемингс (ок. 1773 — 1835 (точные даты неизвестны)) — рабыня-квартеронка, горничная, гувернантка и любовница 3-го американского президента Томаса Джефферсона. По результатам анализа ДНК Джефферсон оказался отцом по крайней мере одного из восьми её детей, которые появились на свет в поместье Монтичелло, а именно Мэдисона Хемингса. Отцом других детей мог теоретически быть и брат Томаса, но это маловероятно. На основе этих данных и исторического анализа большинство историков сегодня полагают, что все дети Салли были детьми Томаса Джефферсона.

[50] Безумный Конь, имя сиу Та-сунко-витко (1842 — 1877), сиу-вождь племени Оглала, сыграл важную роль в сопротивлении племени сиу вторжению белого человека на север Больших Равнин.

в хвост. Полупрозрачная фигура стояла, опираясь на костыль, чтобы компенсировать отсутствие левой ноги. Большой зеленый попугай сидел на плече и кричал что-то, безмолвно, но явно матом. Призрак, зловеще ухмыляясь, чиркнул себя пальцем по горлу и исчез.

Сильвер видел такие явления и раньше. Иногда это был Джон Сильвер. В других случаях это были его индийская бабушка, или Безумный Конь, или его дед — Сильвер Сильверхорнс, стрелок, или Салли Хемингс. Он не знал, почему Томас Джефферсон никогда не появлялся. Поначалу Сильвер думал, что это обычные призраки, и полагал, что президент слишком занят даже на том свете, чтоб отвлекаться на такую ерунду, как явления своим потомкам. Он передавал свои предупреждения через Салли, используя ее, как девочку на побегушках. Позже Сильвер понял, что эти фигуры не могут быть призраками в обычном смысле слова. Во-первых, по-прежнему его бабушка была живее всех живых, что не мешало ей являться ему в составе этой достославной компании. Следовательно, они являлись символами, проекциями его подсознания. Они имели какой-то смысл, подсказывая ему, что ситуация начинает пахнуть жареным. Его сознание не обнаруживало опасности, но подсознание за милю чуяло беду и использовало образы предков, чтобы предупредить его.

Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, что свет на консоли начинает мигать красным, и услышать тревожное жужжание зуммера.

— Радар! Что за хрень он показывает? И почему сброшен трос? — спросил он, удивленно и встревоженно.

— Не знаю, сэр! Какая-то метка на встречном курсе! — Честер столь же удивленно пялился в экран

— Надо разобраться, — объявил Сильвер. Он шагал к консоли, щелкнул переключателем и сказал:

— Тросовая команда! Что происходит?!

— Это небольшой самолет, сэр, — ответил Честер, сверившись с приборами. — Летит прямо на нас.

— Увеличить ихзображение, — приказал Сильвер. На другом экране изображение на экране радара стало небольшим одноместным самолетом с тремя парами крыльев.

— Безумный Фоккер! — Честер побледнел от ужаса.

Сильвер ничего не сказал, но теперь он знал, почему появился Старый Джон Сильвер, почему тросовая команда не ответила, что случилось с пропавшими дирижаблями компании! Пираты! АЦ-10 и АЦ-15 угодили в такую же передрягу: пассажиры, которые, на самом деле, были пиратами из банды Блимпа, захватили ключевые посты, сбросили причальный трос вниз. Фоккер цеплял свой самолетик к причальному тросу, предатели втягивали его на борт, экипаж был связан, а деньги и ценные вещи пассажиров были изъяты, наряду с наиболее ценным грузом. АЦ-10 был вынужден совершить посадку, но АЦ-15 был ограблен прямо в воздухе...

Трое мужчин в масках, размахивая автоматическими пистолетами, ворвались на мостик. Две минуты спустя Честер и Сильвер были привязаны к стульям, спеленаты так крепко, что выглядели, как мумии. Их рты и глаза были также завязаны, но они могли слышать, о чем разговаривают грабители. Сильвер заставил себя подавить ярость, которая заставляла кровь громогласно стучать в висках, и внимательно слушать, но его постигло разочарование. Голоса пиратов не поведали ему ничего нового. Проскальзывало время от времени обращение к Блимпу Керендлелу. Однако знание того, кто именно напал, помочь не могло.

Вдруг раздался взрыв безумного, маниакального хохота. Хохот перешел в крик, чьи-то руки сорвали с глаз Сильвера повязку. Перед ним стоял человек среднего роста, в маске, носящий шлем, очки и мундир летчика-офицера АЭК[51] времен Первой мировой войны. Руки незнакомца, грубые и корявые, в пятнах ожогов, были покрыты выступающими венами. Под толстыми стеклами очков-консервов прятались большие водянистые глаза.

— Zo, schweinhund[52]! Предатель! Вы работаете на гуннов; Вы летаете в ваш gottverdamt Luftschiff[53] над северо-

[51] Американский экспедиционный корпус. Часть Вооруженных сил США, переброшенных в Западную Европу на заключительном этапе Первой мировой войны для боевых действий против германских войск. 2 апреля 1917 г. США объявили войну Германии, а 26 июня 1917 г. войска под командованием генерала Першинга начали высадку во Франции.

[52] Ага, свинопес! *(искаженный немецкий).*

[53] Проклятый дирижабль *(искаженный немецкий).*

восточными приатлантическими штатами США! — прокричал другой пират, судя по всему сам Блимп Крендлел, истерично, жутко коверкая английские слова, мешая их, с немецкими.

Пират отвесил Сильверу пощечину. Тому удалось сдержать ярость, хотя несколько слез скатилось из глаз и пот выступил на спине. Экипажи предшествующих дирижаблей пробовали драться, но это никому не помогло, лишь разъярило и без того беспощадных негодяев.

Теперь красноречием решил блеснуть сам Фоккер:

— Я провел юность на службе моей стране, и что я получил в награду? Они подавили мое «я», изолировали, дискредитировали... Эти сволочи были настолько скрытными и дотошными, изучая мои бумаги, половину которых потеряли! Они сказали, что я не могу даже получить их гребаную ничтожную пенсию! И меня упекли в психушку! Меня... того, кот спас страну, мир от величайшей опасности своего времени! Меня заперли с психами! Позор!

Выплеснув свою яость на Сильвера, Фоккер буркнул неразборчиво пару слов Крендлелу. Затем на глаза Сильвера вновь надели повязку.

Он не мог видеть, что происходит, но позже события были реконструированы. АЦ-8 был захвачен. Станции наблюдения, разумеется, обнаружили и триплан, и странные маневры дирижабля и уведомили власти. Вертолеты покинули штаб-квартиру полиции штата и Аэродром Люка[54], но к тому времени как они прибыли, бандиты смылись. Цеппелин лежал в дрейфе, его компьютер был отключен, пассажиры заперты в каютах, экипаж связан.

На высоте тысячи футов, Безумный Фоккер отцепил вой самолет и умчался, а дирижабль беспомощно повис на пути бури. Несколько минут спустя ветер ударил по воздушному кораблю. Природные силы расшвыряли вертолеты, которые, впрочем, в любом случае были не способны эвакуировать экипаж и пассажиров с дрейфующего цеппелина.

---

[54] База ВВС Люка (Аэродром Люка) — военно-воздушная база Соединенных Штатов, расположенная в 11 км к западу от центрального делового района Глендейла в округе Марикопа.

Баллонеты[55] дирижабля, продырявленные руками пиратов, быстро теряли гелий. АЦ-8 с высоты пятисот метров рухнул на склон горы. Сильвер услышал адский скрежет ломающегося корпуса. А потом он потерял сознание.

Глава 2

Следователи корпорации, ЦРУ, ФБР, полиция и журналисты пришли и ушли. Боль осталась. Через некоторое время боль в культе левой ноги, казавшаяся нестерпимой, стала привычной. Но боль от осознания собственной неполноценности, факта превращения в калеку никуда не делась. Она преследовала Сильвера даже во сне: он сидел на тротуаре и протягивал шляпу прохожим, кидавшим в нее мелочь, в то время как какие-то красотки хихикали, подглядывая за ним из-за угла. А затем он был арестован за попрошайничество без лицензии.

Лесси посетила его три раза. Она много плакала, но, очевидно, слезы были вызваны перспективой выйти замуж за одноногого инвалида. «Почему это происходит со мной?» — читалось в ее взгляде.

— Я чувствую, как тебе больно. Я отпускаю тебя. Увы, нам нет смысла быть вместе. Ты любила только мое тело, Лесси. Я был просто красивым лицом, парой больших ног и остальным, о чем не принято говорить. Во всяком случае, теперь я разглядел, насколько мелкими были твои чувства. Я не хотел признаваться, но в конечном итоге разлюбил тебя. Ты свободна, уходи и будь счастлива!..

Он лгал. Он не видел, что она натура тонкая, как обшивка дирижабля. Он был слишком погружен в собственные чувства.

— Я пойду. Думаю, так будет лучше для тебя, — вздохнула она, смахнув слезу, и вновь засияв лучезарным макияжем. Она выглядела обольстительной куклой. Куклой без сердца, набитой опилками. — В любом случае у тебя есть

[55] Баллоне́т — небольшой внутренний газонепроницаемый отсек, находящийся между газовой и внешней оболочкой дирижабля. В дирижаблях мягкой и полужёсткой систем неизменяемость внешней формы достигается избыточным давлением несущего газа, постоянно поддерживаемым баллонетами — мягкими ёмкостями, расположенными внутри оболочки, в которые нагнетается воздух.

медицинская страховка, и компания выпишет тебе хорошую пенсию. Тебе не придется работать для того, чтобы выжить, — сухо подытожила она.

— И я до сих пор мужчина, даже если остаюсь один. И вполне разумный. Это больше, чем ты когда-либо имела или будешь иметь, — ответил он.

— Да пошёл ты... — Лесси выругалась и выбежала. Сильвер не был подавлен. Вместо того чтобы впасть в меланхолию, он рассердился. Его врач сказал: «Здоровая реакция». Депрессия — гнев. напаравленный на себя. Лучше проецировать его на других, особенно, если они заслуживают того, как Лесси.

— Ты хороший врач, док, — подытожил Сильвер.

Когда же он узнал, что «хороший врач» сейчас встречается с Лесси, он изменил о нем свое мнение. Но решил, что хороший врач вполне может быть гнилым человеком.

— Любовь не страдает от этики. Эрос пускает стрелы, где вздумает, а у беззащитных смертных нет щитов, — пытался оправдаться доктор Ронгвон.

— Мне кажется из вас вышел бы хороший юрист, док, настоящий адвокат дьявола, — заверил его Сильвер.

— Шутите... Хороший знак. И вот хорошая новость. На следующей неделе мы начинем установку протеза ноги.

— Он пригодится мне, чтобы как следует пнуть вас, — саркастично заметил Сильвер. Доктор, смеясь, вышел. Сильвер швырнул в него пепельницу и испортил идиллию. Медсестра тоже сказала, что это здоровая реакция.

— Что насчет некоторых здоровых стимулов? — спросил Грейхарт. Медсестра, среднего возраста, но красивая, игриво ответила:

— Вы хотите меня в роли Иокасты[56] в вашем «Эдипе»[57]?

---

[56] Иокаста (Эпикаста) — в древнегреческой мифологии царица Фив, дочь Менекея и сестра Креонта. Жена Лая и мать Эдипа, после гибели Лая — жена Эдипа. Не зная о судьбе своего сына Эдипа, вышла за него замуж. Когда стало известно её родство с Эдипом, повесилась или закололась.

[57] Эдип в древнегреческой мифологии — царь Фив, сын Лая и Иокасты. действующее лицо трагедии Эсхила «Эдип», его сатировской драмы «Сфинкс»; трагедий Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне», трагедий Еврипида «Эдип»[27] и «Финикиянки», трагедии Мелета Младшего «Эдиподия», трагедий Ахея Эретрийского, Ксенокла Старшего, Никомаха, Никомаха Афинского, Филокла Старшего, Диогена, Каркина Младшего[28], Феодекта, Тимокла и неизвестного автора «Эдип», двух трагедий Ликофрона «Эдип», комедии Евбула «Эдип», трагедии Цезаря «Эдип» и Сенеки «Эдип».

— Все это слишком заумно! Нет, я не ищу образа матери или инцеста. Я просто хочу любви. Может быть, я хочу доказать, что я все еще мужчина, тоже. Это вас оскорбляет?

— С тех пор как мой муж умер два года назад, ко мне не приставал никто, кроме старых развалин. Ты не похож на развалину. Почему бы и нет?

— Мало не покажется, — пообещал Грэйтхарт.

— Увидимся после полуночи. Старшая сестра ночной смены — моя подружка и очаровашка, мешать нам не станет. Но ты, возможно, сам западешь на нее. Она положила на тебя глаз, — сказала сестра, прощаясь.

— Чем больше, тем лучше, — сказал Грейхарт, и медсестра вышла, смеясь.

Счастье оказалось недолгим. Сразу после завтрака на следующий день два полицейских детектива вошли в палату. Они не стали ходить кругами,сразу перейдя к сути вопроса.

— Ваша квартира была взломана и ограблена прошлой ночью.

Кража со взломом была обнаружена, когда управдом заметил, что дверь в квартиру Сильвера приоткрыта. Он сообщил об этом в полицию. Картины были украдены, фотографии порваны, мебель разломана, птицы выпущены на волю.

Грейхарт застонал и сказал:

— Думаю, следует задать пару вопросов госпоже Лесси Гроув.

Лесси, однако, имела идеальное алиби, если ее подруга не лгала. Сильвер считал, что та лжет, но не было никакой возможности доказать это.

Окончательным ударом стало открытие, что срок страхования имущества истек накануне кражи. Он оставил деньги Лесси, чтобы сделать платеж, продлевавший страховку, она не сделала это, без сомнения. найдя зеленым бумажкам лучшее применение.

«Что еще может случиться?» — спрашивал он себя.

Он узнал это после обеда, когда президент американского отделения АКМЭ посетил его. Господин Микобер излучал дружелюбие, но маленькие глазки над большим носом смотрели зло и хитро, являя полную противоположность его дружелюбным улыбкам и приветливым жестам. Господин Бендт

Микобер был сыном основателя АКМЭ, иммигрантом из Австралии, который начал бизнес почти с нуля. Корпорация специализировалась на ловушках для ловли кукушки-подорожника, Дорожного Бегуна[58], но поскольку ни в одну из этих ловушек ни разу не удалось поймать ни одной птицы, компания оказалась на грани банкротства. Затем Микобер-старший получил кредит, по слухам, благодаря мафиозным связям, и начал заниматься кучей других вещей. Когда он умер, то оставил миллионы единственному наследнику. Господин Микобер-младший владел многими предприятиями, но компания АКМЭ-»Цеппелин» была его гордостью, главной отрадой его сердца, если не считать его дочери. Это был он, тот, кто настоял на том, чтобы символом АКМЭ стала стилизованная кукушка-подорожник. Это было сделано, вероятно, для того чтобы проиллюстрировать скромное начало его бизнеса. Каждый из его дирижаблей теперь был украшен громадными изображениями лупоглазой птахи. И та пялилась на мир с лопастей вертикального стабилизатора каждого из цеппелинов АКМЭ.

Господин Микобер, который никогда никуда не ходил просто так, колобком вкатился в палату. С ним были его вездесущие телохранители и его красотка-секретарша с волосами тицианова цвета[59].

— Не надо вставать, мой мальчик. Мы не на церемонии, — проворковал господин Микобер.

Сильверу слова начальства показались напыщенно-высокомерными, но рядовые сотрудники не возражают самому великому Микоберу:

— Как дела, сынок?

Сильвер открыл рот, чтобы ответить, но господин Микобер, не дожидаясь ответа, начал вещать:

— Ужасно, ужасно! Двести миллионов долларов я потерял, когда AZ-8 разбился! К счастью, у нас есть страховка и в любом случае нет смысла плакать над «убежавшим» молоком.

Грейхарт не мог больше сдерживать себя. Он воскликнул:

— Я бы не сказал, что сотни погибших и пятьдесят тяжелораненых относятся к категории «пролитое молоко»!

---

[58] Герой серии мультфильм «Хитрый Койот и Дорожный Бегун».

[59] Золотисто-каштановый (особенно о волосах, как на полотнах Тициана).

— Они были застрахованы, — возразил господин Микобер. — Надо воспользоваться исторической точкой зрения на такие вещи, не говоря уже о финансовой и налоговой. Все мы вышли из праха и в прах обратимся, такова наша природа, как статистических единиц. Не все ли равно - раньше или позже? — продолжал он. — В любом случае, мой мальчик, я здесь не для обсуждения философии — не время и не место для всего этого. Мы читали доклад о пиратах, и хотелось бы знать, сынок, есть ли в этих отчетах правда?

— У вас есть мои показания. Я сказал правду. К чему эти вопросы?

— А вот к чему, мой мальчик. Когда ты стал офицером АКМЭ-«Цеппелин», ты принял присягу, поклялся защищать свою честь, честь компании и соблюдать ее интересы, принимая их близко к сердцу...

— Я не забыл своих клятв! И я помню текст своей присяги. Могу процитировать его наизусть...

— А суть ты понимаешь, мой мальчик? Суть! Дело в том, что мы рассматриваем прискорбный факт пиратского нападения на АЦ-8 и вопрос о том, что можно было бы сделать, чтобы отбить это нападение. Если для АЦ-10 у нас есть оправдания, то они принимаются, хотя их не так много, заверяю! Но нет никакого оправдания для АЦ-15 с того момента, как они были предупреждены, дважды! Они были вооружены! Как что капитан АЦ-15 был уволен... — Микобер фыркнул.

— Я думал, что он ушел в отставку, — пробормотал Грейхарт.

— Так объявили для того, чтобы успокоить общественность, мой мальчик. Пиар, знаешь ли, — основа бизнеса. Нет, сынок, он был уволен, но он получил пенсию. Компания имеет сердце, поверь. Кроме того, он бы подал иск, если бы он не получил ее. Но в твоем случае дело обстоит иначе. Ты был офицером, когда произошло это прискорбное происшествие, и так...

— Капитан отвечает, находится он на мостике или нет...

— Не перебивай, сынок. Капитан мертв, как ты знаешь, и поэтому ты, как капитан ex tempore[60], обязан был взять на

[60] Экспромтом, импровизированно.

себя ответственность. А капитан, который позволяет его так легко ограбить, это не капитан, сынок.

— Я не могу поверить в то, что слышу это. Капитан погиб после того, как судно было захвачено. Я никогда не был даже старшим офицером. Кроме того, что я мог сделать? — воскликнул Сильвер.

— Ты мог бы опознать бандитов, выдававших себя за пассажиров и членов экипажа. И если даже это не представлялось возможным, ты мог бы оказать сопротивление. Но мы не выдвигаем наших обвинений... Что у вас? Готовы? — Менеджер вопросительно взглянул на секретаршу, державшую магнитофон. Та кивнула, и господин Микобер продолжил: — У нас нет обвинений, но есть доказательства сговора и соучастия.

— Заткни свою вонючую пасть, ублюдок! — Грейхарт уже не соображал, что говорит, сорвавшись в омут бессильной ярости и гнева.

— Хороший офицер никогда не теряет самообладания! В любом случае ты уже не сотрудник АКМЭ-«Цеппелин». Одного факта инвалидности достаточно. Одноногим не место в офицерском летном составе. Ты знаешь правила. Что касается офисной работы, мы думаем, сынок. Доверие, это все, доверие и лояльность, и пока мы не предъявляем никаких официальных обвинений. Хотя поводов, для того чтобы подозревать тебя в неблагонадежности, предостаточно. Кроме того, ты только что оскорбил меня, что является достаточным основанием для увольнения, — Микобер уже не говорил, а пафосно и грозно вещал.

— Вы обвинили меня в серьезном преступлении без малейших доказательств! Это безумие! Это клевета! — бушевал Сильвер.

— Тебе не хватает здравого рассудка, а также ноги. Никто не смеет перечить Микоберу, сынок. Итак, прощай. Но не беспокойтесь о своих больничных счетах или протезе ноги. Компания выполняет свои обязательства...

Микобер выкатился надменным колобком, его секретарша выпорхнула следом.

Глава 3

— Вы не получили никакой поддержки, извините! — объявил адвокат.

— Выходит, старый хрыч победил?

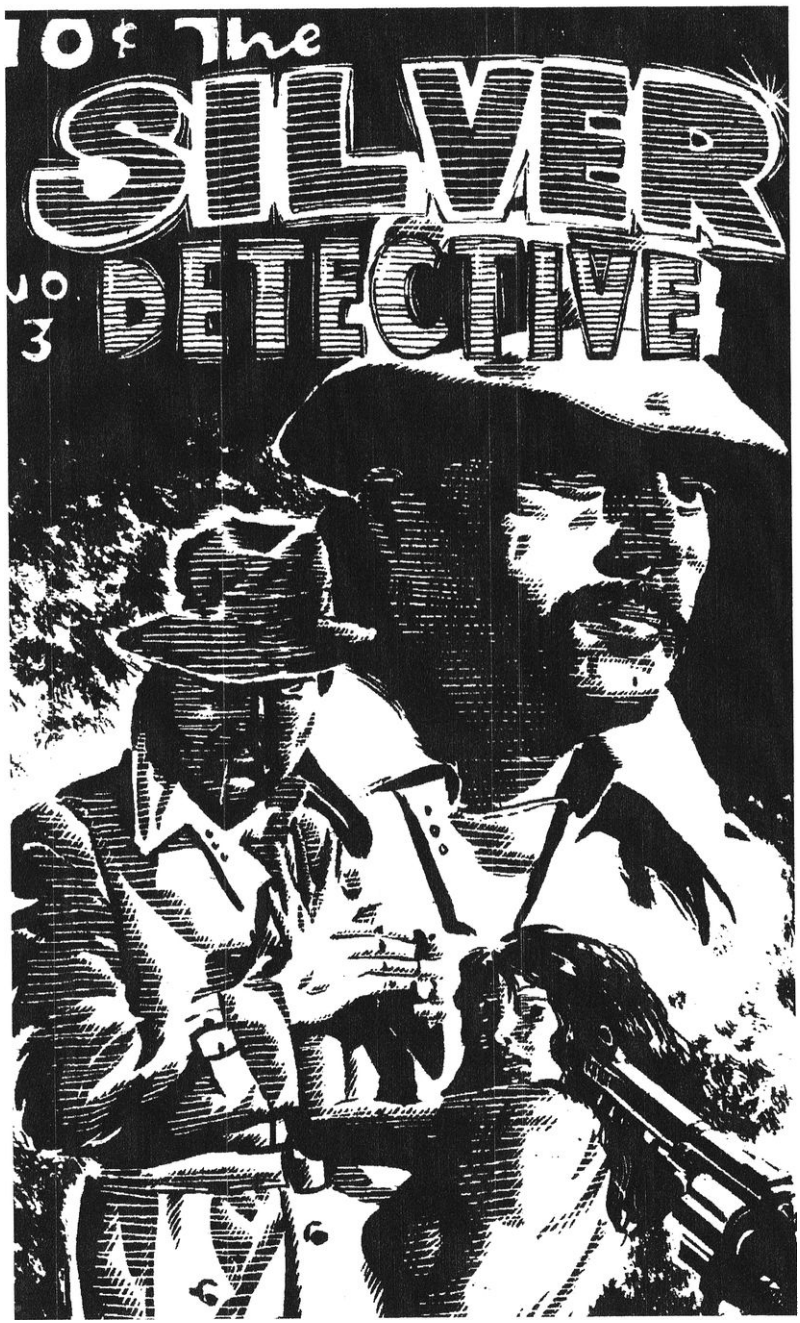
— Мы должны довести дело до Верховного суда, — заверил Сеймур Шистер. — Сомневаюсь, что компании придется нанять вас обратно. Вы имеете определенную физическую инвалидность, которая может помешать вашей способности управлять судном и поставить под угрозу безопасность ваших пассажиров. Что касается обвинений, у Микобера нет необходимых свидетелей. Старик сбрендил, и он думает, что все кругом наглые сволочи, потому что он сам из такой породы. Но соображает он на все сто. Он сумасшедший, но хитрый, как койот. Нет, у вас нет шансов. Что еще хуже, вы не сможете устроиться на другой дирижабль линии как оперативный сотрудник. Они имеют такое же правило относительно инвалидности. Кроме того, хотя и нет никакого способа доказать это, но они боятся черной метки от Микобера. Честный бизнес, мать его... Впрочем, вы и сами знаете.

— И все потому, что я не совершил самоубийства, кинувшись в одиночку на банду. Ненавижу эту кучу мошенников, ненавижу Лесси. Но я ненавижу Микобера еще сильнее, — мрачно пробурчал Сильвер.

— Ненависть в карман не положишь, — хмыкнул адвокат. Он встал, пожав на прощание руку Грейхарту, и добавил: — Извините, я не могу сделать что-нибудь для вас. И кстати, что вы намерены делать?

— Ну, в футбол теперь я играть не смогу, — мрачно усмехнулся Сильвер, а затем пошел к окну. Он равнодушно окинул взглядом пейзаж, мрачный, как его будущее. Скалы, кактусы и гремучие змеи.

Сильвер повернулся и пошел назад, очень медленно, потому что всего неделя прошла после того, как он получил новые, электронные ноги. Он стал бродить по палате, пересекая ее из конца в конец. В десятый раз пройдя из конца в конец палаты, он остановился. В палату зашел человек с клеткой. В клетке сидели два огромных ворона.Человек озирался по сторонам, вертя в руках документ о доставке.


10¢ The
SILVER
NO. 3
DETECTIVE

— Поставьте клетку на стол, — Сильвер взял бумагу, чтобы расписаться.

— Вы, кажется, не удивлены, — заметил вошедший.

Грэйтхарт засмеялся и ответил:

— Нет. Моя бабушка написала мне, что посылает их. Она слишком стара, чтобы приехать и увидеть меня. Ей уже сто один год.

— Она живет в индейской резервации? — удивился посыльный.

— Бабушка моя — чистокровная сиу. Я жил у неё во время летних каникул. Было очень весело. Я играл с детьми индейцев, и они научили меня говорить на языке сиу. А бабушка научила меня птичьему языку. — Видя, как брови посыльного ползут вверх, Сильвер продолжал: — Бабушка была колдуньей. По крайней мере она так утверждала. Она умела говорить с птицами, и утверждала, что это ее дар. Ее дом был полон птиц, и птицы всегда вились вокруг нее. Неудивительно, что она была частенько покрыта белыми пигментными пятнами. — Грэйтхарт улыбнулся своим воспоминаниям.

— Вам придется держать птиц в клетке. Если вас не выпишут, вряд ли вам разрешат выпускать их, — озабоченно отметил посыльный.

Грэйхарт нежиданно хрипло каркнул. Вороны каркнули в ответ.

— Что они сказали? — ухмыляясь спросил посыльный.

— Цитата. «К черту правила». Конец цитаты.

— Ну, я пошел, — вздохнул посыльный.

Сильвер открыл клетку, и большие глянцево-черные птицы сели ему на плечи, и одна мягко клюнул ухо.

— Ну и как мне вас звать-величать? Ваши старые имена оставим в прошлом. Как насчет Хугин и Мунин? Вы вполне подойдете на роль разведчиков и советников великого Одина! — тихонько нашептывал воронам Грейхарт. Птицы хрипло каркнули, судя по всему, выражая свое согласие. Сильвер довольно усмехнулся. — Нравится?.. А теперь обратно в клетку. Мы будем соблюдать правила до тех пор, пока я научу эту ногу работать, а затем мы выйдем отсюда, и поиграем нашим правилам!

Вороны каркнули дважды и залетели обратно в клетку. Сильвер даже не удосужился закрыть дверцу.

Месяц спустя бывший воздухоплаватель сидел в офисе менеджера филиала службы безопасности АКМЭ в Фениксе.

— Добро пожаловать на борт, пью за новое начало вашей карьеры, — господин Спуд поднял бокал. Они с Грейхартом опрокинули по бокалу янтарного бурбона из Кентукки. Господин Спуд был, как всегда, несколько напряжен. Возможно, это объяснялось отсутствием безопасности в его собственном кабинете. Так что Сильвер без труда обошел защиту и взломал компьютер шефа безопасности, чтобы слегка подкорректировать свое личное дело. Когда секретарь господина Спуда ввела запрос для проверки данных Грейхарта на следующий день, она получила полное подтверждение. Центральный компьютер в Нью-Йорке ответил — или, ей так показалось, — что личное дело Сильвера безупречно, и что господин Микобер лично одобряет его новое назначение.

— Да, парень, не повезло тебе с ногой! Но, видно, боссу ты пришелся по сердцу, раз он так за тебя хлопочет! Придется взять тебя, чтобы самому не вылететь! — пробормотал господин Спуд как бы себе под нос, знакомясь с досье Сильвера. — Обычно мы не нанимаем инвалидов, но, черт возьми, вы действительно можете работать с этой электромеханическо чудо-ногой. И эти птицы! Мегафишка! Кто нибудь будет думать о тайных агентах, глядя на чудика с парой воронов? Никто не будет подозревать, что вороны фотографируют и передают их разговоры! Круто?

— Ага, — хмыкнул Сильвер.

— Я отправлю вас под начало Фенвика Фуомбли. Он — старый перец, старше, чем он говорит. Волосы можно покрасить, но меня косметикой не проведешь! Однако он отличный оперативник, хотя вы можете найти его немного эксцентричным. Во всяком случае, выпьем за вас и за него, и за отдел безопасности АСМЭ, за нас, за ОБ, кого иногда зовут «Образцом сотрудника безопасности», а иногда зовут «ОБезьянами» и «ОБормотами»!

— За закон и порядок! — поддержал его Грейхарт. И выпил.

А потом Сильвер тренировался с Фуомбли два месяца, прежде чем получил место младшего агента. К тому времени Грейхарт, который быстро схватывал новое, освоил больше чем азы мастерства расследования. Опыт научил его многому — час баек старого Фуомбли стоил десятка лет практики.

Фуомбли был очень высок и несколько сутул, чего и надо было ожидать от человека, которому со дня на день стукнет девяносто. Он был наполовину глух, но слишком горд, чтобы носить слуховой аппарат. Его макияж почти скрывал морщины, и его огромный изогнутый нос не портили вены, за исключением нескольких прожилок. Его глаза за толстыми трифокальными линзами горели, как если бы ему было всего двадцать лет. Он казался молодым, лишь хриплое дыхание и надтреснутый голос выдавал его возраст. В таких случаях он доставал из кармана фляжку образца 1920-х годов и опрокидывал ее со словами:

— Для голоса тоже нужна смазка.

Если фляжка оказывалась пустой, Грейхарт исправлял положение. Полости в электромеханической ноге прекрасно подходили для того, чтобы прятать в них выпивку, бутерброды и колбасу. Они могли использоваться и для других целей, конечно. Но выпивка и закуска — это святое.

— Грейхарт? Большое Сердце? Индейское имя, без сомнения, от бабушки сиу? — спросил как то Фуомбли.

— Так все и думают. А на самом деле — это имя британского происхождения, и оно было дано мне моим отцом. Он был заядлым читателем, и его любимой книгой была «Путешествие пилигрима в Небесную страну» Джона Баньяна[61]. Он назвал меня в честь персонажа этой притчи. Так звался тот, кто помог жене и детям христианина, после того как христианин оставил их, — ответил Сильвер задумчиво.

— Да? — старый сыщик казался удивленным. — Я пропустил Джона, хотя в детстве читал о его однофамильце Поле[62]. А после 1914 года у меня не нашлось времени для чтения. Был очень занят. Вы можете не поверить, сынок, но я слыл крутым

[61] Джон Баньян (1628 — 1688) — английский писатель, баптистский проповедник. «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (букв. «Движение Пилигрима из этого мира в грядущий мир»), написанное английским писателем и проповедником Джоном Буньяном, — одно из наиболее значительных произведений английской религиозной литературы. Первая часть была написана автором, когда он находился за свою религиозную деятельность в тюрьме, и опубликована в 1678 году. Вторая часть создана в 1684 году и опубликована в 1688 году.

[62] Пол Баньян — вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора. Самое раннее напечатанное произведение о Баньяне, которое сейчас известно, создано Джеймсом Макгилливреем в 1910 (по другим сведениям, в 1906) году.

перецем, особенно в тридцатые и сороковые. Богатым и знаменитым. Я владел золотым рудником в Центральной Америке. Мои индейские братья по крови снабжали меня золотом, чтобы я мог сражаться со Злом, которое скрывается в сердцах людей. Я действовал вне закона, потому что это был единственнымспособом добиться истинной справедливости. Я был настоящим мастером по части быстрой стрельбы. Док Рэйвидж, Арахнид, Фантом Дик и Каратель[63] были хороши, но по сравнению со мной — любители. Я, прикинь, грохнул тысячу или около того жуликов, крупных и мелких, хотя я был более гуманным, чем Арахнид. Тот убил тысячи. В самом деле, после меня, Дока и других славных парней, непонятно, откуда в Нью-Йорке вообще брались новые преступники. Но, независимо от того, сколько их отправляли в тюрьму или на суд Господа нашего, их число увеличивалось. Словно какой-то завод работал день и ночь, штампуя ворье и жулье.

— Их порождают социальные условия, — робко пробормотал Сильвер.

— Социальные условия! — передразнил старик. — Ты когда-нибудь читал Сартра? Я читал его от нечего делать несколько лет назад, когда я ещё сидел на пенсии. Каждый человек несет ответственность за свою судьбу, свой выбор, свой характер. Социальные условия являются просто гнилой отмазкой. Как ты объяснишь, откуда так много богатых мошенников, если социальные условия делают мошенников?

— Психологические условия?

— Тогда, выходит, нет никакой свободной воли. Но я знаю, из собственного опыта, что каждый человек имеет свободу воли. Я боролся, и я проиграл. Мои индейцы решили кинуть меня, и оставить золото себе. Я был разорен и слишком стар, чтобы получить работу, но я умел только бороться со Злом! Во время Первой мировой я был лучшим стрелком и шпионом... и плевать на то, что они говорили об агенте 8-шар. В первые два года войны я служил русскому царю, и он подарил мне семейную реликвию, кольцо, которое стоит тысячи.

— Где оно? — спросил Сильвер заинтригованно.

---

[63] Док Рэвидж, Арахнид, Фантом Дик и Каратель — герои-пародии на супергероев 30-х Дока Сэвиджа, Паука, Фантома и Палача.

— Я вынужден был заложить его! Когда деньги закончились, я перебивался случайными заработками. Тогда я вынужден был жить на пособие! Я, тот, кто за последние полвека сделал для этой страны и мира больше любого другого!

— Как же вы получили эту работу?

— Я сказал менеджеру, что вышибу ему мозги, если он не наймет меня. И вот, я здесь, снова в упряжке. Хватает на то, чтобы сходить в Макдональдс. Поворот судьбы! Жрать гамбургеры и биг-маки, мне, привыкшему к лучшим ресторанам Манхэттена! Мне, кто когда-то входил в эксклюзивный Клуб Кобальта!

— А вы случайно не тот самый?.. — с застенчивым восторгом начал Грейхарт.

Фуомбли расхохотался так, что от его смеха по спине Сильвера пробежали мурашки.

— Да, я единственный, кто знает все Зло, что скрыто в людских сердцах[64]!

Сильвер был потрясен и оглушен знакомством с легендарным героем.

Глава 4

В четверг в 15:41 престарелый герой вихрем ворвался в кабинет Сильвера.

— Забудь о бумажках! Мы только что получили задание! Это то, чего я ждал. То дело, по какому я тосковал десятки лет! День, которого я ждал, настал!

Старого борца за справедливость трясло то ли от волнения, то ли от старческой немощи. Или от того и другого разом.

— Где и что? — спросил Сильвер спокойно.

— Где — город Шотаут; что — банда Блимпа планирует ограбить его. И там буду я и другие, многие другие!

Грейхарт не стал выпытывать подробности. Старик всегда неохотно делился ценной информацией. Он утверждал,

[64] «Тот, кто знает Зло, скрытое в людских сердцах» — так характеризуют Тень — первого из супергероев, комиксы и радиошоу о котором появились в тридцатых годах прошлого века. Одно из имен, которыми пользовался этот герой, — Туомбли *(Прим. переводчика)*.

что подчиненные не должны знать больше, чем часть плана. Потому что если они попадут в руки врага, они не смогут много рассказать. Сильвер соглашался с тем, что в некоторых ситуациях это было хорошей политикой, но он был озадачен тем, какое отношение это правило имеет к случаям развода и неуплаты алиментов, которые были их основной работой в настоящее время.

Он и старик, собрав манатки, загрузились в автодом и покинули Феникс, отправившись на юго-восток. Городишко, куда они направлялись, Сильвер хорошо знал, — все знали, — потому что он был ареной знаменитой перестрелки Кайо Коралл. Маршалл Уоттс и его братья, Док Холидэй и Башер Мистерс в той великой разборке завалили печально известных братьев Клинтон. Городишко переживал самый разгар ежегодного празднования этого события.

Автодом был оборудован кондиционером, небольшой лабораторией, туалетом, спальными местами, коротковолновым радио, телевизором, кухней, баром и радаром. Сильвер вел машину, в то время как Фуомбли сидел в баре и бормотал о прошлых подвигах, методично напиваясь. Потом он разразился проклятиями, когда Хугин решил использовать его плечо вместо насеста.

— Если ты не уберешь своих гребаных птиц, я познакомлю их со своим 45 калибром!

— Не ругайся на них. Они уже и так знают весь набор матерных выражений! — усмехнулся Сильвер.

Фуомбли продолжал бормотать, в то время как Грейхарт пытался выяснить, что может происходить в месте назначения.

Банк в Биззард Галч, крошечном ковбойском поселке рядом с Шотаутом, был ограблен утром бандой Блимпа. Поскольку банк находился под охраной, Сильвер, как ожидалось направиться туда для расследования. Вместо этого он и Фуомбли ехали в Шотаут. Может быть, босс считал, что банк в Шотауте, также клиент АКМЭ, следующий на очереди. Он и его наставник должны были попытаться запереть двери амбара прежде, чем украдут лошадь. Но старик, казалось, имел внутренние источники информации. Он вел себя, как влюбленный подросток, собирающийся на долгожданное свидание.

Между тем сама идея устроиться в АКМЭ, чтобы накопать компромат на Микобера и вывести того на чистую воду, уже не казалась Сильверу столь гениальной, как раньше. В своем стремлении к мести он упустил из виду тот факт, что это может занять долгие годы без каких-либо гарантий конечного результата.

Однако он действительно хотел поймать негодяев, которые стали причиной смертей на АЦ-8 и потери его ноги. Он теперь даже больше желал наказать их, чем Микобера. И теперь он, кажется, получил шанс.

Старый Фуомбли уже как-то сболтнул, что однажды ночью они следили за женщиной по делу о супружеской неверности. Женщина, миссис Спуд, как ни забавно, отправилась в таверну. Сильвер и Фуомбли заняли столик рядом с ней, и, в целях конспирации, принялись надираться в стельку. Старик, после семи двойных бурбонов, опять начал вещать о делах своей бурной молодости. Именно тогда Сильвер выяснил, кто такой Безумный Фоккер. В ходе бурного диалога с самим собой героический старец заявил, что преступник должен быть человеком, известным только под кодовым именем 8-шар. Этот человек, когда-то лучший авиатор и шпион Великой войны — после Фуомбли, разумеется, — творил великие дела. Он сбил больше вражеских самолетов, чем Рихтгофен[65] и его весь Воздушный цирк[66], если быть точным, но он остался без официальных наград и почестей из-за того, что

[65] Ма́нфред А́льбрехт фрайхерр фон Рихтго́фен (1892 — 1918) — германский лётчик-истребитель, ставший лучшим асом Первой мировой войны с 80 сбитыми самолётами противника. Он широко известен по прозвищу Красный Барон, которое он получил после того, как ему пришла мысль покрасить в ярко-красный цвет фюзеляж своего самолета Albatros D.V, затем Fokker Dr.I, и благодаря своей принадлежности к немецкому баронскому дворянскому сословию фрайхерр. До сих пор считается многими асом из асов.

[66] В январе 1917 года Манфред фон Рихтгофен сбил шестнадцатого противника и был удостоен высшей военной награды Германии — ордена «Pour le Mérite». В феврале ему доверили командование эскадрильей (штаффелем) Jasta 11. В нём летали многие германские асы, в том числе Эрнст Удет. С целью упрощения распознавания друг друга в бою, в раскраске всех самолётов этого подразделения использовался красный цвет, а некоторые, в том числе и истребитель Рихтгофена, были полностью красные. Личный состав Jasta 11 обычно размещался в палатках, что позволяло располагаться ближе к линии фронта и обеспечивало мобильность, необходимую для избежания бомбардировок союзников. Из-за этого эскадрилью называли «воздушным цирком».

был секретным агентом, а проще говоря, шпионом. Кроме того, было хорошо известно, что 8-шар был сумасшедшим, хотя обычно достаточно компетентным в делах секретных, неведомых простым гражданам.

И поэтому, когда война закончилась, 8-шар был вынужден выйти из подполья. Он видел так много чудовищ, которых создал безумный немецкий гений, герр доктор Крюгер, В январе 1917 года Манфред фон Рихтгофен сбил шестнадцатого противника и был удостоен высшей военной награды Германии — ордена «Pour le Mérite»[67]. В феврале ему доверили командование эскадрильей Jasta 11. В нём летали многие германские асы, в том числе Эрнст Удет [68].

Заблуждения 8-шара всегда действовали на пользу союзникам. Когда он сбил кучу немецких самолетов, которые, по его мнению, были летающими человеколеопардами или радиоуправляемыми летучими мышами-вампирами, он не навредил никому, кроме врага. Теперь было мирное время, и он не мог оставаться на свободе. Он был заморожен до следующей войны для сохранения демократии.

Следующая война началась, но о существовании 8-шара забыли. Новое поколение генералов ничего не знало о нем. Кроме того, он был слишком стар.

— Это отвратительно, как они относятся к винтажным героям, — бормотал Фуомбли., кончик его огромного носа почти опустился в бурбон. — Я не виню старого 8-шара за то, что он стал на преступный путь! Что? Провести десятилетия на складе, после того что он сделал для страны? И что он должен делать после того, как его разморозили? Перейти на пособие, как я? А ведь есть только один человек на свете, который может летать на самолете лучше, чем он, и этот человек сидит за этим столом. Не нравится мне то, что я должен выследить и сбить тебя! Но это жизнь! Долг зовет!

[67] Pour le Mérite (с фр. —«За заслуги») — орден, бывший высшей военной наградой Пруссии до конца Первой мировой войны. Неофициально назывался «Голубой Макс».

[68] Эрнст Удет (1896 — 1941) — немецкий военный лётчик, один из руководителей люфтваффе, генерал-полковник авиации (19.07.1940), второй по результативности немецкий лётчик-ас Первой мировой войны. Был одним из самых молодых асов и лётчиком с самым большим количеством сбитых самолётов среди выживших в той войне (на тот момент ему было 22 года). Его 62 победы уступали только Манфреду фон Рихтгофену, его командиру истребительной эскадры Jagdgeschwader 1.

Приспешники Зла должны заплатить, кем бы они ни были, за то, что они сделали. Но почему?..

Алкоголь, или философия, или алкоголь и философия вместе, наконец, повергли героя. Он упал под стол, и Сильверу пришлось тащить его на себе до управления в сопровождении копов... На следующий день госпожа Спуд бежала со своим любовником в Мексику.

Глава 5

Шотаут был захудалой деревушкой, около пятисот рыл постоянного населения, живших за счет туристов. Его бизнес-центр был двумя кварталами зданий, построенных так, чтобы выглядеть, как в 1881 году, когда случилась знаменитая перестрелка. Впрочем, подлинными были только мэрия и театр «Канареечья клетка», остальное было не более чем стилизацией. Кладбище Бут Хилл (один доллар за клиента при входе) находилось за пределами города. Оно было знаменито рядом деревянных крестов с забавными эпитафиями.

ПОВЕСИЛИ ПО ОШИБКЕ

УБИТЫ БАНДОЙ АППА
НЕХОРОШИЕ ПАЦАНЧИКИ КЛИНТОНОВ, ЗА ЧТО Ж ВЫ ТАК?

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ МИЛАШКА СЬЮ
ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ОНА ДАЛА СМЕРТИ

ВЫЛЕЗ СО ДНА, И ТЕПЕРЬ УПОЛЗ ЕЩЕ НИЖЕ

НЕ СМЕЙСЯ, НЕЗНАКОМЕЦ, САМ ТАМ БУДЕШЬ

СРУБИЛ НЕМАЛО ОН БАБЛА, НО ПОМЕР ОТ ПИНКА МУЛА

На самом деле, большинство жителей умерло от дизентерии, сифилиса или цирроза печени, но это не было достаточно гламурно, чтобы увековечить. И большинство могил

были пусты. Тела были перемещены в другое место по санитарным соображениям, чего туристы, разумеется, не знали.

Городишко в октябрьскую ночь был оживленным местом, переполненным посетителями, многие были одеты в костюмы в ковбойском стиле, улицы были украшены флагами, вымпелами и плакатами. Грейхарт пересек городок по узким, непригодным для автомобиля, рассчитанным на пешеходов улочкам. Наконец, ему удалось припарковаться у обочины. Фуомбли обзвонил мотели. Мест не было. Приходилось выбирать между автодомом и номером в «Ущелье грифов», в семи милях от городка.

Выйдя из машины и едва успев пропустить пару рюмок, они начали натыкаться на знакомых Фуомбли. Первым был седовласый сероглазый джентльмен, одетый, как шериф эпохи Дикого Запада. Это, собственно, и был шериф.

— Пит Русе, шериф Ущелья грифов, — представился он, протягивая руку с выступающими венами. Пропустив пару стаканчиков, он рассказал им все, что знал о заварухе в его родном городе.

— Я слегка прикорнул после полудня, когда они налетели. Я в курсе, что некоторые говорят, что я слишком стар для моей работы. Черт возьми, их бы на мое место! Во всяком случае, я услышал шум и ломанулся, не успев даже одеться прилично. К тому времени Безумный Фоккер уже взял деньги. Он и его дружки-конфедераты уже были милях в десяти отсюда. Вы-то парни не с юга, надеюсь?.. Они были на мотоциклах. Я радировал полиции штата, но Безумный Фоккер накрыл копов из пулемета сразу за ущельем. Остальная банда Блимпа тут кинула мотоциклы, ворованные, разумеется, прыгнула в дирижабль — и тю-тю. К тому времени, когда полицейские вертолеты приползли, дирижабль уже свалил хрен знает куда. Наверное, сели где-нибудь, спустили газ, загрузили сдутый баллон в грузовик и смылись. Этот Безумный Фоккер, тот еще перец! Он приземлился на улице, которая узковата для двух «паккардов» впритирку друг к другу, подкатил самолет к дверям банка, дал несколько очередей, случайно подпортив прическу менеджеру, побежал, взял деньги, кинул их своим дружкам-конфедератам... Не обижайтесь, парни, если вы с югов, на югах тоже хорошие

парни бывают... А потом сбежал. Показал всем задницу, как бабуин, — старый шериф тяжело вздохнул и умолк.

— Мы считаем, что банда планирует ограбить банк здесь во время праздников, — объявил Грейхарт.

Глаза шерифа вспыхнули на миг, правда, не слишком ярко.

— Да?.. Посмотрим! Пит Русе никогда не упустит того, кого хочет взять! Я скоро собираюсь на пенсию, и я не собираюсь позволить гребаным ушлепкам испортить мой послужной список! Валим в город, парни, надерем им задницы?

Они ехали в «кадиллаке» 1946 года, принадлежавшем шерифу; эта коллекционная машина служила старику еще и страховкой на черный день: продав ее, он мог обеспечить себе спокойную старость. Русе припарковался возле придорожной забегаловки. Они вышли, оставив воронов, сидевших на заднем сиденье на газете, и пошли к заведению, оказавшемуся китайским ресторанчиком. Русе внезапно остановился, чтобы вытаращиться на двух стариков, проезжавших мимо на лошадях. Впереди ехал белый человек с длинными седыми волосами. Он носил черную маску и белый костюм, стилизованный под Дикий Запад. Его конь был стар и потрепан, хотя в молодости явно был могуч и красив. За ним ехал старый индеец с красной полосой, пересекающей лоб.

— Черт! Не может быть! Это же Длинный Рейнджер и Пронто! Они-то откуда? Они-то откуда узнали, что тут заварушка? Ну и ну! Это, наверное, переодетые туристы! — старый Русе не мог скрыть изумления.

Фуомбли тоже изучал улицу, но два всадника его явно не интересовали.

— Что за мусоровоз! Припаркован возле гребанного салуна! — воскликнул он, хватая Сильвера за руку.

— Что не так? — Сильвер недоуменно пожал плечами.

— Скорпион! Сукин сын всегда использует мусоровозы в своих делишках! Его штаб-квартира была под Главным Мусоросжигателем, когда он работал в Нью-Йорке! — в голосе старика звучало нескрываемое волнение.

Фуомбли потирал руки от восторга или для восстановления циркуляции крови, и приговаривал:

— Да, моя теория верна! Они все здесь сейчас! Слишком стары, чтобы делать их невероятные дела поодиночке;

слишком стары, чтобы получить уважение от молодой шпаны! Так что они собрали старые седые задницы вместе!

Сильвер начинал понимать, что Фуомбли имеет в виду, но не мог заставить себя поверить старику. Был ли крутой старый перец жертвой маразма?

Они ввалились в ресторан Га Си Чу. Пит Русе последовал за ними. Это было большое заведение, но набитое битком. Огни горели тускло, и в воздухе тучами висел едкий и вонючий табачный дым от «Акапулько Голд» и «Тиа Хуан Мердас». Хотя в зале находилось около ста клиентов, было странно тихо. Все, казалось, разговаривали шепотом, и даже звона серебряной посуды не было слышно. Хозяин, престарелый китаец (с косичками!), сказал официанту, чтобы тот принес столик для новых гостей. Для этого необходимо было сдвинуть остальные столики ближе друг к другу. Клиенты так и сделали, хотя выражение их лиц показывало, что им это не слишком нравится. Грохот сдвигаемой мебели был подобен грохоту лавины. Затем тишина вернулась.

— Мне не нравится это место. Оно заставляет меня нервничать, — процедил Грейхарт сквозь зубы

— Ты шутишь? Это хата, где все тащатся! — буркнул Фуомбли.

Сильвер покачал головой, но ничего не сказал. Старик был слишком горд своим знанием сленга времен прадедовской юности.

Рассевшись, агенты АКМЭ заказали чоп-суи, суп из птичьих гнезд, тысячелетние яйца и рисовую водку. Пит Русе заказал стейк и бобы. Фуомбли внимательно разглядывал пожилого китайца, который принимал заказы. Когда старик, который, казалось, был глуховат, наклонился к Фуомбли, тот втянул воздух, принюхиваясь. После того как официант ушел, он шепнул.

— Чуешь запах его дыхания? Это доктор Сен Сен, или меня зовут Мэрилин Монро!

Он тут же приложил палец к губам, призывая к тишине.

— Кто такой Сен Сен? — спросил Русе.

— Один из самых подлых злодеев, которых когда-либо носила матушка-Земля! Но вы видели хозяина? Обратите внимание, высокий лоб и зелёные глаза за этими толстыми

очками? Если это не старый дьявол, доктор Фу Манчи[69], я съем свою шляпу.

— Это может оказаться лучшей пищей, чем эти помои! — Русе сплюнул при виде поданных блюд.

Старый агент шикнул на шерифа, и тот примолк, а затем шепнул:

— Все эти парни — гнилые повара.

Фуомбли переспросил:

— Мошенники?

— Повара! — проревел шериф, и все в ресторане подскочили, лихорадочно шаря руками под куртками. Затем, поозиравшись, все смущенно уселись на свои места. Фуомбли поднялся, подошел к стойке-прилавку, на которую повара выставляли готовые блюда, для того чтобы официанты разнесли их посетителям. Пару минут он всматривался сквозь клубы пара и дыма, а потом вернулся, слегка пошатываясь. — Опиумный дым настолько густой, в что вы могли бы получить запор, просто вдыхая его, — сказал он, вытирая пот со лба. Он сел, покачивая головой. — Нелегко было разгдядеть их через это облако. Но они все там. Доктор Терминал, Вон Фэнг и Доктор Негатив — величайшие суперпреступники и архизлодеи всех времен, повелители Зла, работают поварами в придорожной забегаловке! Эх! Достаточно, чтобы заставить меня плакать, как я не плакал с тех пор, как мне было пять лет. Ну, кроме того дня, когда радиошоу про меня было отменено... И... Но это неважно. В любом случае один из них посмотрел мне в глаза, и я увидел блеск, что не сулил мне ничего хорошего... Так вот тот кого я считаю Вон Фэнгом, — большой фиолетовый паук выскользнул из его кармана, в то время как Вон Фэнг жарил гамбургеры. — Вон Фэнг, использует породы мутировавших змей, ящериц и пауков... Все они ядовиты. Так что не трогайте пищу до тех пор, пока я не проверю ее, — и он вытащил из кармана набор флаконов. В то время как престарелый герой смешивал их содержимое в стакане,

[69] Доктор Фу Манчу́ (в русском переводе иногда «Фу Ма́нчи») — литературный персонаж, созданный английским писателем Саксом Ромером. Фу Манчу является воплощением зла, криминальным гением, вроде профессора Мориарти или Фантомаса. Его образ используется в кино, на телевидении, радио, в комиксах уже более чем 90 лет. Сакс Ромер написал 13 повестей про Фу Манчу, существуют продолжения других авторов.

который перед этим опорожнил на пол, Сильвер осмотрел ресторан. Фуомбли был не единственным, тестировавшим продукты питания. Наконец, старый агент сел и с облегчением сказал: — Все в порядке. Не думаю, что они станут пытаться отравить нас. Даже они не могут безнаказанно сделать это в таком месте. Кроме того, это привлечет внимание местных хомячков, и может разрушить их злодейские планы!

Русе укусил стейк и со словами:

— Что за черт? — выплюнул кусок на тарелку.

— Да. Химические вещества разрушают пищу. Нам придется заказывать еще раз, — извиняющимся тоном пробормотал Фуомбли.

— Не могу позволить себе платить дважды! Вы не знаете, как мало мне платят! А с этой гребаной инфляцией... — возмутился шериф.

— Мы заплатим. Еще стакан! — распорядился Грейхарт.

Они долго ждали второй заказ, потому что почти все в зале отправили первый ужин на помойку. Между тем Сильвер слушал разговоры за столами. Потом он нажал кнопку в своем протезе, и крошечные антенны выскочили из пластикового корпуса. При этом, увы, понаделав дырок в штанине, которую он забыл закатать. Сильвер тихо, но смачно выразился матом — штаны были из дорогого магазина в Беверли-Хиллз — и затем вставил крошечный динамик в ухо. К наушнику был прикреплен к тонкий провод, который бежал под его одеждой в ложную ногу. Устройство было замаскировано под слуховой аппарат, но Сильвер сомневался, что маскировка сможет обмануть кого-нибудь. Почти у всех были слуховые аппараты. Можно было подумать, что тут происходит Всемирное собрание глухих. Он наклонился и шепнул Фуомбли, что должен говорить очень тихо.

— Что? — прорычал Фуомбли.

Сильвер написал записку и передал ему. Фуомбли после прочтения зарычал еще громче:

— Я уже не первый год играю в эти игры! Вы меня за щенка держите?!

Необходимо было направлять антенну на тот стол, который прослушиваешь, поэтому Сильверу приходилось принимать странные позы, занимаясь едва ли не акробатикой. Но

все делали вид, что ничего не замечают. А может, и вправду не замечали, занимаясь своими комплексами акробатических упражнений.

Фуомбли протянул руку и положил на запястье молодого напарника. Сильвер был раздражен его нервным касанием, и к тому же он не хотел, чтобы их воспринимали как парочку голубых. Он уже собирался высказать все, что думает по этому поводу, но тут сообразил, что старик выстукивает морзянку. Он хотел узнать результаты прослушивания.

Другие клиенты не обращали ни на что внимания. Вдруг почти все перестали разговаривать и принялись перестукиваться морзянкой по рукам друг другу. Пит Русе, оторвавшись от стакана, сказал:

— Скажите, это дурдом?

Сильвер, матерясь, направил антенну на один из двух столов, за которыми люди по-прежнему разговаривали. Это были люди в серых костюмах, белых рубашках, черных галстуках и черных очках. Было не трудно понять, что они являются агентами ФБР. Сильвер передал напарнику их разговор, и Фуомбли отстучал:

— Да. Это три великих старпера с молодой шпаной! Дэн Дуракис, величайший агент всех времен и народов, Вэлиант Килгор... Они должны были быть на пенсии, но решили тряхнуть стариной ради этого случая. Килгор, кстати, является личной архинемезидой Вон Фэнга! В общем, все великие негодяи здесь, и все они члены банды Блимпа. Никто не сказал мне об этом, но все они знают, что я знаю, что они знают, что я знаю! Это сбор кланов, мальчик, великая схватка, последний раунд, грандиозный финал!

Сильвер направил антенну на группу темных грузных людей, которые делали вид, что едят спагетти и пьют вино за столом в углу. Они говорили, но их язык, вроде бы итальянский, было почти не разобрать.

Старый агент пришел на помощь:

— Они должны говорить на чикагско-сицилийском диалекте. Большой парень, который пьет, это Алка-Зельцер, Джо-Кислый Лимон. Он является главой Западной Вспомогательной коллегии. Это филиал мафии Западного Побережья, который якобы не существует. Но я знаю, я знаю. Я уже

понял, почему они здесь. Блимпова банда имеет наглость играть мышцами на их территории, и макаронники хотят растереть Блимпа в порошок. Кислый сейчас перетирает с Донами Восточного Побережья, которые недовольны Лимоном, и если он не добазарится, то ему наступит трындец. Эти бандиты за двумя столами вокруг него являются гангстерами Восточного Делового совета. Они здесь, чтобы грохнуть его, если он не прогнется...

— Нормальные мафиозные терки, все в порядке, — заметил Фуомбли потерая руки. Он ухмыльнулся, а затем спросил взволнованно: — А что это за букет в противоположном углу?!

— Используют морзянку, — заметил Грейхарт.

Старик, проигнорировав его, продолжал:

— Эти ребята, должно быть, из ЦРУ. Видишь, джентльмен с белыми усами? Это секретный агент Экс. Ни один человек никогда не видел его истинного лица, и не знает, как его зовут на самом деле. К сожалению, у агента склероз, и он сам не может вспомнить ни своего имени, ни своей биографии. На это я скажу: «Какая разница?» Он ведь никогда не использовал свое настоящее имя и лицо.

— Как ты узнал его, если он всегда имеет новое лицо? — отстучал морзянкой Сильвер.

— Благодаря тому, что он сам на себя не похож! — усмехаясь, отстучал Фуомбли.

И тут трое мужчин вошли ресторан. Один из них был почти семь футов ростом. Хотя ему было под семьдесят, телосложению мог бы позавидовать Тарзан. За ним ехали двое в инвалидных колясках. Они пытались пройти через дверь вместе, но не вписались в проем. Они тут же принялись ругаться и колошматить друг друга тростями по голове, несмотря на их инвалидность. Скоро полилась кровь. Один старик был тощий, с острыми чертами лица мультяшной лисы. Другой был невероятно волосат, мускулист и казался ожившим питекантропом. Гигант стоял, наблюдая за ними, с выражением вселенской скорби на лице.

— Док Рэйвидж! И его два помощника, Свинбургер и Шимпанзе, как их все называют. Последний раз, когда я о них слышал, они были в доме престарелых. Но Док вывел их для сражения века! Говорю вам, это будет круто!

Он дрожал от восторга.

Два старца внезапно метнули трости друг в друга. Корявые руки нырнули под одеяла, скрывавшие их ноги. Видимо, под одеялами были спрятаны элементы управления креслами-каталками. Громкие взрывы сотрясли забегаловку, огонь и дым вырвались из ракетных дюз в спинках кресел, и два инвалидных кресла рванулись вперед. Однако ракетные двигатели только плотнее прижали соперников друг к другу. Кресла перевернулись, и соперники растянулись на полу, у ног гиганта. Он шагнул вперед. Его лицо выражало крайнюю степень раздражения. С размаху гигант пнул одно из кресел. Оно вылетело на улицу, сбив с ног старушку. Гигант забрал кресло, не обратив на старушку никакого внимания, вернулся, поднял стариков за шиворот, как котят, и вновь усадил в кресла.

Кресла слегка помялись, и гиганту пришлось распрямить колесо одного из них голыми руками, при этом мышцы его рук напряглись, словно железные жгуты, разорвав в клочья пиджак и рубашку. Через мгновение колесо было как новенькое.

Тогда гигант вновь вышел из здания, помог старушке подняться, выписал ей чек, который она швырнула ему в лицо, — и вернулся в ресторан.

— Вы, два пропойцы, умеете только создавать проблемы. Отправлю вас обратно к вязанию, игре в дурака на щелбаны и флирту с больными старушками! Сыт вами по горло! — прорычал разгневанный гигант.

Погрустневшие старики-разбойники понуро покатили за своим предводителем. Но тут Шимпанзе ударил Свинбургера тростью по голове, при этом случайно перевернув стол. Док развернулся на стук падающего кресла и увидел Свинбургера, растянувшегося на полу без сознания. Борец за справедливость грозно нахмурил брови.

— Теперь-то что стряслось? — грозно спросил он.

— Он становится старым. Он всегда засыпает. Вот, например, на днях, он имел эту медсестру, милашку, персик, не старше шестидесяти, и захрапел, едва сорвав с нее платье. Я вынужден был закончить за него, — сказал ухмыляющийся Шимпанзе.

— Это все от дури в голове! Вы все время маетесь дурью! Приведите себя в форму, или проваливайте в богадельню! — прорычал Док.

Док Рэйвидж вытер кровь с лиц обоих помощников. Шимпанзе возродил к жизни Свинбургера, влив ему в рот пинту крепленого пива. Тот поднялся, бормоча что-то себе под нос:

— Ваша честь, эта женщина лжет, когда она говорит, что я обещал жениться на ней, — но тут он увидел Шимпанзе и, ехидно ухмыляясь, буркнул: — Подожди, теперь моя очередь!

В этот момент разгорелась потасовка между бугаем с тяжелым русским акцентом и мородоворотом с тяжелым английским акцентом. По-видимому, спор вышел из-за близости столов. Из-за него русский ошибочно направил свою реплику англичанину за соседним столом, а не к его российскому собеседнику. Какой бы реплика ни была, она возмутила англичанина. Последний был высоким седовласым человеком с багровым от ярости лицом и налитыми кровью глазами за бифокальными очками. Официанты растащили двух противников друг от друга, и после краткого обмена репликами низкими голосами оба поклонились друг другу и вернулись на свои места.

— Ого! Да это сам Болт, Джеймс Болт! Секретный агент 00-что-то-там или как-его-там... забыл. Что он делает здесь? Подожди минутку! Я знаю! Один из этих поваров — это всемирно известный террорист Доктор Негатив! Он пытался убить Джеймса, но тот обрушил на него целую гору гуано! Потом Джеймс чуть не грохнул его, но злодей выжил в эпицентре ядерного взрыва! Итак, юный Болт пришел сюда, чтобы свести окончательный счет со своим старым врагом. И это объясняет, почему русские уже здесь. Тот седой парень — это агент сверхсекретной русской спецслужбы. Раньше она называлась С.М.Е.Р.Д., но теперь она именуется И.С.П.Р.А.Ж.Н.Е.Н.И.Е. Что это значит, спроси у русских, я знал, да забыл. Они здесь для того, чтобы положить конец старой вражде. И это объясняет, почему ЦРУ и ФБР уже здесь. Они не сводят глаз с иностранных агентов, — взволнованно выстукивал Фуомбли.

— Как насчет той кучи китайцев за угловым столиком? — поинтересовался Сильвер.

— Я должен был догадаться. Они должны быть агентами Хвин и Динь, китайской антитеррористической группы. Они здесь для того, чтобы грохнуть суперзлодея Фу Манчу, Вон Фэнга, Сен Сена, Негатива и, может быть, Терминала. Все эти сукины сыны устроили Китаю много неприятностей. Экс и Дуракис наблюдают за ними в оба, могу поспорить!

Официант начал обслуживать их, и они прервали содержательную беседу. Когда он ушел, старик снова достал свои флаконы. Пит Русе, чей желудок издавал громкое урчание, сказал:

— Эй, вы! Вы должны заказать еще! Жрать хочу!

Фуомбли с сожалением посмотрел на него и сказал:

— Я и забыл, что мы не поели в первый раз. Так много всего, башка идет кругом.

— Валим отсюда, — предложил Русе. Он засунул свой стул обратно под стол и встал.

— Вы не узнаете больше о том, что тут за каша заваривается. Есть хороший стейк-хаус на улице. А от запаха китайской жратвы меня уже мутит!

Когда они вышли на улицу, двое мужчин вошли в ресторан. Один был среднего роста, белый — черноволосый мужчина с толстыми контактными линзами. За ними скрывались серые глаза, которые были холодны, словно морозная зима. Его спутник имел козлиную бородку и был облачен в мундир полковника национальной гвардии штата Кентукки. Из кармана его шинели торчала бутылка какой-то патентованной микстуры.

— Дик Бэндсом, Каратель, собственной персоной. И Док Баркер, — рассмеявшись, заметил Фуомбли.

— За минуту до того, я думал, что Баркер был полковником Сандерсом, — удивился Грейхарт.

— Он имел некоторый вес, — отметил Фуомбли.

— Ради всего святого, давайте жрать! Если я не ем регулярно, то я плохо стреляю! — пробурчал Пит Русе.

Глава 6

После обеда они втроем поехали обратно на стоянку автодома, в котором затем вернулись в город. Припарковавшись

возле еще одной забегаловки, они принялись разглядывать прохожих. Окна автодома могли быть поляризованы нажатием одной кнопки, позволяя им видеть, не будучи видимыми. Первое, что они разглядели, был прикрепленный к лобовому стеклу листок штрафа за незаконную стоянку.

— Не волнуйтесь, могу все исправить, — сказал Пит Русе.

Через некоторое время взволнованый Фуомбли уставился в окно.

— Там мусоровоз. Эй, если это не Скорпион, я скунс! Смотри, его рука высунулась из окна! Вон его большое кольцо. Отсюда видно. Этот сукин сын носил кольцо с осьминогом и назвал себя Кракеном. Затем он потерял кольцо, или его украли, и он не мог найти другого с осьминогом, так что купил кольцо со скорпионом и изменил свое имя... А вон — Дик Виндворси, Паук! Он обзавелся хорошей маскировкой, но забыл сказать своему помощнику, старому Рам-Чанду, чтобы тот не надевал тюрбан. И ещё у него скрипка — он таскает её с собой везде и всегда. Гнилое время! Я слышал, что он дошел до того, что, надев темные очки, играл на своей скрипке на перекрестках улиц, в то время как Рам-Чанд собирал в чашку подаяние. Все, конечно, не так, как раньше, — старик смахнул с лица непрошеную слезу.

Сильвер запоминал имена и краткие характеристики героев былого, в то время как старик бормотал о старых добрых временах. Иногда Пит Русе перебивал его взволнованными замечаниями вроде:

— Разорви меня на части, если это не Дад Одиночка, Медяк Кид! Так он здесь тоже! Посмотрите на него! Это обломок человека, который был так же хорош, как любой таинственный мститель, когда-либо кочевавший по Западу. Он умел поставить на место любого мерзавца! В те деньки его звали Соломон. Порой он ставил серебрянный доллар за чью-то голову, и если в этой голове была хоть капля мозгов, её владелец сматывал удочки из штата! А теперь он Медяк Кид. Он сломался и перебивается на медяки...

К концу двух часов у Грейхарта был длинный список из двадцати положительных идентификаций и оценки их возможностей. Там были Джордж Лак — Зеленый Лист, который был опознан по куску зеленой ткани, торчащему из его

кармана. Там был Джед О'Хилл, Зеленый Лама, прославившийся умением наводить ужас на злодеев и неумением грамотно писать. Проведя некоторое время в Тибете, освоив мистические практики, он вернулся в Штаты, чтобы с помощью Силы бороться с преступниками. Он всегда носил длинный шарф, который он использовал как кнут, и иногда глотал радиоактивные соли, от которых его тело начинало генерировать электрический ток напряжением в несколько сотен тысяч вольт. Любой злодей от прикосновения его карающей десницы получал тот же разряд, что и сидя на электрическом стуле, но без затраты времени и нервов на судебные процедуры. Однажды он бежал из опасной пещеры, взяв лампочку в рот и освещая ею путь.

Там были Гэри Адью, Капитан Люцифер, Красная Маска, Дональд Диаболо, маг, известный как Маг Киновари и Эстебан Хэтчер — Лунатик. Последний был опознан по чемодану, который он нес. Фуомбли сообщил, что в чемодане находились легендарный Лунный Плащ и похожий на круглый аквариум металлический шлем, который скрывал черты лица борца со злом. Фуомбли также отметил Ричмена Кертвелла Ван Дебта, известного как Фантом Дик, и Джеймса «Панду» Гуердона, известного как Гэрглер.

— Держись, парень. Не может быть! Да! Еще один англичанин! Сэр Дэйнес Нэйгланд Смайт, враг доктора Фу Манчу! Он может выглядеть как ковбой, но я узнаю его каждый раз. Он всегда выглядит, как замаскированный Шерлок Холмс! — воскликнул Фвомбли.

Сильвер решил не пытаться узнать подробности.

— Обрати внимание на секретного агента №4+1, вот и его знаменитое кольцо с черепом, видишь? Оно содержит флакон ядовитого газа. Он также носит рапиру в поясе, — продолжал презентацию проходивших мимо героев старый Фуомбли.

— Фоккер, который 8-шар, или Крендлел, который Блимп, еще не пробегали? — поинтересовался Сильвер.

— Никогда не видел Крендлела под этим именем. Он должен быть одним из великих, иначе с чего бы на него работать другим великим? И я не могу распознать 8-шара. Он почти так же хорошо маскируется, как я. Но интересно, где герр доктор Крюгер, Великий враг 8-шара? Конечно, он не

останется в стороне. Там идет Тони Уинн, Черная Ночная Сова. Обратили внимание на темные очки и белую трость? Он был слепым, но тайно нашел врача, чтобы пересадить глаза мертвого человека, и теперь он только делает вид, что слеп... кстати, который час?

Фуомбли заложил свои часы в ломбард еще до того, как устроился в АКМЭ и до сих пор никак не мог собраться выкупить их.

— Двадцать минут после полуночи...

— Неудивительно, что я не видел Дирка Элона, Капитана Ничто. Он становится невидимым с полуночи до рассвета. Это помогает бороться с преступностью. Или грабить банки, — усмехнулся старик. Грейхарту почудились нотки зависти в его голосе. — Но это тоже палка о двух концах. Он обрел невидимость случайно, во время экспериментов с радиоактивностью. Он не может контролировать свою сверхъспособность, и иногда попадает из-за нее впросак. Три раза попадал в кутузку из-за того, что его поймали в женской душевой. Но все три раза ему удалось смыться...

Они решили переночевать в автодоме, на парковке для иногородних. Русе принял приглашение переночевать с ними. После часа безуспешных попыток уснуть, Сильвер перебрался в машину шерифа. Храп двух стариков и храп двух воронов были для него явным перебором.

Утром, умывшись и побрившись, они перекусили пшеничной кашей, тостами и яйцами вкрутую. Приняв по паре горстей витаминов, тестостерона и прочих таблеток, старики-разбойники были готовы ввязаться в драку. Фуомбли чистил два автоматических пистолета 45 калибра, Пит Русе крутил в руках верный шестизарядный кольт. Это было ожидаемо, но Сильверу поплохело, когда Фуомбли принес откуда-то коробку дополнительного оружия. Глаза Грейхарта полезли на лоб, когда он увидел ручные гранаты, дымовые бомбы, автоматические винтовки М-20, 60-мм базуки, дротики с ядом, проволочные удавки, метательные ножи, мачете, коробку пластита, томагавки, мины и 81-мм миномет. Из другого ящика Фуомбли вывалил гору патронов.

— Это что, Третья мировая война? — Сильвер пребывал в недоумении.

— Это на благо мира, — проворчал Фуомбли.

— Боже мой, что мы творим! Как насчет всех этих невинных прохожих? — воскликнул Грэйтхарт.

— Невинных нет, читайте Сартра, — прорычал Фуомбли, прицеливаясь куда то из М-20.

— Но, отчего бы просто не сдать агентам ФБР и копам всех негодяев, раз мы знаем их в лицо? — Сильвер все еще пытался быть законопослушным гражданином.

— А зачем? Они бы возились не один час. Неужели ты думаешь, что хотя бы один из этих гениев преступного мира, что собрались здесь, настолько наивен, чтобы не обеспечить себе стопроцентное алиби? Свидетелей, опять же не останется. И нам, старым боевым коням, не пристало ждать помощи. Мы устроим большую разборку, и закончим ее сами. Мы всегда действовали за рамками закона — большинство из нас, по крайней мере, — и мы это сделаем снова.

— Точно. Не собираюсь умирать в старческом маразме, пуская слюни! — объявил Пит Русе, прочищая ствол револьвера.

— Но все эти мужчины, женщины и дети! Подумайте о детях! Как вы собираетесь спасти их от шальных пуль? — пытался вразумить рубак опешивший Сильвер.

— Горожане, как только стрельба начнется, сразу все поймут. Мы должны выбирать между благом для всех, и страхом случайно зацепить кого-то. Не разбив яиц — омлет не сделаешь. Лес рубят — щепки летят! — Фуомбли остался непреклонным.

Сильвер не ответил, потому что видел: спорить бесполезно. Он решил, что, как только припаркует автодом, сразу пойдет к местному шерифу. Но шериф сам начнет звонить в полицию штата, ФБР, национальную гвардию... И в то же время... Может быть, стоит добраться до Дэна Дуракиса, Вэла Килгора и G Дважды Семь — легендарных агентов ФБР. Нет, это не даст ничего хорошего. Они давно в отставке, здесь в неофициальном порядке и, без сомнения, как и другие, намерены игнорировать юридические ограничения.

— Ладно. Что вы планируете делать, или будете ждать, пока банда Блимпа грабит банк? Может быть, они передумали? — Грейхарт говорил с напускным спокойствием, хотя внутри дрожал от напряжения.

— Не они! Как я думаю, они сделают это, когда опустеют улицы. Праздник продлиться ещё два дня, так что это будет сегодня вечером или завтра вечером. Мы лучше отдохнем сегодня, потому что собираемся быть на ногах всю ночь, — объявил Фуомбли тоном, не терпящим возражений.

— Вы будете в тюрьме, если у меня все получится, — мрачно и неслышно пробормотал Сильвер. Припарковав машину возле вчерашней китайской забегаловки, Грэйхарт прикинул расстояние до офиса шерифа. Получалось не больше квартала. Оставалось найти повод, чтоб отлучится, так чтобы могучие старцы ничего не заподозрили. Глядя сквозь лобовое стекло, он увидел гигантскую фигуру Дока Рэйвиджа, прокладывающего путь через толпу. За ним, осыпая друг друга оскорблениями, тащились Шимпанзе и Свинобургер в своих супер-колясках. Их головы были перевязаны, а сломаный нос Шимпанзе и огромные черные очки Свинобургер, явно скрывавшие внушительные фингалы, свидетельствовали о недавних боевых подвигах спутников героя.

Сильвер вылез из машины и запрокинув голову, уставися в глубокое синее небо Аризоны...

— Нет, — простонал он и бросился к Фуомбли, который как раз выбирался из машины.

— Ты единственный, кто знает? — спросил он.

— Да, — подтвердил Фуомбли, озираясь.

— Если ты знал, почему не сказал мне? — выкрикнул Грейхарт, указывая на самолет с тремя парами крыльев, который пикировал прямо вниз, казалось, прямо на них.

Фуомбли сказал что-то, но Сильвер не расслышал. Фасад банка утонул в облаке дыма, дорожная пыль взлетела вверх столбиками от ударов пуль.

В то время как Грейхарт ошеломленно пялился на происходящее, Фуомбли нырнул обратно в автодом. Он вышел несколько секунд спустя, но теперь на нем были широкополая фетровая шляпа и длинный черный плащ. В каждой его руке зловеще замер огромный автоматический пистолет 45 калибра. Утреннее солнце засверкало в его контактных линзах зловещими огоньками.

— Принесите оружие и боеприпасы! — скомандовал он.

— Всю эту гребаную кучу?! — вскричал Сильвер.

Пит Русе выскочил из двери и упал. Ругаясь, нетвердо встал на четвереньки и начал искать очки, которые разбились. Фуомбли, шагнув обратно, чтобы увести машину из-под дождя зажигательных пуль Фоккера, случайно раздавил их. Очки были разбиты, и с ними сердце старого шерифа.

Сильвер втащил протестующего Пита Русе в автодом и сел за руль. Он должен был любой ценой вывести машину из-под огня. Если бы пули попали боеприпасы в коробке, вся компания отправилась бы в мир иной, прихватив с собой полгорода.

Толпа, крича, в панике металась по улицам. Единственный способ, которым автодом мог двигаться, — давить людей. Единственная вещь, которую мог сказать Фуомбли в свое оправдание: они заодно с Фоккером и помогают ему, превратить улицу в филиал ада.

Док Рэйвидж мчался к зданию театра. За ним поспешали его помощники. Каждый держал в руке крошечный пистолет, в то время как другой рукой управлял креслом. Очевидно, кресла были с электроприводом, и прежде они использовали руки для приведения кресел в движение лишь для маскировки. Но они двигались не достаточно быстро. Триплан, развернувшись в конце улицы, обрушил им в спину свинцовый шквал. Пули дробили асфальт.

Шимпанзе, оглянувшись, увидел надвигающуюся гибель. Он прокричал что-то незадачливому напарнику. Пламя вырвалось из дюз, и кресла рванулись вперед. Грейхарт прикинул, что они делают около пятидесяти миль час, но на крутом левом повороте кресла потеряли управление и на полной скорости влетели в китайский ресторан, вдребезги разнеся пластиковое панорамное окно.

Док Рэйвидж, выглянув из подъезда, в котором он нашел убежище, увидел, что произошло, и помчался на помощь. В это же время Док Баркер, увидев, как Полковник Сандерс преследует воришку, под шумок стащившего курицу, присоединился к этой погоне. Бутылка торчала из его кармана, и было очевидно, что в ней нечто, более мощное, чем обычный «змеиный яд». К горлышку бутылки был примотан фитиль, а в руке Баркер держал зажигалку. И, как раз когда Док Рэйвидж нырнул в окно, чтобы спасти помощников,

Баркер запалил фитиль. Бутылка полетела в то же окно. Заведение обрушилось, люди высыпали наружу. Среди них были три старых китайца, Док Рэйвидж и его оба помощника. Инвалидные коляски были погнуты, но до сих пор исправны, и струи реактивных выхлопов продолжали полыхать. Как пробка из бутылки шампанского, ракетные кресла вылетели из дверей горящей забегаловки. Перелетев через дорогу двумя пылающими снарядами, кресла врезались в стену и рикошетом влетели в окно магазина дамских шляпок. Последовавший взрыв засыпал тротуар телами итальянских мафиози из банды Восточного Побережья. Сверху на эту кучу шлепнулось то, что осталось от помощников Дока Рэйвиджа. Десятки шляп вились в воздухе, словно маленькие НЛО.

К тому времени толпа забилась в норы зданий и подворотен. Сильвер все ещё вел машину, но старый Пит попытался выскочить на ходу. Он упал на тротуар и остался лежать там, продолжая сжимать в руке верный кольт.

Сильвер развернулся и помчался назад по улице. Лобовое стекло было изрешечено, пули визжали вокруг. Прямо навстречу, откуда ни возьмись, выкатился мусоровоз Скорпиона. Примерно с десяток головорезов повисли гроздями на бортах машины, ведя беспорядочный огонь. Сильвер отчаянным маневром увел автодом с линии огня. Шина лопнула, машину занесло. Инстинкт пилота подсказал Сильверу, что пора катапультироваться. Он успел выпрыгнуть наружу за миг до того, как мусоровоз врезался в автодом. Грозди стрелков осыпались с мусоровоза на тротуар, ни один из них не встал.

Убеленный сединами старец вылез из-за руля мусоровоза. Его лицо, и без того не слишком обаятельное, не стало красивее от встречи с лобовым стеклом. Потом Грейхарт увидел, что уродство этого лица не было следствием аварии. Старик носил маску в виде головы скорпиона. Вероятно, маска спасла его лицо, не дав тому превратиться в отбивную, хотя и не спасла хозяина от шока, приведшего его в полубессознательное состояние.

Грейхарт, крадучись, приблизился к нему. Тень триплана прошла над ними. Самолет почти чиркнул брюхом по мусоровозу, и Сильверу показалось, что Фоккер заходит на посадку. Но, очевидно, картина аварии разочаровала пилота,

и самолет вновь набрал высоту. Еще было время, для того чтобы вывести Скорпиона из игры.

Грозная скороговорка пулеметов, лай винтовок и взрывы гранат на пару секунд отвлекли внимание Грейхарта. Он окинул улицу взглядом и увидел, что окна и дверные проемы по обе стороны ощетинились пламенем — с двух сторон били винтовки и пулеметы. Что-то темное взлетело вверх и упало на мостовую перед театром «Канреечная клетка».

— Нет! Только не еще одна бутылка той дряни! — простонал Сильвер, за секунду до того как взрывная волна уложила его на асфальт. Фасад театра рухнул, и черное облако дыма скрыло происходящее.

Скорпион пробормотал что-то.

Сильвер переспросил:

— Что?

Старик перевернулся, из его бедра торчал огромный шприц, игла которого впилась Скорпиону в ногу сквозь штанину. Согласно рассказам Фуомбли, Скорпион использовал этот шприц, чтобы вводить наркотики своим жертвам. Наркотики превращали их в безумцев, которые убивали и калечили по команде Скорпиона. Очевидно, он собирался проделать этот фокус с Сильвером. Но при падении сам угодил в собственную ловушку.

— Покинь город. И продолжай шагать, пока я не прикажу тебе остановиться. И не подчиняйся чьим-либо командам, — прошептал на ухо старику Сильвер.

— Повинуюсь, — пробормртал старик. Он из последних сил поднялся на четвереньки и пополз. Грейхарт никогда не узнал, насколько удачен этот гипнотический эксперимент. Триплан вернулся, двойная линия пуль прочертила асфальт в направлении автодома. Сильвер побежал так быстро, как мог с его механической ногой, и нырнул в открытое окно ближайшего дома. Он упал на пол, и тут боеприпасы в автодоме взорвались. Дом покачнулся, взрыв оглушил Грейхарта. Наполовину контуженный, он встал и спустился по ступеням к дверному проему. Дверь сорвало и забросило внутрь дома. Дым рассеялся снаружи, и Сильвер увидел опрокинутый и вскрытый, как консервная банка, мусоровоз. От автодома не осталось вообще ничего. По улице катился, подпрыгивая

на ухабах, приземлившийся триплан. Безумный Фоккер расчистил себе посадочную полосу. Но посадка оказалась не слишком мягкой! Шасси триплана застряли в воронке от взрыва и остались в ней. Теперь, лишенный колес фюзеляж скользил вдоль по улице, разваливаясь на части. Его пропеллер погнулся и затем отвалился, затем оторвалось три пары крыльев. Пилот, по-прежнему сжимая в руке ручку управления, ехал на пятой точке по асфальту с довольно приличной скоростью. Подошвы его ботинок и штаны уже дымились. Инерция проиграла битву трению, и пилот, наконец, остановился. Но это был не конец. Подъемная сила пламени, охватившего его штаны, подбросила его вверх, заставив совершить перелет до лошадиного корыта с водой, с головой окунув в вонючее пойло.

В этот момент над городком появился дирижабль.

Глава 7

Сильвер был слишком ошарашен, чтобы чувствовать тревогу. Но он обрадовался, когда увидел двух воронов, крутившихся под дирижаблем. Он думал, что они погибли в результате взрыва. Очевидно, они имели достаточно здравого смысла, чтобы вылететь из машины во время боя. Пилот вылез из корыта и лежал на земле. Его лицо было все еще скрыты очками. Наконец он неуверенно поднялся на ноги и повернулся, демонстрируя большую дыру на штанах и почерневшую задницу. Из ближайшего здания выскочили двое с грозным криком:

— Тебе конец, Безумный Фоккер!

Один из них, был секретный агент №4+1. Другой. в алой маске, несомненно, был Красная Маска. Пилот, шатаясь, потрусил прочь вниз по улице. Агент №4+1 погнался за ним, схватившись за огромную пряжку своего пояса. Фуомбли рассказывал, что агент носит клинок в поясе, хотя и не объяснил, как он мог обернуть меч вокруг талии. Гибкий клинок выскользнул из пояса-ножен. Одновременно с агента слетели штаны. Меч прорвал пояс. У агента №4+1 координация, увы, была не той, что раньше. Еще двое вышли из разрушенного магазина. Один из них был человеком, которого

Фуомбли называл Карателем, другой был Капитан Люцифер. Каратель держал в руке своеобразное оружие, комбинацию пистолета и ножа. Он выпускал одну пулю 25 калибра, при этом Каратель никогда не стрелял, чтобы убить. Вместо этого он всегда царапал голову врага по центру скальпа, чтобы парализовать его. Он делал так исходя из добрых намерений. То ли из-за слабости зрения, то ли из-за возрастной слабости, на сей раз он промахнулся. Пуля, поразив плоть Безумного Фоккера пониже спины, вывела его из летаргии, увеличив его скорость. Пули, летевшие в Фоккера, придавали ему прыти. Он исчез в здании банка.

Каратель и Капитан Люцифер, дышавшие так громко, что их дыхание было отчетливо слышно на другой стороне улицы, развернулись и ломанулись в новом направлении. Агент №4+1, держа штаны одной рукой, поспешал за ними.

В этот момент Паук выбежал из аптеки. Каким-то образом он нашел время, чтобы загримироваться, но Сильвер узнал его по кольцу, которое он носил, кольцу с рельефным изображением алого паука. Лицо его выглядело, как у злой ведьмы Востока после того, как домик Дороти упал на нее. Оно должно было устрашить врагов, но Грейхарт почему-то думал, что враги Паука сделаны из материала попрочнее, чем тот, из которого сделаны малолетние воришки. Кроме того, он бы не привлек особого внимания на Бауэри или на Норт-Кларк-стрит в Чикаго.

— Стой, капитан Люцифер! — закричал Паук.

Люцифер, побледнев, развернулся. А Паук продолжал:

— Я искал тебя сорок два года! Я тот, кто придумал идею клеймить изображением паука лбы преступников, которых я обезвредил! Но ты украл идею, не дав мне ни малейшего шанса! Штампуя на лбу мошенников своего дьявола! Больше никогда! Вы вор, Капитан Плагиат!

Двое мужчин набросились друг на друга. Агент №4+1 обогнал их и, жертвуя немедленно свалившимися штанами, открыл тайничок в своем кольце. Достав оттуда крошечную ампулу из зловеще сверкнувшего зеленого стекла, он метнул ее вслед Безумному Фоккеру.

Ампула не долетела. Столкнувшись с одной из множества пуль, свистевших вокруг, она взорвалась в воздухе. Зеленые

облака заклубились над улицей. Они расширились до диаметра около двадцати футов, дрейфуя к №4+1 и двум мутузившим друг друга старым героям. Облако быстро рассеялись, но, очевидно, газ был быстрого действия. Трое стариков, позеленев словно огурцы, остались лежать на асфальте.

К тому времени дирижабль завис непосредственно над банком. Там он развернулся против ветра, его одного винта оказалось вполне достаточно, чтобы держать его на одном месте. Маленькая клеть, в которой находился всего один человек, опустилась на конце троса, свисавшего из гондолы воздушного корабля. Экипаж дирижабля открыл огонь; их целью оказалась многострадальная китайская забегаловка. Конечно, они не знали, что часть их собственной банды была в этот момент в ресторане и оказалась в ловушке.

Док Рэйвидж вынырнул из-за здания театра, которое почему-то все еще стояло. Бесстрашно, не обращая внимания на пули и проклятия, летевшие в него, он поднял маленький автоматический пистолет и прицелился в баллон дирижабля. Очевидно, он хотел продырявить бандитский воздушный корабль, обрушив его с небес на здание банка. Но ничего не вышло. То ли кончились патроны, то ли заело механизм. Отбросив пистолет, Док ретировался за театр.

Между тем Фуомбли появился на крыше здания в квартале от театра. Он хотел скрыться за декоративными надстройками на крышах, но эти надстройки начисто сбрило ударной волной от одного из взрывов. Старик держал в руках миномет, несомненно, добытый в бою, который ему удалось затащить на крышу. Он нацелил широкое дуло в сторону врага, зарядил мину. Дым и грохот сопровождали полет смертоносного снаряда. Толчка выстрела оказалось достаточно, для того чтобы старый раствор, скреплявший кирпичи не выдержал. Крыша рухнула. Вместе с ней и все здание, и отважный минометчик. Сильвер снял шляпу, чтобы приложить к сердцу. Но порыв ветра вырвал ее из руки и унес вдаль.

Мина взорвалась над зданием банка. Дирижабль отбросило ударной волной, но затем он вернулся. Клеть исчеза из виду, но чуть позже появилась над крышей несчастного банка. Внутри по-прежнему был один из бандитов.

Док Рэйвидж появился вновь, на этот раз с огромным копьем, которое он явно прихватил со склада театральной бутафории. Он поднял его. выбежал на улицу, размахнулся и метнул во врага. Это был довольно хороший бросок даже для молодого человека, не говоря уже о семидесятилетнем старике, но не достаточно хороший. Копье упало, не долетев футов шесть до брюха дирижабля. Тем не менее бросок не прошел впустую. Спускавшийся бандит, в ужасе от летящего ему в лицо копья, выпрыгнул из клети. Упав с высоты двадцать футов, он явно утратил боевой пыл. Док бежал обратно в здание с выражением отчаяния на лице и зажав руками рану чуть выше правого бедра. Он посмотрел в сторону Грейхарта взглядом полным изумления. Из-под обломков зданий с ног до головы покрытый пылью от штукатурки выполз Фуомбли! Старый перец определенно был не в лучшей форме. Но если он немедленно не найдет укрытие, то ему грозила участь превратится в фарш. Вокруг него пули рвали дерево и крошили кирпич. Волосы Сильвера встали дыбом. Стон донесся из недр здания. Осторожно он прошел через дверь и осмотрел комнаты. Мужчина сидел напротив стены под столом. Сильвер посмотрел на него и сказал:

— Капитан Ничто, я полагаю? Что вы делаете здесь?

— Ожидаю полуночи. Тогда я буду невидимым. И непобедимым... — ответил Дирк.

— Все закончится много раньше, — прозвучал чей-то голос.

Сильвер обернулся и ахнул от удивления. Старая индейская женщина стояла в углу.

— Бабушка!

— Что? — Капитан Ничто нервно дернулся. Его рука скользнула в карман.

Белое Пятно, старая шаманка сиу, покачала головой и указала на человека под столом. Потом чиркнула пальцем по горлу и исчезла. Сильвер быстро наклонился и схватил руку старика, которая только что вынырнула из кармана. Он вывернул кисть, так что Капитан Ничто закричал от боли, и крошечная ящерица, с алым петушиным гребнем и бледно-зеленой кожей, упала на пол. Однако маленькая рептилия, быстрая как молния, успела вонзить сочащиеся ядом клыки в руку своего бывшего хозяина. Капитан Ничто не успел даже закричать. Посинев, он сполз на пол.

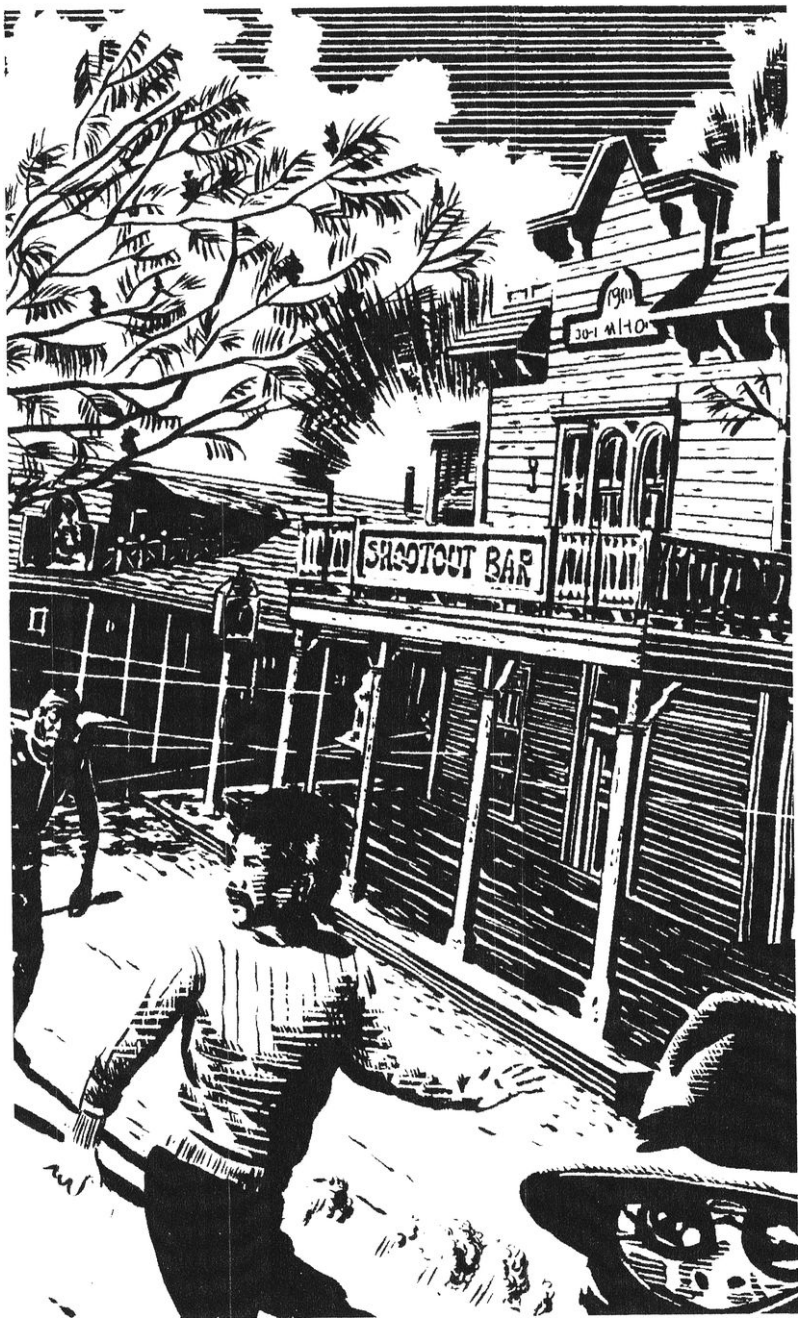
Сильвер придавил ядовитую ящерицу ножкой стула. Тварь зашипела и выстрелила из клыков струйку бесцветной жидкости. Пол задымился и почернел, струйка удушающего дыма поднялась в воздух. Грэйтхарт дождался, пока тварь издохнет и вернулся к старику. Текстура кожи лица усопшего выглядела так своеобразно, что Сильвер насторожился и подцепил кожу ногтем. Лицо, оказавшееся пластиковой маской, соскользнуло на пол. Под личиной скрывался... Доктор Вон Фэнг!

В ближнем бою старые китайцы отличались от других. Старый злодей нацепил личину легендарного героя, Капитана Ничто, явно надеясь усыпить бдительность любого противника, чтобы предательски убить. Но он никогда не сражался доселе против человека, чье подсознание работает, как кинопроектор.

Сильвер исследовал номер и быстро нашел другого покойника за грудой ящиков. Старый Вэлиант Килгор, Федеральный агент в отставке, главный враг Вон Фэнга. Здесь они сошлись в последней схватке. Исходя из отсутствия каких-либо ран, за исключением царапин на лице, Сильвер решил, что Килгор умер от сердечного приступа. Но враг ненадолго пережил доблестного агента.

Сильвер вернулся к выходу из здания. Бандиты в гондоле по-прежнему вели стрельбу, но в остальной части города перестрелка утихла. Может быть, у остальных кончились боеприпасы.

Грейхарт высунулся из дверного проема и свистнул три раза. Вороны бросили кружить над полем брани и направились прямо к нему. После того как они уселись на его плечах, он успокоил их, достал ручку и кусок бумаги из кармана. Он написал записку, вложил ее в клюв Хугину и тихонько каркнул. Хугин не хотел лететь, но Сильвер заверил его, что нет никакой опасности. Хугин каркнул ехидно и скептично. Грейхарт прокаркал, извиняясь, что опасность, конечно, есть, но она не велика. Ворон устремился к забегаловке, куда и влетел через дыру в стене. Из ресторана донесся многоэтажный китайский мат. Умная птица, покинув ресторан, помчалась в банк. Сильвер с изумлением наблюдал за результатом работы пернатого друга. Он направил записку, требуя немедленной капитуляции.


SHOOTOUT BAR

Город окружен полицией и национальной гвардией, и у преступной шайки, засевшей в ресторане, нет шансов. Но если они сдадутся, не медля, они могли бы получить некоторое снисхождение. Что касается негодяев в дирижабле, им не помогут даже молитвы. Реактивные истребители национальной гвардии уже над горой. В течение нескольких минут они сметут дирижабль с неба. Грейхарт подписал записку именем губернатора. Он надеялся, что злодеи не будут слишком удивляться, почему губернатор передает сообщение таким нетрадиционным способом. Но Сильвер забыл о Докторе Негативе с его психотическим страхом перед птицами. С тех пор как тот был похоронен в куче гуано, он не мог даже видеть пернатых. Увидев ворона, он впал в панический ужас. Началась цепная реакция, с результатами строго обратными тому, чего хотел Сильвер. Джеймс Болт, увидев, как его заклятый враг бросился бежать, побежал за ним. При этом у него не было ничего, кроме ножа. Патроны, как и у многих других, закончились. За ними помчалось с десяток китайцев, а за китайцами — выскочившие из соседнего здания русские. Хвин Динь ловили Вон Фэнга, или, может быть, их старого врага, секретного агента Болта. Или их обоих. Русские также преследовали кого-то. Возможно, Хвин Динь, которых они ненавидели, или Болта, которого они не любили, или Вон Фэнга, который вредил им в трудное время, в годы после революции. А может, и всех разом.

Следом двинулись все остальные, кто мог бегать, ходить или ползать. ФБР, ЦРУ, Кислый Леимон, и все, что осталось от обеих группировок итальянской мафии. Они были без бомб и патронов, но они имели ножи и специальное оружие — руки, ноги и зубы. Они встретились у руин банка и смешались в рукопашном бою тысячелетия.

Глава 8

Доктор Негатив был первым. Он, собственно, и не дожил до драки. Его сердце отказало, когда он добежал до кучи мусора перед банком. Джеймс Болт не пережил его на достаточное количество времени, чтобы поздравить себя. Ему

было только шестьдесят два, но выглядел он на все восемьдесят из-за его непрекращающегося пьянства и курения. Через несколько секунд после того, как Негатив отошел в мир иной, алкоголь и никотин обрушились, как нож гильотины, на Болта. Он схватился за грудь и рухнул рядом со своим врагом.

Медяк Кид был следующим, из его разжавшейся руки выкатился потертый пенс..

— Слишком много лет ожидания мести. Слишком много волнения для сердца, которое было простимулировано слишком большим количеством адреналина для их возраста, — бормотал сам себе Сильвер.

Старики падали, как индекс Доу Джонса на Уолл-стрит.

Упал Док Баркер, делая последний шаг. Сэр Дэйнес Нэйгланд Смайт и доктор Фу Манчу рухнули, сжав друг друга в смертельных объятиях. «И это правильно», — подумал Сильвер. За шестьдесят лет вражды они имели бесчисленные возможности убить друг друга, но всегда игнорировали их. Значит, в глубине души они любили друг друга.

И доктор Сен Сен навеки унес с собой зловещую тайну своего дыхания. Оставался вопрос, однако, был ли разрыв сердца причиной его смерти, или проломленный череп. Суперзлодей столкнулся с Лунатиком, своим старым врагом. Голова Сена Сена врезалась в большой непрозрачный металлический шар, скрывавший лик его врага. Был громкий звук, и оба упали на спину, ноги к ногам.

Но не все старики пали в сражении. Черная Ночная Сова, напялив темные очки, поражал противников белой тростью. Дональд Диаболо, одетый в алый костюм, сшибал врагов взмахами кнута. В перерывах он отвлекал противников магическими трюками с бесконечным шарфом, американским флагом, чашей с золотыми рыбками, букетами цветов, кроликами, стаями голубей, и прочими предметами, вылетавшими из его рукавов. Гэрглер, одетый в серый морской мундир, разил рагов направо и налево прикладом автомата. Но сзади к нему подкрался Доктор Терминал, сжимавший каменный топор в руке. Терминал провел всю свою жизнь, пытаясь уничтожить цивилизацию, чтобы вернуть людей в каменный век. Он был идеалистом, который считал, что технология

разрушает духовность человека своим материализмом. Все убийства, индивидуальные или массовые, которые он совершил, были для блага человечества, как он считал, хотя даже он должен был признать, что смог совершить свои величайшие деяния только благодаря достижениям современной науки. Терминал ударил Гэрглера по затылку, хотя и не очень сильно, так как его руки были слабы. Гэрглер открыл рот, и специально сделанные пластины внутри рота вылетели... Это было оборудование для изменения формы его нижней части лица, когда он был в маскировке. В качестве побочного эффекта пластины сделали его голос странно квакающим. Теперь он рухнул на четвереньки, ощупью выискивая пластины в джунглях ног. Доктор Терминал поднял топор, чтобы обрушить его Гэрглеру на ягодицы...

Двое всадников, которые скакали между полыхающими зданиями, привлекли внимание Грейхарта. Очевидно, Длинный Рэйнджер и его приятель Пронто выжидали до критического момента. И палили они куда бог пошлет. Сильвер упал, когда пуля, просвистев мимо, едва не нашла его. Она ударилась обо что-то металлическое у него за спиной и рикошетом отлетела ему под ноги. Сильвер посмотрел на нее, увидел, что она из свинца, и ощутил грусть. Дни, когда Длинный Рэйнджер был достаточно богат для того, чтобы использовать серебряные пули, уже миновали. Тут Пит Русе вышел из ступора. Он встал на ноги, шатаясь, посереди улицы, шагнул навстречу всадникам и закричал:

— Остановись, именем закона графства Кочайз, Длинный Рэйнджер!

— Ради Бога, Пит, с дороги, я на стороне Добра!

— Ты вне закона! — крикнул Русе и опорожнил свой шестизарядный во всадников в масках. Длинный Рэйнджер использовал все свои патроны; Пронто не стрелял, потому что уронил пистолет. Стрельба не принесла никакого результата. Страж Закона и Мститель Вне Закона умудрились ни разу не попасть друг в друга. Ошалев от грохота пальбы, конь Рэйнджера шарахнулся и угодил в воронку от взрыва. Рэйнджер полетел вверх и вперед, в то время как конь остался позади. Конь Пронто кинулся за конем Рэйнджера, сбросив Пронто, и тот приземлился на Рэйнджера, который, в свою очередь, упал на

Пита Русе. Кони стали, но трое мужчин остались лежать. «По крайней мере, в этот раз индеец оказался сверху», — глубокомысленно заключил Сильвер. И вот пришел Зеленый Лама, с длинным шарфом, который он использовал как хлыст. О него исходил яркий синий свет, так как он только что проглотил светящееся содержимое синего флакона. Теперь его напряжение составляло несколько сотен тысяч вольт. Просто пусть враг возложат руки на него! Он продвигался осторожно вокруг края толпы в ботинках с толстыми подошвами из изолирующего материала. Он искал, кого бы хлестнуть плетью-шарфом. Шарф был также из непроводящего материала.

Человек, которого Фуомбли называл «архимонстром» из банды Скорпиона, выполз из толпы. Он был тем, кого полиция знала под именем Джеффри Джасткид, и известен в преступном мире в двух разных ипостасях. Иногда это был сострадательный доктор Хэдбон, человек, который любил раздавать деньги жителям трущоб и помогать живущим на пособие. В других случаях он был Смертельный Убийца Хэдбон, беспощаднейший из преступников. Теперь он беспомощно озирался, очевидно, отчаянно нуждаясь в очках. Он присел, пытаясь найти их в сутолоке ног. Затем он пожал плечами, встал и повернул голову к толпе. К сожалению, Зеленый Лама оказался на его пути. Вероятно, Хэдбон не признал его. Хэдбон прыгнул на него. Раздался громкий треск, герой, злодей и еще несколько человек превратились в дым. И вся толпа как один упала.

Наступила тишина, нарушаемая лишь треском пламени. Ветер принес едкий запах дыма и не слишком сладкий запах свершившейся мести. Остался ли кто-нибудь в живых? Или Грейхарт был единственным выжившим?

Нет. До сих пор были люди в банке и на дирижабле. И две фигуры поднялись над опустошенным и пылающим пейзажем. Фуомбли и Док Рэйвидж. Они поддерживали друг друга, морщась на каждом шагу, но решительно ковыляли в сторону банка. Но что может сделать пара раненых старцев? Они действительно собирались в банк для схватки с десятками вооруженных людей? Когда эти двое исчезли в здании, Сильвер крикнул им след:

— Эй! Подождите!

Он кинулся за ними. А потом вынужден был остановиться, посерев от ярости. Его чудесная электромеханическая нога выбрала именно этот миг, чтобы выйти из строя. Сервомеханизмы перестали отвечать на биотоки, протез превратился в мертвую чушку из стали и пластика. А его тренер в больнице не научил его ходить с неактивированной конечностью. Нелепо ковыляя и пошатываясь, Сильвер добрался до банка. Внутри было светло и пусто, как в предвыборных обещаниях. Обломки заполненяли холл. Сильвер осторожно заглянул в заднюю комнату. Дверь хранилища располагалась на противоположной стороне, и она была закрыта. Это означало, что двое погибших заперли там, в ловушке, кого-то из банды, поскольку банда не беспокоилась, чтобы закрывать за собой двери. Но сколько из них было там бандитов? И где были Фуомбли и Док Рэйвидж?

Грэйхарт не нуждался в услугах Шерлока Холмса, чтобы ответить на последний вопрос. Они взобрались по лестнице на второй этаж и на крышу.

Используя здоровую ногу и перила, проклиная современные технологии и двух упрямых стариков, Сильвер втаскивал себя вверх по ступеням. Он должен был переползать по мешкам денег и их несостоявшимся похитителям, лежащим на лестнице со сломанными шеями и свернутыми челюстями. Чувствовалось, что тут поработал могучий кулак доктора Рэйвиджа... Сильвер из последних сил полз вверх по почти отвесной лестнице. Через открытый люк над головой он увидел дирижабль и клеть подъемника на тросе. Клеть прошла примерно две трети пути вверх и висела на высоте около двадцати футов над крышей. В ней сидел Безумный Фоккер, который хохотал и корчил рожи. Сильвер добрался до конца лестницы и высунул голову наружу. Объектом насмешек были, как он и ожидал, Фуомбли и Рэйвидж. Они были безоружны и абсолютно беспомощны. Но они заставили банду оставить большую часть награбленного. Мешки денег были свалены в кучу прямо за их спинами.

Безумный Фоккер не был бы так счастлив, если бы он знал, что происходит над ним... Над креплениями, удерживающими клеть на тросе, из гондолы дирижабля высунулся некто с белой бородой, как у Санта-Клауса, с улыбкой дьявола и в фуражке морского офицера. Конечно, это был Крендлел Блимп, собственной персоной.

Поскольку Фуомбли и Рэйвидж находились непосредственно под клетью, они не могли видеть Крендлела.

— 8-шар! — позвал Фуомбли.

Лицо человека в клети подъемника скривилось, рот открылся в изумлении. Это заняло всего несколько секунд, затем бандит взял себя в руки. За это время клеть прошла несколько футов вверх.

— Как вы узнали, что я 8-шар? — прокричал Безумный Фоккер.

— Только я это знаю! — ответил Фуомбли.

Это было не совсем верно, так как он рассказал об этом Грейхарту, но не время для подробностей.

— 8-шар! Но ты не знаешь, кто ваш главарь, который скрывается за поддельным лицом и накладной бородой? Это твой старый враг, дьявол воплоти, герр доктор Крюгер! Он смеется над тобой! Я пытался выяснить в течение долгого времени, кем Крендлел может быть, и наконец, узнал правду! Знаешь кого-нибудь ещё, кто может так менять внешность и туманить разум? Скажи мне, 8-шар, разве он не казался тебе смутно знакомым? Разве не говорит он с немецким акцентом?

— Нет! Нет! Нет! — застонал 8-шар. Он посмотрел наверх, а затем что-то прокричал.

Раздался голос главаря, ехидный и тонкий:

— Это прафда! Я челофек, которого ты ищешь шестьдесять дфа года. Сперфа я собираться юбить тебя. А потом я подумаль, что это великий шютка, если использовать челофек, который искать меня снова и снова, челофек, который застафил моей любимый Фатерлянд проигрыфать фойну! И хуже всего, делает дурак из меня, герр доктор Крюгер, величайший разум в мире, во Фселенной даже!..

Старик в машине опять закричал, в приступе ярости схватил трос, и начал карабкаться вверх к Крюгеру, пребывавшему на высоте десять футов над ним. Ему должно было быть примерно восемьдесят, но полз он вверх с проворством павиана. Его голый зад делал подобное сравнение еще более уместным.

— Я уничтожу тебя! — громогласно пообещал он и качнулся от порыва ветра, а потом, всего в нескольких метрах

от цели, он остановился. Его хриплое дыхание было настолько громким, что Сильвер мог слышать его.

— Leben Sie[70], придюрок! Счастлиффого пути!

Док Рэйвидж наклонился и схватил мешок, вероятно, содержащий серебряные доллары, и поднял его над головой. Агония исказила его лицо, но её быстро сменило его нормальное стоическое выражение. Но он по-прежнему пытался, увы, безуспешно, поднять мешок над головой. Сильвер, понимая, что он хочет сделать, втащил себя на крышу. Потом Грейхарт закричал, пытаясь привлечь внимание Фуомбли и Рэйвиджа:

— Осторожно! Крендлел режет трос!

Рэйвидж застыл как изваяние. Фуомбли, схватив его за плечи, нырнул за мешки. Там они и залегли. Старики лежали и стонали.

Крендлел видел все это. Он засмеялся и закричал.

— Посмотрите на этих dummkopfs[71]! Фы dummkopfs! Фы потеете и стонете, он потеет и стонет! Хо! Хо! Это есть Феликие Мстители!

Сильвер снял штаны. Затем он повернул искусственную ногу на четверть оборота, не чувствуя никакой боли. Открутить протез оказалось легко, соединение протеза с нервной системой, по-видимому, окончательно отказало. Сильвер изо всех сил схватился за пластиковую ногу, надеясь, что Крендлелу, или Крюгеру, или как его там, станет достаточно интересно понять, что он делает, и это в итоге приведет к задержке в перерезании троса. 8-шар, вися на тросе, смотрел на него, и Грэйтхарт вдруг ощутил к нему жалость. В конце концов, старый перец был безумным.

Крендлел закричали сверху издевательским тоном:

— Так, что мы фидеть? Фы бюдете исполнять одноногий танец? Фы индейский шаман, фы собираетесь вызвать дождь? Только на одной стороне неба! Ха-ха-ха!

Балансируя на одной ноге, Сильвер метнул протез, словно копье, вверх, в гондолу дирижабля. Крюгер вскрикнул, его лицо исчезло. Он, вероятно, нырнул в гондолу, подчинившись чисто иррациональному рефлексу, упустив свой шанс помешать столкновению протеза с лопастями винта.

---

[70] Живи *(нем.)*.

[71] Болван *(нем.)*.

Вращаясь в воздухе, протез столкнулся с бешено крутящимися лезвиями лопастей пропеллера. С громким звяканьем нога вылетела обратно, еще вертясь, и приземлилась на углу крыши. Пропеллер замер на мгновение, затем возобновил свою первоначально скорость вращения. Если какая-либо из лопастей и была повреждена, это пока никак не проявилось. Сильвер скривился от досады. Он надеялся, посредством прочного как сталь протеза, сломать или погнуть винт. Но гримаса боли вскоре превратилась в довольную ухмылку. Трюк с ногой сработал, правда, совершенно неожиданным способом. Пока Крюгер прятался в гондоле, старый 8-шар добрался до воздушного корабля, и нырнул в один из открытых люков. Крик ярости Крюгера был подобен грому. Он вновь схватил кусачки, чтобы перерезать трос. Склонившись над тросом, воздушный пират работал с остервенением. Его лицо стало красным от усилий, но он сумел перекусить трос. Клеть упала на крышу. Но тут 8-шар схватился за ногу Крюгера одной рукой, а другой — за его длинную белую бороду. Оба выпали из гондолы, крича, в то время как дирижабль, освобожденый от веса клети и двух тел, взмыл вверх.

Клеть, упав на крышу, проломила её. Здание, расшатанное и покосившееся от взрывов, рухнуло. Сильвер не помнил ничего, кроме падения с крыши. Что-то ударило его, и он оказался без сознания.

В машине скорой помощи, по дороге в город Бисби, в больницу, Грейхарт очнулся. Он пробормотал:

— Кто-нибудь остался жив в банке?

— Только ты, — ответил санитар.

— Тогда я думаю, они все в Вальгалле, — прошептал Грейхарт, и вновь потерял сознание.

— Эй, Джек, где находится Вальгалла? — спросил санитар у водителя.

— Не знаю. Нет такого места в Аризоне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 9

Грохот выстрела автоматического пистолета 45 калибра в коридоре оглушил Грейхарта Сильвера. Он запрыгнул обратно в комнату, хлопнув дверь. Отверстие появилось в деревянной панели, там, где только что была его голова. Пригнувшись, он протянул руку и на ощупь запер дверь. Но если они хотят заполучить его, взломать дверь не проблема.Они могут попытаться убить его. Он был свидетелем, и он мог описать их полиции. В конце концов, он был с ними все утро. Где он может скрыться, куда бежать? Квартира имеет только один выход, если не считать варианта с балконом. Но балконы соседних квартир слишком далеко, чтобы перепрыгнуть на один из них, а прыгая на балкон ниже слишком опасно — узкие балконы располагались в шахматном порядке, и можно было промахнуться.

Сильвер сел и закатал штанину на левой ноге. Может снять механическую ногу? В ней было оборудование для чрезвычайной ситуации. Однако не настолько чрезвычайной. Двигатель обеспечивает успешный спуск с высоты пять этажей. Значит, еще пять этажей придется пролететь в свободном падении. Это не выход. Оставалось только использовать ногу как оружие. Он сжал протез, там, где соединялись пластик и плоть. Один небольшой поворот — и соединение между нервами и проводами будет отключено. Затем еще полоборота, и нога будет откручена. Но если он сделает это, ему придется пойти в больницу для переподключения нервных окончаний. Это будет стоить значительно больше, чем двадцать долларов — все наличные деньги, которые он имел.

Тишина воцарилась в коридоре, и Сильвер решил пока не отвинчивать ногу. Он поднялся и подошел к двери, приложил ухо. Тишина.

Негодяи либо ждали его, чтобы опять попытаться убить, или они скрылись, как антилопы, которые почуяли льва. Очевидно .они похитили молодую женщину, лицо которой он запомнил. Ее рот был заклеен полосой белой ленты, руки связаны или в наручниках. Один из нападавших держал пистолет у ее виска. Ее глаза были огромны и наполнены ужасом.

Налетчиков было пятеро — трое мужчин и две женщины. Подобно Сильверу. они были одеты в яркие оранжевые комбинезоны с надписью большими черными буквами на спине и на груди «АКМЭ СтОк Очистители». Пленница была не единственной, кто пребывал в шоке. Похитители были потрясены появлением Сильвера, растерянно уставившись на неожиданного свидетеля. Он знал пленницу. Насколько хорошо он знал ее! Он не видел ее много лет, но узнал ее мгновенно. Вовсе не Лесси!

— Регина! — воскликнул Сильвер.

А затем все вышли из транса, как если бы кто-то щелкнул выключателем, отключив парализующее поле. Одна из женщин рванула Регину назад. Другие шагнули вперед, поднимая оружие. Как позже понял Сильвер, свои пушки они прятали в вещах для уборки.

В то же время он увидел уголком правого глаза призрачную фигуру. Это был высокий одноногий человек, одетый, как пират Карибского моря, опиравшийся на костыль, с огромным зеленым попугаем на плече. Он был полупрозрачным, так что светло-зеленая стена с висящей на ней литографией слегка просвечивала сквозь него. Призрак провел пальцем по горлу. Попугай открыл клюв, казалось, выкрикивая предупреждение, хотя звука не было.

— Ты немного опоздал! Спасибо, но я уже в курсе! — со злостью в голосе пробормотал Сильвер.

Фигура начала исчезать, но он не обращал больше внимания на нее. Он не нуждался в ней, чтобы сказать, что дела плохи. Он бросился назад, захлопнул дверь. А затем пули из пистолета и полуавтоматической винтовки пробили дверь. Был ли у мужика с винтовкой ожог на левой лодыжке? На данный момент эта мысль казалась совершенно неуместной. Какая разница, был или нет? Но Грейхарт знал, хотя и не мог сказать, почему, что это важно. Его подсознание не стало

бы мусолить эту мысль в такой опасный момент, если бы не считало ее важной.

Сильвер впервые увидел шрам у человека по имени Пит, в то время как бригада ехала в фургоне АКМЭ. Пит, сидя напротив Грейхарта, наклонился и закатал вверх левую штанину. Он энергично почесал широкую красную полосу на лодыжке. Затем, заметив любопытный взгляд Сильвера, он усмехнулся и сказал:

— Клеймо моего рабства. Но сейчас я свободный человек. Навсегда!

Сильвер открыл дверь так тихо, как мог, прислушался, а затем ударил дверь ладонью, отскочил и ударил в стену. Не было никакого ответа. Его сердце билось тяжело, он выглянул из дверного проема. Зал был пуст. Дойдя до лифта, он обнаружил, что, по показаниям индикатора, лифт двигался вниз. Банда могла спускаться на нем. Или не спускаться. Сильвер глубоко вдохнул, а потом не смог сдержать себя и громко выругался от досады. Что за долбаный бардак! Если он сообщит полиции, что стал свидетелем похищения, ему придется объяснить, что он делал в этой квартире. И он будет отвечать за взлом и проникновение. Справедливо, с точки зрения закона. Его оправдание, что он ищет картину, которую Лесси украла у него, не примут. И было ясно, что мстительная сучка предъявит ему обвинение.

У нее же было идеальное алиби. Ее любовник, другой ее любовник, показал, что она была с ним, когда картина исчезла. Поскольку он был лейтенантом полиции, из уголовного розыска, его словам поверили безоговорочно. Но почему Сильвер пришел сюда именно сейчас? Он знал, что Лесси продала картины, и скорее всего, уже давно. Картина, несомненно, висела теперь на стене, в закрытой частной галерее какого нибудь беспринципного частного коллекционера. Сильвер понимал, что повел себя как идиот, явившись сюда, но на эту глупость его толкнуло отчаяние. Кроме того Лесси, хотя и имела тело, которое привлекало мужчин, как огонь мотыльков, была на редкость безмозглым созданием. Она могла додуматься хранить картины в своей квартире.

Но для взаимных обвинений времени не было. Во-первых, он должен уведомить полицию. Анонимно, конечно. Затем

свалить подальше. Если полиция перехватит его выхода из здания, они не будут, по крайней мере, иметь оснований привлечь его за проникновение со взломом. Он не мог отрицать, что столкнулся с бандой этим утром. Этого достаточно, чтобы задержать его, как важного свидетеля. Тем более, что старый Бендт Микобер будет оказывать давление.

Сильвер прошел через большой роскошный холл к телефону. Огромное зеркало на стене отразило мужчину тридцати двух лет отроду, шести футов ростом, в оранжевом комбинезоне. На груди имелась надпись: «АКМЭ. СтОк Очистители». «СтОк» означало стены и окна. Микобер занимался ещё и этим. Сильвер получил немало удовольствия, устраиваясь в фирму, которая давно внесла его в свой «черный список». Но это теперь грозило большими неприятностями. Хакерство. Подделка документов. Самозванство.

Полиция найдет еще одну причину упрятать Сильвера за решетку. Они бы никогда не поверили, что он избежал смерти от голода только благодаря ложному удостоверению личности. Если он попытается рассказать им правду, он будет подвергнут психиатрической экспертизе. Вероятно, его отправят в дурдом. Кто, кроме него и заговорщиков, поверит, что Микобер преследует его?

«Паранойя, не говоря уже о шизофрении и мании величия!»

— В палату с мягкими стенами! Для моего же блага!

И старый Бендт Микобер, улыбаясь, куря сигару за двадцать долларов и потягивая бренди за сто долларов, прикажет запереть его там навсегда. Для блага общества, конечно. Что означает, в словаре Микобера, для блага Микобера лично. Но почему Микобер ненавидит его? Он обвинил Сильвера в потере цеппелина и двухст двух миллионов долларов, хотя Сильвер не был командиром злосчастного дирижабля. Конечно, увольнения и затем занесения в черный список компании должно было быть достаточно. Но Микобер преследовал его, даже когда Грейхарт получал работу, не связанную с Микобером. Этот негодяй оказывал давление, тайно, конечно, и Сильвера внезапно увольняли снова и снова — без комментариев.

Микобер был подлинным параноиком, человеком, который должен находиться в палате с мягкими стенами. Однако Сильвер был на мели. Кто поверит нищему?

Сильвер посмотрел в зеркало, подойдя к телефону. Выглядел он, как подзаборный алкаш. У него не было денег, чтобы сходить в парикмахерскую и сделать прическу, или чтобы привести в порядок свои усы. Его щеки казались впалыми, а глаза были красными. И сам он чем-то напоминал оголодавшего грифа. Он набрал номер полиции. Занято. Может быть, плюнуть на все? Нет. Он не мог забыть об ужасе и боли в глазах Регины. Если бы он не знал её так хорошо, то может... Нет. Даже в этом случае нет. Он не собирался отказывать никому, известному или неизвестному, оказавшемуся в тяжелом положении. Независимо от того, что это будет стоить для него.

Он дозвонился до копов как раз в тот момент, когда за окном раздалось завывание полицейской сирены. Полицейские приехали, что означало: кто-то вызвал их...

— Кто звонит? — повторил полицейский.

Тот, кто звонил в полицию, видел достаточно, чтобы поставить копов на след? Или кто-то просто слышал стрельбу? Полиции необходимо хорошее описание преступников. И Сильвер мог оказаться единственным, кто знает номер машины похитителей. В такой ситуации быстрые действия имеют критическое значение. Возможно, банда уже сменила машину. Еще одно соображение. Полицейские задержат его, прежде чем он выйдет из здания. Он ведь может рассказать все, за исключением того, что он побывал у Лесси в квартире.

— Это Грейхарт Сильвер. Я хочу сообщить о похищении.

— Вы похититель?

— Нет, но я кое-что видел и знаю...

Глава 10

Сеймур Шистер впорхнул в комнату для «интервью». Как всегда, он улыбался. Он бросил кейс на стол и протянул руку через него.

— Как дела, парень?

Сильвер проигнорировал протянутую ему руку.

— Ты мой общественный защитник?

Адвокат посмотрел на него и затем убрал протянутую руку.

— Я получил твой случай. А то, что ты за руку не здороваешься, это китайская мода?

— Нет, я просто помню, как ты работал с моим случаем, когда я хотел прижучить Микобера. «Забудь об этом», — сказал ты. И ещё... что мы не можем победить. «Не обращайте внимание на несправедливость», — сказал ты. «Смирись с ударами реальности», — говорил ты тогда. Так почему ты взялся за мое дело сейчас?

— Мне платят, независимо от результата. Так что мне следует сделать, чтоб выиграть это безнадежное дело?

— Найти мне хорошего адвоката...

— Ха-ха! До сих пор не потерял чувство юмора? Очень хорошо! Большинство в таком положении будут думать о веревке и мыле. Ты реальный человек, хотя и не могу сказать, что везучий. Но Бог раздает свои дары, не спрашивая у нас совета. Кстати, ты отслеживал, как дела у Лесси?

Его большие светлые глаза застыли в томной задумчивости на минуту. Сильвер буркнул:

— Я догадывался, что у тебя с ней были шуры-муры, пока я был вашим клиентом и лежал в больнице, сходя с ума от отчаяния! А еще у нее были шашни с доктором, с тем парнем из полиции, и еще один бог знает с каким количеством мужиков! Если не она эталон шлюхи, то кто?

— Я ничего не признаю, — сказал Шистер, медленно выуживая нужное из омута воспоминаний.

— В любом случае моя личная жизнь не мешает моей профессиональной деятельности. Теперь мы должны сделать что-то, независимо от того, как малы наши шансы. Но только сама Фемида знает, что тут можно придумать. Как вообще можно было так влипнуть, Сильвер? Вы поставили себя в ситуацию, когда они поимеют вас, как щенка, в хвост и в гриву, в нос, в корму и в оба борта. Может быть, у тебя и получится отмазаться от обвинения в похищении. Но подделка удостоверения личности! Хранение взрывчатки в протезе! Отпечатки пальцев, найденные у Лесси в квартире! Теперь они выдвигают обвинение по подозрению в совершении кражи со взломом. Лесси также утверждает, что ее драгоценностей не хватает, и она хочет оплаты новой дверьи и ремонта стены. В довершение ко всему, двадцать долларов в твоем бумажнике

были фальшивыми! Они и это решили раскопать! — в голосе адвоката смешались гнев и отчаяние.

— Смешно! Я выиграл двадцать баксов в игре с дерьмовыми ставками, поставив на кон последний доллар. Если я когда-либо найду того парня, — воскликнул Грейхарт с негодованием.

— Вы оба будете настолько стары, что не узнаете друг друга, — буркнул Шистер.

— Слушай, мы должны придумать что-то. Как насчет необратимого повреждения головного мозга после той заварухи? Это было как Сталинград... Все эти взрывы... — Сильвер увидел, что дверь открывается. Вошли четверо. У них были суровые лица и хриплые голоса. Они осмотрелись, а затем встали по двое с каждой стороны двери. Еще один тип не менее сурового вида высунул голову в дверь.

— Чисто?

— Чисто, — заверил один из четыверы, почти не открывая рта. Пятый человек вошел, застыв на миг в проеме двери. Сильвер ощутил закипающую ярость. Шистер обернулся и застонал:

— Господин Микобер!

— Свали отсюда, Шистер, ты, кляузник и мастер по темным делишкам! — проревел трубный глас.

Адвокат вскочил, схватил папку с документами и ускользнул, бормоча что-то себе под нос. Его голос был низким, бормотал он тихо, и, когда пробегал мимо Микобера, его слов было совершенно не разобрать. Сильвер уловил лишь угрозы судиться за оскорбление чести и достоинства. Но то была просто трусливая бравада. Юрист знал, что у него примерно столько шансов в суде с олигархом, как у воробья в тайфуне.

Бендт Микобер застыл в дверном проеме, заставляя адвоката выползать боком, сжавшись, чтобы избежать столкновения, словно боясь запачкаться. Сильвер, дрожа от ярости, сел. Если бы он по-прежнему стоял, это могло быть истолковано Микобером как проявление почтения. С минуту Микобер разглядывал Грейхарта, стоя в дверях. Он был около пяти футов двух дюймов ростом, пухлый, лысый и с огромными хомячьими щеками. Его пухлое лицо было пронизано прожилками вен. Его лоб был до смешного высоким, как у безумного ученого на иллюстрациях к научно

фантастическим рассказам 1930-х годов и в современных мультфильмах. Его глаза были большие, навыкате, зеленые, в желтую крапинку. Они выглядели, как глаза утки, которая только что услышала выстрел из ружья и озирается в поисках стрелявшего. Нос был огромным и изогнутым, как клюв фламинго; челюсть — массивной; подбородок имел форму пули. Его рот был своеобразным. Верхняя губа была очень полной, а нижняя — тонкая, словно линия; зубы, мелкими, но клыки — чрезмерно длинными и заостренными. По слухам, Микобер изменил их форму, чтобы пугать своих оппонентов, или, если на то пошло, любого в пределах видимости. Вместе губы, форма рта и зубы создавали впечатление, чтоМикобер оборотень, начинающий превращение.

Микобер и вправду был волком, хотя и исключительно финансовым, волком того вида, что рыщет не в лесу, а в дебрях Уолл-стрит. Его обычно сопровождала великолепная секретарша, «Мисс Вирджиния-1984» и «Лучшая Американская мамаша» девять месяцев спустя. Но это на публике. Это был не секрет, что все мужские и иные силы Микобера служили единственно одной цели — накоплению денег.

Все и, вероятно, сам Микобер, были удивлены, когда его жена забеременела. Возможно, Микобер также был возмущен, даже разгневан, поскольку он развелся с ней спустя год после того, как родился его единственный ребенок. Алименты, конечно, были огромными. С другой стороны, Микобер мог использовать все налоговые льготы, которые мог получить...

Грейхарт хотел заставить финансового титана первым начать разговор. Но он уже не мог контролировать себя.

— Что ты делаешь здесь? Заплатил Верховному суду Соединенных Штатов, чтобы купить право на мою казнь? — зло и ехидно спросил Сильвер.

Микобер остановился и достал огромную зеленую сигару из внутреннего кармана пальто. Телохранитель шагнул вперед, выхватил нож и резким ударом отсек кончик сигары. Глаза Сильвера расширились. Если трюк с ножом должен был произвести на него впечатление, то это удалось. Другой телохранитель выхватил зажигалку, зажег и подставил под конец сигары. Микобер затягивался и пыхтел. Вскоре вся комната наполнилась клубами плотного и ароматного табачного дыма. Сильвер

втянул дым с удовольствием. Он не мог позволить себе табак в течение длительного времени. Наконец Микобер вынул изо рта сигару и нацелил ее горящий кончик на Сильвера.

— Нет необходимости оскорблять органы власти Америки беспочвенными обвинениями. Они не все гнилые, мой мальчик, не все продажны. И, чтобы быть конкретным, скажу: нет девяти стариков в черных мантиях в моем кармане. Да, почти все остальные есть, но судьи высшего бастиона американской системы неподкупны, — промурлыкал плутократ и выпустил большое облако дыма в форме зеленого дракона.

— Я здесь, чтобы иметь дело с вами! — рявкнул он.

— Убрать меня? — мрачно ухмыльнулся Сильвер.

— Какой цинизм! Нет, я хочу использовать вас, причем в ваших же интересах! Мне это не нравится, я признаю, но я реалист. Вы можете крутить передо мной хвостом, но смотрите, не заметите, как он отвалится ко всем чертям!

Возможно, в сигаре был не только табак. Грейхарт чувствовал себя странно, как будто все вокруг, включая его самого, были нереальными. Что происходит?

— Я, как и все остальные, сначала предполагал, что вы виновны, — продолжал Микобер. — Виновен, как сам сатана, заслуживший вечное проклятие! Я никогда не ошибаюсь, мой мальчик, никогда! Ну, ошибаюсь я редко. Однако в этом случае я ошибся! Итак, я обвиняю себя в первую очередь. И я признаю себя виновным. Полагаюсь на милость суда!

— Я? — переспросил Сильвер.

— Нет, я. И я приостановил, нет, на самом деле, отменил приговор. Каждый имеет право на одну ошибку, ну, почти каждый! — добавил магнат, глядя на Сильвера.

— Каков смысл всего этого спектакля? Не пора ли поставить в предисловии точку? — недоумевал Грейхарт. Он подумал, что не удивительно, что Микобер не настолько успешнен в сердечных делах. Он напускал такую дымовую завесу многословия, что мысли путались. К тому времени, когда он добирался до сути, его слушатели были уже в трансе. И были согласны почти на все, чтобы заткнуть фонтан красноречия.

Было не удивительно, что Микобер имел такой недолгий брак и длинный шлейф любовниц. К тому времени, как он прекращал говорить, любые потенциальные вожделения в нем или

его предмете страсти смывало словесным потопом. Что же произошло в ночь, когда его дочь была зачата? Микобер страдал от ларингита? Или миссис Микобер вставила мужу кляп в рот?

— Точку? Главное, что я знаю, что вы невиновны! — Сильвер окончательно растерялся. — И только я знаю об этом. Ну, мои агенты тоже, но это не считается. И ещё я знаю, что никому не скажу об этом, а они — тем более. Ибо они знают, где раки зимуют. И полиция не будет знать, что вы невиновны, если вы не согласитесь на мои условия.

— Как ты знаешь, что я не виновен? Предполагаю, ты говоришь о моем предполагаемом участии в похищении госпожи Регины Лир?

Наступила очередь Микобера испугаться. Его глаза вылезли на лоб, и он почти перекусил сигару.

— Вы действительно не знаете? — пробормотал он, наконец. — Или ты так упрям, совершенно по-ослиному, что не можешь признаться, что виновен? Или, может быть, ты боишься признать вину из-за страха?

— Не понимаю. Говоришь, я невиновен. Теперь говоришь, что виновен. И что вообще ты имеешь в виду? — спросил Сильвер, глядя магнату в глаза.

Микобер выплюнул сигару и закричал:

— Черт возьми, вы действительно не знаете? Вы не знаете, что Регина Лир моя дочь?

Глава 11

Есть время, чтобы быть трезвым и невозмутимым. А есть время, чтобы смущаться, путаться, пребывать в смятении и тревоге. Сегодня, несомненно, был день для последнего.

— Как... как... как?

— Я знаю, что вы частично индейского происхождения! Но это смешно! — орал Микобер.

— Да, но как?..

Микобер нацелил палец на Сильвера и приказал телохранителю.

— Дайте этому человеку горячего...

Сильвер возмутился.

— Не думаю, что ты можешь избивать меня... Это полицейский участок. Ты не...

Он остановился. Охранник вытащил широкую плоскую серебристую флягу из-под пальто. Он отвинтил крышку и сунул флягу Сильверу.

— Ох!

Коньяк согрел кровь и ожег пустой желудок, но не помог прояснить голову. Совсем наоборот. Он поставил флягу на стол и объявил:

— Если она твоя дочь, это многое объясняет. Например, когда мы были студентами в Лос-Анджелесе, я был старшим, а она — первокурсницей...

— Я всё знаю, — Микобер не говорил, а ревел трубным гласом. — Но она никогда не говорила, что ее реальное имя Джилл Микобер? Она не намекала, что она — мой ребенок? Ну, если это правда, то вы не знали, что вы делаете, когда вы разбежались с ней. Вы не знали, что она была беременна? Или что она по-прежнему любит вас?

— Клянусь...

— Не поверю вам, даже если вы поклянетесь на кипе моих финансовых записей. Но потом... Ладно, мой мальчик. Расскажу, что произошло, на тот случай, если вы и в самом деле невежественны, как вы утверждаете. Вы, двое, сильно поссорились перед выпуском? — Сильвер кивнул так тяжело, что почувствовал, как в его теле плещется коньяк, в котором поплавком болтается череп. — Так что вы оставили ее сразу после церемонии в Фридрихсхафен, в Германии, где вы стали офицером в Академии компании АКМЭ-«Цеппелин» — моей компании. Если бы я знал то, что произошло между вами, я бы предпринял адекватные шаги. Но я не знал. Джилл управляла ее глупая гордость, она получила ее от матери, и она не сказала мне ни слова. Она решила завести ребенка и оформить его на себя, как и слишком многие женщины в этом сумасшедшем развращенном обществе. Но она знала, что мои агенты смотрят за каждым ее движением, так что она поступила в «левый» колледж и вновь сменила имя...

— Почему она поступила в колледж под поддельным именем? — спросил Сильвер.

Микобер побагровел от гнева и стыда.

— Она не хотела, чтобы люди знали, что она моя дочь! Она сказала, что люди будут лебезить и лицемерить, — ведь я самый богатый человек в мире. Так или иначе, они будут пытаться получить нечто от нее. Я должен был согласиться с этим. Кроме того, она указала, что преступники попытаются украсть её и получить выкуп. Если она поступит инкогнито, это позволит устранить опасность. Поэтому я дал мое разрешение...

— Думаю, что была еще одна причина, — перебил Грейхарт. Он тут же пожалел о своей болтливости, но уже не мог остановиться. Коньяк развязал ему язык и отключил осторожность. Но, какого черта, он должен щадить чувства старого грубияна?

— Что вы имеете в виду?

— Хочу сказать, почему она выбрала псевдоним именно Регина Лир? Ничего не смущает? — спросил Сильвер.

— В этом имени есть что-то ирландское. Я бы предпочел доброе старое английское имя, так как наша семья была основана англичанином. Он эмигрировал в Австралию в начале XIX века и стал преуспевающим фермером и магистратом. Очень уважемый человек, невзирая на то, что бывал в тюрьме должников в Лондоне несколько раз. Затем один из его великих внуков эмигрировал в Штаты, и... — начал Микобер.

— Лир не ирландское, а валлийское, или скорее древнеанглийское имя. Ты в самом деле не понимаешь, что она пыталась сказать тебе, приняв это имя? — спросил Грейхарт.

— Может быть, я не хочу слышать это, — раздраженно сказал Микобер.

— Но если ты читал «Короля Лира» Шекспира...

— Нет смысла тратить время на такую ерунду. Кроме того, я никогда не ходил в колледж, — буркнул Микобер

— Да уж... Однако Регина считала себя дочерью короля Лира. Лир отрекся от престола и дал каждой из трех дочерей треть королевства. Две из них оказалось реальными сучками. Они вытерли об отца ноги. Регина была единственной, кто любил отца. Но он-то думал, что как раз она — стерва, и ненавидел ее. Слишком поздно он узнал, что она — единственная, кто действительно любил его. Лир был сумасшедшим стариком...

— Стоп! Достаточно! — Микобер кричал. — Сильвер, не нужно выводить меня из себя! Но если вы зайдете слишком далеко, исчерпав мое терпение, вы будете сожалеть об этом. Да моей дочери не нравится многое из того, что я делаю — хотя при этом она берет деньги, которые я, с ее точки зрения, заработал подлым и бесчестным путем, но она меня любит! И я люблю ее! Она является единственным человеком, которого я действительно люблю.

— Не стоит тратить время на эти препирательства. В любом случае, я писал ей из Германии, но я ни разу не получил ответа. Поэтому, я полагал, что все кончено, так или иначе, — печально вздохнул Грейхарт.

Микобер яростно закашлялся на минуту. Он вытер глаза платком в яркую фиолетовую и оранжевую полоску.

— Я ничего не знал об этом. Долгое время, во всяком случае. Вы видите, мой мальчик, мои агенты наблюдали за каждым её шагом, и докладывали мне. Они должны были охранять её. Они потерпели неудачу. Вы двое, видимо, были настолько скрытны, что к тому времени, когда они узнали, что вы. как бы это сказать... обрюхатили её... вы уже поссорились. И так как вы уехали в Германию, агенты предпочли замять вопрос. Истина заключается в том, что они боялись признаться, что потерпели неудачу. Они знали, что мой гнев праведника был бы ужасным.

— Подожди минутку. Это означает, что твоим людям было приказано следить за тем, чтобы она осталась девственницей? — с изумлением и недоверием в голосе переспросил Сильвер.

— Естественно! Если моя дочь должна выйти замуж, если она должна оставить меня, то я хотел бы видеть ее ценным товаром. Без повреждений. Я имел несколько кандидатов для нее, если она станет настаивать на браке, — все молодые люди, чьи отцы имели обширные капиталы.

— Ты что родился в Средние века? — иронично спросил Грейхарт.

— В 1925 году, если вам интересно, — ответил Микобер. — Вы не понимаете такие вещи, как отцовская любовь и финансовые слияния... Вы нищий, Сильвер... Никаких перспектив...

— Спасибо. Мы тратим драгоценное время. Скажи мне, что происходит и избавь от излишнего красноречия... Что было дальше?

— Дальше?.. Хорошо. Кратко... Джилл потеряла ребенка. Без моего участия. Я принадлежу к организации «Право на жизнь», мы против абортов. В конце концов, чем больше младенцев, тем больше потребителей, и тем больше прибыль.

— Кратко и точно, — подытожил Сильвер.

— Я не знал обо всем этом до тех пор, пока не начал подозревать, что мои агенты вешают мне лапшу на уши в своих неправдоподобных отчетах. Я нанял других людей, чтобы проверить отчеты своих людей, и вся эта душераздирающая история всплыла на поверхность. Не скажу, что случилось с теми, кто предал мое доверие. Я не убивал их. В конце концов, нынче цивилизованный век...

— Вы ушли с курса, свернув на девяносто градусов.

— Ах, да... Я привез Джилл к себе. Она рассказала мне все и плакала горькими слезами, мой мальчик, и я не преувеличиваю, говоря вам, что я был слишком потрясен этими жемчужинами боли, словно поэт или..

Это случились накануне пиратского нападения на АЦ-8. Теперь Сильвер понял, почему Микобер был так иррационально мстителен. И почему он преследовал его. Это было несправедливо, поскольку Грейхарт не знал ничего. Но ожидать справедливости и правосудия от Микобера — значило ожидать невозможного.

Сердце Сильвера болело. Он действительно никогда не получал ни ответа, ни привета от Джилл с момента их ссоры. Микобер знал, что Сильвер не участвовал в похищении. Его шпики пристально наблюдали за Сильвером. Любой контакт его с бандой, что похитила Джилл, был бы обнаружен. Это было невероятным совпадением, что он пристроился для работы в «АКМЭ СтОк Очистители» этим утром. А тут банда молодых террористов узнала о новой идентичности и местоположении Джилл. А её отец в это время пребывал в неведении о местонахождении девушки. Джилл поссорилась с ним снова после их последнего примирения и ускользнула. Что означает, что она должна быть очень изобретательна и умна. Как Лотта Шекель (она имела хорошее чувство юмора)

Джилл арендовала квартиру на том же этаже, что и Лесси Гроув. В качестве первого шага НАХУ (Нео Анархическое Художественное Управление) похитили всю бригаду «АКМЭ СтОк Очистителей» . Когда бригада не представила доклад, менеджер по персоналу АКМЭ нанял первых, кто подал заявку на работу на сегодняшее утро. Естественно, члены НАХУ возглавляли список. Но Сильвер было там, и тоже получил назначение. НАХУ не любили его, но мало что могли сделать. Они планировали избавиться от свидетеля попозже. Сильвер, однако, выяснив, что Лесси жила в здании, которое они должны были чистить, тайком ускользнул прочь. Он пытался выяснить способ попасть в это здание уже два дня. Теперь судьба, или случай, или просто удача открыли для него двери.

Пока он обыскивал квартиру, чтобы вернуть себе похищенные картины, террористы захватили Джилл.

— Ладно, ты знаешь, что я чист. Но почему ты здесь? Я знаю тебя слишком хорошо, чтобы думать, что ты просто хочешь извиниться, — вздохнул Грейхарт.

— Прошу прощения? Почему я здесь? Все, что я делаю, я делаю ради Джилл. Из бескорыстной и самоотверженной отцовской любви. Я теряю часы, даже дни! Я мог бы бросить бизнес для того, чтобы спасти ее. Нет, я здесь, потому что я желаю в полной мере использовать все средства, чтобы спасти дочь. У меня тысячи агентов... тысячи, мой мальчик. Предусмотреть все — вот мой девиз. Во всяком случае, я не плачу налогов. И хотя мои люди, агенты из ФБР и ЦРУ (НАХУ связано с иностранными разведками, как вы знаете), и полиции прочесывают город, их недостаточно. Мне нужен человек, вдумчивый и бессовестный, хитрый до мозга костей, бездушный, жадный и умный, как лиса, с парадоксальным умом и сильной волей...

— Полагаю, ты меня представляешь именно таким, — фыркнул Сильвер.

— Я узнал, как вы тайком взломали компьютер офиса безопасности АКМЭ на юго-западе Феникса и перепрограммировали его, — продолжал Микобер. — Вы взломали компьютер, чтобы фальсифицировать свои данные. Вы даже умудрились подтасовать данные так, что я, казалось,

проверял вашу работу. Замечательно, мой мальчик, и если бы я не ненавидел тебя, я сделал бы вас Генеральным менеджером моей службы безопасности. Кроме того, вы — единственный, кто пережил заварушку в Шотауте. Это говорит о вашем коэффициенте выживания. Но, ради моей дочери, меня интересует, главным образом, ваш детективный талант. Вы учились у старика, который называл себя Фуомбли. Хотя его настоящее имя было Кен Таллар, или что-то вроде этого. Во всяком случае, он был на вершине в своей области в старые добрые времена, когда работал с доком Рэйвиджем, Диком Бендсомом, известным как Каратель, и Ричардом Виндворси, Пауком. Таким образом, у вас есть образование, которое не купишь за миллионы. И у вас есть что-то еще более важное. Мотив! Если вы не найдете мою дочь, у вас будут проблемы! Вы не сможете получить работу даже по очистке клетки обезьяны. Сдохнете с голода. И на пособие не рассчитывайте. У меня есть связи, и я могу организовать исчезновение вас из всех списков граждан, превратить в пустое место на веки вечные. Аминь.

— Ты не должен угрожать мне. Я готов спасти Джилл. В конце концов, она...

Сильвер оборвал себя на полуслове. Это вызовет только гнев отца, если он услышит, что его враг чувствует к ней.

— А как насчет обвинений? Будут они сняты?

— Конечно. Если вы спасете Джилл или найдете ее, так чтобы мои люди смогли спасти ее.

— Ты заср...! — Сильвер проглотил окончание неприличного слова, вертевшегося на языке. — В случае неудачи я отправлюсь в тюрягу...

— До конца жизни...

— А как насчет награды в миллион долларов, которую ты предложил?..

— Это касается всех, кроме вас.

— Другими словами, моей наградой будет то, что обвинения с меня будут сняты.

— Точно.

— Что насчет восстановления меня в качестве первого помощника капитана на одном из ваших цеппелинов?

— Не стройте иллюзий. Я предпочел бы шимпанзе на капитанском мостике....

— Мог хотя бы убрать меня из черного списка?

— Подумаю об этом...

— Что значит — нет. Не стану я ничего делать. Ты сэкономишь миллион долларов, если я добьюсь успеха. Ну, я не придираюсь... Жизнь Джилл поставлена на карту, но ты торгуешься, как при продаже подержанной тачки. Ты не любишь ее, Микобер. Или ты ненавидишь меня больше, чем любишь ее. Ладно, у меня нет выбора. Но мне понадобятся деньги на расходы. Пять тысяч долларов, чтобы начать расследование.

— Не беда, мой мальчик. Если вы вернете Джилл, это будет вознаграждением. Если ты этого не сделаешь, ты будешь должен мне пять тысяч, которые я получу за твои органы, если ты не сможешь их мне вернуть...

— Как может такая сладкая, красивая девушка, как Джилл, быть дочерью такого бездушного уродливого хряка, как ты? Ты уверен, что она твоя дочь?..

Вены на лбу Микобера взбухли, словно змеи, которых долго и тщательно кормили насильно.

— Предупреждаю тебя, Сильвер!

Грейхарт встал.

— Давай деньги. Пока ты кипятишься, след остывает.

Глава 12

Вымывшись и побрившись, переодевшись в чистую одежду и утолив голод, Сильвер мерил шагами свою комнату из конца в конец. Его поиски могли показаться безнадежными. Сам он так не считал. Хорошая еда и выпивка — лучший генератор оптимизма. Даже стены, пропитанные потом трех поколений, осыпавшаяся штукатурка, потертый ковер, мертвые мухи в паутине по углам, ползающие повсюду тараканы и иные насекомые, не могли сейчас ухудшить его настроение.

Два ворона, Хугин и Мунин, тоже выглядели счастливыми сейчас. Они долго печалились. Еда, что Сильвер был в состоянии дать им, была из мусорных баков. Теперь же у них были фаршированные стейки, спагетти, салат и хлеб с чесноком, с бокалом «Драмбью». Сильвер имел подсказку.

Он выдал её полицейским вместе со всем при допросе. Он ничего не скрыл. За исключением одной маааааленькой детали. В конце концов, должен же у него быть туз в рукаве? Особенно, на случай, если обвинения с него не будут сняты. Правда, при разговоре с Микобером, он чуть не проболтался. Но успел сдержать себя. Если бы он сболтнул лишнее, то полиция или ФБР, или ЦРУ повязали бы НАХУистов, и Микобер был бы свободен от всех обещаний.

Совесть мучила Сильвера, поскольку на карту была поставлена жизнь Джилл. Но он успокоился, сказав себе, что один человек может сделать то, что орда не сможет. Если целая армия агентов бросится с грацией бегемота искать похищенную, НАХУ сделает ноги. Один человек, работая незаметно, быстро, ловко, может найти их. И так, что НАХУ не запаникует и не убьет Джилл.

Он сказал воронам, которые сидели бок о бок на спинке стула, грязного и разодранного:

— Извините, мальчики, но я не могу взять вас с собой. Вы будете слишком бросаться в глаза.

Вороны не обиделись. Они уснули. Мунин даже храпел.

Сильвер повернул ручку двери. Зазвонил телефон. Он выругался, поколебался пару секунд, а затем решил, что будет лучше ответить. Может быть, это один из информанторов, которым он заплатил заранее, хочет сообщить ему что-то полезное. Скорее всего, впрочем, звонил один из его приятелей-алкашей. Он, вероятно, услышал о том, что Сильвер срубил бабла, и хотел занять деньги.

Голос в трубке телефона был так жарок и сексуален, что должен был принадлежать секретарше Микобера.

— Господин Силвер? Бон-Бон Heisszeit[72] на связи. Господин Микобер поручил мне сообщить, что он получил записку от похитителей. Они хотят тридцать миллионов долларов за безопасное возвращение его дочери.

Сильвер присвистнул и спросил:

— Они сказали что-нибудь о том, где оставить деньги?

— Нет. Они сообщили, что другое послание будет отправлено чуть позже. Но они говорят, что, если Микобер не отзовет полицию и всех этих правительственных агентов, они

[72] Дословно с немецкого «Горячее время».

могут отправить ему одно или оба уха Джилл,чтобы помочь ему сориентироваться в ситуации.

— Он хочет отозвать меня?

— Нет. Он говорит, чтобы вы продолжали работать. Но если вы подведете его, он посадит вас на электрический стул. Однако он говорит, что верит в вас...

— Спасибо. Но он не сумеет провернуть фарш назад. Даже Микобер не сможет заставить власти прекратить дело...

— Он говорит по телефону с Генеральным прокурором США. Господин Микобер всегда идет прямо наверх...

— То, что он делает, это не моя забота. Я просто хочу убедиться, что я могу работать без помех.

Сильвер положил трубку. Он снова повернул ручку двери, но вновь замешкался. Из окна с улицы доносился странный шум. Грейхарт решил, что лучше сперва глянуть наружу.

Шагнув к окну, Сильвер смахнул пыль и паутину. Послеполуденное солнце равнодушно озаряло светом грязную улицу. Как правило, та была забита автомобилями, алкашами и старушками, жившими по соседству. Несколько магазинов, возле которых детишки гоняли мяч, и пара-тройка наркодилиров и их клиентов довершали картину. Единственным источником громкого шума мог быть «матюгальник» на комиссионном магазине через дорогу, зазывающий покупателей. Никто никогда не покупал рекламируемые товары, хотя какие то мутные личности регулярно входили и выходили. Все знали, что реально в лавке торгуют наркотой. Но копы получали свою долю прибыли, поэтому редко создавали магазинчику проблемы.

Сейчас улица была забита автомобилями, и громко сигналили клаксоны. Тротуары были перекрыты. Внизу на углуканализационный люк был приоткрыт, и два мужика возводили вокруг него ограждение. Их грузовик с надписью «Отдел санитарии города» нагло перегородил улицу. Рядом два автомобиля изображали ДТП, их капоты были открыты, в то время как двое мужчин ползали с отвертками и гаечными ключами, усердно изображая ремонт. Направо, вниз по улице, разгружали громадный грузовик службы доставки. Два грузчика таскали кегли пива в таверну напротив. Моечная машина пыталась занять парковочное место, которое было рассчитано на малолитражку. Водитель пялился вверх, в то

время как Сильвер смотрел на него. Когда машина застряла, загородив ближайший переулок, водитель устроил перекур. Мимо таверны, играя на аккордеоне, медленно и печально тащился слепой. Его обезьяна с жестяной кружкой тщетно, но настырно приставала к прохожим. Два алконавта, которых Сильвер никогда не видел раньше, сидели на тротуаре, прислонясь к фасаду магазина. Каждый из них держал в руках коричневый бумажный мешок, а также сумку. Затем один сказал что-то другому. Сильвер не смог прочитать по губам, что именно было сказано, но, по действиям алконавта, стало очевидным, что он просит приятеля двигаться куда-то. Слева, на полпути до угла, встал огромный дизельный грузовик. Его колесо было спущено. Женщина с детской коляской бродила взад и вперед, хотя почему она выбрала это переполненное место для прогулки, оставалось непостижимой тайной.

Именно тогда съемочная группа киношников появилась из-за угла справа. Один человек нес большую телекамеру, и еще двое тащили электронное оборудование, еще двое несли раскладное кресло, предположительно, для директора, высокого краснолицего мужчины в клетчатой рубашке и галифе. За ним шествовала орда техников, девушка со сценарием, человек с чемоданом, где, вероятно, находился макияж, двое мужчин с софитами, две девушки и трое мужчин, которые не могли быть никем, кроме актеров, и четыре полицейских для массовки. Если они надеялись сделать ТВ-рекламу или снимать сцены для фильма, им явно не повезло. Тем не менее они выглядели так, как если бы решили остаться.

Выстроившись в линию, шестеро мужчин и шесть женщин вышагивали взад и вперед перед таверной «Однорукий Хэш». Это было странно, поскольку только двое мужчин работали вместе в одну двенадцатичасовую смену. И это был семейный бизнес хозяина и его сына. И все же вся дюжина имела на своих комбинезонах надпись «НЕЗАВИСИМАЯ ТОРГОВЛЯ». Затем откуда-то вынырнул оркестр Армии Спасения. Барабан бил, трубы трубили, музыканты маршировали храбро, только для того чтобы растолкать толпу, которая жалась вокруг и между ними. Музыканты — если их можно так назвать — по-прежнему играли. Но их дирижер исчез куда-то, предположительно, опрокинув стаканчик вискарика, и пошел дальше, и

в настоящее время три разных гимна звучало одновременно, раздирая уши Сильвера адски благочестивой какофонией.

Одним из транспортных средств, блокировавших движение, была продуктовая автолавка. Ее водитель встал как баран посреди улицы. Он открыл витрину и теперь готовился к продаже кофе, бутербродов, арахиса, конфет и хот-догов для пешеходов и пассажиров с водителями. Услышав слабый шум, Грейхарт посмотрел вверх. И узрел вертолет, нарезавший над улицей круги на высоте в сотню футов.

Сильвер вцепился в раму оконного проема. Да! Верите или нет, здесь болтался еще и дирижабль фирмы Гудьер. Он наматывал круги в лазури небес, выше вертолета.

К общему дурдому добавилась толпа развеселых кришнаитов. Бритоголовые молодые люди, одетые в оранжевые одежды, украшенные знаками касты, или еще чего-то там, с кольцами в ушах и носах, били в барабаны, звенели цимбалами. Их толпа приливом обрушилась на забитую улицу и бессильно рассыпалась оранжевыми каплями. Копы приперлись пешком. Машинам было просто не пробиться в образовавшийся бедлам. Стражи порядка ревели, пытаясь отдавать приказы, которые не могли быть услышанными никем в пределах досягаемости. Скорее всего, какой-то гражданин, не зная истинную природу толпы, вызвал копов, чтобы разогнать волнения и предотвратить то, что казалось стихийным бунтом.

Грейхарт стиснул зубы от гнева и разочарования. Он покинул комнату и пошел вниз. В коридоре прохаживались трое мужчин в спецодежде. Они украдкой взглянули на Сильвера и затем вернулись к своей работе, которая, казалось, была ремонтом распределительного щита в конце холла. Этот щит контролировал освещение на третьем этаже. Тем не менее, не взирая на ремонт, лампочки на потолке пылали ярко. Хотя Грейхарт знал, что это бесполезно, он выполз через окно на пожарную лестницу и посмотрел вниз. Так, как он и думал. Внизу сушила вафли группа граждан в комбинезонах мусорщиков. Их было так много, что они вычистили двор до блеска, и теперь вынуждены были принести мусор назад, чтобы иметь повод присутствовать.

Рев гудков от близлежащей автомагистрали привлек внимание Сильвера. Он посмотрел через открытую часть двора

вниз на шоссе. Ближайшие полосы, идущие на юг, превратились в стойло автомобилей. Несомненно, пробка разрасталась вширь. Как далеко, он не мог определить. Но развязка была в двух кварталах к югу от отеля, а пробка на ней стопорила движение на десятки миль.

Серебро фыркнул с отвращением и вернулся в свою комнату. Он позвонил госпоже Heisszeit. Микобер дал ему свой номер телефона.

— Я хочу поговорить с вашим боссом. Прямо сейчас!

— Мне жаль, господин Сильвер. Господин Микобер все еще на линии. Он разговаривает с Президентом Соединенных Штатов.

— Очень впечатляет! Смотрите, вы должны сказать ему, что он лгал мне. Он сказал, что он отмазал меня от всех. Я должен был иметь свободные руки и, черт побери, не быть под наружным наблюдением! А я не могу даже выйти из моего отеля. Здесь слишком много агентов!

Что-то зазвенело внизу, и отель качнулся. Сильвер буркнул:

— Подождите минутку.

Он шагнул к окну и выглянул на улицу. И присвистнул. Давление тел на улице стало настолько велико, что все двери на улицу оказались вдавленными внутрь зданий!.. И цельностеклянные окна таверны, супермаркета и магазина звукозаписи разбились. Фойе отеля должно было быть набито людьми, которых вдавило внутрь. Тем не менее сброс давления не привел к прореживанию толпы на улице. Толпа текла, заполняя вакуум. Казалось, за углом находится фабрика, где людей штампуют на конвейере. Сильвер не мог опознать многих из них, но заметил клоуна, троих мужчин в униформе обслуживающего персонала скорой помощи, съемочную группу ТВ Новостей, державшую оборудование над головами, пытаясь сохранить его от неминуемой участи быть разбитым, облачённого в белое человека с плакатом: «ПОКАЙТЕСЬ! КОНЕЦ СВЕТА БУДЕТ В СЛЕДУЮЩИЕ ВЫХОДНЫЕ!» и человека на коне. Последний (человек, а не конь) был в форме Королевской канадской конной полиции. Увидев его, Грейхарт покачал головой. Всадник, скорее всего, сбежал со съемок какого-то рекламного клипа. Вряд ли северный сосед

США послал кого-то следить за одноногим бывшим помощником капитана коммерческого дирижабля...

Сильвер вернулся к телефону, а Микобер уже орал в трубку:

— Что за чертовщина, Сильвер? Я думал, что вы будете заниматься расследованием!

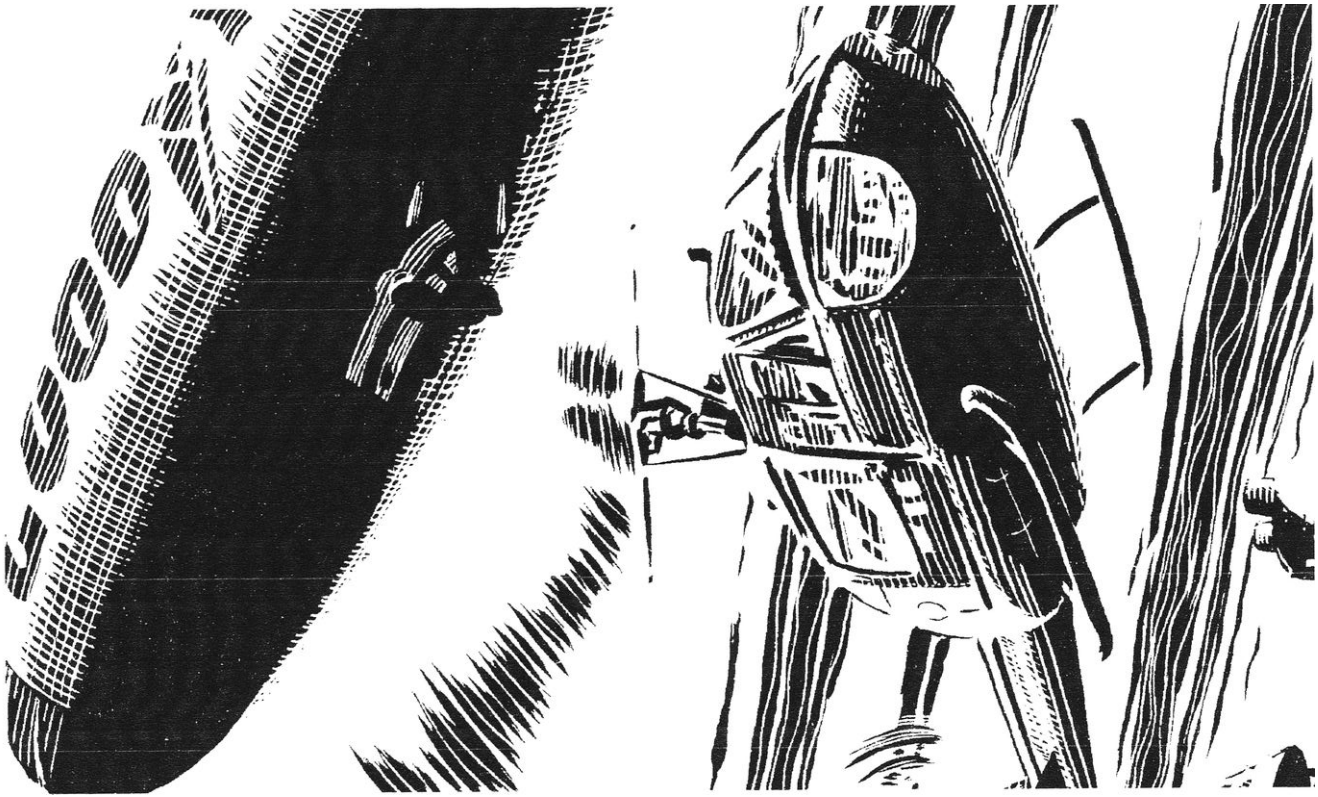
Сильвер объяснил ситуацию настолько, насколько мог. Повисло молчание, нарушаемое лишь тяжелым дыханием Микобера. Наконец магнат изрек:

— Я позвоню губернатору и заставлю его прислать национальную гвардию. Но потребуется несколько часов, чтобы разогнать этот идиотский балаган... Говорите, есть вертолет, следящий за вами? Очень хорошо. Я свяжусь с пилотом, и он приземлится на крыше отеля и довезет вас туда, куда пожелаете. И затем, мой мальчик, я начну откручивать головы! Откручивать, я говорю! Вы видите теперь, почему я жаловался на вмешательство со стороны правительства? Частное предпринимательство является единственным...

— Лучше поскорее свяжитесь с пилотом, — попросил Грейхарт и повесил трубку.

Глава 13

Во-первых, необходимо было согнать с крыши человек сорок. Сильвер заорал на толпу, чтобы ему дали дорогу. Они, казалось, не очень-то хотели это делать, некоторые даже делали неприличные жесты, пока Сильвер не использовал волшебное имя Микобер. Затем медленно, бросая презрительные и мстительные взгляды, бормоча угрозы, они начали расползаться. Несколько раз приступ кашля заставлял Сильвера остановиться. Четыре отдельные бригады заливали крышу гудроном, отравляя воздух тяжелым дымом и мешая друг другу. Но тут было ещё не менее тридцати мужчин и женщин. загорающих на складных стульях и на одеялах. Их сандалии вязли в мягкой смоле, и они, кашляя от испарений смолы, орали матом на бригаду гудронщиков. Рабочие пожимали плечами и отвечали, что они только выполняют свой долг. Некоторые предложили, чтобы жалобщики отправили свои протесты в соответствую-



щее учреждение — в трех экземплярах, конечно. Другая бригада предположила, что прыжок с крыши сделает недовольных счастливыми. Наконец, крыша была свободна, если не считать Сильвера и рации, которую кто-то забыл. Вертолет приземлился. Грейхарт, ругаясь из-за гудрона, изгадившего новые ботинки, залез в кабину.

— В Северный Голливуд. И не смейте никому говорить, где я. Если вы это сделаете, Бендт Микобер вас уволит и вы никогда не будете летать на вертолете...

Вертолет повернул на северо-запад. Пилот показал большой палец.

— Но они увидят, где я высадил вас.

Сильвер посмотрел назад. Дирижабль следовал за ними.

— Кто на борту?

— Агенты казначейства. Они арендовали дирижабль, прежде чем я вылетел на задание. Мой босс в самом деле может разозлиться?

Сильвер не стал отвечать. Он считал, что Казначейство США было у него на хвосте не из-за похищения Джилл, а из-за интереса к фальшивым деньгам, найденным в его бумажнике.

Несколько минут спустя Сильвер высадился на пустырь возле большого нового торгового центра. Вертолет исчез, но дирижабль все ещё нарезал круги над ним. Сильвер зашел в магазин мужской одежды. Десять минут спустя он появился в броском одеянии, популярном в этом году — куртка с огромным воротником и расклешенными штанами. Он надел огромную белую шляпу с плюмажем и широкими полями. Стараясь не смотреть вверх, он поймал такси.

— Дом Шедевров...

— Вы имеете в виду порноиздательство? Слушайте, это не мое дело, но если вы писатель, ищущий работу, забудьте об этом. Они уходят из бизнеса. Кроме того, я слышал об условиях работы у них. Достаточно, чтобы волосы встали дыбом, — мрачно заметил таксист.

— Вы правы, только это не ваше дело, — ответил Грейхарт.

Он вышел на улице Мисс 34 года у треугольных дверей Дома Шедевров. Вахтерша оказалась разочарованием. Он ожидал, что она будет отражать дух издательства. Грудастая красотка с низким декольте, источающая аромат духов с

афродизиаками. Вместо этого он нашел семидесятилетнюю женщину, которая выглядела и была одета, как старая дева образца 1940 года. Звали её миссис Роджер Бивер, и она была женой издателя.

— Вы точно не коллектор? — спросила она суровым тоном.

— Я тот, кто значится на моей визитке. Веллингтон Кью Хэкман, писатель-документалист. Я пишу книгу об эротической индустрии «Последний бастион свободы».

— Последний что?

— Бастион. Я хотел бы взять интервью у издателя и главного редактора, если позволите.

— Это один и тот же человек, — объяснила миссис Бивер. — Он также мальчик на побегушках и уборщик. Последние годы дела шли не слишком хорошо. Мы пролетели, как фанера над Парижем, соревнуясь с этим гребаным компьютером, — добавила она печальным тоном.

— Каким компьютером?

— Пусть мой муж сам все объяснит. Он будет здесь через минутку, — заверила старушка, нажимая на кнопку вызова.

Сильвер коротал время, разглядывая товар на полках. Видимо, компания выпускала несколько серий в мягких обложках: «Дом оков и цепей», «Библиотека самоудовлетворения для больших и маленьких», «Секс на работе и дома». Была также одна серия в переплёте — репринты: Гроссман и Даунле, Инк. Грейхарт, взял один томик — Лоренцо Думмокс «Похотливые сучки страны рабов», и перелистал его. Он не мог сказать, ничего о тексте, но иллюстрации были интригующими.

Неожиданно дверь открылась, и низкорослый, толстый, лысый человечек торопливо прошмыгнул в комнату. Он держал в руках швабру, из кармана торчала пластиковая бутылка средства для мытья полов, а выражение лица было крайне смущенным. Госпожа Бивер представила своего мужа, Сильвер рассказал придуманную заранее историю; Господин Бивер был удовлетворен.

— Может быть, вам и удастся привлечь внимание общественности. В конце концов, мы работаем на благо общества и платим налоги. И мы, конечно, заинтересованы в хорошем пиаре. Не знаю, впрочем, имеет ли это смысл. К тому време-

ни, как ваша книга выйдет, мы, вероятно, вылетим из бизнеса, — печально проговорил он.

— Почему так? — спросил Сильвер, следуя за Бивером через холл, а затем остановился перед железной дверью с огромным стальным замком. Бивер вытащил огромный ключ из кармана и открыл дверь.

— Во-первых, господин Хэкман, я не имею достаточно денег, чтобы идти в ногу со временем. «Fokker D-LXIX Пресс» захватил и полностью контролирует весь наш сектор рынка.

— Нет, я не знаю, — недоуменно пробормотал Сильвер.

Комната, куда они вошли, была большая, как танцевальный зал. Широкий проход бежал прямо от двери до платформы на другом конце. По обе стороны прохода стояли рядами столы, шесть в каждом, общим числом сорок два.

— Это было когда-то плантацией, где росли баксы. Но, как вы видите, сейчас у нас только несколько писателей. Многие ушли. Некоторые умерли. Другие бежали. Когда они исчезали один за другим, мы продавали их пишущие машинки. На самом деле, мы держались на плаву долгое время, продавая пишущие машинки, — всплакнул издатель.

Три стола на дальнем конце комнаты занимали несколько мужчин и женщин. Они лихорадочно колотили по клавишам пишущих машинок, останавливаясь, только чтобы вставить новую бумагу или хлебнуть кофе. Приземистый бритоголовый человек в кожаном фартуке вышагивал взад-вперед по проходу между столами, крича на писателей. То и дело его длинный кнут щелкал, проходя впритирку, но никогда не касаясь голых спин литераторов, склонившихся над машинками.

— Да, я знаю, выглядит жестоко. Но писатели ленивы — натуральные свиньи. Кроме того, чем быстрее они работают, тем быстрее освободятся. Это для их собственного блага — смущенно ухмыляясь, ответил Бивер на невысказанный вопрос Грейхарта. Сильвер проследовал за Бивером по проходу между столами. Он заметил, что ноги писателей прикованы к столу цепью. — Да. Они все прикованы. В противном случае они просто исчезают, выпадают из поля зрения. И они бы никогда не отработали наши авансы. Они не состоят в профсоюзе, как вы понимаете, — пояснил, ухмыляясь, монстр эротического книгоиздания.

Сильвер не стал комментировать. Он знал, что издатели такого рода литературы платят авторам сущие гроши, да и те зажимают, и при том держат все права на перепечатки и экранизации. Бивер кивнул в сторону платформы.

— Раньше там стоял мужик и бил в барабан, — пояснил он. — Мы взяли идею из фильма «Бен Гур». Но я уволил барабанщика после того, как он присоединился к профсоюзу музыкантов.

Они свернули направо за столами и платформой и вошли в дверь. Взгляду Сильвера открылось огромное помещение с трехъярусными койками тюремного типа, каждая из которых была снабжена цепями и кандалами. Здесь стоял невыносимый запах пота, мочи, спермы, недоеденного фастфуда и несбывшихся надежд. Но за этим чистилищем располагался офис самого Бивера. Его стены были украшены обложками покетбуков. «Я дала Господу! Правдивая история монахини», «Пока Моисей был на горе. Эротические сцены на берегу Мертвого моря», «Вечеря любви — благодатное соитие», «Галилейский проказник», Мария Магдалина, перевод с арамейского; «Ковыряйте чакру Шивы, или Истинный источник божественного наслаждения», Ап. Павел; «Вуду без трусов», «Пассивная некрофилия и прочие запретные удовольствия», и так далее.

Бивер налил два стакана с явно фальшивым бурбоном и передал один Сильверу.

— Наша религиозная серия шла на ура, но какой-то религиозный фанатик из «Свидетелей Сотворения мира» начал угрожать взорвать нас, если мы не закроем эту серию. Так мы и сделали. Очень жаль...

— Жаль, — согласился Грэйхарт. Он поставил стакан на стол, не прикоснувшись к пойлу.

— Слушайте. Я не Хекман. Я ввел вас в заблуждение, чтобы попасть сюда. Нет, я не полицейский. Я частный детектив. И у меня есть пара вопросов...

Бивер успокоился, лишь когда Грейхарт объяснил, что ему надо. Он посмотрел на эскиз карандашом, сделанный Сильвером, и сказал:

— Конечно, я помню его. Большинство писателей порно это просто безликие, жалкие, несчастные графоманы. И их личности являются взаимозаменяемыми. Но этот парень,

Питер Стэмбоек. — лучший автор в моей коллекции. Он был гением; то есть принес много денег. Он переписал сериал «Бомба-мальчик из джунглей»[73]. Эти книги теперь в общественном достоянии. Во-первых, он сменил пол Бомбы и сделал его принцессой ацтеков из летающей пирамиды...

— Ацтеки? Бомба ведь жил в Южной Америке? Ацтеки — в Мексике.

— Да? Ну, наши читатели не заметили разницы. Во всяком случае, действие происходило на острове Пасхи. Все эти гигантские каменные головы, и тому подобная хрень. Вы должны прочитать сцену, где шаман ацтеков наделяет Каменную голову жизнью, и она гоняется за принцессой со своим огромным, возбужденным, каменным... В любом случае, потом Пит взял эту книгу и переписал ее как «Бомба и мальчики из джунглей», опять сделав Бомбу мальчиком и добавив подробное описание того, как и чем занимались друг с другом мальчики. Это вызвало восторг у геев. Затем он переписал сериал для лесбиянок — «Бомба встречает амазонок». Сиквелом к этому стало «Бомба и страстная пантера». Зоофилы завопили от восторга. Затем он выдал на гора «Бомба и сандалии принцессы инков». Фетишисты сходили с ума от радости. Перед тем как сбежать, Питер написал 50 Бомб, и каждый раз это был бестселлер. Красота этого подхода заключалась в скорости создания шедевров! Автор просто изменял имена персонажей и названия мест, менял пол, переписывал некоторые места, адаптируя текст к теме, менял диалоги, изменял название и... вуаля! Он получал новую книгу. В конце концов, он выдавал по книге в день, меняя от силы тысячу слов. Гений, говорю я вам!

— Интересно, но не имеет отношения к цели моего визита. Вы говорите, что он сбежал? — перебил издателя Сильвер.

— Да, неблагодарный негодяй! Как-то ночью он снял с ноги железо... Не скажу, что он сделал с пишущей машинкой, но он имел мою жену два дня подряд, и в итоге она вывела его наружу. Во всяком случае, я узнал, что он ушел на работу в «Фоккер-пресс». Микобер купил его...

[73] Серия детских приключенческих романов Джона У. Даффила (1858-1946) о приключениях мальчика Бомбы, выросшего в джунглях (подражание романам о «Тарзане», но адресованные детской аудитории). Всего было написано десять романов (1926-1930), в дальнейшем о приключениях Бомбы было снято несколько экранизаций и нарисовано более сотни комиксов.

— Микобер!

— Конечно. «Фоккер-пресс» является дочерней компанией АСМЭ-«Цеппелин». Но и там Пит проработал недолго. Он помогал программировать компьютер, который пишет все книги Фоккера. Что случилось с ним после этого, я не знаю.

— Спасибо. Был рад знакомству и беседе! — объявил Грейхарт, собираясь наведаться в «Фоккер-пресс». Но Бивер не хотел отпускать его. Он взял четыре книги с полки за ним и передал одну Сильверу.

— Это книги Фоккера, выпущенные конкурентами. Я прикупил некоторые, потому что хотел изучить их. Я хотел узнать, что делает их такими особенными. Вы понимаете, не только количество позволило Фоккеру выжать всех нас из бизнеса. Это качество. Каждая из их новых книг продается со скоростью лесного пожара. И они сразу идут в переиздание. Люди, которые никогда раньше не читали порно, даже те, кто презирает и ненавидит этот жанр, покупают их, и большие критики дают им восторженные рецензии. Их порно стало хитом сезона! Но я не понимаю. Я прочитал некоторые из них, и когда я читал их, то думал, что они Литература! Реальная классика. Не только среди порно. Классика, которая достойна пера Толстого и Сервантеса, Флобера и Хемингуэя. Конечно, я никогда не читал этих ребят, но это то, что говорят критики... Я просто не понимаю. Разве можно ждать такого от компьютера? Правописание и грамматика, это ясно, но откуда взяться чувствам? Почему машина выдает превосходную прозу? Когда я читаю вслух, ничего особенного! То же самое дерьмо, что и у всех! Тогда я открываю их снова, и я восхищен, очарован, заворожен! Это лучшее из того, что я когда-либо читал. Я бы сказал, что это оргазм. Только не говорите моей жене, — смущенно добавил Бивер в конце своего монолога.

Сильвер положил книгу на стол и сказал:

— У меня нет времени. Я должен найти...

Сильвер остановился на полуслове. Фигура сформировалась из воздуха, полупрозрачный человек в парике и одежде конца XVIII века. Он стоял в углу позади Бивера, который, таким образом, не мог видеть его. Не смог бы, впрочем, появись этот призрак даже у него под носом. Сильвер был единственным человеком в мире, кто мог видеть этих призраков.

Призрак был рыжеволосым, красивым, умным на вид и обладал аристократической осанкой. Он указал пальцем на книгу на столе, кивнул, а затем медленно исчез. Грейхарт встревоженно огляделся. Появление таких фигур всегда было указанием на опасность, затаившуюся где-то рядом. Долговязый Джон Сильвер, его бабушка Белое Пятно, Салли Хемингс, и другие предки, спасли его жизнь несколько раз, когда он был в серьезной опасности. Но нынешняя ситуация может угрожать ему?

Бивер стоял там, уставившись на Сильвера как баран, видимо, пытаясь понять, что случилось. Он никогда не видел Сильвера раньше. У него не было причин напасть на него. Может быть, убийца только что вошел в здание? Крадется по коридорам, чтобы убить его? Возможно и то, что предок материализовался, чтобы сообщить, что сложившаяся ситуация отличается от прочих. Но хотя Сильвер никогда не видел этого человека во плоти или как призрака, он узнал его. Это был Томас Джефферсон, чьи портреты Сильвер часто рассматривал. Томас Джефферсон (1743-1826), третий президент Соединенных Штатов, государственный деятель, плантатор, изобретатель, один из авторов Декларации независимости. И предок Сильвера. Сильвер был его потомком по линии Салли Хемингс, квартеронки — рабыни жены Джефферсона. После смерти госпожи Джефферсон, Томас принял Салли как домработницу. А потом и не только как домработницу... Салли появлялась несколько раз прежде, когда необходимо было сделать предупреждение. Но это было первое явление Томаса. Почему он пришел на этот раз?

Сильвер указал на книгу. Было ли все потому, что он был человеком высоких интеллектуальных способностей, и он, естественно, был связан с книгой? Возможно, он пришел не из-за опасности. Он просто хотел попросить Сильвера не игнорировать книгу. Сильвер решил, что должен принять его совет. Никакого суеверия. Сильвер не считал, что «посещения» были на самом деле явлениями духов его предков. Сильвер давно решил для себя этот вопрос. В форме предков к нему обращалось его собственное подсознание. Это был своеобразный механизм там, в мозжечке, который действовал ,словно радар. Он отслеживал вещи, которые пропустило его

сознание. Этот внутренний прибор видел ситуацию в целом и подавал сигналы сознанию с помощью фантомов.

Мягкая обложка была украшена яркой иллюстрацией, на которой обнаженная девушка бежала через луг. За ней мчался огромный черный бык, распаленный сексуально, судя по некоторым анатомическим подробностям явно преувеличенного размера. Фоном был красный сарай и фермерский дом.

— «Тайная жизнь Ребекки с фермы Саннибрук»[74], — пояснил Бивер. — Это книга из серии «Тайная жизнь». Фоккер печет их как блины. Они имеют оглушительный успех. Фоккер называет их «эйфорическая классика», — тут он фыркнул. — Громкое название, не больше! Но они гребут деньги экскаватором! Позвольте мне показать вам, почему я хочу, чтобы вы обратили на их книги внимание. — Он взял книгу, открыл ее и вновь протянул Сильверу.— Прощупайте страницу вдоль внешнего края. Обратили внимание на не очень заметное утолщение? Каждая страница и обложка тоже имеет дополнительную толщину. Почему? Я спросил себя. Так что я взял несколько экземпляров для моего друга, ученого, и он посмотрел на них под микроскопом. Он также проанализировал их химически. И знаете ли вы, что он нашел?

Сильвер не знал.

— Напыленные микросхемы! Чип, микропроцессор из селена и других полупроводников!

— Что? — воскликнул Сильвер. — Зачем?

— Жаль, что я не знаю, — вздохнул Бивер. — Я только что узнал, сломал голову, пытаясь разобраться в этой истории. Дорогостоящий процесс, но эти книги продаются так же дешево, как мои. Могу поспорить: тут скрыто что-то зловещее, что-то незаконное!

— Вы держите эту книгу при себе и не болтайте. У меня нет времени, чтобы расследовать это дело сейчас. Но когда текущее дело закончится, я проведу расследование.

---

[74] «Ребекка с фермы Саннибрук» роман Уигген Кейт Дуглас (1859-1923). Сюжет: У Ханны Рэнделл семеро детей. Чтобы облегчить эту ношу, её сестры, старые девы Миранда и Эмма, забирают её дочь Ребекку к себе на воспитание. Однако девочка настолько докучает им своими шалостями, что строгие тетки отправляют её в интернат. Но проходит время, и Ребекка обретает счастье: превратившись в молодую девушку, она покоряет сердце богатого молодого человека Адама Лэдда.

— Но я не могу заплатить вам. Как можете видеть, я на грани банкротства, — печально промямлил Бивер.

— Займусь этим ради интереса. Только не болтайте. Микобер — опасный человек.

Бивер побледнел.

— Вы мне это рассказываете?! Вот почему я так осторожен! Я только потому всё вам рассказал, что я слышал о том, что вы сделали в Шотауте, и я знаю, что вы жесткий hombre[75], мучо мачо. И вы ненавидите Микобера. Итак, если вы сможете узнать, что происходит, может быть, мы могли бы упечь Микобера за решетку!

Лицо Бивера восстановило свой нормальный желчный цвет, и он потирал руки. Сильвер мог почти видеть его бегающие глазки, почти услышать щелчок, когда они остановились, на трех вишенках в строке[76].

— Это принесет миллионы! — Бивер прошептал под нос.

— Или цементные бахилы в рундуке Дэйви Джонса[77], — с сарказмом в голосе отметил Сильвер. Он взглянул на страницу и прочитатл строку.

— Оу! Оу! Ооууу!

Вдруг книгу вырвали из рук Сильвера, и с широко раскрытыми глазами, задыхаясь, тот вышел из транса.

— Знаете ли вы, как долго вы читали, поворачивая одну страницу за другой? — закричал Бивер.

— Перелистывая страницы?

— Да, перелистывая страницы! Вы прочитали четверть книги!

— Боже мой! Целый час! — Сильвер взглянул на часы.

---

[75] Мужчина, человек *(исп.)*.

[76] Джек Пот в игровых автоматах.

[77] Рундýк Дэ́ви Джóнса (часто ошибочно называется «сундуком Дэви Джонса») — идиома на сленге британских моряков от XVIII века до наших дней, иносказательное название могилы моряков. Дэви Джонс считается злым духом, живущим в море, а его рундук — это океан, принимающий мёртвых моряков. Выражение «рундук Дэви Джонса» стало известно широкой публике из произведения английского писателя Тобиаса Смоллета «Приключения Перигрина Пикля». Тобиас Смоллет в своей книге пишет о том, что «тот же самый Дэви Джонс, согласно поверью моряков, является дьяволом, повелевающим всеми злыми духами пучины». Некоторые авторы, как утверждает Жан Рогожинский, связывают происхождение этого выражения с жизнью и деятельностью пирата XVII века Дэвида Джонса, разбойничавшего в водах Карибского моря.

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду?

— Я потратил столько времени на этот мусор! — Грейхарт был готов разрыдаться. — И Джилл... Слушайте, я должен идти! Вызовите мне такси...

— Конечно. Но что за хрень? Эта книга, я имею в виду... —Сильвер встряхнул головой, отгоняя наваждение: — Но я должен бежать. Увидимся позже, Бивер. Помните, надо держать всё между нами.

— Да. Между вами и мной ради славного будущего.

Глава 14

— Эй, мистер, мы приехали, — объявил таксист.

— Что? Что?

— Вот ваша книга, мистер. Я слышал ваше тяжелое дыхание сквозь стекло. — Сильвер вышел и вручил ухмыляющемуся таксисту плату плюс чаевые.

— Да и книгу тоже берите.

— Нет, спасибо, мистер. Моя жена считает их благопристойной классикой. Они действительно возбуждают ее, поэтому я не жалуюсь. Но они не для меня. Я не читаю ничего, кроме результатов скачек.

Сильвер сунул книгу в карман и отправился к телефонной будке возле здания «Фоккер-пресс». Он набрал номер Микобера. Две минуты прошло, пока сигнал «занято» звучал в трубке, затем еще две перед тем, как Микобер ответил.

— Да, Сильвер, что нового?

— Были еще сообщения от похитителей?

Отборный многоэтажный мат на несколько минут занял линию. Наконец, после серии рыков и мычания, напоминающего мычание буйвола, утопающего в болоте, слова Микобера стали звучать осмысленно:

— Да, слышал! Они хотят получить от меня тридцать миллионов на закодированный счет в банке в Минерве! Вы знаете, что такое Минерва, не так ли?

— Я читал в газете. Это новая республика, основанная на маленьком острове в южной части Индийского океана. Она

не имеет договора о выдаче ни с кем, и ее банки заменяют швейцарские как неприкасаемый репозиторий для тайных фондов, — ответил Грэйтхарт.

— Верная схема! Или они так думают! Деньги перечисляются на тайный счет в банке Минервы. Как только их сообщник в Минерве сообщает, что сделка прошла, они освобождают Джилл! Но они не знают меня, если они ожидают уйти безнаказанно! Если они думают, что они будут развлекаться в Минерве на мои кровью и потом заработанные деньги, они ошибаются! Смертельно ошибаются! Я найду их и...

— Как долго они станут её удерживать? — спросил Сильвер.

— Около шести дней. Затем они освободят Джилл.

— Будем надеяться, что они сдержат слово, — с мрачным видом пробормотал Грейхарт.

— И насколько ты продвинулся? — проревел Микобер.

Сильвер повесил трубку. Минуту спустя, он был в прекрасно оформленном вестибюле здания, представляя свою карточку прекрасно оформленной регистраторше.

— А, господин Туллкингхорн, адвокат? Я посмотрю, если господин Старлинг не слишком занят. Как правило, менеджер Соннел ведает такими вопросами. Господин Старлинг заботится о всех исполнительных функциях, мы активно используем компьютер...

Сильвер терпеливо слушал этот словесный поток, разглядывая девицу так, как если бы она была одной из «исполнительных функций» господина Старлинга под его юрисдикцией.

Минуту спустя за спиной словоохотливой красотки открыла дверь. Острое и смуглое лисье лицо Старлинга возникло перед Грейхартом. Старлинг улыбался, обнажив кривые зубы. Сильвер сразу узнал его. Рэйд Старлинг был продюсером, режиссером и сценаристом некогда знаменитого сериала: «Странная страна»[78]. Его лицо было знакомо миллионам, поскольку он представлял каждое шоу. К сожалению, Старлинг заключил контракт, по которому должен был написать все сценарии сам. Оказавшись не в состоянии сделать это, он пошел на плагиат по крайней мере десятка историй, представив их, как его собственные работы. К сожалению, десять из тех,

[78] Намек на Рода Серлинга и его знаменитый сериал «Сумеречная Зона» *(Прим.переводчика).*

кого он обокрал, оказались фэнами сериала. Праведно возмущенные, они завалили Старлинга и «Таурус-Магнум продакшн» исками. Хотя Голливуд имеет долгую историю плагиата, это не то, на чем стоит попадаться. Не в таких больших масштабах, по крайней мере. Старлинг потерял сериал и попал в черный список ТВ и киноиндустрии. Так, падая все ниже и ниже, он докатился до порнухи, но, безусловно, выглядел процветающим.

Он подошел и пожал руку Сильвера, энергично, но слабо.

— Что мы можем сделать для вас, господин Туллкингхорн?

Сильвер объяснил. Старлинг нахмурился.

— Ну да, помню, Пит Стэмбоек. Но он не работает у нас уже давно. Мы избавились от всех наших писателей, когда мы запустили ПЭСЭЦ.

— ПЭСЭЦ?

— Порно-Эротико-Семантический-Эйфоризатор-Цифровой.

— Жизненно важно найти господина Стэмбоека, — сообщил Грейхарт. — Дядя его, очень состоятельный одинокий джентльмен, умер и оставил ему крупную сумму денег. Из того, что я узнал о Стэмбоеке, он в ней действительно нуждается. Вы бы совершили акт благотворительности, сострадания и гуманизма, если позволили бы посмотреть ваши записи. Даже если, как вы говорите, Стэмбоек не оставил адреса, его записи могут содержать некоторые подсказки, которые позволили бы мне найти его — Сильвер напустил на себя столько пафосной добродетели, сколько мог.

— Каков будет ваш гонорар? — Старлинг цинично улыбался.

— Меньше цинизма, господин Старлинг!

— Извините. Я работал в киноиндустрии, вы знаете, — напустив смущенный вид, ответил Старлинг.

— Извинения приняты. Позвольте мне сказать, что ваш сериал был гениальным...

— Ну, спасибо, — растаял Сталинг. — Возможно, не будет ничего плохого в том, чтобы показать вам записи. Они должны носить конфиденциальный характер, но у нас чрезвычайный случай. Идемте, господин Туллкингхорн, и я посмотрю, что смогу сделать... Я покажу вам нашу волшебную машину. Мы очень гордимся ей.

Они вошли в обширную затененную комнату. Потолок был V-образный, создающий странный эффект. В дальнем конце, освещенная светильниками в полу, возвышалась цилиндрическая структура, увенчанная шаром. Цилиндр был синевато-белый. Шар — темно-красный. На высоте примерно пять футов от пола были размещены два круглых гласситовых порта или ЭЛТ-монитора, мигающих точками ярких огней. Ниже этих «глаз» темнел треугольный открытый «рот». Оператор, или, скорее техник, бродил вокруг огромного компьютера босиком. Он был бритоголовым и одетым в сетчатый желтый комбинезон.

Сильвер и Старлинг подошли ближе. Когда они были в нескольких футах от машины, Старлинг остановился. Он сказал благоговейно и тихо.

— Вот! Это ПЭСЭЦ!

— Очень впечатляет!.. Эта штука работает? — прошептал Грейхарт.

— Боунз, инициируйте джентльмена, — скомандовал технику Старлинг. Боунз поклонился, а затем открыл панель управления. Он нажал на кнопку, и огни в портах изменили свою конфигурацию.— Он останавливает текущий цикл. После того как он показал вам, как она работает, внешне, конечно, — мы не можем показать тайну своей внутренней работы — Боунз сделает сброс, и подвешенный цикл возобновится.

— Вы действительно не должны пускаться во все тяжкие ради меня, — прошептал Сильвер. Он был заинтересован, но не хотел отвлекаться от своих поисков.

— Никаких проблем.

Боунз добрался до ближайшей стены, нажал кнопку, которая была почти невидима в тени, и участок стены скользнул в сторону. Он достал оттуда книгу, нажал кнопку, и стена закрылась. Старлинг взял книгу и показал ее Сильверу.

— Глинда Оз, Фрэнк Баум, — он протянул книгу технику.

— Боунз, эротизируй этот текст...

Боунз нажал несколько кнопок, поколдовал с чем-то за закрытой панелью и бросил книгу в треугольное отверстие. Старлинг посмотрел на наручные часы.

— Шестьдесят секунд на максимум!

Сорок секунд прошло, и звонок возвестил о завершении таинства. Книга появилась, запакованная в пленку. Старлинг удалил обертку и передал книгу Грейхарту.

Суперобложка была яркой и цветной, с преобладанием желтого и зеленого цвета. На заднем плане раскинулся город, изумрудно-зеленый, обнесенный стеной. На переднем плане толстый пожилой человек в разодранной одежде скакал куда- то верхом на плотницких козлах. Судя по всему, и он и козлы улепетывали от возбужденной, чувственной девы, которая гналась за ними. Она была высокой и стройной, и абсолютно голой, если не считать за одежду корону и совершенно прозрачный халат. Ее телосложение напомнило Сильверу регистраторшу у входа. Он рискнул бы поспорить на то, что именно она была моделью для иллюстрации. Сильвер прочитал заглавие вслух: «Тайная Жизнь Глинды из страны Оз, или Добрая волшебница бывает Плохой девочкой». Питер Клайдсдейл. Строчными буквами вдоль корешка было напечатано: «Эйфорическая классика, Фоккер-пресс». Сильвер незаметно ощупал пальцем край страницы, отметив, что внешние края были толще, чем внутренние. Он был осторожен и избегал читать текст.

— Великолепно, не так ли? — поинтересовался Старлинг, а потом объявил: — ПЭСЭЦ! Заказы от лучших продавцов, и 40 миллионов долларов прибыли...

Грейхарт передал книгу обратно и указал на техника.

— Если требуется всего 60 секунд, чтобы переписать, переиллюстрировать и напечать книгу, зачем было прерывать цикл предыдущей книги?

— Ну, тот цикл занимает немного больше времени. Мы порноэротизируем всего Тарзана, все двадцать четыре книги сразу.

Вновь раздался звонок. и техник передал ему книгу:

— Том1. «Тайная жизнь Джейн, или Большой секс на высоком дереве», — торжествующе произнес Старлинг, протягивая книгу Сильверу.

— Впечатляет. Но я действительно хотел бы видеть записи...

— Конечно. Это будет просто...

Старлинг неожиданно замер. Загрохотало.

— Извините, пожалуйста, — сказал Старлинг и подошел к стене. Он открыл панель, открыв внутренний ящик. Он говорил

в него что-то примерно минуту, голосом слишком низким для того, чтобы Грейхарт мог что-то расслышать. Один раз Старлинг оглянулся на Сильвера. Затем, опустив панель и задвинув ящик, он вернулся к гостю.

— Срочный звонок. Но я сначала покажу вам записи.

Сильвер последовал за Старлингом через дельтовидный дверной проем в юго-восточном углу. Они прошли через узкий холл, затем повернули налево. Комната была большой и наполовину заполненной ящиками и коробками.

— Готовые к отправке книги, — пояснил Старлинг.

Помещение, однако, было не только складом готовой продукции. Слева Грейхарт увидел металлический кубический тамбур, приросший к стене. Тот был около двенадцати футов высотой и, видимо, соединялся с компьютером за стеной. Наверное, он обеспечивал доступ к цепям в случае неисправности. Дверь была закрыта. Но это предположение оказалось неправильным. Старлинг остановился перед дверью тамбура, взял ключ из кармана и открыл его. Он повернул ручку и распахнул дверь, сказав:

— После вас.

— Там архив? — спросил Сильвер изумленно.

А потом он увидел, как возле куба за спиной Старлинга, сгущается воздух, кружась, туманясь и вихрясь. И вдруг, полупрозрачная, его бабушка с длинными прямыми белыми волосами, темным морщинистым лицом, в индейском платье, ниспадающем до лодыжек, с одеялом, наброшенным на плечи, в мокасинах из оленьей кожи, встала у него на пути. Она указала на Старлинга, а затем на Сильвера и провела пальцем по горлу. Сильвер вышел из состояния ступора и обернулся. Слишком поздно. Техник ударил его по голове рукоятью огромного пистолета.

Глава 15

Сильвер пришел в себя, лежа на спине, на жестком металлическом полу. Верхняя часть его головы раскалывалась от боли. что было неудивительно. Удивительно было то, что

его затылок лежал на чьих-то мягких коленях и чьи-то слезы падали на его лицо.

— Джилл! — прошептал он.

— Слава богу, ты в порядке. Но как... Почему ты здесь? — изумленно и встревоженно прошептала она.

— Это длинная история, — отмахнулся он.

Сильвер повернул голову и посмотрел вокруг, морщась от боли. Помещение выглядело мрачно и голо. Однако темница была оборудована химическим туалетом, охладителем воды, краном и раковиной, рулоном бумажных полотенец, рулоном туалетной бумаги и грудой одеял. Сильвер поднял голову и, застонав, встал на ноги. Хотя он знал, что дверь будет заперта, он попробовал открыть ее, отчего адские кузнецы в голове застучали своими молотами еще сильнее.

— Они обшмонали меня!

Джилл встала и вытерла глаза носовым платком. Даже с печальным выражением лица и без макияжа она выглядела красивой. Острая тоска и сожаление по поводу всех потерянных лет пронзили сердце Сильвера. К сожалению, всплеск чувств вылился в скачок кровяного давления, отчего боль в голове стала невыносима.

— Забрали твои часы, бумажник и нож. Ох, Грейхарт, как долго я тебя ждала! — проговорила она.

Джилл нуждалась в заботе и участии, и Сильвер не против был их предоставить. Он обнял девушку и поцеловал. Джилл рыдала в ходе своего рассказа, завершение которого он уже знал. Хотя она толком ничего не помнила. Один из мужчин воткнул иглу ей в руку, и она тут же потеряла сознание.

Сильвер рассказал ей, что произошло с ним, с тех пор как они расстались в Лос-Анджелесе. Потребовалось много времени, но во время рассказа он внимательно осмотрел их тюрьму. Одна стена была панелью, которая могла быть снята для доступа ремонтников в нутро компьютера. Панель крепилась на шесть крупных болтов с крестообразной насечкой головки.

— Неужели ты думаешь, что они отпустят меня, после того как папа заплатит выкуп? — спросила Джилл.

— Надеюсь на это. Но эта история гораздо темнее, чем ты думаешь. И чипы в книгах как-то связаны со всем этим.

Твой отец влез в какое-то вонючее дерьмо, как обычно... — ответил Сильвер.

— Грейхарт! Ты не думаешь, надеюсь, что он стоит за похищением? Это не имело бы смысла! — воскликнула она.

— Нет, я имею в виду, что Старлинг, подлинный художник плагиата, величайший в истории Голливуда, вероятно, хочет больше, чем просто 30 миллионов долларов. Он хитроумный... Настоящий койот, и должен реализовать потенциал этой хрени...

Смех раздался из-за стены, маниакальный смех, который сделал бы честь старому радиошоу. Сильвер изумленно дернулся, и тут же застонал от боли в голове. Эта боль была сопоставима с болью при остром гемморое.

— Ты только что подписал себе смертный приговор! Ты и дочь Микобера! Теперь я не смогу отпустить вас. Вы знаете слишком много, и будете уничтожены! Уничтожены!

Сильвер прикусил себе язык, взвизгнул от боли, а затем выругался. Где-то в этой темнице был «жучок». Он должен был проверить помещение, прежде чем болтать.

— Да, вы, бараны, правы! Старый Рэйд Старлинг имеет в рукаве нечто большее, чем тридцать миллионов долларов! Это, однако, только начало. Я буду использовать выкуп, чтобы сделать сто раз тридцать миллионов долларов. Но деньги не главное! Я хочу власть, власть такую, какую мало кто из людей когда-либо имел, а возможно, никто никогда не имел раньше! И я получу ее! После того как я поимею денежку в Минерве, мы начнем кампанию, и я выиграю все. Сначала я скуплю все издательства в США. И не важно, какой жанр литературы они печатают. Читатели подсядут на свои книги, потому что эйфорический чип снесет им крышу. С прибыли от этого я скуплю глянцевые журналы. И не глянцевые тоже! Затем местные телеканалы и газеты. А затем я возьмусь за национальные телевизионные каналы и кабельное ТВ. Чип можно использовать и на радио, и в ТВ. Все это тоже электроника. Добавляем мой чип, и ПЭСЭЦ приходит в каждый дом, где есть «ящик» или радио! Магнитное поле чипа не требует физического контакта с человеческим телом, диапазон ограничен только мощностью. И затем, ах, затем я посажу моих кандидатов на должности на национальном уровне, на

уровне штатов и на местном уровне. Одного за другим, пока вся страна не будет у меня в кулаке! Я воткну чипы в предвыборные листовки! Электорат будет мой! На 146, нет, на 246 процентов!

— Он сумасшедший! — испуганно прошептала Джилл.

— Что вовсе не означает, что ему не удастся задуманное, — мрачно ответил Сильвер.

— В конце концов, я буду иметь достаточно власти, чтобы уничтожить Микобера! К тому времени, когда он узнает, что я делаю, будет уже слишком поздно! Я накажу его...

— И это говорит он!.. — возмущенно воскликнула Джилл.

— Он хотел бы быть сумасшедшим. Но он просто мечтает... — прошептал Сильвер.

— Затем я скуплю всю индустрию Голливуда! И я сожгу этих гиен, уволю их, буду травить собаками, разорву. Они будут жалеть, что выкинули меня на помойку, они будут... — Старлинг продолжал извергать, гневно фантанировать, бредить.

Сильвер прошептал Джилл:

— В этом все дело! Месть Голливуду, — прошептал Сильвер. — Остальное просто хвастовство и дурь...

Сильвер осторожно обследовал помещение в поисках динамика. Голос доносился из химического унитаза. В целом неплохо! Грейхарт закрыл крышку, уменьшив громкость.

— Не думаю, что он может видеть нас. Мы узнаем это достаточно быстро, — шепнул Сильвер недоумевающей девушке. Он сел на крышку и закатал штанину брюк на левой ноге.

— Что ты делаешь? — спросила Джилл.

Сильвер приложил палец к губам, призывая к молчанию, и затем отсоединил протез от нервных окончаний и отвинтил искусственную ногу. Удерживая в одной руке протез, он встал на здоровую ногу и внезапным движением, практику которого он усовершенствовал, прыгнул к двери. Балансируя на одной ноге, он открыл один из тайников своего умного протеза, небольшой пульт управления с кучей крошечных кнопок. Жестом он подозвал Джилл. А когда она подошла, он сказал:

— Стой позади меня и поддерживай сзади. А когда я скажу, держи меня изо всей силы.

Он снял с протеза ботинок, а затем повернул крошечные переключатели на нижней части ноги. После несколь-

ких манипуляций с протезом, в нем появилось отверстие размером с замочную скважину.

— Начали! — скомандовал он.

Он щелкнул переключателем. Сразу же тонкая игла пламени вырвалась из отверстия. Дым заполнил помещение, заставляя их кашлять. Джилл была настолько удивлена, что она почти отпрыгнула обратно. Сильвер начал падать назад.

— Держи, Джилл, держи! — воскликнул он.

Она уперлась плечом в его спину и напряглась. Вибрации от ноги-автогена передавались ей. Нога вибрировала, как отбойный молоток, но Грейхарт, в поте лица, и мокрой рубашке, продолжал работать. Когда силы были уже на исходе, Сильвер щелкнул переключателем. Прекратился рев, и пламя угасло.

— Что, черт возьми, происходит? — закричал Старлинг. — Что вы делаете? Сильвер, я требую, чтобы вы сказали мне!

Сильвер игнорировал вопли кандидата во Властелины мира. Джилл, глядя на дверь, увидела, что замок расплавлен, но не вырезан.

— Я думала, что ты вырезал его, — пробормотала она.

— Мог бы. Но мы бы никогда не вышли отсюда. Они будут здесь скоро...

Сильвер замолк. Кто-то стучал в дверь; кто-то другой ругался грязно и многоэтажно.

— Нужен автоген!

— Это то, чего я боялся. Молись, чтобы у нас хватило времени, — шепнул Сильвер.

Он заковылял к противоположной стене с помощью Джилл. Открыв другой тайничок ноги, он извлек отвертку, затем гаечный ключ на четверть дюйма.

— У тебя там склад? — удивилась Джилл.

— Ты будешь удивлена. Как правило, я не таскаю столько вещей в этом протезе. Зато, как бойскаут, я «всегда готов». Так я использовал деньги вашего отца, чтобы заранее купить все, что могло пригодиться.

Говоря это, Сильвер уже ковырялся в съемной панели. Когда ему удалось ее снять, открылось пещерообразное нутро компьютера. С помощью небольшого фонарика, извлеченного из ноги, он нашел выключатель света. Яркий свет залил лабиринт балок, проводов, печатных плат, пластмассовых

ящиков, кабелей и труб. Многие вертикальные балки были перекладинами, ведущими к платформам здесь и там. Сильвер водил лучом фонарика вокруг до тех пор, пока не остановился на нескольких боксах, прикрепленых к стене.

— Ага! Я надеялся, что схема будет здесь!

Он открыл бокс и начал возиться с платами.

— Грейхарт! Что ты делаешь? — спросила Джилл.

— Посмотрим... Я прошел достаточно курсов в Лос-Анджелесе и Фридрихсхафене, в академии. Современные дирижабли компьютеризированы по самое не балуй. Мне приходилось разбирать и снова собирать компьютер на время с завязанными глазами, без этого не сдать выпускной экзамен по электронике.

— Но ты не знаешь этот компьютер!

— Не знаю. Мне просто нужно найти несколько схем, а затем поменять кое-что... — сказал он весело

Сильвер говорил оптимистичнее, чем обстояли дела на самом деле. Ему необходимо было время для изучения, больше времени... Джилл отошла, а Сильвер судорожно разбирал схемы. Когда он водил пальцем по линиям и символам четвертой, она вернулась.

— Они вырезали небольшое отверстие над замком!

— Тогда они быстро вырежут замок, — заметил он.

— Ладно, я не хотел терять время, чтобы объяснять тебе, как управлять моей ногой. Но это может дать нам несколько минут.

Стоя на одной ноге, прислонившись к стене, Сильвер показал девушке, как управлять струей пламени. Хмурая, но решительная, Джилл отошла. Сильвер стал работать быстрее. Забраться вверх, к платформам, из-за его инвалидности оказалось нелегко, но Сильвер имел сильные руки, ловкость молодости, а также мощный мотив — выжить. Он должен был отключить одно, подключить другое, установить одну фиговину, отключить и переподключить другую штуковину... Возни было много. Все провода, в разноцветной изоляции легко было переподключить так, как надо. Если бы Сильверу пришлось работать с голыми проводами, использовать изоляционную ленту или паяльник, он был бы обречен. На это у него просто не было времени. Ползая туда и сюда, он возился с кабелями, над и под платформой. Отключал. Подключал. Переподключал.

Его одежда пропиталась потом, несмотря на кондиционер. Он задыхался от усилий и напряжения. Ага! Почти готово! Осталось сделать последний штрих. Он открыл коробку, осмотрел ее, проверили снова, чтобы убедиться. Залез в карман и вытащил «Тайную жизнь Ребекки», открыл на странице 10 — там была самая сексуальная сцена в книге, насколько он помнил, и страница была немного толще, чем другие. Не глядя в текст, чтобы не попасть в ловушку романа, Сильвер вырвал страницу, разорвал её вдоль, отделяя утолщение чипа от обычной бумаги. И вставил чип в цепь компьютера. Плюс и минус на обоих концах. У Сильвера не было средства, чтобы убедиться, что контакт будет достаточно плотным. Он просто молился, чтобы сработало. Стоп! Он мог бы поставить книгу вниз на верхней части полосы. Ее вес будет достаточным, чтобы прижать контакты так, чтобы они не слетели...

— Грейхарт! Я сделала, как ты сказал. Я выстрелила струей через отверстие, подпалила парня с автогеном. Он закричал, и уронил автоген на пол. Когда я ушла, они всё еще матерились. Я не думаю, что они попытаются снова прямо сейчас.

— Хорошо! Подожди! Я спускаюсь.

— Они не задержатся надолго. У них наверняка есть пластиковая взрывчатка. Они попробуют взорвать дверь.

— Я услышала голос Пита Стэмбоека. Старлинг вызвал НАХУ, — сказала она.

— Да, я ожидал этого. Они наверняка планируют атаку сразу с двух сторон. Они снимут панель компьютера, чтобы зажать нас спереди и сзади. Помоги мне. Нет времени для достоинства, гордости и прочего дерьма. — Пристегнув протез с помощью девушки Сильвер сказал: — Надеюсь, что они не выключили питание компьютера. Если выключили, мы покойники. Но зачем? Они не знают, что я сделал.

— Я тоже, — заметила Джилл. Сильвер объяснил. Когда он закончил, девушка сказала: — Но это так фантастично! Неужели ты думаешь, то это сработает?

— В теории, должно. На практике... скоро увидим. Просто помни, эйфорический чип применяется только при работе в сочетании с письменным или устным словом. По крайней мере, я так думаю. Так что не смотри! Ни при каких обстоятельствах не смотри!

— И не буду. Но как насчет тех людей, которые будут ломиться с другой стороны?

— Мы сдержим их некоторое время. Может быть, достаточно долго, чтобы мы ушли. Помоги мне с панелью.

Сильвер потратил несколько минут, чтобы вставить панель на место. В то время как Сильвер склонился над нижними болтами, Джилл прикручивала верхние.

— Они могут взорвать панель. Но это задержит их на минуту или две.

И тут Сильвер указал на дорожку, ведущую к передней части компьютера. Свет появился в конце дорожки. Сперва, тонкий луч на высоте около двух футов над полом. Затем вдруг квадрат света и чьи-то ноги на его фоне.

— Они идут в обход. Но им светит прогулка в газовую камеру. Давай, давай!

— Ничего не понимаю! — взвыла Джилл.

— Разве ты не чувствуешь легкого покалывания? Покалывания, которое приходит и уходит?

— Да. Что это? Что-то пошло не так?

— Оно должно быть еще более мощным, чем я думал. Может быть, я подключил его к слишком мощному генератору.

Джилл открыла рот, чтобы что-то сказать, но громкий взрыв швырнул её в руки Сильвера. Он упал назад, не в состоянии удержать обоих только с одной ногой. Падая, он увидел, как под давлением взрывной волны выгибается панель. Мгновение он лежал на спине, а Джилл — на нем, сверху. Удар затылком о цемент напомнил ему, что он страдал от интенсивной головной боли. Джилл скатилась с него, и Сильвер сел.

— Они взорвали дверь. Сейчас явится их ударная группа. Дай мне мою ногу, я присобачу ее обратно.

В то время как он исполнял самостоятельное подключение ноги, девушка выглянула наружу.

— Не вижу никого. Что они делают?

— Надеюсь, ничего, за исключением самоудовлетворения.

Сильвер встал, и они вместе осторожно вылезли наружу. Они выползли на четвереньках, через тесный и узкий лаз. Сильвер очень боялся задеть за что-либо и без того адски ноющей головой. Пульсирующее покалывание по всему телу усиливалось, увеличивалось. Может быть, его план все же сработает...

Грохот нового взрыва. Они опять распластались на полу. Джилл закричала, и Сильвер повернул голову, чтобы увидеть, что с ней. Если бы ее ударило выбитой дверью, последствия могли быть очень серьезными. Но он не увидел ничего, кроме дыма, выплескивающегося из проема.

— Джилл! — позвал он. Он пополз вперед в дым и врезался во что-то головой, остановился, адская боль разрывала голову. С губ сорвался стон. Дым рассеивался. Джилл сидела внизу, держась за голову.

— Нас приложило...

— Некогда! Они сейчас очнутся! Бегом, к передней двери!

Увидев результат своих трудов, Сильвер торжествующе расхохотался. Старлинг, его секретарша-регистраторша и трое мужчин и женщина, в которых он признал ребят из НАХУ, стояли неподвижно, уставившись на дисплей, как кролики на удава... Пока все было в порядке. Но волны покалывания становились еще сильнее, и даже быстрее. Его опасения, что второй взрыв встряхнет компьютер достаточно сильно, чтобы вызвать неисправности, были необоснованны. Но он подключил слишком много электромагнитных усилителей. Компьютер мог в любой момент сгореть или выбить предохранитель. И если бы это произошло в течение тридцати секунд...

Бритая голова высунулась из отверстия. Сильвер наклонился, привычно открыл ногу, нажал нужные кнопки, переключая в режим огнемета, прицелился, балансируя на одной ноге. Трехсекундной задержки при активации пламени было достаточно для Сильвера, но не для Боунса, который пыталя вылезти из норы. Тонкий язык пламени прошел мимо носа несчастного техника на расстоянии в четверть дюйма. Жар опалил ему нос. Он закричал и юркнул назад в отверстие. Сильвер выключил горелку. Это не слишком вероятно, что те, что засели внутри компьютера, сейчас попробуют высунуться. Они не захотят подвергаться ожогам третьей или даже четвертой степени. Однако нет ничего, что бы остановило их от попытки вернуться через нижний коридор, а затем через дверной проем в юго-восточном углу.

— Пойдем, — позвал он Джилл, схватил ее за руку и потянул за собой. Он ожидал в любой момент услышать крики или выстрелы за спиной. Люди внутри компьютера могли

в любой момент появиться из двери в юго-восточном углу, если бы среагировали быстро. Сильвер остановился и повернул ручку выходной двери. Та была заперта.

— Нет! — отчаянно простонала Джилл.

— Старлинг должен иметь ключ!

— Стой здесь! И не смотри! Держите глаза выше дисплея!

Джилл повернулась, закрыв рукой правый глаз, чтобы не видеть панель дисплея. Сильвер побежал назад, глядя на юго-восточный угол, надеясь, что не увидит там никого.

Старлинг стоял столбом, содрогаясь, его взгляд был зафиксирован на компьютере. На лице его играло восторженное выражение, которое делало его еще уродливее. Большинство людей с таким выражением лица будут выглядеть красиво, преображенными, но не Старлинг. Уродливый внутри, он был уродлив и снаружи.

— Попался в собственную ловушку, Старлинг? — зарычал Сильвер. Затем, сгорая со стыда. он обшарил карманы короля порнобизнеса. Брючные карманы были пусты. Сильвер выругался, а потом продолжил обыск. Что делать, если Старлинг отдал ключ секретарше? Что делать, если он дал его одному из людей НАХУ? А если он его проглотил?

Старлинг по-прежнему находился в трансе. Он по-прежнему пялился на дисплей машины по имени ПЭСЭЦ. Там зловеще пылали два слова. Два Главных Слова, которые нельзя употреблять при детях. Два слова, которые имеют множество смыслов, которые пробирают до корней, до дна, которые каждый человек знает, но стесняется произнести. Два слова, заключающие в себе бездну положительных или отрицательных значений. Действуя в сочетании с положительной обратной связью от эйфорического чипа, — или отрицательной, если вы моралист, — слова, сидящие глубоко в каждом из зрителей. Инь и Ян человеческого естества..

«Ох!» — Сильвер едва не заплакал от бессилия. Ключа не было. Не было в карманах, но он нашелся, после внимательного обыска, на шее Старлинга на цепочке. Крайне осторожно Сильвер снял его и помчался к двери, но на полпути через комнату застыл. Джилл стояла, окаменев, глядя на дисплей. Как и жена Лота, она не подчинилась необходимости. Она повернулась, чтобы посмотреть, и теперь, хотя и не стала столпом соли,

была неподвижна, как этот библейский стол. Сильвер направился к двери, проклиная Джилл за дурное женское любопытство, боясь услышать лай пистолета за спиной. Точнее, боясь не услышать его. Вы никогда не слышите выстрел из пистолета, который оборвет вашу жизнь. Наконец. Сильвер вставил ключ и повернул его, толкнул дверь, повернулся, чтобы схватить руку Джилл, и потащил ее по коридору. Джилл вдруг вырвала свою руку из его захвата и бросилась бежать обратно. Крича на нее, чтобы остановить, Сильвер развернулся и побежал за ней. Девушка почти вернулась к созерцанию заветных слов, но Сильвер нырнул и, зацепив ее ноги, уронил жертву компьютерной суггестии на пол. После того, как он выпустил ее, покачала головой и заорала:

— Слушай, Грейхарт! Ты не имеешь права...

Он поднялся, схватил ее за руку. Кто-то закричал. Банда вылазила из недр машины через юго-восточную дверь. Сильвер вытолкнул девушку, выскочил следом, захлопнул дверь. Он наклонился, чтобы запереть замок. Два отверстия вдруг появилось в нескольких сантиметрах над его головой. По-прежнему пригнувшись, Сильвер повернулся к Джилл, заставив пригнутьсяи её, и вытолкнул с линии огня. Сильвер тащил её, не останавливаясь, пока они не оказались за поворотом коридора.

— Грейхарт! У меня были самые замечательные... — начала было девушка.

— Позже! Позже! — он задыхался. — Мы должны выйти сейчас! Держу пари, что Старлинг заложил взрывчатку в компьютер. Он хотел взорвать его, если власти или твой отец поймут что-то. Он собирался взорвать его все равно, чтобы не оставить никаких доказательств для полиции, когда он свалит в Минерву! Если компьютер начинает отсчет... Бежим!

Когда они добрались до двери наружу, Сильвер услышал выстрелы. Один из них вышиб замок двери. И если он и Джилл не найдут укрытия — их расстреляют. Схватив в охапку все еще упирающуюся Джилл, Сильвер выскочил на улицу. Взревел клаксон, шины взвизгнули. Водитель покрыл их матом. И затем, когда они уже почти перешли дорогу, мир содрогнулся и закрутился в адской карусели.

Глава 16

Беглецы хромали по тротуару. Вокруг бушевали людские волны, к небу поднимался столб черного дыма. Истошно выли сирены патрульных машин, завывала сигнализация, сверкали мигалками пожарные машины, окрашенные красным, управляемые красномордыми пожарными.

— Что же нам делать теперь? — спросила Джилл.

— Пойдем в коктейль-бар, умоемся и сядем за столик, возьмем выпивки, возьмем соленого арахиса и попкорна. Исцелим наши тела, души и поговорим о нашем будущем.

— Как насчет того, чтобы жениться на мне? — спросила Джилл.

— Думал, ты никогда не спросишь. Давай сделаем это сразу после того, как выпьем наши коктейли. Хотя я признаю, что я не чувствую пока сладости медового месяца.

— Папа рад не будет, но меня не волнует, что он думает. Сейчас, по крайней мере...

— Да, старый стервятник будет в шоке, — Сильвер усмехнулся. — Я знаю достаточно, чтобы отправить его за решетку на всю жизнь. Поэтому, думаю, что он будет согласен на все. Наша свадьба может убить его, что само по себе неплохо, — но он не сможет сделать ничего, кроме как сказать «да». Я знаю его уязвимые места. Это, может быть, не честно, но я собираюсь шантажировать его. Деньги мне не нужны. Хочу вернуть себе работу. Первый помощник капитана на цеппелине. С заработной платой, конечно, за все время, с момента увольнения по сей день. И затем...

— Надеюсь на это. Но папа такой гнилой человек, и он имеет такую огромную власть. Что может сделать один человек против него? — вздохнула Джилл.

Сильвер сжал её руку.

— Два человека! Мужчина и женщина. Ты это имеешь в виду? Причем эта женщина – его дочь...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 17

Если боги решили уничтожить кого-то, то они сначала делают его беззаботным... Более счастливого человека, чем Грейхарт Сильвер в этот вечер, вероятно, не было в целом мире. Он был капитаном АЦ-49 — воздушного корабля компании АКМЭ-«Цеппелин». Это была его первая команда, первый корабль, который он получил под начало после долгой, суровой, опасной битвы. К тому же на борту была его невеста, Джилл Эмбер Микобер, завоеванная им в еще более безнадежной схватке. Хотя должность капитана была выдавлено из отца Джилл через шантаж, Грейхарт не чувствовал себя виноватым. Он приструнил крупнейшего мошенника и грубияна американского делового мира. Старый Бендт Микобер потерпел поражение на всех фронтах, включая финансовый и личный. Другой делец, столкнувшись с такой неудачей, имел бы сердечный приступ. Его тесть отделался горстью пилюль.

«Что весьма символично», — подумал Грэйтхарт, улыбнувшись своим мыслям.

Сильвер посмотрел сквозь широкое, изогнутое лобовое стекло навигационного мостика, расположенного чуть ниже пузыря обтекателя в носу дирижабля. Семью тысячами футов ниже в сумраке ночи распростерлась южная часть Тихого океана. Выше в бездонном небе, незамутненном тучами, сверкали звезды. Бог царил в Небесах, Сильвер был первым после Бога на борту АЦ-49. Все шло хорошо. Цеппелин делал 100 миль в час, двигаясь на юго-запад. Его нос был провернут слегка к северо-западу из-за борьбы с ветром. В двухстах милях к северо-западу, где лежали Маркизские острова, тайфун ревел со скоростью 110 миль в час, неспешно надвигаясь на цеппелин. Но АЦ-49 шел по графику и должен был разминуться с жестоким урага-

ном. Тем не менее боковой ветер взбаламутили воздух, и борьба с ним отняла примерно час.

Грейхарт давно мечтал стать капитаном одного из атомных левиафанов воздушного флота АКМЭ. Но политика компании была такова, что старший офицер должен был иметь минимум пять лет опыта командования на обычном транспортнике, перед тем как командовать дирижаблем суперкласса. Даже Микобер не мог изменить это. Да и Сильвер не хотел халявы и одолжений.

Он и так был достаточно счастлив. АЦ-49 был старенький транспортный дирижабль, в первую очередь был грузовым судном, но с номерами для более чем тридцати пяти пассажиров. Это был небесный тихоход, чудовище обычной сигарообразной формы, 1345 футов или более чем четверть мили длиной, с диаметром в миделе 224.16 фута. Его гигантские баллонеты заключали в себе 40.000.000 кубических футов негорючего гелия. Десять дизельных двигателей в безветрие, давали воздушному кораблю скорость 125 миль в час. Два движка находились в гондолах, один под носом, один под хвостом. Остальные находились в средней части внутри корпуса, их мощность передавалась через шестерни и валы винтам, расположенным на наружном корпусе. Их винты с переменным шагом могли поворачиваться на 180 градусов, для зависания, подъема или спуска. Грузовые отсеки размещались в корпусе, каждый мог вместить пять типовых модулей, рассчитанных на контейнеры по пятьдесят тонн груза в каждом.

В этом рейсе модули несли в себе три контейнера с очень своеобразным содержимым: жидким метаном. Они были загружены по срочному заказу в Каракасе, Венесуэла. Плановый груз перенесли на следующий рейс. Чрезвычайная ситуация потребовала немедленной доставки метана в Минерву. Этой независимой островной нации юга Индийского океана метан нужен был как можно скорее.

В одном из модулей размещался еще один необычный груз. Это был пластиковый контейнер, в котором под грифом «ТЯЖЕЛЫЕ МЕТАЛЛЫ» лежало четверть тонны платины и иридия. Сильвер не знал, зачем крошечному государству требуется такое большое количество драгоценных металлов, но не его дело задавать вопросы. Однако только он знал

истинное содержимое контейнера. Он понимал, почему это необходимо. Металлы должны были стоить не менее $90 млн.

Среди пассажиров наиболее уважаемым был доктор Пьер де Руа, очень богатый промышленник, который мог стать следующим премьер-министром Франции. С ним на борт прибыли блондинка, представленная как секретарь, и два суровых телохранителя. Хотя обычно было запрещено проносить оружие на борт, у этой парочки были автоматические пистолеты и ножи. Нью-Йоркский офис АКМЭ разрешил. Де Руа путешествовал инкогнито, еще один секрет, который Сильвер не мог поведать даже жене. Остальные пассажиры — одиннадцать американцев, девять французов, десять южноамериканских бизнесменов и их любовницы. Нет, насколько ему известно, они не собирались ходатайствовать о натурализации в Минерве. Вы не могли получить гражданство там, если ваше состояние менее чем $6 млн...

Сильвер провел окончательную проверку всех постов. Теперь он мог пойти к Джилл, в каюту, отведенную ей как главной стюардессе. Проведя некоторое время с ней, он будет вынужден уйти в каюту капитана, расположенную в корпусе чуть выше мостика. Согласно регламенту, капитан должен спать один, даже если он женат. Старый Микобер имел странные идеи, но он смог обеспечить их соблюдение.

Перед отъездом он проверил навигационный мостик. Третий помощник Сискату, индеец с Аляски, стоял свою вахту. Пилот находился у панели управления, хотя управление было автоматическим. Оператор радара был занят своими профессиональными делами. Спаркс, сидя в углу, был занят приемом и передачей сообщений.

— Ну, я пошел, — бросил Грейхарт невозмутимо созерцающему приборы Сискату.

— Добрых снов, капитан, — индеец улыбнулся загадочной улыбкой сфинкса. Сильвер однажды заметил, что его с Джилл браку уже шесть месяцев, но медовый месяц не заканчивается.

— Осторожнее с ураганной блондинкой, — добавил Сискату.

Грейхарт вздрогнул. Пассажирка, госпожа Кэтрин Ховард, высокая, гибкая, грудастая блондинка в возрасте около тридцати пяти лет, уже показала себя... Если бы он не женился, он бы не называл это неприятностями. Однако правила компании

ограничивали персонал в формах социального общения, допустимых с пассажирами. Тогда Джилл с улыбкой прокомментировала, что желания госпожи Ховард слишком очевидны и прямолинейны для утонченной натуры капитана. Господин Ховард, хотя он ни единым словом не прокомментировал ситуацию, был очень холоден. Грейхарт находил ситуацию неловкой.

Сильвер уже пожелал спокойной ночи всем и собирался покинуть мостик, когда Спаркс сказал:

— Один момент, сэр. Сообщение из головного офиса. Они говорят, что неисправны навигационные спутники. Непонятно, надолго ли.

Сильвер посмотрел на экран. Сообщение горело большими белыми буквами с альфа-числовыми кодами.

— Это означает, что мы должны перепоручить навигацию компьютеру, — сказал он, обращаясь к Сискату, который и так был в курсе.

Это также означало, что если по какой-то причине дирижабль совершит вынужденную посадку и не сможет передавать сообщения, его местонахождение будет неизвестно. Другие спутники могли бы обнаружить его, но только если АЦ-49 сможет передать сигнал.

— Мы сможем держать курс самостоятельно. Не проблема. Скиката, будете работать с компьютером, — объявил Сильвер.

Покинув мостик, Грейхарт прошел через штурманскую рубку и курилку. Дальше располагался главный коридор, который шел вдоль киля от носа до кормы. Единственным, кто попался капитану на глаза, был Альберто Агочелли, стюард. Он нес закрытый поднос, вероятно, закуску для офицеров на мостике. На протяжении сорока метров располагались каюты. Там были расквартированы пассажиры, офицеры и стюарды. Де Руа, или Корде, как он был указан в списке пассажиров, обитал в первом номере на левой стороне. Его два телохранителя спали с ним. В следующей каюте жила его секретарша. Джилл занимала небольшую каюту со следующим номером, а затем, через две каюты, в огромном и роскошном люксе расположились Ховарды. По крайней мере, можно было надеяться на то, что они там. В этот поздний час госпожа Ховард не должна была поджидать в засаде, чтобы напасть на капитана и сокрушить его своими неотразимыми прелестями.

Тихонько насвистывая, Сильвер шел по коридору, ощущая легкую дрожь корпуса воздушного корабля. Бионическая левая нога слегка замедляла его походку. Некоторые из женщин, которых он знал в библейском смысле слова, были смущены блестящей пластиковой штуковиной вместо ноги, но Джилл её словно не замечала. Она очень любила его. Сильвер задумался о том, как реагировала бы госпожа Ховард, если бы она с ним... Впрочем, узнать это на практике он мог, но не хотел.

Сильвер был несколько тщеславен, и он не мог не испытывать удовольствия при мысли о том, как великолепно он выглядит. Его форма была из сверхпрочного, но гибкого серебристо-серого пластика. Черные сапоги до колен сверкали. Единственным, что его раздражало, был черный цилиндр с серебрянной лентой, который ему полагалось носить на голове. Это была еще одна «гениальная», то есть, идиотская, идея Микобера — глупого старого осла.

Однако внешность Сильвера трудно было испортить даже шляпой. Он имел рост шесть футов и шесть дюймов, вес 245 фунтов. Широкоплеч, мускулист и длинноног. Его лицо можно также было признать красивым, хотя нос был, пожалуй, слегка длинноват и слишком изогнут. Длинные, до плеч, волнистые волосы, некогда желтые, но теперь, в возрасте тридцати трех лет, темно-коричневые и его длинные усы делали его похожим на генерала Кастера[79].

Неудивительно, что госпожа Ховард жаждала его.

Сильвер забыл о ней, но она напомнила о себе, когда он закрывал клетку, в которой жили его ручные вороны. Это было в каюте Джилл, поскольку правила запрещали содержание домашних животных в каюте капитана. Прошлой ночью он забыл закрыть клетку. Теперь же он вынужден был встать с постели, когда вороны начали расхаживать по каюте, отпуская ироничные замечания нецензурного характера. Джилл хохотала до упаду. Конечно, вороны не способны выучить похабный язык самостоятельно. Джилл тренировала их, чтобы научить этих двух крупных птиц нападать на людей по кодовому слову. Так много событий произошло в последнее время, как с ним

[79] Джо́рдж А́рмстронг Ка́стер (1839 — 1876) — американский кавалерийский офицер, прославившийся безрассудной храбростью, необдуманностью действий и безразличием к потерям.

самим, так и с Джилл, что он подумал, что это хорошая идея. Грейхарт и Джилл не знали, когда это может пригодиться.

— Добрый вечер, — приветствовал капитана Агоцелли.

— Надеюсь! — ответил Сильвер.

В этот момент он увидел фигуру, вышедшую из переплетения теней. До призрака было около ста метров, и он материлиазовался в воздухе — зыбкий образ. На этот раз это был Безумный Конь, высокий, красивый, но свирепый индейский воин. Он держал копье в руке, и этим копьем он указал на Грейхарта.

Неожиданно за спиной Сильвер услышал шипение змеи. Он вырвался из пут оцепенения. Обернувшись, Грэйтхарт поднял руку, чтобы защитится от любого нападения сзади, если это действительно было змея. Хотя, как змея может оказаться на борту дирижабля? Сильверу надо было вырвать ей клыки, придавив бионической ногой... А потом сладковатый запах наполнил его ноздри. Чувства и разум смыло волной паралитического газа.

Глава 18

Когда Сильвер пришел в себя, в ушах у него звенело, мысли путались и голова болела. Он застонал, так как боль накатила с яростной силой — взрыв боли был подобен взрыву Гинденбурга[80].

Сильвер сидел голым в чужой постели в странной комнате. Не такой странной, теперь, когда он осмотрелся вокруг. Она выглядела так же, как его каюта, за исключением того, что пропали без вести все фотографии с его выпускного в академии в Фридрихсхафене и фото его и Джилл со свадьбы.

[80] LZ 129 Гинденбург — жёсткий дирижабль, построенный в 1936 году в Германии. Был самым большим в мире из созданных до того времени дирижаблей. Своё название воздушный корабль получил в честь рейхспрезидента Германии Пауля фон Гинденбурга. 6 мая 1937 года, завершая очередной трансатлантический рейс, при выполнении посадки на главной воздухоплавательной базе военно-морских сил США в Лейкхерсте, наполненный пожароопасным водородом Гинденбург загорелся и потерпел катастрофу, в результате которой погибли 35 из 97 находившихся на его борту человек, а также один член наземной команды. Гибель этого воздушного корабля получила большой резонанс.

«Это не моя каюта», — сказал он себе. Что может делать голая миссис Ховард в его каюте? Почему она стояла возле кровати, крича? Что здесь делает господин Ховард? Он был одет и явно собирался кого-то убить. Его правая рука занесла над головой тяжелую палку. Казалось, это был не человек, а смерч ярости и гнева, готовый обрушиться на Сильвера. Лицо Ховарда заливал багрянец. Его карие глаза, обычно так маленькие и бегающие, расширились, как у голодного птенца грифа, ощутившего по-близости пищу. Красные сосуды в белках глаз, казалось, извиваются, как змеи. Его тонкие губы стали похожи на края окровавленного ножа. Господин Ховард явно собрался разбить Сильверу череп. Госпожа Ховард прекратила истерически визжать и закричала:

— Джеффри! Не делай этого! Тебя упекут в тюрьму на всю жизнь!

Господин Ховард остановился. Только звук его дыхания нарушал повисшее гнетущее безмолвие.

— Подонок! Я убью тебя прямо сейчас! Ты подсыпал снотворное в мой напиток, чтобы поиметь мою жену! — закричал Ховард, вновь впадая в транс берсерка.

Грейхарт, каркая как один из его воронов, ответил:

— Полегче, ребята. Я не знаю, что происходит, но, уверен, что этому есть разумное объяснение.

Нужно было сказать что-то еще, но он не знал, что именно.

— Да, и я знаю, что это! — закричал считающий себя рогоносцем Ховард. Попробовав скатится с постели, Сильвер налетел на переборку.

— Не уйдешь. Умри, грязное животное! — орал Ховард,замахиваясь.

Сильвер бросился вверх и поймал Ховарда за запястье руки. Тот вырывался изо всех сил. Раздался стук в дверь. Приглушенные голоса звучали из коридора.

— Вы заплатите за это, вы, трусливый ублюдок! — прорычал Ховард.

Сильвер выпустил запястье. Ховард кинулся к двери и открыл ее настежь.

— Давайте, все! Взгляните хорошенько, полюбуйтесь! Что вы думаете об этом?

Он резко повернулся и указал длинным тонким пальцем на жену и Сильвера. Скорбь в его голосе сменила гнев.

Сильвер застонал и завернулся в простыню. Первым вошел второй помощник, Джеймс Флаэрти. Вслед за ним — Господи, помилуй! — Джилл! Она кинулась вперед к мужу, который сжимался в геометрической прогрессии обратно пропорционально кубу ее приближения к нему. За Джилл стояли еще несколько человек. Там были месье Пьер де Руа, великий французский государственный деятель и финансист, его секретарь-блондинка и два его телохранителя. На них сзади напирали четверо пассажиров из Бретани, двое американцев, еще одна стюардесса, шесть человек, которые обычно играли в покер в комнате для некурящих и три курильщика сигар, которые только вышли из столовой. Половина из толпы была в пижамах.

— Не курить! — потребовал Сильвер, но вместо властного капитанского рыка получился почти что плач. Что за тонкий, срывающийся голос был теперь у него?

Толпа увеличивалась в размерах. Бедную Джилл вдавили внутрь каюты и прижали к злополучной кровати. Грейхарт не хотел смотреть ей в глаза, но он был должен. Сильвер боялся, что выглядит сейчас не менее выбитым из колеи, чем она.

— Это не то, что ты думаешь, Джилл...

Господин Ховард вновь появился на сцене. Зажатый толпой в угол, он пробился к ванной комнате. Теперь его голова торчала из двери ванной, он кричал:

— Отдайте мне этого гада! Я убью его!

Напирающая толпа оттеснила мужа шаловливой блондинки в туалет. Оттуда его вопли напоминали завывания банши. Потом эти крики смешались с шумом слива и стихли.

Госпожа Ховард истерично завопила

— Отдайте мою одежду! Моя одежда! Где моя одежда?

Сильвер попытался понять, где же его собственная одежда. Вероятно, она валялась на полу вместе с вещами госпожи Ховард. Осознав тщетность своих воплей, госпожа Ховард заползла на кровать.

— Что ты делаешь? — завопил Грейхарт.

— Я не собираюсь скакать голой перед всеми этими людьми, — заявила она, стащив с Грейхарта простыню и оставив его в чем мать родила. Он рванул простынь обратно.

— Поздновато для соблюдения приличий, муженек, — объявила Джилл с едкой иронией в голосе. Толпа продолжала увеличиваться. Джилл оттеснили на кровать. Она встала, и ударилась головой о низкий потолок.

— Ради Бога! Флаэрти! Выгони этих людей отсюда! — в отчаянии закричал Сильвер.

Флаэрти удалось услышать командира, невзирая на шум, гам и общий бедлам. Хотя он был невысокого роста, у него была могучая шея и зычный голос. Его рев с ирландским акцентом и заглушил шум толпы:

— А ну вон отседова все! Кроме виноватых сторон, ихней родни и офицеров корабля!

— Что значит «виноватых сторон?» — недоуменно закричал Сильвер.

Он посмотрел на Джилл. Она, кажется, находилась перед выбором. Либо ударить его, либо заплакать. Наконец, она решилась. Сделала и то, и другое. Сильвер невольно охнул от боли. А потом почувствовал, как ее слезы капают ему на живот. Хотя он был абсолютно невиновен, если не учитывать нескольких шальных фантазий относительно госпожи Ховард, он по-прежнему чувствовал себя виновным. А еще ему было невыносимо стыдно. Вина и стыд обжигали его изнутри, пульсируя, словно переменные токи высокого напряжения.

— Черт возьми, это инсценировано, Джилл!

— Ага! Это спектакль! И ты великолепен в роли похотливого козла!

— Пожалуйста, Джилл. Это...Это подстроено... и угадай, кто стоит за всем этим?

Она перестала плакать, ее гнев смягчился, но лишь отчасти.

— Ты имеешь в виду, что это подстроил мой отец?

— Кто же еще?

— Ты не можешь винить его во всем!

— Пожалуйста, дай мне все объяснить.

— Валяй! Только ври поскладнее, получше. Лучше, чем хорошо.

Сильвер застонал.

— Я не знаю, что случилось!

— Скажи ещё, что потерял сознание и очнулся здесь!

Он снова застонал от бессилия.

— Мы только что поняли, что между нами ничего не будет, — пролепетала неожиданно госпожа Ховард.

— Не слушай ее! Она замешана во всем этом! — умолял Сильвер.

— Я не знаю, как она может быть невинным свидетелем, — сухо сказала Джилл, но ее голос дрожал.

— Мне жаль, очень жаль. Я была просто без ума от вашего мужа! Он тоже не мог сдержать себя тоже. Все бы уже было в порядке, никому не было бы больно, если бы только мой муж не проснулся раньше, чем должен. Надо было положить другое лекарство в его выпивку, — продолжала гопожа Ховард.

— Вы уж больно круты, сестра — заметила Джилл.

Сильвер с замиранием сердца ощутил возрождение надежды. Может быть, Джилл сможет поверить ему. Он был рад, что она сопротивлялась импульсу ударить миссис Ховард после ее последнего замечания. Эта стерва может рассказать очень много, и она так и сделает, если поймать ее на лжи. Джилл была расстроена, но ей было интересно, не стоит ли за этой безобразной историей ее отец. Джилл уже сказала отцу однажды, что он никогда не увидит её снова, если он продолжит заниматься своими махинациями. Старый Микобер поклялся на стопке отчетов и рейтингов «Dun & Bradstreet»[81] не лезть в семейную жизнь своей дочери. Но обман и двурушничество были натурой старого дельца. Он, должно быть, родился, уже планируя аферы. В противном случае как объяснить его ранний взлет? В возрасте двенадцати лет он лишил своего отца председательства в АКМЭ, хотя не без помощи взрослых коллаборационистов, конечно.

— Мы потеряли себя в этом море вожделения. Унесены волной всепобеждающей страсти, — продолжала свою поэму роковая блондинка.

[81] Dun & Bradstreet — американская компания, специализирующаяся на сборе, каталогизации и анализе информации о субъектах бизнеса и составлении кредитных рейтингов, ведёт крупнейший в мире реестр сведений о частных компаниях (около 205 млн субъектов по состоянию на 2013 год). Компания основана в середине XIX века, осуществила множество поглощений и прошла через серию разделений, в частности, в разное время в Dun & Bradstreet входили компания, ведущая рейтинг Нильсена, рейтинговое агентство Moody's, аналитики рынков информационных технологий Gartner. Основной источник доходов — предоставление заказчикам отчётов о финансовом состоянии организаций, подготовка платных выборок потенциальных клиентов и поставщиков по запрошенным критериям.

— Заткнись, дура, или я так врежу тебе, что ты окончательно себя потеряешь! — предупредила Джилл. — И тебя унесет гораздо дальше! — добавила она чуть тише с затаенной яростью в голосе.

К тому времени Флаэрти выдавил в коридор большую часть толпы. Случился короткий антракт, когда одна из пассажирок закричала, что мужчина, стоявший за ней, ущипнул ее «неприличным образом». Муж женщины полез драться с предполагаемым хулиганом, затем Флаэрти и один из матросов растащили их. Все трое завопили, жалуясь на жестокое обращение и угрожали подать в суд на АКМЭ. Еще одна проблема, пронеслось в голове капитана. Но она была незначительной по сравнению с другой.

Первый помощник капитана Рейнольдс Уайт вошел, зевая. Его черное лицо вытянулось при виде происходящего шоу, и его карие глаза расширились. Затем он вернул своему лицу официальное выражение и загадочность. Возможно, Уайт переживал серьезную проблему, пытаясь удержаться от смеха. Сильвер взглянул на него, завернулся в простыню, и, подхватив свою одежду, извлеченную из-под койки, направился в туалет. Каменное лицо Уайта вытянулось вновь. Госпожа Ховард отвлекла его внимание. Она была в костюме Евы и выражала по этому поводу свое возмущение.

— Ты не джентльмен, а свинья! — закричала она Сильверу.

— Вы не леди, — ответил он и закрыл дверь.

Через две минуты он появился, полностью одетый за исключением одного носка, который он так и не смог найти. Его искусственная нога была, таким образом, лишена экранировки. Другой носок ушел на настоящую ногу, но, поскольку его искусственная нога была оснащена тонкими датчиками, он чувствовал ее контакт с внутренностью сапога. Госпожа Ховард уже закончила одеваться. Судя по выражениям лиц мужчин, этот процесс был стимулирующим. Независимо от ее характера, она была щедро одарена... Каюта была закрыта. Внутри остались первый и второй помощники, Ховарды и Сильверы. Уайт пытался заставить Ховардов потушить сигареты.

— Я слишком нервничаю, чтобы не курить. Гелий не взрывается. Мы не на Гинденбурге, как вы знаете, — защищалась госпожа Ховард.

— Это всеобщее правило, сударыня, — ответил Уайт.

— И что будет, если мы не подчинимся? — спросил господин Ховард.

— Я отберу ваш табак и запру в курительную комнату, — ответил Уайт.

— Кто является командиром? Не Сильвер ли тот, кто отдает приказы? — ехидно поинтересовался Ховард.

Наступила тишина. Уайт посмотрел на Грейхарта. Правила становились противоречивыми в подобной ситуации. Статус Сильвера сейчас находился в зависимости от показаний Ховарда. Уайт прочистил горло.

— Не знаю, что тут случилось. Возможно, вы бы могли лучше объяснить. Капитан, вы хотите говорить первым?

Ховард презрительно бросил сигарету на палубе, где продолжила тлеть.

— К черту дипломатию! Я вам скажу, что случилось! Моя жена, моя будущая бывшая жена, надо сказать, подсыпала Микки Финн в мой стакан. Она сделала это и вышла, а затем ваш капитан — пока еще капитан! — прокрался в мою каюту вместе с ней. Я проснулся быстрее, чем она думала, и поймал их в постели.

Уайт посмотрел на Сильвера.

— Это правда, капитан?

Грейхарт посмотрел на Джилл. Она наклонилась вперед в кресле. Ее лицо застыло, она дрожала, и в ее глазах предательски блестели слезы.

— Отчасти. Я не знаю, подсыпала ли госпожа Ховард снотворное в стакан мужа, — ответил Грейхарт.

— Где стакан? Я не вижу каких-либо пустых стаканов! — дрожащим голосом вмешалась Джилл.

Все начали озираться по сторонам. Госпожа Ховард выглядела ошеломленной. Потом она торопливо пролепетала:

— Я вымыла стаканы и унесла на камбуз...

— Враньё. Вы бы оставили их для стюардессы, чтобы та забрала их, — отрезала Джилл.

— Докажите, — ответила Ховард.

— Мы обыщем каюту и проверим, есть ли у вас выпивка, — пообещал Грейхарт. Он чувствовал себя лучше, и Джилл выглядела так, как если бы она освободилась от сомнений.

— У нас не было выпивки. Я не пью, потому что я диабетик. Кэтрин выпивает редко. Она предпочитает чай и кофе. Я пил пивной корень без сахара. Я не вижу пакета от него. Что вы сделали с ним, Кэтрин? — нервно протараторил Ховард.

— Кинула в мусорную корзину. Посмотрите сами.

Флаэрти залез рукой в контейнер и выудил оттуда пакетик из фольги. Он держал его так, чтобы все могли видеть.

— Растворимый пивной корень. Без сахара. Продукт компании АКМЭ Каннинг.

— Еще одно предприятие моего отца, — фыркнула Джилл. — Интересно, он владеет вами тоже? — ехидно спросила она, разглядывая Ховардов..

— Я подам иск за измышления, порочащие мою честь, и клевету! — заорал господин Ховард.

— Этого достаточно! — отрезал Уайт. Он повернулся к Сильверу. — Вы говорили...

— Заявление Ховарда отчасти истина, я был в постели. Но я не знаю, как я очутился там, — он остановился и затем описал именно то, что произошло с ним. Повисло молчание, наполненное недоверием. — Уайт, вызовите Агоцелли. Флаэрти, возьмите людей и обыщите Агоцелли, прежде чем вы приведете его сюда. Поставьте охранника к его каюте. Убедитесь, что обыск проведен тщательно. Пусть минимум два матроса перероют его койку и все его вещи, — скомандовал Грейхарт.

— Да, сэр! Что мы ищем? — поинтересовался Уайт.

— Я шел к этому. На основе шипящего звука, который я услышал и запаха горелого, который я ощутил как раз перед тем, как потерять сознание, вы будете искать небольшой баллончик с нервнопаралитическим газом.

— Это просто смешно! Ты лжешь, чтобы сохранить свою шкуру! — завопила миссис Ховард.

Уайт, стоявший недалеко от Сильвера, сказал тихим голосом:

— Если это Агоцелли, сэр, он не настолько глуп, чтобы прятать улики там, где их легко найти. Он постарается избавиться от них.

— Я знаю. Но у него не было возможности спрятать его. И если баллончик не найдется у него или в его каюте, то он мо-

жет быть только где-то внутри корабля. Вы должны будете обыскать весь корабль, если потребуется.

По выражению лица помощника Грейхарт понял, что озадачил всю команду на долгое время.

— Проверьте систему мусороудаления и проверьте, пользовались ли любой из них недавно. Компьютер фиксирует использование любого люка.

— Вы знаете, что, если капитан обвиняется в нарушении правил пассажиром, он должен быть освобожден от командования до тех пор, пока он не докажет свою невиновность. Это положение компании, сэр, — Уайт говорил по-прежнему тихо.

— Я слышал! Требую, чтобы он был освобожден от обязанностей согласно правилам! — закричал господин Ховард.

Уайт пожал плечами.

— Мне жаль, сэр. Я хотел дать вам время. Может быть...

— Тогда вы должны были говорить со мной в коридоре. Ладно. Я не обременю вас какими-либо неприятностями. Я снимаю с себя обязанности капитана. По состоянию на данный момент, вы исполняющий обязанности капитана, — объявил Грейхарт.

— Благодарю вас, сэр. Ваши приказы, отданные ранее, будут исполнены.

— Могли бы мы поговорить в моей каюте, Грейхарт? — спросила Джилл.

— Я приду после допроса Агоцелли.

— У меня есть вопросы... — пробормотала она и вышла. Господин Ховард усмехнулся. Флаэрти вышел. Уайт по телефону информировал третьего помощника Сискату о ситуации. Затем он дал приказ поднять весь экипаж для поиска.

Сильвер ждал, пока Уайт освободит телефон. Когда помощник положил трубку, он сказал:

— Существует возможность, что Агоцелли подбросил баллончик кому-то из пассажиров.

— Они бы подняли большую вонь. Микобер за такое отрывает головы, не говоря уже о других частях тела. Смотрите, капитан, ваше предложение, если вы извините меня, звучит немного параноидально. Можно предположить, что Ховарды могут быть в заговоре, и возможно, они могли бы привлечь третье лицо. Но, конечно, не четвертое!

— Мы будем искать это гипотетическое лицо, но мы не будем мешать другим пассажирам больше, чем мы должны.

Раздался стук в дверь. Пришел Флаэрти с матросом и Агоцелли.

— Я буду судиться с компанией! Я буду судиться с тобою, Сильвер! И я подам жалобу в профсоюз! — истерически кричал Агоцелли.

— Это ваше дело... Флаэрти, вы нашли что-нибудь? — сказал Уайт

— Ничего, кроме Агоцелли. Он был в камбузе, ел бутерброд.

Уайт сурово посмотрел на стюарда, маленького человека с лицом хорька, тонким телом, большим животом и тощими руками и ногами.

— Агоцелли, у меня вопросы, и я хочу знать правду.

Тот замер.

В этот момент люди закричали снаружи в коридоре. Взрывы последовали за криками. Уайт и Сильвер бросились к двери. Первый помощник капитана успел первым и открыл дверь. Сильвер попытался протиснуться мимо Уайта, чтобы увидеть, что происходит. Что-то просвистело и упало со стуком. Уайт вскрикнул и рухнул лицом вниз на палубу коридора.

Глава 19

В то время как грохот пистолетов и автоматов залил коридор адским шумом, а Ховарды истерически кричали, двое мужчин ввалились в каюту. Сильвер застыл, подняв руки над головой. Один из мужчин закрыл дверь и, осторожно оглядевшись, замер. Другой навел его автоматическую винтовку ГК-3 на остальных присутствующих. Он говорил по-английски с французским акцентом.

— Руки за голову. Встать к стене.

— Это не стена. Это переборка, — поправил Флаэрти.

— Не время беспокоиться о терминологии! — воскликнул Сильвер.

Террористами оказались французские пассажиры, взявшие билеты на остров нации Минерва. Высокий, тощий,

рыжеволосый человек у двери был Жак-Пьер Меллезуа; другой, Робер Кальо, был маленьким, с массивными плечами и большим животом. Меллезуа повернул голову и громко, пытаясь перекричать звуки стрельбы, заявил.

— Я капитан Меллезуа из первого корпуса детей Брейца. Теперь, капитан Сильвер, расскажите, как вы узнали о нас?

— Он не капитан. Он был отстранен от своих обязанностей. Первый офицер Уайт, что лежит на палубе снаружи... Теперь он является капитаном. Если же он мертв, в этом случае капитан я, — объявил Флаэрти.

Террорист смутился.

— Нет, капитан Меллезуа, я капитан. На самом деле против меня не была подана официальная жалоба. Ховарды должны подписать заявление, обвинив меня в чем-то незаконном или нарушающем правила. Кроме того, это чрезвычайная ситуация, которая угрожает судну и его пассажирам. Так что я пока капитан, — заверил Грейхарт.

— На самом деле, третий помощник Сискату — капитан. Он находится на дежурстве на мостике, и капитан недееспособен. А именно, в плену у вас. Вам придется поговорить с Сискату, — встрял Флаэрти.

Меллезуа угрожающе направил винтовку на пленников.

— Мне наплевать, кто сейчас капитан этого корабля! Что я хочу знать, это то, как вы узнали о нас? Кто подстроил эту засаду?

— Я не знаю ничего. Я даже не знаю, что вы делаете с этими пушками, — ответил недоумевающий Сильвер.

Кальо сказал что-то на языке, совершенно непонятном для Сильвера. Грейхарт предположил, что это был бретонский. Меллезуа переспросил по-французски.

— Предатели?

Стрельба внезапно прекратилась. Меллезуа сказал что-то Кальо. Тот осторожно открыл дверь и стал всматриваться в проход к мостику. Выстрел. Кальо, матерясь, прыгнул обратно и захлопнул дверь.

— Вы не лжете? — изумленно переспросил Меллезуа.

— Нет. Какую игру вы тут затеяли? Угон?

— Это не игра, мой капитан. Это высокий патриотизм. Мы являемся детьми Брейц. Брейц, что означает Бретань.

Первоначально мы были сыновья Брейц, но феминистки угрожали сформировать альтернативную организацию, если мы не прекратим гендерную дискриминацию, при этом нашу организацию они собирались уничтожить. Мы пошли на компромисс, став гендерно нейтральными детьми. В любом случае мы требуем независимости для Бретани, которая в настоящее время стенает и мучится, будучи угнетенным департаментом — провинцией Франции. Без сомнения, даже вы, американцы, которые ничего, кроме спортивных разделов газет и комиксов не читали, слышали о нас?

— Последний раз, когда я читал о вас, вы взорвали почтовый ящик в Париже. Вы убили десять взрослых и шестерых детей, — пробормотал Сильвер.

— Это плохо... Я насчет детей. Но нельзя приготовить омлет, не разбив яйца... Мы, патриоты, сели в этот дирижабль в Каракасе для того, чтобы захватить реакционного финансиста и потенциального премьера Франции, месье де Руа. Мы намерены удержать его как заложника, чтобы потребовать освобождения шести наших товарищей, в настоящее время ожидающих гильотины, — ответил Меллезуа.

— И где мы должны приземлиться после того, как ваши требования будут удовлетворены, если они будут?

— Капитан ожидает? Это хорошо. Ты готов сотрудничать? Если наши требования не будут удовлетворены, мы сбросим де Руа, его секретаршу и его двух телохранителей в то, что вы. американцы, называете большой напиток. Мы высадимся в одной из стран Африки, где ваш воздушный корабль будет конфискован, потому что он незаконно пересек границу. Без сомнения, он может быть освобожден за определенную сумму.

— Без сомнения, — согласился Сильвер. Он дрожал от ярости.

— Двое из моих бесстрашных патриотов лежат мертвыми на полу.

— Не на полу. На палубе, — сказал Флаэрти.

— Так вы хотели бы присоединиться к ним? Не прерывайте меня из-за мелочей. Мы были на полпути к тому, чтобы взять месье де Руа в его каюте, когда люди в командной рубке стали стрелять в нас. Телохранители реакционного империалиста

присоединились к врагу, но были застрелены. И кто-то выстрелил в нас из-за двери каюты вблизи этой. На две двери дальше, вроде бы, — продолжил Меллезуа.

— Это каюта Джилл! — непроизвольно воскликнул Грейхарт.

— Джилл?

— Она жена капитана, я хочу сказать, бывшего капитана, и должно быть... — пробормотал Флаэрти.

Зазвонил телефон. Террористы подпрыгнули. Винтовка Меллезуа пролаяла, выстрел оглушил всех. Хотя в ушах звенело, Сильвер слышал истошный крик миссис Ховард.

— Заткнись, глупая женщина! — простонал Меллезуа.

— Это был несчастный случай. Я был настолько поражен, что нажал спусковой крючок. Никто не пострадал, хотя, увы! — Он махнул на ряд пулевых отверстий в переборке — ущерб был нанесен.

Кальо ответил на звонок телефона, а через несколько секунд, пояснил:

— Это офицер с мостика. Он просит капитана.

— Я буду говорить с ним, — сказал Меллезуа. Стоя боком, он разговаривал с Сискату. Закончив разговор, он нахмурился. Очевидно, что Сискату оказался в заложниках у другой банды. Пять вооруженных пассажиров вторглись за минуту до бретонцев из коридора в рубку управления.

— Что хотят эти преступники? — спросил Меллезуа. Он посмотрел на других борцов за народное счастье Бретони и попавших в их руки офицеров и пассажиров дирижабля.

— Главный бандит сам всё мне расскажет.

Беседа переходила от ледяной вежливости к яростным крикам. Затем Меллезуа положил руку на рычаг телефона.

— Это американские гангстеры, капитан. Они захватили мостик. Хотят захватить ваш корабль из-за платины и иридия, которые, как они говорят, более ценны, чем золото. Они предлагают поделиться частью золота с нами, если мы будем сотрудничать с ними, — пробормотал ошарашенный террорист.

— Не будьте глупы. Конечно, мы отомстим за кровь наших товарищей. Но мы будет сотрудничать. И как только они окажутся на расстоянии выстрела, мы убьем их, — ответил сообщнику Меллезуа.

Он убрал руку с рычага телефона.

— Ваше предложение звучит заманчиво, Хук. Думаю, что мы можем прийти к соглашению, приемлемому для обеих сторон. Как мы организуем встречу, где... Стесняюсь говорить об этом, но вы понимаете, не так ли? Мы должны сначала обезопаситься от предательства... Кроме того, как вы хотели бы обменять заложников? Один из ваших людей на одного из моих? Вам придется сначала посоветоваться с вашими коллегами? Я также должен обсудить вопрос с моими коллегами. В конце концов, один из них должен добровольно стать заложником. — Его лицо вдруг побагровело от гнева.

— Что? Я должен стать заложником? Ты свинья! Я лидер! Сердце! Мозг! Кишечник! Мои люди разбегутся без меня. Вы бы стали заложником? Я так не думаю!

Минута прошла, пока он слушал своего собеседника, потом сказал:

— Очень хорошо. Я назову своего человека, и обдумаю настолько интересное предложение.

Он повесил трубку.

— Трудности возникают только для того, чтобы их преодолеватьть. Теперь я буду называть...

Его вытянутая рука зависла в воздухе. Телефон звонил вновь.

— Кто там, тысячи чертей! Здравствуйте! — он развернулся к Сильверу. — Капитан, это ваш третий помощник. Хук разрешил ему говорить с вами. Но держите ваш телефон так, чтобы я мог слышать.

Сильвер прошел через каюту и медленно опустил руки. Кальош внимательно следил за каждым его движением. Мелезуа приложил к его уху трубку.

— Капитан? Это Сискату. Мы в заднице, капитан. Хук молчит об этом, главным образом потому, что я не говорил ничего об этом. Но когда эти бандиты ворвались сюда, пилот полез драться. Он положил одного из них, но они подстрелили его. Он еще жив, хотя еле-еле. Они также разнесли компьютер и телесеть. Системы электрического освещения, кондиционирования воздуха и телефон по-прежнему работают. Радары тоже пашут. Но, капитан, у нас нет управления! Двигатели не работают, и нет ответа руля управления или высоты! Системы балласта и клапанов тоже накрылись! Мы в дрейфе, капитан!

Глава 20

Сильвер попросил передать трубку главарю грабителей. Голос Хука напоминал звук гравия, перекатывающегося по металлическому желобу.

— Да, что надо?

— Капитан Сильвер на проводе. А Сискату рассказал вам об урагане, пересекающем наш путь?

— Да, он говорил. Но что можно сделать с этим?

— Без управления мы не сможем уйти от урагана. Кроме того, на нас может обрушиться волна шквалов, предшествующих буре. Они могут разрушить этот дирижабль в мгновение ока. Оборудование должно быть зафиксировано.

— Звучит разумно. Если это не просто трюк. Так что вы хотите сделать? — спросил Хук.

— Необходимо принять меры, найти инженеров для ремонта оборудования в рубке управления. Немедленно. Времени у нас нет.

— Вы не пытаетесь напугать меня, вы оба?

Меллезуа схватил телефон.

— Хук? Я не думаю, что он пытается хитрить. Опасность кажется мне очень реальной!

Он выслушал, а затем кивнул головой и сказал:

— Я понял. Сначала мы должны организовать обмен заложников? Очень хорошо. Я назову моего человека. Когда мы решим, что делать, я вам перезвоню.

Он повесил трубку.

— Во-первых, сколько человек потребуется? И где хранится ремонтное оборудование?

— Главного электронщика Мун и её помощника пока достаточно... Может быть, ей понадобится еще один человек?. Складские помещения находятся дальше по коридору, возле кормовой секции.

— Будет лучше, если это не трюк. Помните, если эти люди сделают что-то подозрительное, мы всегда может убить вас или нескольких пассажиров, — сказал Меллезуа.

Госпожа Ховард ахнула; ее муж заныл. Меллезуа добрался до телефона. Тот зазвонил, прежде чем Меллезуа коснулся его, и террорист отпрыгнул. Кальо усмехнулся. Меллезуа на-

хмурился. Кальо перестал улыбаться, Меллезуа изменился в цвете лица, посерев. Бормоча что-то на своем родном кельтском языке, он передал телефон Грейхарту. Голос офицера Мун затрещал в ухо.

— Капитан? Я здесь, заключенная на наблюдательном посту. Здесь ещё двадцать членов экипажа, включая моего мужа. Трое куда-то ушли. Эти террористы стреляли в них, но я думаю, что они ушли на верхние уровни. Один из наших убил террориста и взял его винтовку. Но пули пробили большие дыры в газовых баллонетах номер три и четыре. Они также пробили несколько контейнеров жидкого метана. Большая утечка гелия и метана.

Сильвер глубоко вдохнул. Ему стало интересно, кто сейчас бледнее, он или злосчастный борец за народное счастье?

— Ладно, Мун. Кто-нибудь ранен? Или мертв?

— Нет, сэр. Мы все в порядке, хотя я намочила трусики, когда эти бандиты ворвались...

— Сомневаюсь, что вы единственная, кто сделал это. Теперь, вы предупредили, что нельзя курить?

— Да, сэр, но они дымят, как паровозы.

Сильвер пересказал Меллезуа все, что она сказала. Бретонец схватил телефон и затараторил пронзительной скороговоркой. Его лицо сменило цвет с серого на багровый. Потом еще раз. И еще. Когда он передал телефон Сильверу, то сказал:

— Я обещал расстрелять любого, кто закурит.

— Выстрел взорвет метан, — заметил Сильвер. Он не пояснил, что метан легче воздуха. Он, как гелий, будет подниматься вверх. Но на короткое время газ может заполнить и более низкие уровни корпуса. Может быть, он мог бы использовать этот льготный период.

— Эти утечки должны быть ликвидированы. Если баллонеты продолжат терять гелий, корабль станет тяжелым. Кроме того, тяга станет несимметричной. В конце концов, корабль упадет. Метан задушит всех на борту, если не взорвется еще раньше.

Меллезуа, как человек-хамелеон, вновь из красного стал серым.

— Боже мой, во что вы втянули нас?

Грейхарт опешил от такой наглости настолько, что даже не смог возразить.

Бретонец вновь совещался с Хуком. Звук, похожий на голос сердитого Дональда Дака, прозвучал из трубки. Меллезуа положил руку на микрофон трубки.

— Он говорит, что это трюк с моей стороны.

— Вы контролируете всю корму! Прикажите срочно начать ремонт баллонетов и метановых резервуаров. Да, кто-то из экипажа должны пойти и открыть все люки. Тогда метан может уйти. Люки больше нельзя открыть с помощью дистанционного управления с мостика. Надо открыть малые люки. Большой люк, используемый для погрузки груза, слишком тяжелый, чтобы открыть его вручную, — заметил Сильвер.

— Это означает, что моим людям придется идти вместе с ними и контролировать их. Что вы пытаетесь сделать —разделять и властвовать? — проворчал глава бретонских террористов.

— Господин Меллезуа, мой долг — обеспечение безопасности судна и пассажиров. Я не сделаю ничего, что может поставить их под угрозу. Я принес присягу, что значит, что это для меня превыше всего, — вежливо ответил Грейхарт.

Меллезуа вызвал кормовой пост наблюдения. В нескольких словах он приказал Гланндуа, своему лейтенанту, немедленно начать ремонтные работы. Некоторые члены экипажа должны были остаться в закрытом помещении в качестве заложников для обеспечения хорошего поведения со стороны ремонтных работников. Гланндуа начал весьма громко протестовать, так что даже Сильвер слышал. Он мог выделить только одного человека, чтобы караулить заключенных. Четверым, включая его самого, пришлось бы контролировать ремонтников.

— Это может оказаться недостаточным, учитывая матросов, которые скрылись. Они могли бы предпринять что-то, — насторожился Меллезуа.

— Сомневаюсь, — ответил Сильвер, и печально добавил: — Если они не дадут о себе знать в ближайшие часы, значит, они отравились метаном. Конечно, они не могут знать, что контейнеры были пробиты.

Он остановился.

— Слушай. Они в реальной опасности. Почему вы не позволите мне поговорить с ними? Можно использовать громкоговоритель.

— Нет. Вы останетесь здесь. Они просто должны принять свою судьбу — громко ответил вожак бретонцев.

— Но нам для ремонта нужна каждая пара рук.

— Нет! Вы говорите, они отравились газом. На три проблемы меньше...

— Но они могут порвать оболочку корабля. Обшивка, конечно, жесткая — алюминиево-титановый сплав, но только миллиметр толщиной.

Меллезуа пожал плечами и сказал:

— Они того и заслуживают. И если они упадут, корабль станет легче...

— Если один из нас сможет проникнуть в каюту напротив каюты жены капитана, он может и не получить пулю. Затем он может стрелять сквозь стены...

— Переборки, черт побери! — заорал Флаэрти.

— На роль камикадзе вы определили, разумеется, меня.

— Не думаю. Люди в каюте будут шокированы, доброволец застигнет их врасплох. Однако, возможно, вы могли бы просто проскочить в каюту напротив. Тогда мы получим правильный угол для стрельбы и легко уничтожили бы всех.

— Моя жена там! Ты бы убил и ее! — закричал Сильвер.

На это Меллезуа с печальным видом ответил:

— Я гуманист и гуманитарий, капитан. Жаль, очень жаль проливать кровь посторонних. Однако, необходимо, хотя и с чувством глубокой скорби, разбить несколько яиц...

Грейхарт взревел, и его левый кулак утонул в животе Меллезуа. Бретонец охнул и сложился пополам. Его лицо опять стало красным. Винтовка с грохотом упала на палубу. Что-то ударило Сильвера по голове...

Глава 21

Из глаз посыпались искры. Головная боль, вызванная действием баллончика, усилилась, став почти невыносимой. Застонав, он сел. Он оказался далеко в углу, рядом с туалетом. Другие заключенные сидели спиной к переборке. Два бретонца, стоя у телефона, разглядывали его.

Террорист с печальным видом сказал:

— Я должен был выстрелить в вас, но я, капитан Сильвер, не лишен милосердия. Я ценю то, что вы беспокоитесь о жене. Однако капитан должны обладать стальными нервами и железным самоконтролем. Вы должны следить за собой. Ещё одно неосторжное движение — и вас расстреляют, — тут он улыбнулся. — А может, вы будете вести себя более сдержанно, если узнаете, что ваша жена будет расстреляна, — он взял телефон и вызвал кормовую секцию. — Гланндуа? Ой, это ты, Лузель... Где Гланндуа?.. Снаружи, с работниками?.. Что?.. Кретин!.. Хорошо. Но если он вернется, пусть вызовет меня в каюте капитана... Нет, идиот. Я имею в виду каюту, где нахожусь я. Капитан тоже здесь... Не вызывайте его собственную каюту. Она захвачена преступниками.

Сильвер выпрямился, сел и отполз медленно назад, пока не уперся в переборку.

— Как голова? — шепотом поинтересовался Флаэрти.

— Словно внутри колокола, в которые звонят...

— Жаль. Вы даже не получили удовольствие оттого, что врезали этому ублюдку. Вас сразу вырубили...

— Прекратить разговорчики! — закричал Меллезуа. Потом он вызвал мостик: — Хук... Что ты имеешь в виду, говоря «обращаться правильно»? Ты капитан, что ли? — Он вновь прикрыл микрофон ладонью. — Безумие какое-то! Теперь он хочет, чтобы его называли капитан Хук!

Не обращая внимание на боль, Грейхарт наклонился и стал снимать правый ботинок. Бретонец перестал говорить и с неодобрением посмотрел на него.

— Ноги потные. Зудят, — пояснил Сильвер. — Я их почешу?

— Следи за ним, Кальо!

Сняв носок, Сильвер начал чесать ногу. Его лицо приобрело выражение блаженства.

— Хочу убедиться, капитан Хук, что вы сообщили всем вашим людям об обмене заложниками. Не будет стрельбы? — продолжал переговоры Меллезуа. Услышав ответ, который его устроил, бретонец кивнул, затем продолжил: — Очень хорошо. Мои люди получили те же приказы. На самом деле никто не должен стрелять, если не хочет потерять заложников. И абсолютно необходимо как можно скорее от-

ремонтировать оборудование. Почти все мои люди заняты ремонтом. Мы должны доверять друг другу. В противном случае мы все умрем... — Его лицо залилось краской. — Что? Что я слышу?.. Я не могу выражаться подобным образом, и всем будет лучше, если вы будете воздерживаться от таких вульгарных фраз!.. Очень хорошо. Мы понимаем друг друга, разве это не главное?

Он положил трубку на рычаг и выглянул в приоткрытую дверь. Кальо согласился играть роль заложника, и, неохотно вышел в коридор.

Проклиная свое шумное дыхание, Грейхарт начал возиться с протезом. Один взгляд Меллезуа — и тот сразу понял бы, что одна из ног Сильвера искусственная. Если бы только он мог найти всю свою одежду. За неимением носка...

Бретонец переводил взгляд с коридора на пленников и обратно. Он бросил быстрый взгляд в дверь, а затем повернул голову к Сильверу.

— Брось ботинки мне. Осторожно. А затем закатай штаны.

— Хорошо, — согласился Сильвер.

Он бросил ботинок с правой ноги через палубу и вновь потянулся к ботинку на левой. Теперь он был рад, что не надел носок на пластиковую ногу. Ему придется действовать быстро, и возня с носком дала бы Меллезуа время для выстрела. Сильвер нажал на кнопку на внутренней стороне манжеты. Раздался щелчок, но очень тихий, не слышный для бретонца.

— Что это было? — тихо спросил Флаэрти.

— Тише! — прошептал Грейхарт.

Он откинулся назад. У него был только один выстрел, и то если Меллезуа не выстрелит первым. Может быть, он не должен пытаться сделать это, поскольку его первой обязанностью было обеспечить безопасность пассажиров. Но он устал от бездействия и бессилия. Как только ботинок соскользнул с пластиковой биомеханической ноги, Сильвер направил ногу на бретонца. Это необходимо было сделать очень быстро. Целиться ногой, даже с этого близкого расстояния, было нелегко. Однако он много практиковался стрелять в такой позе.Его палец был занесен над кнопкой. Выстрел требовал двух нажатий. Первое заряжало механизм, подавая патрон

в ствол. Второе нажатие было спуском, посылающим в противника цилиндрический снаряд, напоминающий шприц.

Вождь террористов повернул голову. Сильвер, упав на палубу, нажал на кнопку. Раздалось два выстрела. Не из ноги. Из коридора. Из винтовки. Сильвер занервничал и едва не забыл выстрелить сам. Но все же не забыл. Серые цилиндрические снаряды с тихим шипением вылетели из дула, скрытого в нижней части пластиковой ноги. Вместо того чтобы поразить Меллезуа в бедро, как планировал Грейхарт, они вонзились бретонцу в шею. Тот выронил винтовку, схватился за косяк дверного проема, хрюкнул и лицом вперед, рухнул на палубу в коридоре.

Сильвер вскочил. Подобрав винтовку, он кинул ее Флаэрти. Схватив Меллезуа за лодыжки, он начал втаскивать его внутрь. В коридоре загрохотали выстрелы. Пуля попала в дверь, возле ног бретонца. Сильвер бросил свою ношу и запрыгнул обратно в каюту. Он дождался момента, когда перестрелка стихла, и осторожно выглянул наружу. Сильвер втащил Меллезуа и закрыл дверь. С большим удовольствия, чем следовало, он влепил пощечину госпоже Ховард. Она затихла.

— Вам лучше взять это, — сказал Флаэрти, вернув Сильверу автоматическую винтовку. — Я не умею этим пользоваться, — добавил он.

Зазвонил телефон. Сильвер ответил. Хриплый голос изрыгал матюги несколько минут кряду. Сильвер закричал:

— Что за дела?

— Вы ... ! — сказал Хук. — Вы меня надули! Но ваш человек получил пулю. Сообщаю это вам без всякого удовольствия! Я убью тебя, гребаный лягушатник!

— Не понимаю, о чем вы говорите!

Тишина.

— Ты не лягушатник! Кто говорит?

— Капитан Грейхарт Сильвер. Меллезуа мертв, убит вашими людьми! Именно ваши люди стреляли сейчас. Не так ли?

— Ты шутишь? Это были ваши люди. Из каюты между вами и нами!

Сильвер был поражен.

— Вы все еще на связи? — спросил Хук.

— Нет, стрелял не один из нас. Мы думали, что люди в этой каюте ваши. Мы думали, вы разместили их там, чтобы прикрывать вас огнем во время обмена заложниками.

— Ни фига себе, обмен! Они оба умерли, валяются на полу...

Сильвер едва сдержался. Он едва не сказал: «Палуба, а не пол». Флаэрти оказывал на него плохое влияние.

— Тогда кто эти люди в каюте?

— Черт возьми, я не знаю! Что происходит здесь, мать-перемать?

— Позвоню им и выясню. Я свяжусь с вами позже.

Он повесил трубку. Флаэрти вынул иглу из бретонца и связал его ремнями.

— Это что, вообще было? — спросил голос в трубке.

— Мы задавались вопросом, куда и зачем прутся. Мы полагали, что это какой-то трюк, поэтому грохнули их. Скажите, что происходит?

Сильвер объяснил. После многозначительной паузы таинственный незнакомец сказал:

— Правда, что ли? Какой бардак! Ну, это нам без разницы. У нас есть Джилл Микобер, и мы потребуем выкуп!

Сильвер был слишком потрясен, для того чтобы сказать что-нибудь, еще целую минуту.

— Алло! Вы все еще там?

— Да. Так вот почему вы решили захватить нас.

— Теперь, после того как мы захватили микоберовскую девку, мы захватим мостик. Мы вышибем сорок мегабаксов из старикашки. Для него это гроши. Мы получим деньги, которые старый хрыч подгонит нам на вертушке, пока корабль висит в воздухе над Минервой. Тогда вы высадите нас там, где мы скажем. Но где, вам знать рановато.

— Как моя жена? Можно мне поговорить с ней?

— Нет, нельзя. Она в порядке. Но если вы попробуете что-нибудь сделать, мы грохнем её.

— Если вы не позволите инженерам пройти, они не смогут восстановить компьютер управления и дирижабль упадет в море. А еще мы можем сдохнуть от метана. Кстати, если кто-нибудь курит, остановите их. Метан является взрывоопасным.

Послышалась ругань, а затем прикрикнули на кого-то по фамилии Смит. В то же время вороны, Хугин и Мунин, за-

орали матом, и голос Джилл послышался среди криков. Когда шум утих, Сильвер спросил:

— Как к вам обращаться?

— Капитан.

— Капитан кто? — уточнил Грейхарт.

— Капитан Уильям. Сказано: КАПИТАН. И не надо никаких шуток. Скажите, что мы должны делать? Но мы не отдадим Микобериху, что бы ни случилось. Она — наш билет в рай.

Сильверу хотелось накричать на наглеца, разорвать его на части, выкинуть за борт без парашюта. Вместо этого он ответил тихим голосом:

— Сейчас главное спасти корабль. Мы можем поговорить о терминах позже. Я позвоню Хуку и скажу ему, что происходит. Перезвоню вам позже...

— Плохие новости? Выглядишь бледно... — заметил Флаэрти. Сильвер рассказал ему. К его удивлению ирландец расхохотаться. — Три банды преступников, все с разными целями, но в одно и то же время? Капитан, этот корабль – летучий дурдом! Или его сглазила злая ведьма!

— Не смешно, — буркнул Грейхарт.

Ему стало интересно, лежит ли проклятие на корабле — или лично на нем. Он был в команде АЦ-8, его капитан был убит, а сам корабль потерпел крушение. Это была не его вина, но обвинили именно его. Это было подстроено стариком Микобером, но, тем не менее, Сильвер столкнулся с настоящим невезением. Теперь он был капитаном АЦ-49, и в свой первый рейс, в должности капитана, он не мог попасть в худший переплет... Но попал... А ведь он мог умереть.

Сильвер пожал плечами и вызвал корму. Лузель был очень зол, узнав о смерти Меллезуа и захвате Кальо. Сильвер не сказал ничего до тех пор, пока Лузель не остыл.

— Как сказал ваш предводитель, вы не сможете приготовить омлет, не разбив яйца. Но мы имеем дело с человеческими жизнями, а не с яйцами. Теперь, Лузель...

— Капитан Лузель...

— Ладно, капитан Лузль. Сейчас ситуация...

Завершив описание ситуации, Сильвер повесил трубку, чтобы обеспечить возможность телефонных переговоров самозванным капитанам Лузелю и Хуку. Потом стал дозваниваться

до Хука, и когда сигнал «занято» перестал долбить ему в ухо, мостик все же ответил.

— Капитан Хук на проводе!

— Это капитан Сильвер... Можно поговорить с Сискату? Мне нужен прогноз погоды.

— По данным радара, мы сбились с курса под влиянием бокового ветра, скорость которого 80 миль в час, — доложил Сискату. — Мои расчеты показывают, что мы будем в непосредственной близости от острова Пасхи, я имею в виду Рапа-Нуи, в течение восьми часов. Основной фронт тайфуна не догнал нас пока. Но когда это произойдет, будет плохо. Есть некоторые очень опасные воздушные потоки, предшествующие фронту... — Сискату тяжело вздохнул, а затем продолжил: — Капитан, когда мы отремонтируем эту летучую лоханку? Корабль все тяжелее. Отклонение от горизонтали в 10 градусов.

— Да, я заметил. Но Лузель говорит, что повреждения баллонетов и контейнеров с метаном оказались хуже, чем предполагалось. И у ремонтной бригады только десять кислородных масок. Лузель настаивает на том, чтобы трое из его людей носили маски, чтобы караулить экипаж. В общем, работают только семь человек. Этого недостаточно. Тем временем метан заполняет верхние части корпуса быстрее, чем верхние люки выпускают его. Мы на борту летучей бомбы. Капитан, не можете вы убедить этих болванов, что у нас отчаянная ситуация?

— Кто болваны?! — заорал Хук. Раздался щелчок и связь прервалась.

Сильвер хотел спросить, на сколько футов высота была потеряна. И хотя метан не был легче гелия, он был все же легче, чем воздух. Таким образом, он давал некоторую плавучесть корпусу... Зазвонил телефон.

— Капитан Лузель на проводе. Сколько парашютов есть в этой лоханке? Мадам инженер говорит, что ни одного. Она лжет, или нет?

— Нет, она говорит правду. Почему вы хотите это знать?

— Вы решили, что мы хотим сойти с корабля?

Сильвер не мог видеть его лица, но голос бретонца дрожал.

— Все возможно. В любом случае, если вы выпрыгнете, вы шлепнетесь в океан и утонете. Позвольте мне поговорить с Мун, — добавил он.

— Ладно. Я позову ее... Что?..

Раздался шум — выстрелы и крики. Сильвер кричал в трубку, но Лузель, очевидно, бросил трубку. Перестрелка становилась горячее и ближе, судя по звукам, доносившимся из трубки. Сильвер сыпал проклятиями. Что происходит?

Прошло десять минут. Десять минут, за время которых порванные баллонеты по-прежнему теряли гелий. Десять минут для шторма, чтобы приблизиться к беспомощно дрейфующему цеппелину. Затем Лузель, тяжело дыша, вернулся на линию.

— Эти свиньи — члены экипажа — пытались выкинуть за борт моих людей! Один из них схватил Эмганна, и оба они упали с мостков и пробили корпус насквозь! Второй схватил винтовку и ранил еще одного из моих людей. Трое из ваших людей, в том числе и тот, с автоматом, убежали. Они где-то в корпусе внизу, на другом конце. Я думаю...

— Я не несу ответственности за их действия. Я не в состоянии отдавать им приказы, как вы хорошо знаете... — прервал монолог террориста Сильвер.

— Да? Это не имеет значения. Теперь ещё больше дыр было пробито в баллонетах и контейнерах. Я бы сказал, что все контейнеры пробиты. И я не дам никому проводить ремонтные работы до тех пор, пока ваши люди там. Мы были бы для них легкой мишенью...

— Я мог бы вызвать их с помощью громкоговорителя. Но, как вы знаете, я не могу оставить каюту. Вы просили Мун,урезонить их?

— Конечно. Она пыталась поговорить с ними. Но они отказываются идти на переговоры. Я угрожал убить кого-нибудь из экипажа. Тогда они пригрозили открыть верхние клапаны баллонетов и уронить корабль... Они же не станут делать этого, Сильвер?

— Надеюсь, нет. Наша единственная надежда — прийти к соглашению о ремонтет как можно быстрее. Вы должны заключить соглашение с Капитаном и с Хуком. И быстро! Может быть, уже слишком поздно!

Сильвер сказал еще несколько слов, а затем вызвал похитителей и грабителей. После того, как прошло еще несколько драгоценных минут, он повесил трубку. Ему придется подождать, пока они обсудят этот вопрос. Между тем хвост АЦ-49 тащил

потерявший равновесие корабль к земле. Дирижабли, как и самолеты, могут «валиться с неба». И... дирижабль снижался к взбитым штормом волнам Тихого океана. А после того как ударит тайфун, дирижабль рискует повторить судьбу некоторых воздушных кораблей 30-х годов, быть разломанным на части восходящими и нисходящими потоками. Хотя дирижабль был построен лучше и мог выдержать большие нагрузки, чем цеппелины, построенные до 1989 года, даже его могли разломать вертикальные потоки.

Рабочее соглашение могло быть достигнуто тремя бандами давно, если бы не недоверие и жадность. Обмен заложниками был приемлемым для террористов и грабителей. Похитители, однако, отказались, не сказав, почему, но Сильвер угадал причину. Их было слишком мало. Потеря двух членов банды означала уменьшение числа стражей Джилл еще на одного человека. Они уже потеряли одного. Он лежал в коридоре, став жертвой первой перестрелки.

— Капитан? Это Сискату. Радар показывает, что мы в тысяче футов от поверхности. Теряем высоту со скоростью фут в секунду.

Сильвер достал калькулятор из кармана. Он быстро посчитал, а затем сказал:

— Теперь у нас меньше, чем шестнадцать минут!

— Да, я знаю.

Сискату, с индейской невозмутимостью, не издал ни единого звука возмущения. Он являл собой безупречный образец стоицизма. Зато Хук отреагировал иначе. Голос главаря грабителей свидетельствовал о том, что тот понимает уровень опасности и готов сделать то, о чем говорит Сильвер.

— Ладно. Но я очень надеюсь, что это не еще один грязный трюк, не туз из твоего рукава.

Сильвер хотел спросить его, какие трюки он приготовил, но не было времени.

— Вы вызовете Капитана, а я вызову Лузеля.

Сильвер вызвал Лузеля. Бретонский террорист (или патриот, с его точки зрения) сразу вник в суть проблемы:

— Мы обречены! Пятнадцать минут, говорите?

— Меньше, — Сильвер собрал в кулак остатки спокойствия, пытаясь говорить ровным тоном. — Передайте мои

инструкции миссис Мун. Скажите ей выкинуть все, за исключением лазерных резаков, веревок и инструментов, за борт. Она знает, почему. Во-первых, хотя, бриджи балласт...

— Бриджи?

— Раздвоенные мешки с водой. Они висят рядом с килевым проходом. Как правило, в случае чрезвычайной ситуации, они могут быть сброшены по команде с пульта дистанционного управления из командной рубки. Но теперь их придется сбрасывать вручную. Нам придется опустошить большие резервуары балластной воды вручную...

— Но мы не можем! Трое из ваших людей, один из них вооруженный, находятся снаружи, в корпусе! — завопил Лузель.

— Я беру их на себя. Они послушаются меня. В конце концов, я капитан, независимо от чьих-то бредовых измышлений.

Драгоценные минуты были утеряны, а три стороны продолжали выяснять отношения друг с другом по телефону. Затем Хук позвонил Сильверу:

— Хорошо! Эти клоуны, которые держат вашу жену, говорят, что они не выйдут. Но они не будут стрелять в тех, кто ходит мимо их каюты, до тех пор, пока никто не носит оружия. И мы можем ходить только по одному за раз.

— Вы поставили человека наверху, каютой выше? У моей каюты? — спросил Грейхарт.

— Думаете, я болван? Конечно, у меня есть там кое-кто. Я поставил человека там, чтобы лягушатники не пролезли к нам оттуда.

— Тогда я скажу Лузелю, что ваш заложник придет из этой каюты. Он может пройти на корму по мосткам над основным проходом. Но вам лучше позвонить этому, как его, капитану и сказать ему, что ваш человек будет ходить поверху, аккурат у них над потолком. Иначе ваши люди могут начать стрелять в потолок. Капитан очень нервничает.

Хук позвонил капитану и сказал ему, что делать, но тот возражал. Он думал, что грабители, воспользовавшись ситуацией, собираются перебить его банду, стреляя сверху, сквозь потолок. Хук позвонил Сильверу, чтобы рассказать ему об этом.

— Боже мой! Это же убьет Джилл! — простонал Сильвер.

— Да. Отличная идея. Но я не собираюсь стрелять, если метан вокруг. Кроме того, я слишком ценю свою шкуру, чтобы

париться из-за них. Слушайте. Вы сами выходите побазарить. Только без фокусов, ладно?

— Тогда я иду? — сказал Грейхарт и повесил трубку.

Сильвер и Флаэрти покинули каюту несколькими секундами позже. Господин и госпожа Ховард стонали в углу, держась друг за друга. В коридоре Сильвер ненадолго остановился, чтобы определить, мертв ли Уайт. Он был мертв. Тогда Сильвер побежал вниз по коридору. Двери открывались за ним, раздавались чьи-то голоса. Он оглянулся назад. Пассажиры осторожно выглядывали, пытаясь понять, что происходит.

В хвостовой части Сильвер быстро переговорил с электронщиками. Мун с группой из четырех человек направилась в складское помещение. Лузель, с незаженной сигарой во рту и винтовкой в руке, встретил его на верхней площадке лестницы. Он выглядел, как брат-близнец Меллезуа. Бретонец передал ему громкоговоритель.

Сильвер открыл люк и вышел на платформу. С платформы спускалась лесенка, ведущая внутрь корпуса, на внутреннюю галерею — металлические мостки, опоясывающие корпус изнутри для ремонта и технического обслуживания. Отсюда можно было созерцать нутро дирижабля, хотя поперечные и крестовидные конструкции, балки и фермы местами загораживали вид. Массивные кольца несущего каркаса, крепления кабелей и тросов, и выпуклые бока газовых ячеек-баллонетов производили неизгладимое впечатление. Все это тонуло в полумраке — рассеянный свет в корпусе был подобен слабому свету одинокой свечи в вечерних сумерках.

С громкоговорителем в руке Сильвер направился в сторону грузового люка. Это была внушительная конструкция с решетчатыми фермами и тросами, обеспечивающими открытие и закрытие главного трюма. Решетчатое дно трюма располагалось на высоте около двадцати футов у него над головой. Вытянув шею, он мог видеть контейнеры, уложенные в трюм.

Дымок, исходящий от некоторых из них, был зловещим знаком утечки. Жидкий метан в контейнерах выкипал через отверстия, пробитые пулями, постепенно превращаясь в невидимый газ. Не только, невидимый, но и без запаха. Природный газ, используемый в коммерческих целях, снабжается пахучей

добавкой, для того чтобы предупредить пользователей. Иное дело газ не обработанный. Внезапное удушье, или взрыв, если проскочит искра, были первым и последним уведомлением о его присутствии. Пара баллонетов — газовых ячеек, удерживающих корабль в воздухе, пугающе сдулась. Дилетант в воздухоплавании вряд ли бы счел это катастрофой, другие баллонеты были целы. Но профессионал, каким был Сильвер, видел, что ситуация действительно критическая.

— Уильямс, Каржински, Чонг! Это ваш капитан. Вы меня слышите? — Рев громкоговорителя дробился причудливым эхом в мрачной утробе корпуса.

Далекий голос ответил. Доносился он откуда-то сверху и справа. Если так, то трое беглецов находились в серьезной опасности. Они должны были находиться впереди, однако, поскольку ось корабля отклонилась от горизонтали, они оказались наверху, где скапливался газ. Возможно, они использовали верхний передний люк для притока свежего воздуха.

— Выходите, парни! Не будет стрельбы! Корабль падает! Мы должны начать ремонтные работы! В противном случае мы грохнемся в океан через несколько минут!

— Это что, правда, капитан! Вы не под принуждением говорите? — прозвенел голос Чонга.

— Нет! Это чрезвычайное положение номер один!

— Хорошо! Скажите тем сукиным детям не стрелять!

— Они обещали, что не будут!

Лузель вышел на платформу с винтовкой на изготовку.

— Они сдались?

— Да. Они придут через несколько минут, — Сильвер указал рукой в сторону носа. Далеко впереди, небольшая фигурка двигалась к ним.

— Заложник со стороны Хука.

— Это они! — воскликнул Лузель. Он указал на три серые фигуры, которые возникли из-за ближайшей газовой ячейки в носу. Они ползли перпендикулярно лестнице, используя тросы и ткань оболочки. — И человек Хука не вооружен, – удовлетворенно отметил Лузель. Он обернулся и позвал: — Кериверше!

Высокий мускулистый мужчина вышел из-за двери, предводитель бретонцев сказал ему несколько слов. Человек

спустился по лестнице и медленно пошел дальше. Заложник грабителей достиг центральной части и теперь ждал бретонца. Тем временем Сильвер начал объяснять план по спасению корабля:

— У нас нет достаточного количества работников, чтобы залатать все дыры вовремя. Тем, кто этим займется, придется использовать каждую точку доступа, чтобы успеть хоть что-то. А мы должны надеть противогазы. Гелий может прикончить человека не хуже метана. Сбросив жидкий метан, мы значительно уменьшим груз. Это позволит нам держаться на плаву в воздухе гораздо дольше. К сожалению, это невозможно сделать, пока не устранена утечка гелия. Тем временем рабочий с лазерным резаком может начать работу в нижней части грузовых трюмов. У нас только один лазер, и это означает, что работа будет долгой. Донные балки будут удалены, поэтому модули упадут. Это будет означать огромную потерю веса.

Бретонец побледнел.

— Вы не можете сделать это! Жар от лазера воспламенит метан! — воскликнул он.

— Нет, водород и метан поднимаются вверх. Лазер будет ниже утечки. — А потом Грейхарт добавил:

— Также, мне придется освободить немного гелия из различных ячеек. Это необходимо, чтобы вернуть корабль в равновесие. Обычно я мог сделать это с помощью дистанционного управления с мостика. Однако компьютер не работает, поэтому клапаны должны открываться вручную. Это щепетильная работа, так как придется все делать на глазок, придется контролировать всю операцию по телефону. Я не могу тратить время, бегая туда и обратно от ячейки к ячейке. Кроме того, я не марафонский бегун...

Лузель, судя по виду, хотел что-то возразить. Но вместо этого он вдруг указал пальцем на трех человек из экипажа. Они почти добрались до мостков.

— Твой человек по-прежнему с винтовкой!

Сильвер выругался. Он должен был приказать выбросить оружие за борт. Это облегчило бы вес, а также умерило зуд в пальцах, лежащих на спусковых крючках и у пламенных бретонских патриотов, и у простых американских гангстеров. Но

его разум был так перегружен проблемами, что он забыл об этом. Нет никакого оправдания для него. Капитан не должен забывать ничего. Он приложил громкоговоритель к губам.

— Уильямс! Каржински! Чонг! У кого из вас винтовка? Выбросить её за борт немедленно! Прямо сейчас!

Слишком поздно. Двое заложников, крича, упали на настил мостков. Вспышки выстрелов вспороли полумрак. Один из людей Хука, должно быть, сидел в засаде и открыл огонь. Все трое упали, один рухнул на мостки, подпрыгнул, скатился вниз. С другим улетела за борт его винтовка. Сильвер остался стоять. Лузель нырнул на палубу платформы. Вокруг визжали пули. Сильвер тоже решил залечь.

Его лицо было прижато к металлической палубе, он ругался. Убийство его людей переполнило чашу терпения. Человек Хука был вне досягаемости. Сильвер схватил Лузеля. Оставалось только схватить винтовку и пристрелить террориста. А затем пойти на корму и убивать, убивать, убивать! Рассудок остудил его раскаленные фантазии. Он отпустил бретонца.

— Извините, — пробормотал он, хотя ненависть душила его. — Я просто схватил первое, что подвернулось.

Лузель прокашлялся и заметил:

— Один из нас должен позвонить Хуку.

Они использовали безопасный способ общения. Лузель дал инструкции человеку за дверью, и через несколько минут тот вернулся. Хук заявил, что обмен заложниками теперь может состояться. Он не предлагал извинений. Лузель улыбался. Сильвер сдерживал себя, чтобы не выбить террористу зубы.

— Предлагаю как можно скорее сбросить все трупы за борт. Это облегчит дирижабль, — заметил Сильвер.

Лузель улыбался еще шире.

— Возможно, стоит сбросить и пассажиров? Они бесполезны, и их общий вес должен быть значительным.

— Логический шаг, но не гуманный, — ответил Сильвер.

Мимо них пробежала группа ремонтников с лазерным резаком и прочим оборудованием. К счастью, электрический генератор в хвостовом конусе не был поврежден. В противном случае корабль был бы в еще большей опасности.Следом пробежала команда такелажников. Некоторые носили кислородные маски, и все тащили рулоны материала для

заплат и инструменты. Минуту спустя заложник от Хука поднялся вверх по лестнице. Он был высоким, тощим, с бородавкой на носу. Лицо его казалось бледно-зеленым.

— Я Миггл тон, — представился он. — И я болен. — Он схватился за живот. — Думаю, аппендицит. Вот почему она отправила меня заложником.

— Она? — одновременно вскрикнули Сильвер и Лузель.

— Да, она. Хук. Разве вы не знаете, что она женщина? Хуки Хукер, как они привыкли называть её в Чикаго. Теперь она жирная корова и ей 50. Она давно набила руку на ограблении банков. Лучше бы и дальше мы совершенствовалась в этой профессии. Угонять цеппелины у неё не выходит.

— Да, но этот голос... — изумился Сильвер.

— Не конфетка ? Она разговаривает, как водитель грузовика. Кстати, когда-то она была водилой...

Четверо из банды Лузеля пошли вниз, чтобы охранять ремонтные бригады. Сильвера заинтересовало, а не все ли они ушли из хвостовой части. Если да, то экипаж цеппелина больше. Можно подавить врагов числом. Но некоторые из его экипажа убиты или тяжело ранены. Кроме того, в настоящее время все силы должны были быть сосредоточены на сохранении плавучести и на восстановлении управляемости корабля. Тем не менее он всё ещё боролся с гневом, и победил. Капитан должен быть хладнокровен в любой ситуации.

— Вы собираетесь вызвать мне врача? — скулил Миггл тон.

— Можете пойти в лазарет, — разрешил Сильвер.

Он начал объяснять, куда идти, но Лузель нахмурился, слушая его.

— Не знаю, где находится доктор. Если он в своей каюте, которая находится в радиусе стрельбы, вам не повезло. Звоните этому уроду сами. У меня нет времени. Имя доктора и номер каюты в каталоге корабля на столе.

— Не знаю, можно ли отпускать его без охраны, — сказал Лузель. — Я все же сопровожу его сам.

Миггл тон не был настолько болен, чтобы потерять интерес к происходящему.

— Что все эти люди делают?

Сильвер сказал ему, хотя бретонец приложил палец к губам, чтобы предостеречь. Миггл тон закатил глаза.

— Хотите сказать, что собираетесь выбросить платину и иридий? Вы не можете сделать это! Они должны стоить миллионы!

— Да, и они весят четверть тонны. Их надо выкинуть!

— Вы не можете! Из-за этого груза мы захватили корабль! — пробормотал Миггltон, заливаясь потом.

— Вы согласны утонуть? — спросил Сильвер.

— Хук не даст сбросить груз, — промямлил Миггltон. — Она не позволит ремонтировать управление, если вы сбросите драгоценные металлы.

— Скажите ей, что ей нужно выбрать: или металлы — или жизнь.

— Нет, подождите! Деньги нужны для счастья народа! Их можно использовать для финансирования деятельности детей Брейц! — заорал Лузель, до которого дошло, что Сильвер собирается выбросить.

— Вы хотели забрать груз? — спросил Миггltон.

Лузель остановил себя.

— Конечно, нет! Я человек чести, патриот, не обычный преступник, как ты. Я согласился разделить металлы с вашей бандой... Это правда, что этим грузом, может быть, необходимо пожертвовать, чтобы спасти нашу жизнь... Но попытаемся спасти этот груз как можно дольше.

— Так нельзя. Контейнеры метана находятся на дне. Контейнер металлов находится наверху. Они слишком тяжелые, чтобы их двигать, поэтому он пойдет за борт с остальным грузом, — сурово отрезал Сильвер.

— Как вы грузили это? — спросил Миггltон. — Вы не использовали кран?

Сильвер закатил глаза от такого невежества.

— Груз опустили в трюм через большой люк с вертожабля, когда грузовое судно находилось в воздухе.

— А что такое вертожабль?

— Дирижабль с двигателями и роторами вертолета.

Миггltон наморщил лоб.

— Хук собирается убить всех, если вы сбросите эти металлы.

Сильвер был неумолим.

— Если мы не сбросим эти контейнеры, этому кораблю крышка. Повреждены несущие балки, ослаблен корпус

судна. Любое внешнее воздействие — и оно переломится. Пополам.

Сильвер преувеличивал для эффекта, хотя и немного.

Лузель посерел. Миггптон выглядел совершенно раздавленным. Бретонец, видимо, решив, что не хочет оставить сцену, позвал одного из своих людей препроводить заложника в лазарет. Сильвер прикинул и понял, что бретонцев осталось всего пятеро. Лузель, однако, дал некоторые дополнительные инструкции на бретонском своему человеку. А Сильвер перешел к решительным действиям. Используя телефон платформы, он начал давать указания экипажу, и они подрегулировали содержащие гелий мешки баллонеты. Корабль выровнялся по горизонтали. Тем временем воздух начал дрожать, заставляя людей на мостках зафиксировать себя, привязавшись к решетчатым фермам конструкции. Монтажники полагались на свои пояса.

— Мы без двигателей, и нас мотает, — сказал Лузелю Сильвер. — У нас нет динамической стабильности. Мы могли бы прекратить это, если бы освободили от тяжести хвост или нос. Выпуская газ, мы делаем корабль еще тяжелее. Мы получили немного плавучести, когда слили водяной балласт. Теперь мы должны слить большие резервуары балластной воды, топливо и маневровые резервуары. Большие топливные баки должны быть слиты тоже, а затем придется сбросить и сами баки. Но сначала — груз.

За работу взялся монтажник с лазерным резаком. Его ремень безопасности крепился вокруг балки, стоял он на другой. Он осторожно двигал резаком, чтобы отрезать балку, удерживающую контейнеры.

— Надеюсь, когда мы подрежем нижнюю балку с трех сторон, вес контейнеров согнет балки на неподрезанной стороне палубы. И контейнеры выпадут. Если этого не произойдет, придется резать дно трюма. Еще одна проблема в том, что у нас только один резак, и поэтому мы не можем вырезать оба крепления палубы одновременно. Когда модули около главного грузового порта выпадут, останутся модули правого борта. Их вес сильно накренит корабль — не знаю насколько — на правый борт. Все должны быть предупреждены об этом. В противном случае люди могут выпасть за борт, — объяснил Сильвер. Кабели и тросы тоже придется

резать. Это ослабит каркас корабля. С другой стороны, потеря жидкого метана облегчит нагрузку. Тем не менее модули и пустые контейнеры весят много тонн.

— Поэтому вы послали людей на правый борт для сверления отверстий в контейнерах? — спросил Лузель.

— Да. Меньше вес, меньше степень крена на правый борт. Будем надеяться, что контейнеры не застрянут, когда дно вывалится. Это будет адская работа. Придется резать многое: тросы, кабели, фермы.

Человек, которого Лузель послал с Миггптоном, сообщил:

— Мой капитан, мы у врача. Но врач жалуется на то, что, в соответствии с приказами, он выбросил практически все медицинское оборудование за борт. Он говорит, что компании придется возместить ему потерю. Я сказал ему, что это нас не касается. Однако он сделает операцию, но не несет никакой ответственности за результат... Как вы и приказали, я заставил работать всех пассажиров, за исключением реакционного империалиста де Руа, который отказался покинуть свою каюту. Я приказал пассажирам выбрасывать мертвых за борт...

— Никаких проблем?

— Нет. Наши оппоненты даже помогли, направив свое оружие на пассажиров, которые, конечно, испугались до смерти. Трупы вытащили на смотровую площадку и выбросили в мусорный люк и через левое смотровое окно. Один из трупов был похитителем, один из людей, которого подстрелили бандюганы Хука. Только, кажется, он был ещё жив. Просто прежде, чем он вылетел из окна, он открыл глаза, и протестовал. «Я не умер», — заявил он. «Кто верит слову преступника?» — возразил я. Пассажиры, держа его, плечи и ноги. тоже запротестовали. Я сказал им, что либо они выкинут его, либо я выкину их вместе с ним. И поэтому он «вышел» за борт. Он был обречен умереть в ближайшее время в любом случае, и чем раньше мы избавились от его веса, тем лучше.

— Хорошо, — кивнул Лузель.

Сильвера мутило. У него не было сочувствия к похитителям Джилл, но бессердечие бретонцев пугало по-настоящему. Может наступить время, когда они решат избавить корабль от лишнего веса, выкинув пассажиров. А потом... экипаж?

Сильвер связался с Сискату:

— Наша высота теперь составляет полторы тысячи футов. Если мы не потеряем вес, мы упадем в море в течение пятидесяти минут, — заверил третий помощник.

— Как ремонт компьютеров, систем связи и навигации?

— Мун говорит, что ремонт займет минимум два часа.

Сильвер приказал троим из членов экипажа пойти в главный коридор и организовать пассажиров для зачистки кают. Все съемное, включая багаж, надо было выбросить. Повара и стюарды отсоединеняли печи, холодильники и раковины и избавлялись от них. Вся посуда, кроме тарелок и стаканов, полетела за борт. Все продукты питания, за исключением НЗ на двадцать четыре часа. В это время на цеппелин обрушился первый могучий удар ветра. Сильвер удержался на ногах, ухватившись за телефон. Хотя качнуло дирижабль сильно, эффект был слабым по сравнению с тем, что испытал бы самолет. Корабль не двигался против ветра; он двигался с ветром. Время неприятностей придет, когда они столкнутся с сильными восходящими и нисходящими потоками. Только после того как Сильвер отцепился от телефона, Лузель смог ответить на звонок. Звонила Хук. Когда террорист закончил разговор, он стал бледным. «Если Лузеля подвергать разным стрессам чаще, он станет человеком-хамелеоном», — подумал Сильвер.

— Хук настаивает на том, что мы сохраним платину и иридий, независимо от того, что происходит. В противном случае она остановит ремонтные работы. И она просто может расстрелять некоторых из ваших людей.

— Она сошла с ума! Не понимает, что, если мы не починим двигатели, рули направления и рули высоты, мы беспомощны? Даже если мы долетим до побережья Южной Америки, мы не сможем приземлиться, только грохнуться. И мы не в состоянии выбрать место для хорошей, гладкой посадки. Она хотела бы, в конечном итоге, очутиться на вершине горы с ее верхушкой у нее в..?

— Я сказал ей. Она говорит, что ей по сараю. Это ее шанс заработать целое состояние, и она не собирается отступать. Она выкинет кого-нибудь, из пассажиров вперед металлов...

— Это означает длительную задержку! Ладно, тогда, думаю, я не могу спорить об этом! Скажите ей, что мы сохраним ее драгоценные металлы!

— Я мог бы взять штурмом рубку... — протянул Лузель.

— Нет! Электронщики могут погибнуть. Тогда где мы их возьмем?

Он остановился. Помощник главного механика стоял перед ним.

— Капитан, начальник послал меня сказать вам, что все контейнеры метана просверлены.

— Очень хорошо. Возвращайтесь к вашим обязанностям.

Он повернулся к Лузелю.

— Я не прошу добровольцев для распаковки металлов. Я сделаю это сам.

— Почему вы? — подозрительно спросил Лузель.

— Потому что у нас связаны руки. Потому что это слишком опасно.

— Но вам придется ставить людей на лестнице передавать металлы вниз друг другу? — еще более подозрительно прищурился бретонец.

— Нет. Я спущу каждый слиток веревке. Потребуется только двое. Я и кто-то другой.

— Неплохо! По правде говоря, хотя я признаю необходимость избавиться от веса, я глубоко сожалею о потере металлов. Возможно, мы можем спасти и их, и корабль.

Несколько минут спустя Грейхарт, надев кислородную маску, позаимствованную у монтера, поднялся вверх по лестнице вдоль правого борта до грузового люка. На плече у него был длинный моток веревки. На голове — металлический шлем, к которому была прикреплена электрическая лампа. Страховочный трос был прикреплен к широкому кожаному ремню вокруг талии. На поясе были закреплены инструменты, включая ломик. Проходя мимо отверстий, которые были просверлены в модулях и контейнерах, он услышал шипение жидкого метана и увидел струи полужидкого газа. Он был окружен смертельным и невидимым взрывчатым веществом. Но пока его маска работает, и он обходится без искр — он в безопасности. На полпути вверх по ста пятидесяти футовому подъему он посмотрел вниз. Фигурки людей еще не казались лилипутами, но высота уже чувствовалась.

Ближе к носу главный монтажник, Салмонс, использовал его лазер, чтобы вырезать дно шахты лифта. Это дно стало

импровизированным пандусом между мостками технической палубы и верхней частью корпуса. Сильвер решил, что и сам лифт надо сбросить, прежде чем резкать палубу трюма. Избавиться от него — значит серьезно увеличить подъемную силу корабля, и можно сделать это быстро...

Чуть ниже лестницы он увидел Лузеля и матроса с пластмассовым ведром. Сильвер возобновил восхождение. Вскоре он достиг грузового трюма. Выше была темная поверхность огромного люка, через который вертожабли загружали материалы и груз. Вертожабли же регулярно меняли членов команды на борту, увозя усталых матросов на отдых, что позволяло дирижаблю совершать сверхдлинные рейсы. Нескольких тусклых ламп на стенах отсека было недостаточно.

Сильвер влез на верхний грузовой модуль, который был открыт. Затем он снял моток веревки с плеча и опустил ее конец через край. Матрос внизу привязал к ней ведро, в которое сунул электрическую дрель и удлинитель. Сильвер втащил все это наверх, а затем перекинул конец веревки через горизонтальную балку — одну из деталей каркаса верхней части трюма.

Пластиковый контейнер со штампом «ТЯЖЕЛЫЕ МЕТАЛЛЫ» стоял в дальней части отсека, громоздясь на резервуаре с метаном. Тросы фиксировали его, надежно предохраняя от падения. Сильвер работал осторожно, чтобы избежать удара порванным тросом. Фреза сделала свое дело, наступила очередь лома. Им капитан вынужден был открыть замок и поднять крышку. Было бы лучше использовать ключ, но он был у получателя в Минерве. Лампа на шлеме Сильвера высветила сорок фунтов серых слитков, похожих на обычные кирпичи. Посмотрев на них несколько секунд, Сильвер пробормотал:

— Может быть, стоит обмануть Хук и Лузеля. Выкинуть фунтов сто. Даже больше, учитывая вес контейнера.

Используя лом, он вытащил один из плотно упакованных слитков. Затем поднял его и отнес в носовую часть трюма. Прямо под ним не было балок или проводов. И его не было видно снизу. Слиток полетел вниз. Он пробил оболочку корпуса и умчался в Тихий океан, истерзанный штормом. Следующий слиток Сильвер положил в ведро. Третий повторил судьбу первого. Ни Лузель, ни Хук не знали точно, сколько слитков было в контейнере. И они не имели времени или

средств взвесить их. А корабельные весы уже лежали на дне океана... Работая быстро, Сильвер ходил взад и вперед. Не было времени остановиться и отдохнуть, перевести дыхание. Туда и обратно. Вверх и вниз. Пот заливал глаза, Грейхарт задыхался, стонал. Это напоминало медовый месяц, минус удовольствие. Если бы не перчатки, его руки были бы в ожогах от скорости, с которой он опускал и поднимал ведро.

За час он освободил контейнер. Двадцать восемь слитков удалены, в среднем две минуты и восемь секунд для каждого слитка. Это было в два раза быстрее, чем допускали правила профсоюза. Пот заливал глаза капитану, его маска прилипла к лицу. Он чувствовал себя, как в турецкой бане с соленой водой. Вытащив пустой контейнер, Сильвер бросил его за борт. Падая, контейнер зацепился за какой-то трос, порвав его с треском...

Глава 22

Сильвер подключил удлинитель к одному из разъемов, размещенных вдоль верхней балки трюма. Он просверлил три отверстия в верхней части каждого контейнера у правого борта, а затем отключил шнур и поднялся по лестнице, встав над запирающим механизмом люка. Здесь он повторил процедуру. Не было необходимости делать дополнительные отверстия, но чем больше дыр, тем скорее опустеют контейнеры. Сверлить резервуары с газом под давлением было непросто. Струи метана, вырываясь наружу, буквально сдували его с ног. Сильвер должен был буквально повиснуть на дрели, чтобы удержать ее в руках. Кроме того, он должен был быть осторожным, чтобы не допустить попадания метана на кожу, иначе получил бы обморожение или криоожог... Когда он спустился вниз, то обнаружил, что слитки сложены вдоль мостков. Не было времени, чтобы тащить их в более безопасное место. Кроме того. лифт упал в море, и Салмонс занимался разрезкой продольных балок правого борта палубы трюма. Прогоны были разрезаны на трех сторонах, и монтажник работал над грузовым люком. Сильвер был разочарован тем, что веса пустых контейнеров оказалось недоста-

точно, чтобы согнуть балки и дать контейнерам провалиться. Салмонсу приходилось ползать среди хитросплетения балок, делая выверенные разрезы в ключевых точках конструкции. Если контейнеры застряли, горизонтальные балки вне трюма и, возможно. вертикальные балки в нижней части трюма должны быть демонтированы. Это была очень опасная процедура. Если крепления тросов не будут отрезаны, грузовые модули могут перевернуться. Если они начнут крутиться, падая, то могут порвать газовые ячейки. Гелий выйдет из баллонетов, корабль упадет в океан. Еще они могли разрушить каркас, переломив хрупкий цеппелин пополам. Однако было несколько хороших новостей. Утечку гелия удалось остановить, несмотря на бурю за бортом, мешавшую работе такелажников. Они почти чудом сделали работу в столь короткое время.

Направляясь в кормовую часть, Грейтхарт увидел человека, работающего внизу. Это был Агоцелли. Стюард остановился. Бретонец на дальнем конце заорал на него, спрашивая, что он делает. Агоцелли крикнул, что он принес сообщение из командной рубки. Третий помощник звонил Сильверу, но звук то и дело пропал куда-то. Охранник в люке, увидев Сильвера, сообщил об этом Скскату. И тот послал Агоцелли.

— Что там, Агоцелли? — прокричал Сильвер.

— Офицер Скскату попросил передать вам, что надвигается настоящий шторм! Все должены привязаться или за что-то уцепиться!

— Все уведомлены?

— Да, сэр. Я должен идти, капитан.

— Прежде чем я побью тебя? — удивился Сильвер.

В этот момент его опрокинуло на палубу платформы. Невидимая сила толкала его вниз, в сторону люка. На мгновение Сильвер утратил ясность чувств и разума. Но вскоре его разум прояснился до кристальной ясности. Теперь он знал, что происходит. Страшный восходящий поток нес гигантский дирижабль по небу, как если бы это был камень, выброшенный вулканом. Металл стонал вокруг. Позади слышался визг, который разрывал его нервы. Каркас трещал по швам, вылетали из гнезд балки, натянутыми струнами гудели тросы...

Увеличивалось давление внутри корпуса. Перебираясь по стенке, удерживаясь одной рукой в вертикальном положении, он обернулся. Электрические фонари мерцали, но он мог видеть между балками и фермами нутро грузового трюма. Тот был пуст. Донные балки сломались под нагрузкой. Внезапная потеря веса сделал подъем корабля еще быстрее в восходящем потоке... И контейнеры застряли в проеме люка. Их вес опять накренил корабль. Крен был не велик, возможно, пятнадцать градусов, но и этого оказалось слишком много. Медленно стало ослабевать давление. Восходящий поток терял свою власть над судном. Баллонеты, эти огромные газовые мешки, раздулись. С увеличением высоты уменьшение атмосферного давления позволило гелию в мешках расшириться.

Сильвер не смог навскидку определить высоту. Воздух, казалось, разряжен, но не ощущалось недостатка кислорода, как было бы, если высота была быдвадцать тысяч футов и выше. В самом деле, они должны были находиться много ниже. Иначе Сильвер был бы сейчас без сознания. И автоматические клапаны баллонетов могли открыться не достаточно быстро, чтобы уменьшить давление. В этом случае газовые ячейки разорвало бы в клочья. И ещё Сильвер заметил, что слитки исчезли. Они скользнули за борт, когда корабль накренился. Так много лучше. Это означает меньший вес. Но Хук будет в ярости. А может быть, она была слишком испугана, чтобы думать о потере.

Капитан встал и пошел вперед, чтобы проверить повреждения. Вдруг он поплыл в воздухе, на высоте несколько сантиметров от палубы. Испугавшись, он попытался за что-нибудь ухватиться, но не сумел, хотя трос был всего в нескольких дюймах от его руки. Он растерялся. Когда ноги его медленно коснулись палубы, он понял, что теперь корабль попал в могучий нисходящий поток. Его руки вцепились в ограждение. Хорошо, что он успел это сделать, неожиданно последовал сильный рывок на правый борт. Раздался адский визг. Чудовищный треск. Скрежет разорванного металла.

Что еще могло случиться? Ответ на вопрос был дан сразу. Что-то ударило по палубе перед Сильвером. Что-то еще ударило его в спину, заставив закричать от удивления и боли. Какие-то предметы посыпались на палубу перед ним, и по его ноге еще один удар. Сильвер оказался настолько сбит с

толку, что потребовалось несколько секунд, чтобы признать серовато-белые объекты с апельсин размером, некоторые из которых разбивались перед ним вдребезги.

Град!

— Уф-ф! — выдохнул он, когда еще одна градина ударила его между лопатками. Другая разбилась перед ним, брызнув ледяными осколками в лицо. Затем град закончился. Сильвер лежал в течение нескольких секунд, ожидая новых ударов. Дрожа, он встал на ноги. Смутно он отметил, что цеппелин почти восстановил свое правильное горизонтальное положение. По крайней мере, Сильвер почувствовал, как если бы это было так. Палуба была деформирована, изгибаясь в двух местах.

Обрывки тросов свисали повсюду. Одно из несущих колец каркаса было перекошено. Кроме того, снова были отверстия в газовых ячейках. Как правило, корпус и баллонеты могли продержаться против любого града. Но эти огромные градины пробили их, как метеоры изо льда. Что стало причиной странного града, было неясно, но корабль падал. И все из-за этого града.

Грейхарт вышел из оцепенения. Теперь он знал, что крен устранился благодаря тому, что чертовы контейнеры все-таки улетели за борт, выбив нижнюю балку. Сам Сильвер продолжал, пошатываясь, двигаться вперед. Он окинул взглядом корпус. Ближайшие газовые ячейки были пробиты, тросы и провода оборваны, но створ грузового люка действительно был пуст. Однако один из контейнеров, несомненно, из верхнего модуля каким-то образом застрял. Коричневый пластиковый куб нахально торчал среди обрывков тросов и перекошенных балок. Сильвер, шатаясь, добрался до телефона, отметив по пути, что корабль теперь, казалось, накренился носом вперед. Не было внешних ориентиров, чтобы определить это точно, но гравитация тянула его от кормы к носу.

Сискату ответил на звонок. Испуганные голоса почти заглушали его, но он говорил спокойно, так спокойно, как если бы он заказывал ужин.

— Мы разминулись со смертью на двадцать футов. Мы сейчас поднимаемся, но нос тяжелый.

— Я пошлю такелажников латать баллонеты, если они все не вылетели за борт. Теперь, Сискату, все что в рубке — за борт! Управляющий компьютер, стулья, радар...

— Радар? — Сискату был потрясен.

— Да! Мы не можем позволить его вес, и не будет разницы, если мы не узнаем, как быстро падаем, так как не можем ничего сделать. Я также отправлю монтажников, чтобы демонтировать антенны. И скажи Хук, что оружие придется тоже выкинуть.

— Она не пойдет на это.

— Объясни, что случится, если она этого не сделает.

Затем Сильвер вызвал Лузеля, который был вне себя от страха. В нескольких словах, насколько это возможно, Грейхарт объяснил ему ситуацию. Затем он вызвал монтеров и такелажников. Салмонс, ответивший первым, тяжело дышал. Сильвер приказал ему слить топливо, а затем демонтировать баки. После этого он должен был демонтировать носовую и хвостовую гондолы двигателей. Тогда придет очередь передаточных механизмов, рулевых машин и пропеллеров. После чего надо демонтировать крепления основных двигателей. Потом сами двигатели. Демонтировать по очереди. Сначала передний движок правого борта. Задний двигатель следующим и так далее. Мы не хотим расшатать корабль больше, чем допустимо.

— Да, сэр. Только у нас нет необходимых инструментов. Большая часть тяжелых ломов отправилиась на дно, чтобы облегчить корабль, или была потеряна во время этой свистопляски. Не только это... Нам пришлось бегать взад и вперед, как безумцам! Моя бригада на издыхании!

— Сделайте невозможное, — распорядился Сильвер.

Вирен, начальник такелажников, получил приказ искать новые дыры в баллонетах и ликвидировать их. Он застонал, но ничего не сказал.

Глава 23

Сильвер отправился в каюту в хвостовой части и внизу лестницы. Смятение и паника царили в главном коридоре, но работы шли своим ходом. Все двери кают были сняты и выброшены за борт. Бледные пассажиры выкидывали те-

перь кресла и кровати. Даже двери в рубку сняли с петель. Сильвер, войдя в хвостовую часть, мог видеть сквозь курилку штурманскую и мостик. Вооруженный человек стоял в дверях салона для курящих.

Одна дверь была на месте — дверь каюты Джилл. Она была открыта достаточно, чтобы рассмотреть невысокого коренастого человека с густой черной бородой и бахромой щетинистых волос вокруг лысины. Он сжимал в руках винтовку. В каюте было темно.

— Ты капитан похитителей? — спросил Сильвер.

— Да. А чо надо?

— Я капитан Сильвер. Вам сообщили, что корабль в серьезной опасности.

— Конечно. Прикольное шоу вы устроили. Вы меня обманули на какое-то время. Но больше это не пройдет. Боюсь, бомжи, лягушатники и Хук — они с вами заодно... Ещё чуть-чуть, и я бы повелся!

На мгновение Сильвер онемел.

— Опасность реальная! Мы может упасть в океан в любую минуту! Каждый сейчас выполняет свою задачу! И каждый грамм лишнего веса должен быть выброшен за борт!

— Сказал ведь: все это — трюк. Он уверен, что развел всех... — Похититель, видимо, говорил, обращаясь к своим сообщникам. Не было смысла тратить время на спор с этим человеком, прекрасным примером того, что Марк Твен назвал «непобедимая глупость». А потом из темноты раздался голос Джилл:

— Грейхарт! Операция Один!..

Сильвер хотел протестовать, но он не смел. Она решила принять меры, которые могут привести ее к гибели. Не говоря уже о нем. Однако она должна иметь веские причины для такого отчаянного шага. Капитан похитителей обернулся.

— Что такое? «Операция»... что? Заткни хлебало, курица тупая...

Странные крики раздались из комнаты. Черное облако вдруг налетело на похитителя сзади. Он закричал и схватился за глаза. Сильвер ударил его в подбородок. Его противник рухнул. Сильвер прижал врага к палубе, выламывая руку, и схватил за бороду. И рванул со всей силы.

Мужчина заорал, вырвался, но на его голову вновь обрушилось черное облако. Он попытался нырнуть в каюту. Зацепившись за ногу Сильвера,вновь растянулся на палубе в проеме двери. Завывая от боли и гнева. предводитель похитителей вскочил и потянулся к винтовке, ствол которой торчал из каюты. Сильвер не мог добраться до врага достаточно быстро, но два облака, перья и когти, налетели на него. Клювы и когти Хугина и Мунина долбили и рвали бандита. Тот закричал:

— Мои глаза! Мои глаза! — и выронил оружие.

— Хугин! Мунин! Назад! — приказал Сильвер.

Вспыхнул свет. Сильвер, поднимаясь с винтовкой, увидел Джилл, стоящую над телами трех человек. Пистолет, который она держала за ствол, явно был использован для нанесения удара рукояткой по голове. За ней были две клетки воронов, висевшие на переборке. Их дверцы были открыты.

— Это было довольно опасно, Джилл. И глупо... — укоризненно промолвил Грейхарт.

— Я была в отчаянии, — фыркнула она.

— Ну теперь все в порядке, — усмехнулся Сильвер. Пока он говорил, огромные вороны уселись на его плечи. Сильвер поговорил с ними, и они улетели к своим клеткам. Капитан похитителей, держась за залитое кровью лицо, встал на ноги. Сильвер приказал ему встать в угол. Человек, который упал, застонал. Сильвер поднял его за шкирку и тоже отволок в угол. Человек, у которого Джилл выхватила пистолет, до сих пор оставался без сознания. В каюту, ухмыляясь, заглянул Флаэрти.

— Все здесь. Что происходит?

Сильвер объяснил, а затем сказал:

— Выбросьте всё оружие за борт. Позовите пассажиров , пусть выкинут за борт все вещи.

Капитан похитителей пробормотал:

— Ты заплатишь за это! Я тебе устрою!..

Сильвер обернулся к нему.

— Я могу решать, кто будет выброшен за борт, чтобы уменьшить вес. Вы будете первым кандидатом!

Капитан похитителей захрипел:

— Ты не посмеешь сделать это! Я знаю свои права!

— Мы находимся в международных водах. Единственный закон здесь — капитан, и это я...

— Да! Скажи это лягушатникам и бомжам!

— Они не любят тебя еще больше, — заметил Сильвер.

— Джилл, ты можешь помочь? — он с нежностью посмотрел на жену.

— Я нетвердо стою на ногах, но в целом в порядке. Я возьму оружие и боеприпасы и выкину их...

— Милая.

Джилл вяло улыбнулась.

— Ладно, милый. Я много думала. Ховарды и тот стюард должны были получить денег от моего папика за то, чтобы подставить тебя. Но я не могу быть уверена, пока они не сознались?

— Они сознаются. Или сверну им головы.

Выбросив захваченное оружие и боеприпасы за борт, Сильвер протолкался через толпу к мостику. Мужчина с винтовкой остановил его у входа в рубку и обыскал его. Сильвер потребовал встречи с Хук, которая подошла к дверному проему. Она была низкорослой, коренастой и выглядела, как Санта-Клаус минус борода. Её взгляд был устрашающе тупым и злыми. К тому же Санта-Клаус никогда не носил пистолета, не таскал с собой автоматическую винтовку.

— Пусть зайдет.

Ветровые стекла были выбиты. Бригада электронщиков потрошила пульт управления и выбрасывала его содержимое. Они откручивали болты, которые крепили консоль к палубе. Все кресла уже улетели за борт. Сильвер был поражен, обнаружив, что в рубке остались только два разбойника. Ронан, бретонский заложник, сидел в углу, хмурясь.

— Что, что за хрень? — спросила Хук.

Грейхарт рассказал ей.

— А вы не спрятали их винтовки?

— Думал об этом. Но я тот, кто отдал приказ избавиться от всех видов оружия.

— Нет, мы не сделаем этого. Вы посадите эту лоханку на сушу. В противном случае я пристрелю вас, даже если это будет последнее, что я сделаю, — объявила Хук, подойдя к нему. Ее живот колыхался, как миска желе.

Глава 24

— И это будет последнее ваше свершение... Кстати, если вы держитесь за пушки из-за платины и иридия, забудьте об этом. Весь металл улетел за борт, когда корабль накренился, — сообщил Сильвер.

Хук посмотрела на него ошеломленным взглядом. Затем она расплакалась.

— Весь? — переспросила она, рыдая.

— Спросите Лузеля.

— Не верю ему! Он хотел бы попробовать сохранить это для себя.

— Нет, он видел ущерб, и знает, насколько все плохо. Теперь избавьтесь от ваших пушек.

— Нет. Даже если Лузель и его банда выбросят их бластеры. Если мы доберемся к земле, они нам понадобятся. Старая Хук не сдается без боя.-

— По крайней мере, винтовки. Вы можете оставить ваш пистолет. Я говорю вам, каждая унция, выброшенная за борт, это несколько минут жизни, — спокойно сказал Сильвер.

Хук утерла слезы огромной грязной пятерней.

— Да? Вы действительно не врете? Ладно. Если Лузель сделает то же самое.

Лузель, наконец, ответил. Сильвер рассказал ему, что произошло, а затем дал телефон Хук. Последовало долгое обсуждение, перемежающееся очередями мата Хук. Кто-то, вероятно, Флаэрти, приказал стюардам сделать бутерброды. Агоцелли в шахматном порядке метал на стол подносы с бутербродами, печеньем, стаканами молока и несколько бутылок виски и вина.

— Это последний ужин. Мы выбросим столовые приборы, после того, как все поедят. Отныне, если вы хотите питания, вам придется идти к камбузу, чтобы получить что-то съестное, — сказал Агоцелли дрожащим голосом.

— Я возьму хамон и молоко, — сказал Сильвер.

Агоцелли подошел к нему, но остановился в нескольких метрах. Его руки дрожали от напряжения, когда он нес поднос Сильверу. Видимо, он боялся получить кулаком в зубы. Хук схватила два бутерброда с одного подноса и бутылку «Киркинтиллох Дагганс» с другого. Запихав половину бутерброда в рот,

она жевала с чавканьем примерно минуту, а затем запила еду несколькими унциями скотча.

— Скажи, Агоцелли, все не так, как мы надеялись, да?

— Нет! Вы обещали молчать! — зарыдал Агоцелли.

— Теперь эти тайны ничего не стоят! Во всяком случае, я не принимала тебя в команду. Металл исчез, и ты теперь бесполезен... Да. Этот маленький гаденыш продал вас. Он тайно пронес на борт оружие. Продажная шкура. Этот жулик продаст родную маму. — Стюард побледнел и отступил на несколько шагов. Хук засмеялась. — Он пронес оружие задолго до того, как корабль взлетел. Пришлось подкупить охранника, чтобы сделать это.

— Агоцелли работает на кого-то еще. Он выступал против моего брака, — Сильвер метнул гневный взгляд на съежившегося стюарда.

В этот момент палуба наклонилась вверх. Сильвер подумал, что это был восходящий поток. Но это было не так. Носовая гондола была отрезана лазером. Теперь Салмонс и его банда поспешили в хвост. Зазвонил телефон. Сильвер ответил. Лузель, задыхаясь, поинтересовался:

— Каковы ваши требования?

Грейхарт сказал ему, что Хук согласна выбросить винтовки, если бретонцы сделают то же самое.

— Как мы убедимся, что никто не припрятал винтовки?

— Я знаю, сколько оружия имеет каждая сторона. Я буду собирать оружие. Я беспристрастный посредник...

— Да, но что если мы отдадим вам наши винтовки, и затем она откажется сдать свои?

— Хороший вопрос. Я буду на смотровой площадке. Каждая винтовка должна быть доставлена ко мне. Попеременно. Одна ваша, одна ее. Нет, делаете это одновременно. Поскольку две у них и пять у вас, ваш человек должен принести ваши винтовки, и ее человек принесет ее три. Миггптон оставил свою, когда встретил вашего заложника. Я буду считать их и выбрасывать, — добавил он.

— Мне не нравится, но я понимаю серьезность ситуации, не каламбуря.

Сильвер подозвал Хук к телефону. Она говорила минуту, а затем повесила трубку.

— Ладно, капитан, вы получите стволы на смотровой площадке.

Размен занял десять минут. Сильвер забрал оружие и выбросил. Осталось только два пистолета как последний аргумент двух банд. В это время была отрезана хвостовая гондола двигателя. Дирижабль теперь был близок к горизонтальной позиции. Монтажник сообщил, что топливные баки освобождены. Сейчас бригада работала над передаточным механизмом и пропеллером правого борта. Вскоре Вирен, начальник такелажников, сообщил, что три баллонета были заклеены заплатами и полностью загерметизированы, но девятнадцать отверстий еще предстит залатать.

Позвонил корабельный врач.

— Жаль. Мой пациент, заложник, только что умер. Это не моя вина. Слишком запущенный случай. Мое хирургическое оборудование и...

— Я знаю, док. Просто избавьтесь от всего, что есть в лазарете. И я имею в виду вообще все...

Он повесил трубку.

— Кто это был? — спросила Хук.

Сильвер заколебался. Если он скажет ей правду, на него могут возложить вину за смерть бандита-заложника.

— Это был доктор. Он хотел бы знать, должен ли он выбросить медицинское оборудование за борт, — наконец ответил Сильвер.

Рассвет пришел, принеся свет, но мало помощи. Такелажники только что нашли две новые течи в баллонетах, которые пропустили при первой инспекции. Судно было только в пятидесяти футах от волн, когда отбросили последний из десяти, двигателей. Корабль в ответ поднялся примерно на шесть сотен футов. Сказав Хук, что пойдет и поищет что поесть, Сильвер пошел вниз по коридору. Большинство пассажиров лежали на палубе, на смотровой площадке или в салоне для некурящих. Они сбились вместе, как если бы пытались согреться. Капитан проверил врача, чтобы убедиться, что труп Миггптона ушел за борт. Доктор поворчал немного о том, как трудно было перетащить труп к хвосту и вытолкнуть в люк без посторонней помощи.

— Вам полезна физкультура, док, — съязвил Сильвер.

Он отправился в порт внутренней технической галереи и прошел по мосткам до точки напротив большого контейнера, запутавшегося в тросах. Он остановился, чтобы рассмотреть его. Стоит ли избавиться от него сейчас или подождать?

А затем его подбросило вверх и в сторону, словно дайвера, попавшего в мощный водоворот, потом приложило о металл палубы. Все это сопровождалось чудовищным грохотом и треском. Когда Грейхарт, наконец, пришел в себя, то понял, что произошло. Еще один мощный нисходящий поток. На сей раз они таки приводнились! Его спасло ограждение, в которое он успел вцепиться. Иначе он бы уже кормил рыб. Кстати, рыбы были не слишком далеко. Вода океана плескалась прямо у ног, дирижабль медленно, но верно тонул. Контейнер теперь плавал в воде, которая уже почти поднялась до уровня главного коридора. Последствия аварии помогли чертову ящику вырваться из паутины тросов.

Сильвер застонать от боли, но, увидев Джилл, стоявшую на платформе, издал крик восторга. Она пробилась через толпу к нему. Они обняли друг друга и заплакали.

— При крушении я потеряла сознание, но вода, вливаясь в каюту, привела меня в чувство. Я бросилась на корму. Кучу народа смыло.

Грейхарт оглянулся на огромную дыру в корпусе. Море было сравнительно спокойным; солнце светило в ясном небе. Шторм закончился.

Но радоваться было нечему. Они были в океане, держась на плаву только благодаря гелию в баллонетах. Металлический каркас судна был скручен и поломан до такой степени, что мог развалиться в любой момент. Хотя океан был спокоен, а волны невысокими, даже такие волны грозили отломить друг от друга корму и нос. Жертвы крушения не имели никакой возможности передать судам или береговым станциям свои координаты. Впрочем, они и сами их не знали. Если навигационный спутник по-прежнему не работает, то пройдет еще какое-то время, прежде чем их найдут придет помощь. К тому времени они могут быть ужена дне.

Первое, что Сильвер сделал, был учет продовольствия и воды. Их оказалось примерно на два дня. Затем он сосчитал выживших. Удивительно, но их было человек сорок. Четверо,

однако, сломали ноги; трое руки; один имел незначительное сотрясение мозга; и все, включая самого Сильвера, были в синяках и страдали от ран и ушибов. По-видимому, де Руа был среди тех, кто утонул. Его секретарь и два телохранителя попали в ловушку вместе с ним. Сискату не вышел из рубки. Сильвер с разочарованием обнаружил, что Лузель и три человека из его банды были среди живых, а также Хук и один из ее гангстеров. Все похитители, за исключением их капитана, утонули. Не был Сильвер рад и тому, что Ховарды и Агоцелли выглядели здоровыми, если не считать их испуганных лиц, разбитых коленей и ушибов. При катастрофе два человека умудрились сохранить свои пистолеты. Разумеется, это были Лузель и Хук. Эми, врач, сделал, что он мог для людей со сломанными конечностями, но этого было недостаточно. Сильвер убедился, что электрический генератор работает и лазерный резак и некоторые инструменты по-прежнему на борту. После этого он собрал всех в технической галерее. Возвышаясь над ними на платформе, он сказал:

— Мы может дрейфовать к острову Пасхи, то есть Рапа-Нуи. Возможно, нас подберет какое-то судно. Но мы можем утонуть, прежде чем это произойдет, и нам не хватает продовольствия и воды. Поэтому я предлагаю...

Его аудитория была потрясена. Наконец, Хук заговорила:

— Парень, ты спятил!

Некоторые поддержали Сильвера. Другие решили, что его план придуман от отчаяния, но согласились, потому что не видели другого выхода. В течение долгого дня дирижабль выглядел, как сломанный, но гудящий улей. Монтажники использовали лазер, чтобы удалить балки, расположенные поверх ячейки №2. Как только эти балки упали, их сдернули тросами, так что все они упали в одну сторону. Это спасло тонкую оболочку баллонета от повреждения. Между тем контейнер вытащили из воды и водрузили на палубу.

Баллонет уже опутали веревочной сетью. Концы, прикрепленные к нижней балке, были освобождены. Ячейка поднялась в воздух, а затем ее подтянули и прочно привязали к веревочной сети тросами, а концы тросов прикрепили к решетчатой палубе. Салмонс отрезал у контейнера его верхнюю часть. Эту часть бросили в воду, и теперь она сиротли-

во плавала посреди обломков воздушного корабля. Салмонс вырезал ряд отверстий на высоте около шести дюймов под открытым краем контейнера.

Бригада монтажников опустила контейнер в воду и осторожно разместила непосредственно под ячейкой. Не хватало, однако, металлических колец для фиксации концов тросов. Не было ни одного. и не было никакой возможности сделать. Лазером можно было вырезать полосу из балки, и разогрев, согнуть ее. Но лазер не может сварить открытые концы, а сварочное оборудование давно за бортом. Вместо этого концы тросов сетки продели через отверстия в бортах контейнера и связали. Длинная веревка была прикреплена к автоматическому клапану ячейки. Свободный конец болтался в нескольких футах над палубой контейнера. Переделка клапана для ручного управления стала плодом технического гения Салмонса. Хотя он адски устал, Сильвер испытывал чувство гордости, когда смотрел на завершенное судно. По сути, это был обычный воздушный шар. Все предельно устали морально и физически. Всех вымотала бессонница. Сильвер позволил большинству отдохнуть, а потом раздал еду и питье.

— Ешьте! Пейте! Это последнее.

Через полчаса тишины, нарушаемой только стонами больных, он поднял на ноги всех оставшихся в живых. Часть лестницы была порезана на куски и укреплена по бортам контейнера в качестве балласта. Далее пришла очередь тяжелораненых. Их с помощью монтажников перенесли по лестнице в корзину-контейнер. После этого все, кроме двух монтажников, вылезли. Другие остались, чтобы помочь пассажирам перебраться в корзину. Хугин и Мунин, вороны, прилетели на край корзины, где они и сели. Между тем Сильвер построил экипаж в линию перед пассажирами. Они заняли место между двумя группами. Если Лузель и Хук подумали, что это своеобразный барьер между ними, они не сказали ничего. Ни на миг они не спускали взгляда друг с друга, предпочитая держать противника под наблюдением и на расстоянии. Кроме того, они не выпускали из рук пистолетов. Лузель занял место у подножия лестницы на платформу. Его люди, вооруженные ломами и пилами, сгруди-

лись у него за спиной. Хук стояла на мостках, ведущих к правой платформе.

— Ладно, капитан Сильвер! У меня есть... — начал было Лузель.

— Подожди минутку, лягушатник! Я хочу кое-что сказать. Агоцелли, грязный двурушник! Ты поимел на бабки и нас и Лузеля! Ты подставлял всех, и мы тут по твоей милости!

— Что вы имеете в виду? — удивился Лузель.

— Я хочу сказать, что узнала: он не только протащил контрабандой оружие для меня и капитана похитителей, он снабдил стволами и вас тоже! Он взял деньги со всех нас, зная, что мы неизбежно начнем стрелять друг в друга. Трижды предатель! Более того, он, вероятно, взял деньги от папаши жены капитана, чтобы подстроить капитану гадость. Так что это четырежды сволочь!

Она выхватила пистолет из кобуры и направила на Агоцелли. Стюард, с побледневшим лицом хорька, перекосившимся от ужаса, закричал:

— Пожалуйста, капитан, не позволяйте ей! Я признаюсь! Я признаюсь! Я был в сговоре с Ховардами! Но если вы спасете меня, я дам показания в суде, я расскажу все!

— Она окажет тебе услугу, если пристрелит тебя, — заметил Сильвер.

— Уберите пистолет. Вы не судья и не суд присяжных. Он получит, что заслужил, когда мы вернемся в Штаты, — приказал Грейхарт, глядя в глаза Хук.

— Что мне терять? Я буду в тюряге до смерти, если я попадусь, но я не хочу. Нет, я плачу по счетам, и эта крыса дождалась своей очереди!

Агоцелли метнулся в поисках поддержки, пытаясь нырнуть за спины экипажа, экипаж расступался в стороны, шарахаясь от него, как от прокаженного. Сильвер тоже отступил. Не было никакой возможности повлиять на Хук, кроме как говорить с ней. Она была вне досягаемости. Во всяком случае, даже если бы Сильвер стоял рядом с ней, почему он должен рисковать жизнью? Он не собирался погибать, пытаясь спасти этот кусок слизи, Агоцелли. Прогремел выстрел. Агоцелли на миг взлетел над ограждением и рухнул в воду. Магнум-375 сделал свое дело.

Следом пролаял пистолет Лузеля. Хук и ее спутник рухнули на палубу. Они не встали. По-видимому, пуля прошила насквозь обоих. Пистолет женщины выпал из ее руки и упал в воду. Лузель направил свое оружие на экипаж и сказал:

— Я ждал шанса, чтобы прикончить ее. Она была сумасшедшей собакой, безответственной убийцей, — тут он выдержал многозначительную паузу. — Приходит развязка. Очевидно, мы не можем лететь вместе. Если мы попадем на Рапа-Нуи, вы расскажете властям о нас, и мы окажемся в тюрьме. И, в конце концов, нас отвезут на гильотину в Париж. Но если не будет свидетелей, то мы станем просто беднягами, которые пережили крушение цеппелина. Кроме того, чем меньше груз воздушного шара, тем больше шансов, что он сможет достичь земли. — Пассажиры закричали; многие заплакали. Лузель, размахивая пистолетом, сердито взвыл: — Я не хотел этого делать! Но это необходимо из патриотических соображений! Мои люди и я не должны погибнуть, мы нужны для продолжения нашего великого дела! Надеюсь, вы понимаете, даже если вы не можете посочувствовать полностью.

Сильвер стоял на одной ноге, держась рукой за плечо матроса. Джилл быстро закатала штанину на его левой ноге. Сильвер поднял ногу, и она повернула пластиковый протез, отключая нейронные связи. Два полных оборота — и нога была отвинчена.

— Я мог бы оставить вас на этой плавающей развалине, так что, возможно, вы могли бы дрейфовать к земле, или вас могла бы подобрать лодка...

— Корабль, черт возьми! — поправил Флаэрти.

— Ты будешь первым, кто отправится вплавь его искать, — прорычал на ирландца Лузель.

— Мы утонем! Или будем съедены акулами! — закричала вдруг госпожа Ховард

— Тогда вы можете сами выбрать свою судьбу, — ответил ей Лузель. — Так вот, господин Флаэрти, вы сейчас прыгнете в воду и поплывете через дыру в корпусе. Земля к юго-востоку от нас, может быть, в ста милях. Вы сами мне так сказали.

— Спасибо тебе, дерьмо лягушки! — ответил Флаэрти, сплюнув сквозь зубы.

— Патриот всегда готов выслушать оскорбления, — объявил Лузель, улыбаясь. — Ступайте, господин Флаэрти. Я не хочу стрелять в вас. Но, если нужно продемонстрировать пример для других, я...

Сильвер нащупал элементы управления в пазе на внутренней стороне пластиковой ноги. Он держал конец бедра в правой руке, а Джилл занесла палец над кнопкой.

— Давай! — проревел он, и метнул ногу над головами толпы. Изрыгая сине-белый огонь, нога пролетела по параболе, на конце которой был Лузель. Бретонец замер в растерянности, и ракета попала в него. К сожалению, нога лишь задела его. Но, отскочив, обожгла пламенем выхлопа. По сути, горящая нога лишь слегка подпалила его. Бретонец запрыгал, заорал, начал стрелять, пытаясь попасть в скачущую по палубе ногу. Флаэрти, наклонив голову и взревев, как один из ассирийских боевых быков, бросился на врага. Храбрый ирландец ударил Лузеля головой в живот. Тот сложился пополам. Его пистолет выстрелил дважды, но пули ушли выше голов толпы, в воздух. Флаэрти навалился сверху на него. На помощь второму офицеру пришел еще один человек из команды. Бой был яростным, но кратким. Флаэрти вырвал пистолет, сжав Лузеля, словно в тисках, и выбросил оружие в море. Затем дородный ирландец стал душить главаря бандитов, пока тот не потерял сознание... Пятро террористов пали под шквалом ударов кулаков и ног разъяренных пассажиров.

Глава 25

Джилл поймала ногу и отключила горелку. Грейхарт привинтил протез на место. Бретонцев вытащили на платформу, связав их веревкой по рукам и ногам.

— К тому времени, как вы освободитесь, мы уже будем далеко, — пояснил Сильвер пришедшему в сознание Лузелю.

— Не могу помешать вашему отлету. Но желать вам удачи не стану. — Лузель застонал и выплюнул зуб.

— Если мы достигнем земли, вышлю вам на помощь корабль. Может быть, вам было бы лучше пожелать мне удачи.

— В любом случае я умру.

— Зато сами сможете выбрать способ смерти.

Погрузка заняла пятнадцать минут. Сильвер попал в корзину последним. Он посмотрел вокруг, а затем открыл рот, чтобы приказать людям, стоявшим на каждом углу корзины, отдать концы. Джилл положила руку ему на плечо и сказала:

— Ты действительно собираешься оставить их здесь?

— Не хочу, но должен. Это идет вразрез с моими убеждениями, но они опасны.

— Да, но ты позволил капитану похитителей и его людям лететь. А они не лучше, — ответила Джилл.

Сильвер посмотрел на похитителей, которые сидели на палубе со связанными руками.

— Ладно. Я действительно надеялся, что кто-то поспорит со мной о Лузеле.

Возникла еще одна задержка, на время, пока связанных бретонцев грузили в корзину. Лузель сыпал проклятиями.

— Ваше замечание глубоко тронуло меня. А теперь сидите смирно и не раздражайте меня. В противном случае... — сурово сказал Сильвер. Он сделал жест, как если бы бросал балласт за борт.

Отдали концы. Шар, морщинясь, как кожа слона, начал медленно и неохотно подниматься в небо. Некоторые из пассажиров приветственно кричали; другие выглядели больными и испуганными. Воздушный шар поднялся вверх, до дыры в корпусе цеппелина. Затем, как Сильвер и ожидал, он двинулся вперед и... застрял. Хотя дирижабль перемещался под действием ветра по поверхности океана, его скорость была меньше, чем скорость ветра. Ветер толкнул шар, и теперь только движение корабля вверх и вниз на волнах могло освободить его. Зная это, Сильвер заранее приказал обмотать тканью концы балок в дыре, чтобы не повредить оболочку шара. Некоторые из пассажиров стали спрашивать, почему воздушный шар не движется. Сильвер молчал. Воздушный шар должен освободиться сам; он не может помочь ему. Если шар не сможет выскользнуть из корпуса, им придется вернуться. Сильвер будет вынужден потянуть шнур клапана, и воздушный шар опустится. И они вернутся обратно туда, откуда начали.

Хотя он мог кое-что предпринять.

— Выбросить часть балласта!

Под ними грозно бились волны. Вдруг, к их радости, из-за потери веса, воздушный шар взвился вверх. Пассажиры и экипаж повеселели. Когда воздушный шар поднимется вверх и выскользнет наружу, он потянет за собой корзину... Вот проскользнул мимо конец балки, пройдя между веревками. Трое оттолкнули балку, и корзина качнулась назад. Это оказалось просто. Вторая балка царапнула корзину, зацепила сетку. Не все балки оказались надежно обмотаны. Острые концы некоторых грозили пропороть оболочку шара. Если это случится, то пассажирам было бы лучше остаться на АЦ-49. Наконец, опасность миновала. Они вышли наружу.

Оглядываясь на потерпевший крушение цеппелин, уменьшавшийся позади внизу, Сильвер пытался оценить скорость ветра. Она должна быть около двенадцати миль в час. Три по шкале Бофорта. Легкий ветерок. Они были в пути, но куда они летели? Прошел час. Когда гелий в воздушном шаре расширился за счет уменьшения атмосферного давления, воздушный шар стал округлым. Он будет продолжать расти до тех пор, пока не достигнет высоты, на которой клапан откроется автоматически. Но нельзя идти так высоко. Все на борту умрут от кислородного голодания, прежде чем они достигнут своего потолка. Как только дышать станет трудно, необходимо стравить немного гелия. После этого шар будет падать. Он будет делать это медленно, но тем не менее, если не остановить его, он будет спускаться. Только мастерство Сильвера может удержать его. И ситуация осложнялась температурными инверсиями, восходящими и нисходящими потоками. Кроме того, управлять шаром надо было на глазок.

— Мы должны быть на высоте около десяти тысяч футов, — заявил Грейхарт.

— Трудно судить.

Несколько минут спустя Флаэрти заметил:

— Думаю, что вижу землю. Но, может быть. это низкие облака на горизонте.

— Если это земля, это может быть Рапа-Нуи. Или, может быть, один из островов ближе к Чили — Гомес или Сан-Феликс,

Хуан-Фернандес или Чико. Может быть, даже Чили. Не знаю, поскольку мы потеряли наши инструменты. Но если мы на высоте десяти тысяч футов, и если это земля, то расстояние до нее около ста семнадцати километров, — ответил Сильвер.

Полчаса прошло. Сильвер, используя наручные часы, оценивая расстояние между волнами внизу на глазок, пытался рассчитать их скорость.

— Где-то между тридцатью пятью и сорока милями в час, — сказал он Флаэрти. — Ветер здесь сильнее.

— Да, но, кажется, он стал сильнее и у поверхности, — ответил Флаэрти. — Посмотрите на эти волны!

Однако Сильвер не беспокоился. Он был слишком занят вычислениями.

— Если ветер не переменится, мы прилетим к этой земле за три с половиной часа, может быть, за четыре. Просто молюсь, чтобы ветер не сменил направление. Если он переменится, нас унесет неизвестно куда.

— Воздушный шар продержится в воздухе это время?

— Конечно!

Прошло ещёполчаса. Земля, или облака, слегка приблизились. И в то же время стало очевидным, что волны приблизились тоже. Сердце Сильвера было готово остановиться, как мотор без топлива. Воздушный шар терял высоту.

Сильвер обошел вокруг корзины, попытался заглянуть повыше. Огромный горб нижнего полушария делал невозможным разглядеть отверстия в верхней части. Но было видно, что мешок сдувается.

— Балки порвали оболочку. Ладно. Избавьтесь от четырех больших кусков балласта, — скомандовал он после осмотра. Флаэрти выполнил приказ. Воздушный шар поднялся снова, затем начал опускаться. Еще два куска балласта пошлоза борт. Поскольку было трудно скрыть причины внезапной деятельности, Сильвер попросил пассажиров не впадать в панику, но все было бесполезно.

— Это все твоя вина! — вопила госпожа Ховард.

— Вы могли бы остаться на дирижабле, — ответил он. — Я предупреждал об опасности. — Он осмотрелся. — Флаэрти, развяжите этих людей. Руки им понадобятся... К тому же они слишком выбиты из колеи, чтобы создать нам проблемы.

— Теперь выбросьте за борт все, что вы перевозите или носите. за исключением нижнего белья. Нам нужна вся подъемная сила, которую мы можем получить...

Он выбросил свои часы за борт. Хугин, ворон, оставил его плечо и исчез из вида. Большинство людей подчинились достаточно быстро, но миссис Ховард и двое других пассажиров медлили. Сильвер прикрикнул на них. Госпожа Ховард сорвала жемчужное ожерелье и крошечные бриллиантовые кулоны с груди. Другая женщина плакала, так как выбросила бриллиантовое ожерелье и наручные часы, которые прятала в бюстгальтере. Мужчина, хмурясь, выбросил свой бумажник и два кольца с бриллиантами.

В этот момент прилетел Хугин и уселся на плечо Сильверу. Верная птица держала в клюве часы хозяина.

— Он нырял за ними, после того как ты выбросил их, — пояснила Джилл.

Сильвер вновь выбросил часы. Его левая рука держала ноги птицы, удерживая ворона от повторения подвига.

— Кстати, а вороны? – спросил пассажир. — Они тоже что-то весят.

Человек был прав, за исключением его идентификации их как воронов. Сильвер вызвал Мунина на другое плечо и шепнул что-то, указывая на облака впереди. После некоторых каркающих протестов птицы повиновались. Он смотрел на их полет к темной массе на горизонте, задумавшись, не будут ли они единственными выжившими.

Прошло ещё полчаса. Все больше и больше балласта падало в море, которое, казалось, хищно тянулось к ним пенными щупальцами волн. Сильвер ломал голову над тем, как еще облегчить шар. Чем выше взлетал шар после каждого облегчения, тем больше гелия утекало из-за разницы в давлении.

Еще тридцать минут.

Еще два часа прошло... И последний кусок металла был сброшен. Но теперь облака не были облаками. Они были землей! Горы! Холмы, в любом случае.

Ухмыляясь, Грейхарт объявил новость. Все ликовали.

Десять минут спустя его настроение резко ухудшилось. Воздушный шар снижался опять, и так быстро, что должен был не дотянуть до земли много миль.

— Снять с себя все! До последней нитки!

Чтобы показать пример, он снял футболку и шорты и выбросил за борт. Несколько человек запротестовали, хотя и не энергично.

Госпожа Ховард зловредно прищурилась и сказала:

— А вы, капитан?

— Что? Я не ношу ничего, как вы можете ясно видеть.

— Ваш стрелково-монтажно-огнеметно-электронный протез! Ваша пластиковая нога!

— Но, мадам, я не могу ходить без него!

— Логически, она права, — застенчиво сказал Флаэрти.

Часть пассажиров, как представляется, тоже была согласна. Сильвер пожал плечами,

— Хорошо.

Нога полетела за борт. Его глаза увлажнились. Словно он потерял часть тела. Черт возьми, это и было частью тела. Сильвер мог бы, конечно, получить еще один протез, но он бы загнал его в долги на годы вперед. При этой мысли слезы потекли потоком. К тому времени воздушный шар падал еще быстрее. Земля была в трех или четырех километрах, а корзина должна была коснуться воды в течение примерно трех минут.

— И нет больше балласта, — пробормотал Грейхарт.

— Сэр, разрешите покинуть судно. Я сильный пловец, капитан, и море довольно спокойно. Я смогу добраться до берега вплавь, — заявил Флаэрти.

— Благородная мысль, Флаэрти. А как насчет акул? — поинтересовался Сильвер.

— Я их не вижу. Во всяком случае, если я не сделаю это, мы все будем кормить акул достаточно скоро.

— Идите, и Бог да благословит вас. Конечно, слава ваша будет жива, покуда я жив!

Прошло ещё две минуты.

— Мы почти готовы упасть, — снова начал Флаэрти. — Пожелайте мне удачи, капитан.

И ирландец шагнул за борт. Сильвер видел, как он вошел в воду в вертикальном положении. Вынырнув, он ухмыляясь помахал им рукой и быстро поплыл к берегу. Воздушный шар поднимался...

Глава 26

В лучах клонящегося к закату, но все еще горячего солнца берег приближался. Но не достаточно быстро. Воздушный шар снова начал падать. Примерно в двух милях от пляжа им предстояло коснуться воды. Некоторое время ветер протащит их по поверхности. Затем вода наполнит корзину. В конце концов, корзина утонет, и тридцать два человека окажутся в воде. Десять из них вообще не могли плыть.

Мун, главный офицер-электронщик предложила:

— Капитан, я неплохой пловец. Я пойду, если ситуация требует.

— Бог да благословит вас, — ответил Сильвер.

Минуту спустя она шагнула за борт с высоты десять футов. Сразу же воздушный шар рванулся вверх. Но четыре минуты спустя капитан был вынужден искать другого добровольца. Спаркс сказал, что пойдет, хотя он был не совсем готов.

— Вы трус! Почему вы не доброволец? — завопила на Сильвера миссис Ховард.

— Мадам, я капитан. Капитан всегда последним оставляет судно, находящееся в бедственном положении. Это древняя традиция, — ответил Грейхарт.

Спаркс сидел на краю корзины, держась одной рукой за веревку, глядя на Сильвера.

— Передайте моей жене, что я люблю ее, даже если она армагеддон на колесиках. И ещё передайте ей, есть чековая книжка с заначкой, спрятанная за картиной Максфилда Пэрриша[82] в гостиной. Я имею тайный счет. Только не говорите ей, если я доплыву. Она убьет меня.

— Обещаю. И с моим благословением.

Спаркс выпрыгнул из корзины. Воздушный шар взлетел вверх. Но не надолго.

— Мы собираемся прыгать? — спросила Джилл.

Грейхарт покачал головой.

[82] Максфилд Пэрриш (1870—1966) — американский художник и иллюстратор, знаменитый многочисленными работами на сказочные и мифологические сюжеты. Пэрриш — автор собственной живописной методики, которая заключалась в использовании лишь четырех основных цветов: синего, сиреневого, желтого и черного. Комбинацией из этих цветов он добивался нужного оттенка, а разделением слоев лаком — объемности изображения.

— Спрыгну следующей, и не смей говорить «нет». Ты знаешь, что я неплохо плаваю, милый. Я также трусиха. Я ждала, что кто-то ещё сам вызовется. Но я думаю, добровольцы закончились...

— Ты не трусиха. Это я трус, — прошептал он, обнимая ее и прижимая к себе.

— Не обманывай себя, милый. Ну, пока. Я люблю тебя.

Джилл, как представляется, имела все шансы доплыть. Акул видно не было. Она сделает это.

Несколько минут спустя Сильвер попросил еще волонтеров. На этот раз, так как побережье было всего в километре, Салмонс и ещё четыре члена экипажа отправились за борт. Воздушный шар поднимался быстро... и достиг берега. Пляж и низкие холмы за ним простирались на сто футов, а дальше поднимались холмы. Дальше виднелась долина, усеянная обломками скал. Некоторые из них, как вскоре признал Сильвер, были резными каменными головами, которые сделали остров Пасхи столь интригующим.

Воздушный шар начал опускаться, и фигуры на другом конце долины стали более четкими. Большие каменные головы возвышались по всей долине. У подножия одной происходила, как представляется, жертвенная церемония. Сотни полураздетых полинезийцев танцевали вокруг каменной головы под удары барабанов и пение флейты. Женщина лежала распластанной и связанной на каменном алтаре. Над ней стоял человек в плаще из перьев, на нем был высокой головной убор из перьев же.

Сильвера не встревожила эта мрачная картина. Вокруг танцоров стояло несколько камер и стульев для главных актеров, директора и продюсера. Люди из массовки стояли вокруг, актриса сидела на стуле, в то время как женщина добавляла штрихи к макияжу жертвы. За невысоким холмом раскинулась целая армия палаток, фургонов и грузовиков.

— Вот и конец нашего путешествия! — объявил Сильвер. — Мы идем на посадку через минуту. Корзина может опрокинуться, поэтому все перейдите на эту сторону. Теперь не паникуйте. Просто повисните на ободе. Воздушный шар протащит нас немного. Но, слава богу, есть много помощников, чтобы остановить нас.

К тому времени киношники увидели приближающийся шар. Они все перестали танцевать; барабаны и флейты замолчали. Мужчина, наверное, директор, побежал к ним, гневно крича и размахивая руками. Когда воздушный шар подлетел ближе, Сильвер услышал крики директора:

— Прочь! Уйдите, черт возьми! Губите сцену!

— Извините. Мы не можем, — прокричал Сильвер.

— Конец! Крах! Я застрелюсь!

Только теперь Сильвер понял, куда их несет. Корзина приближалась к вершине каменной головы.

— Пригнитесь! — заорал он.

Таинственная древняя статуя неслась им навстречу. Сильвер пригнулся. Корзина ударилась о камень с оглушительным грохотом. Сильвер был ошеломлен. Но он почувствовал, как опрокидывается корзина. Он выскользнул из нее. За ним выкатились остальные. Он первым выпал из корзины. Грубый вулканический камень наждаком прошелся по коже, а удар о землю, казалось, выбил ему все зубы. Другие упали на него, выбив из него дыхание. И, как Сильвер узнал позже, сломав ему несколько ребер.

Через туман и боль он увидел корзину, вдруг освободившуюся от многих тел, вернувшуюся в вертикальное положение. Её край скользнул по подбородоку статуи. И воздушный шар унесся в небо. Но не все покинули шар. Господин и госпожа Ховард вцепились в снасти мертвой хваткой и теперь уносились ввысь. Их бледные лица выражали отчаяние, и их крики вскоре растаяли в небесной лазури вместе с быстро поднимающимся шаром. Затем директор киносъемочной группы встал над бесформенной кучей извивающейся, стонущей человеческой плоти.

— Я подам на вас в суд! Я вас засужу.

— Ты идиот, ты не понял, что к тебе прилетела куча бабла? — пробормотал Сильвер, перед тем как потерять сознание.

Глава 27

Сильвер был прав. Кинокомпания ФАРТ (Феерические Артисты, Режиссеры, Технологии) продала фильм о посадке

воздушного шара в сети новостей после того, как история крушения АЦ-49 стала известна во всем мире. Кроме того, компания купила эксклюзивные права на интервью Сильвера, в то время как он еще не вполне пришел в себя, и сам не понимал, что подписывает. Сделка была не слишком выгодна для него, но на новый бионический протез денег как раз хватило.

Все это выяснилось позже. Тем временем в больнице к Сильверу присоединились Джилл, Флаэрти и другие члены экипажа, которые успешно доплыли до берега. Грейхарты провели в больнице два дня. Потом они переехали в «Хилтон Рапа-Нуи», расходы за отель оплатила кинокомпания. Джилл позвонил ее отец, который был рад, что его дочь жива, в экстазе, оттого, что не придется платить за нее огромный выкуп. Что касается судна и его груза, потери покроет страховка.

Микобер испытал несколько болезненных моментов, однако, когда Джилл обвинила его в попытке разрушить ее брак, отрицал это категорически. К сожалению, не было никакой возможности проверить исповедь Агоцелли через Ховардов. Их подобрал корабль в двадцати милях к востоку от острова и доставил в Лос-Анджелес. Там они исчезли, без сомнения, при содействии отца Джилл.

— Я действительно сказала это ему. Я поклялась, что если что-то мутное, вроде этой истории, случится снова, я автоматически предположу, что он стоит за этим. И тогда он никогда не увидит и не услышит меня снова...

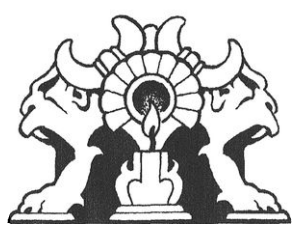
— Вам обоим стоит остыть, — вздохнул Грейхарт. – Пригласи его сюда и тепло прими его.

Позже Джилл сказала:

— Папа обещал мне, что ты получишь новую команду, как только будешь на ногах. Он не рад этому, но он знает, что случилось бы, если он попытался быобвинить тебя в потере судна.

— Здорово! После этого беспорядка, я уверен, наша жизнь будет сплошной сладкой песней. Я истратил весь запас своего невезения, — пробормотал Грейхарт, улыбаясь жене.

Во взгляде Джилл читалось глубокое сомнение...



ОГЛАВЛЕНИЕ

ДРЕВНЯЯ АФРИКА 5
Хэдон из Древнего Опара 6
Бегство в Опар 242

АЙРОНКАСТЛ 481

СИЛЬВЕР ГРЕЙХАРТ 639
Часть первая 641
Часть вторая 701
Часть третья 755

116839 26496 7БЦ 30 шт

ФИЛИП ХОСЕ

ФАРМЕР

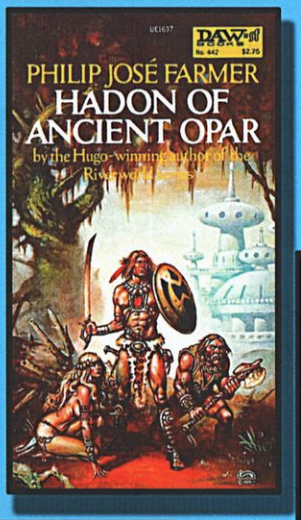
ДРЕВНЯЯ АФРИКА

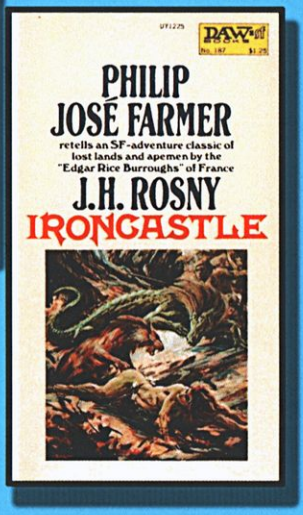
+16

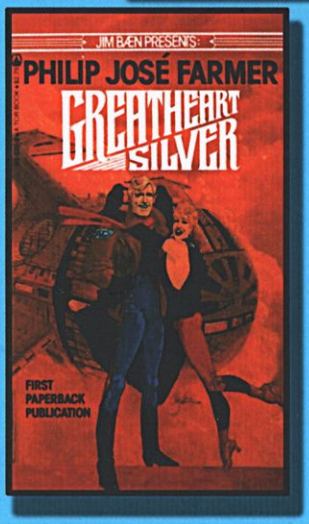
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственный редактор *И. Кремнев*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *В. Кудрешов*
Корректор *И. Жигалова*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ







ISBN 978-5-93835-626-9

·Северо-Запад·